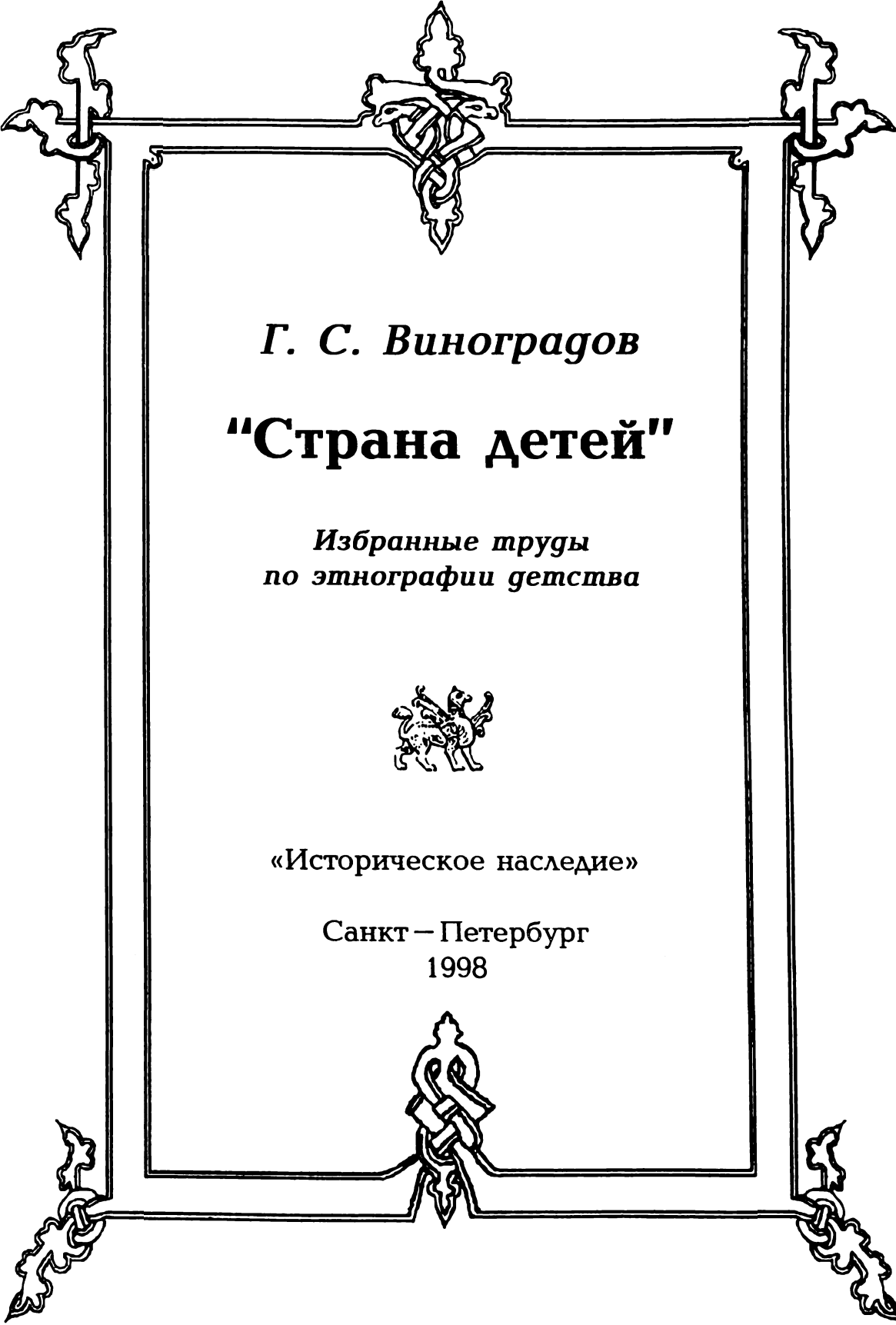

Г. С. Виноградов

Страна детей

Г. С. Виноградов

"Страна детей"

*Избранные труды
по этнографии детства*

«Историческое наследие»

Санкт — Петербург
1998

ББК 63.52(2=Рус)
™В 492

Составление, био- и библиография
А . В . Г р у н т о в с к о г о
подготовка текстов и комментарии
А . Ф . Н е к р ы л о в о й
архивные материалы
В . В . Г о л о в и н а

Редакция благодарит за помощь в подготовке настоящего
издания:

Сергея Владимировича Григорьева,
Антонину Николаевну Мартынову,
Кирила Васильевича Чистова,
Виталия Васильевича Комина.

В сборнике использованы публикации:
Ю . И . Б а л а н д и н а , О . А . А к у л и ч ,
Т . Д . З ы р я н о в о й , В . В . К о м и н а .

Дизайн и верстка
В . А . М а т р о с о в а .

ISBN 5-7452-0028-6

© А.В.Грунтовский, 1998г., составление,
био- и библиография.
© А.Ф.Некрылова, 1998г., подготовка
текстов и комментарии.
© В.В.Головин, 1998г., архивные материалы.

«Неведомую страну населяет недолговечное племя, каждый представитель которого живет 12-14 лет. Оно имеет свой жизненный уклад, общественность, определенный круг знаний, довольно своеобразный язык, свое искусство. Это племя наиболее первобытно из всех, изучением которых этнография занимается и должна заниматься; оно очень мало интересуется отношением к нему соседствующих и совместно живущих народов, которые мнят себя вышестоящими, более культурными и т. д. Как и всякая народность, племя это испытывает на себе влияние других — и добровольно, и, вследствие того, что слабосильно — поневоле [...] «сильный народ» шлет к нему не всегда понимающих свои задачи просветителей...»

Так, более 70 лет назад, писал Георгий Семенович Виноградов (1886-1945), замечательный русский ученый. Значительная часть трудов Георгия Семеновича погибла в годы войны и при иных обстоятельствах. Другие его работы, ставшие основополагающими для целых направлений отечественной фольклористики и этнографии, были преданы забвению.

Настоящее издание воспроизводит наиболее существенные работы Георгия Семеновича, посвященные этнографии детства. Вторую часть книги составляют публикуемые впервые архивные материалы, дающие представление о недошедших до нас трудах ученого. В третьей части — жизнеописание и библиография сохранившихся работ (в том числе неопубликованных).

Большой интерес к наследию Г. С. Виноградова проявился после организации «Виноградовских чтений». Первые чтения состоялись в Санкт-Петербурге в апреле 1987 года, и с тех пор проходили почти ежегодно.

Издатель.

Детский народный календарь.

(Из очерков по детской этнографии)

«Не только зрелый возраст, но и юность и детство имеют собственную ценность и совсем не могут быть рассматриваемы только, как переходы и мосты.»

В истории каждой науки бывают моменты, когда проблемы и вопросы, до сих пор стоящие в центре внимания, на время как бы затушевываются, отодвигаются на задний план, а на их место выдвигаются и делаются очередными новые проблемы и вопросы. Знает такие моменты и история этнографии. Так, в настоящее время возникает целый ряд частных этнографических вопросов, постановка и разработка которых настойчиво диктуется потребностью дня. Например, встает вопрос о создании центрального этнологического института, ставящего задачей подготовку образованных администраторов для работы среди туземных племен и народов.¹ Выдвигаются «новые задачи российской этнографии в полярных областях»² и т. д. Наконец, к этнографическим изучениям вынуждена обратиться и современная педагогическая мысль, ставя тем самым перед этнографической наукой новые проблемы и задания. И среди многих новых тем, выдвинутых жизнью на первый план, одно из важных мест занимает изучение детской жизни.

Наша художественная литература издавна уделяла не только огромное внимание детской психологии и детскому быту. Нужно ли напоминать Толстого с его «Детством», Тургенева и его «Бежин луг», и всю эту галерею детских образов, вплоть до Чеховской «Детворы» и «Моего современника» Короленко. Еще более обострен этот интерес к детской жизни и детской психологии в современной литературе. И литература предреволюционной поры, и литература наших дней настойчиво обращаются к воспроизведению детского мира и переживаний ребенка. «Детство» — Горького, «Жизнь Ивана» — Демидова, «Котик Летаев» — Андрея Белого, «Младенчество» — Вячеслава Иванова, «Детство Люверс» — Пастернака, «Детство Никиты» — А. Толстого и целый ряд других. В связи с этим, быть может, уместно упомянуть и о недавней попытке сибирского беллетриста, Ис. Гольдберга, отобразить в призме пере-

живаний «деревенского парнишки» события недавних дней партизанской Сибири. Имею в виду рассказ «Человек с ружьем» в сборнике «Закон тайги».

Вслед за художественной литературой большое внимание уделяют вопросам детской жизни психология и лингвистика. Но эти исследования, имея специальные цели и задания, вынуждены оставлять в стороне целый ряд существенных сторон детской жизни, и восполнение этих пробелов Немыслимо без помощи этнографии. Необходимо полное научное содружество в этой области. Оказывая взаимные услуги, две научные дисциплины — психология и этнография — выиграли бы в своих достижениях. Этнография может воспользоваться психологическими объяснениями многих явлений, подлежащих ее изучению,³ а, в свою очередь изыскания специалистов по детской психологии, надо думать, были бы плодотворнее, если бы опирались на данные этнографии. Школьное строительство (в полном и широком смысле этого слова) не может опираться только на психологические исследования. И в педагогической литературе уже неоднократно высказывалась мысль о необходимости тесной связи с этнографией. Эта связь особенно остро ощущается в наши дни, когда так настойчиво и властно приковывают к себе внимание вопросы социальной педагогики. Педагогика должна опираться на этнографию.

В самом деле, и в теории, и в практике, педагогике неизбежно приходится иметь дело с детским бытом. «В детских мыслях, утверждениях, привычках, действиях, интересах отражаются те бытовые пласты, которые создают общую среду, влияющую на ребенка. Элементарный анализ этого понятия указывает на их совместное одновременное существование, а, следовательно, и на влияние. Есть пласт — страна, и мы утверждаем это, говоря «русские дети», есть близкий пласт: деревня, город, причем играет роль центр, окраина, фабрика и т. д.; и есть, наконец, семья. Только разобравшись в отражениях этих бытовых пластов на ребенке, мы сможем подойти к его индивидуальности.»⁴

«Разобраться в отражениях бытовых пластов» — это значит сначала распознать, а затем снять наслоения, закрывающие индивидуальность ребенка. Но такая серьезная операция приведет к нужным результатам при условии, если она будет производиться под непосредственным руководством специалистов по быту — этнографов.

Таким образом, выясняется необходимость обратить внимание на достижения этнографических изучений, в частности, на изучения детского быта. Ознакомление с накопленными материалами по данному вопросу убеждает нас в том, что, хотя они собраны далеко еще не полно, но все же их достаточно для то-

го, чтобы можно было поставить вопрос о выяснении их качества и количества, иными словами — вопрос об упорядочении их.

До сих пор эти материалы имели, в сущности, запасное значение, так как собирались не планомерно, случайно, без ясно поставленной цели — «про запас». Теперь пора дать отчет в сделанном, свести к некоторому единству накопленное и, в связи с этим, поставить вопрос о планомерном пополнении пробелов.

При выполнении этой задачи оказывается, что отдельные стороны детской жизни освещены достаточно полно, другие едва затронуты, иные даже не намечены. Больше всего проявлено интереса (не говоря об изучении детского языка) к детским играм, игрушкам и забавам. Здесь мы имеем и довольно солидные материалы, имеем и ряд программ для их изучения.⁵ Отчетливо выражен интерес и к детскому фольклору: имеется значительное количество записей, опубликованы программы собраний,⁶ в частности, предметом особого внимания делается детская песня в целях использования ее в педагогической практике.⁷ Начинает, наконец, привлекать следователей — правда, еще не специально, а попутно — и поэтика детского словесного творчества.⁸

Как видим, только отдельные вопросы и стороны детской жизни являются предметом изучения. Вся же совокупная, в полном объеме, область детского быта еще не стала объектом систематического изучения. Те же материалы по детскому быту, которые имеются в научном обороте, не только не охватывают вопроса в его целом, но скорее разрушают это целое, вырывая из него отдельные части и не связывая их в живое единство. Отсюда и недочеты в изучении частей, привлечших к себе внимание наблюдателей. Детские игры, песни и пр. не могут изучаться без знания *общих условий* детской жизни; их следует изучать не вырванными, а в условиях реальной обстановки, реальной жизни со всеми ее элементами, во всех ее проявлениях. Детская жизнь — не соединение частей, а живое единство. Без грубого нарушения этого единства невозможно оторвать песню от игры, игру от этики и т. д. и т. д. Нужно целостное изучение детского быта. В целях сосредоточения внимания детский быт должен быть обособлен при изучении. На такой мысли необходимо остановиться при сколько-нибудь внимательном подходе к делу.

Ценны и интересны признания Кершенштейнера.⁹ Изучая художественное творчество детей, он писал; «Мне казалось, будто я путешествую в новой, неведомой доселе стране, стране полной бесчисленных красот, в стране детей, которые со всей прелестью и обаянием их неподдельной натуры дают всё чем

природа их наградила».

Резче подчеркивая высказанную мысль, может быть, несколько утрируя ее, мы можем сказать, что эту «новую», «неведомую страну» населяет недолговечное племя, каждый представитель которого живет 12-14 лет. Оно имеет свой жизненный уклад, свою общественность, определенный круг знаний, довольно своеобразный язык, свое искусство. Это племя — наиболее первобытное из всех, изучением которых этнография занимается и должна заниматься; она очень мало интересуется отношением к нему соседящих и совместно живущих «народов», которые мнят себя вышестоящими, более культурными и т. д. Как и всякая народность, племя это испытывает на себе влияние других — и добровольно, и вследствие того, что слабосильно — поневоле. Отношение к нему «сильного народа» целиком напоминает отношение европейцев к народам не европейских культур: «сильный народ» шлет к нему не всегда понимающих свои задачи просветителей; на этой почве бывали серьезные столкновения (вспомним «каманчей» и «апахов»), делались грубые вторжения, посылались карательные отряды...

В таком виде, или, лучше сказать, в такой форме легче всего представить обособленность детского быта. Внимательнее присматриваясь к нему, можно убедиться, что в этой форме мы имеем не утрировку, а лишь подчеркнутость обоснованной мысли.

В самом деле. Быт создается различными причинами; среди них значительную роль играет и психика творцов и носителей быта. Не анализируя причин иного порядка, сейчас — имея в виду детский быт — остановимся только на последней. Детская психика имеет много особенностей (потому то и выделена психология детского возраста). Можно сказать а priori, что в силу даже одного этого, быт детей всякого народа будет иметь свои особенности. И здесь говоря о праве детского быта на внимание, быть может, следует напомнить басню о двух зеркалах, которую рассказал Анатоль Франс.¹⁰ Дети воспринимают мир и окружающую жизнь таким образом, как это позволяют им их познавательные средства. Искажена ли картина мира и жизни у детей? Она отлична от картины мира взрослого человека, а искажена ли, кто это скажет...

Вывод из этого тот, что детство — его мир и быт — имеют свои особенности, в силу которых должен быть выделен для особого изучения ряд специальных вопросов, которые можно объединить термином детская этнография. Эти априорные положения подтверждаются фактическими наблюдениями над детской жизнью.

Детский быт не только резко отличается или имеет самобытные черты, но детская жизнь резко обособляется от жизни

взрослых.

Есть игры взрослых и есть игры детские; те и другие, имея много общего, разнятся друг от друга настолько, что изучаются порознь. Есть песни детские и есть песни взрослых людей; те и другие, имея общее, разнятся на столько, что их при изучении разделяют. Такое сопоставление можно делать, имея в виду и другие объекты этнографических изучений. В результате детская этнография отмежевывается от этнографии общей.

Конечно, тесной связи между ними отрицать нельзя: «детская этнография, — по словам Gabaпay'я, — по большей части верное отражение этнографии взрослых». Но детская этнография — не только сколок; она имеет вполне самобытные, не встречающиеся у взрослых, особенности и черты, обуславливаемые совокупностью особенностей детского возраста.

Надо иметь в виду, что и сколок с жизни взрослых не есть копия последней: дети не так воспринимают художественный образ, как его воспринимают взрослые, их представление о мире не тождественно с представлением взрослых. Поэтому детский быт нельзя рассматривать только, как отражение или сколок с жизни взрослых. Он создается не только под влиянием взрослых. Некоторые стороны детского быта вырабатываются мало того, что независимо от взрослых, но в результате противоборства с взрослыми, как это отмечают чуткие художники-бытописатели. Более того, если детский мир испытывает на себе влияние мира взрослых, то есть факты, указывающие на обратное влияние: детский язык держит под своим влиянием некоторые элементы языка взрослых (слова, прозвища).

Детская жизнь в народной массе имеет особые моменты. Ребята живут и сознают себя обособленным миром. Игры независимы от участия взрослых; учатся играм, наследуя их не от «больших» непосредственно, а от «своего брата», учатся плясать — и опять-таки не у взрослых, но часто в величайшей тайне от них; познание окружающей природы также далеко не всегда совершается под влиянием и руководством «больших».

Жизнь взрослых в сознании детей связана с их собственной жизнью только в отдельные моменты, например, большие их бьют, кормят... Взрослые чаще всего — посторонние этой жизни люди, которые иногда даже «мешают». Родители, даже мать, это не столько непосредственно желательные участники детской жизни, сколько «большие маяки» на море детской жизни. Такой отчужденности двух миров соответствует приметная особенность устно-народного творчества: в народной поэзии детям интересующего нас возраста (когда они имеют свой быт) очень мало уделяется внимания.

«Дети — не у шубы рукав»...

«Чо он понимает — детско дело»...

Правда, в колыбельных песнях говорится о ребятах, но говорится не столько о ребятах в их настоящем, сколько в будущем.

Обособленная многими отличительными чертами, детская жизнь должна, в целях обстоятельного изучения, сделаться отдельной, самостоятельной ветвью этнографической науки. Изучение детского быта достигнет желательных результатов, когда исследователями будут приняты во внимание отличительность и самобытность детского мира.

Не забывая связанности жизни взрослых и жизни детей, мы, тем не менее, должны в познавательных целях обособить последнюю.

Обособление, как мы видели, не только возможно (материал, подлежащий изучению, легко подвергается такой операции) но неизбежно. Наука возможна благодаря упрощению изучаемых явлений: ведь, если не понимать вещи проще, чем они есть, то их вообще, совсем нельзя понять.

Еще довод: как во всякой науке, в этнографии весьма желательно применение принципа разделения труда. Практически это не только полезно, но и необходимо: один имеет больше данных, чтобы успешнее подойти к изучению хозяйственной жизни народа, другой — религии, третий — детской жизни и т. д. «Внутри себя» этнография имеет достаточно мотивов обратить внимание на детский быт.

Этнографы, изучая культуру народных масс, мало интереса проявили к процессу унаследования культуры одними поколениями от других, уходящих со сцены. Этнографы имеют мало материалов для суждения, каким путем мы вступаем во владение культурным богатством, добытым ранее жившими поколениями. Мы изучаем все явления культуры в том, говоря условно, законченном виде, в каком они представляются нам у сошедшего со сцены поколения или у поколения, наследовавшего ему. Остается пустое место, не освещенный вопрос: каким путем происходит это унаследование — передача и принятие.

Различные явления культуры передаются из поколения в поколение при их смене. Полный хозяин достояния прошлого, старшее поколение, готовит себе приемника, которым является новое поколение. Когда, как, при каких обстоятельствах наследник входит во владение?

Когда молодые люди «приходят в возраст», они уже многое знают из окружающей жизни, многие вопросы жизни ими (или для них) разрешены и т. д. Очевидно, процесс унаследования (в некоторой, быть может, основной его части) совершил-

ся раньше, — в детском возрасте. Нужно изучать этот вопрос, чтобы суметь ответить на поставленный в общей форме вопрос.

Понятно поэтому, что детский возраст имеет вполне самодовлеющее значение. Четкую формулу этой мысли дал знаменитый германский философ-поэт, чьи слова поставлены мною в эпиграфе.¹¹

Может быть, термин детская этнография способен возбудить возражения, но едва ли что-нибудь мешает считать его вполне приемлемым в качестве рабочего термина. Он является расширением уже принятого в специальной литературе термина «детский фольклор». Необходимость в таком расширении чувствуется при всякой попытке наметить программу изучения детской жизни. Можно указать на недавний пример Богораза, который, предлагая программу по изучению детского фольклора, вынужден тут же говорить о фигурах из бечевки на кистях рук, о детских кулаках, «хотя они и не относятся к фольклору».¹² В этнографической литературе этот термин не является непривычным: им пользуется, например, Gabnai в своей работе *Ungarische Kinderspiele*.

Пока мы имеем только частичные наблюдения над отдельными сторонами детской жизни; для изучения детского быта в его целом еще не предложено ни методики наблюдений, ни детально разработанных программ собирания материала, ни методов разработки. Да и накопленный материал не приведен в известность, не подвергался оценке. В этом заключается главное препятствие на пути к научной постановке вопроса.

Наиболее полную картину детской жизни мог бы дать обстоятельно составленный написанный детский календарь. В известных в этнографической литературе народных календарях детский быт буквально тонет, теряется. Будучи выделенным, он открыл бы многие стороны детской жизни. Такой календарь нужен, и составление его не представляет невозможной задачи.

Предлагаемый ниже набросок детского народного календаря составлен из материалов, собранных мною в селах и деревнях Тулунского (бывшего Нижнеудинского) уезда, Иркутской губ., главным образом, в Тулуне и его окрестностях. Моей усердной сотрудницей в собирательской работе была Софья Федоровна Гущина. Некоторые из приводимых здесь сведений относятся к Урульге, Забайкальской области (в тексте это оговорено каждый раз особо). Они доставлены мне Е. И. Титовым. Мелодии записаны по моей просьбе в Куйтунской волости (Тулун у.) у И. С. Хромовских, воспроизведены для настоящего издания Д. А. Болдыревым-Казарином. К сожалению, вследствие технических трудностей пришлось ограничиться воспроизведением только небольшого количества нотных записей. М. К. Азадовскому я обязан добрыми советами и цен-

ными указаниями.

Опубликовать календарные сведения по всему годовому кругу в данный момент не представляется возможным, как вследствие недостатка места, так и по другим причинам. Поэтому сейчас ограничиваюсь только этим беглым наброском.

Январь, 1-е число. Еще накануне, 31 декабря, на самом исходе старого года, перед закатом солнца, матери, на вопрос детишек, скоро ли придет новый год и «где он таперичи»¹³ говорят:

— Близко, совсем близко, ... вон тамо-ка, за лесом уж... Вот как уснете, он и придет.

— Скоро уж спать?

— А вот поедим свиные ножки — и спать.

С наступлением глубоких сумерек зажигают в избе огонь. Вытащит мать горшок или «чугунку» из печи, и начнут справлять традиционный Васильев вечер. В Васильев вечер, «накануне» Нового года, за ужином едят вареные свиные ножки. В иных местах в этот вечер варят и овечьи ножки (с. Гадалей и др.). Из длинных косточек ребята делают «фуфарки» называемые в разных местах неодинаково: фуркалки, фурфалки, жужжалки.

Новый год. «Ешо заутреня в Новый год не кончитца, а ребетишки — вдвоем али втроем — уж бегают по избам, «подпевают»:

Сею-вею посеваю,
С Новым годом поздравляю —
Со скотом, с животом,
Со пшеничкой, с овсецом.
Ты, хозяин — мужичек,
Полезай в сундучек,
Доставай пятак —
Нам на орешки,
Вам на потешки.
Здравствуйте, хозяин с хозяйшкой!

(с. Шарагул)¹⁴

Ребятам дают кто копейку, кто две; дают и блин или аладью. Тапери мало бегают, раньше бывало больше, хошь и не столь, как христославов в Рождество.»

* В продолжение всех дней до Крещения «ребятня» гадают и ворожит, подражая молодятнику.

* Крещение (6-ое число). «После ирдани как попы уйдут, устраиваютца (как и в Новый год) конские бега.» Десяти-

двенадцатилетние мальчуганы принимают живейшее и ответственное участие в качестве наездников; об этом хорошо рассказано в работе Е. И. Титова — «Конские бега в Восточном Забайкалье».¹⁵

После Иваного дня (7-ое число) «прядут посиденки», на которых девочки непременно участницы. «Как опрядем, чай пьем. А потом играть примемся всяко; и «в клетки» и «в уголки», а то на улице — «в лягушки». Играли в лягушки: «рубашонки рукавами на ноги наденем, а ушей — подвяжем, а то и голову в рубаху же, ... ну и скачем... А то и ноги за уши и опеть как-нибудь карабкаясь, быд-то лягушка. Другой раз дак и на улицу таким родом выползишь.» **

В куклы тоже играли. «Прежде девочки как-то долго с куклами играли. Идешь на посиденку, несешь прялку и везешь повозочку с куклами. У меня — как сейчас помню — чуман был. Веребочку подладишь и везешь.» *

До наступления теплых весенних дней продолжают зимние игры. У девочек главным образом, куклы, у мальчиков — уличные забавы. Предвестницей весны можно считать Масленку. В общем веселье принимают участие и дети. Катаются с катушки на лотках, санках, телячьих шкурах, вениках, возят друга друга по очереди, катаются и на лошадях. Все кругом поет — поет и детвора частушечный мотив: **

Мы на масленке катались
И наделали беды:
Цыганенка задавили,
Нам надели кандалы.
Кандалы забрякали,
Мать с отцом заплакали.
Ты не плачь, мать-отец:
Нас погонят как овец.

Гуляют, обильно угощаются «большие», усиленно кормят и ребят, говоря: «Мясоедов ушел, скоро придет Киселев», или: «Мясникова заперли, скоро выпустят Киселева», намекая тем самым на наступление поста.

В прошшонный день в иных местах устраиваются конские бега; мальчуганы нужны в качестве седоков. *

Как только появятся первые вешны лывы, ребята спускают лодочки (обыкновенно из коры тополя), кораблики, бродят по лывам в обуви и босиком. Позже, с появлением первых проталин, детвора, вооруженная топориками, долотами, ножами, идет в ближайший лес кулупать серу, добывать из-под снега бруснику. *

Вербно воскресение. С «большими» или одни, по их пору- *

чению, ребята идут рано утром к церковной службе по вербу. Наиболее интересный момент для них — получение вербы и особенно — возвращение домой, когда они ею «хвошшут» друг друга, приговаривая:

Верба крес —
Кверху лезь,
Верба шти
Кверху расти...

(д. Пьянова)

Или:

Верба хлес —
Бьет до слез,
Верба бела —
Бьет за дело,
Верба красна —
Бьет напрасно.

(Тулун — поселок)

* Великий четверг. Этот день ознаменовывается «стоянием на двенадцати евангелиях», после которого несут огонь из церкви домой. Выходя с горящими свечами, озорные мальчуганы тушат огни у прохожих.

В этот день ребята красят бабки, спуская их в горшок с распаренным луковичным пером или веничным (березовым) листом; красят их и «куксином» (фуксин), синькой, «синенькой» (копировальной) бумажкой».

Пасха. «Ребята словно выросли, преобразились. И плохонькие одежонки выглянули новыми и нарядными.»¹⁶

** При звоне колоколов ребята высыпают на улицу. Одним из любимейших занятий является в это время катание пасхальных яиц. Вытаскивают с вышки или с пятер, так называемую «катальницу» (желобок), выбирают полянку, покрытую прошлогодней сухой травой; устанавливают катальницу на подпорках под некоторым углом к горизонту и начинают катать яйца. Сначала все «раскатывают» по одному яйцу. По серой травке поползут красные, синие, зеленые, желтые, рябенькие яички — и бесшумно остановятся, «лягут» по два, по три, поодиночке... Соблюдая очередь, ребята катят затем по второму, по третьему яйцу, стараясь задеть им чье-нибудь яйцо, лежащее на травке. Задеть — значит выиграть чужое яйцо. Счастливый игрок, по правилам игры, может катать до тех пор, пока не «промахнется». Случается, хоть и редко, что кто-нибудь выигрывает сразу весь первый «загон». Такого игрока на следующий раз уже не

принимают в игру, говоря: «Ты опять все выиграешь, не надо тебя». Играют долго, иногда до поздней ночи.

Если же нет «каталки», то «стукают» об лоб, с таким уговором: если мое яйцо разобьется, то оно твое, а если нет, то ты свое мне отдаешь. Хитрые мальчуганы стараются ударить «носиком» (наиболее острым концом яйца), ну а простоватые бьют чем попало, и чаще всего проигрывают.

В Забайкалье (Урульга) тоже «бьются». Ходят оравы с «битком». В первый день ломают только «носок», во второй — носок и «пугу». Хороший биток можно выбрать из мелких яиц («спаришки»); пробуют, поколачивают о зубы: если звук ровный со всех сторон — биток хороший; бока дребезжат — хуже.

Другим любимым занятием на Пасхе является «качюля». Ребятишки побольше сами устраивают качулю, ну а маленькие просят старших: «Повесь качулю, повесь качулю», «Весят» обыкновенно под сараем или на воротах и качаются с утра до вечера, распевая:

Раскачайте, раззыбайте —
Я скажу вам жениха:
Сане — Кузиньку,
Тане — Витиньку.

Если качается одна девочка (в таком случае она стоит на середине доски), то она поет:

Я качаюсь, нарываюсь —
Мне не надо жениха.

На другой и на третий день Пасхи девочки ходят в гости к подругам «на качулю» и, веселые, целый день распевают на ней. Бывает, что поют не одну песню, а каждая свою, стараясь не спутаться и не «подтянуть» своей подружке. Получается громкая, визгливая разноголосица — и все заливаются хохотом.

Мальчуганы не столько заняты на качелях, сколько играют в бабки.

Ребята постарше стараются держаться подальше от «мелюзги», «валташатся кала больших», которые привлекают их к участию в своих играх — «собирать бабки»; у них же «большие ребята» покупают и бабки.

— Кузька, тащи мне бабок на копейку!
— А сколько?

Кузька до семи считать не умеет. Парень его учит:

— На три пальца клади по две бабки, а на четвертый — одну.

*

На копейку, стало быть, «три пары (или три гнезда) с бабкой»...

Ребята — «среднюшки», играя сами, стараются привлекать излюбленную компанию «мелюзги», распоряжаясь ими так же, как ими распоряжаются старшие.

Большие ребята и «среднюшки» играют в бегову лапту, а «мелюзга» и девочки во «всяк свою ручку», чаще всего отдельно, а иногда соединяются в одну компанию.

В продолжение всей пасхальной недели крестники ходят христоваться со своим крестным или крестной, несут им крашеные яйца. Те «отдаривают» крестника деньгами «на орехи» или дают «на рубаху».

* Родительский день. Ребята, обыкновенно мальчики, толкуются укладбищенских ворот среди нищих в ожидании получить от кого-нибудь «на помин души» крашеное яичко, блин или ложечку «панафиды».

Май. Деревенская детвора не знает месяцев по названию; исключение сделано для апреля и мая — может быть, потому, что существует обыкновение 1-го апреля «обманывать»; в этот день говорят: «первый апрель — никому не верь». Название следующего месяца закреплено в детской шутке:

— Скажи: май.

— Май.

— Я п...у, ты поймай!..

* Вскоре после Еремея Запрягальника (1-ое мая) начинается пахота. Ребятишки привлекаются к работе в качестве «шишкарей». «Большие» с пашни привозят домой ребятам выпаханные саранки (луковицы лилий). Впрочем, и сами ребята, как только сойдет снег, бегут на пашню или куда-нибудь поближе с топорами, косорями и капарулями копать саранки (чаще всего — *Lilium Martagon* L)¹⁷.

Пьют березовку, выдалбливая топорами на стволе березы «лунки». Если береза сочная и березовка скоро накапливается в лунку, хлебают ее чайными ложками; если притекает медленно, то сосут через соломинку. Набирают ее в котелки или чашки, принесенные из дому, и относят родным. Украдкой озорные мальчуганы «портят» у товарищей лунки, помочившись в них.

Родные, отпуская ребят по березовку, «наказывают» им, чтобы они не опились ее, иначе у них отнимутся ноги.

Ребята в это время делают свистульки из черемуховых и талиновых (*Salix* sp.) прутиков, и свист стоит целый день в воздухе.

* С наступлением дня Матери Елены (21 мая) или немного раньше сеют репу. Как узнают али увидят ребята, что баба по-

шла репу сеять, и зачнут петь «репку»:

Уродися, репка.
Ни густа, ни редка,
С мышый хвос(т)
С тараканий нос...

Делается это с целью испортить посев репы. К концу месяца березовка «застывает». Ребята обдирают кору ножами, сечками (небольшой обломок фарфоровой посуды) и стеклышками и скоблят «сок». Добывают также лиственничный и сосновый сок. Наевшись досыта, ребята не забывают и родных: в бересте приносят наскобленного соку домой.

В мае, даже раньше, появляются цветы: «подснежники», (пострел, *Pulsatilla patens* Mill.), свинячье молоко или просто — молочко (одуванчики, *Taraxacum officinale* Wigg.), из которых девочки плетут венки и ходят «разряженные» целыми днями.

В с. Худоелани ребята, расщипнув стебелек этого растения, берут его в рот и, упираясь кончиком языка в расщепленное место, говорят:

«Бабка, бабка, завей кудри». По мере повторения этих слов стебелек расщепляется все дальше, а концы его загибаются спиралью; это и есть просимые кудри... Когда «свинячье молоко» отцветет и превратится в «пушинчики», ребяташки играют в отгадки. Сорвав одуванчик или наклонившись над ним, один другого спрашивает: «петух или курица?» или: «поп или попадьа?» и дуют на него. Если пушинки от дуновения разлетаются все, это — попадьа (или курица); а останется гребешок из пушинок — поп (или петух). Если спрашиваемый отгадает, то дает «колотушку» спрашивающему; а не отгадает — сам ее получает. Позднее, в июле и августе, то же самое проделывается с метликой.

*

Цветут медунки (*Pulmonaria mollis* Ledeb). Ребята старательно ищут их и съедают каждый цветок. Корешок тоже очищается и съедается. Предпочитаются голубые цветы, потому что в них, по мнению ребят, больше меду, а в красных, думают они, есть отравы.

Цветут черемуха, смородина. Ребята «пробуют» молодые листочки смородины, «цвет» черемухи.

Появляются пучки или пиканы (*Archangelica decurrens* Ledeb, et *Heracleum barbatum* Ledeb). Ребята целыми днями ходят по пашням и ищут их. Не распустившиеся еще маковки с «семечками» съедают, а из «дудки» делают брызгалки, которыми обливают прохожих.

В это время — разгар купания. Отважные мальчишки на-

чали купаться уже в конце апреля. Теперь купаются все. Многие проводят целый день в воде. Замерзнув, выбегают греться на песке или около костра; посидят на корточках, накрыв мокрую спину рубашонкой или штанишками — и снова лезут в воду.

Чтобы избавиться от воды, налившейся в уши, прыгают на одной ноге по берегу и, наклоня голову то в ту, то в другую сторону, и прижимая к уху ладонь руки, приговаривают в такт прыжкам:

*

Шлюшка бабка, постигонка
Дай бох скокнуть — перевыскокнуть.

Или:

Мышка, мышка,
вылей воду
На свинячую колоду!..

(с. Гадалей).

Устькадинский вариант:

Мышка, мышка,
Вылей воду
Под горячую колоду —
Коням на болтушку,
Свиньям на кормушку.

Дождей в это время выпадает мало. Каждому дождичку рады «большие», а за ними и ребята. Как только пойдет дождь, они громко кричат:

Дожжык, дожжык, припусти,
Мы поедем за кусты
Богу молиться,
Кресту (или Христу) поклониться,
У креста (Христа) сирота,
Отворяй ворота,
Ключиком, замочком,
Шелковым платочком...

(г. Тулун).

Другая песенка:

Дожжык, дожжык, пушше,
Дам тебе гуши,
Выйду на крылечко,
Дам огуречка...

Дам и хлеба каравай —
Сколько хошь понужай.

Вариант:

Дожджык, дожджык пушке,
Дам тебе я гуши,
Дам тебе и ложку,
Хлебай понемножку.

Ребята никогда не перестают выполнять различные домашние работы и поручения «больших». Теперь они кормят подрастающих цыплят и караулят их от ястребов и коршунов. Завидев коршуна, ребята в голос кричат:

Коршын, коршын колесом,
Твои дети за лесом
Серу кулупают,
Нам не дают...
(Пауза; затем, усилив голос)
Мы калачики пекем,
Да имя не даем

(Куйтун, Хаихта, Барлук, Усть Куда).

Вариант:

Коршын, коршын колесом,
Твои дети за лесом,
Курица — в амбаре,
Петух — на базаре

(Тулун поселок).

Еще:

Коршын, коршын,
Ж... сморщил,
Курицу украл,
Петуха потерял.

Некоторые умеют отличать коршунов от ястребов: «коршын пестрее и у них глаза горят». Завидя ястреба, кричат:

Ястреб, ястреб яшшычком,
Твои дети горят,
Тебя кричат,
Не таскай цыплят.

Июнь в жизни детворы мало чем отличается от второй половины мая. Ребята заняты шелканьем крупных листьев черемухи, черемши (*Allium victoriale* L).

Из куколя (*gittago segetum* Desf) делают куклы для «мелюзги». Срезают ровненько у сорванного куколя корешок: иголкой боярышника прикрепляют венчик красивого, яркого цветка, это — дамская шляпа. Два боковых листа куколя, тоже украшенные цветами — руки, а остальные три — платье куклы.

Среди мальчуганов распространено мнение, будто в разгар лета воробьи бывают самые жирные; многие убивают их и добывают жир, которым мажут себе *repis*'ы: «лучше расти будут».

Часто ребята ловят божьих коровок и, положив на руку, распевают:

Божья коровка,
Ты лети на небо,
Принеси нам хлеба...

(Рабочая Слобода в Иркутске).

Или:

Божья коровка,
Ведро — иль ненастье?

(Тулун-поселок).

Если жучок полетит — к ведру; если на месте останется — погода в ближайшие дни не изменится; если «коровка» поползет, ненастье будет (из детских примет).

В начале июня ребята бегают в поле и в лес за «свечками» (молодые побеги сосен), полевым луком (*Allium prostratum* L) и чесноком. Начатая весной рыбная ловля (преимущественно «уженье») продолжается.

В приречных поселках можно наблюдать, как дети, отправляясь «рыбачить», составляют артели. Одни члены рыболовной артели «загоняют рыбу», другие — удят, третьи собирают рыбу, «наживляют» червяка или насекомого. Добычу делят поровну.

Иногда отправляются «рыбачить» на ночеву (на всю ночь), заранее накопают червей (при этом считается полезным свистеть — для обеспечения улова), и до начала рыбалки держат их в банке с землей, чтоб не умерли. Девочек с собою не берут, да и, вообще, не любят «с девчонками возиться». Уходят на речку до утра, ночью греются у костра. Озорные мальчуганы часто вытаскивают из морды, поставленной поблизости от места их стоянки, рыбу и выдают ее за свою добычу. Попадается такой рыбак — получает крепкую «здуфку» от хозяина морды или от своего отца. Часто «рыбалка» совмещается с пастьбой лошадей. Чаше рыбалка совершается днем; иногда она связывается с пастьбой коров, овец. В деревне Заваль (на Оке, Тулун) ре-

бята проводят дни на приречной лужайке; одни пасут овец и коров, другие удят рыбу, третьи рисуют на береговых скалах кровавиком фигурки птиц, змей, человечков. ¹⁸

*

У девочек своя работа: они заняты поливкой и полотьем в огородах, помогают «ходить за скотом», встречают его из «посева» и т. д., выполняют обязанности нянек.

Часто, собравшись в кружок на полянке перед домом, девочки-няньки и их подружки рассказывают сказки. Кроме тех сказок, которые они знают от старших, они сами создают сказочные образы и целые сказки. К сожалению, на этот материал мало обращено внимания. В моем распоряжении имеются показания, относящиеся к данному вопросу. Вот один из известных мне случаев. В крестьянской семье две девочки — пяти и семи лет; они придумывают и рассказывают сказки о живых куколках, которые образуются под землей из закопанных «сечек». При закапывании нужно соблюдать тишину и затем все сохранить в тайне; через год появится живая куколка, которая движется и говорит. Иногда живые куколочки находятся в бугорках. Чтобы вызвать их на поверхность, увидеть их, нужно потрогать бугорок беленькой палочкой. Девочки верят в существование созданных куколок, сами закапывают в землю «сечки» и ждут.

Играют в клетки, устраивая их около заборов. Клетка отгораживается скамейками — досками, положенными на чурбашки. Устраивается стол из доски, роль посуды играют все те же «сечки», кирпичи делаются коровами. Готовят обеды, ходят в гости делают «кушанки» — печенье из глины, посыпая их семенами белены (*Hiosciamus niger* L), начиняя мясом — гнилушками и т. п. Обыкновенно мясо покупается в лавке. Оббитые в кружок сечки или «китайки» (обертки от «фамильного» чая) — деньги, которыми дорожат в особенности. В клетки натаскивается всякая всячина и раскладывается всюду. Старшие, наблюдая это, говорят:

*

- Ишь, как гуси — линючие осенью: сколь чиво возле их...

Играют в «свадьбы», имитируя отдельные моменты обрядности; венец — банный ковш и проч.

Кроме игр-импровизаций, в большом употреблении так называемые формальные игры: в городки, в бабки, в бегову лапту и т. д. Это — мальчишеские игры. Девочки играют в них редко, и то не самостоятельно, а с парнишками. Охотниц играть бывает не много, потому что подружки, за участие в мальчишеских играх, дают обидное прозвище: «парняшница», «парнишница».

Некоторые «парнячи» игры видоизменяются в зависимости от тех или иных наличных условий. Так и теперь — в раз-

гар лета. Обыкновенная игра-импровизация «в кони» видоизменяется: кони теперь питаются сеном — хвоей.

Любимым занятием ребят в это время можно считать бега. Урульгинцы, по сообщению Е. И. Титова, точно воспроизводят всю картину конских бегов, причем роль денег играют обложки кирпичного чая, обертки от конфет.

Не менее часто ребята бегают «в бегава», то есть просто состязаются в беге.

В конце недели и в начале июля в огородах поспевают овощи. Ребят в особенности привлекает горох, но добывать его приходится хитростью, так как, не говоря уже о том, что его охраняют хозяева, в горохе живет полудница (или «колудница болудница») — старая, лохматая старуха, она ловит ребят, берущих овощи и давит их. Подходя потихоньку к гряде с горохом, ребята зовут ее:

Колудница-болудница,
Съешь меня!

По представлению ребят, она не все время находится в огороде. Если при зове ее ничего, внушающего опасения, не заметно, смело идут к гороху. А если покажется «полудница» или только зашевелиятся от ветра листья гороха — стрелой утекают из огорода.

Ребята — сказать попутно — знают, что и подполья не остаются без обитателей. Там живут суседушки-братанушки — добрые, ласковые звери с серой пушистой шкуркой; они живут в каждом подполье, являются хозяевами дома и покровителями ребят; там же живут кикиморы — умершие некрещеными или мертворожденные дети, схороненные в подполье — злые, часто пугающие детей из-под печки или из подполья.

Июль. Пospели ягоды. Детвора целые дни проводит или в лесу или на залежах, собирая клубнику, землянику, смородину, синие ягоды, или голубицу. Едят ягоды до отвалу, «таскают» их домой.

Начинается косьба. Ребята помогают «большим» на покосе: варят обед, помогают грести сено.

Многие начинают (с 10-11 лет) косить.

Работа — не всегда привлекательное времяпрепровождение. Любимое занятие — кувыркание в сене. В промежутках между уповадами ребята ищут грибы и ягоды, ловят лягушек, с которыми проделывают всякие штучки, надувают их через задний проход, пока не лопнут, отыскивают птичьи гнезда, за которыми охотятся, впрочем, все лето, берут из них яйца, птенцов и забавляются ими.

С Ильина дня, 20 июля, рекомендуется бросать купанье, но обычно ребята купаются значительно дольше. В течение всего периода купания, «едят блины», т. е. бросают плитки или камни, стараясь, чтобы брошенная плитка или камень, задевая «верхушки» волн, «чикали» по ним. Каждый всплеск воды на гребне волны — блин.

В конце этого месяца в описываемой местности настает дождливый период. Когда дождь «зарядит» надолго, ребята по избам и шалашам начинают скучать. Выйдут на двор и поют (вернее сказать: хором кричат) общераспространенную песню:

Дождик, дождик перестань,
Мы поедem на расстань
(в варианте: за растань).

Напев и конец те же, что у приведенной выше песни.
Обращаются к солнцу:

Солнышко, солнышко,
Выгляни в окошечко —
Дам тебе веретешечко,
Насыплю горошечка.

Наступают дождливые дни, поспевают грибы. Дети бегают по лесу в поисках за ними. Жарят грибы на кострах: некоторые, например синявки, съедаются сырыми. Помогают «большим» запастись грибы на зиму.

Август. Начинается жатва. Дети и здесь помогают, чем могут: носят воду жнецам, свозят снопы домой и в клад и т. д. Поспевает картошка. Урвав свободную минуту, бегут на картовище отыскивать балаболки (плод картофеля), из которых делают игрушки. В балаболку втыкают перышко и пускают по воздуху. Забава старинная. В показаниях стариков встречаются такие заметки: «интерисовались пошто-то голубиным перышком: залезаешь на пятры (там голуби жили), а то на лету где потеряют голубок перышко — возьмем...»

Конец лета, начало осени. Приметные календарные даты для основных работ этого времени — Иваны Гнуты (29 августа) и Семены Нохтодуи (1 сентября)¹⁹. Уборка овощей из огородов, с полей: ребята здесь незаменимые помощники.

В течение всего лета мальчуганы занимаются ловлей птиц, главным образом, воробьев и голубей. Теперь это занятие — в центре внимания. Способы ловли очень несложны: берется ящик, лукошко, таз, сито, ставится одним краем на подставку, к которой привязана длинная веревочка, проведенная куда-нибудь за угол, чтобы можно было за ним спрятаться наблюдателю. Ловушка «настораживается» дном кверху. Под нее насы-

пается овес, ячмень и т. д. Птички налетают под ловушку. Подставка выдергивается. Дело остается только за тем, чтобы уметь взять пойманных птиц в руки. Устройство клетки несколько сложнее. На небольшой доске укрепляется четыре колышка, в которые упираются расщепленными концами палочки, образуя четырехстенную клетку. Сверху клетка прикрывается, но не плотно, дощечкой, поставленной на легко вылетающую подставку. На подставку прикрепляют приманки, различные для каждого вида птиц: например, синички «идут» на сало, зяблики — на хлеб и т. д. Влетит птичка под приподнятую доску, дернет приманку, уронит подставку — и готово: доска запрет клетку.

Осенью жизнь ребят едва ли не самая бесцветная. Работ становится меньше (шишкари отборонились в конце лета, картошки, капуста убраны). Идет молотьба. Парнишкам, да и девочкам и тут работа находится: они гонят лошадей, подтаскивают снопы и пр. В лес ходят только за бояркой и черемухой — да и то редко и не везде; другие ягоды уже выбраны. Обыкновенно стоит ненастье. Изредка «проветриваются» ясные дни; детвора высыпает на улицу — «проводжает лето». Многие идут в школу (в училищшу) обыкновенно с Покрова (1 октября).

Наконец. зима. Зимние игры-забавы заметно отличаются от летних. Далеко от дому ребята не забираются, проводят время на улице и во дворах. Облежится снег, установится зимняя дорога — ребята обзаводятся санками или лотками.

Гоношат «каки-нибыть некорысны» коньки, употребляя на них все свое умение, и катаются целыми днями. Играют большей частью в формальные игры: ключку, говяжь и т. д. Делают катушку. Играют в снежки или просто толкают друг друга в снег, стараясь получше «сняться», т. е. получить лучший отпечаток на снегу; закапывают друг друга в снег. Катают в санках друг друга по очереди, возят младших.

Девочки проводят время больше дома, играют в куклы, устраивают им дома; укачивая их, поют:

Вот увидели кота
Два солдата из окна,
Оне хлопнули окном,
Побежали за котом.
Кот от видит, что беда,
Ему деться некуда,
Он к Маше под кровать
Маша ходит — уныват
Да котишку закрыват.

Поется на мотив колыбельной песни.

Играют в камешки. Рассказывают сказки. Те сказки-импровизации, о которых я говорил, продолжают и теперь, только в них включаются изменения: куколки живут уже под снегом и вечерами выходят кататься на маленьких санках. Те же девочки: пятилетка и семилетка, рассказывают свои сказки о Латьке. Она — голубоглазая не то девочка, не то женщина — злой дух девочек, мешающая им хорошо делать игрушки и пр. Собираются вечерами около «огонька» (около топящейся печки, горящей лучины или лампы) шутки шутить, сказки сказывать, петь песни...

Ребята делают «балалайки» из доски, натягивая на нее «суровые нитки»; играют и напевают:

Трымка, трымка, балалайка,
Не моя жена Паранька,
Моя — Настенька,
Распузатенька,
По печурке лазила,
Титьки сажей мазала.

Вариант:

Тринди, бринди балалайка,
Не моя жена Паранька,
Моя — Настенька,
Распузатенька,
В трубу лазила,
Титьки мазала,
Выходила за ворота,
Всем показывала,
Побежала за реку,
Показала старику.

Иногда устраиваются своеобразные концерты, в которых роль барабанов выполняет заслонка, а другие музыкальные инструменты заменяются гребешками; если нет гребней — лучинками. «Наяриваются» плясовые мотивы. Мелодия плясовой песенки несложна. В этих концертах даже маленькие ребяташки высказывают умение «подголашивать» (вторить).

Под такую музыку находят желавшие плясать. Танец маленьких ребят очень прост: они или подпрыгивают, или, переминаясь с ноги на ногу, речитативом повторяют песенку импровизацию:

Тятке-мамке не скажу,
Что жениться я хочу.

Или:

Гирька пала, гирька пала —
Не пойду я замуж.

В разгар веселья ребята поют:

Дуй, дуй Дунька,
Поддувай, Акулька!
Ты не будешь поддувать,
Тебя мать будет ругать...

Ребятишки постарше умеют плясать «казачка», «русского». Некоторые девчурки знают «кадрель».

Танцам ребята учатся обыкновенно во время гулянок взрослых, а затем, в большой тайне от них, они упражняются наедине. Чтобы научиться плясать, нужно одной плясать — или в черной бане, или во хлеве. Когда во хлеве пляшешь то нужно петь:

Дедушка сарай,
Научи меня плясать!
Здесь никто меня не видит,
Одне овцы глядят.

Вдвоем нельзя плясать, а то толку не будет.

* Декабрь. Перед наступлением святок, примерно после Спиридона Солнцеворота (12-е декабря), дети объединяются в немногочисленные артели «христославов» или славельщиков. Собираются в избе, в зимовье или бане у кого-нибудь из участников артели, спеваются. С наступлением праздника, с раннего утра, как только в церкви на утрени запоют тропарь праздника, ребята бегут «христославить». Придут в избу, спросят, можно ли «Христа прославить», и поют известную рождественскую песню. Отдельные места ее неграмотные ребята переиначивают; например, вместо: «Земля вертеп неприступному приносит» поют: «Земля ветепному преступному приносит», или вместо: «волей же со звездой путешествует» — поют: «волки со звездой патишествуют»; или поют: «в небе звиздам служаший» вместо: «в нем бо звездам» и т. д. Кончают обыкновенно припевом:

* Не дадите пятака —
Мы корову за рога,
Не дадите гривну —
Мы коня за гриву. ²⁰

Иногда поют такие припевы:

Славите, славите,
Сами, люди, знаете —

Я пришел к вам не так,
Дайте мне пятак.

Или:

Маленький вьюнчик,
Сел на стульчик,
В дудочку играет,
Христа прославляет.

Еще:

Были мы в городе,
Видели чудо великое;
Ангелы запели,
Апостолы загремели.
Мы этого чуда испугались,
До вашего дому едва добрались.
Подайте же большим — на орехи,
А маленьким — на потехи.

Наиболее организованные группы ходят со звездой.

Нередко интересу двух или нескольких артелей скрещиваются: возникает, напр., вопрос: кому вперед отславить в таком-то доме?.. В больших селах — из-за территории, из-за улицы происходят схватки. Каждая артель поэтому заинтересована в том, чтобы в числе участников иметь кого-нибудь посильнее. Условия, на которых участники входят в артель, не всегда одинаковы, особенно в пункте, предусматривающем дележку «выславленного». То же самое можно сказать об артелях «славельщиков», которые в новый год ходят по избам и «сеют».

Подают деньги, подают и печенье, блины. Не все охотно принимают блины. Озорники, выйдя из избы, кладут на дверную скобу полученный блин. Его подхватывают собаки, «до крови» обрывая языки о холодное железо...

Игры на святках отличаются от игр остального времени. Куклы, веретешки убираются, потому что во время святок по земле бегают шулюканы. Это — очень веселые чертенята. Они утаскивают у ребят куклы, веретешки и пр., могут задавить ребятшек, особенно если те будут подшибать ногой шевяки, за которыми шулюканы прячутся (они очень малы ростом), или поздно вечером ходить по деревне.

*

Ребята «машкаруются» подобно взрослым. Парни и девки «мелюзгу» с собой не берут. В больших населенных пунктах, как Тулун, взрослые идут в «собрание»; мальчуганы пробираются туда же и от скуки хулиганят, а потом воспевают свои происхождения в песенке, которую откуда-то «подхватили» на годах:

Наш товарищ был Егорка,
Купил билет на галерку.
Весело было нам

(2 раза; повторяется после каждых двух строчек).

*
Первым делом на галерке
Закурили мы махорки.
Мы с галерки полетели,
Лаптем барыню задели.
В каталашку нас погнали,
Только лапти засвиркали...
В каталашку посадили,
Трое суток не кормили,
Трое суток не кормили,
Да по двадцать пять вкатили.
Нам по двадцать пять вкатили
И в больницу положили.
Нас в больницу положили.
Калачами нас кормили,
Калачами нас кормили
И на волю отпустили.

По-прежнему катаются с катушек и на коньках. Дома играют в лягушки, бирюльки, поют песни, рассказывают сказки, импровизируют, творят сказочные образы. Показывают и зарисовывают («зачеркивают») теневые фигуры; получают коровы, зайцы, кони, мельницы и др.; завязывают мудреные узлы, предлагая их развязать. Говоря «частоговорки» вроде таких:

Туп, туп тупогуп,
У быка губа тупа.

Колпак на колпаке,
пол-колпака гороху.

Рыла свинья тупорыла,
Вырыла из-под рыла,
Вырыла крынку молока,
Поставила возле старика.

Загадывают загадки:

В небо дыра, в землю дыра, посредине огонь, по бокам вода (отгадка: самовар).

Безокон, бездверей полна горница людей (отгадка: огурец).

Стоят вилы, на вилах — мешок, на мешке телега, на телеге привешены грабли, на телеге — мост, на мосту — земля, на земле — лес, а в лесу свиньи роются (отгадка: человек).

Вечер обыкновенно заканчивается какой-нибудь размолвкой. Утомившись загадками, пляской, песнями, кто-нибудь предложит сказку про белого бычка.

Начинающий спрашивает у соседа: «Рассказать тебе сказочку про белого бычка?» — «Ну, расскажи!» — согласится кто-нибудь. Тут начинается мучение: что бы ни сказал согласившийся послушать эту сказку, искуситель повторяет его слова. Даже молчание не освобождает беднягу от назойливости рассказчика. «Ты молчишь, я молчу. Рассказать тебе сказочку про беленького бычка?» Только «заклик» взрослых кладет конец этой шутке.

Даже этот, поневоле краткий и поверхностно выполненный набросок детского народного календаря определяет характер материалов, которые надлежит собрать и изучить.

Всякое этнографическое явление должно изучаться в его природных условиях: вопль при похоронах, украшение с одеждой или убранством, песня — при соответствующей обстановке — словом, наблюдение, констатирование и передача в записи или рисунке должны согласоваться с принципом, который укладывается в народную формулировку: «красна сосна, где выросла»...

Этнограф наблюдает жизнь детей в их «натуральной» обстановке, в большой или малой группе ~ в массе. Целью поисков этнографа служит, выражаясь языком биологов, «чистая культура»: он дорожит сведениями, получаемыми от людей, которые менее всего испытали на себе сторонние влияния (в программах этнографических изучений почти всегда рекомендуется обращаться преимущественно к людям неграмотным). Углубляя наши требования в этом направлении, мы, естественно, обращаемся к источнику, быть может и менее богатому содержанием, зато наиболее чистому, беспримесному. Обращаясь к изучению детского быта с целью выяснить общие вопросы этнографии (напр., вопрос об унаследовании культурных накоплений из поколения в поколение, о вращении детворы в обстановку и быт взрослых), мы имеем в виду, что факты и явления детской жизни во многих случаях менее заслонены, проще, обнаженнее. Эта обнаженность этнографических явлений особенно ярка в жизни детей, не обремененных школьной эрудицией. Это же обстоятельство надо иметь в виду при специальном изучении детской жизни. Исследователю, занятому, подобно Кершенштейнеру, изучением детского рисунка, интересующемуся, в частности, вопросом: «как развивается у необученного ре-

бенка способность графического выражения?»²¹, большую услугу оказали бы наблюдения этнографов: в их распоряжении и должны иметься материалы, образцом которых могут служить рисунки на скалах ребятишек из д. Завали, о которых уже было упоминание.

При этнографическом изучении детского быта мы имеем дело почти всегда (едва ли не чаще, чем при экспериментировании) с несомненной «духовной собственностью» детей.

При изучении детского возраста этнограф фиксирует то, что дети непринужденно свидетельствуют сами о себе. Сообщенные здесь отрывочные календарные данные дают возможность судить, какие культурные накопления делаются детьми при прохождении годового цикла повседневных событий, каким опытом они обогащаются в продолжение одного года.

Сделав попытку мысленно охватить по возможности все стороны детской жизни путем составления беглого наброска календаря, мы имели возможность подчеркнуть наиболее заметные элементы детского быта.

Раньше всего обращают на себя внимание детские *песенки*, приурочиваемые к тому или иному случаю, затем *песенки плясовые, колыбельные, песенки-импровизации*, затем — исполнение их, наигрывание мотива и т. д. Здесь переплетаются вопросы изучения детского фольклора (в узком значении слова) и детского *музыкального творчества*: построить ткань звучаний, интонировать звучания — это и есть музыкальное творчество.²² Приводимые здесь *скороговорки, приметы*, упоминаемые *загадки* и т. д. дополняют фольклорный материал и ставят на очередь разработку детской *поэтики*.

Называемые здесь *игры* основываются на этических воззрениях участников, выполняются при соблюдении *уговора* (игры-импровизации) или правил (так наз. формальные игры) — этих неписаных законов, к которым с уважением относятся и люди взрослые. Здесь мы входим в область вопросов, связанных с изучением *норм обычного права*. Не только игры, но и кратко отмеченные в статье организации детских артелей (рыболовы, христославы и пр.) говорят о необходимости ставить вопрос об изучении *общественной жизни и правового быта* детей.

Участие в сезонных работах, многие из игр-импровизаций и другие обстоятельства сталкивают детей с многими явлениями и вещами в природе; в результате получается непрерывное накопление *знаний окружающего мира*. У детей наблюдаем попытки классифицировать наблюдаемых насекомых, растения, птиц. Привести в известность эти эмпирическим путем полученные знания — задача, произвести которую очень полезно в теоретических, и особенно практических целях.

Инвентарь детского внешнего быта содержит архитектурные сооружения (дома, церкви), скульптурные изображения (деревянные куклы, животные из глины, некоторые виды «кушанок» и пр.) музыкальные инструменты («досчатая» балалайка, дудочки); это заставляет нас говорить о детском искусстве. Сюда надо прибавить детские рисунки, какие наблюдаем, например, на Скоропинском камне, рисунки являющиеся несомненной «духовной собственностью» завальских художников — «пастушишек».

Поверхностно обрисованные здесь образы полудницы, кикиморы, шулюканов, должны обратить внимание на детскую мифологию. Какое-то значение в унаследовании мифологических образов должны оказать раньше всего колыбельные песни. Материнская поэзия говорит о буке, старике Бабае; ими же пугают ребят и после. Позже под различными влияниями создаются названные выше образы и одновременно вырастают образы лисички, которая посылает ребятам покрытые плесенью корочки хлеба, лесного, который уводит ребят. Это — образы демонологии взрослых, но здесь они — в детском преломлении. Они слагаются, когда приводят к некоторому единству культурное наследие, полученное от взрослых (по-своему, в согласии с детским мышлением переработанное) и накопленные детские восприятия мира. Здесь нужно обратить внимание на индивидуальное мифотворение детей.

Неясно воспринятый образ они дорисовывают (вспомнив, что Владимира Соловьева деревенская детвора сочла за «боженьку»). Они не только воспринимают и дорисовывают образы, но и сами создают их (вспомним детские *genius loci*, затем Латьку и «живых куколок», о которых упоминается в этой статье).

*

Дети умеют не только создать свой или дорисовать данный образ; они — поверим Льву Толстому²³ — умеют облечь созданные образы в художественную форму.

Набросок календаря содержит немало обиходных слов и более или менее специальных обозначений, известных только детям (об условном языке не говорю), термины в порядках и правилах игр. Это наталкивает на мысль о составлении детского словаря той ли другой местности. Вообще помощь, которую этнограф может оказать лингвисту в изучении детского языка, была бы весьма желательной.

Таким образом определяется в самых общих чертах объем и содержание понятия детской этнографии, намечается программа этнографического изучения детства и темы очередных очерков.

Примечания:

1. П. Островских — Охрана первобытных племен в связи с поднятием экономической жизни окраин. «Жизнь национальностей» 1922, №6(135).

2. Под таким названием напечатал небольшую статью В. Г. Богораз, П.1921.

3. На возможность взаимных услуг этнографических изучений и исследований психического мира детей этнографы уже обратили внимание. См., между прочим, рецензию В. Н. Харузиной на книгу Revesz'a — Rassen gund, esteskrankheit. Этнографич. Обзорение 1907, стр.98-101.

4. С. Т. Шацкий — Школа для детей или дети для школы. «На путях к новой школе» 1922, №3, стр.29.

5. Укажу в порядке опубликования: 1) Вл. Богданов — К изучению игрушки. Программные заметки. Этнограф. Образование. 1912, №1-2, стр.222-229. 2) О. И. Семенова-Тянь-Шанская — Программа сообщения сведений о быте крестьян (в очерках, напечатанных под заглавием «Жизнь Ивана»). Записки Р. Г. О. по отделению этнографии, т. ХХХІХ, 1914, стр. 199 и след. К сожалению, программа эта, охватывающая многие стороны детской жизни, осталась незаконченной и опубликована в наброске. 3) А. Мелков — Несколько указаний для собирания народных игр. Живая старина 1916, приложение №6, стр. 103-104; 4) Н. А. Мелкова — в статье «Игры киргиз», стр. 44-46. Труды Оренбургского Общества изучения Киргизского края, вып. 1, 1921; 5) Программа изучения кукол (по статье Холла). Л. Оршанский — «Игрушки», М, П. 1923, стр. 150-155.

Для полноты списка более или менее разработанных программ укажу свою небольшую работу — «К изучению народных детских игр у бурят». Иркутск, 1922?

6. Тан-Богораз — Программа наблюдения над бытом местного населения. «Сборник программ школьных наблюдений над природой». П. 1922; стр. 123-126 и сл.

7. Кроме нескольких сборников, указываемых А. Финагиным в «Русской песне», П. 1923, назову Я. Мексина, который составил, под редакцией А. Е. Грузинского, сборник для детей младшего возраста — «Русские народные песни». М.1919. В 1923 г. этот сборник вышел вторым изданием. Покойный Н. А. Янчук составил для детей (к сожалению, до сих пор не вышедший из печати) обширный сборник русских народных песен (тексты и мелодии).

8. Имею в виду книжку Р. Якобсона — Новейшая русская поэзия. 1921.

9. Развитие художественного творчества ребенка. М. 191 , стр. 14-15.

10. «Книги и люди», М., П., 1923, стр. 51-52.

11. Menschliches, Allzumenschliches. I Aphor. 207.

12. См. уже названную программу Богораза, стр. 126.

13. Передача особенностей местного говора в настоящей статье проведена далеко не безукоризненно. Интересующихся этой стороной моих записей отсылаю к работе Виноградова и Черных — «Русские говоры центральной части Тулунского уезда Иркутской губернии», изд. Иркутского научного Музея, Иркутск, 1924. Там читатель найдет и объяснение местных и малоупотребительных слов.

14. Вариант приводится в моих «Материалах для народного календаря» (Иркутск, 1918), стр. 6. Из них делаю здесь, в этой статье, некоторые позаимствования. См. также примечание 20-е.

15. Сибирская Живая Старина, вып. II, 1924.

16. «Пруд» Алексея Ремизова. Пятая глава первой части этого произведения натолкнула меня на мысль собрать материалы по детскому народному календарю.

17. В Забайкалье это происходит, по словам поэта-сибиряка, ранней осенью. В. Михеев — Песнь о Сибири (М. 1884), стихотворение «На ургонах».

18. О Скоропинском Камне (д. Заваль) см. в «Этнограф. Бюлет.» В.-Сиб. Отд. РГО. 1923, МЗ., стр. 16-17.

19. Эти два обозначения календарных дат записаны в Кежме на Ангаре.

20. Этот же припевок исполняется и при новогоднем «подсевании».

21. Кершенштейнер — назв. сочинение, стр. 8.

22. Финагин — назв. соч., стр. 68.

23. Педагогические статьи. «Кому у кого учиться писать» etc.

Детская сатирическая лирика.

I. Заметки и наблюдения.

Детский фольклор не пользуется особым вниманием собирателей и исследователей. В этой области мы имеем только случайные записи да несколько больших этнографических сборников, где среди прочего материала нашли приют и разнообразные детские песенки, присловья, прибаутки и пр. Таковы собрания Чубинского, Шейна, Соколовых; из сибирских собирателей можно назвать Арсфьева, Станиловского, Молотилова.

Поскольку можно судить, опираясь на эти немногие материалы, детский фольклор не является чем-то односоставным или однородным. Термином *детский фольклор* можно обозначить *всю совокупность словесных произведений, известных детям и не входящих в репертуар взрослых*¹.

К детскому фольклору мы относим жеребьевки и считалки, некоторые скороговорки и прибаутки, многие песенки, рацейки и тексты рождественского славения, потешки, песенки заговорного характера и т. д.

В этих видах словесных произведений не трудно заподозрить не только связь с общим фольклором, но и прямое влияние творчества взрослых. Благодаря такой связи иногда стираются и не всегда улавливаются границы между общим фольклором и детским словесным творчеством. Отсюда—отсутствие договоренности во взглядах на детское словесное искусство. Так, одну из разновидностей, обычно относимую к детскому фольклору,—именно песенки о разных домашних животных, насекомых и зверях,—Шейн отказывается включить в „разряд детских песен“. Песни о животных „в значительной степени потеряли интерес в среде народа для людей старших поколений“. Если они сохраняются, то лишь потому, что являются „самым желанным, самым удобным и подходящим средством занимать и забавлять приятным образом своих и чужих малюток... Если эти малютки, выросши и возросши до отроческих лет, сами с удовольствием начинают часто употреблять эти самые песенки и прибаутки, то это обстоятельство никоим образом не дает еще нам права выдавать их за такой памятник народного

*

творчества, по которому будто можно изучать язык, быт и психическую жизнь крестьянских детей“².

Считая это замечание не лишенным оснований, невозможно все же принять его целиком. Не говоря уж о том, что дети перенимают от взрослых только доступное им, близкое, отвечающее их настроению, нельзя не иметь в виду, что названный вид фольклора, идущий в детскую среду от взрослых, в отношении темы, образов, языка, мелодии очень близок детскому миру. Поэтому мы имеем право говорить о нем, именно как о детском фольклоре.

Эти замечания относятся и к так называемым потешкам, т. е. словесным произведениям, определяемым Шейном,³ как „песенные прибаутки и приговоры, которыми дети, вышедшие из младенческого возраста, уже начинают сами себя тешить и забавлять“.

Влияние взрослых—посредственное в одних случаях и непосредственное в других—здесь несомненно. Безошибочно распознать в напеваемых или присказываемых детьми стихотворениях самобытное и усвоенное от взрослых не всегда удается; однако внимательные наблюдения во многих случаях обнаруживают в них следы творческой обработки, принадлежащей детям, или приурочение их к тем или иным потребностям, выполненное детьми.

То же надо сказать и о колыбельных песнях. Безоговорочно их нельзя относить к детскому фольклору: поскольку они хранятся главным образом детьми и поскольку дети отчасти являются и творцами в этой области, это—детский фольклор; но происхождение их, как и потешек,—не здесь, не в творчестве детей; этот вид словесных произведений создан, если не целиком, то в значительной своей части взрослыми, и только спустился в детскую среду и усвоен ею⁴.

Если во всех этих произведениях перед нами не во всем самобытный плод детского творчества, все-таки в них мы имеем произведения словесного творчества в детском исполнении, в детской редакции.

Вопрос о происхождении той или другой разновидности, о влияниях и пр. нас может занимать в данном случае меньше всего. Всякому известно, что лук (самострел)—не детское изобретение, но никто не возразит против отнесения его к числу детских игрушек. То же в словесном творчестве. Подобно тому, как, например, в области сказки позаимствования у разных народов и из разных источников не мешают нам нашу

сказку считать русской и народной, так и влияния и позаймствования не могут мешать отнесению словесных произведений, хранимых детьми и не входящих в репертуар взрослых, к детскому фольклору.

Имеющиеся в научном обиходе материалы не являются результатом систематических сборов; это только „попутные отложения“ в общефольклорной собирательской работе. Поэтому мы напрасно стали бы искать в существующих сборниках как установившуюся классификацию детского фольклора, так и относящуюся сюда определенную терминологию. А между тем, в целях упорядочения накопленных материалов и некоторого урегулирования дальнейшей работы в этой области, было бы полезно стать в строго определенные отношения к введенному до сих пор и продолжающему входить в научное обращение материалу: сделать попытку выделить основные группы и дать им соответствующие обозначения.

В общем составе детского фольклора наибольшее количество произведений, обращающих на себя внимание, относится к виду словесного творчества, называемому Шейном „передразниваниями“⁵ и „прибаутками, которыми шаловливые ребятишки потешаются и друг над дружкой и над взрослыми, издеваясь то над их именами от крещения, над их сословными, даже телесными недостатками, то над их принадлежностью к иной, не русской национальности и т. п., часто без всякого даже повода, ради одной только словесной забавы“⁶.

На этот вид словесных произведений обратили внимание и другие собиратели, например, Чубинский⁷; заметили его и сибирские фольклористы. Четверть века назад Потанин указывал на необходимость записывания „насмешливых присказок к собственным именам“.⁸ Арефьев, Станиславский дали небольшой материал из этой области.

Более других записал Молотиллов,⁹ который называет эти произведения *складнями*.¹⁰

Эти случайно брошенные обозначения не могут быть приняты в качестве терминов-названий. Они не дают общего, родового или видового, названия, не определяют строго и входящих сюда элементов. „Складень“ Молотилова может обозначать и обозначает не только то, что у Шейна названо „словесной забавой“; этим словом с тем же правом можно назвать и четкую рифмованую поговорку и стихотворное („складное“)

самое доброе пожелание и мн. др. „Передразнивания“ могут быть и в иной словесной форме, не той, которую мы сейчас имеем в виду, а „прибаутки“ бывают, как известно, не только издевательского и насмешливого характера. Самое слово указывает на *декоративное*, во всяком случае, не самостоятельное, *значение* прибаутки. А, между тем, в разбираемых стихотворениях мы имеем дело с словесными произведениями, живущими самостоятельной жизнью, несущими самостоятельную функцию. Разбираемые стихотворения содержат элемент язвительности, *издевчивости*; прибаутка говорится только „для красного словца“. Поэтому использование этого термина в данном случае не является обоснованным. „Насмешливые присказки к собственным именам“ исчерпывают только часть, и при том не самую значительную, словесных произведений, которые нас интересуют.

Такая неопределенная, невыразительная и не емкая терминология не может удовлетворить запросов изучающих с той или иной целью детское словесное творчество.

* В виду разнообразия в отношении формы, построения, содержания стихотворений, какое обнимается этим видом словесных произведений, а также в виду того, что они в своей пестрой совокупности представляют своеобразное *lanx satura*, ближе и полнее определило бы содержание, смысл и характерные особенности рассматриваемого вида детского творчества обозначение, позаимствованное у древних: *satura* или *satira*. Однако выразительный термин *сатира*, в нашем случае—*детская сатира*, звучит столь непривычно и чуждо, что на принятие и закрепление его в научном обиходе едва ли можно надеяться. Менее выразительным, но более привычным термином является *сатирическая лирика*, в нашем случае—*детская сатирическая лирика*.

Последний термин (сатирическая лирика) в наше время утратил свое первоначальное значение и в привычном для нас употреблении не достаточно полно и точно передает характер имеющейся в виду группы словесных произведений, не выражая полностью того, что мы имеем в детской лирике осмеяния. Если мы и можем остановиться на нем, то только условившись вкладывать в него содержание, связанное с понятием *satura*: „всякая всячина, поэтическая мешанина, стихотворные произведения разнообразного, часто меняющегося содержания, почерпнутого непосредственно из жизни“. ¹¹

Каждый вид или жанр словесных произведений создается и живет в определенных условиях и призван выполнять то или иное, только ему данное, назначение. На эту сторону и следует

обратить внимание при попытках уловить существенные признаки изучаемого явления и обозначить явление тем или иным словом.

В произведениях русского народного творчества наблюдатели отмечают, „сверх полноты мыслей“, отражение характерных наших свойств. „В них все есть: издевка, насмешка, попрек, словом—все шевелящее и задирающее за живое“.¹²

Это свойство—умение найти „шеделяющее, задирающее за живое“—обнаруживается уже в детском словесном творчестве, едва ли даже не в более едкой форме, чем у взрослых. Детскому творчеству ирония еще недоступна; в нем—смех жестокий, едкость ничем не смягаемая¹³. Кажется, невозможно указать, что не дает поводов для проявления детской издевчивости. Поводом может послужить одно желание „донять“. А уж если есть серьезный, для всех очевидный, повод, например, обнаруженное воровство,—затравят грубыми шутками, насмешливыми песнями.

Известно, что ссора у детей—дело почти повседневное. Достаточно возникнуть недоразумению в игре, чтобы одна группа открыла действия против другой, в один момент превращающейся во враждебный лагерь.

Сначала обмениваются колкими обидными словечками.

— А, схлюздили, схлюздили! Хлюзды! хлюзды...

**

— Да вы чо?! Ить эта ваша збрендила... Перва ить Федька закричел, што...

*

— Канешна, Федька! Канешна, Федька! Канешна, Федька! —наперебой поддерживают свои.

— У ты, Федя-медя!

И дело загорелось, все в голос закричали—запели:

Федя-медя
съел медведя,
упал в яму,
кричал маму...

Федька, чтобы отвести от себя не совсем приятное общее внимание, улучшает момент и пускает ответную стрелу, отравленную обыкновенно не менее сильным ядом, в мишень из враждебного лагеря:

Иван-балван
с калакольни упал.

Если Федька пользуется расположением „свящиков“ (близких, постоянных товарищей), они спешат поддержать его, и уж не один он, а целый—нестройный, но громкоголосый—хор вместе с ним продолжает начатый ответ:

* Ичка снес,
на базар панес;
на базари ни бирут,
Ваньку за уши тянут...

Вдруг кто-либо другой чем-нибудь даст повод обратить на него внимание, и песня внезапно меняется:

Васька-васёнак
худой парасёнак,
ножки трясутся,
кишки валакутся...

Или:

Тишка-плишка,
жена каратышка,
дети, как плети...

Смотришь—и враждебный лагерь переменял мету:

Хахол-махол
сел на кол,
с кола свалился,
в грязь павалился...

Или:

Гром гремит,
земля трисетса,
самаход
в лаптях несетса...

Следование песенок во время исполнения одной за другою иногда носит характер словесного состязания или, лучше сказать, песенного прения, весьма близкий к диалогу¹⁴. Обыкновенно состязание продолжается до истощения запаса готовых и вновь родившихся издевательских формул в том и другом лагере.

Истощится издевательский материал, начинаются повторения и без того уже не раз повторенных слов,—тогда обе стороны, не слушая друг друга, поют каждая свое...

Они взаимно насмеваются в безутышной перестрелке неожиданно и метко бросаемой рифмой, наскоро сложенной

насмешливой песенкой, уснащенной подчас ядреным деревенским словцом,—повторяют, не подозревая того, старую и из века в век новую историю:

versibus alternis opprobria rustica fudit
libertasque recurrentis accepta per annos
lusit amabiliter, donec iam saevos apertam
in rabiem coepit verti iocus et per honestas
ire domos impune minax¹⁵.

*

Интересующемуся детским словесным творчеством поучительно наблюдать, когда обе ссорящиеся и сражающиеся группы равносильны. Интересно присутствовать и тогда, когда ватага шалунов „нарывается“ на мальчугана, который талантливо „отъедается от семи собак“. Впрочем, на такого редко и нападают; обыкновенно для травли избирают „таковского“.

По тому или иному поводу пристанет к нему толпа и хором повторяет „одно по одному“ бесконечное число раз подходящее к случаю стихотворение... Попытки укрыться, спастись бегством редко удаются. Даже если и удачным будет бегство домой, то многоголосая крикливая песня будет раздаваться у самых ворот, пока „большие“ не прогонят ватагу ревунсв или пока им не надоест исполнение номера, не попадающего в цель. Один за другим ребята разбредаются, и только самый неугомонный стоит у калитки, смотрит в щелку и долго и упорно нараспев или скороговоркой повторяет отрывки из много раз исполненной хором песенки.

Едва ли встретится какой-нибудь приметный случай, подходящий повод, который затруднит найти бойкое словцо, легкую рифму, вряд ли выищется интересующее ребят событие, для „отражения“ которого не нашлось бы готовой песенной формы или не родилась бы новая.

Упоминание мальчугана о том, что в школьном общежитии подадут к обеду щи с картошкой служит достаточным поводом и определяет необходимый минимум материала для прозвища: „пшик-картошка“. Приезд из Псковской губернии определяет первоначальное прозвище „скопской“, а желание обострить насмешку, придать ей—путем усвоения мальчугану качеств или особенностей девочки—издевчивый характер перестраивает прозвище в „скопсдырь“. Во многих случаях прозвище разворачивается, принимает стихотворную форму. „Бывают также случаи,—сообщает Молотиллов,—что ребятишки, желая высмеять кого-либо, составляют специальный по адресу данной личности складень“,—и приводит в качестве примера четверо-

стишие¹⁶. Еще пример. Ребятам стала известной мечта одного мальчика сделаться капитаном,—и, как отклик, в товарищеской среде появляется эпиграмматическое четверостишие (см. в „Материалах“ № 79). Любовь к кошке закрепляет за девочкой прозвище „кошкина мать“, за которое рифмой цепляется четверостишие (№ 94).

Заподозренная „симпатия“ вызывает появление импровизированной эпиграммы (№№ 107—вариант; 108).

С целью „острамить“ товарища за кражу или другой порицаемый поступок сговариваются „положить славу“, создают, изливая свое осуждение, краткое стихотворение (№№ 37, 92). Если не найдется готовой песенной формулы, импровизируют.

Если импровизация не покажется удачной, она быстро теряется, а если хороша, складна, подходяща, т. е. отвечает общей потребности заинтересованной группы, ее без уговора или, лучше сказать, по молчаливому договору, признают заслуживающей труда быть сохраненной.

Дитя-художник, счастливый выразитель личных переживаний или настроения группы, не гонится за славой, и авторство его забывается, а пущенной им в минуту вдохновения издевке-портрету или издевке-эпиграмме выпадает завидная доля: ее подхватывают, и она делается достоянием не только группы, где она родилась, а в первоначальном виде или много раз переработанная исполнителями—в соответствии с нуждами, вкусами и дарованиями—сохраняется всем детским населением деревни, а то и переходя за ее пределы. Из определенного чувства или настроения она родилась; эти же чувства и настроения она выражает, приняв законченную форму; она всегда служит целям осмеяния, издевательства.

Таково происхождение и таковы условия бытования песенок—порождения „словесной забавы“, которые пережили несколько человеческих поколений.

Для обозначения рассматриваемых здесь детских сатирических песенок можно или принять названия в готовом виде от исполнителей и ввести их в качестве условных рабочих терминов в научный обиход или из назначения этих словесных произведений вывести для них соответствующие названия.

Дети обыкновенно не дают определенного названия исполняемому словесным произведениям. На вопрос, какую они поют песню, можно услышать: „это вовсе не песня, это так-себе... дразнилка“.

Не встретило бы больших возражений введение термина „дразнилка“ для значительной части произведений детской

сатирической лирики, если бы оно вполне выражало основную сущность и главное назначение этих произведений. Дразнилка заключает в себе шутку вообще, а в разбираемой группе детского словесного творчества непременно скрыто намерение донять, обидеть, извести человека.

Может быть, следует воспользоваться редким и далеко не общеупотребительным, но все же встречающимся в детском обиходе словом *издевка*, которое означает те самые „передразнивания“, о которых говорит Шейн. Если малораспространенность этого слова в *детском обиходном языке* как будто ослабляет право воспользоваться им в качестве термина, зато оно находит свое основание в том обстоятельстве, что это общенародное слово в живом языке нашло себе место, а затем и в способе использования и в содержании этих детских произведений. Наконец, можно напомнить, что этот термин (в несколько ином использовании) встречается и в литературе по детскому фольклору¹⁷.

В пределах этого вида можно различать: 1. *издевку-портрет* (см. №№ 56, 62, 70, 114 и др.), 2. *издевку-эпиграмму* (№№ 79, 107—вариант, 108 и др.), 3. *издевку-посрамление* (№№ 37, 78, 92 и др.), 4. *издевку-прозвище* (№№ 87, 93, 95 и др.).

Общие характерные признаки детской сатиры заслуживают того, чтобы составить предмет специального исследования. Эти страницы продиктованы желанием поделиться немногими, мимоходом сделанными наблюдениями над детским словесным творчеством. Такая скромная задача находит свое оправдание в том обстоятельстве, что даже наблюдения, произведенные в пределах сравнительно небольшого материала и не отражающие следов пристального изучения, обнажают некоторые характерные черты детской сатирической лирики.

Издевки построены на рифме, которая является одним из важнейших композиционных средств произведений разбираемого вида.

Любовь к рифмовке у детей—дело общеизвестное. Рифмуют чаще и удачнее имена и прозвища. Делается это в тех случаях, когда нужно представить чье-либо имя в смешном виде, и тогда, когда хочется придать своему обращению шуточный тон. Цепкость ребят в этом отношении поразительна. Девочка захотела присвоить себе понравившееся ей вычитанное

где-то имя *Мирра*. Как только это намерение стало известно сверстникам, родилось рифмованное прозвище: *Миронья-дыра воронья*. Достаточно ребенку обнаружить плаксивсть, он уже— „рѣва-базарна корова“, „плакса-макса“ или „плакся-макся“. Заметят, что у мальчугана или девочки выпали зубы, за ним на несколько месяцев обеспечено прозвище: „дед—сто лет“...¹⁸.

См. также в „Материалах“ №№ 1—20.

У девочек иногда наблюдается желание придать обращению или прозвищу ласково-шутливый характер.

— Ну, как бы мне тебя подразнить?—задумчиво говорит семи-восьмилетняя девочка Оле—одной из подруг, сидящих на скамеечке около дома. И, помолчав минутку, тоном осененного мыслью быстро повторила речитативом неизбежное: *Оля-боля, Оля-боля...*

Подобных этому (записанному в поселке Боровом), можно было бы привести не мало примеров. Так же родилось там прозвище: *Алеша-балеша* и многие другие.

Из того же источника вышла шутка, известная в том же поселке:

*Алеша—балеша,
Мать нехороша...*

Первоначальное рифмованное прозвище через прибавление новой части (характеристика матери) разраслось в короткое двустишие—*дразнилку*.

Путем приращения позднее добытых и оформленных материалов (характеристика отца) двустишие приняло форму шутки издевки (см. № 61).

Напрашивается мысль, не приближаемся ли мы путем наблюдения подобных фактов к разрешению (хотя бы частичному) вопроса об образовании или происхождении детских издевок. Мне кажется, что некоторый материал для ответа на вопрос о происхождении этих коротеньких произведений я нахожу в своих дневниках, где описываются случаи рождения издевок. Наблюдения над детским словесным творчеством позволяют допустить, что описанные выше стадии проходит значительная часть законченных в своем построении издевок, связанных с именем собственным или нарицательным: имя—рифмованное прозвище—дразнилка—издевка. Ср. №№ 24 и 62, 32 и 75, 35 и 72, 73; 41 и 95, 43 и 88.

Этот процесс образования издевок не всегда выливается в ту форму законченной определенности, которая напраши-

вается при обзоре накапливающихся материалов и в каком виде здесь приводится. В отдельных случаях издевка, как уже указывалось, рождается и внезапно—ex proprio. Нередко новые стихотворения получаются путем комбинирования отдельных частей разных текстов, когда старые формы и рифмы перестраиваются в иные, новые связи. Отсюда понятно наличие в издевках реминисценций из произведений книжной словесности, из сказок, песен, народной агиографии (№№ 28, 57, 70, 111 и др.). В иных случаях возможно заподозрить заимствования из частушек молодежи (№№ 78, 106 и др.)¹⁹.

*

Наряду с процессом образования издевки из более простых форм наблюдается и обратный процесс. Уже говорилось, что признаком издевки, отличающим ее от других видов детской сатирической лирики, надо считать хоровое исполнение; в одиночку редко кто (разве какой отщепенец) пользуется издевкой, исполняя ее solo. Обыкновенно, не имея возможности исполнить ее хором, пользуются элементами ходовых издевок: из полного текста стихотворения в случае надобности вынимается кусок и используется в качестве самостоятельного словесного произведения. Обычно таким куском бывает или рифмованное прозвище или—реже—дразнилка.

Наблюдения показывают, что рифмовка обыкновенно дается почти каждому ребенку; многие могут связать имя с рифмующимся словом в выразительное прозвище; не всякому дано сложное прозвище развить до дразнилки; лишь выдающиеся дети-художники слова в счастливую минуту могут слить вновь найденную вязь слов с материалом ранее известной дразнилки, чтобы получить издевку. Иной раз имеются все необходимые элементы: и рифмованное прозвище и факты или поводы, к которым можно придраться. Недостаёт только или соответствующего настроения или выдающегося дарования.

Но достаточно каким-нибудь путем накалиться атмосфере, чтобы сила потребности стала силой творчества, или явиться поэту с ярким дарованием насмешника,—и появление издевки обеспечено. Близость нового стихотворения со старым ходячим произведением (прозвищем, дразнилкой) обеспечивают быстрое его запоминание и распространение²⁰.

Старые песни-издевки для детей не теряют прелести новизны. Они отвечают потребности выразить в слове волнующие интересы минуты. Неизменное присутствие в этой короткой песне нужных в известный момент бойких и вызывающих ноток сохраняют ей оттенок свежести только что возникшей песенки... Впрочем, и всякий новый повод использования всем

известной песни возвращает ей это свойство. Надоест эти песни-стихотворения не могут и в силу краткости периода пользования ими каждым детским поколением: едва ребенок успеет овладеть всем запасом сатирических произведений,—и уже выходит из детского возраста.

Наблюдатели детского быта хорошо знают, как широко развита *общественная жизнь детей*. Достаточно для примера упомянуть о детских сезонных организациях в виде артелей рыболовов, христославов, или об играх, регулируемых „правилами“ и „уговорами“, дающими в своей совокупности свод неписаных, но всеми строго соблюдаемых „законов“. Нормы, которыми определяются взаимные отношения различных групп детского общества, своей сложностью и разработанностью заслуживают право на внимание не только этнографов, но и психологов и юристов.

Казалось бы, что сатирическая лирика детей должна ярко отразить их общественный быт. В действительности же мы этого не наблюдаем. Используемые здесь материалы (как и те, которые можно было привлечь для сопоставлений) показывают, что детская сатира далеко не всегда носит общественный характер. Тематическая изобретательность в области лирики осмеяния, как обнаруживают наблюдения над текстами стихотворений, определяется событиями детской жизни, редко выходящими за круг интересов небольшой группы лиц. Детская сатира сравнительно редко бывает направлена против враждебной группы; обыкновенно она направляется против того или другого лица. В ней мы имеем дело не с общественной негодующей сатирой, а скорее, если ее характеризовать в общеупотребительных терминах и обозначениях, с *эпиграмматическими произведениями*, основной чертой которых является грубое балагурство, входящее в детское словесное творчество существенным элементом, нередко переходящее границы простой забавы. С этой особенностью детской сатирической лирики в известной связи находится выбор затрагиваемых тем и разрабатываемых мотивов.

Кажется, больше всего вызывает к себе детское внимание *внешний облик людей* (№№ 36, 42, 81, 87 и др.) и бросающиеся в глаза перемены в нем (№№ 49, 53 и др.).

Не остаются не замеченными люди другой национальности—отчасти за внешность, отчасти за название; более других известны: немец, поляк, еврей, татарин, цыган, бурят (№№ 43, 88, 44, 41, 42, 95, 110, 89, 40); здесь же позволено назвать хохла (№ 104), поселенца (№ 99). Пользуются вниманием действительные или приписываемые какие-либо

физические уродства: хромота (№ 24, 46, 102 и пр.), близорукость, слепота (№№ 45 и др.), косоглазие (№ 63, 66, 91, 103) и пр., редко—внутренние качества (№ 34).

Отмечаются публичным посрамлением порицаемые детским общественным мнением поступки—воровство, кляузы (№№ 37, 54, 92). В некоторых случаях не остаются без осуждения или осмеяния мода (№ 47), нечистоплотность (№ 48).²¹ Не остаются без внимания симпатия (№ 58, 108 и др.), неудачное ухаживание (№ 107—вариант и др.), обжорство (№№ 35, 72, 88), побои и наказания (№ 83 и др.), неожиданные превращения (№№ 85, 86, 109). Господствующий мотив—беспомощность (№№ 65, 97, 104, 105, 107, 109, 111, 112).

В своем месте было сказано, что в словесных состязаниях только наиболее одаренные („мастера“), и то не в каждой схватке, создают новые произведения; обычно же пользуются готовыми *формулами осмеяния*, — распространенными текстами издевок, в которых, смотря по надобности, делается соответствующая замена слов или фраз; отсюда понятно, почему стихотворения-издевки имеют нескончаемое число вариантов. Творчество художника-ребенка находит свое проявление в выборе и приспособлении готовой формулы к тому или другому определенному случаю: комбинирование получаемых из разных источников материалов, соблюдение ритма, размера и т. д.

Темы детского издевочно-песенного творчества меняются и множатся крайне медленно, потому и количественное богатство ходячих формул осмеяния не находится в соответствии с тематическим богатством.

Разрешая задачи приведения к известному единству всех входящих в то или иное стихотворение элементов, составители используют в качестве стержня для своих построений рифмованные прозвища, за которые цепляются обозначения признаков, действий и состояний—действительных или приписываемых осмеиваемому лицу.

В результате имеем:

1. Утверждение, навязывание человеку или группе чем-либо связанных лиц определенных („отрицательных“) признаков и действий,—обычно с настойчивым их перечислением. Ср., например, №№ 56, 57, 62, 65, 77, 79; также: 67—69, 71, 72, 80, 83 и мн. др.

2 Или—редко—отрицание „положительных“ признаков и действий: № 76 и др.

3. Или же, рядом с отрицанием одних, приписывание других признаков или действий: №№ 61, 63 и др.

В других случаях разрешению композиционных задач служит использование диалога. Диалог обыкновенно начинается с обращения, за которым следует 1. вопрос, часто сопровождаемый ответом: №№ 87, 95, 98; 2. просьба: №№ 49, 53, 55, 76; 3. совет (предостережение): №№ 66, 78, 96, или 4. предложение: №№ 46, 60, 74, иногда с обещанием за исполнение: № 46.

В подавляющем числе случаев обращения направлены к лицу, служащему предметом назойливого внимания; иногда—редко—встречаются обращения от лица высмеиваемого: №№ 111, 113.

Желаемый эффект в издевках достигается различными приемами; отметим наиболее характерные.

Логические ударения на последнем слове в стихе и отнесение смысловых доминант предложений—глагольных форм—к концу „стихов“²² задерживают внимание, заставляют ощущать каждый новый момент и направляют воображение слушателей все в одну сторону. Резко и стремительно набрасывается мазок за мазком—и создается образ. Ср., например, №№ 97, 110, 111, особенно 112. Благодаря обилию подробностей, от перечисления действий создается впечатление реальности самого образа.

В отдельных случаях комический эффект достигается внесением элемента несоответствия ожидаемого с наблюдаемым (при чем комизм положения наблюдается гораздо чаще, чем комизм речи): вместо съеденного медведя в экскрементах оказывается волк или гусь: №№ 85, 86, или вместо съеденной редьки—Федька: № 106; см. также № 82.

Известны приемы каламбурного осмысливания имен (выведение из одного корня слов, этимологически неродственных); например, Витька—ветер (через Витя—витирок), Яшка—якут (через Яков или Якушка), Колька—калека, Петька—петух, Женька—женюся.

Видное место занимают различные проявления субъективности отношения к вещам и лицам, вовлекаемым в круг объектов осмеяния, сказывающейся в преднамеренном и настойчивом умалении, поругании, в широком применении уменьшительных форм в качестве уничижительных.

Во многих случаях ироническая форма имен и прозвищ обостряется путем привлечения эпитетов и сравнений.

Эпитеты объективные наблюдаются в немногих случаях; они обычны: к о с о й заяц (№ 103), с е р а утка (№ 78) и т. п.

В значительном количестве встречаются *эпитеты субъективные*. Численное преобладание их нужно отнести к особенностям детского восприятия окружающего. Ребятам чуждо распознавание сущности вещей и явлений. Поэтому напрасно мы стали бы искать в детском фольклоре словесные выражения, в которых была бы схвачена та или иная внутренняя сторона, какое-либо внутреннее свойство наблюдаемого; обычно эпитеты фиксируют внешние признаки предметов и явлений. Отсюда преобладание эпитетов, вызванных настроением: барин вшивый—№ 48, черти косые—№ 103, бес косою—№ 91, Иван болван—№ 67 и др.

Большая часть эпитетов—приложения, которым можно усвоить название *эпитетов-прозвищ*.

Шурка-макака, Петька-петух, Мишка-медведь и др.; встречаются *составные эпитеты-прозвища*, напр., Анна баннавшивый бок, Шурка-бурка-длинный нос и др.

Поиски меткого и увесистого эпитета приводят нередко к созданию эпитетов, созвучных с определяемыми словами. Примеры: Аркашка—таракашка, Архип—старый гриб, Андрей—воробей, Петро—погано ведро, Нютка—сера утка, коза—стрекоза-вылуплены глаза, Сонька—сова-весела голова, Шурка—воровка-красна головка и мн. др.

Сложные эпитеты в языке детей наблюдаются крайне редко и, сколько могу судить по личным наблюдениям, встречаются преимущественно в обыденной речи; в имеющихся в моем распоряжении записях нахожу только один-два примера; вот наиболее удачные: бойкую, острую на язык девочку называли Грунькой „скоропёрдой“ (Тулун); напомним слово: „скопсдырь“; приведу прилагательное: Матрена „махнанога“ (в песенке).

Видимо, детский язык обнаруживает бессилие при попытках передать различные оттенки понятий помощью эпитетов. Не имея в своем распоряжении сложных слов, дети принуждены пользоваться *сравнениями*. Сравнения детской сатиры стоят в ближайшей связи с миром, окружающим творцов и исполнителей издевок: объектами сравнений являются предметы, находящиеся у детей всегда перед глазами.

В отношении выражения одни сравнения представляют собою обстоятельства в творительном падеже: голова сучком, нос крючком (№ 102), слюни или сопли тянутся вожжой и т. п.; другая группа сравнений передается при помощи слова как: как клубок, как бодог (№ 56), как плети.

Гиперболизм свойствен сатире едва ли не более, чем другим видам детского словесного творчества. Гиперболы здесь по временам слишком неестественны, громоздки. Немец—такой обжора, что за один прием съедает почти целую корову (№ 43) или даже корову с быком или семь сотен поросят (№ 88); борода у Алешина отца—с аршин (№ 61); у Сани нос так велик, что на нем можно уместиться для завтрака (№ 81) и т. п.

* Разновидность гиперболы, именуемая литотесом, встречается реже; в „Материалах“ имеем: отец—с кувшин (№ 61), баушка и девка так невелики, что умещаются в кармане (№№ 98, 110).

Из средств поэтического языка, используемых в детской сатире, можно также отметить *повторения* (№№ 70, 74, 81, 108).

Дети-стихотворцы и исполнители соотносятся с законами ритма и меры, подсказанными непосредственным чутьем. Это однако не устраняет того факта, что во многих стихотворениях допускаются „ухабы“ или перебои, т. е. вольности, нарушающие ритм и размер (№№ 51, 68, 73, 77, 89, 112).

Нарушения ритма словесных произведений ощущаются и признаются *при чтении*. Чутко относясь к „складу“ стихотворной речи, предназначенной для произнесения, напр. в считалках, в произведениях хоровой поэзии дети не всегда замечают нарушения, так как стихотворения-издевки создаются при пении и предназначаются для хорового исполнения. В пении „ухабы“ или перебои прикрываются удлинением или—лучше сказать—протяжением отдельных гласных, затем—фонетической деформацией слов: перемещением ударений (№№ 69, 84, 104, 105 и др.) и использованием наличных акцентных дублетов (№№ 64, 85, 89, 98, 101 и др.). В отдельных случаях в тех же целях пользуются вставками частицы *то* (№ 82) и слов, не заключающих в себе никакого определенного содержания: боля, боляша, моля, лепа и др. (№№ 35, 61, 72). Трудно сказать, являются ли эти слова порождением бессилия уловить наиболее существенные признаки или, при умении уловить их, вследствие неумения оформить их в слове. В отдельных случаях имеем дело, возможно, с словами, смысл которых утрачен. Выяснение их образования и функций должно вылиться в самостоятельную задачу.²³

Вслушиваясь в детские стихотворения, редко улавливаешь такие, с которыми связывалось бы представление о „кованности стиха“ или приближении к нему; впрочем, некоторые стихотворения способны привлечь к себе внимание именно этой своей стороной (№№ 70, 78, 85, 86 и некоторые др.).

В детском стихотворчестве наблюдается ясно выраженная тенденция (объясняемая господством *ямбических и хореических* размеров) избегать как малосложных, так и слишком многосложных стихов²⁴. Слоговая устойчивость несомненна. Число слогов в стихах одного текста обыкновенно колеблется в пределах от 3 до 5 (№№ 71, 106), от 4—5 до 7 (№№ 63, 65, 67, 74, 80, 83, 100), от 6 до 8 (№№ 72, 108); отклонения сравнительно редки; преобладают стихи четырехсложные и шестисложные; с меньшим упорством держатся семисложные стихи; полиметры, в виде стихов восьмисложных, не часты. Встречаются стихотворения с одинаковым количеством слогов (и ударений) в каждом стихе (№№ 56, 70, 79, 85, 86, 87, 103, 110). В отдельных случаях встречаются парами трехсложные и четырехсложные стихи (напр. № 91), семисложные и восьмисложные (№ 81) или правильно чередуются четырехсложные и шестисложные (№ 67), восьми и семисложные (№ 78).

В значительной части стихотворений-издевок каждый стих несет на себе два (№№ 62, 65, 67 и др.) или четыре ударения (№№ 70, 72, 78).

В издевках преобладают хореические и ямбические размеры. Достаточно упомянуть, что в помещаемых ниже „Материалах“ подавляющее количество хореических двустиший; в меньшем количестве наблюдаются двустишия ямбические (№№ 28, 44, 46); некоторые четверостишия и шестистишия (№№ 70, 78, 106, 108 и др.) представляют типичную частушку с ее обычным строем и метром—хореем. Большая часть хореических четверостиший отличается от частушки меньшим числом ударений в каждом стихе.

Преобладание хореических и ямбических размеров не случайно: видимо, ямбохореическая артикуляция наиболее свойственна детям. Использование главным образом этих двух размеров отражается на музыкальной стороне стихотворений-издевок, внося некоторое разнообразие в исполнение. Мелодия издевок—сказать попутно—очень не сложна: она, в общем, та же, что в известных детских песенках, обращенных к дождю или коршуну²⁵. И в исполнении их каких-либо забот о достижении художественной выразительности не наблюдается. Монотонность и однообразие мелодии как нельзя более согласуется с основной функцией издевки. В зависимости от использования хорей или ямба меняется мелодия: хореический размер дает ей окраску живости, задора; ямбическое построение несколько замедляет темп.

В размерах детских стихотворений часты перебои, так как доминирующие метры (ямб и хорей) свободно допускают мно-

гообразные замены и смены одной стопы стопой другого порядка; внесение так называемых малых цезур заметно меняет ритм. Ямбическая и хореическая формы являются господствующими, но они часто нарушаются внесением других метров, образованных стопами, расположенными в произвольной последовательности. Достаточно вслушаться в первые приводимые здесь четверостишия, чтобы уловить присутствие амфибрахия, дактиля, пэона, анапеста и пр. Во многих случаях деление на стопы и различение определенных размеров не применимо: в этой части произведений детской лирики мы встречаемся с существенными особенностями так называемого народного стиха.

Среди издевок встречается большое количество с одними мужскими рифмами (№№ 55, 56, 60, 63, 64, 67 и мн. др.); есть и с одними женскими окончаниями (№№ 65, 74, 85, 86 и пр.); обыкновенно же наблюдаются эти стихотворения на два ряда окончаний—на мужское и женское (№№ 61, 62, 70, 71, 81, 82, 84 и др.); чередование мужских и женских рифм в одних случаях правильное (№ 78, 79, 105, 106), в иных (№№ 101, 102, 104, 108)—неправильное.

Редко встречается рифма дактилическая (№№ 57, 112) и другие.

В преобладающих рифмических периодах, т. е. в четверостишиях, сколько можно судить по приводимому здесь материалу, совершенно отсутствуют рифмы так называемые перекрестные (выражаемые схемой *abab*) и охватные, или опоясанные (*abba*); зато большим количеством представлены рифмы парные, или смежные, обозначаемые схемой *aabb* (№№ 61—65, 70, 71, 74, 81, 84 и мн. др.). Нередки рифмические периоды с прерванной рифмой, т. е. четверостишия с нерифмующими нечетными стихами—типа *abcb* (№№ 78, 83 и др.), к которым можно отнести и стихотворения с нерифмующими четными стихами (схема: *abac*; № 78). В некоторых четверостишиях рифмуют или первые два или последние два стиха, укладываясь в схемы: *aabc* (№ 66) и *abcc* (№№ 72, 82, 88).

Трехстишия обыкновенно построены на одной рифме и срифмованы по таким схемам: *aaa* (№№ 56, 58, 60), *aab* (№ 57), *abb* (№ 55).

Рифмические периоды в пять стихов строятся на двух рифмах—по типу: *aaabb* (№ 95) или *aabbb* (№ 97); встречаются с симметричным расположением рифм—по типу: *aabcc* (№№ 96, 98), как и пятистишия, схема которых может быть обозначена как *aabcb* (№ 99) и др.

Рифмические периоды в шесть стихов построены на трех рифмах, обычно укладываясь в схему *aabbcc* (№ 105—110); *восьмистишия*—на четырех рифмах, согласуясь со схемой *aabbccdd* (№ 112, 113). Встречаются и белые стихи (№№ 111, 114—начало), но они—явление очень редкое.

В некоторых детских стихотворениях мы имеем дело с приближением к так называемой точной рифме. Напр., в хореическом трехстишии № 56, при одинаковом числе слогов в рифмующих между собою стихах, наблюдается 1. почти не нарушенное тождество стиховых окончаний: одинаково звучащие слоги; 2. тождество ударных гласных: везде *о*; 3. тождество заударных гласных: *ѳ*; 4. одинаковое расположение согласных *б (д)*—*к*.

То же дает четверостишие № 62, где неравномерный по слоговому составу словесный материал посредством рифмы организуется в пару двустиший. В первом, как и во втором, сочетании имеем тождество стиховых окончаний: 1. *а(я)нна*, 2. *стой*; тождество ударных гласных: 1. *а (я)*; 2. *о*; тождество заударных гласных: 1. *а*; 2. *й*; тождество (во второй паре) и одинаковое расположение согласных: 1. *б(в)—нн*, 2. *ст.*²⁶ Таких стихотворений можно привести не мало (№№ 65, 74, 80, 85, 109 и др.).

Нередки рифмы, получающиеся при тождестве ударных гласных и при различных согласных (см. №№ 70, 82, 86, 95—вторые двустишия) и др.; встречаются рифмы неравносложные и неравноударные (см. № 67: *крива—пролила*, №№ 68, 89, 102).

На ряду с звучными, четкими рифмами наблюдаются так наз. неточные рифмы, созвучия неопределенные, едва уловимые, звучащие в пении (№№ 26, 35, 40, 43 и др.). Часто созвучие достигается повторением слов: *спала—проспала*, *снес—отнес*, *пошла—нашла* и др. (№№ 59, 100, 106 и др.); это, собственно, не рифмы, а словарные совпадения.

Кроме рифм-концовок, в издевках следует отметить рифмы строчные, т. е. созвучия, получающиеся рифмованием отдельных слов в разных местах внутри стиха (№№ 56, 61, 62, 71, 77, 78, 96, 112 и др.). Близки к ним созвучия (которые можно было бы назвать корневыми рифмами), образуемые словами одного корня, расположенными внутри стиха; напр.: *Васька-васёнок* (№ 97 и др.), *вор-воришка* (№ 92 и др.) и т. п.

Замечаются начальные рифмы, образуемые рифмованием слов в начале стихов; напр. № 67: колоко (льни)—молоко, № 84: шишки—штанишки, № 98: голос(ом)—волос(а).

Любование звуками слов далеко не чуждо детям-художникам слова. Безотчетно, по чутью, прибегают они к некоторым приемам звукописи.

Из приемов звукописи наблюдается:

1. Использование междометий-звукоподражаний: №№ 82, 90, 105, 139 и др.; 2. игра чередующимися сочетаниями звуков: №№ 54, 66, 79, 84, 106, 108, 112 и т. п.; 3. подчеркивание внутреннего содержания и смысла стихотворения путем выбора слов с повторяющимися звуками: мерное произнесение созвучных слов с доминирующими и повторяющимися в них глухими согласными *ш, л, к* удачно передает звуковой образ шопота и является подражанием шумам и звукам, особенно хорошо знакомым матерям и нянькам (№ 139). Настойчивое следование за беззвучными *б* и *ф*—через перемежающиеся сочетания звуков другого порядка—„скорого, взрывного“ (по Бальмонту) *р* * дает некоторое напоминание треска и хруста сосновых шишек под ногами и намекает на звуки непроизвольного громкого газоиспускания (№ 84)²⁷.

Другой вид детской лирики осмеяния, обозначаемой Арефьевым, как „шутки, по большей части обидные для собеседника“²⁸, а Станиловским, как „присловья“²⁹, зарождается и бытует в иной обстановке и при иных условиях.

У произведений, принадлежащих к этому виду, „свои законы и формы, вызванные органической необходимостью, по которым они и должны быть судимы“³⁰.

Чтобы показать условия, в которых применяются эти „шутки“, или поддевки, привожу некоторые из записей своих наблюдений.

Лето. Праздничный день. Ребят на улице еще мало, чтобы можно было затеять какую-нибудь игру. Два-три мальчугана сидят „в холодке“ (за тенью). Разговор не клеится, да и какой разговор при ежедневных многочисленных встречах с одними и теми же лицами.. Молчат, придумывают, чем бы заполнить время. Молчание, наконец, надоедает.

— Фетьця, скажи: поп.

— А чё?

— Ну, скажи: поп.

— Поп.

— Твой отец—клоп!

В таких случаях обижаются редко. Здесь не так обидна вдруг ударившая фраза, как неприятен самый факт оказаться поддетым. Нужно выждать подходящий момент и ответить тем же.

Таким образом поддеть можно только неопытных, малообщительных ребят. Общительные и живые ребята обыкновенно быстро запоминают ходячие поддевульки и могут поддаться только на что-нибудь неожиданное и новое.

— Проньча, сто да сто сколько?

— Двести.

— Сиди, дурак, на мести!..

Некоторые подделки этого типа связаны с действиями. Один мальчуган схватывает другого за нос и настойчиво спрашивает:

— Дуб ли вяз?

— Дуб...

— Тяни до губ!..—ликует поддевшик и тянет нос книзу.

Третий товарищ неожиданно хватает его за нос и вопрошает:

— Дуб ли вяз?

— Вяз...

— Тяни до глаз!..—и тянет чужой нос кверху.

Увидят из окна товарищей в холодке, едва допив „быком“ чай, бегут к ним другие, присоединяются, принимают участие в начатой забаве... Забава эта быстро приедается, так как при большом числе участников состязания запас старых поддевулек оказывается довольно ограниченным, а новые множатся медленно. Ребята в сборе—начинается какая-нибудь подвижная игра.

Утомившись, одни расходятся по домам; другим уходить не хочется... Сидят, молчат. И опять:

— Витька, у тебя под ногам-то мох!—вдруг кто-нибудь прервет молчание.

Витька машинально смотрит себе под ноги, а ему говорят:

— Не кланься, я не бох...

Или:

— Сенька! под ногам-то грязь...

Сенька невольно наклонит голову, чтобы посмотреть под ноги, и слышит:

— Не кланься, я тебе не князь...

И снова молчат. Ребят мало, игра не налаживается. Молчание быстро надоедает.

— Алешка, скажи: Лизавета.

— Лизавета.

— Вот тебе за ета!

И следует удар в спину.

Интереснее и живее протекают такого рода забавы, когда в них принимают участие ребята, сходящиеся не „сто раз на день“, а встречающиеся изредка, время от времени.

Лучшая обстановка для таких сходбищ—пастьба скота или во время страды у костра вечерами, когда „большие“ остаются на полосе заканчивать дневную работу, а ребят шлют „чай варить“, т. е. готовить ужин.

На заимке нередко две-три-четыре семьи. Из каждой бегут ребята чай варить. Иной раз тут же случаются ребята с ближайших соседних заимок. Собирается довольно большое общество парнишек и девченок, которые в страдное время встречаются лишь урывками.

У огонька вечером, пока готовится ужин, варится картошка, никакой длительной подвижной игры не затеешь: время заполняется спорами, пересудами, шутками, насмешками, рассказами.

Вдруг кто-нибудь всерьез или шутя заподозрит рассказчика во лжи.

— Врешь!

— Раскуси (или: выкуси) пердеж,
в нем ядрышко найдешь,
его съешь,—

„отмочит“ в ответ находчивый поддевала.

Бывает, что или сам поддетый собеседник или кто-нибудь из товарищей заступится, но найдутся и такие, кто „одернет“:

— Тебе какое дело?

И тут начинается словесное состязание.

— Тебе кошка в рот нап....ла!

— Мне хоть кошка,
да немножко,
тебе кот,
да полон рот...

В исполнении такого рода диалогов характерной чертой является быстрый обмен речью; при этом каждый компонент обмена служит репликой, вызывая встречный рифмованный стих—один или несколько.

Трудно найти удачнее в этом отношении пример поддевок, чем тот, который связан рифмой с названием последнего весеннего месяца.

- Скажи: май.
- Май.
- Я п...ну, ты поймай (или: имай)...
- А я буду ловить
да тебя кормить...
- А что останется,
тебе по губам растянется...
- Я это наоборот—
да все тебе в рот...
- А я все на вилочку—
да тебе в дырочку...
- Я все на рогожицу—
да прямо тебе в рожицу!..

См. также № 130.

Чтобы как-нибудь кончить эту череду угроз и обещаний, кто-нибудь из участников состязания или—редко—из свидетелей его скажет:

— Печать!.. и больше не кричать!..

Иная детская группа выдается бесцветная, не выделяет заметных мастеров слова; и тогда она пробавляется старым, унаследованным общеизвестным запасом или, в лучшем случае, прибавляет некоторые новые рифмы или делает вставки... Зато встречается и такой подбор ребят, что из дюжины их выберется два-три недюжинных „таланта“-словесника, обнаруживающихся при словесных состязаниях—в издевках и в поддевках. Хотел бы назвать здесь художника С п и р ь к у Р о м а ш и х и н а (ныне крестьянина в с. Худоелани Тулунского уезда Спиридона Романовича Родионова), способностям которого и теперь его сверстники—люди, перешагнувшие за второй десяток лет—отдают дань удивления, вспоминая сравнительно недавнее детство (1908—1912).

Ленка Ширяев, живой, бойкий одиннадцатилетний мальчуган, слывет в Тулунском поселке большим мастером давать прозвища; ему молва приписывает сочинение двустий-дразнилок, приводимых здесь под № № 29 и 39; он же снабдил приведенным раньше эпитетом имя своей сестры Груни, которая нередко служит мишенью для стрел его остроумия.

— У тебя, Груня, чирий?—заботливо спрашивает брат.

— Ага...

— Я тебе его заговорю, ладно?

Он обводит пальцем вокруг больного места и серьезно произносит:

Чирий, чирий,
сядь пошире:
где один,
дак там четыре...

В Куйтуне, Тулунского уезда, мне пришлось в 1921 году наблюдать десятилетних Гутю Сизых и Лизу Лыткину (от которых, между прочим, записаны №№ 78, 91, 105 и некоторые другие). В беседе со мною они уверяли меня, что сложение издевки „про Миронова парнишка Кешку“ (№ 74) принадлежит им. Эти бойкие девочки очень остры на язык и в поддевках.

Следить за ходом словесного побоища, в котором принимают участие такие ребята, для фольклориста поучительно. Интересно наблюдать состязающихся ребят, которых взрослые по разным поводам характеризуют словами: „один—задириха, другой—неспустиха“, когда у них равны прочие условия: опыт, находчивость, одаренность...

В этих состязаниях иногда мы, несомненно, имеем дело с переживанием того, что в отношении признанных поэтов обозначается словом вдохновение, которое у ребят приходит не в „широкошумной дубраве“, а на толпе, присутствие которой возбуждает, собирает и концентрирует силы. При словесных состязаниях, где нужна живость, находчивость, умение ловко вывернуться и во-время сделать удачное нападение,—тут, действительно, „сила потребности есть сила творчества“.

В то время, как издевки исполняются почти всегда толпой,—эта группа словесных произведений предполагает наличие двух действующих лиц. Издевки—хоровая поэзия; поддевульки—произносятся „говорком“. Вопросоответная форма построения издевки встречается как исключение; отличительный признак поддевульки—диалогическая форма. Назначение издевки допускает значительный объем текста; поддевулька должна быть четкой, лапидарной. Сцепление их может быть почти беспредельным (потому то и существует—мы видели—искусственный прием прекращения словесного бега), но каждое звено должно быть легким и кратким.

Для обозначения такого рода произведений у детей, кажется, нет общеупотребительного названия. Изредка пользуются словом *поддеулька* или *поддеулька*. Это слово удачно передает их основной характер, указывает назначение. Наряду с этим словом не только у взрослых, но—хоть редко и не повсеместно—и у ребят, существует другое—*поддевка* (от „поддеть“, поймать на слове). В нем резче, короче, энергичнее схвачена сущность этих слитков крепкого остроумия и цель и характер их применения. Поэтому словом *поддевка* позволительно обозначить разновидность детской лирики осмеяния, о которой сейчас идет речь.

В пределах этой разновидности необходимо различать несколько групп.

Одни поддевки сложены в форме краткого *искусственного диалога*, где нужно *ожидать* возможности быть *поддетым* (кроме выше приведенных примеров, см. № № 115—130); их—большая часть.

Поддевка формы искусственного диалога строится по несложной схеме. Первая часть этой композиционной схемы—*завязка*, или *приступ*; вторая—*собственно поддевка*. Связью между ними служит *общее* для двух сторон слово (подсказанное одной и повторенное другой), за которое рифмой держится поддевка.

В других поддевках, отливающихся в форму *естественного диалога*, человек ловится на слове совершенно *неожиданно* для себя. Отличие в построении этой формы поддевок состоит в том, что здесь отсутствует *общее* слово. Первая часть, которую можно назвать *зацепкой*, или *придиркой*, являясь „речевой акцией“, вызывает соответствующую „реакцию“—*собственно поддевку*, т. е. вторую композиционную часть. Обе части скрепляются рифмой (см., кроме приведенных в тексте, № № 131—135, 139—140 в „Материалах“).

Своим построением напрашивается на обособление небольшая группа *поддевок-заманок*, представляющих собою сравнительно развитой диалог, в котором одно лицо направляет разговор, другому остается пассивная роль повторяющего условленную фразу или слово.

Инициативная сторона предлагает:

- Говори за мной: „я тоже“.
- А чо?
- Вот говори—и узнашь.
- Ладно.

- Я пойду в лес.
- И я тоже.
- Я вырублю корыто.
- И я тоже.
- Я в это корыто на...ру.
- И я тоже.
- Свиньи будут есть.
-

Диалог ведется очень быстро, и редкий во время остановится; обыкновенно спохватываются только после того, как „само вылетит“ ненужное „и я тоже“.

См. также №№ 136—138.

В некоторых поддевках-заманках диалогическая форма выражена только участием в разговоре двух лиц, при чем одно из них может не проронить ни слова. В них „реакция“, вызванная „речевой акцией“, обыкновенно обнаруживается не в речи, а в невыраженных словами эмоциях. В диалогах этой группы еще отчетливее выражены две части: первая—*заманка*, вторая—*поддевка*. Пример:

- Рассказать тебе сон?
- Расскажи...
- Я видал во сне,
быдто я—в дрисне,
а ты—в меду...

Здесь заманка кончается своеобразной фигурой умолчания, имеющей назначение сначала усилить или закрепить первоначальную ответную „реакцию“ (довольство своим положением „в меду“), чтоб затем совершенно неожиданно „поддеть“:

- Я лижу с тебя мед,
а ты с меня—дрисню...

Сюда же относятся случаи, когда заманка, как композиционная часть поддевки, не имеет определенной словесной формы, а скрыта в действии.

Когда, например, ребята ложатся спать, кто-нибудь из них „с заранее обдуманым намерением“ предлагает распределить известным образом места на общей постели. Полученное согласие почти всегда обеспечивает успех поддевалы: когда все улягутся, он, дав немного угомониться, выразительно произносит:

- Я у стенки—
в золотой пенке.

Мишка на краю—
у бога в раю,
Кенка в середке—
в говенной веревке... ³¹

Кенка, если он—парнишка находчивый, быстро перестраивает текст поддевки и отвечает:

Ты у стенки—
в говенной пенке,
я в середке—
в золотой веревке,

а Мишку оставляет на прежнем месте.

Есть ответы на поддевки (используемые и в качестве ответов на издевки), которые органически не связаны с тем или иным определенным стихотворением, имеющим значение „речевой акции“; они известны в незначительном числе формул (№№20—21).

Также мало формул для специального выражения торжества победителей. Свою радость удачник поддевала выражает в двустишии:

Амманули дурака
на четыре кулака...

Иногда эта формула разрастается в четверостишие—путем прибавления еще двух стихов:

на пять костров
подовинных дров. ³²

*

Случается, что обмен рифмованными стихами переходит обычные границы словесной перепалки: одна сторона, испытав бессилие слов, приступает к действию, а другая продолжает поддерживать диалог. Если пущенный камень или палка не долетит, „словесники“ отмечают:

Не добросил,
свою мать забросил...

Если камень или палка пролетит мимо, они констатируют:

Не попал,
свою мать закопал...

Иные прибавляют:

ни в гроб, ни в магилу—
в сабаччу кабылу...

В отношении формы стиха поддевки в большей их части являются собою разновидность детской поэтической речи, которую можно приравнять к так называемому *складу раешников*, характеризующемуся, главным образом, тем, что неметризованная речь делится на стихи произвольной величины, кончающиеся рифмами.

Исследования по теории техники детского словесного творчества вообще и в частности в пределах рассматриваемых сейчас видов могут плодотворно вестись, опираясь на большое количество материалов. Этим исследованиям должны предшествовать подготовительные работы. Одною из таких работ автор склонен считать настоящую статью, включающую попутные наблюдения над поэтикой небольшой группы произведений детского фольклора. Попутные наблюдения (и при том произведенные на количественно незначительном материале)—неизбежно поверхностны и не полны. Тем не менее я счел себя в праве поделиться ими—потому, что на детское творчество в слове с этой стороны до сих пор, можно сказать, не обращено внимания, и затем, чтобы вопросы поэтики детского фольклора считать затронутыми, хотя бы мимоходом.

Излагаемая в этой статье попытка ввести некоторое упорядочение в затрагиваемые материалы, вопросы и темы, конечно, не может считаться совершенной, бесспорной. Вводимые здесь подразделения и связанные с ним названия и обозначения являются в значительной степени условными и только служебными, предлагаемыми лишь в целях достижения большей ясности в определении состава детского фольклора и отчетливости в характеристике отдельных его частей.

Введение новой классификации и новых терминов допустимо только в исключительных случаях. Едва ли будет несправедливо утверждение, что в таком именно положении оказывается народнословесник и этнограф, останавливающий свое внимание на русском детском фольклоре. В этой области мы не располагаем какой-нибудь определенной классификацией материалов, не имеем и устоявшейся терминологической традиции.

Надо думать, что вводимыми рубриками не охватывается все разнообразие детских произведений, названных здесь издевками и поддевками. Об этом можно будет говорить определеннее, когда будет накоплен больший материал, чем тот, который до сих пор поступил в научный оборот.

II. М а т е р и а л ы.

Для детского фольклора, в частности для тех его видов, совокупность которых мы называли детской сатирической лирикой, мы не обладаем сводом, который представлял бы собою объединение опубликованных в разное время и в разных изданиях отдельных записей и являлся бы необходимым итогом накоплений интересующего нас материала.

Но и до того момента, когда будет выполнена эта очередная задача фольклористов, можно сказать, не боясь преувеличений, что имеющиеся в этнографической литературе записи по затронутой нами теме не свидетельствуют об особенно больших накоплениях. Поэтому всякая удовлетворительная запись произведений детского словесного творчества должна рассматриваться, как далеко не лишняя и не бесполезная вклад в большую очередную работу. Пополнение фонда будущего свода материалов по русскому детскому фольклору является скромной задачей опубликования печатаемых здесь записей.

Они сделаны попутно впродолжение последних трех лет при полевых этнографических работах в пределах Тулунского уезда, Иркутской губернии.

Основой записей послужили личные детские воспоминания, затем—непосредственные наблюдения над жизнью детей. Позволю себе к слову сказать, что за четверть столетия, которая меня отделяет от времени непосредственного участия в детских играх и забавах, *в области детского словесного творчества* бросающихся в глаза изменений—в сторону ли большого накопления нового, в сторону ли утрат старого—не произошло.³³ В том же меня убеждают наблюдения лиц, поделившихся со мною своими записями.

Из Тулунского уезда я имею, кроме своих, материалы С. Ф. Гушиной (Тулун-поселок) и А. М. Моловцевой (с. Перфилово и Шарагул). Небольшой материал, относящийся к Урульге (в Забайкалье), получен мною от П. И. Титовой. Записи из Киренского уезда (дер. Банщикова) переданы мне М. П. Дмитриевой и Ф. М. Мишариной. Досуг, обеспеченный мне летом 1924 года, дал мне возможность пополнить мои материалы наблюдениями в Акмолинской области (Боровое), где мои сборы были облегчены помощью А. Ф. Николаевой и С. Н. Маркова. Записи из Ново-Николаевска и некоторые иркутские переданы мне Б. В. Шевяковым, из Омска—В. Н. Самойлович.

Записи моих сотрудников, при сличении их с моими материалами и некоторыми данными этнографической литературы (имею в виду для Зауралья—Шейна, для Сибири—Молотилова), обнаруживают факт широкой распространенности приводимых здесь текстов, а сделанные мною опросы нескольких стариков показывают, что многие из печатаемых сейчас произведений³¹ входили в детский репертуар в середине прошлого столетия.

При текстах не везде указывается, в каком месте, и совсем не отмечается, от кого именно сделана запись,—в силу того, во-первых, что тексты, как уже сказано, являются весьма распространенными и записаны во многих местах названных районов, и потому, во-вторых, что большая часть материалов собрана не от тех или иных определенных лиц, а в играющих группах, естественных детских коллективах.

При передаче сообщаемых текстов было желание приблизиться к фонетической записи, но оно, по причинам, о которых нет надобности говорить, не во всех частях печатаемых материалов осуществлено в желательной мере.

И в другом пункте пришлось, подчиняясь установившейся * традиции, отступить от *desiderata* народнословесников. Уступка традиции сказалась в том, что некоторые слова текстов печатаются не полно, с пропусками, глухо и немо обозначаемыми многоточием. Это—так называемые „неудобные для печати слова“. Какие же нескромные или—с точки зрения строгой морали—неопрятные слова содержатся в произведениях детской сатирической лирики? Имея в виду печатаемые тексты, можно сказать, что таких слов здесь нет. Правда, тексты содержат несколько слов, неприятных в нашем обиходе и обычно заменяемых латинскими (по-латыни получается безукоризненно!..), но непредвзятый взгляд обнаруживает, что они ничем особенным из ряда прочих слов не выделяются, никаким грязным смыслом или намеком в общенародном употреблении не окрашиваются (ср., напр., обозначение сидячего положения в народном говоре: Селищев—Диалектологический очерк Сибири, I, стр. 118). Слова детской сатиры прямые и решительные, простые и короткие. В детском фольклоре, взятом в целом, встречаются исключения, не укладывающиеся в это утверждение, но они должны быть отнесены к числу тех „вольностей“, которые свойственны сатирической лирике вообще. Резкость и грубоватость, недопускаемые в других видах словесного творчества, не являются неожиданными или неуместными в сатирической поэзии.

Замена слов или их частей многоточием ничем, кроме традиции, не оправдана; это какое-то нерешительное *полупризнание* допустимости их наравне с другими словами—юридическое непризнание при фактическом принятии. Исследователю застенчивое многоточие не дает права оставлять без внимания ту или иную часть текста или читать не то, что дает текст. Если бы сборники подобных текстов предназначались для детей, то для них многоточия оказались бы едва ли желательным наводящим указанием на возможность доискаться какого-то скрываемого смысла.

Для изучения фольклора необходима полная ненарушенность текстов, полная сохранность их формы, содержания, словарного состава. Только она обеспечивает возможность делать заключения, касающиеся возникновения, развития, вымирания устных словесных произведений.

Изучение детского фольклора имеет, кроме теоретического, прикладное значение,—в частности значение первостепенного источника, дающего материал для исследования детской психологии. Первостепенность его определяется тем, что в словесном творчестве детей исследователь имеет непринужденное самораскрытие их психики, непринужденное высказывание детей о самих себе.

Произвольное „редактирование“ взрослыми произведений *подлинно-детской* устной литературы грубо нарушает их целостность; пропуски и умалчивания, искажая источник, ведут к неправильным заключениям в исследованиях, ставящих себе те или иные—теоретические или прикладные—цели.

Совершенное игнорирование словесных произведений, содержащих *opprobria rustica*, было бы нарушением аксиоматически простых *desiderata* наших изучений, умаляющим смысл и значение этнографических и фольклористических изысканий.

*

Рифмованные прозвища.

1. Андрей-индей.	Кешка-плешка. ³⁵
Андрюшка-индюшка.	Лиза-подлиза.
Анисья-на прутике повисла.	Лизуха-подлизуха.
Архип-старый гриб.	
5. Верка-табашна мерка.	10. Любка-юбка.
Витька (или Митька) - ко-	Матрена-ж..па ядрена.
ровья титька.	Мишка-шишка.
В варианте:	Павел - в штаны наплавил.
солена титька.	Степка-связана ж..ка.

15. Ульянка-за...нка.
Филька-шпилька.
Жид на г...не дрожит.
Лягаш, штаны продашь?
Обычным ответом служит фраза:
- „А ты на копейку купишь?..“
Матрос—в штаны натрес.
20. Дразнила - собачье рыло.
Задавала-собачча обдирала.

Д р а з н и л к и.

22. Алексей божий
обшитый кожей.
Боровое.
23. Алеха-Алексей
полна пазуха мышей.
Вариант:
Алеша-Алексей
полна ж...а карасей.
24. Анна—банна
нога деревянна.
*Акмолинск. у., Киренск. у.
Ср. №№ 56, 62.*
25. Аркашка-таракашка,
Аркан-таракан.
26. Ваня, Ваня, улети
на поповы конопля.
Боровое.
27. Женька—женюся,
женюся—разженюся.
28. Илья-пророк
штаны прожог.
Вариант:
Илья-пророк
наклат в чарок.
- *
* 29. Колька-калека
съел человека.
30. Кузя, Кузя,
вошь на пузе.
Акмол. у.
31. Люда—мила
ногу придавила.
- 31-а. Митька титьку не берет,
сам кататца да ревет.
Шабартай
32. Мишка-медведь,
научи меня п...ть.
Ср. № 75.
33. Польша-палеган
штаны пролегал.
34. Сонька-сова,
весела голова.
35. Степа-лепа-требуха
съел корову да быка.
Боровое.
- 35-а. Филька-Филип
на кабыли прилип.
36. Фомишна-булочка пше-
нишна,
ж...а тряпишна.
Киренский у.
37. Шурка-воровка,
красна головка.
38. Шурка-макака
в чашку накакал.
39. Яшка-якут,
в ж...е яйца пекут.
40. Братский, братский на орде
с черемущечкой в руке.³⁶
41. Жид пархатый
номир пятый
(или: нос горбатый).
Ср. № 95.
42. Жид-еврей,
нас...л у дверей.
Иркутск.

Жид маканай
из г. .на стряпанай.

Там же.

43. Немец-переец-колбаса
съел корову да быка.

Омск и др.

Ср. № 35.

44. Поляк, штаны горят,
а ж. .а мерзнет.

45. Вятский слепень
наехал на пенё.

46. Хромой, верни ногой,
копейку дам.

47. Бараня в салопе
подпоясана по ж. .пе.
Или:
Бараня-фуфу.
вся ж. .а в пуху.

48. Вшивый барин
вшей напарил.

49. Бретая башка,
дай пирожка.

Акмол. у.

50. Стрижка-бришка,
в ж. .е кутишка. .

51. Стришка-бришка,
попов парнишка.

52. Стриженный-паленый
под гору сваленый.

Мальта, Иркутск. г.

53. Стрижик-бретик,
дай манетик.

54. Ябеда-беда,
тараканья еда.

И з д е в к и.

55. Андрей-воробей,
не клюй песок,
не точи носок.

Боровое.

56. Анна банна-вшивый бок,
титьки мягки, как клубок,
ж. .а долга, как бадог.

57. Илья муромец—
на ж. .е семь пуговиц,
восьмой фитиль.

Киренский у.

58. Балаган, мой балаган,
ты не знаешь, балаган,
как женился Петрован.

59. Спиха-корова
на печке спала,
калачи проспала.

60. Иман с бородой,
погонись за мной,
три копейки за тобой.

61. Алеша-балеша,
мать нехороша,
отец с кувшин,
борода с аршин.

Боровое, Кокчетав.

В тулунском варианте пер-
вое двестишье поется:

*

Алеха-лепеха,
мать повареха.

62. Анна-банна
нога деревянна,
блин толстой,
каравай густой
Ср. № 24.

63. Борька косой
поехал по соль,
соли не купил,
а кобылу утопил...

64. Ванишна лиха
задавила петуха,

питух пищит,
Ваньку за уши тащит.

65. Васька васенок,
худой поросенок
на камушке родился,
г . . шом (или кишкой) по-
давился.
Ср. № 97.

*

66. Егорка косой,
не ходи полосой,
тебя курицы не любят,
петухи в ж . . у клюют.

67. Иван-болван
с колокольни упал,
жена крива
молоко пролила.
Боровое.

68. Иван-болван
с колокольни упал,
лен сломил
мне не оставил.
Киринск. у.

69. Катюха, Катюха
задавила петуха;
петух г . . ны клюет
(конец забыт).
Боровое.

70. Катя, Катя, Катерина,
нарисована картина—
не чернилам, не пером,
из лохани помелом.

71. Колька-миколка
в ж . . е иголка,
ссыт, п . . ит,
колесо вертит.
Акмолинск. у.; Тулунск. у.

- * 72. Коля-моля-селенга,
съел корову да быка,
пятьдесят поросят,
одни косточки висят.
Киренск. у.; Урульга.

73. Шура-мура-селенга
съел кобылу да быка,
семьсот поросят,
только косточки на колыш-
ках висят.
Иркутск.

Ср. № 88; ср. также:

- Ванька-кумаханька
съел корову да быка,
три ушата молока,
да ишо голодная,—
штоб ты язвило в бока.
Шабарта.

74. Галки вы, галки,
возьмите по палке,
убейте ворону,
снесите к Мирону.

75. Мишка-медведь,
научи меня п . . еть,
я п . . ну, ты поймай,
никому ни отдавай.
Ср. № 32.

В Перфиловой на это
отвечают:

Я буду ловить
да тебя кормить.

76. Мишка-медведь,
научи меня п . . . ть,
Мишка-медведь,
не умеешь сам п . . . ть.

77. Мишка-плишка,
жена—коротышка,
детки-малетки,
карантовки.

Верхоленский у., Тутура

78. Ах ты, Нютка-сера утка,
не летай с краю на край,
тебе вымажут ворота,
раскатают весь сарай.

79. Палеган, Палеган—
аржана лепешка,

капитан, капитан—
рванные штанишки³⁷.

80. Петька-петух
на заваленке протух,
Акулина-чепуха
задавила петуха

Боровое.

Ср. № 100.

81. Как у Сани на носу
ели свиньи колбасу;
ели, ели три недели,
ели, ели—не доели.
Вариант:
Как у Сани на носу
ели черти колбасу;
ели, ели, не доели,
Сане в рот наб . . . ели.

82. Сенька-везенька
вез бабу на санках...
санки-то скок,
бабе-то в лоб!..

83. Степушка Степан
Степанидушку трепал,
Степанида у . . алась
Степа г . . ны убирал.

84. Федар-бѳбар
ходил на бар,
шишки брал,
штанишки рвал.

85. Федя-медя
съел медведя,
вы . . ал гуся,
сам: „боюсь“...

Ср. № 101.

86. Федя-медя
съел медведя,
вы . . ал волка,
ж . . а долга.

Тулун, Урульга и пр.

87. —Шурка-бурка-длинный
нос,
почем в городе овес?

— три копейки с пятаком,
Шурка едет с колпаком.

88. Немец-переец-колбаса
съел корову да быка,
семьсот поросят,
одне лопаточки висят.

Омск и др.

Ср. №№ 43, 72, 73.

89. Цыган-мыган
кошку дрыгал
черным рогом
под порогом.
В варианте второе двустиг-
шие:
Обдирал
да в рот толкал.

90. Беззуба талала,
тебя кошка родила,
поп крестил—
штаны спустил.
Менее известно шестисти-
шие, образуемое прибавле-
нием сюда двух стихов:
Попадья подбежала,
штаны поддержала.

91. Косой бес
пошел в лес,
срубил палку,
убил галку.

92. Вор-воришка
украл топоришка,
полез в окно,
упал в г . . но.

Тулун, Омск и пр.

В варианте первые два сти-
ха поются:
вор-ворина
украл топорица.

93. Коза-стрекоза,
вылуплены глаза,
волчий нос,
белый купорос.

94. Кошкина мать
собиралась умирать,
умереть не умерла,
только время провела.
95. — Жид порхатый
номер пятай
на иголочке распятай,
где твой дом?
— На базаре под г . . . ом
Омск.
Ср. № 41.
96. Андрей-воробей,
не гоняй голубей,
голуби несутся—
всем по яичку,
Андрею затычку.
Акмолинск. у.
97. Васька-васенок
худой парасенок,
на камушке родился,
г . . ном подавился,
др . . . ей обкатился.
Киренск. у.
Ср. №№ 65, 105.
98. — Дедушка Иван,
куды баушку девал?
— в карман заталкал,
она голосом ревет,
волоса себе дерет.
Шабарта
99. Санишна кишка
потянула три мешка,
стали мять—пудов пять,
стали весить—пудов десять,
поехали продавать.
В варианте первый стих
поется:
поселенская кишка.
100. Петька-петух
на заваленке протух,
яичко снес,
казакам отнес;
- казаки не берут,
Петьку за уши дерут.
Омск.
Ср. № 80.
101. Федя-медя
съел медведя,
продал душу
за лягушу,
за поганный котелок.
Боровое.
В шарагульском варианте
конец читается: „за пра-
пашава каня“, а в Ша-
барте „за собаччую кишку“.
Ср. №№ 85 и 86.
102. Баба-яга
костяная нога,
нос крючком,
голова сучком,
ж . . а ящичком...
103. Косой заяц,
нанес яиц,
вывел детей,
косых чертей,
тяжело ей было.
104. Хохлы-мохлы
все подошли,
один остался,
да и тот уср . . ся,
и тот подход.
105. Вася-васенок
худой поросенок,
залез в траву,
кричит: мяу,
залез в копну,
кричит: лопну.
Ср. №№ 65, 97.
106. Олька дура
в лес подула,
в лес пошла,
грош нашла,

мыльца купила,
рыльце умыла.

107. Петька-петух,
на заваленке протух,
ичка снес,
на базар понес,
на базаре не берут,
Петьку за уши дерут.
Отмеченное разрядкой ино-
гда заменяется именем „сим-
патии“, например:
Симе понес,
Сима не берет...
Ср. №№ 80, 100.

108. Сонька дура, Сонька дура,
полюбила шшыкатура,
шшыкатур не дурак:
купил Соничке калпак,
Соня стала надевать,
шшыкатура цалавать.

109. Мама ела редьку,
выкакала Федьку.
Федька воняет,
куриц гоняет,
курицы гогочут,
на яйца не хотят.

110. Вот татарин-бусарман
посадил девку в карман,
девка выскочила,
глаза выпучила,
побежала в огород—
испугала весь народ.
В близком варианте из Ки-

ренского у. поется: „тата-
рин-бахтарман“.

111. Девичий пастух
девок пас,
в огороде завяз.
Увяз и кричит:
—девушки, матушки,
выньте меня,
не спокиньте меня...

112. Ванька в баньке парился,
сучке в ножки кланился;
сучка дришшыт молочком,
Ванька лижет язычком;
сучка не влюбила,
Ваньку укусила—
сучка пестра
Ванькина кресна:

113. Катя-Катерина
нарисована картина,
Катя зорю вышивала,
офицера дожидала:
офицер молодой,
доведи меня домой;
мой дом на горе,
три окошка во дворе.

Боровое.

114. Боба с Кокой,
Кока с Бобой—
парни удалые:
Боба—курица слепая,
Кока—миска суповая,
Боба-ангел, Боба-бог
и изодранный сапог.
(Конец забыт).

Новониколаевск.

П о д д е в к и.

115. —Скажи: баня.
—Баня...
—Тебя любит Ваня.
Таким же образом в диало-
гах рифмуется:

двести—голова в тесте.
шестьдесят—сопли висят.
три—нос подотри.
чо—чирий на плечо.

- * 120. чайник—отец начальник.
на бане лагун—отец колдун.
на бане веревка—ты (или
твоя мать) воровка.
аркан—отец таракан.
лопата—мать горбата.
125. венец—отец жеребец.
путо—отец ходит круто.
на печурочке (или на при-
ступочке) песок — откуси
г . . на кусок.
колокольня—твоя мать по-
койна.
на бане корыто—твоя мать
в земле зарыта
- * 130. —Скажи: май!
—Май...
—Я п . . ну, ты поймай.
—Я буду ловить
да тебя кормит...
—А я наоборот,
через заплот
да тебе снова в рот...
Киренский у.
В тулунском варианте:
—Я буду ловить
да тебя кормить.
—А я буду отворачивать
да тебе в рот заколачивать..
—Наоборот
да тебе все в рот.
131. —Тебе поклон послали.
—Хто?
—Маша.
—Кака Маша?
—Свинья наша...
Вариант:
—Чо-та мне седни йчитца.
—Верно, поминают.
—Хто?
—Маша...
и т. д.
132. —Спокойной ночи!
—Др . . . ать тебе до пол-
ночи...
133. —Дай мне...
—Рука в г . . не.
Существует продолжение:
вымой в лохани—
ишо будет погани.
Вариант:
—Дай мне...
—Рука в г . . не!
—Я вымою в лохани...
—Ишо будет погане.
134. —Дай сёрки...
—Пакапай в шшэлки,
Может, найдешь—
у сучки три кучки,
у серкя—два комкя.
Вариант:
—Дай серки...
—В нужнике в шшэлки,
у барбоза два воза,
у сучки—две кучки.
135. —Пойду домой...
—Домой?!
Был дом
под г . . ном,
шли татары
да растоптали.
136. —Я буду рассказывать, а
ты говори: „и я тоже...“
—Ладно.
—Пошли мы в лес.
—И я тоже.
—Вырубили корыто.
—И я тоже.
—Налили помой.
—И я тоже.
—Свиньи стали ись.
—И я... тоже.
—А ты разве свинья?
Урулья.

Мишка на краю—
у бога в раю,
Кенка в середке—
в говенной веревке...³¹

Кенка, если он—парнишка находчивый, быстро перестраивает текст поддевки и отвечает:

Ты у стенки—
в говенной пенке,
я в середке—
в золотой веревке,

а Мишку оставляет на прежнем месте.

Есть ответы на поддевки (используемые и в качестве ответов на издевки), которые органически не связаны с тем или иным определенным стихотворением, имеющим значение „речевой акции“; они известны в незначительном числе формул (№№20—21).

Также мало формул для специального выражения торжества победителей. Свою радость удачник поддевала выражает в двестишii:

Амманули дурака
на четыре кулака...

Иногда эта формула разрастается в четверостишие—путем прибавления еще двух стихов:

на пять костров
подовинных дров.³²

*

Случается, что обмен рифмованными стихами переходит обычные границы словесной перепалки: одна сторона, испытав бессилие слов, приступает к действию, а другая продолжает поддерживать диалог. Если пущенный камень или палка не долетит, „словесники“ отмечают:

Не добросил,
свою мать забросил...

Если камень или палка пролетит мимо, они констатируют:

Не попал,
свою мать закопал...

Иные прибавляют:

ни в гроб, ни в магилу—
в сабаччу кабылу...

В отношении формы стиха поддевки в большей их части являются собою разновидность детской поэтической речи, которую можно приравнять к так называемому *складу раешников*, характеризующемуся, главным образом, тем, что неметризованная речь делится на стихи произвольной величины, кончающиеся рифмами.

Исследования по теории техники детского словесного творчества вообще и в частности в пределах рассматриваемых сейчас видов могут плодотворно вестись, опираясь на большое количество материалов. Этим исследованиям должны предшествовать подготовительные работы. Одной из таких работ автор склонен считать настоящую статью, включающую попутные наблюдения над поэтикой небольшой группы произведений детского фольклора. Попутные наблюдения (и при том произведенные на количественно незначительном материале)—неизбежно поверхностны и не полны. Тем не менее я счел себя в праве поделиться ими—потому, что на детское творчество в слове с этой стороны до сих пор, можно сказать, не обращено внимания, и затем, чтобы вопросы поэтики детского фольклора считать затронутыми, хотя бы мимоходом.

Излагаемая в этой статье попытка ввести некоторое упорядочение в затрагиваемые материалы, вопросы и темы, конечно, не может считаться совершенной, бесспорной. Вводимые здесь подразделения и связанные с ним названия и обозначения являются в значительной степени условными и только служебными, предлагаемыми лишь в целях достижения большей ясности в определении состава детского фольклора и отчетливости в характеристике отдельных его частей.

Введение новой классификации и новых терминов допустимо только в исключительных случаях. Едва ли будет несправедливо утверждение, что в таком именно положении оказывается народнословесник и этнограф, останавливающий свое внимание на русском детском фольклоре. В этой области мы не располагаем какой-нибудь определенной классификацией материалов, не имеем и устоявшейся терминологической традиции.

Надо думать, что вводимыми рубриками не охватывается все разнообразие детских произведений, названных здесь издевками и поддевками. Об этом можно будет говорить определеннее, когда будет накоплен больший материал, чем тот, который до сих пор поступил в научный оборот.

II. М а т е р и а л ы.

Для детского фольклора, в частности для тех его видов, совокупность которых мы называли детской сатирической лирикой, мы не обладаем сводом, который представлял бы собою объединение опубликованных в разное время и в разных изданиях отдельных записей и являлся бы необходимым итогом накоплений интересующего нас материала.

Но и до того момента, когда будет выполнена эта очередная задача фольклористов, можно сказать, не боясь преувеличений, что имеющиеся в этнографической литературе записи по затронутой нами теме не свидетельствуют об особенно больших накоплениях. Поэтому всякая удовлетворительная запись произведений детского словесного творчества должна рассматриваться, как далеко не лишняя и не бесполезная вклад в большую очередную работу. Пополнение фонда будущего свода материалов по русскому детскому фольклору является скромной задачей опубликования печатаемых здесь записей.

Они сделаны попутно впродолжение последних трех лет при полевых этнографических работах в пределах Тулунского уезда, Иркутской губернии.

Основой записей послужили личные детские воспоминания, затем—непосредственные наблюдения над жизнью детей. Позволю себе к слову сказать, что за четверть столетия, которая меня отделяет от времени непосредственного участия в детских играх и забавах, в области детского словесного творчества бросающихся в глаза изменений—в сторону ли большого накопления нового, в сторону ли утрат старого—не произошло.³³ В том же меня убеждают наблюдения лиц, поделившихся со мною своими записями.

Из Тулунского уезда я имею, кроме своих, материалы С. Ф. Гущиной (Тулун-поселок) и А. М. Моловцевой (с. Перфилово и Шарагул). Небольшой материал, относящийся к Урульге (в Забайкалье), получен мною от П. И. Титовой. Записи из Киренского уезда (дер. Банщикова) переданы мне М. П. Дмитриевой и Ф. М. Мишариной. Досуг, обеспеченный мне летом 1924 года, дал мне возможность пополнить мои материалы наблюдениями в Акмолинской области (Боровое), где мои сборы были облегчены помощью А. Ф. Николаевой и С. Н. Маркова. Записи из Ново-Николаевска и некоторые иркутские переданы мне Б. В. Шевяковым, из Омска—В. Н. Самойлович.

Записи моих сотрудников, при сличении их с моими материалами и некоторыми данными этнографической литературы (имею в виду для Зауралья—Шейна, для Сибири—Молотилова), обнаруживают факт широкой распространенности приводимых здесь текстов, а сделанные мною опросы нескольких стариков показывают, что многие из печатаемых сейчас произведений³¹ входили в детский репертуар в середине прошлого столетия.

При текстах не везде указывается, в каком месте, и совсем не отмечается, от кого именно сделана запись,—в силу того, во-первых, что тексты, как уже сказано, являются весьма распространенными и записаны во многих местах названных районов, и потому, во-вторых, что большая часть материалов собрана не от тех или иных определенных лиц, а в играющих группах, естественных детских коллективах.

При передаче сообщаемых текстов было желание приблизиться к фонетической записи, но оно, по причинам, о которых нет надобности говорить, не во всех частях печатаемых материалов осуществлено в желательной мере.

И в другом пункте пришлось, подчиняясь установившейся * традиции, отступить от *desiderata* народнословесников. Уступка традиции сказалась в том, что некоторые слова текстов печатаются не полно, с пропусками, глухо и немо обозначаемыми многоточием. Это—так называемые „неудобные для печати слова“. Какие же нескромные или—с точки зрения строгой морали—неопрятные слова содержатся в произведениях детской сатирической лирики? Имея в виду печатаемые тексты, можно сказать, что таких слов здесь нет. Правда, тексты содержат несколько слов, неприятных в нашем обиходе и обычно заменяемых латинскими (по-латыни получается безукоризненно!..), но непредвзятый взгляд обнаруживает, что они ничем особенным из ряда прочих слов не выделяются, никаким грязным смыслом или намеком в общенародном употреблении не окрашиваются (ср., напр., обозначение сидячего положения в народном говоре: Селищев—Диалектологический очерк Сибири, I, стр. 118). Слова детской сатиры прямые и решительные, простые и короткие. В детском фольклоре, взятом в целом, встречаются исключения, не укладывающиеся в это утверждение, но они должны быть отнесены к числу тех „вольностей“, которые свойственны сатирической лирике вообще. Резкость и грубоватость, недопускаемые в других видах словесного творчества, не являются неожиданными или неуместными в сатирической поэзии.

Замена слов или их частей многоточием ничем, кроме традиции, не оправдана; это какое-то нерешительное *полупризнание* допустимости их наравне с другими словами—юридическое непризнание при фактическом принятии. Исследователю застенчивое многоточие не дает права оставлять без внимания ту или иную часть текста или читать не то, что дает текст. Если бы сборники подобных текстов предназначались для детей, то для них многоточия оказались бы едва ли желательным наводящим указанием на возможность доискаться какого-то скрываемого смысла.

Для изучения фольклора необходима полная ненарушенность текстов, полная сохранность их формы, содержания, словарного состава. Только она обеспечивает возможность делать заключения, касающиеся возникновения, развития, вымирания устных словесных произведений.

Изучение детского фольклора имеет, кроме теоретического, прикладное значение,—в частности значение первостепенного источника, дающего материал для исследования детской психологии. Первостепенность его определяется тем, что в словесном творчестве детей исследователь имеет непринужденное самораскрытие их психики, непринужденное высказывание детей о самих себе.

Произвольное „редактирование“ взрослыми произведений *подлинно-детской* устной литературы грубо нарушает их целостность; пропуски и умалчивания, искажая источник, ведут к неправильным заключениям в исследованиях, ставящих себе те или иные—теоретические или прикладные—цели.

Совершенное игнорирование словесных произведений, содержащих *opprobria rustica*, было бы нарушением аксиоматически простых *desiderata* наших изучений, умаляющим смысл и значение этнографических и фольклористических изысканий.

Рифмованные прозвища.

1. Андрей-индей.
Андрюшка-индюшка.
Анисья-на прутике повисла.
Архип-старый гриб.
 5. Верка-табашна мерка.
Витька (или Митька) - коровья титька.
- В варианте:
солена титька.

- Кешка-плешка.³⁵
Лиза-подлиза.
Лизуха-подлизуха.
10. Любка-юбка.
Матрена-ж..па ядрена.
Мишка-шишка.
Павел - в штаны наплавил.
Степка-связана ж..ка.

15. Ульянка-за...нка.
Филька-шпилька.
Жид на г. . не дрожит.
Лягаш, штаны продашь?
Обычным ответом служит
фраза:
- „А ты на копейку купишь?..“
Матрос—в штаны натрес.
20. Дразнила - собачье рыло.
Задавала-собачча
обдирала.

Д р а з н и л к и.

22. Алексей божий
обшитый кожей.
Боровое.
23. Алеха-Алексей
полна пазуха мышей.
Вариант:
Алеша-Алексей
полна ж. . а карасей.
24. Анна—банна
нога деревянна.
*Акмолинск. у., Киренск. у.
Ср. №№ 56, 62.*
25. Аркашка-таракашка,
Аркан-таракан.
26. Ваня, Ваня, улети
на поповы конопли.
Боровое.
27. Женька—женюся,
женюся—разженюся.
28. Илья-пророк
штаны прожог.
Вариант:
Илья-пророк
наклат в чарок.
- *
* 29. Колька-калека
съел человека.
30. Кузя, Кузя,
вошь на пузе.
Акмол. у.
31. Люда—мила
ногу придавила.
- 31-а. Митька титьку не берет,
сам кататца да ревет.
Шабартан
32. Мишка-медведь,
научи меня п. . . . ть.
Ср. № 75.
33. Польша-палеган
штаны пролегал.
34. Сонька-сова,
весела голова.
35. Степа-лепа-требуха
съел корову да быка.
Боровое.
- 35-а. Филька-Филип
на кабыли прилип.
36. Фомишна-булочка пше-
нишна,
ж. . а тряпишна.
Киренский у.
37. Шурка-воровка,
красна головка.
38. Шурка-макака
в чашку накакал.
39. Яшка-якут,
в ж. . е яйца пекут.
40. Братский, братский на орде
с черемущечкой в руке.³⁶
41. Жид пархатый
номир пятый
(или: нос горбатый).
Ср. № 95.
42. Жид-еврей,
нас. . л у дверей.
Иркутск.

Жид маканай
из г. .на стряпанай.

Там же.

43. Немец-переец-колбаса
съел корову да быка.

Омск и др.

Ср. № 35.

44. Поляк, штаны горят,
а ж. .а мерзнет.

45. Вятский слепень
наехал на пенъ.

46. Хромой, верни ногой,
копейку дам.

47. Бараня в салопе
подпоясана по ж. .пе.
Или:
Бараня-фуфу.
вся ж .а в пуху.

48. Вшивый барин
вшей напарил.

49. Бретая башка,
дай пирожка.

Акмол. у.

50. Стрижка-бришка,
в ж. .е кутишка. .

51. Стришка-бришка,
попов парнишка.

52. Стриженный-паленый
под гору сваленый.

Мальта, Иркутск. г.

53. Стрижик-бретик,
дай манетик.

54. Ябеда-беда,
тараканья еда.

И з д е в к и.

55. Андрей-воробей,
не клюй песок,
не точи носок.

Боровое.

56. Анна банна-вшивый бок,
титьки мягки, как клубок,
ж. .а долга, как бадог.

57. Илья муромец—
на ж. .е семь пуговиц,
восьмой фитиль.

Киренский у.

58. Балаган, мой балаган,
ты не знаешь, балаган,
как женился Петрован.

59. Спиха-корова
на печке спала,
калачи проспала.

60. Иман с бородой,
погонись за мной,
три копейки за тобой.

61. Алеша-балеша,
мать нехороша,
отец с кувшин,
борода с аршин.

Боровое, Кокчетав.

В тулунском варианте пер-
вое двустипение поется:

*

Алеха-лепеха,
мать повареха.

62. Анна-банна
нога деревянна,
блин толстой,
каравай густой
Ср. № 24.

63. Борька косой
поехал по соль,
соли не купил,
а кобылу утопил...

64. Ванишна лиха
задавила петуха,

питух питит,
Ваньку за уши тащит.

65. Васька васенок,
худой поросенок
на камушке родился,
г . . шом (или кишкой) по-
давился.

Ср. № 97.

66. Егорка косой,
не ходи полосой,
тебя курицы не любят,
петухи в ж . . у клюют.

67. Иван-болван
с колокольни упал,
жена крива
молоко пролила.

Боровое.

68. Иван-болван
с колокольни упал,
лен сломил
мне не оставил.

Киринск. у.

69. Катюхà, Катюхà
задавила петуха;
петух г . . ны клюет
(конец забыт).

Боровое.

70. Катя, Катя, Катерина,
нарисована картина—
не чернилам, не пером,
из лохани помелом.

71. Колька-миколка
в ж . . е иголка,
ссыт, п . . ит,
колесо вертит.

Акмолинск. у.; Тулунск. у.

- * 72. Коля-моля-селенга,
съел корову да быка,
пятьдесят поросят,
одни косточки висят.

Киринск. у.; Урульга.

73. Шура-мура-селенга
съел кобылу да быка,
семьсот поросят,
только косточки на колыш-
ках висят.

Иркутск.

Ср. № 88; ср. также:

Ванька-кумаханька
съел корову да быка,
три ушата молока,
да ишо голодный,—
штоб ты язвило в бока.

Шабарта.

74. Галки вы, галки,
возьмите по палке,
убейте ворону,
снесите к Мирону.

75. Мишка-медведь,
научи меня п . . еть,
я п . . ну, ты поймай,
никому ни отдавай.

Ср. № 32.

В Перфиловой на это
отвечают:

Я буду ловить
да тебя кормить.

76. Мишка-медведь,
научи меня п . . . ть,
Мишка-медведь,
не умеешь сам п . . . ть.

77. Мишка-плишка,
жена—коротышка,
детки-малетки,
карантовки.

Верхоленский у., Тутура.

78. Ах ты, Нютка-сера утка,
не летай с краю на край,
тебе вымажут ворота,
раскатают весь сарай.

79. Палеган, Палеган—
аржана лепешка,

капитан, капитан—
рванные штанишки³⁷.

80. Петька-петух
на заваленке протух,
Акулина-чепуха
задавила петуха

Боровое.

Ср № 100.

81. Как у Сани на носу
ели свиньи колбасу;
ели, ели три недели,
ели, ели—не доели.
Вариант:
Как у Сани на носу
ели черти колбасу;
ели, ели, не доели,
Сане в рот наб . . . ели.

82. Сенька-везенька
вез бабу на санках...
санки-то скок,
бабе-то в лоб!..

83. Степушка Степан
Степанидушку трепал,
Степанида у . . алась
Степа г . . ны убирал.

84. Федар-бобар
ходил на бар,
шишки брал,
штанишки рвал.

85. Федя-медя
съел медведя,
вы . . ал гуся,
сам: „боюсь“...

Ср. № 101.

86. Федя-медя
съел медведя,
вы . . ал волка,
ж . . а долга.

Тулун, Урульга и пр.

87. —Шурка-бурка-длинный
нос,
почем в городе овес?

— три копейки с пятаком,
Шурка едет с колпаком.

88. Немец-перец-колбаса
съел корову да быка,
семьсот поросят,
одне лопаточки висят.

Омск и др.

Ср. №№ 43, 72, 73.

89. Цыган-мыган
кошку дрыгал
черным рогом
под порогом.
В варианте второе двусте-
шие:
Обдирал
да в рот толкал.

90. Беззуба талала,
тебя кошка родила,
поп крестил—
штаны спустил.
Менее известно шестисте-
шие, образуемое прибавле-
нием сюда двух стихов:
Попадья подбежала,
штаны поддержала.

91. Косой бес
пошел в лес,
срубил палку,
убил галку.

92. Вор-воришка
украл топориска,
полез в окно,
упал в г . . но.

Тулун, Омск и пр.

В варианте первые два сти-
ха поются:
вор-ворина
украл топорина.

93. Коза-стрекоза,
вылуплены глаза,
волчий нос,
белый купорос.

94. Кошкина мать
собиралась умирать,
умереть не умерла,
только время провела.
95. — Жид порхатый
номер пятай
на иголочке распятай,
где твой дом?
— На базаре под г . . . ом
Омск.
Ср. № 41.
96. Андрей-воробей,
не гоняй голубей,
голуби несутся—
всем по яичку,
Андрею затычку.
Акмолинск. у.
97. Васька-васенок
худой парасенок,
на камушке родился,
г . . ном подавился,
др . . . ей обкатился.
Киренск. у.
Ср. №№ 65, 105.
98. — Дедушка Иван,
куды баушку девал?
— в карман заталкал,
она голосом ревет,
волоса себе дерет.
Шабарта
99. Санишна кишка
потянула три мешка,
стали мять—пудов пять,
стали весить—пудов десять,
поехали продавать.
В варианте первый стих
поется:
поселенская кишка.
100. Петька-петух
на заваленке протух,
яичко снес,
казакам отнес;
- казаки не берут,
Петьку за уши дерут.
Омск.
Ср. № 80.
101. Федя-медя
съел медведя,
продал душу
за лягушу,
за поганный котелок.
Боровое.
- В шарагульском варианте
конец читается: „за пра-
пашшава каня“, а в Ша-
барте „за собачью кишку“.
Ср. №№ 85 и 86.
102. Баба-яга
костяная нога,
нос крючком,
голова сучком,
ж . . а ящичком...
103. Косой заяц,
нанес яиц,
вывел детей,
косых чертей,
тяжело ей было.
104. Хòхлы-мòхлы
все подошли,
один остался,
да и тот уср . . ся,
и тот подох.
105. Вася-васенок
худой поросенок,
залез в траву,
кричит: мяу,
залез в копну,
кричит: лопну.
Ср. №№ 65, 97.
106. Олька дура
в лес подула,
в лес пошла,
грош нашла,

мыльца купила,
рыльце умыла.

107. Петька-петух,
на заваленке протух,
ичка снес,
на базар понес,
на базаре не берут,
Петьку за уши дерут.
Отмеченное разрядкой ино-
гда заменяется именем „сим-
патии“, например:
Симе понес,
Сима не берет...
Ср. №№ 80, 100.

108. Сонька дура, Сонька дура,
полюбила шшыкатура,
шшыкатур не дурак:
купил Соничке калпак,
Соня стала надевать,
шшыкатура цалавать.

109. Мама ела редьку,
выкакала Федьку.
Федька воняет,
куриц гоняет,
курицы гогочут,
на яйца не хотят.

110. Вот татарин-бусарман
посадил девку в карман,
девка выскочила,
глаза выпучила,
побежала в огород—
испугала весь народ.
В близком варианте из Ки-

ренского у. поется: „тата-
рин-бахтарман“.

111. Девичий пастух
девок пас,
в огороде завяз.
Увяз и кричит:
—девушки, матушки,
выньте меня,
не спокиньте меня...

112. Ванька в баньке парился,
сучке в ножки кланился;
сучка дришшыт молочком,
Ванька лижет язычком;
сучка не взлюбила,
Ваньку укусила—
сучка пестра
Ванькина кресна.

113. Катя-Катерина
нарисована картина,
Катя зорю вышивала,
офицера дожидала:
офицер молодой,
доведи меня домой;
мой дом на горе,
три окошка во дворе.

Боровое.

114. Боба с Кокой,
Кока с Бобой—
парни удалые:
Боба—курица слепая,
Кока—миска суповая,
Боба-ангел, Боба-бог
и изодранный сапог.
(Конец забыт).

Новониколаевск.

П о д д е в к и.

115. —Скажи: баня.
—Баня...
—Тебя любит Ваня.
Таким же образом в диало-
гах рифмуется:

двести—голова в тесте.
шестьдесят—сопли висят.
три—нос подотри.
чо—чирий на плечо.

- * 120. чайник—отец начальник.
на бане лагун—отец колдун.
на бане веревка—ты (или
твоя мать) воровка.
аркан—отец таракан.
лопата—мать горбата.
125. венец—отец жеребец.
путо—отец ходит круто.
на печурочке (или на при-
ступочке) песок — откуси
г . . на кусок.
колокольня—твоя мать по-
койна.
на бане корыто—твоя мать
в земле зарыта
- * 130. —Скажи: май!
—Май...
—Я п . . ну, ты поймай.
—Я буду ловить
да тебя кормит...
—А я наоборот,
через заплот
да тебе снова в рот...
Киренский у.
- В тулунском варианте:
—Я буду ловить
да тебя кормить.
—А я буду отворачивать
да тебе в рот заколачивать..
—Наоборот
да тебе все в рот.
131. —Тебе поклон послали.
—Хто?
—Маша.
—Кака Маша?
—Свинья наша...
Вариант:
—Чо-та мне седни йчитца.
—Верно, поминают.
—Хто?
—Маша...
и т. д.
132. —Спокойной ночи!
—Др . . . ать тебе до пол-
ночи...
133. —Дай мне...
—Рука в г . . не.
Существует продолжение:
вымой в лохани—
ишо будет погани.
Вариант:
—Дай мне...
—Рука в г . . не!
—Я вымою в лохани...
—Ишо будет погане.
134. —Дай сёрки...
—Пакапай в шшэлки,
Может, найдешь—
у сучки три кучки,
у сёрка—два комка.
Вариант:
—Дай сёрки...
—В нужнике в шшэлки,
у барбоза два воза,
у сучки—две кучки.
135. —Пойду домой...
—Домой?!
Был дом
под г . . ном,
шли татары
да растоптали.
136. —Я буду рассказывать, а
ты говори: „и я тоже...“
—Ладно.
—Пошли мы в лес.
—И я тоже.
—Вырубили корыто.
—И я тоже.
—Налили помой.
—И я тоже.
—Свиньи стали ись.
—И я... тоже.
—А ты разве свинья?

Урулыа.

137. — Говори за мной: „ну“.
 — Идет.
 „Посадил дед в подполье
 репку“.— „Ну“.
 „Репка выросла большая,
 до полу“.— „Ну“.
 „Дед прорубил пол“.— „Ну“.
 „Она росла, росла“.— „Ну“.
 „Доросла до потолка“.
 — „Ну“.
 „Дед прорубил потолок“
 — „Ну“.
 „Репка росла, росла“.
 — „Ну“.
 „Доросла до крыши“.
 — „Ну“.
 „Дед прорубил крышу“.
 — „Ну“.
 „Репка росла, росла“.
 — „Ну“.
 „Выросла до неба“.— „Ну“.
 „Стал дед дергать репку“.
 — „Ну“.
 „Дергал, дергал“.— „Ну“.
 „Выдернуть не может“.
 — „Ну“.
 „Позвал бабу“.— „Ну“.
 „Дергали, дергали“.— „Ну“.
 „Выдернули репку“.— „Ну“.
 „И внучка велела плюнуть
 тому, кто говорил: ну...“

Тулун-поселок.

138. — Говори за мной: „как“.
 — Ладно.

„Пошла баба в кабак“.
 — „Как“.
 „Напилась пьяная“.— „Как“.
 „Пришла домой“.— „Как“..
 „Мужик стал ее бить“.
 — „Как“.
 „А вот так!“
 С последними словами сле-
 дует удар в спину.

Тулун-поселок.

139. По адресу перешептываю-
 щихся в присутствии других
 говорится:
 Шоп-шоп,
 нас . . у в горшок.

140. Ответом служит стихотво-
 ренье:
 Указчику
 г . . а за щеку,
 за другу—
 табу...
 „Указчиками“ ребята назы-
 вают тех, кто жалуется на
 товарищей, выдает их, тех,
 кто вмешивается не в свое
 дело. Это стихотворенье
 используется во всех по-
 добных случаях.

141. Распределив места на общей
 постели, говорят:
 Я с краю-раю,
 медок поедаю;
 ты в середине—
 в золотой веревке...
 (Конец забыт).

Шараул.

П Р И М Е Ч А Н И Я.

¹ Интерес к произведениям детского словесного творчества утрачивается довольно рано: участие в детских забавах и, в частности, в исполнении детских песенок двенадцати-тринадцатилетних ребят расценивается в деревне как явление не совсем привычное. Не говоря уже о том, что взрослые забывают тексты песенок, распеваемых ими в детстве, они утрачивают вкус к детским мелодиям и не сохраняют их ни в одном из видов песенного творчества. В то время, как для детей их песни, прибаутки, присказки наполнены неисчерпаемо богатым содержанием и порождают у них „ряды страстных ассоциаций“, для взрослых почти все эти произведения—бессмысленный набор слов, а мелодии—едва терпимые однообразные и резкие звуки, уже не вызывающие работы воображения. Видимо, здесь и надо искать объяснение того явления, что детский фольклор в целом и его отдельные виды для этнографов и народнословесников остаются едва видимыми и редко упоминаемыми фактами.

² П. В. Шейн—Великоросс в своих песнях, обрядах etc. Спб. 1900, I, стр. VIII.

³ Там же, стр. 26.

⁴ Подобный процесс совершается с некоторыми видами устно-народной словесности на наших глазах. Наблюдения, относящиеся к Тулунскому уезду Иркутской губернии, показывают, что напр., народная драма, спускаясь в детскую среду, выпадает из репертуара взрослых. „Царя Максимиана“ теперь нужно искать в числе сезонных игр, сохраняемых детьми-школьниками.

⁵ Шейн—назв. соч.; стр. XIV.

⁶ Там же, стр. 29. Шейн приводит 63 текста такого рода произведений, записанных в разных губерниях России: стр. 29—37.

⁷ Труды статистическо-этнографической экспедиции в Западнорусский край. Спб. 1877, IV; стр. 36.

⁸ Программа для собирания сведений о деревенском быте. Отчет Вост.-Сиб. Отд. Р. Г. О. за 1901 г.; стр. 14.

⁹ А. Молотиллов—Говор русского старожилого населения северной Барабы. Труды Томского Общества изучения Сибири, 1913, т. II, в 1; стр. 89—92.

¹⁰ Там же; стр. 87.

¹¹ Lucian Müller—Quintus Ennius. Eine Einleitung in das Studium der römischen Poesie. St.-P. 1884, p. 105.

¹² Н. В. Гоголь—Сочинения. Спб. 1898, т. V, 213.

¹³ Эта черта детского характера отмечается не только специалистами в области изучения психологии детского возраста; на ней останавливают свое внимание художники слова; достаточно напомнить утверждение Эврипида, что „страдания детей не занимают“ („Медея“, перев. Инн. Анненского), или Достоевского, у которого читаем: „Дети в школах народ безжалостный: порознь ангелы божии, а вместе, особенно в школах, весьма часто безжалостны“ (Собр. соч., изд: „Просвещение“, XVI, 351). На ту же тему пишут обозреватели жизни наших дней. В качестве примера (одного из очень многих) можно указать „образец буколических детских игр“, который находим в статье Виктора Финка—„Новый быт“. Русский Современник, 1924, книга III, стр. 202.

¹⁴ В поисках „истоков драматургии“ оставлять этот момент незамеченным едва-ли основательно.

¹⁵ *Horatius—Epistularum*, II, 1; 146—150.

¹⁶ *Молотил о в*—назв. выше соч.; стр. 91.

¹⁷ *И. П. Хрущ о в*—О „материалах для этнографии уличной жизни детей“, собранных К. С. Рябинским. *Известия Р. Г. О.* 1885, т. XXI; стр. 543.

¹⁸ Из записей, сделанных в Тулуно-поселке.

¹⁹ В связи с этим наблюдением напрашивается предположение: создавая частушки, не пользуется ли в некоторых случаях молодежь запасами образов, оборотов, слов, унаследованными из детского фольклора, в частности из издевок.

Приспособление частушек или даже использование их в качестве издевок—вещь легко объяснимая. Частушка взрослых тоже нередко носит эпиграмматический характер; она, как некоторые из издевок, злободневна; сходство наблюдается в объеме отдельных произведений, иногда и в метрике. В качестве примера такого использования частушек могу указать текст, помещенный под № 106: в 1919 г. я записал его от девиц в Громах на Ангаре, как частушку.

²⁰ Песенки заучиваются и распространяются детьми, можно сказать, сами собою. В той или иной детской группе выделяется своими наклонностями и способностями какой-нибудь Спирька Ромашихин—„сатиры смелый властелин“, который подчиняет своему влиянию всех, кто живет жизнью этой группы: ему подражают, у него перенимают, усваивают его повадки, его язык, его репертуар; все это делается достоянием группы, более или менее значительного числа подражателей, составляющих, так сказать, „школу“ Спирьки Ромашихина. Такие группы-„школы“ бывают в сборе ежедневно, чуть не ежедневно, особенно малыши. „Нередко,—говорит *Молотил о в* (стр. 92),—можно наблюдать в деревне такую картину. Кучка ребят 5—8 лет, взобравшись, например, на крышу или забор, или поместившись где-либо уютно в сеннике или на полянке, хором читают нараспев или поют в унисон“ разные песенки. При многократном повторении их они невольно закрепляются в памяти исполнителей и слушателей.

²¹ Может быть, не будет лишней пометка, что сатирическая лирика не может рассматриваться, как непосредственное „отражение“ детской среды, ее быта и т. д. Надо знать, что издевшик ничего не пожалеет для едкого слова. Если насмешка „вшивый барин“ (№ 48) зачастую имеет за собою фактическое основание, то „вошь на пузе“ (№ 24), например,—обычно только прозвище, которое можно пристегнуть любому Кузе, а не констатирование действительного факта. Единственный повод у издевшика—желание сказать что-нибудь „задирающее“ и единственное основание—возможность удачной рифмовки.

²² См. примеч. 24-е.

²³ Некоторые наблюдения в этой области сделаны Р. Якобсоном в брошюре „Новейшая русская поэзия“, Прага, 1921; см. стр. 41—42, 55, 58—59.

²⁴ Издевки—произведения устного творчества, поэтому говорить здесь о „строках“ едва ли правильно; я пользуюсь словом „стих“, имея в виду ощущаемый исполнителями и слушателями ритмический ряд, часто отграниченный от других рядов рифмой.

²⁵ См. мой „Детский народный календарь“, нотное приложение. *Сибирская Живая Старина*, в. II, 1924.

²⁶ Ср. В. Жирмунский—Рифма, ее история и теория. Спб. 1923; стр. 13

²⁷ Выражение „рвать штаны“ часто используется в качестве условного обозначения произвольного громкого газоиспускания, так же как, напр., фраза „татарину долг отдавать“—в значении глагола испражняться.

²⁸ Арефьев—Образцы народной словесности. *Известия Вост.-Сиб. Отд. Р. Г. О.*, т. XXXII 1901, № 1—2; стр. 92.

²⁹ Записки Станиславского. *Труды Вост.-Сиб. Отд.*, т. 7, 1912; стр. 170.

³⁰ М. Кузмин—Условности, П., 1923, стр. 173.

³¹ Вариант см. под № 141.

³² Эти „пять костров подовинных дров“ фигурируют и в потешках, записанных мною в Тулунском уезде. Вариант-шестиштишие, проводимое Шейном (I, стр. 35, № 198),—тоже образован слитием приводимого здесь и всюду известного двустишия с стихотворным заговором, произносимым в предупреждение появления ячменя. Ср. *Жив. Ст.* 1915, IV; стр. 344. Этот заговор сообщается детям, как только они смогут удержать в памяти небольшой и удобный для запоминания (вследствие стихотворной формы) текст. Вариант-четверостишие, сообщаемое Молотиловым (стр. 93), начинается тем же общераспространенным двустишием.

³³ Мне лично и моим сотрудникам нигде не приходилось слышать некоторые из приводимых в „Материалах“ издевок (№№ 73—второй текст, 82, 98 и некот. др.); мною они записаны (в Шабарте) со слов людей, запомнивших их с середины прошлого столетия. Возможно, что эти старые тексты могут считаться уже утраченными, выпавшими из современного детского фольклора. Но для каких-либо утверждений указанных фактов, конечно, недостаточно.

³⁴ В Шабарте, напр., в детский репертуар того времени входили №№ 63, 65, 66, 75, 77, 80—84, 86, 90, 92, 94, 95, 98, 99, 102, 107, 112.

³⁵ Приходится пожалеть, что мы не имеем ни местных словарей детского быденного языка, ни словаря поэтической речи детей. Простой просмотр сообщаемых текстов обнаруживает в них наличие слов, нуждающихся в пояснениях. Вот краткие пояснения некоторых.

Бахтарман—басурман; *брёттик*, *брёшка*—бритый; *везенька*—тот, кто возит; *монёттик*—монета; *ляйш*—пренебрежительное название ребенка из интеллигентной семьи; *накласть* (№ 28)—оставить испражнения; *плёшка* (№ 7)—репё; *сплёха*—тот, кто поздно встает; *стрижок*—стриженный; *талала*—звукоподражательное прозвище, даваемое тем, кто неясно выговаривает слова, напр., вследствие потери зубов; *черемушечка*—черемуховый прут.

³⁶ Эта дразнилка, сообщенная мне Д. В. Сизых, теперь, кажется, вышла из употребления, а лет 20—30 назад ее знали все куйтунские ребята. Увидев бурята, едущего на своем одре по селу, они выбегали ему навстречу и пели... Пользуясь наступившей паузой, кто-нибудь скажет: „Братской, а братской, смотри-ка!..“ Поплюет в ладонь правой руки, оботрет ее о то место своих штанишек, которое прикрывает мягкие части, и покажет „кутёшку“. Бурят стегнет черемушечкой лошадку, а ребята бегут за ним и вдогонку поют: „Братской, братской на орде“...

³⁷ Понимание смысла некоторых издевок дается только по ознакомлении с обстоятельствами, вызвавшими их появление. Содержание их далеко не всегда поддается пересказу в какой-либо иной форме, так как и в детских издевках, относящихся к лирическим произведениям, заметно сказывается слитность содержания и его словесного выражения. Данную эпиграмму можно было бы многословно „перевести“, примерно, так: „Чудак ты, Павел! Стать капитаном—разве это легкое дело? Как ты, бедняк, питающийся ржаным хлебом и одевающийся в рваное платье, можешь мечтать об этом?..“ Выигрывая в отношении удобопонятности для постороннего слушателя, это четверостишие лишается в пересказе всех свойств, присущих художественному произведению.

Народная педагогика.

Отрывки и наброски.

Ряд высказываемых здесь мыслей и замечаний подсказан многолетним вниманием к двум процессам, наблюдаемым в народной жизни: процессу вrastания нового поколения в жизнь взрослых, т.е. унаследования культурных накоплений юным поколением, и процессу введения во владение, т.е. передачи культурного наследия одним поколением другому. Некоторыми из наблюдений над первым процессом я имел случай поделиться в своих очерках по детской этнографии; заметки и мысли о втором процессе должны составить содержание работ по народной педагогике. Лишенный возможности (по обстоятельствам, о которых нет пользы говорить) в ближайшее время дать сколько-нибудь законченную работу, посвященную вопросам народной педагогики, я не хотел бы отказаться от мысли затронуть этот интересный вопрос хотя и в несовершенной форме *miscellanea*. *

Сделанная пометка о том, что это — «отрывки и наброски», обозначает не только незаконченность настоящей работы в отношении постановки вопроса, установки понятий, развития затрагиваемых тем и т.д., но и характеризует ее форму. Лишенные всякой системы, эти страницы предлагаются вниманию этнографов с некоторой надеждой на то, что поставленные здесь вопросы побудят других, более сведущих, лиц разработать их в желательном полном объеме. В задачу написания этих отрывков входило, кроме выделения малоизученного вопроса из ряда других в целях привлечения к нему внимания, указание на мало использованные источники изучения народной педагогики. Была при написании надежда и на то, что эти наброски смогут послужить в качестве программы при собирании материалов по народной педагогике; отсюда — популярность изложения и привлечение только общеизвестной педагогической и наиболее доступной этнографической литературы.

Если есть основания переживаемое время рассматривать, как «пору всеобщего расплава и сдвига», то, быть может, не будет несвоевременным говорить о пересмотре вопросов, которые считаются более или менее решенными, и о необходимости некоторых

изменений в трактовке тем, где, казалось бы, многое может считаться более или менее прочно установленным.

К таким вопросам в наших изучениях должен быть отнесен вопрос о народной педагогике.

Трудно сказать, почему у народоведов не хватило внимания к вопросам, которые относятся к народным идеалам, взглядам, путям и средствам воспитания и обучения. В этой области у нас сделано изумительно мало. Тому, кто взял бы на себя задачу дать хотя бы общий очерк народной педагогики, предстоит встретиться с многими трудностями.

В нашей литературе мы находим очень мало сочинений, посвященных интересующей нас теме; отдельные сведения, заметки, попутные упоминания и т.п. рассеяны во многих статьях и сборниках материалов, но они никем не выисканы и не приведены в известность.

Во всей полноте вопрос об изучении народной педагогики у нас не ставился. Внимание наблюдателей и исследователей привлекало воспитание в простонародной среде в первые годы жизни ребенка. Капитальных работ, после известного труда Е.А.Покровского — «Физическое воспитание детей у разных народов преимущественно России»¹, мы не имеем. Сетования автора на то, что «при всей тщательности своих изысканий, именно относительно воспитания детей в России», он «мог собрать из печатных источников лишь только весьма скудный материал, нуждающийся в громадном пополнении» (стр.5), остаются в силе почти в такой же степени, как и сорок лет назад. Правда, за это время появилось несколько небольших работ, посвященных народной педагогике², но они дают только небольшой материал. За это же время было опубликовано несколько программ по изучению народной педагогики³, но эти программы представляют собою только краткие вопросники.

Интерес к народному воспитанию, видимо, не угас и теперь, если об этом позволительно судить по вновь появляющимся программным заметкам⁴ и пополняющимся коллекциям «предметов первоначального воспитания детей» в этнографических музеях⁵.

Затруднения при изучении народной педагогики заключаются в том, что до сих пор нет попыток установки понятия народной педагогики, определения содержания, границ, нет указаний на источники ее изучения, на методы разработки и т.д. и т.д. К этим трудностям, трудностям методологического характера, присоединяются затруднения иного порядка, затруднения, рождаемые общественной атмосферой. Потребовалось несколько десятилетий, чтобы «подлая», т.е. народная, поэзия уравнилась в правах на внимание с поэзией «книжной». Видимо, такую же судьбу придется пережить народной педагогике. Мы загодя, до всякого фактического исследования, склонны отрицать серьезные воз-

возможности постановки вопроса.

Выдвигается несколько возражений против возможности говорить о существовании народной педагогики.

Педагогика, как научная дисциплина, есть систематизированное знание о воспитании и обучении. В народной педагогике, — если мы под этим термином будем понимать совокупность навыков и приемов, применяемых в целях формирования личности в определенном направлении, — не столько система, сколько сумма знаний и умений. Но это возражение нельзя считать основательным; ведь так же обстоит дело с другими проявлениями народной жизни: народной медициной или народной технологией мы называем не систему, а тоже совокупность известных знаний, навыков, умений, однако это не служит препятствием к применению названных терминов.

То, что мы называем народной педагогикой, представляется в совершенно иной форме, чем исследования по научной педагогике, в роде сочинений Ушинского, Кершенштейнера, Лесгафта, Гессена и т.д., — вот другое возражение. Но строгой формы исследования лишены учение Сократа, творения Платона, писания Песталотци, сочинения Руссо, — и тем не менее это обстоятельство не подсказывает нам мысли о непризнании их произведений, как педагогических.

Народные воззрения на воспитание, образование облечены в непривычную форму, выражены не всегда в точных и определенных терминах и т.д. Но то же наблюдается в народной медицине, в народной метеорологии и т.д. Форма и терминология имеют весьма важное значение, но не ими определяется сущность дела; нет никаких серьезных оснований держаться книжного предвзвешивания, по которому к философским и научным, в частности — педагогическим, относят лишь сочинения, написанные прозой, в принятом стиле и в определенной терминологии.

Самый термин *народная педагогика* обычно вызывает ассоциации, ведущие к розге, плети, — к грубому физическому наказанию. К народной педагогике относятся весьма скептически, потому что при сопоставлении с «научной» педагогикой ставят их в неравные условия. Говоря о «научной» педагогике, ее достижениях, всегда имеют в виду педагогические идеи, историю педагогических идей, а не педагогическую практику, не историю педагогической практики; а когда говорят о педагогике народной, то имеют в виду, главным образом, педагогическую практику. Берутся величины, сравнивать которые едва ли законно. Если сравнивать, то нужно сравнивать идеи, теории «научной» педагогики с идеями, «теорией» педагогики народной, а практику первой — с практикой второй, верхи достижения одной — с верхами достижения другой. И тогда результаты сравнения будут, конечно, поняты и выражены иначе, чем теперь. Правда, истории народ-

ной педагогики или, точнее, истории идей народной педагогики восстановить мы не можем, но сопоставить практику народной педагогики с практикой педагогики научной было бы легко, если бы встретилась надобность подойти к ним «оценочно».

Одну из причин невнимания к народной педагогике надо видеть и в том, что специальные педагогические сочинения, в частности — труды по истории педагогики, не уделяют должного внимания народным педагогическим воззрениям и народно-педагогической практике. Обычно в них речь идет — и то кратко — о воспитании у так называемых первобытных народов⁶, при том чаще всего — с чужих слов, никем не удостоверенных, идущих от тех времен, когда этнография — по справедливому, хотя и грубовато выраженному, замечанию проф. С.Глаголева — «переживала такое же состояние, какое зоология переживала в XVIII (веке). Курсы зоологии повествовали тогда о животных, которых никогда не существовало. Курсы снабжались фантастическими рисунками, изображавшими говорящих обезьян. Эти повествования и рисунки были обязаны своим происхождением рассказам путешественников, нередко страдающих известною слабостью охотников к преувеличениям и просто вранью. В XIX столетии подобного рода путешественники делали сообщения о низком духовном уровне дикарей, которых они встречали. Эти сообщения шли навстречу предвзятым идеям и теориям, возникшим в эту эпоху, и потому встречали очень благосклонный прием... XIX век положил конец существованию фантастической зоологии. Позволим себе надеяться, что XX век положит конец существованию фантастической этнографии»⁷. Это будет с наступлением момента, когда в научный обиход будут введены данные, идущие не от лиц, «занимающихся» этнографией, а полученные в результате внимательного наблюдения и строгого изучения всех сторон народной жизни, всех проявлений культуры народных масс.

А покамест этот момент не наступил, сочинения по исторической педагогике категорически утверждают, что воспитание у «первобытных» народов остается на точке замерзания, оно не прогрессирует: не замечается развития ни в понятии воспитания, ни в понимании целей воспитания, мало изменяется и самый метод воспитания (Монро и др.). На чем покоятся эти утверждения, изучение каких источников приводит к ним? «Содержание, процесс и цели» народной педагогики представляются омертвелыми, неподвижными потому, что мы не знаем (и едва ли можем знать) истории народной педагогики. В то время, как научная педагогика отягощена своей историей, большим наследством прошлого, из которого ничто не терялось, почти все — и утратившее значение и имеющее его — сохранилось в писаниях нескольких десятков столетий, — народная педагогика претерпевает иную судьбу: сохраняемая и передаваемая только в устной традиции,

она лишается того, что в данный момент народной жизни утратило значение, так же легко, как дерево осенью теряет пожелтевшие листья. Она не обременена и «рядами материализованных мыслей», скопленных в книгохранилищах; ее бремя легко, потому что она сохраняет и несет не все свое прошлое, а лишь то из него, что признается нужным в данный момент⁸. И это нужное оберегается, рассматривается носителями народно-педагогических знаний, как духовная ценность, в охране которой в какой-то мере заинтересован каждый при столкновении с противоположной тенденцией (вспомним отношение людей старого поколения к воспитанию ребят «по книжке», в роде руководств: «Письма к матерям» Галанина, «Мать» Жука и т.п.).

Не зная истории народной педагогики, можно ли говорить об ее омертвелости, неподвижности? Меняются формы жизни, изменяется ее уклад, изменяются взгляды. Все это не может не сказаться и в педагогике. Впрочем, если бы даже и была установлена с несомненностью застойность, неподвижность народно-педагогических идеалов и средств, то и это не могло бы служить причиной игнорирования народной педагогики. Жорес находит, что педагогические идеи Песталоцци — ретроградны. Но кто из историков педагогических учений обойдет имя знаменитого швейцарца молчанием, кто будет утверждать, что его пора забыть? Народные воззрения можно считать «отсталыми», т.е. не совпадающими с утверждениями научной педагогики, можно, если угодно, считать их «ретроградными» и т.д. и т.д. Это зависит от точки зрения того, кто выносит суждение. Но это не меняет положения дела: как с фактом, с народной педагогикой приходится считаться.

*

Многие представители научной педагогики отрицают осознание цели в народной педагогике, видя в приемах и способах народного воспитания и обучения только механичность; пути и средства народной педагогики, в их суждении, случайны, не озарены сознанием, не связаны с общей идеей, не вытекают из мировоззрения, из философии.

С этими утверждениями связаны и указания на отсутствие в народной педагогике экспериментальной проверки сделанных наблюдений. В самом деле, трудно утверждать в народной педагогике наличие опыта, как такового, т.е. как способа проверки наблюдений, но следует помнить, что человеческому обществу пришлось поневоле проделать множество опытов, которые с большими основаниями можно считать заменяющими во многих случаях опыты преднамеренные, заранее обдуманые и при определенных условиях проведенные. Особенно это легко допустить именно в обсуждаемой сейчас области — в педагогике, т.е. в области искусства воспитания и обучения⁹.

Необходимо отнестись с большим и беспристрастным вни-

манием к делу, чтобы формы и приемы, идеи и средства народного воспитания и обучения не были умалены в их значении, недооценены.

Уже аргументы имеются достаточные основания думать, что выдвигаемые против народной педагогики возражения преувеличены.

Народ живет не одно столетие; до появления европейской школы он имел своих мучеников за идею, разных мастеров, певцов, музыкантов, архитекторов, мыслителей, знатоков окружающего мира, медиков, агрономов и т.д. и т.д., которые каким-то образом наследовали, перенимали умения, навыки, опыт уходящих в могилу поколений; не уносили и сами своих знаний в могилу, а какими-то путями и способами делали их достоянием своих наследников.

Воспитание и обучение существуют в народе столько же веков, сколько существует сам народ, — с ним родились, с ним выросли, отразили в себе всю его историю, все испытанные влияния, все его лучшие и худшие качества.

У народа были и есть известные представления, взгляды на жизнь, на воспитание и обучение появляющихся новых поколений, известные цели и задачи воспитания и обучения их, известные средства и пути воздействия на юные поколения и т.д. Совокупность и взаимозависимость их и дают то, что следует называть *народной педагогикой*. Отрицание взаимозависимости слагающих или, лучше сказать, образующих народную педагогику элементов ни на чем не основано.

В педагогической и философской литературе уже неоднократно указывалось¹⁰, что способы, пути и средства, которые применяет педагог-практик, являются только следствием и оборотной стороной принимаемой им теоретической истины. Распространяя это положение на предмет нашего внимания, следует сказать, что «всякая педагогическая система — даже там, где она выдает себя сама (или ее считают) за чисто эмпирическую науку, — есть приложение к жизни философских воззрений»¹¹.

* Хотя после трудов Деннета, Жонга, в особенности Вундта¹², после появления некоторых русских работ нет надобности доказывать факт существования народной философии, — все еще непривычно звучит выражение *народные философские воззрения*, как непривычно звучит и термин *народная философия*. Не имея нужды останавливаться на различных определениях философии, можно подойти к делу с положением общего характера: к философии относится все, что ведет к обоснованию, углублению и построению мирозерцания. С этой точки зрения и следует говорить о народной философии.

Перед народным умом стоят те же философские вопросы, над

разрешением которых бьются признанные философы. Начать с вопросов:

Отчего у нас начался белый вольный свет?
Отчего у нас солнце красное?
Отчего у нас млад светел месяц?
Отчего у нас звезды частые?
Отчего у нас ночи темные?
Отчего у нас зори утренни?
Отчего у нас ветры буйные?
Отчего у нас дробен дождик?
Отчего у нас ум-разум?

*

Можем ли мы говорить о народном мировоззрении, о том или ином народном взгляде на известный предмет или явление в том смысле, что мировоззрение или взгляд, засвидетельствованный в нескольких случаях, может считаться общепринятым в народе, общенародным? Зная, что далеко не каждую народную песню знает всякий простолюдин, даже не всякий песенник, мы тем не менее называем песню народной; то же самое мы можем сказать о народном обряде: не всякий народный обряд выполняется каждым простолюдином; тем не менее мы говорим именно о народном обряде. То же самое мы наблюдаем и в цивилизованном «обществе»: там та или иная философская система, известное мировоззрение являются достижением, а часто и достоянием, лишь думающей части этого общества или даже отдельных групп его. В какой мере основательно мы говорим, напр., о немецкой философии (хотя и знаем, что не каждый немец знаком с нею), в такой же мере мы правы, когда говорим не только о народном мировоззрении, но и о народной философии (хотя и знаем, что не каждый крестьянин — Бондарев, Сютаев, Тимофей Заяц)¹³.

Указывают на противоречивые взгляды, утверждения, которые можно извлечь из произведений народного словесного творчества, которые находим в философском фольклоре¹⁴, или можем услышать от народных мудрецов. Интересующие нас материалы, и в самом деле, обнаруживают многообразие взглядов, суждений — то сходных, то скрещивающихся, то взаимно противоречивых, — которые нельзя считать только историческим отслоением разных эпох. Носители и хранители народной мудрости были и остаются людьми разных характеров, разного склада ума, разных мировоззрений. Понятно, что и высказанные и высказываемые ими суждения и взгляды не будут одинаковыми. Известная практическая философия «авось» едва ли могла быть создана автором поговорки, в которой говорится: «сам не будь плох»... Сютаев и Тимофей Заяц не повторяют один другого.

На противоречащие друг другу высказывания философского фольклора и других источников изучения народной философии

правильно будет посмотреть, как на выражение различных течений или направлений народной философской мысли. Народная философия — это большая рукопись из неопределенно большого количества непронумерованных листов, разнесенных ветром по земле. Одни листы читаются целиком и без затруднений, другие вызывают вопросы, третьи не поддаются прочтению, а иные совсем унесло куда-то. Задача исследователя сводится к тому, чтобы собрать сохранившиеся листы и, руководясь смыслом написанного и читаемого, расположить их в порядке, вызывающем минимум возражений. Без допущения различных течений или направлений в народной философской мысли задача окажется совершенно невыполнимой.

* Но разные исследователи могут по-разному прочесть или истолковать собранные листы и расположить их каждый по-своему. Кто из них будет прав? Обычный порядок расположения знаменитых «Мыслей» Паскаля принадлежит не автору, а первым издателям. Есть попытки расположить те же мысли в другом порядке. Кто будет прав? Научная истина — не абсолютная истина...

То обстоятельство, что народная философия выступила не в одеянии книжной философии, не мешает признать ее философией. Античная философия, как и некоторая часть немецкой или польской философии, тоже выступила в одеянии поэзии и не проиграла ничего из того, что делало бы ее именно философией. Дело в содержании и стремлениях, а не в одеянии, не в форме¹⁵.

Если народ имеет философию, то, видимо, нет безусловных оснований для утверждения, что его педагогика — ряд неосмысленных, непродуманных механических приемов. Другой вопрос — насколько в каждом отдельном случае осознана связь между мировоззрением и педагогической практикой, насколько педагогические приемы осознаны, как выводы из философских воззрений. Но так же дело обстоит не только в народной философии и (поскольку педагогика есть прикладная философия¹⁶) народной педагогике.

Можно в известной мере устанавливать как общее правило, что «ни один ученый и ни один философ никогда полностью не сознает тех новых синтезов мысли, которые потенциально кроются в его утверждении. Смысл известного утверждения может быть смутным или ясным или вполне отчетливым, причем тут возможны (в зависимости от разных причин) бесконечные градации»¹⁷.

Умение и понимание в деле педагогики могут быть достигнуты только огромным, хотя бы и эмпирическим, знанием психологии, таким, которого часто недостает педагогу, имеющему теоретическую подготовку.

Народные наблюдения в области психологии выступают в

афористической литературе и других видах словесного творчества. Явления *наследственности* замечены, например, в пословицах и поговорках: *Сколько волка ни корми...*, *Яблочко от яблоньки...* и мн. др.; материалы для *характерологии* находим там же: *В тихом омуте...*, *Видно сокола по полету...* и пр. Близки к народным афоризмам некоторые «приметы». Не зная ни Мильтона, ни Шопенгауэра, деревенский мудрец судит в согласии с ними: «Хто чем в малых летах играет, тот тем и заниматца (сделавшись взрослым). Ета очень даже большая примета у нас»¹⁸.

**

В афоризмах народные мыслители выражают плоды своих долгих дум и выводы своей тонкой наблюдательности. Чтобы понять афоризм, надо его раскрыть и наполнить соответствующим его смыслу конкретным содержанием. Вот, для примера, народный афоризм: «утро вечера мудренее». Рассматривая его, как *формулу*, которою пользуемся ради удобства и, может быть, ради выгоды времени, можно сделать *подстановку*: «утром, тотчас по пробуждении, проясняются без всякого напряжения вопросы, которые казались темными накануне вечером»¹⁹.

Многие виды словесного творчества заключают в себе материалы, соответствующие содержанию т. наз. *педагогической психологии*; в сказках, например, находим оценку значения смеха («Царевна Несмеяна» и т.п.), силы любви («Аленький цветочек» и др.) и мн. др. Сказка — прежде всего, конечно, художественное произведение; но и использование ее в качестве источника для познания народной жизни не является незаконным. Во всяком случае оно не менее законно, чем привлечение произведений художественного творчества писателей в целях выяснения их мировоззрения, общественных взглядов и т.д.²⁰.

Сказки не могут не отражать народного мировоззрения; некоторые из них имеют прямое отношение к предмету нашего рассуждения, и каждая из них представляет свиток, который надлежит распрямить и прочесть²¹.

Значения результатов донаучной психологии (поскольку они выразились именно в сказке) не отрицают и специалисты-психологи²².

Самое исполнение сказок возможно только при понимании психологии. Об одном замечательном сказочнике у исследователя народной жизни говорится, что он «производил неотразимое впечатление на слушателей, психологию коих Чима (прозвище сказочника) изучил вполне»²³. То же справедливо будет сказать о няньках, особенно о многоопытных старушках, хранительницах и исполнительницах колыбельных песен, потешек, присказок, прибауток и т.д.

Только «изучив вполне» психологию детства, психологию детских возрастов, можно было создать все средства «материн-

ской школы»: колыбельные песни, потешки и т.д.

Подобного рода указания приводят к мысли, что народно-педагогическая практика в одних случаях явно, в других подспудно строится на психологических наблюдениях. Если можно наблюдать сколько угодно примеров неосознанного применения приемов у народных пестунов, то и в школьной педагогике встречаются подобные же явления. Здесь уместно напомнить знаменательные слова, которыми начал свои беседы с учителями известный американский психолог: «Вы глубоко, очень глубоко заблуждаетесь, если думаете, что из психологии, т.е. из науки о законах душевной жизни, можно непосредственно для школьного употребления вывести определенные программы, планы или методы преподавания. Психология — наука, а преподавание — искусство; науки же никогда не производят прямо из себя искусств. Для этого необходимо посредничество какого-нибудь изобретательного ума, который в силу своей оригинальности начинает применять на практике результаты, добытые наукой»²⁴.

Некоторый разрыв или, если угодно, невязка, между психологией и педагогической практикой не порочит научной педагогики. Педагогика есть «не что иное, как осознание воспитания»²⁵. Распространим этот вывод — по тем же основаниям — и на народную педагогику. О том, что в интересующей нас области народной жизни мы имеем дело с «осознанием воспитания», говорит наличие учительного элемента в используемых в народно-педагогической практике словесных произведениях (сказках и пр.), наличие в народно-педагогических взглядах и практике оценки влияний среды и, в частности, признание воспитательной ценности забавы²⁶.

Может быть, сущность педагогики заключается в определении, отыскании или получении возможностей использовать ту или иную среду, нужную для тех или иных педагогических целей. Еще до окончания материнской школы ребенок без всяких затруднений отпускается и даже направляется в новую, необходимую ему среду, — в общество сверстников. Народная педагогика благосклонно относится к детскому обществу с его времяпрепровождением, забавами, играми. Взрослые люди не всегда безучастны к детским играм; наоборот, они относятся к ним, по словам наблюдателя, «с привычным уважением»²⁷. Принцип детской самостоятельности в народной педагогике осуществлен едва ли не в максимальной мере.

Может быть, не случайно то обстоятельство, что крестьянские дети снабжаются минимальным количеством игрушек. Проще и, главное, привычнее всего это можно объяснить недосугом родителей, невниманием к детям и т.д. Но такое объяснение оставляет не освещенными наиболее интересные явления. Недосуг и невнимание — факты обыденные, отмечаемые в большей

части крестьянских семейств. Но здесь речь идет не о рядовых кормильцах-поильцах, а о носителях и хранителях народно-педагогических идеалов, взглядов, опыта. Если мы этих педагогов и их взгляды мало знаем, это не дает нам права искать объяснения интересующих нас явлений в случайностях и совпадениях. Быть может, это не совпадение, что в практике народной педагогики выполняются или подтверждаются теоретические положения учения Платона, не одобрявшего обилия игрушек у детей²⁸, или Тагора, утверждающего, что «мир игры отравлен для того несчастного ребенка, который переобременен неограниченным количеством игрушек»²⁹. Можно объяснить это явление также отсутствием серьезного взгляда на детские игрушки; но ведь пестуны учат делать куклу, запрягать «коня» и т.п. Можно объяснить его неумением делать игрушки; но много ли надо уметь, чтобы смастерить самую занимательную игрушку — пляшущую куклу, подобие той, которую я видывал в притрактовых селах Иркутской губернии? Стоит только связать небольшой снопик соломы (чтобы можно было охватить крепким кольцом из среднего и большого пальцев детской руки), обрубить ровно концы, поставить на стол и заставить ее, ударяя кулаками по крышке стола, плясать... А игрушки, на которые такие мастерицы старушки-няньки, из коры, бересты, из прутьев, — они могли бы делаться быстро и в изобилии; однако этого мы не наблюдаем. Было бы недоразумением искать причин в отсутствии подходящего материала, годного на поделки игрушек: солома, прутья, береста и многое другое — все под руками. Пытаясь объяснить обсуждаемое явление недосугом взрослых, следует помнить, что хватает же вот времени на рассказы, сказки, песни, шутки, поучения, а на изготовление игрушек его тратят весьма экономно.

Я не располагаю большим материалом по обсуждаемому частному вопросу (не нахожу его и в литературе), но мне представляется не бесполезным привести несколько отрывков из показаний на этот счет моей неразлучной собеседницы³⁰.

«Сам может, дак я чо ему буду потакать: пушай сам делат... Я не была поташница: ну подучишь, не боле што, каку куклу там, коня ли... бабку запречь...»

«У кого много всего, тот балуется, ничего не хочет: хоть в ученье (вот у Семена ребята), хоть в игре... да хоть и где...»

Помещенные выше заметки по разным поводам перечисляют только некоторые источники изучения народной педагогики. Необходимо сделать указания и на другие.

Воспитание ребенка в народной среде начинается до его физического рождения. В заботах о новых всходах жизни от беременной женщины требуется, чтобы она жила повышенной, против обычного уровня, нравственной жизнью, чтобы она каждый шаг делала осторожно: избегала неприятных встреч, бережно бы

относилась к домашним животным и т.д. и т.д.³¹.

Наставления и советы бабушек, дедушек, вообще умудренных опытом людей, которые даются молодым матерям, наказы и указания своим и наемным нянькам, связанные с конкретными случаями, отражают идеалы, убеждения, взгляды, образ мыслей людей старшего поколения, выделяющего из своей среды «педагогов».

* Весьма ценным источником для изучения народной педагогики надо считать наследуемый из века в век и, кажется, очень медленно и осторожно пополняющийся неписанный *vademecum* народной педагогики, содержащий мысли и наставления, касающиеся воспитания и обучения.

«Где гроза, тут и милость.»

«Отец али мать дитю люби, а не оказывай.»

«Покаль он поперек лавки лежит, учи его. А как ляжет вдоль лавки, тожно уж не научишь»³².

В подобных произведениях не всегда точно и не совершенно, но с большой силой и глубиной выражен народный опыт в деле воспитания.

Самым богатым источником, который может раскрыть идеи, способы и средства народной педагогики, является особый вид словесных произведений, вызванных к жизни едва ли не исключительно педагогическими надобностями; это особый отдел фольклора, *устная литература для детей*, поэзия пестования, в своей совокупности составляющая своеобразную неписаную хрестоматию для детей разных возрастов: раньше всего — колыбельные песни; затем, по мере подрастания ребенка, следуют потешки, «приговорки», забавы, небылицы, сказочки, загадки и т.д. и т.д.³³.

* Естественно ожидать, что именно здесь, где все предназначено для ребенка, будет проявлена и чуткость и понимание психики ребенка, его физических и всех иных разнообразных нужд и потребностей. Следует вспомнить народный взгляд на деторождение и на многочадие³⁴, чтобы не был неожиданным взгляд на детей, как на сокровища высшего порядка («не отдам тебя ни за золото, ни за серебро»), вокруг которых вырастают и плоды ума — наблюдения и опыт, и цветы сердца — поэтическое творчество: *ubi enim est thesaurus tuus, ibi est et cor tuum*.

Колыбельные песни не оставлены без внимания исследователями. О них можно речь вести не только как о произведениях народного словесного искусства (это особая задача), но и как о материале, используемом в педагогическом деле. Попытки оценить их с этих двух точек зрения в литературе имеются; впрочем, с интересующей нас в данный момент второй точки зрения колыбельные песни изучались мало³⁵.

Во втором периоде «колыбельной жизни» ребенка эти песни имеют также большое применение, но тогда они — в моменты бодрствования ребенка — перемежаются с потешками, т.е. небольшими стихотворными произведениями, исполнение которых имеет целью возбуждение или поддержание у ребенка радостных эмоций. Потешки можно делить на *потешки-приговорки* и *потешки-песенки*. Первые применяются, когда ребенок в колыбели («зыбке»), проснувшись, потягивается; его гладят по животу, по ногам, по бокам, по рукам, приговаривая в такт движениям рук:

Потягунушки, порастунушки,
в ножки ходунушки... и т.д.

Сюда надо отнести заговоры-шутки, употребляемые в целях успокоения ребенка, выведенного из благодушного настроения ушибом или другим незначительным обстоятельством:

У сороки боли,
у вороны боли,
у Фенички заживи...

Текстов потешек-приговорок много. Еще больше текстов потешек-песенок, исполняемых при несколько других условиях. Бодрствующего ребенка нянька усаживает на ладонь левой руки, на правую руку опирает грудку ребенка, «скакает» его и напевает всем известные «ладушки» или другие миниатюрные прототипы плясовых песен:

Уж так была высока на ногах,
накопила много каки на боках...³⁶

Тексты потешек пользовались вниманием собирателей, но способы и условия их применения, характер выполнения и т.д. оставались и остаются незамеченными; это обстоятельство затрудняет исследование указываемого ряда народно-педагогических приемов с интересующей нас сейчас точки зрения.

Следуя устным уставам народной педагогики, обучение — и показом и сказом — начинается раньше, чем принято думать. Уже в то время, когда ребенок начнет совершать самостоятельные экскурсии в окрестности своей избы, ему даются первые уроки счисления. Возвратившись с экскурсии, он занимает место на коленях у матери или старушки-няньки, а та «учит считать» по пальцам. Берет, скажем, левую руку ребенка и говорит (сначала медленно):

Этот (берет мизинец)
палец (безымянный)
с этим (опять мизинец)

(вдруг быстро и громче):
два пальца! (зажимает вместе мизинец и безымян-
ный).

Так же делают с парой пальцев средним и указательным.

На той же руке или на другой идет продолжение упражне-
ния (тоже медленно):

три (берет только мизинец)
пальца (прибавляет безымянный)
четыре (средний)
пальца (указательный)
(вдруг быстро и громче):
пять пальцев! (охватывает все пальцы)³⁷.

Немного позднее применяются иные способы обучения сче-
ту, на которых нет возможности сейчас останавливаться³⁸.

Своеобразное введение в зоопсихологию предлагается детям
тоже в самом раннем возрасте — через использование подска-
зулек с звукоподражанием, в которых обыкновенно говорится о
знакомых детям животных. По поводу ли шума в курятнике или
по другому подходящему случаю ребенку рассказывают, например:

- Слышишь, курицы осердились на хозяина? Верно, худо
кормит... Осердились и кричат (слышишь?): «хозяина запродать!
хозяина запродать!» Утка говорит: «та-ак, та-ак»... Индюшка
тихонечко: «как ха-ти-ти»... А гусь: «по-огадя маленька!»...
Ишь, ему жалко продавать³⁹.

Произведения этого рода не весьма многочисленны, но яв-
ляются распространенными в народе: в этнографической литера-
туре есть небольшие собрания их, но как они используются пес-
туньями, об этом сведений не находим.

Народная педагогика знает специальные сказки для малень-
ких детей («сказки маленьким»); обыкновенно это стихотворные
произведения микроскопического объема, часто — забавного со-
держания. Аудитория редко бывает многолюдной; обыкновенно
она уместается у ног или на коленях матери или няньки. Вот од-
на из любимейших сказок:

Аленушка — сестричка,
идем в баньку!
Банька топлена,
веник пареный,
шшолок вареный.
- Я нейду, нейду, нейду,
я не здумала пойти:
привязал меня Иван
ко березовой дуге;

волки воют на горе,
съись меня хотят,
под гору стащить -
кишки выволочки⁴⁰.

Подобных сказок в устной народной хрестоматии не мало. Приведенный образец интересен в том отношении, что даже на нем одном выступают все основные особенности «сказок маленьким»: близкий и количественно ограниченный круг действующих лиц, простота фабулы, примитивность построения, незамысловатость словаря, четкость синтаксиса и проч.

К таким сказкам примыкают по характеру и условиям выполнения т. наз. *небылицы* и некоторые другие виды словесных произведений, предназначенных для развлечения и — иногда — попутного научения детей.

«Настоящие сказки» входят в употребление позднее, когда ребята заканчивают «материнскую школу», когда они обнаруживают стремление проводить время не столько дома, сколько в обществе сверстников.

Исследователи русского фольклора остановили внимание на том обстоятельстве, что «в большинстве существующих фольклорных сборников, к сожалению, не указывается, какие из напечатанных произведений народной поэзии предназначены в деревне специально для детей, какие исполняются только для взрослых, какие носят безразличный характер в отношении к возрастным группам населения»⁴¹.

По своим наблюдениям (в этой области их у меня немного) сужу, что умелые сказочники, принаравливаясь к детской аудитории, отбирают постепенно подходящий, на их взгляд, материал из своих запасов, создавая *изборник сказок*, пригодных для детей. Мужчин, обслуживающих детскую аудиторию, т.е. рассказывающих специально для детей (в смешанной аудитории имеют в виду взрослых) я встречал, как редкое явление; среди старых женщин их не так мало. Известные мне старики и старушки в своем репертуаре имеют очень немного сказок, которые они предназначают для детской аудитории. «Сказывашь, штобы чо лишна (непристойное слово, неприличную подробность и т.п.) не сказать... А так чо: хошь и долгу (длинную) сказку — панимат, ни панимат каторый — слушат».

Три года назад на Всероссийской Конференции научных обществ и учреждений с чувством удовлетворения отмечалось: «Широкое использование фольклора в педагогических целях постепенно входит в нашу школу всех ее ступеней. Педагоги, особенно провинциальной школы, начинают проникаться убеждением, что обучение родному языку и словесности должно строиться на наблюдениях над живым языком народным и над художест-

венными произведениями этого языка. Прохождение... курса народной словесности постепенно начинает производиться не с монопольной помощью книги, а путем ознакомления с крестьянской поэзией в ее естественной живой обстановке, непосредственно из уст самих народных мастеров художественного слова»⁴².

Все это не только «начинает проникать», но давно, уже целые века, составляет существенную часть народной педагогики. О более «широком использовании фольклора в педагогических целях», чем здесь, трудно и думать. Здесь не обойден даже самый ранний детский возраст. Обучение родному языку самых маленьких, едва лепечущих детей ведется по «художественным произведениям этого языка».

-Ну, Маня, говори:
Скок — поскок...

Ребенок, как умеет, «балякает» за взрослыми; нянька продолжает:

На чужой мосток...

И ребенок за нею лепечет — слово за словом:

свой смашшу
никаво нипушшу,
саломки пастилю,
сама сяду пасижу...

Или заплетает мать первую косу маленькой дочурке, приговаривает, а та за нею:

Ты расти, моя коса,
расти из корню,
приезжай ко мне, жених,
из городу...
Он посватался
да спрятался,
записку написал
да под печку убежал...⁴³.

«Сабираемся па ягады, вазьмем карзины, туйски, мишышки...
Кавда фсе готовы, ана⁴⁴ и прискажет нам:

Нагрибли мишок в паходы,
делай лямки па пличам.
Фсю дарогу, слава богу,
шол с вадой па зимовьям
ни (на?) прикрасная гулянья,
ни (на?) атрезанай атвал...

Прискажыт — и пайдем. Дарогай то же присказываем».

Крестьянская поэзия преподносится (если угодно — преподается) здесь в более «естественной живой обстановке», чем в школе: здесь — без малейшего отрыва от внешней повседневности. Хорошие певцы охотно, вспоминая детство, говорят о тех, кто «внушал» им песни. «Сядем прясь... Многа нас, девчонак... Ана и учит», — рассказывает моя собеседница из Шабарты⁴⁵ об одной женщине. «Прапаает сколька (несколька, т.е. часть), патом мы за ей. Катора ни ладна (поет), — падладит»...

Следовало бы сказать также, не будь недостатка в месте, о способах использования в народно-педагогическом деле загадок, скороговорок и т.п. коротких произведений словесного творчества.

Усвоение художественных произведений происходит «непосредственно из уст самих мастеров художественного слова». В школе всякий учитель может вести «час рассказа», потому что у ученика нет выбора, потому что учитель, как рассказчик, «вне конкуренции»; не то в народно-педагогическом деле: там только художник-рассказчик пользуется успехом, только к нему ребята бегут; кто лишен такого дара, не возьмется за это дело: к нему никто не побежит.

Знаменитый «час рассказа», введение которого в педагогическую практику обычно связывается с достижениями американской школы последних десятилетий, в действительности не является новинкой в истории педагогических идей и их осуществлений — ни в области преподавания, ни в области развлечения. Рассказывание — старый метод, прекрасно разработанный и непрерывно используемый до наших дней в народной педагогике и совсем недавно перенесенный в педагогику научную.

Цели рассказывания определили выбор материала, предлагаемого слушателям. «В течение многих веков рассказывание было одним из главных методов для передачи знаний юным поколениям и в тоже время оно было излюбленным развлечением. Оно применялось для многих целей: чтобы преподавать религиозные истины, чтобы насаждать нравственность, чтобы знакомить с законами и обычаями»⁴⁶. В народной педагогической практике наших дней цели ставятся все те же: и научение и развлечение. Детям рассказываются легенды, предания, более всего — сказки.

Форма применения указываемого сейчас народно — педагогического приема отразилась на составе, расположении частей и строе рассказываемых произведений. Едва ли возможно определенно сказать, в какой степени они подсказаны художественным чутьем исполнителей и в какой мере — их педагогическим тактом. Видимо, то и другое, действуя или во взаимном пе-

реплетении или параллельно, создали *присказку, заставку, повторения, концовку* и другие элементы хорошо построенных сказок. Все эти начинные, вводные, заключительные части у мастера имеют свое назначение, несут свою функцию: незаметно вывести слушателей из реальной повседневной обстановки и привычной среды, незаметно ввести в мир сказки, в нужный момент создать настроение, усилить впечатление, заморозить, увлечь, затем, перейдя грань наивысшего подъема, постепенно приблизить к обычному житью-бытью, вернуть слушателей в их будничную среду и обстановку.

В имеющихся у меня записях материалов мне трудно было бы найти более ясную иллюстрацию к тому, что я говорю о «часе рассказа» в народно — педагогической практике, чем пример из наблюдений 1919 г. в деревне Пьяновой, Братской волости (на Ангаре). К моему огорчению, на этот раз я вынужден воспользоваться только отрывками своих записей.

Это было в день Кирика и Улиты. Деревня праздновала. Царь Данила⁴⁷ никуда не собирается. Он в надевашке сидит на кровати под полатями. Это статный, хорошо сохранившийся высокий старик лет 60. Смазанные маслом, причесанные, от густой проседи серостальные волосы придают его голове такой вид, будто вся она отлита из стали. Открытые серые глаза, почти правильный нос. Подстриженная рыжеватая борода — тоже с проседью, жидковатые усы.

Он не один. Сколько могла вместить многоспальная деревенская кровать, столько она и вместила ребятишек — парнишек, девчонок, молча окруживших с трех сторон на вид не очень приветливого и очень не словоохотливого старика. Все головы — стриженные и нестриженные, с косоплетками и косматые — обращены в сторону старика; видно, ждут чего-то, а молчат; некоторые конфузливо жмутся к нему. А ему словно и дела до них нет... На скамейках, на табуретах, у порога «примостились» девушки и парни. С ними старик перебрасывается словом...

- Вы чо жметесь-то ко мне? Чо вам надо-то?

Смутились ребята, опустили головы и что-то шепчут. Старик не слышит.

- Бегите домой: мать хватится, ругать будет...

Конфузливо улыбаются и молчат. Видно, что не принимают всерьез слова старика.

- Да ты бы имя, дедушка, сказку сказал, — подсказала девушка.

- Каку сказку? Никакой сказки не знаю...

- Знаешь, — прошипел чей-то голос на кровати. Оглядел всех царь Данила, улыбнулся — и все повеселели... А он снова

молчит...

Не может «придумать» старик сказку и начинает говорить ни с того ни с сего о какой-то козе...

И повел... Говорит он, когда разойдется, быстро — быстро. Язык у него на удивление выразительный, и рисует он мазками, наскоро.

- И ладная коза была бы, да... поперечинка тут такая вышла...

... На зеленых травки похватила и дальше. Только спину показыват... А его дело-то паханой-то земле куды ускачишь... хошь плачь!

Ребячьи глаза обступили его, уставились на него...

- И где уж эту козу нашли, не знаю. Ты, Ванька, не знаешь?..

Мальчуган не сразу очнулся. Потом засмеялся, и все тихо, довольные, захихикали.

- Ну, больше не знаю.

Подобные сборища у него — явление обычное, особенно в праздничные дни (в них царь Данила не работает), а в рабочее время — в ненастье. «Малым-то ребятам сколько одно ни рассказывай, все будут слушать», — замечает сказочник. Парни и девушки, которые в детстве достаточно наслушались его сказок и рассказов, ими «затверженных от малых лет, но никогда не скучных», пользуются малейшей возможностью, чтобы послушать их в 1001 раз.

Не всякую его сказку можно передать, потому что не заметишь, где она началась; своим началом она где-то вплелась в разговор, а когда уловишь и поймешь его речь, как сказку, сказка уж далеко от начала. Да хоть и известную сказку начнет старик, начнет ее с предисловия, с присказки, мешкотно — словно дельная баба веретено устанавливает.

Уставила. Зашуршало, закрутилось. Вытянулась, побежала нить — сначала прямая и четко видимая, потом закрутилась, забегала кругом стерженька, неизвестно из чего, откуда выросшего, потеряла четкость в очертаниях... А глаз ловит ее, гоняясь за нею. Зацепила, притянула нитка глаза — нельзя оторваться! И бежит уж не одна, бежит, неразлично переплетаясь, много ниток — солнечных и лунных*, золотых и серебряных**, шерстяных и портяных***. Тянутся нитки, обматывают, заволакивают сознание. Наматывается клубок, толстеет, кружится перед глазами. Ве-

*«Вот солнышко уж на вчерашнем месте, пекет: ить петровки!...»

**«А одежда — одно слово: серебро да золото.»

***«У его, бедняги, кака одежда? одна одежда — стара рогожа, друга куль праздничный... Может, шабуришка какой...»

ретено шуршит и жужжит — ткется словесная ткань сказки...

Ребятишки — «бытта померли». Девки «серу перестали жувать»⁴⁸.

Веретено шуршит и жужжит. Но... какие-то изменения в мотке. Нитки бегут, но в каком направлении, — не уловишь, глаз не различает. Нитки бегут, но уж не наматываются, а сматываются; моток словно тает...

На ребячьих лицах улыбка, губы подбираются.

«А там уж чо?.. Пир пирком и свадьбишка». Последняя нитка смоталась.

Здесь возможно ожидать указаний на недочет народной педагогики, допускающей к употреблению в детской аудитории и «страшную» сказку. В педагогической литературе не раз высказывалось мнение, что использование сказочного материала должно быть осмотрительным, сказки должны проходить через некоторую педагогическую цензуру, чтобы «страшная» сказка, могущая болезненно отразиться на ребятах, не проникла в детскую аудиторию.

Едва ли это мнение выходит за пределы педагогического сентиментализма. Ведь это — априорное построение, которое фактическим материалом никем не подтверждено.

Полезно было бы для обоснованного решения вопроса иметь показания тех, кто на себе испытал влияние сказок. Ни Пушкин, ни Толстой⁴⁹, ни Соловьев⁵⁰, ни Кони⁵¹, ни Бунин⁵², ни Горький в своем «Детстве», — никто из оставивших замечания на этот счет не говорит в подтверждение высказываемых опасений. Конечно, этим вопрос не разрешается и не снимается с обсуждения, но обвинение сказки, как народно-педагогического средства, во вредном влиянии на детскую психику в той или иной мере ослабляется.

Лучшие педагоги в народной среде — люди старого поколения, поколения людей, уже перебродивших, успокоившихся, уже не имеющих личных интересов, в нравственном отношении живущих выше обыкновенного уровня. Обыкновенно это — бабушки, свои или чужие. «Бабушка — победоносное слово. Для внушек нет теплее места, как у бабушек», — говорится в одной прекрасной учительной книге. «У стариц — мудрость, опытами и трудами жизни приобретенная. И они часто невзначай, в простых фразах, высказывают такие мудрые уроки, которых и в книгах поискать, — не найдешь»...

Достоин замечания отношение людей большого ума и глубокой культуры к крестьянкам — нянькам. Отношения Пушкина к Арине Родионовне общеизвестны; это, так сказать, классический пример.

Вот несколько других. «Я уверен, — пишет А.Ф.Кони⁵³, — что за границей почти невозможны такие типы, как вымирающий ныне у нас тип старой няни, органически слившейся с семьей, где были ее питомцы... Моя первая няня была донская казачка Василиса или Васса — высокая статная красавица... У меня остались в памяти ее сказки и страшные рассказы об оборотнях, в существование которых она искренно верила».

«Няню Татьяну Филипповну я помню потому, — читаем в биографии Льва Толстого⁵⁴, — что она потом была няней моих племянниц и моего старшего сына. Это было одно из тех трогательных существ из народа, которые так сживаются с семьями своих питомцев, что все свои интересы переносят в них».

Нельзя не назвать историка Соловьева, посвятившего первые страницы своих «Записок» рассказу о своей няне. «Самыми близкими и любимыми существами для меня в раннем детстве были — старая бабушка и нянька. Последняя, думаю, имела немалое влияние на образование моего характера. Эта женщина, сколько я помню сам и как мне рассказывали другие, обладала прекрасным, чистым характером: она была сильно набожна, но эта набожность не придавала ее характеру ничего сурового; она сохраняла постоянно общительность, веселость, желание занять, повеселить других, больших и малых... Если я родился со склонностью к занятиям историческим и географическим, то постоянные рассказы старой няни о хождениях, о любопытных дальних местах, о любопытных приключениях не могли не развить врожденной в ребенке склонности»⁵⁵.

Говоря о «довольно сильном» нравственном и «умственном влиянии» старушки-пестуньи, историк сожалеет: «После я не встречал подобной няньки и не мог найти для своих детей няньки, хотя сколько-нибудь похожей на мою Марьюшку»⁵⁶.

Такие пестуньи, конечно, очень редки; это — мастера в благороднейшем значении слова; в них — высшие проявления педагогического дарования и предельные достижения народной педагогики. Если историю научной педагогики изучают по высшим достижениям, воплощаемым в творениях Платона, Амоса Коменского, Песталоцци, Руссо и пр., а не по работе рядовых тружеников, — будет справедливо, т.е. методологически правильно, и народную педагогику изучать не по приемам и сказу любой встречной няньки, а тоже по высшим достижениям выдающихся педагогов. Так, ведь, и происходит в этнографических изучениях других проявлений народной жизни: и сказку, и песню, и обряд мы изучаем на «лучших образцах».

В изучении народной педагогики приходится констатировать большую отсталость. О певцах, сказочниках, знахарях, лекарях и пр. мы имеем — пусть не богатые количественно, но значительные качественно материалы: биографии, характеристики,

* портреты, в редких случаях — даже иконографию (М. Д. Кривополенова), сведения о репертуаре и т.д. и т.п. Много ли собрано материалов о *народных педагогах*? — Крайне мало, и то — из вторых рук: Родионовна, Марья-нянька, Васса (или Василиса) Ивановна, Татьяна Филипповна... Можно прибавить еще несколько упоминаний — о няньке Бессонова, о няньке Рыбникова и некоторых других, но это большею частью — упоминания, о ценности которых для наших целей судить пока невозможно. А вот книжечки, подобной брошюре Б.М.Соколова — «Сказители»⁵⁷, куда бы вошли сведения о замечательных педагогах, этнографы не имеют; даже материалы для такого рода сборничка не подобраны и, кажется, не подбираются. Отой же М. Д. Кривополеновой за последние годы, можно сказать, выросла литература. О ней говорят как об артистке, певице, сказочнице. Это понятно. О ней же попутно, случайно упомянуто: «в чужом доме жила, с детьми водилась»⁵⁸. «Исключительное по силе дарование, терпеливый, кроткий характер»⁵⁹, «тонкое знание людей»⁶⁰ — могли ли оставаться под спудом у мудрого человека? Трудно представить себе их не «на свещнице», не на службе при пестовании своих и чужих детей, но об этом — ни слова... Есть упоминание и об «учителе» Кривополеновой: «Столетний дед Кобалин с детьми водился»⁶¹. Из его «школы» вышла знаменитая сказительница, а о нем — только упоминание, не больше...

Теперь едва ли возможно определенно говорить, **что** может сулить изучение народной педагогики в философском (теоретическом) и практическом отношении. Но некоторые суждения позволительно считать не подлежащими оспариванию.

* Если на школьное воспитание, которым пользуется сравнительно небольшое число детского населения страны, надо смотреть, как на «фундамент культуры народа» (Наторп), то, конечно, с наименьшими основаниями такую же мерю нужно мерить народную педагогику, воздействию которой подвергается подавляющее большинство детей в стране. Как бы к народной педагогике ни относиться, все равно — педагога не может не занимать вопрос о «дошкольной подготовке», т.е. о семейном воспитании детей, приходящих в школу. Работа школы — продолжение работы семьи (и дополнение к ней) и потому должна в тех или иных отношениях, в той или иной степени исходить из того, **что** дало семейное воспитание. Применительно к массе русского населения вести речь о семейном воспитании, или о «дошкольной подготовке», значит говорить о народной педагогике.

Наряду с вопросом, как «увязать» школьную работу с дошкольной, перед педагогом стоит другой вопрос: надо ли и можно ли вести дальше начатое в семье дело в том же направлении или необходимо не только дополнить недостающее, но и исправить ошибки. Чтобы удовлетворительно разрешить эти вопросы,

к народной педагогике надо подойти близко, уяснить ее идеи, задачи, пути и средства, иначе невозможно оценивать слагающие ее элементы.

Примечания:

1. Несколько ранее вышла работа Элиашевича — О первых приемах физического воспитания детей у разных народностей, населяющих Иркутскую губернию. Иркутск, 1879.

2. Балов — Рождение и воспитание детей в Пошехонском уезде, Ярославской губернии. Этногр. Обзор. 1890, №3; Бунятов — Домашнее воспитание у армян Эриванской губернии. Там же. 1894, №4; Сенигов — Народное воззрение на учение и воспитание. СПб., 1896; Косогоров — Русское народное воспитание. Живая Старина, 1906, IV; Чарушин — Уход и воспитание детей у народа. Известия Архангельского Общ. изуч. Русского Севера, 1914, №18.

3. В. Чернышев — Русское народное воспитание. Несколько указаний и вопросов для собирания материалов о нем. Жив. Ст., 1906, IV; О. П. Семенова-Тяншанская включила несколько вопросов, касающихся народной педагогики, в «Программу сообщения сведений о быте крестьян», помещенную в очерках «Жизнь Ивана». Записки Русск. Геогр. Общ. по отд. этногр., т. XXXIX, 1914.

4. А. И. Дзенс-Литовский и И. С. Абрамов — Познание местного края. Л., 1925; стр. 72; «Первые шаги краеведа», сб. ст. Ивано-во-Вознесенск, 1926, стр. 90.

5. Этнографический Отдел Русского Музея. Пгр. 1923; стр. 24. Попутно укажу на Библиогр. указатель Д. К. Зеленина, СПб., 1914, стр. 307 и сл.

6. П. Монро — История педагогики. М. 1911, т. I, гл. 1; Ш. Летурно — Эволюция воспитания у разных человеческих рас. СПб., 1900, и др.

7. С. Глаголев — Религиозная философия у негров Бавили. Б. В. 1908, I, стр. 147.

8. История народной педагогики в том виде, как ее можно проследить по устным источникам, упирается в ссылки на «стариков», являющихся едва ли не единственным авторитетом в глазах народа и его пестунов; «так старики делали», «так старики учили», «так старики вели» и т.д. Остается не показанным, почему опыт и практику стариков должно признать оправданным или не нуждающимся в оправдании. Это не то значит, что оправданий нет, а то, что непривычные к теоретизированию простолюдины не видят надобности доказывать общеизвестное, общепринятое; ссылка на авторитет имеет в таких случаях смысл формальный, как «сокращенное обозначение продолжаемости объяснительного процесса», подобно сокращениям современного языка: «и т.д.», «и т.п.», «и проч.».

9. В. Джемс — Беседы с учителями о психологии. М., 1910, стр. 8.

10. Из старых авторов ср., напр.: А. С. Хомяков — Полн. собр. соч. М., 1900, стр. 289.

11. С. И. Гессен — Основы педагогики. Берлин, 1923, стр. 8.

12. В начале прошлого десятилетия, приняв участие в составлении «Всеобщей истории философии», отдельные части которой написаны разными специалистами (в коллекции *Die Kultur der Gegenwart, ihre Entwicklung und ihre Ziele*) Вундт написал статью о начатках философии у т. наз. первобытных народов, представляющую собой краткое извлечение из его большой *Völkerpsychologie*.

13. О крестьянине-философе Т. Бондареве см. ст. Льва Толстого в Венгеровском Словаре. О В. Сютяеве литература указана в Ежемесячном журнале 1916, № 4, стр. 204-206. См. также: Тимофей Заяц — Записки. С предисловием А. К. Чертковой. Голос Минувшего 1913, № № 8-12; Т. Бондарев — Спасение от тяжкой нищеты. Ежем. журн. 1914, № 5.

14. О «философском фольклоре» см.: И. И. Лапшин — Философия изобретения и изобретение в философии, т. II, изд. 1922 г., стр. 5-7.

15. В образной форме эта мысль выражена у Ф. Ф. Зелинского: Из истории идей. СПб., 1916; т. I, стр. 434.

16. Ср.: Наторп — Философия как основа педагогики (перев. под ред. Шпета); Гессен — назв. сочинение.

17. Лапшин — назв. соч., стр. 208.

18. Слова Гавр. Григ. Нефедьева (д. Хобок — в Тункинском крае). Из записей М. К. Азадовского.

19. Ср.: Лапшин — назв. соч., т. I, стр. 120-121.

20. Имею в виду, на прим. «Гольфстрем» Гершензона, где художественное творчество Пушкина рассматривается, как «точка в потоке мысли», начатом Гераклитом, «Мудрость Пушкина», статью Франка о Тютчеве (Русская мысль 1913, XI), статью Бирюкова — Художественные произведения Толстого, как отражение мировоззрения (Север. Зап. 1913, VIII) и т. п. сочинения.

21. Вл. Соловьев — Тайна прогресса. Полн. собр. соч. СПб., 1903, т. VIII; Е. Соловьева — Философия в сказке. Сборн. ст. «Художественное рассказывание детям», под ред. Н. Е. Румянцева, Пгр. 1919; Е. Трубецкой — «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке. М., 1922.

22. В. Ерузалем — Введение в философию, изд. «Моск. Книгоизд.», стр. 215.

23. Живая старина 1912, II-IV, стр. 354.

24. Джемс — назв. соч., стр. 8.

25. Гессен — назв. соч., стр. 21. — В утверждениях, что педагогика есть осознание воспитания и что преподавание — искусство, нельзя видеть непримиримое противоречие: в попытках специалистов создать систему педагогики отстаивается точка зрения, которую «можно было бы обозначить, как попытку синтеза разума и интуиции..., рационализма и иррационализма» (Гессен, стр. 9).

26. Что педагогика т. наз. «некультурных», или «первобытных» народов «несомненно, до некоторой степени признает воспитательную ценность забавы», не отказываются признать и педагоги — теоретики, которых невозможно подозревать в идеализации народа и в непомерно высокой оценке народного опыта и народной мысли. Ср. Г. Джонсон — Игры и забавы в воспитании. М., 1922; стр. 31.

27. С. К. Кулжинский — Игра в лодыжки. Этног. Об. 1900, №1, стр. 141.

28. М. М. Рубинштейн — Платон учитель. Иркутск, 1920.

29. Р. Тагор — Воспоминания. Гос. изд. 1924, стр. 33.

30. Е. А. В-ва; см. о ней Жив. Ст. 1915, IV, стр. 326.

31. Бунятов — назв. соч., стр. 163 и сл.; Виноградов — Самоврачевание etc, Жив. Ст. 1915, IV, стр. 356 и др.

32. Эти примеры — из записей, сделанных в разное время в Тулунском уезде Иркутской губернии.

33. Обычно эту группу словесных произведений относят к детскому фольклору. К такому отнесению мало оснований. Детский фольклор составляют произведения, которых не включает репертуар взрослых; это совокупность произведений, исполнителями и слушателями которых являются сами дети. Рассматриваемая же группа, как творчество взрослых для детей и составляющая репертуар, гл. обр., взрослых, должна быть обособлена: это — создание женщины-матери и пестуны, это — материнская поэзия, или поэзия пестования. Оттого, что их исполняют и дети, произведения этой группы не делаются детским фольклором, подобно тому, как исполнение детьми солдатских песен не дает права на включение солдатской песни в детский фольклор, пока эти песни не выпадут из фольклора взрослых и не станут достоянием только детей. Что касается вводимых здесь обозначений («материнская поэзия», «поэзия пестования»), то их нельзя считать вполне удачными, но они более удачны, чем отнесение к детскому фольклору произведений недетского словесного творчества.

Мало того, что отнесение этого вида словесного творчества к детскому фольклору неправильно, оно затемняет очень важную черту поэзии пестования: трудно указать другой вид словесных произведений, где бы женская стихия в поэтическом творчестве проявилась наиболее беспримесно.

34. Виноградов — назв. соч., стр. 376-377.

35. Интересна по мысли и некоторым замечаниям статья Г. До-

брякова — О колыбельных песнях. Вестник Воспитания 1914, №8; указана небольшая литература.

36. «Кака» — испражнение (из словаря, употребляемого взрослыми в разговоре с малыми детьми); пример — из записей в Тулунск. уезде.

37. Есть варианты этого и другие способы «счета». Помещенные здесь записаны О. М. Блюменфельд в Усть-Куде (недалеко от Иркутска) весной 1926 г.

38. Один из них приводится в моем «Детском народном календаре». Сиб. Жив. Стар., II, 1924, стр. 67.

39. Это — один из вариантов; записан в Тулунском уезде.

40. От старушки из Томской губернии записала О. М. Блюменфельд.

41. Б. и Ю. Соколовы — Поэзия деревни. М., 1926, стр. 137.

42. Тезисы доклада Ю. М. Соколова. Дневник Всеросс. Конф. научных обществ и учреждений 1921, №4, стр. 56.

43. Оба примера — из Шабарты Тулунск. уезда.

44. Шабартинская старушка, умершая более 50 лет назад, Софья Гавриловна Яринова.

45. См. примеч. 30-е.

46. Э. и Дж. Партридж — Как и что рассказывать детям в школе и дома. М., 1914, стр. 11-12.

47. Крестьянин Данила Гаврилыч Метляев свое прозвище получил за свою осанку (он — самый видный мужчина в деревне), за свой ум и характер. Он очень внимателен, на редкость рассудителен; славится справедливым человеком, пользуется авторитетом не только в Пьяновой, но и во всей Братской волости. Для неграмотной деревни он, тоже совершенно неграмотный, служит и календарем — справочником, и судьей, и советником. К нему обращаются за справками о праздниках и постах, об очередях и сроках отбывания какой-то общественной повинности; к нему обращаются супруги, которых «мир не берет»; он мирит, счуняет (уговаривает) их; однодеревенцы покосы делят — поссорятся, — к нему идут: «раз што он справедливый»... Умер в 1920 или 1921 году.

48. Из дневника 1919 г.

49. Л. Н. Толстой — Полн. собр. соч., изд. Сытина, I, стр. 341-342.

50. Записки Сергея Михайловича Соловьева. Изд. «Прометей», стр. 5-8.

51. На жизненном пути, т. I, М., стр. 364-365.

52. И. А. Бунин — Полн. собр. соч., Пгр. 1915, т. VI, стр. 323.

53. См. примеч. 51-е.

54. П. Бирюков — Л. Н. Толстой. Биография, т. I, М., 1906, стр.81.
55. Записки С. М. Соловьева, стр. 5-6.
56. Там же, стр. 8.
57. Борис Соколов — Сказители. М., 1924.
58. О. Э. Озаровская — Бабушкины старины. М., изд. 2; стр.14.
59. Там же, стр.93.
60. «Разгадала фронтовую психику». Там же, стр.14.
61. Там же, стр.6.

Детские тайные языки.

К р а т к и й о ч е р к.

В непродолжительной истории каждого детского поколения наблюдатель подмечает тот же триединый процесс, который устанавливает мыслитель для истории каждого народа и государства. Быт детей лет до семи характеризуется всеми главными признаками „первоначальной простоты“: в нем много неустойчивого, бесформенного, в нем много подражательности. Период лет от семи до двенадцати-тринадцати характеризуется наибольшей самобытностью, напором сил, яркостью; это — период „цветения и цветущей сложности“. Затем наступает третий период, — „период вторичной простоты“ с его разрозненностью, вялостью, неуверенностью, неустойчивостью.

Бесспорно, что это (как, вероятно, и всякое другое) деление детского возраста на периоды в большой или малой мере условно, но оно полезно при попытках выделить наиболее интересный для наблюдателя возраст; к тому же оно не находится в противоречии со специальными исследованиями периодов человеческой жизни¹.

Самый интересный, яркий и содержательный — второй период. Вторая половина, особенно конец его, характеризуется развитием у детей „хорового начала“, общественной жизни, уходом их в жизнь своей среды, настойчивым *обособлением* от жизни и быта взрослых. Свои игры и свои обычаи, свое право и своя общественность, свой фольклор и свой язык, — вот что обособляет детей в периоде „цветения и цветущей сложности“ от мира взрослых².

Обособленность лишний раз (и, может быть, с большей убедительностью) подчеркивается стремлением детей к созданию языка, который давал бы возможность полнее и в то же время неприметнее для взрослых осуществлять планы, задачи и стремления, связанные с их общественной жизнью.

Этим задачам чаще всего отвечает какой-нибудь искусственный язык, являющийся не только средством общения

между членами языковой группы, но и могущий служить целям *сокрытия тайны* от посторонних, непосвященных,—прежде всего от взрослых и уж во вторую очередь—от малышей.

Какие тайны детских сообществ или групп охраняются от взрослых и малышей и почему?

Обладание тайным языком не всегда предполагает у носителей этого языка наличие подлинно тайной организации.

Тайные сообщества, вполне оправдывающие такое название, встречаются в детской среде довольно редко. К ним можно отнести организации, ставящие себе „преступные“ цели лишь время от времени и выполняющие их, так сказать, *между прочим* (кража из огородов, из конопляников), и с полным основанием—более постоянные ассоциации малолетних преступников, спаянных воровством, как профессией.

В большей же части детские временные или постоянные ассоциации лишь с известной долей условности могут называться тайными. Они окружаются некоторой таинственностью из подражания образцам (разбойники, индейцы), из необходимости обезопасить себя от насмешек взрослых и вообще людей чужих по настроениям и интересам, из стремления быть или казаться интересными, необыкновенными, из желания „держать фасон“ перед малышами, возбуждая их восхищение и плохо скрываемую зависть.

И здесь сила потребности становится силой творчества. Нужда в непонятном для непосвященных средстве общения через слово рождает *тайные языки*.

Различные виды и разновидности детских тайных языков распространены довольно широко, особенно в городах и больших селах.

Степени их распространенности не вполне соответствует степень интереса к ним и знакомства с ними. Правда, детский * argot пользуется вниманием новых беллетристов,³ авторов брошюр о беспризорных детях,⁴ но блатной язык—не самый распространенный и далеко не единственный в обиходе детских масс. О других детских языках (если не иметь в виду работу Д. К. Зеленина об языке семинаристов⁵) мы встречаем только упоминания и беглые характеристики их⁶.

Такое положение дела оправдывает мое намерение опубликовать краткое описание некоторых из тайных детских языков, сделанное на основании имеющихся в моем распоряжении материалов, собранных в разных местах Восточной Сибири: на Амуре (Зея и Благовещенск), в Забайкалье (Чита и Маккавеево), в Иркутской губернии (Иркутск, Тулун и др.), в Ени-

сейской губернии (Красноярск, Енисейск); некоторые записи относятся к Томской губернии.

Недочеты моего сборничка ясны каждому. Он, конечно, не вмещает всех материалов, которые можно было бы собрать в указанных провинциях; данное мною описание не отмечено следами трудолюбного изучения детских языков; оно сделано кратко и схематично и, возможно, с допущением ошибок. Если последуют желательные дополнения и необходимые исправления, то это и будет как раз то самое важное, на что мне хотелось бы надеяться. Таким путем создастся удовлетворительное собрание материалов, обеспечивающее возможность изучения детских языков.

Краткое описание тайных языков.

Заумный язык.

1. Взрослые в своем языке часто не имеют слов, которые обозначали бы предметы детского повседневного обихода, понятия, связанные с детским общественным бытом, не имеют они, как кажется, и слов для выражения детских настроений, переживаний, вообще духовной жизни детей. Видимо, употребительный материнский язык, в том составе и виде (с ограниченным запасом слов, их оттенков, оборотов), в каком он доступен детям интересующего нас возраста, не настолько богат, чтобы им можно было ограничиться, выражая мысли и многообразные настроения и ощущения. Не отсюда-ли создание новых слов, насыщенных своеобразным смысловым или эмоциональным содержанием,—слов *заумных* и *речи заумной*?

Любование звуками слова и сочетаниями их свойственно детям. В речи взрослых они не всегда находят радующие их звуки в таком изобилии, как в своей заумной речи. Отсюда неудовлетворенность обыденным языком социальной среды и поиски если не во всем нового, то необычного,—того, что взрослые назовут „коверканием“ обычного языка, *искусственным языком*.

Элементы, делающие искусственный язык *тайным языком*, улавливаются в разговорном заумном языке детей и подростков.

Детская заумная речь не всегда переводима на обычный язык и всегда—неповторима. Чтобы заинтересовать кого-либо („для форсу“) или с целью привлечь к себе внимание, в группе детей импровизируется непонятный для окружающих разговор, дразнящий страсть и возбуждающий зависть непосвя-

щенных. В одних случаях говорящие на новом языке совершенно не понимают друг друга, и даже каждый говорящий не знает того, что он говорит, ведя совершенно заумную речь; от живой речи в ней только и остается, что звуки да утрированно-выразительная интонация. Внешняя сторона тайного языка здесь в наличии: сокрытие истинных намерений, которое здесь можно наблюдать,—один из признаков тайного языка.

С теми же целями создается речь из каких угодно слов какого-нибудь иностранного языка; в сравнительно недавнее время читинские, иркутские и, вероятно, другие бурсаки-подростки нередко пользовались этим видом заумной речи.

* Один произносит на греческом языке (он был в таких
* случаях самым употребительным) отдельные фразы из Кюне-
* ровой грамматики или Ксенофонта Анабазиса, другой поучает, что когда говорят старшие, то юноши должны молчать, иной, с трудом удерживая смех, говорит о гибели священной Трои, древнего Приама и его народа-копыеносца... Каждый участник „разговора“ понимает все слова и все фразы, но, по существу дела, никто ни с кем не разговаривает (т. е. не общается через слово),—ведется та же заумная речь; эффект получается такой же, как и в предыдущем случае.

В заумном языке можно видеть только элементы тайных языков. Подлинные тайные языки, наблюдаемые у детей, распадутся на несколько групп.

Языки из основы и утка.

2. Самую большую группу образуют языки, которые создаются на основе общеупотребительного языка взрослых путем включения в нее (основу) искусственно составленных добавлений в виде слогов или заумных слов.

* Элементы общеупотребительного языка здесь будут названы *основой*, а искусственно образованные включения и наставки—искусственным же термином *утка*. Некоторое оправдание использования этого не вполне удачного названия нахожу во внешней аналогии между переплетением разных элементов, образующих детский искусственный язык, и процессом тканья, где уток „идет поперек основы и перебором образует ткань“¹. Вводные или наставные слоги, расчленяя привычные слова на приблизительно равные части и размещаясь между ними, окрашивают их своими доминирующими звуками; чередуясь с этими частями, часто повторяющиеся одни и те же вводные или наставные слоги придают речи на этом языке звучность, иногда—ритмичность,—звуковую орнаментику, по-

добно тому, как окрашенные нитки утка, вплетаясь в нити основы, дают рисунок.

В порядке увеличения узоров утка́ надлежит рассмотреть а) языки, построенные на вплетении между слогами основы одного слога утка́ (для краткости удобно назвать: языки с односложным утком), б) языки, образованные вставками между слогами основы двух слогов утка́ (кратко: языки с двусложным утком), в) языки с многосложным утком.

Языки с односложным утком.

3. Язык на *то*. Наиболее простым и потому весьма распространенным приходится считать язык, который образован путем включения между слогами (сказать иначе—после каждого слога) основы одного слога утка́. В Енисейске лет 25 назад, в других местах и теперь, уток составлялся из слога или частицы *то*⁸.

Пример: *Шуртокато* *ко*тогда*то* *ме*то⁹ня*то* *сп*ро¹⁰тосят-*то* *ты*то *под*тоска¹¹то *зы*товай¹²то (Шурка, когда меня спросят, ты подсказывай).

Однообразное повторение частицы *то* привлекает к себе внимание слушающих и отвлекает от смысловых слогов основы; так достигается главная цель пользования этим языком—сокрытие тайны от непосвященных. Надежным показателем полного овладения этим языком служит умение говорить без длинных пауз и при том быстро: это и полезно, потому что служит той же цели оберегания тайны, и красиво.

4. *Тутни-язык*. Этот язык занесен в Иркутск, в одно из детских обществ, где были мальчики и девочки, лет 10—12 назад заботливостью книгоиздательства Сытина, выпустившего на русском языке книгу *Сэтона-Томпсона*—„Юные дикари“. В 8 главе первой части (стр. 48) говорится об этом языке: Мальчуган говорил на особом языке, который он называл *тутни*... Язык тутни заключался в том, что во всех словах гласные оставались без изменения, а согласные удваивались, и между ними вставлялось *у*. Так *б* превращалось в *буб*, *д* в *дуд*, *м* в *мум* и т. д. Например, слово *мум-о-луд-чуч-и* означало—молчи.

Этот заимствованный небольшой группой детей и подростков язык употреблялся не столько в обыденной жизни детской языковой общины, состоявшей из 6—8 человек (мальчики и девочки), сколько при игре в индейцев.

Тутни не подвергался каким-либо изменениям—может быть потому, что он был не единственным языком, которым владела описываемая община. Может быть, относительно лексики

нужно сделать незначительную оговорку. Лексика обогащалась заимствованными словами—почти исключительно „индейскими“, идущими в детскую среду через книжку Лонга „На крайнем севере“, через „Песнь о Гайавате“ Лонгфелло. Такого происхождения были, напр., слова: *Эймилос*—лисица, *Мувин*—медведь, *Пиквам*—черная куница и др. (это—слова-прозвища); *колумед*—трубка мира; *коммуэи*—хижина и др. Как слова, заимствованные с иностранного, они не подвергались изменениям. К тому же они и без того не были понятны врагам—взрослым и вообще непосвященным.

Если тутни не подвергся изменениям, то послужил некоторым образцом при образовании новых тайных языков, надобность в которых, несомненно, была: тутни не считался легким языком для всех членов языковой общины, включавшей детей и подростков от 8 до 15—16 лет, т. е. людей неравных сил⁹.

5. Трудно отказаться от предположения, что довольно распространенный язык *зутни*¹⁰ не создавался (в той-же группе) по образцу и подобию тутни: не только схожесть названия, но и принцип построения языка склоняет к такому подозрению. Построение его таково: каждая гласная произносимого слова повторяется два раза, а в середину вставляется согласный *э*; говоря иначе, после каждого слога основы прибавляется короткий слог *уткэ*, состоящий из согласного *э* и гласной слога основы.

Пример: *Язэ вназэ юзю чтозэ тозо* (я знаю что-то). *Позэ йдэзэм назэ созэ лнызэ шкозэ* (пойдем на солнышко).

Всюду соблюдается закон гармонии гласных. Разделение на слоги подчиняется требованиям удобства произношения (ср. *позэ-йдезем* и др.). Ударение, если каждую образующуюся пару слогов принимать за слово (как это делают иногда представители данной языковой группы), падает на вторую гласную; если же о слове говорить в общепринятом смысле, то приходится сказать, что слова этого языка несут несколько (по числу слогов *уткэ*) ударений.

Из всех языков, употреблявшихся (и употребляющихся в нынешних детских группах) при игре в индейцев, *зутни* самый употребительный,—может быть, потому, что он приятно и необычно звучит и, звеня своим неустанным *э*, подсказывает ребятам-индейцам больше того, что подслушал, взяв свою „детскую азбуку, малый букварь“, Бальмонт. Может быть, потому он и кажется ребятам легче, чем тутни. Только в случаях необходимости поступаются на время этим языком. Иногда это было (и, видимо, бывает) нужно для того, чтобы „запу-

тать“, сбить с толку выслеживающих непосвященных, начинающих вслушиваться в разговор; иногда это вызывалось ходом игры - импровизации, когда одной группе участников нужно чем-нибудь отделиться, обособиться от другой. Хотя вариант языка, или, лучше сказать, диалект был всем понятен, цель достигалась: получалось видимое отчуждение, обособление групп.

Образование диалекта достигалось заменой *з* на какой-нибудь другой согласный, напр., *ф*. Тогда речь звучит, примерно, так: *Афамуфур рафазлифи вафаефетсяфа* (Амур различается).

Среди иркутских школьников и теперь есть группы, говорящие на зутни, меняя *з* на *к*: *секевокодняяк укурокок фикикикики* (сегодня урок физики).

6. Язык *вахара*. После каждого слога основы прибавляется последовательно один из трех слогов утка: *ва*, *ха*, *ра*.

Вовадаха горарявачахаяра (вода горячая). *Левад хохалорадныйва* (лед холодный).

Слова разбиваются по слуху, а не „по грамматике“ (между прочим, это дает возможность усвоить языки неграмотным); отсюда вместо ожидаемого *ледва* находим *левад* (лед), *вм. лёдра* и *ныйва*—*лорадныйва*. Вообще и в этом языке допустимы отступления, вызываемые требованиями удобства, и возможны обмолвки при быстром произношении; так, фраза „лед холодный“ может быть произнесена, напр., так: *левад хохалорад-ванныйва*.

Употреблялся этот язык в последнем десятилетии прошлого столетия в красноярском духовном училище.¹²

Языки с двусложным утком.

7. Язык *фита*. Строеение его тоже не сложное: каждый слог основы отделяется от следующего двумя слогами утка.

Образец: *Тыфита кыфита дыфита пофита шлыфита?* (ты куда пошла).

В акающих говорах, как у старожилов Иркутска, особенно у неграмотных ребят, эта фраза звучит так: *тыфита кыфита дыфита пафита шлафита?*

Ударение на каждом слоге основы, или (что то же) на первом слоге слов языка *фита*. История изобретения языка *фита* неизвестна. В Иркутске несколько лет назад это был тайный язык „разбойничьей шайки“ (в тридцать человек) мальчуганов 8—12-летнего возраста.¹³

Известен этот язык и детворе Томска,¹⁴ у девочек здесь он несколько сложнее.

* 8. Так же образован язык *драга*, отмеченный в Зее (Приморье).¹⁵

Видимо, всем известное в этой местности золотоискательское слово *драга* использовано в качестве утка при образовании тайного языка.

Пример: *Какдрага выдрага подрага жидрага вадрага етодрага?*—*Лудрага чшедрага нидрага кудрага дидрага* (Как вы поживаете?—Лучше некуда).

Точность в разделении слов на слоги, особенно в окончаниях, не является обязательной (см. *етодрага*). Ударение ставится на слоге, непосредственно предшествующем утку; каждое слово несет несколько (по числу слов) ударений.

Говорят на этом языке очень быстро, так что смысловой элемент затирается, и слух непосвященных воспринимает только заузное (для данного случая) слово *драга*. Малыши этим языком не пользуются: требуемая основными целями быстрота произношения им непосильна.

9. Язык *шицы* ничем существенным не отличается от только что описанного. Пример: *прѣшицы хошицы дѣшицы сѣшицы гошицы дняшицы вешицы чешицы ромшицы бушицы демшицы игшицы ратьшицы* (приходи сегодня вечером, будем играть).

Замечания о разделении слов на слоги, об ударении, способе использования, сделанные относительно языка *драга*, следует распространить и на язык *шицы*.

10. Язык *фара*. Он построен на вплетении двух слогов утка, размещенных между всеми слогами основы. Гласный каждого слога утраивается, связываясь поочередно с согласными *ф* и *р*. Пример: *Офорот прафарав ляфярй тефересь нафара уфуру шафара кофоров куфуру* (отправляйтесь на Ушаковку).

Если в слоге основы два согласных, слоги утки вставляются в середину—после гласной, а согласный приставляется в конце (напр.: *неферет*—нет). Ударение ставится на каждом третьем слоге от начала. Лет 20 назад этот язык был достоянием небольшой (три человека—10 лет и моложе) детской языковой общины (село Тельма, Иркутской губ.); теперь им пользуются более многочисленные группы детей.¹⁶

Пользуясь этими языками, русские дети словно переключаются с иноязычными детьми на восточном берегу южной Африки, которые также создают секретный язык путем прибавления к начальному слогу основы частицы *lande*,¹⁷ с детьми *вадшагга*, которые вставляют в середину каждого слова

частицу *ngala: kitabu* (в выражении *losoma kitabu*—мы читаем?), напр., произносится как *kitangalabu*.¹⁸

Языки с многосложным утком.

11. Язык *ведива*, или *вампа*. Самый сложный по числу слогов утка, вплетающихся в ткань основы, язык. К каждому слогу основы или (сравнительно редко) к многосложному концу слова прибавляется звучное сочетание восьми слогов *ведива*—*ведивампампа*; при этом соблюдается гармония гласных: ударенные гласные утка подчиняются гласной слога основы или ударенному гласному конца слова; например:

Ждаведивѣ-ведивампампѣ ливедивѣ-ведивампампѣ Льваведивѣ-ведивампампѣ Геведивѣ-ведивампампѣ оргиевича-ведивѣ-оргиевича-ведивампампоргиевича, даведива-ведивампампа естьведивестъ-ведивампампесь заведивѣ-ведивампампѣ хотеливедиве и т. д. (ждали Льва Георгиевича да есть захотели).

Этот довольно трудный язык наблюдается главным образом, если не исключительно, в обществе девочек.¹⁹

12. Есть языки более сложного образования, получающиеся соединением утков двух языков, напр., языка *фита* и *ведива*. Пример: *Ждафита-ведива-фита-ведивампампа-фита лифита-ведифита-ведивампампи-фита* (ждали).

Подобного рода языки употребляются редко и почти всегда в небольших группах девочек. К комбинированным можно отнести и „индейские“ языки.

Языки с приставными слогами.

Определенную группу составляют тайные языки другого образования, когда слоги утка *приставляются впереди* слогов основы. Наиболее распространенными оказываются языки *на вер*, *на о*, *на бер*, *на ши* и *щи* и пр.

13. Язык *на вер*. В принятом словоупотреблении: говорить *на вер*. Образец (Чита, курорт Макавеево):²⁰ *Верьѣ верпѣ вермнѣ верчѣд вернѣ верьѣ вермгнѣ вервѣ верньѣ* (я помню чудное мгновенье).

В произношении некоторых отделения гласного в „словах“ *верья* и *вернье* нет; читается: *верѣ*; *вернѣ*. Ударение на каждом слоге основы.

В Рабочей Слободе Иркутска дети и подростки (главным образом мальчуганы—8-16 лет) говорят *на бер*; например: *бертьѣ бердѣ беррак* (ты дурак),

14. Язык *на о*. В обычном словоупотреблении: говорить *на о*. Пример (Тулун и мн. др. места):

Онѹ откѹ ормѣть окѹ онѣ озѣ ома орѣн огѹ—не откор- мить коня замореного. Ударение на каждом слоге основы. Уступка требованиям удобства и благозвучия: вм. последовательного *оот око* (во втором слове приведенной фразы) находим *отко*.

Язык на *щи* или на *ша* (говорить на *щи* или на *ша*). Пример: *шитѣ шикѣ шидѣ шипѣ шишѣл?* Или: *шатѣ шакѣ шадѣ шапѣ шашѣл?* (Ты куда пошел?). При желании осложнить язык используют тот и другой приставной слог, заставив их чередоваться; тогда приведенная фраза будет звучать так: *шиты шаку щида шапо шишол?*

Ударение на каждом слоге основы.

В 1918—26 г.г. все варианты этого языка были в большом употреблении среди учащихся и подростков (8—16 лет) в Тулуне, Иркутской губернии; не умер этот язык там и теперь.²¹

16. Язык на *щипа*. Пример: *щипаѣ щипапѣй щипадѣ щипадѣ щипамѣй* (я пойду домой).

Разделение на слоги, как часто бывает в детских языках, не всегда „по грамматике“ (этим, как и другим, языком пользуются часто и неграмотные), а так, как удобнее для произношения; напр., в одних случаях слово *пойди* разложится на слоги так, как только что показано (*щипапѣй щипаду*), в других иначе: *щипапо щипайду*.

Ударение ставится или на первом слоге *уткѣ* или—гораздо чаще—на каждом слоге основы.

Распространен у ребят (главным образом мальчиков 8—16 лет) в Рабочей Слободе в Иркутске. Впрочем, маленький люд (около 10 л.) предпочитает говорить на *о*, особенно на *бер*.

17. *Индийский язык* соединяет в себе черты языков обеих охарактеризованных групп. Одни элементы его *уткѣ* оказываются в положении приставных слогов, другие следуют после слогов основы. Пользующиеся этим языком каждый звук произносят как название буквы: а, бѣ, вѣ... эл, эм и т. д.; пример: *эстѣл эсѣлѣмазѣся* (стол сломался).

Ударение делается произвольно; неизменно оно ставится, кажется, только перед паузой, необходимой для передышки при быстром произношении. Неторопливое произношение и стремление замаскировать смысловые элементы слов, закрыв их обилием гласных, в частности непрерывным *э*, влечет к увеличению числа ударений. *Пѣѣшѣли бѣѣ вѣ элѣс дѣѣ пѣѣгѣдѣѣ пѣѣлохѣѣѣ* (пошли бы в лес, да погода плохая).

Уступки удобства произношения и требованиям благозвучия наблюдаются и в этом языке: напр., замена в слове

пэ́лохэ́я ха на хэ должна быть объяснена именно как такая уступка.

Индийский язык наряду с другими употреблялся преимущественно при игре в индейцев, никакого названия не имел (здесь назван индейским, как имевший преимущества в указанной игре). Появление индейского языка в одной языковой группе было вызвано надобностью в языке, которого не понимали бы младшие члены. Один из старших членов группы (14—15-летний гимназист) после поисков и размышлений нашел выход из затруднения, изобрел („придумал“) этот язык—довольно неудобный и трудный; впрочем, эти минусы искупались тем, что язык достигал своей цели и тем, что он был совсем необычный. К тому же изобретатель был авторитетнейшим членом группы: самым сильным, самым ловким, самым ученым и—главное—знал себе цену. Как бы то ни было, среди старших членов группы язык привился.²²

Языки с меной окончания основы.

18. Язык *фарты* (или *харты*). К каждому односложному или двусложному слову прибавляется окончание *фарты* (или *харты*); в словах многосложных отбрасывается обычное окончание основы и заменяется тем же двусложным *фарты*.

Пример: *Яфарты* по́фарты гуля́фарты (я пойду гулять). Впрочем, это правило имеет не мало исключений, характер которых можно показать на таком примере: *Жи́фарты* стари́фарты со стару́фарты у са́фарты си́фарты мо́фарты—(жили старик со старухой у самого синего моря). В последних трех словах делается уступка удобству произношения, может быть, в ущерб понятности, отсекается и заменяется не только окончание, но и часть корня. Вследствие этого не всегда можно различить времена глаголов и пр. Говорение (использование языка) неграмотных отличается тем, что они предлог с следующим словом не разъединяют (состару́фарты). Ударение падает на слог, стоящий непосредственно перед уткóм.

Язык *фарты* (в Иркутске) в игре почти не употребляется; это—язык или деловой (в одних случаях) или служит для забавы—особенно у малых детей (моложе 10—8 лет), которым он дается без большого труда.

19. Так же образован язык *харки* (Тулун и окрестности). Образец: *Чехарки* ты́хархи мнехарки говори́харки? *Яхарки* совсехарки непонима́харки тебя́харки (Что ты мне говоришь? Я совсем не понимаю тебя).

Все замечания, касающиеся ударения, отступлений от правил, некоторых удобств говорения неграмотных и исполь-

зования языка фарты целиком можно повторить применительно к языку хarki.

Язык этот давнего происхождения: по свидетельству Е. А. В-вой, шестьдесят и более лет назад шабартинские²³ ребята, сплошь неграмотные, говорили, несмотря на запрещения взрослых, на этом языке. Он называется в некоторых местах *тарабарским*.

20. Близок к нему язык *гарии*. Он сложен по тем же правилам, что и предыдущий: к каждому односложному или двусложному слову или к корню (тоже не строго различаемому) слов многосложных прибавляется уток *гарии*; различие состоит в том, что вторая гласная утка находится в подчинении (не всегда строгом) у ударенной гласной основы.

Ты*гарии* смотри*гарии*! (ты смотри!). Или (из частушки, распеваемой в Тулуне): Ты*гарии* мое*горю* серд*горю* (ты мое сердечко).

Употребляется и в детской переписке (в „записочках“ при „ранних всходах“)²⁴.

21. К этой группе должно отнести язык *енции*, распространенный лет 25 назад в Енисейске²⁵ вместе с другими языками.

Пример: Сегод*енции* буд*емции* чит*енции* и перевод*енции* Параш*енции* Сибири*енции* (или Сибир*енции*) (сегодня будем читать и переводить Парашу Сибирячку). Начало крыловской басни о поваре-грамотее произносится так:

Как*енции* повар*енции* грамот*енции* с повар*енции* убеж*енции* сво*енции*, а дом*енции* стереж*енции* от мыш*енции* кот*енции* остав*енции*.

22. К этой же группе следует причислить подражательный язык, образуемый переменой окончаний обычных слов на „французские“.

Пример: Шант*он* целебр*он* лаглу*ар* даш*иль* (Антон серебро на бульвар ташил).

Ударения, конечно, на последнем слоге каждого слова.

Этот язык (некоторое время применявшийся в небольшой группе сельских школьников в Тулуне лет около 30 назад) был подхвачен из какого-то сборника детских пьес.

Языки с перестановкой звуков из основы в уток.

23. Язык *шоцы* (зовут в иных местах и тарабарским). Образован таким образом: после слова, если оно немного-сложно, или первого слога основы, или вообще какой-либо части слова прибавляется двусложный уток, содержащий части-

цу цы; при этом, если слог основы начинается с согласной, то она, заменяясь звуком ш, переходит в уток и дает начало первому его слогу (вилка—шилковицы, ножик—шожикноцы и т. п.)²⁶. Если слог основы начинается гласной, то к нему спереди подставляется ш (я—шайцы). Соблюдается гармония гласных.

Шайдацы шилковицы и шожикноцы шожалуйстапоцы (дай вилку и ножик пожалуйста).

Шайцы шичегоницы шепонимаюницы шопоцы шраеведенью крацы (я ничего не понимаю по краеведению)²⁷.

Правила здесь не весьма строги, особенно в части, касающейся разделения слов основы на слоги. Они разнятся, видимо, по местам, т. е. в разных селах и городах.

Разновидность этого языка дают варианты, в которых звук основы меняется не у первого слога, а из середины слова (второй или третий слог). Так, гадалейский²⁸ вариант языка (диалект) дает, напр., не шарелка-тацы, как было бы в только что описанном варианте, а ташелка-рецы (тарелка).

История создания гадалейского диалекта, в коротких словах, такова.

Необходимость создать непонятный взрослым язык внесла несколько новых слов в лексику мальчуганов. Взрослые—вне закона; сделать „налёт“ на огород не считается в детских организациях предосудительным. Важно не „влопаться“. Сделать налет на огород обозначалось словом шесто́плáвить; были и другие слова. Кто-то приезжий привез разработанный язык;²⁹ он быстро (приблизительно в месяц) распространился под названием тарабарского. Вместо шесто́плáвить получилось шесто́лшáвить-лацы и пр. Обыкновенную речь из уст ребят трудно было услышать.

Образец разговора: Пойшомте-дѣцы, решáта-бяцы шесто́пшáвить-лацы в огошод-роцы к Гафашиловым-ицы; шам-тацы шесть-ецы шочень-воцы шобрые-доцы огушечки-рецы, а саша-мацы шотка-тѣцы Шарья-мацы ушехала-ецы на зашимку-ицы.

„Перевод“: Пойдемте, ребята, шесто́плáвить в огород Гафаиловым; там есть очень хорошие огуречики (огурчики), а сама тетка Марья уехала на заимку.

Ударений два: на слоге основы и первом слоге утки.

На этом языке ребята пробовали сочинять частушки; одна начиналась словами:

Сашет-пляцы шонь-коцы,
ишат-грацы гаршонь-моцы...

В переводе: Пляшет конь,
играт гармонь...

Пелись такие частушки (их сочинили с десяток) несколько иначе, чем обыкновенные; их исполнение было близко к речитативу.

Язык шоцы был и языком детской письменности. В записках писали слова—в целях достижения большей неясности—без малейшего отрыва, ничем не отделяя одно слово от другого.

Занесенный откуда-то язык в сравнительно короткий срок (2—3 года) потерпел некоторые изменения. Так, в заботах о благозвучии этого языка звук *ш*, имеющий большое значение, иногда заменяется через *с*; произносится: сашет-пляцы (пляшет) вместо ожидаемого шашет-пляцы.

Для некоторых слов выработалось исключение; напр., признаком дурного знания языка в гадалейской языковой общине считалось, не говоря о неумении быстро говорить, пользование формами: огушец-рецы (огурец), ишй-збацы (изба); тонкий знаток языка говорил: огушечик-рецы (огурёчик), шизбачка-ицы (избачка).

Группа этих слов была очень невелика. Слово шорошо-хоцы (хорошо) было вытеснено словом добшо-роцы, шобрые-доцы (добро, добрые).

В числе преобразователей этого языка был двенадцатилетний весьма способный, дерзкий на руку и язык, мальчуган—гадалеец.

Услышав впервые непонятную речь от сверстников, он не встретил со стороны владевших языком готовности научить его и усвоил язык только в результате упорного подслушивания в продолжении двух или трех недель.

Во все это время он был фактически отстранен от общественной жизни, изолирован от наиболее интересных иноязычных групп односельчан, а они, гордые знанием языка, были недоступны и разжигали любопытство. Ключем для него послужило не раз слышанное и в конце концов понятое им как свое имя: Шаська-вацы.

Овладев затем быстро языком, он был распространителем его за пределы Гадалея (Шарагул, Тулун).

Пользование этим языком в Гадалее длилось в продолжении двух-трех лет. Стоило только взрослым научиться понимать „тарабарскую речь“, и он был оставлен, как не достигающий цели³⁰.

Оборотные, или обратные языки.

24. Они, есть поводы думать, возникали не один раз в разных местах, в различных языковых общинах, независимо от взаимных влияний.

В последнем десятилетии прошлого века (вероятно, и раньше) красноярские бурсаки пользовались языком, который назывался *сзаду наперед*.

Пример: Ялпац, йад снм йерахус—Цапля (прозвище), дай мне сухарей³¹.

Несколько позднее группа подростков в Иркутске с легкой руки пьяного человека, который, в рассказе Аверченко говорит два слова: *обисапс* и *онвабаз* (спасибо и забавно), стали говорить языком *сзаду наперед*, назвав его *оборотным языком*. Образец: йад жон—дай нож. В недавнее время одна детская группа (в Иркутске) стала исполнять на этом языке издевку:

Аклёк аклоким в епож аклоги тисс тидреп оселок титрев.

В согласии с акающим говором взрослой среды, перенятые слова звучат как *абисапс*, *анвабас*; звук *э*, ушедший в конец слова, естественно перешел в *с*.

В некоторых языковых группах строгая перестановка звуков „сзаду наперед“ нарушается, приносится в жертву удобству произношения и благозвучию; так, вместо ожидаемого по правилу неудобопроизносимого *отч* (что) практика дает изящное *точ*³².

25. Более сложный оборотный язык строится по другому принципу. Каждое слово делят на две части (приблизительно по равному количеству слогов в каждой) и меняют их местами; односложные слова изменяются путем перестановки звуков.

Пример: Сявй ыт диприхò мнекò (Вася, ты приходи ко мне).

Ударение ставится произвольно; чаще на последнем слоге. Предлоги редко отделяются от слов, с которыми они связаны (ср. *мнеко*—ко мне).

Язык в широком употреблении: на нем не только ведутся разговоры, но и поются песни, в частности—частушки.

Иногда описанные разновидности оборотных языков вступают в различные комбинации, создавая сложные образования.

И опять мы видим словно переключку русских детей с детьми кафров, которые тоже меняют порядок слогов, ставя один на место другого³³, и с детьми негров вадшагга, переставляющими слоги слов: *losoma kitabu* (мы читаем?) звучит у них как *maloso bukita*³⁴.

Тарабарский язык.

26. Несколько раз было здесь отмечено, что некоторые из искусственных детских языков называются в детской среде тарабарскими. Приходится думать, что это название—результат наслышки о существовании какого-то непонятного, тайного

языка; может быть, в отдельных случаях название это было подсказано и закрепилось в детской среде насмешками взрослых, осудительно относящихся к детским разговорам на искусственных языках, как к пустой болтовне:

Тара́ - бара́,
вчерась была,
сёдни не пришла...

Чаще тарабарским называется в среде детей и подростков весьма широко распространенный язык, в основе которого лежит замена десяти согласных, идущих от начала русского алфавита, согласными, идущими от конца его, при полной неприкосновенности гласных:

первый ряд: б, в, г, д, ж, з, к, л, м, н;
второй ряд: щ, ш, ч, ц, х, ф, т, с, р, п.

Примеры: кама́щамлтий яф́йт (тараба́рский язык).

Описанные в §§ 1—25 искусственные языки не оказываются нужными взрослым людям, не перенимаются ими; это подлинно *детские языки*. Тарабарский занимает особое место.

Тарабарский язык, созданный средой взрослых, существующий едва ли менее полутысячелетия, может быть отнесен к детским тайным языкам только по одному признаку: он *усвоен* детской средой, перенят ею; но он не ушел окончательно из среды взрослых, создавшей его.

В детскую среду он проник, надо думать, тоже через книгу. В моих материалах по детскому языку имеется такая запись: „Мы в детстве охотно говорили на тарабарском языке, который вывезли из бурсы мои дяди. Они взяли его у Мельникова-Печерского из романа „В лесах“³⁵. В свое время имели большой спрос среди читателей и „Исторические очерки поповщины“ этого автора, где дается ключ к тарабарскому языку и образцы разговоров³⁶.

Детский блатной язык (argot).

27. При слабой у нас изученности блатных языков взрослых, — языков, испытавших на себе различные воздействия, вобравших самые разнообразные слова из многих языков, — и почти полном отсутствии хорошо и полно собранных материалов по детскому argot теперь невозможно в каждом отдельном случае с уверенностью говорить, имеем ли мы дело с тайным языком *детским*, т. е. употребляющимся только в детской среде, или мы имеем дело с языком *общим* для детей и взрослых; трудно также в каждом отдельном случае судить об источнике, влия-

ниях, заимствованиях, перелицовках и пр. По аналогии с некоторыми другими здесь описанными языками можно думать, что ходовые книги, как „Сахалин“ Чехова, „Сахалин“ Дорошевича, „Киевские типы“ Куприна, новая беллетристика, затем—газеты последних годов не прошли бесследно и—посредственно или непосредственно—способствовали проникновению блатного языка взрослых в детскую среду.

Разные ветви блатного языка надо уследить наблюдателю: argot внешкольных детских сообществ (беспризорники и др.), argot сообществ школьников (питомцы детских домов и др.), argot, растворяющийся в обыкновенной речи, т. е. теряющий основное свое свойство—быть тайным и пр.

Материалом, заполняющим некоторую часть первого из перечисленных отделов, может служить небольшой словарь³⁷, составленный беспризорным из дома для дефективных детей в Сызрани (1919—1920 г.).

Бò т а т ь — разбалтывать, хвастать; бò т а л о — хвастун. Б р а х л ò — ворованное. Г о р е т ь — попадаться в чем-либо. Г р у б ò — хорошо. Ж у ч е к — подозрительная личность. З а г н а т ь в б у т ы л о ч к у (в пузырьки)—разозлить. З а г о н я т ь — продавать. З а н а ч к а — упрятывание денег. З а н а ч и т ь — прятать. З а с ы п а т ь с я — попасться в чем-либо, с чем-либо. З е к и т ь — стоять смотреть. К о с а т ь — бить. К с и в а — документ, паспорт. Л и п о в ы й ш и р м а ч — помощник вора. П л и т о в а т ь — бежать, скрываться. П е р е н а ч и т ь — перепрятать. П е р ы ш к о — ножичек, которым вырезают карманы. П о н т ; в з я т ь (поймать) на понт — обмануть. С а р а , с а р м а к — деньги. С е м ё н — тот, кого надо опасаться; сигнал: Семен! горит! плитуй! С е р ь г а — замок. С к у л а — боковой карман. С н и м а т ь — наблюдать. С о б а ч к а — замок. С т р е м — пост сторожевой. Т р е к н у т ь с я — догадаться. Т ы р и т ь — прятать; п е р е т ы р и т ь — перепрятать; п е р е т ы р к а — путаница. У д а р и т ь по ширме — воровать. Ф р а е р — имеющий кошелек. Х о в а т ь — есть. Х р у с т а т ь — есть. Ч е р в я ч е к — поезд. Ш и р м а ч — карманный вор. Ш м а т — penis. Ш м е л ь — кошелек. Ш п а й к а (ш п а л е р тоже)—револьвер.

Из этих почти четырех десятков слов очень немногие (хрустать, сара, грубо) находим в приводимом далес словаре сообщества школьников. По малому количеству слов, общих для двух групп, делать какие-либо заключения нельзя; к тому же второй список слов относится не только к другой социальной среде, но и к другой местности: слова записаны наблюдателем³⁸ весной 1924 года в Чите (Кузнечные Ряды) среди школьников.

Балтую—ворую. Вздыхнуть—рассердить. Всадка—десятка, 10 рублей. Выпытать—просить. Гришка—гривенник. Грубо—хорошо; живой грубняк—хорошо. Живая арка (сарка?)—много денег. Дешка—копейка. Заявлять—вызывать на драку, создавать повод к драке. Зеть—смотри. Зудить—сердить. Зробить—ударить. Киса (тиса)—кожаный кошелек (мешечек) с деньгами. Конать (канать?)—бежать; конай (канай)—беги; отканывать—убегать. Комендант (в местном произношении: камендант)—камень. Колёсы—калоши. Курахан—пять копеек, пятак; в воровском (у взрослых)—5 рублей; ср. бурятское: хурһа—маленький барашек. Ляма—хорошо; ламик—полтина; ламистый—хороший. Наум—отец (еврейское); наумиха—мать. Нагануха—револьвер. Пендель—футбол. Петух—пятак; в воровском—5 рублей. Поеланить—побежать. Позить—курить. Позырка—подсмотр, наблюдение; позуркитать—посмотреть. Поросята—патроны. Саракот—отец; от воровского сара (татарское сара—желтый, золото)—деньги, кот—живущий на средства проститутки; саракотуха—мать; саракадум—отец (сара+думать); сарка—деньги; сармак—деньги. Сбодать (сбондить)—украсть. Свинка—револьвер. Синичка—спичка. Сирты—карты; в воровском: стирки—карты со стертыми лишними „очками“; в сирты лажить—играть в карты. Сорак (сорок?)—оставь окурочек; сорокни—дай. Сочка—коробка из-под спичек. Сухарь—камень. Тэрснуть—ударить. Фазанить (и фразить)—курить. Фасфасон (?); на фас—хорошо. Фукать пустить—поджечь. Хаска—дом; от немецкого—через еврейский жаргон—Haus. Хруст—рубли. Чирик—четвертак.

Некоторая (большая) часть этих слов оказывается общей для языка взрослых и детей; есть в них и слова, не входящие в лексику взрослых.

В детских домах Иркутска находим некоторые из слов читинских школьников; находим и много новых. В Жилкинском детском доме известны³⁹, например: зэкс!—будь осторожен (предупреждающий оклик); зазекаться—влопаться, попасться. Лягавить—доносить. Понт—вранье (?); с понту взять (сказать)—соврал, с обману взял, провел, одурачил. Скачек сделать—выкрасть что-нибудь из кармана: „скачек сделал да и жил!“ Дети другого дома, жившие нынче на даче в деревне Худяковой, употребляют многие из слов предыдущих списков, знают и некоторые новые. Дербачить, обдербачить—объесть: всю черемуху обдербачим. Зякать—смотреть: я буду зякать, как ты рисуешь. Мент—милиционер. Плитовать (плетовать?)—прибежать: потом плетовали, плетовали—при-

плетовали домой. Оплеушить—оборвать: они одни ее (черемуху) оплеушат. Скачѣк—воровство, кража: идешь съдни на скачек? (воровать). Шамалка—хлеб, еда: дай-ка шамалки! Шпай, шпайка—оружие.

Многие слова тайного языка употребляются часто без всякой нужды оберегать какую-либо тайну; из последнего приведенного списка только два примера (слово „скачѣк“ и, может быть, слово „мент“) могут служить исключением, все остальные показывают если не разложение тайного языка, то растворение его в обыденном. Можно указать не мало слов, которые употребляются в обиходной детской речи. „Взял я грубенъкий камешѣк—и р-раз!..“—говорит одиннадцатилетний мальчик из пригородной деревни (Худякова под Иркутском). Довольный удачным ударом, он заключает: „вот это грубо вышло!“ Грубенкий—подходящий, ловконъкий; грубо—хорошо. Иркутские рабочедомские ребята говорят: „ты арапа-то не заправляй!“—не говори несуразностей, не неси околесицу, не ври. „О, да он—заводной-то какой!“—говорят о товарище, которого легко завести, т. е. вывести из терпения, раздражить.

Растворение блатного языка в языке повседневном отразилось на детской лексике, обогатив ее новыми элементами, о качественной стороне которых судить преждевременно.

Наблюдения и замечания.

Описанные здесь языки составляют сравнительно малую долю всех, „имеющих хождение“ в детских городских и сельских группах. Некоторое число их не вошло в мое настоящее описание по случайным причинам; в большом количестве они остаются не достаточно примеченными.

Почти все „школьные способы скрывания истинного смысла речи прибавлением к слову или каждому слогу какого-нибудь условного слога“ (определение Поржезинского), или „разные коверкания языка у школьников“ (по определению Томсона), как и другие описанные способы взаимообщения через слово, дети и подростки называют языком. Но для каждого языка обычно нет определенного наименования; в жизненном обиходе языковой общины употребляется чаще всего описательное выражение, напр., „говорить на бер“, „говорить на шицы“ и т. п. (§§ 3, 9, 13, 14, 15, 16); для некоторых, напр., argot (§ 27) нет никакого обозначения; сравнительно редко встречаются названия, напр., тутни, зутни, оборотный, тарабарский (§§ 4, 5, 24, 25, 26).

*

Все описанные языки должны быть отнесены к *тайным* языкам: все они (некоторое исключение можно сделать для заумного языка) имеют целью сокрытие тайны. Правда, часто язык служит у малых детей и для забавы, но не они должны браться во внимание, а группы более старшего возраста, являющиеся если не создателями (§ 17) и не всегда преобразователями языка (§ 23), то хранителями, носителями его; в этих группах пользование языком имеет целью „скрывание смысла речи“ (§§ 3, 5 и др.); если в этих группах и наблюдаем *игру* языком (с целью ли обратить на себя внимание, или с целью заинтриговать кого-нибудь), то и в этих случаях общее положение не нарушается: заинтриговать можно только неожиданным, неизвестным, тайным.

Все эти языки, по Поржезинскому,—„естественные продукты общежития людей, и развиваются они на фоне обычных языков“. Выделив детский заумный язык и *argot*, обо всех остальных описанных тайных языках можно сказать, что в них звуки, грамматический строй, значения слов, часто словарный состав,—все сохраняется из обычного языка главной языковой общины (языка взрослых).

Три вида слов можно наблюдать в тайных детских языках. Заумные слова (§ 1) просты: они представляют один легко узнаваемый элемент—только словесный знак. Большая часть слов (§§ 3—26) состоит из двух элементов—словесного знака и значения. В словах детского *argot* (§ 27) часто находим три элемента—словесный знак, значение и художественный образ.

Особенностями детских тайных языков, сличительно с повседневным общим языком, надо считать прежде всего способы словообразования: включение в „основу“ слов односложных и многосложных частиц (§§ 3, 4, 5 и мн. др.), замена окончаний (§§ 18—22), перестановка звуков (§§ 23, 26), склеивание разных слов (саракот, напр., § 27). В то время, как обыкновенный язык, повидимому, обнаруживает тенденцию к ограничению числа звуков в целях возможно широкого и быстрого общения, в тайных детских языках наблюдается противоположная тенденция—к увеличению (нагромождению) числа звуков в словах (§§ 4, 5 и др.) в целях затруднить понимание языка для чужих и тем самым мешать его распространению.

На ряду с увеличением числа грамматических ударений и некоторой подчеркнутости их (§§ 4, 5, 6, 7 и др.) во всех описанных языках (исключение составляют, не говоря о заумном, *argot* и тарабарский) наблюдается почти полное устранение смыслового (логического) ударения и заметное угасание эмоционального тона, которым сопровождается в обычном языке

„передача понимаемого нами осмысленного содержания сообщения“, по слову Шпета.

Приметной особенностью большей части языков является быстрое произношение и, как следствие, сокращение пауз до возможного минимума.

Утрачивая в одном отношении, некоторые языки выигрывают в другом: напр., скопление гласных создает музыкальность языка (§§ 4, 5, 10 и др.)

Очень редко удастся установить, кто является творцом, изобретателем того или другого языка (в сделанном описании только в одном случае дается такое указание—§ 17); немного чаще встречается возможность говорить о преобразовании языка и о преобразователях (см. §§ 4, 5, 23).

Носителями их является преимущественно городские дети, как мальчики, так и девочки; если они наблюдаются у некоторых групп сельско-деревенской детворы, то за редкими исключениями (§ 19), почти всегда можно установить воздействие—посредственное или непосредственное—города (§§ 4, 22, 24, 26).

Возраст их—от 8 до 15 лет; в отдельных редких случаях можно говорить о пользовании тайными языками детей более младшего возраста, несколько чаще—подростков старше 15 л.¹⁰ Период раннего детства, как и начало второго периода, видимо, не создают тех условий, которые вызывают появление тайного языка. В одних случаях, может быть, анатомические основы речи у детей недостаточны для овладения сложным языком и особенно манерой произношения. В других случаях, может быть, еще нет таких тайн, которые послужили бы толчком к усвоению тайного языка. Такое предположение подсказывается тем наблюдением, что ребята этого возраста, перенимая от старших тайный язык и пользуясь им как тайным при общении со старшими,—в своем кругу, в кругу однолеток, пользуются им только для развлечения, ради забавы.

Превращаясь в средство для забавы, такой язык теряет свое основное свойство, т. е. перестает быть тайным; поэтому ребята постарше иногда изобретают особый язык, недоступный малышам (§ 17).

В городе или районе, на территории школы существует несколько языковых общин; каждой желательно иметь свой тайный язык; обыкновенно каждая община владеет не одним языком; один из них—в роли эсперанто, употребляющийся для сношения с другими языковыми группами. Иногда группа девочек имеет свой тайный язык, которого не должны понимать мальчики; к нему они прибегают в случаях необходимости обмениваться между собою словом в обществе мальчиков.

Большая часть описанных тайных языков сравнительно легко дается и неграмотным членам языковых групп (§§ 4, 19 и др.). Разница между грамотными и неграмотным в границах языковой группы заключается в том, что господствующий в определенной провинции говор (акающий или окающий) у неграмотных выступает заметно, в то время как члены языковой общины, отягощенные школьной грамматической эрудицией, гласные, а иной раз и согласные, звуки произносят „по-книжному“ (§§ 7, 16, 18); стоит отметить также большую свободу неграмотных в разделении слов на слоги (§§ 16, 18 и др.).

Изобретение нового языка—дело, надо думать, далеко не повседневное. Обыкновенно язык получается, как культурное наследство, младшими товарищами от старших. Но унаследованный язык, как сказано, иногда творчески перерабатывают, применяясь к обстоятельствам, вкусам и пр., подвергая изменениям, преобразованиям. Источники, питающие детское языковое творчество, различны. В отдельных, не очень редких, случаях можно наметить и книжные изводы: „Маленькие дикари“ С. Томпсона дают готовый язык и подражания ему (§ 4), „На крайнем севере“ Лонга обогащает детский словарь, дав прозвища и обозначения, которые вошли составною частью в тайный язык (§ 4); то же приходится сказать про „Песнь о Гайавате“ и о романах Фенимора Купера; Аверченко подсказал принцип или, правильнее, дал эмбрион обратного языка (§ 24); кажется, через сочинения Мельникова-Печерского вошел в детскую среду тарабарский язык (§ 26); через сборник детских пьес вошел в обиход подражательный язык (§ 22)⁴¹.

Некоторые из тайных детских языков отличаются удивительной живучестью. Для одного имеем засвидетельствование его по меньшей мере шестидесятилетней давности (§ 19); нет оснований отказываться от мысли, что давность существования другого языка должно измерять по малой мере десятилетиями, разделяющими начало нашего столетия от времени пребывания в бурсе Помяловского (§ 23), и пр.

Некоторые из описанных детских языков имеют большое географическое распространение; см. §§ 5, 7 и др.

Каким требованиям должен удовлетворять искусственный, в частности тайный язык, чтобы привиться в детском обществе, сохраниться и широко распространиться?

Требования эти (поскольку дело не касается тарабарского языка и *argot*) главным образом практического характера.

а) Прежде всего этот язык должен быть непонятным для непосвященных. Как только язык дешифрован, особенно взрослыми, немедленно его осложняют или совершенно остав-

ляют, заменяя новым (§ 23): хорошая группа не даром владеет несколькими языками.

б) Он может и, чтобы возбудить интерес, должен быть сложным и трудным, но в меру—не настолько, чтобы им не мог овладеть круг детей и подростков, корпорация.

Пользуются предпочтительно тем языком, который в определенных обстоятельствах является наиболее полезным, целесообразным. Меньший возраст обыкновенно пользуется языками более простыми,—в меру сил и возможностей (§§ 8, 13, 16). Восходя „от силы в силу“, тонко овладевают более сложными и, значит, более трудными языками.

в) Строение языка должно обеспечивать *быстроту произношения*. Быстрота произношения преследует те же цели сокрытия тайны (§§ 3, 8, 9, 23).

Она достигается выбором четких вставных слогов, помещением ударения в самом начале слова или определенной группы звуков или в конце; в середине слов ударение если и встречается, то очень редко.

г) К искусственному языку предъявляются и требования эстетического порядка: он должен быть звучным и ритмичным.

Звучность достигается или равномерным чередованием гласных и согласных или преобладанием гласных (§§ 4, 5, 17); или подбором звонких согласных (§ 19); во многих случаях наблюдается ассимиляция соседних или несоседних звуков—гармония гласных, состоящая в том, что гласные уткà частично или полностью уподобляются гласным основы (§§ 4, 5, 10, 11, 23). Члены языковой общины, не лишённые „чувства языка“, в затруднительных случаях умеют избежать всего неуклюжего, жесткого, мертвого, сухого в используемом языке (§§ 6, 10, 13, 17, 23, 24). Повторение через определенные, иногда точные, промежутки времени одних и тех же тонко подобранных звуков и их комплексов нередко сообщает речи ритмичность. Косность неподвижных привычек и правил пользования словом преодолевается со смелостью, ничем не ограниченной, и радостью, не отравленной робостью и сомнением.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Из новых работ хочется назвать книгу Н. Я. Пэрна — Ритм' жизнь и творчество. Л. — М., 1925.

2. Об обособленности детского быта подробно сказано в моих работах „Детский народный календарь“, Иркутск, 1924, стр. 5--10. и „Детский фольклор и быт“, Иркутск, 1925, стр. 5—9.

3. А. Григорьев — С мешком за смертью, Л. Сейфуллина — Правонарушители.

4. Напр., „Коллективы беспризорных и их вожаки“, сборник статей С. О. Лозинского, Н. П. Велецкой, А. В. Уласовой под ред. Б. О. Боровича. Харьков, 1926.

5. С нею мне не удалось познакомиться.

6. В. Поржезинский — Введение в языковедение. М. 1916; стр. 212. А. И. Томсон — Общее языковедение. Одесса, 1910; стр. 379. Говоря о детских искусственных языках, как о „коверкании языка“, А. И. Томсон дает поводы думать, будто образования слов у детей происходят случайно, бессистемно, без подчинения определенным „правилам“. В действительности дело обстоит не так или не совсем так.

7. Даль — Толковый Словарь, изд. 3, 1911.

8. Сообщил А. Н. Соболев.

9. Язык этот употреблялся не только при игре в индейцев; та же группа им пользовалась, играя „в гномы“. Обстановка, — по рассказам О. М. Блюменфельд, — такая: стол (в комнате) — дерево; под столом — дупло, нора. Каждый участник игры — гном. Гномы расползаются по дуплам, по норам. Каждый в своем одиночестве молчит. Это — зима. После длительного молчания гномы начинают шевелиться. вылезать, „браться хороводом“, плясать. Это — весна. Начинаются работы: рубят гномовскими топорами нашу землянику, таскают в норы, в дупла. Затем наступает осень и опять — зима. Эта игра была подсказана рисунками в книге, названия которой память не сохранила. В зутни при описанной игре входили в большом количестве слова из поэмы Лонгфелло и несколько немецких слов, подхваченных из разговора взрослых. Ни те, ни другие, как и без того достаточно непонятные для окружающих, на язык тутни не переводились.

10. Существование его на Амуре отмечает О. М. Блюменфельд, в Забайкалье (Чита, Маккавеево) — Л. В. Ермолина.

11. Сообщила О. М. Блюменфельд. С этим же явлением наблюдательница встретила и в Зее.

12. Сообщил М. И. Пальмин.

13. Первоначально участники шайки. — по сообщению О. М. Блюменфельд, — объединились в „войско“. Но войско — легально; интереснее преследуемая, но неуловимая „шайка“. Шайка управлялась нормами неписаного закона и правилами. Закон, между прочим, возбранял общение с „знамен-

скими" (детвора Знаменского предместья) и „дачниками“, строго карая (вплоть до побоев) измену. Обычное право, не допуская воровства у своих, возводило в доблесть хищение у врагов, которые всегда — вне закона. Взрослые — враги. Из украденных у соседей досок был устроен „дом“ — штаб-квартира. Беспорядочества за время своего существования (более двух лет) наделала немало.

14. Сообщила Е. И. Погребецкая.
15. Сообщила О. М. Блюменфельд.
16. Сообщила О. П. Пляскина.
17. Kidd — *Savage Childhood*. L., 1906, p. 205 — 206.
18. Gutmann — *Kinderspiele bei den Wadschagga*. Globus. B. XCV 1909; p. 228.
19. Записано от девочек 9—10 лет (из Томска) Е. И. Погребецкой.
20. Сообщила Л. В. Ермолина
21. Сообщила М. С. Воронова.
22. Сообщила О. М. Блюменфельд.
23. С. Шабарта, Тулунского уезда Иркутской губернии.
24. Сообщил Н. О. Татаринов.
25. Сообщил А. Н. Соболев.
26. Принцип построения языка ш о ц ы, может быть, следует рассматривать, как возведение в правило результата случайных оговорок — перестановок звуков, заметно удаленных друг от друга; напр.: режиком заножу вместо ножиком зарежу (в романе Ив. Евдокимова „Колокола“), пернила и черо вместо чернила и перо и т. п.
27. Со слов Вал. Вас. Боровского сообщила М. В. Красноженова.
28. С. Гадалей Тулунского уезда.
29. Возможно, что, помимо устной традиции, язык этот сохраняется и передается в „памятнике“, каковым являются популярные „Очерки бурсы“. Полн. собр. соч. Н. Г. Помяловского, Спб. 1904, т. II, стр. 47.
30. Сообщил В. Д. Петропавлов.
31. Сообщил М. И. Пальмин.
32. Сообщила О. М. Блюменфельд. Приведенная в тексте издевка, по словам наблюдательницы, привилась из литературного источника — из „Детской сатирической лирики“. Сиб. Жив. Стар., III—IV, 1925, стр. 98, № 71.
33. Kidd — назв. соч., 205 — 206.
34. Gutmann — назв. соч., 228.
35. Из письма ко мне этнографа-лингвиста Е. И. Титова. Речь идет о воспитанниках Читинской бурсы последних десятилетий прошлого века, завезших тарабарский язык в Урульгу, Забайкальской области.
36. П. Мельников — Исторические очерки поповщины, ч. I, М., 1864; стр. 116 — 117.
37. Передан мне Е. И. Титовым.
38. Е. И. Титовым; ему принадлежат и пометки, сделанные при объяснении некоторых слов.
39. Сообщила Д. С. Стрыгова.
40. Наша литература дает мало материалов для суждения по вопросу о том, какой возраст творит тайные детские языки и какой ими пользуется. Специалисты-языковеды (Томсон, Поржезинский), говоря об искусственных детских языках и называя их языками школьников, тем самым отвечают — не достаточно определенно — на вопрос. Указания Н. Рыбникова, явля-

ющиеся, видимо, сводкой литературных данных, не противореча определениям языковедов, вполне совпадают с выводами, которые можно сделать из приводимых в этом очерке описаний. Период стремления к созданию тайных языков „чаще всего совпадает с промежутком между 8 и 15 годами, лишь изредка поднимается до 18 л. или спускается ниже (до 6). Особенно большой интерес к этому языку обнаруживают дети от 10 — 13 лет“ (Язык ребенка. М. — Л., 1926, стр. 59). Еще определеннее вывод Э. Кирпатрика. „Интерес к языку, как к таковому, независимо от идей, какие он может выразить, часто проявляется в значительной степени впервые в играх, в построении какого-нибудь секретного языка. Эта тенденция достигает своего максимума около тринадцати лет“ (Основы педологии, изд. 3-е, М. 1925, стр. 222).

41. Эти примеры находятся в противоречии с положением Н. Рыбникова (назв. соч., 59), будто „почти совсем не наблюдается случаев заимствования тайного языка из книг“. Спору нет, в большей части случаев секретные языки наследуются; однако роль книги заметнее, чем это представляется автору названной интересной книги об языке ребенка.

Из наблюдений за детским потешным фольклором. Сечки.

1. Место сечек в детском фольклоре. 2. Термин; его происхождение. 3. Сечка — забава, как вид загадки. 4. Сечка — стихотворение, как вид заговора. 5. Географическое распространение сечек. 6. Давность их. 7. Вопрос о происхождении сечек. 8. Исполнение их. Тексты. Замечания к текстам.

1. Приметную группу словесных произведений, родственную по назначению и характеру игровому фольклору¹ составляют детские устные стихотворения, связанные с забавами; эту группу можно обозначить термином *потешный фольклор*. Самой выразительной особенностью относящихся сюда произведений, мешающей им слиться с произведениями игрового фольклора, является их более самостоятельное существование, очень заметное, часто доминирующее значение их в забаве, с которой они связаны. Эту группу составляют детские потешки, забавы — звукоподражания, устные стихотворения школьников, стишки-перевертыши, каламбуры,² задачи. Детские «задачи» бывают весьма разнородны по своему замыслу, построению, приемам решения. Едва ли не интереснейшим видом их являются те, для которых можно установить обозначение *сечки*, или *секушки*.

2. Вводимое обозначено для отзываемого вида произведений подсказывается начальными словами их первого стиха («секу, секу») и смыслом забавы, с которой стихотворения связаны.

В детской (почти всегда — мальчишеской) группе слышен вызов: «Можешь сделать мне *пятнадцать* зарубок, только чтобы не считать?»

Обыкновенно выполнение этой «задачи» приходится брать на себя тому, кто знает «прием решения». Полускандовкой, полуречитативом (см. ниже п.8) исполнитель произносит стихо-

творение и одновременно в такт «сечет», т.е. спокойно, «легонько», но быстро и мерно ударяет острым предметом — камнем, ножом, топориком по дереву (школьники — карандашом по бумаге), покамест не назовет нужное число:

Секу секу сеч-ку
высе-ку до-щеч-ку
честь пере-честь
все пят-над-цать здесь.

По окончании текста и последнего удара происходит проверка: сосчитывают нанесенные знаки и, «к своему удивлению», — передает внимательный наблюдатель, текст которого сейчас приведен (Можаровский, стр. 112), — находят их столько, сколько требовалось условием («вызовом») и сколько названо в тексте.

Вводя в оборот слово из обиходной детской речи, мы не искажаем его смысла (детское значение слова *сечка* — зарубка, отметина), а только придаем ему терминологическое значение. Весьма редко (обычно дети не имеют названий для исполняемых ими словесных произведений), но в таком же терминологическом значении употребляют его сами дети, как это ясно из контекста записанных от детей фраз, в которых оно встречается: «сказала вам сечку» (Рабочая слобода в Иркутске), «знаю две секушки», «знаем много секушек» (Иркутский округ, с.с. Суховское. Урик). Словом *сечки* пользуются и для названия самой забавы, ^ которой связано стихотворение (личные мои наблюдения относятся к Иркутской губернии; для Казанской губернии имеем сведения у А. Ф. Можаровского³, для Нижегородской губ. — у В. Ф. Кудрявцева.⁴

3. Сечка как забава по замыслу и своему строю является задачей, состоящей из трех основных частей:

а) *предположение* или *вызов*: не считая, т.е. устраняя рациональный путь, высечь определенное число отметин, зарубок («сечек»);

б) *прием решения*, выполняемый через замену в порядке идущих чисел определенным числом повторения какого-нибудь числительного (№№ 20, 21), или в большей части случаев, заключающийся в подмене — осознанной или неосознанной — имен числительных словами или частями слов других категорий (№№ 1-19). Подменой или заменой однообразных и маловыразительных слов одного порядка связной тканью слов, относящихся к разным категориям, настроение и подвластная ему детская мысль увлекаются, переводятся на новый путь; вязь слов, казалось бы, не соответствующих целям узнавания, а тем более — отгадывания, настойчиво и с уверенностью именно с этой целью произносится и — при подозреваемом ее несоответст-

вии назначению — принимает оттенок необычности, загадочности, заумности. Слова и их части (*высе, кудо..., всепят, над, цать* и т.п.) в произносимых стихах являются ритмическими единицами, а в задаче становятся полузагадочными знаками. Смысл этих знаков в том, что они могут служить одновременно и счетными единицами; поэтому перебор их от первого до последнего и дает названное в задаче число;

в) *проверка*: путем сосчитывания, т.е. рациональным путем, устанавливается правильность решения. Так как каждый удар по дереву был отбиванием ритмических и в то же время счетных единиц, то количество знаков, оставленных ударами, покажет число, названное в «предложении».

4. В устойчивую словесную форму отлилась вторая часть задачи, составляющая предмет нашего рассмотрения. Значение этой словесной части забавы и умение ее исполнить равносильно знанию приема решения задачи.

Так как решение задачи должно быть выполнено при устранении явно рациональных средств, остается путь внешне необычный, воспринимаемый как иррациональный, избирается *путь использования слова*, применяется словесная формула, выражающая желание, уверенность в исполнении его, напряжение воли к *argumentum non apparentium*. Эта словесная формула своим назначением и смыслом, внутренним содержанием и некоторыми чертами в построении и лексическом составе напоминает заговор. Как многие заговоры, она начинается обозначением действия: «секу, секу»... В заговоре начало читается: «очерчаю я и ограждаю»... (Живая Старина 1915, IV, стр. 389). Конец наиболее разработанных и выразительных сечек (№№ 13, 15, 17) произносится: «будь, мое пятнышко»... Он звучит как заклинание и вызывает в памяти замыкание заговора: «будьте крепки и лепки, мои слова»... (там же, стр. 395).

Таким образом, задача обусловила появление заговора. Задача сохраняется в не получивших постоянной и строгой словесной формы «вызове» и «проверке», а заговор утаился в «прием решения» задачи, если не сказать наоборот: «прием решения» принял обличье заговора.

Отсюда понятна и композиция описываемой задачи — забавы: в задачу с ее составными частями: предложением, решением, проверкой, как в незатейливую раму, вводится наиболее разработанная часть, законченный словесный элемент — заговор; эти разнородные части, крепко смыкаясь, объединяются в живое и устойчивое целое.

Задача в целом, в силу своего назначения и характера, не может быть очень сложным образованием и представляет собою произведение небольшого объема: естественно, не может быть

значительной по объему хранимая устно ее словесная часть. Обычная форма и объем сечек — четверостишие (№№ 1-14), реже шестистишие (№№ 15-17, 19); восьмистишия и стихотворения большого объема встречаются как исключения (№№ 18, 20, 21). Назначением задачи (дать, не считая, нужное число зарубок) и малым объемом относящихся к описываемому виду произведений обуславливается несложная лексика этих стихотворений: здесь на виду слова, обозначающие производимые при исполнении сечек действия (секу, высеку), несколько существительных из плотничьего словаря (бревно, доска), глаголы и прочие части речи, обозначающие счисление или относящиеся к счету (их тоже немного: честь — считать, перечесть, все сполна), в малом количестве имена числительные.

Сколько позволяют судить имеющиеся в моем распоряжении записи (см. тексты), сечки, как литературный жанр, не дают большого разнообразия текстов. Можно различать «сечки на пятнадцать» (№№ 1-13), «на шестнадцать» (№ 14), «на двадцать два» (№№ 15-17), «на двадцать три» (№ 18), «на двадцать шесть» (№ 19), «на тридцать один» (№ 20), «на сорок один» (№ 21). Однако различия в лексике, построении и проч. незначительны.

5. В этнографической литературе уделено очень мало внимания этому виду детского фольклора. Малую известность его надо объяснить если не случайностью, то, видимо, малой его приметностью. Будь относящиеся сюда четверостишия и шестистишия связаны каким-либо образом с популярными играми, обращающими на себя внимание своей сложностью, служа им прелюдией или вставкой, соединяющей отдельные их части, или концовкой, — тогда они, можно думать, были бы более заметными и обратили бы на себя внимание наблюдателей просто-народной детской жизни, так как они, хотя и в малом числе, известны детскому населению большой территории. В моем распоряжении имеются записи из разных мест Сибири, начиная от восточного Забайкалья до Обского побережья и Урала: Сретенск, Троицкосавск, Иркутск с близлежащими селениями (с.с. Худяково, Урик, Суховское), Тункинский край — в долине р. Иркуты (с.с. Ахалик, Туран), Балаганский округ (с. Шивера), Куйтун на Московском тракте, Тулун и окрестности (с.с. Гадалей, Мураши), окрестности Красноярска (дер. Березовка), Мурманский край (село Абаканское, дер. Чернова), Колпашевский район (на р. Оби), Верхотурье (с. Баранча); для Томской губернии имеется запись А. Молотилова⁵ из Западного Зауралья — уже помеченные записи Можаровского, Кудрявцева и более ранние сборы Даля.⁶ Едва ли можно думать, что тексты, опубликованные названными собирателями, исчерпывают все наличие относящихся сюда напечатанных материалов. В настоящем наброске библиографическая полнота не имела в виду.

Приводимые здесь данные с достаточной степенью убедительности говорят об устойчивости и значительной географической распространенности этих произведений, оправдывающих их право на внимание наблюдателей и исследователей детского фольклора.

6. Устойчивость и хорошая сохранность сечек свидетельствуется сравнительной давностью их существования. Указать время их появления, разумеется, нельзя: но с уверенностью можно говорить о том, что они существуют по меньшей мере около столетия: стихотворения-сечки, сообщаемые Кудрявцевым и Можаровским, записаны не менее шестидесяти лет назад: текст из с. Шабарты, Тулунского округа (см. № 9, вариант: «до адинова») хранится в памяти 74-летней старушки с ее раннего детства. Записи Вл. Даля еще старше. Тексты переходят по наследству от одного детского поколения (от 7-8 до 12-13 — летнего возраста) к другому или передаются детям взрослыми, чаще всего дедами и матерями, редко — отцами.

7. Располагая малым материалом, трудно делать догадки о путях возникновения, о происхождении описываемого вида словесных произведений. С творчеством ли самих детей мы имеем дело в сечках или это произведения, созданные взрослыми, но, как часто бывает, нашедшие спрос у детей и влившиеся в их репертуар? Некоторые факты и соображения способны склонить к принятию второго предположения. У плотников и дроворубов есть сходная забава (не знаю, как широко она известна; о плотниках я имею сообщения Коновалова с Русского Алтая — из Змеиногорска, о дроворубах — С. Ф. Гушиной с Урала — с Баранчинского завода); ею они пользуются во время отдыха на работе, употребляя неудобный для печати текст, начинающийся словами: «сик, сик»...

Не являются ли сечки переработкой грубой потехи плотников, облагороженной (вероятно, матерями) и переданной «мальчикам в забаву»? Произведения взрослых, уходя в детскую среду, редко сохраняются в неприкосновенном виде; они обычно перередактируются сообразно вкусам и потребностям усваивающей их детской группы. Или, может быть, забаву плотников надо рассматривать, как грубую пародию на детские сечки? Пародии на произведения, исполняемые детьми, у молодых парней не редки. Или, наконец, можно думать, что та и другая забава существуют параллельно, не находясь ни в каком родстве между собою.

Все три положения могут рассматриваться как вполне возможные. Однако в пользу принятия первого из них можно привести, как кажется, больше соображений. Действия, которыми сопровождается исполнение детской сечки (сечение, рубка), служат некоторым указанием на подражательные действия, на ими-

тацию движения плотников. Быть может, на то же указывает наличие «плотничьих» слов: секу, бревно, дощечка.

Некоторым отдаленным указанием на «плотничье» происхождение детских секушек является, может быть, и тот факт, что секушка, как словесное произведение и как забава, в целом исполняется, за немногими исключениями, мальчиками. Наконец, в связи с высказываемым домыслом можно поставить не раз мною сделанное (и отмеченное некоторыми из моих сотрудников), не вовсе лишенное интереса наблюдение, что на исполнение описываемой забавы детей нередко вдохновляет присутствие их на работе плотников и дроворубов.

8. Настойчивая тенденция к устранению рационального начала в приемах решения объясняет и оправдывает наблюдаемое бессвязное соединение отдельных фраз, составляющих словесную часть сечек, и отсутствие в некоторых из них логического смысла. Лишь в редких случаях словесная часть представляет собою логически связанное целое, например, повествование малого объема (№№ 18, 19).

Та же тенденция объясняет законность полного неподчинения сечки правилам «выразительного чтения». ⁷ Исполнение сечки как устного произведения, не предназначенного для пения, надо рассматривать как сольную декламацию. Запись текстов не передает характера декламации и не подсказывает его; он будет понятнее, если принять во внимание условия и характер исполнения стихотворений. Правильно прочесть текст — значит, при произнесении его сохранить внешние звуковые эффекты, т.е. фонетические особенности и темп — то ускоренный, то замедленный, в рассматриваемом случае подсказываемый ударами «секущего» предмета. Дать в словах какие-либо правила произнесения сечки едва ли можно. Можно лишь указать принцип.

Сечки читаются, как стихи, размер которых основан на счете одних лишь ударных слогов, разделяемых одним ударным слогом или паузой. Здесь нет правильного стих, если сечку с кандировать, как считалку, т.е. произносить стихи с ударением на стопы, нет его и в том случае, если ее произносить, как голюсянку, речитативом, «говорком на распев». Тот и другой способ комбинируются или, лучше сказать, вступают в своеобразное сочетание, давая нечто среднее между скандовкой и речитативом.

Эти кратко изложенные наблюдения выполнены над весьма незначительным в количественном отношении материалом, поэтому сжатую до предела характеристику описанной здесь группы произведений нельзя считать ни безупречной, ни законченной. Для обстоятельных и более надежных суждений необходимо накопить больше наблюдений и собрать большую коллекцию относящихся к этой теме текстов.

Тексты

1.
Сику, сику сечку,
высеку дощечку,
стану сечь —
пятнадцать есть.

Тулун

2.
Секу, секу сечку,
высеку овечку,
брошу сечь:
пятнадцать есть

Иркутск

3.
Секу, секу сечку,
высеку овечку,
всех пересек —
всех пятнадцать есть.

Бараба. (Молотилов,
с.93).

4.
Секу, секу двадцать,
высеку пятнадцать,
честь, перечесть —
пятнадцать есть.

С.Шивера. Иркутск.

5.
Секу, секу двадцать,
Высеку пятнадцать,
стану честь —
все пятнадцать есть
(в вар.: здесь).

(Вл. Даль, с.609).

6.
Секу, секу двадцать,
высеку пятнадцать,
всех пересек,
всех пятнадцать есть.

Бараба. (Молотилов,
стр.93).

7.
Секу, секу пятку
Высеку десятку,
(в вар.: девятку)
стану сечь,
пятнадцать есть.

Гадалей. Тунка.

8.
Секу, секу сечку
Высеку печку,
люди скажут: двадцать.
я скажу: пятнадцать

с. Абаканское

9.
Секу, секу двадцать,
высеку пятнадцать,
все (в вар.: всех) сполна
до единого
(в вар.: до адинова)пятна.

Троицковск, Иркутск
с. Суховско ,СМальта,
Тулу ,с.Шабарт , д. Берзев ка.
верхотурье.

10.
Секу, секу двадцать,
Высеку пятнадцать,
все сполна
до единого бревна.
Д.Чернова, с.Куйтун.

В вар. (Даль, 609)
последний стих:
до единого пятна.

11.
Секу, секу двадцать,
Высеку пятнадцать,
сек, пересек,
до пятнадцати досек.
(Вл. Даль, с.609)

12.
Секу, секу двадцать,
не высеку пятнадцать.

Сек, сек, сек, сек,
сек человек,

Иркутск.

13.

Секу, секу двадцать,
высеку пятнадцать,
будь мои пятнадцать
все сполна.

(Вл. Даль, с.609).

14.

Секу, секу сечку,
высеку дощечку.
Сек, сек, сек, сек
Шесть — шестнадцать.

Иркутск.

15.

Сику, сику двадцать,
высеку пятнадцать.
два сполна
до единого пятна,
будет пятнышко,
двадцать два.

с. Туран.

16.

Секу, секу двадцать,
высеку пятнадцать,
все сполна
до единого пятна,
до единого пятна —
вышло двадцать два.

с. Урик.

17.

Сику, сику двадцать,
не высеку пятнадцать,
всех сполна
до единого пятна;
будь, мое пятнышко,
двадцать два.

Ахалик.

*В вар. предпоследний
стих читается:
будь, моя пятнышка.*

Худякова. Иркутск.

18.

Секу, секу три,
высеку я три,
люди скажут: три,
я скажу: три.
Ехала Сава
мимо сала,
сосчитала, сколько стало,
— двадцать три.

с. Колпашево.

19.

Секу, секу сетку,
высеку десятку,
стану сечь,
все пятнадцать есть.
*Когда же нужно выбить
число двадцать шесть,
то к этому прибавляют
еще следующие слова:
Приехали комиссары,
много писем написали.*

Нижегородск, губ.
(Кудрявцев, с.204)

20.

Три, один,
Три, один,
Три, один, один, один,
Три, один,
Три, один,
Три, один, один, один,
и опять то же само -
не больше не меньше,
как тридцать один.

с. Колпашево.

21.

Вот один, вот один,
вот один, один, один
(эти два стиха
повторяются четыре раза)
больше не будет,
как сорок один.

Гадалей.

Замечания к текстам.

Пользуясь помощью нескольких сотрудников из разных мест, я следил за сечками в продолжение трех лет (1926-1928). За это время накоплено несколько десятков записей. Приведение их в порядок показало, что тексты во многих местах одни и те же. В результате сличения записей оказалось небольшое число имеющих хождений в детской среде стихотворений — пятнадцать.

Из желания получить свод их, я прибавил к ним тексты из литературных источников (№№ 3, 5, 6, 11, 13, 19 и текст, помещенный в п.2).

Помещая их здесь, в каждом отдельном случае я не указываю, кем и от кого тот или иной текст записан, — по тем соображениям, что тексты являются для обозначенного (в п.5) района повсеместно распространенными и записаны по много раз различными лицами и в разных местах; каждый текст записан в разное время от многих детей по отдельности или в забавляющихся детских группах.

Фонетических записей не даю. Материал количественно незначителен, и к тому же представлен, как сказано, разными лицами из разных мест; фонетическая запись текстов дала бы очень пеструю картину — и при том без пользы как для диалектолога, так и для фольклориста.

Некоторые частности, быть может, заслуживают замечаний.

В одних местах читают: «секу» (№№ 2-14, 16, 18), в иных (реже: №№ 1, 15, 17): «сику». Первое произношение наблюдается как в местах с акающим, так и в местах с окающим говором; второе произношение мне известно в местах с говором акающим.

Честь, перечесть (= сосчитать, пересчитать). Такая форма в разговорной речи населения данной местности (см. №4) неизвестна.

До единого, — форма, нередко встречающаяся в простонародной речи указанных (см. №№ 9, 10, 15-17) местностей. *До адинова* (№ 9, вариант из с. Шабарты) употребляются лишь в говоре старого поколения.

Пятка. Употребляется, осмысливаясь в зависимости от контекста (№70, как синоним существительных пяток, пятёрка.

Примечания:

1. Опыт краткой его характеристики дан мною в статье «Детский фольклор в школьном курсе словесности». Родной язык в шко-

ле, 1927, 11, стр. 58-59.

2. Обо всех этих видах см. там же, стр. 59-61.

3. Очерки жизни крестьянских детей Казанской губернии в их потехах, островах, стишках и песнях. Труды Этногр. Отдела Общества Любит. Ест. Антр. и Этногр., кн. IV, М. 1877, стр. 112.

4. Детские игры и песенки в Нижегородской губернии. Нижегородский сборник, изд. Нижегородского Губ. Стат. Комитета, т. IV, 1871, стр. 203-204.

5. Говор русского старожилого населения северной Барабы (Канского уезда Томской губ.). Труды Томского Общества изучения Сибири, т. II, в. I, 1913, стр. 93.

6. Пословицы русского народа. М. 1862, стр. 609.

7. С родственным явлением мы встречаемся в считалках. См. мои «Детские игровые прелюдии». Сибирская Живая Старина, VII, стр. 86 и след.

О т а в т о р а.

Начиная с середины прошлого столетия, в многочисленных больших и малых собраниях памятников русской устной словесности наряду с «классическими» произведениями (былины, песни и пр.) публикуются произведения, хранимые и исполняемые в детском мире. За почти столетний период времени должен был накопиться и, как можно думать, накопился разнообразный и богатый материал, освещающий детскую устную поэзию, и, заключая по количественному богатству собранных текстов о большом внимании к этой поэзии, можно было бы надеяться на появление посвященных ей исследований. Действительность не оправдывает таких ожиданий: несмотря на предполагаемое богатство поступивших в научное обращение материалов, наша детская устная словесность исследована во всех отношениях до крайности слабо.

Такое положение дела ни в какой мере не соответствует необходимости изучения детской устной поэзии, всей важности ее исследования для разрешения многих вопросов теоретического и даже прикладного значения. Сознание этой необходимости и важности побудило меня взять на себя почин в посильном заполнении пробела, существующего в русской науке в области изучения устного художественного творчества.

Открываемое этой книгой сочинение «Русский детский фольклор» в полном составе своих частей представляет собою труд, объединяющий ряд независимо друг от друга возникших и самостоятельных очерков и исследований, посвященных разработке наиболее запущенной области изучений русского фольклора. Соединенные вместе, они взаимно дополняют и уясняют друг друга и преследуют одну задачу—в меру возможностей определить содержание, объем, состав и характер детского фольклора, рассматриваемого как совокупность устных произведений, не входящих в репертуар взрослых, но хранимых и исполняемых детьми.

Первая книга посвящена рассмотрению наиболее популярного и самого сложного вида детского фольклора игровых прелюдий.

Разные части «Детских игровых прелюдий» писались и печатались отрывками в продолжение почти двух лет. Первые

IV

главы, I—IX, были помещены в VII выпуске «Сибирской Живой Старины» в 1928 году, последующие главы, X—XVIII, в выпуске VIII—IX того же издания—в 1929 году; главы XIX—XX, примечания, дополнения и тексты печатались несколько позднее. Разновременное написание отдельных частей и опубликование многих глав в журнале определило некоторые—не во всем положительные—особенности композиции книги, более всего заметные в начальных главах и в выделении значительного количества материалов за основной текст. Многие из того, что вошло в примечания, имело бы основания быть помещенным в основном тексте и, наоборот, некоторым частностям и попутным замечкам и наблюдениям было бы целесообразно дать место в примечаниях. Те же причины обусловили некоторые повторения и колебания основного тона, принятого в начальных главах, и сообщили изложению не вполне выдержанный характер. Конечно, есть и недочеты, укрывшиеся от моего внимания.

«Прелюдии» состоят из двух частей: Описание и Тексты. Содержание их подробно показано в оглавлении.

В последующих книгах, составляющих «Русский детский фольклор», будут помещены исследования и этюды об игровых песнях, о календарном, бытовом и потешном фольклоре, о сатирической лирике, песенных заговорах и магических формулах, о детской сказке и др.; содержание последней, замыкающей все издание, книги составят история изучения детского фольклора, опыт классификации произведений детской устной поэзии и этюд о философском и прикладном значении исследований детского художественного творчества в слове. Необходимость подчиниться внешним условиям побуждает к отказу заранее строго и точно определить порядок подлежащих исследованию вопросов и оправдывает относительную свободу в переходе от предмета к предмету, от темы к теме.

ИГРОВЫЕ ПРЕЛЮДИИ

О Г Л А В Л Е Н И Е.

О т а в т о р а.

Описание.

Введение. Трудности изучения детского быта и творчества, 3--4. Задачи предлагаемого сочинения, 4--5.

I. Место игровых прелюдий в детском фольклоре, 5--7. Игровой фольклор, 5. Песни, жеребьевки и считалки; молчанки и голосянки, 6--7.

II. Считалки, 8--10. Популярность считалок, 8. Считалка в „искусственных“ произведениях крупных жанров, 8. Подражания считалкам, 8--9. Смысл и значение исследования считалок, 9--10.

III. История собирания и попыток изучения считалок, 10--14. Начало собирания, 10--11. Значительные собрания второй половины XIX в. (Даль, Бессонов, Ястребов, Шейн, Покровский и др.), 11--13. Собрания XX в. (Чернышев, Соболев, Белослюдов и др.), 13--14.

IV. Происхождение считалок, 15--27. Позаимствования из устного творчества взрослых, 15--18. Переход в разряд считалок произведений других видов детского фольклора, 18--19. Считалки, построенные на реминисценциях из произведений иных жанров, 19--20. Попытки создания новых считалок, 20--22. Влияние местных условий и условий времени, 22. Приспособление иноязычных текстов, 22--23. Влияние школы и книги, 23--25. Трудности определения времени возникновения считалок, 26--27.

V. Географическая распространенность считалок, 27--28. Распространенность русской считалки по ту и по другую сторону Урала, 27. Проникновение русской считалки в иноязычную детскую среду, 27. Местные репертуары, 27--28. Условия устойчивости и сохранности считалочных текстов, 28.

VI. Термины для обозначения считалок, 28--34. Названия, принятые у собирателей, 28--30. Обозначения, употребляемые в детской среде, 30--31. Считалка--заговор, 31--32. Практическая необходимость сохранить традиционный термин „считалка“, 32--33. Частные названия считалок, 33--34.

VII. Знатоки и исполнители считалок, 34--35. Мальчики и девочки, 34. Объем считалочного репертуара, 35. Репертуар школьников и школьниц, 35.

VIII. Бытование и исполнение считалок, 36--41. Связь их с играми, 36. Выбор текстов в зависимости от числа играющих, 36--37. Местные традиции в исполнении считалок, 37--38. Использование считалок „с концовкой-вопросом“, 38--39. Исполнение прелюдий с использованием палки, 39--40. Один из способов ускоренного „счета“, 40. Исполнение считалок хоровой скандовкой, 40--41.

IX. Исполнение считалок (продолжение), 41--44. Минимум выразительных качеств устного слова при использовании считалки, 41--42. Скандовка--употребительнейший прием произнесения считалки, 42--43. Условия внешнего и внутреннего порядка, определяющие строгое исполнение считалок, 44.

X. Классификация считалок, 45—47. Словарный состав считалок как основа их систематизации, 45. Три основных вида считалок, 45. Считалки-числовки, 45—46. Заумные считалки, 46. Считалки-заменки, 46—47. Считалочки, 47.

XI. Композиция считалок, 47—54. Функция и объем считалки, 47—48. Считалки полного образования и их составные части (начин, ход, выход), 48—49. Сюжетные считалки, 50. Композиционное значение зауми, 50—51. Считалки диалогической формы, 51. Преобразование прозаического диалога в стихотворный, 51—52. Композиционное значение „счёта“, 52. Тексты считалок из отрывков различных словесных произведений, 52—53. Примыкание, или стык, как композиционный прием, 54.

XII. Лексика, 54—59. Зависимость считалочной лексики от тематического богатства, назначения и традиции — устнонародной и книжной, 54—55. Отсутствие словесных обозначений для абстрактных понятий, 55. Обилие слов для обозначения разнородных явлений природы, 55—56. Воспроизведение звуков, 56—57. Слова для обозначения запахов и вкусовых ощущений, 57. Названия предметов обстановки и быта; диалектизмы, 57. Слова церковно-терминологического значения; вульгаризмы, архаизмы, 57—58. Географические и этнографические названия; собственные имена и фамилии, 58—59.

XIII. Словообразование в считалках, 59—64. Предполагаемые причины детского экспериментирования со словами, 59. Имена существительные, 59—61. Прилагательные, 61—62. Изменения в глаголах, 62—64.

XIV. Счетные слова, 64—70. Обычные формы числительных в считалках, 64—65. Необычные формы количественных числительных, 65—66. Озаумленные счетные слова, 66—67. Синонимы и заместители числительных, 67. Источники их происхождения, 67—68. Причины трудности исследования детских счетных слов, 68—69. Порядковые числительные в считалках, 69—70.

XV. Заумные слова в считалках, 70—84. Происхождение детской зауми, 70—73. Смысл в заумных словах, 73. Парные слова, 73—75. Заумь, образованная из отсеченных окончаний слов, 75. Неузнанные слова родного языка, 76—77. Равнодушие детей к прямому смыслу слов и выражений в считалках, 77—78. Попытки истолкования зауми, как слов чужого языка, 78—79. Проникновение в считалочные тексты слов чужого языка, воспринимаемых как заумь, 80—83. Чистая заумь, 83—84.

XVI. Семантика, 84—89. Счетно-метрическое и логическое значение слов, образующих считалку, 84—85. Употребление слов в переносном значении, 85—86. Эпитеты в считалках, 86—88. Повторение, 88—89.

XVII. Синтаксис, 89—96. Об единой синтаксической структуре считалочных текстов говорить невозможно, 89. Заумный характер считалочного синтаксиса, 89—91. Словорасположение в считалках, 91—92. Короткость фраз, 92. Безличные предложения, 92—93. Случай управления падежей и особенности употребления предлогов, 93—94. Бессоюзное сочетание предложений в считалках и сочетания посредством сочиняющих союзов, 94—95. Подчиненные предложения, 95. Чужая речь, 95. Предельная простота стиля и лаконичности выражений, 95—96.

XVIII. Метрикоритмическая характеристика считалок, 96—100. Сложение и исполнение считалки строго подчинено ритму, 99. Считалочные ритмы с трудом поддаются определению, 96—98. Преобладание хорейских размеров в считалках, 98. Ямбические стихотворения, 98. Чередование размеров, 99. Односложные концовки в считалках, 99. Произвольный стих, 99. Неподчинение твердым схемам стихов из счетных слов, 99—100.

XIX. Рифмы в считалках, 100--105. Употребительнейшие строфические формы считалок. 100--102. Сочетания мужских и женских рифм; дактилические и гипердактилические рифмы, 102--103. Рифмы считалочных текстов со стороны грамматического строения их, 103--104. Полурифмы и ассонансы. точные и неточные рифмы, 104--105. Внутренние рифмы, 105. Постоянные рифмы, 105.

XX. Словесная инструментовка, 105--111. Чуткость и внимание к звукам у детей, 105. Любовь к звукам в детской поэтической речи, 106--107. Гармония гласных, 107. Звуковые повторы и аллитерации, 107--109. Сочетание звукописания с тематикой, 109--110. Сочетание звукописи с патетикой и с передачей интонаций, 110. Заключительные замечания, 111.

Примечания, 112--128. Молчанки и голосянки (примечание 3), 112--113. Сговоры, или жеребьевки (прим. 4 и 5), 113--114. К библиографии считалки (прим. 10), 114--115. К истории текстов (прим. 34), 117. Детское пристрастие к звуковой стороне слова (прим. 101), 121--122. Словарик парных слов (прим. 115), 122--123. К вопросу о путях проникновения иноязычных считалок в детскую среду (прим. 140), 125. Замечания об интонации в считалках (прим. 170), 127--128.

Дополнения, 129--134. Подражания считалкам (доп. к стр. 9), 129--131. Заучки, или мнемонические стихи, употребляемые в качестве считалок (доп. к стр. 24), 131--132. К истории одного текста (доп. к стр. 25), 132--133. Считалка--заговор (доп. к стр. 31), 134.

Т е к с т ы.

От собирателя, 137--141.

Молчанки (№№ 1--11), 141--142.

Жеребьевки (№№ 12--64), 142--143.

Считалки (№№ 65--553), 143--216. 1. Считалки-числовки (№№ 65--166), 143--159. 2. Заумные считалки (№№ 167--225), 159--166. 3. Считалки-заменки (№№ 226--553), 166--216.

Пометки к текстам. 217--229. Использование в детской поэзии немusыкальных согласных (по поводу № 118 и др.), 219. Письмо, как литературный прием (по поводу № 153 и др.), 220. Тексты заумного характера--всегда меньшего объема (по связи с № 167 и сл.), 220. К вопросу о миграции считалочных текстов (по связи с № 173), 221. Парные слова в повествовании о жабе (по поводу № 191), 221. Переход текста с переменной функции в другой жанр (по связи с № 226 и сл.), 222. К вопросу о «детях и формах искусства» (по связи с № 260), 222.

Указатель авторов, 230--231.

Географический указатель, 231--233.

Детские игровые прелюдии.

Этим очерком я хочу присоединить еще одну главу к прежде написанным частям книги о детском быте, языке и детском художественном творчестве в слове.

Глава эта — только одна из работ, подготовительных к той, которая может создаться в результате обстоятельного рассмотрения всех существенных элементов проблемы, вытекающей из необходимости познания детского мира с его бытом и творчеством.

Заглянуть в этот быт с его строем, с претерпеваемыми им и в свою очередь оказываемыми им влияниями, заглянуть в это творчество, в рождение его и историю — вот привлекательная задача, которую может ставить себе исследователь.

Желание его может питаться многими надеждами и ожиданиями, многими догадками и соображениями, многими потребностями и обстоятельствами, о которых будет речь. Но осуществление этого желания затруднено многообразными условиями и причинами, прежде всего и более всего — методологическими.

Чрезвычайно трудно, если вообще возможно, проникнуть взрослому человеку в тайны детского мира и творчества. Взрослым малодоступны произведения детского творчества не по трудности его понимания, а по чуждости настроений, которые неуловимы и неопределимы, по чуждости тем, которые своеобразны, по чуждости форм, которые необычны.

По мере отхода от детских интересов, мы, видимо, теряем способность понимания произведений детского фольклора. Рассматриваемый сейчас вид, считалки, на детей производит большое впечатление, за гранью же детского возраста „их больше не ощущают“: у взрослых они вызывают улыбку недоумения или насмешку непонимания. Поэтому взрослые так мало их помнят: почти каждый из нас их словно когда-то „слышал, но полузабыл, но забыл не вовсе“... Отсюда — трудность их изучения.

В сознании и понимании исследователя, человека взрослого, могут затушевываться картины, не восприниматься или затери-

ваться художественные образы, потухать искры поэзии, близкие и понятные детям, но недоступные или не во всем доступные взрослому. Для достаточного проникновения в понимание рассматриваемых явлений, связанных с детским художественным творчеством в этой области, недостаточно знать только тексты произведений, как недостаточно сделать наблюдения над их исполнением. Нужны еще личные воспоминания, вызванные или поновленные многократными непосредственными наблюдениями: нечто похожее на то, что в психологии называется постижением внутреннего мира других через самонаблюдение, имеет место и здесь. Творчество взрослых значительно доступнее пониманию; детский фольклор—в ином положении: здесь трудность задачи заключается в необходимости уразумения творчества через посредство сопереживания.

Вероятно, тем и нужно объяснить сравнительное обилие собранных у нас материалов по фольклору взрослых и исследований его и весьма малое количество собранных и совершенно не изученных материалов по детскому фольклору.

Это исследование написано с целью привести в известность накопленные материалы, относящиеся к крупнейшему отделу детской устной словесности, посылить определить их объем и содержание, осветить, насколько удастся, произведения, выделенные для этой работы, со стороны их формы, состава и построения.

Не имея предшественников в работе, едва ли возможно обезопасить себя от больших и малых промахов. Многие недочеты видны и самому автору.

В основу объяснительной части этой работы положены главным образом личные наблюдения и впечатления, которые не могут считаться достаточными, так как относятся к сравнительно небольшой провинции (Забайкалье, Иркутский и Приенисейский край и южная часть Акмолинской области); правда, благодаря щедрой помощи многих лиц, я располагаю материалами, относящимися и ко многим другим провинциям по ту и по другую сторону Урала, но все же личные воспоминания, впечатления и наблюдения неизбежно, незаметно для самого исследователя, преднастраивают его в пользу тех или иных суждений, окрашивая их, быть может, не всегда в „натуральный“ цвет.

В главнейшей части работа выполнялась в условиях, не обеспечивавших желательных возможностей, поэтому в поле зрения исследователя вошли почти исключительно великорусские тексты; украинские и белорусские привлекаются не только без должной полноты, но, можно сказать, случайно.

Не перечисляя других недочетов (граничащая со схематичностью сжатость изложения—пусть и вынужденная—и протекающая отсюда недостаточная „прозрачность“ словесной ткани, поверхностная проработка некоторых частных вопросов и пр.), считаю уместным оговорить часть терминологическую.

Как и в других видах детского фольклора, в рассматриваемом жанре мы не располагаем какой-нибудь определенной классификацией материалов и не имеем устоявшейся терминологии. Это обстоятельство служит, я думаю, извинением моей смелости предложить опыт классификации детских игровых прелюдий и ввести в оборот некоторые обозначения, претендующие только на условное значение рабочих терминов¹.

Если мое описание не лишено, как хотелось бы надеяться, некоторых достоинств, то это в значительной мере обусловлено помощью, которую я получал отовсюду. Любезности Д. К. Зеленина я обязан тем, что основные положения этого описания детских игровых прелюдий были сообщены мною в секции „живой старины“ научно-исследовательского института при Ленинградском университете; это дало мне возможность услышать авторитетные суждения и ценные разъяснения П. К. Симони, В. И. Чернышева, Э. К. Пекарского, А. И. Никифорова и других лиц. О. И. Капица поощряла меня многими библиографическими указаниями и щедро делилась материалами из своего богатого собрания текстов, добытых из разных губерний. Художник Б. И. Лебединский сделал мне драгоценный подарок — рисунки, поясняющие мои сжатые описания. С глубокой благодарностью приняты мною во внимание дружеские советы Е. В. Калининой и Е. В. Георгиевской-Дружининой. Всем им, как и моим постоянным советникам—М. К. Азадовскому и Л. Г. Михалковичу, говорю спасибо.

I

Многочисленные произведения детского устного творчества, которые представляется возможным объединить в группы фольклора потешного, сатирической лирики, бытового и календарного фольклора², имеют самодовлеющее значение; они живут вполне самостоятельной жизнью, являясь украшением той или иной стороны детского житья - бытья. Самая же значительная по количеству входящих в нее произведений группа — детский игровой фольклор—объединяет словесные произведения, которые живут, лишь вступая в определенные сочетания с другими проявлениями детского творчества, входя составною частью в более сложное образование — в игру. Эта группа состоит из игровых песен и игровых прелюдий.

Игровые песни имеют различное целевое назначение: одни полагают начин игре, другие служат для связи ее частей, третьи несут службу концовок; иные вводятся для замедления действия игры или в целях отвлечения внимания участников от ответственного момента игры и т. д.

Игровые прелюдии делятся на две группы. В одних излагаются условия ведения игры—и тогда прелюдия состоит только из словесного произведения. Таковы *молчанки* и *голосянки*. В других смысл прелюдии в приготовлениях к игре—в распределении ролей или очередей; тогда словесное произведение—только составная, хотя и главнейшая часть прелюдии. Это—*жеребьевки* и *считалки*.

В некоторых детских играх прелюдия разрастается настолько, что заслоняет собою основную часть игры или самую игру, перенося в действие только развязку, конец ее. Наиболее выразительный пример—игра „в молчанки“, начинающаяся прелюдией-уговором, в которой определяются последствия нарушения молчания: кто первый нарушит молчание („промолвит“), тот должен выполнить невероятно трудную задачу—съесть „сорок амбаров сухих тараканов“ и пр.

Таков уговор, который в наиболее полном тексте выражен так:

Кошка сдохла,
хвост облез,
кто промолвит,
тот и съест
сорок амбаров
сухих тараканов,
сорок кадушек
соленых лягушек,
сорок ковшей
зеленых соплей.
Молчанка началась,—
чок, чок!
Двери на крючок...

В варианте последние три стиха читаются несколько иначе:

Молчанка началась—
в избе тихо³.

Название игры переносится и на прелюдию-уговор: она тоже называется *молчанкой*. Читается она обыкновенно выразительно, хотя и не без выкриков.

Иначе исполняется произведение такого же, в общем, строения, что и молчанка, но связанное с игрою, имеющей

совершенно иные задачи,—с игрою „в голосянки“, у которой прелюдией-затравкой служит небольшое, редко рифмованное произведение в 2—4 стиха, называемое *голосянкой* и исполняемое (хором) четким речитативом без каких-либо пауз:

Давайте, ребята,
голосянку тянуть;
кто не вытянет,
того за волосы рва-а-а-ть...

Прелюдией к играм (лапта, городки и т. д.), требующим разделения участников на две партии, или группы, служит *жеребьевка*—рифмованное произведение, состоящее обычно из *обращения* к руководителям игры („маткам“) и *вопроса*. Матки стоят или сидят; остальные участники избранной игры расходятся попарно и тихо, неслышно для других, сговариваются, кому как назваться, например: „Ты будешь конь вороной, я—барабан золотой“.—„Ладно“. Подходят затем к маткам и один из пары говорит:

Матки, кого надо:
коня вороного
али барабана золотого?

Или (если, по сговору, один—травка-муравка, а другой—золота булавка):

Матка, матка,
кого берешь:
травку-муравку
али золоту булавку?

Или:

Матки, матки—
чертовы лопатки!
бочку с салом
али казака с кинжалом?

Одна из „маток“ называет бочку или казака; названный входит в его партию.

Жеребьевки, или сговоры⁴, произносятся или нараспев, или с выкриками⁵.

Наиболее известным, разнообразным и наиболее разработанным видом детских игровых прелюдий являются рифмованные произведения, используемые детьми с целью установления *роли* участников игры или *очереди* для начала игры. Это—*считалки*.

II

Ни один вид детского словесного творчества не привлёк к себе так много внимания, как именно этот вид детского фольклора. Считалке, не в пример прочим видам детского фольклора, открыт широкий доступ в дошкольную и школьную книгу для детей⁶; считалки вошли в методическую литературу⁷; новейшая детская литература (в лучшей ее части) является изводом из детского фольклора, и влияние считалки там можно признать доминирующим. Видимо, какие-то плодоносящие зерна скрыты в этих неувядаемых произведениях. Если мы не знаем случаев „академического“ признания прав произведений детского фольклора на внимание исследователей, то имеем не одно свидетельство живой, непритворной и нескрываемой любви к ним, в особенности к считалкам.

* Считалки не только дают радость их исполнителям; они дают питание другим потокам творчества, — творчества взрослых: этот малый вид словесных произведений включается в произведения крупных жанров, привлекая к себе внимание неожиданной и изящной формой и служа соединению отдельных частей произведения, комбинации вводимых эпизодов и пр. Оставляя без обсуждения телеологию этого литературного приема, можно указать, что им пользуется известный в наши дни французский писатель Анри Ренье в романе „Каникулы скромного молодого человека“ (Перевод под ред. М. Кузьмина. Изд. Academia. Петербург, 1924; гл. VI, стр. 150—151), из наших современных писателей М. А. Гершензон в рассказе „Летчик Мишка Волдырь“ (М.—Л., 1926, стр. 48), Ф. Ложкин в рассказе „Конец Далевского“ (журнал „Красная Новь“ 1927, VII, стр. 107) и др.

Детские считалки радуют чуткое ухо поэта и вызывают его на благородное соревнование.

Детская словесность вливается возбуждающей струей в творчество Валерия Брюсова, и, подражая считалкам, он создает четыре текста того же строя и ритма („Пути и перепутья“. Собрание стихов, т. II. М. 1908; стр. 20).

Архангелогородская считалка навеяла другому поэту — Сергею Третьякову три наивно-прелестных текста-подражания („Железная пауза“. Владивосток, 1919; стр. 10). Еще больше подражаний вызвала детская считалка у Н. Ашукина (сборник „Зарницы“. М. 1923; стр. 36—38. См. также сборник: В. Г. Поляков — „Любимые игры детей“. М. 1923, стр. 33—35).

Видимо, поэт в легкости ткани считалки и связности ее частей ищет отдыха от тяжелых одежд своих собственных малоподвижных и вязких — при всем их совершенстве — произ-

ведений, и вкус опытного художника, очевидно, находит отрадное удовлетворение в простых, не запутанных формах детского словесного творчества.

История собирания произведений детского фольклора показывает, что считалка пользовалась наибольшим вниманием: именно она собрана — по крайней мере в количественном отношении — наиболее удовлетворительно в сравнении с другими видами детского творчества в слове.

Фольклориста считалка привлекает своим положением в кругу произведений детского словесно-художественного творчества. Из всех словесных произведений, относимых к детскому фольклору, считалки украшают жизнь детей почти во все ее периоды. Подростки, переступая порог ранней юности, не пренебрегают использованием считалки. Издевки и дразнилки, молчанки и голосянки, потешки и песенные заговоры уже отзвучат, а считалка все живет в детском быту. Как будто, постепенно вращаясь в словесное творчество взрослых, подростки легко расстаются со всеми видами детского словесного творчества, а разлука со считалкой отодвигается все дальше и дальше — до наступления ранней юности, когда подростки уже овладевают иным культурным наследством и, оставляя детский фольклор, духовно питаются всецело творчеством взрослых. Считалки сравнительно рано детьми усваиваются и поздно, позднее всех других жанров, остаются.

Таким положением дела намечается деление считалок — пусть не строгое, не вполне ясное, но заметное — на несколько групп в зависимости от их использования детьми разных возрастных периодов. Это же обстоятельство ставит считалку некоторыми ее сторонами на грани между детским фольклором и фольклором взрослых.

Многие виды детской устной словесности (песенные заговоры, календарный фольклор и др.) имеют себе соответствие в творчестве взрослых. В современном русском фольклоре взрослых нет ничего, что в полной мере соответствовало бы детским считалкам, — по назначению, исполнению и часто по форме.

Взрослые не играют в те игры, с которыми связано использование считалок; фольклор взрослых не знает случаев скандирования, как наиболее распространенной, в большей части случаев использования — единственной, формы исполнения какого-либо вида словесных произведений. В считалках обращает на себя внимание состав словаря: ни один вид устных художественных произведений взрослых не насыщен в такой мере элементами, для которых привилось не вполне счастливое название зауми, как считалки; нигде имена числительные не встречаются в таком изобилии и не имеют такого значения,

как в рассматриваемом виде детского художественного творчества в слове.

Но некоторыми своими сторонами рассматриваемые произведения роднятся с отдельными видами фольклора взрослых; так, через заумь протягиваются нити к сектантскому фольклору и к заговорам; к заговорам же протягиваются нити и через назначение считалок. Таким образом, между этим видом детского фольклора и произведениями общего фольклора представляется возможным указать некоторые точки соприкосновения, усиливающие внимание к исследуемому жанру детского словесного творчества. Однако эти точки соприкосновения или, лучше сказать, общие черты считалок и отдельных видов общего фольклора ни в какой мере не заслоняют их особенности, коренных отличий от общего фольклора.

Считалки дают новый, до сих пор не использованный материал для освещения разных вопросов, связанных с изучением общего фольклора, для исследования происхождения и природы зауми и для изучения поэтических приемов, которые здесь примитивнее и обнаженнее, чем в творчестве взрослых⁸.

Кроме философского (теоретического), изучение считалки, как и вообще детского фольклора, имеет и прикладное значение⁹.

III.

Начало собиранию русских считалок положено в первой половине прошлого столетия. Первые тексты находим в наших самых ранних сборниках произведений устно-народной словесности.

У И. П. Сахарова в „Сказаниях русского народа“, часть II, Спб. 1837, находим текст жеребьевки, ныне широко известной в детской среде, и указания на характер исполнения этого вида произведений (стр. 41), стихотворный текст, известный и теперь у детей, как считалка, и указания на способы его использования (стр. 26) и, наконец, текст считалочного строя с описанием приемов (известных у детей и в наши дни) применения его (стр. 48).

В середине минувшего века стали поступать, среди прочего, разнообразного материала, многочисленные записи считалок в архив Русского Географического Общества (Д. К. Зеленин — Описание рукописей Ученого Архива Русск. Географического Общества, вып. I, Птгр., 1914, стр. 36, № 54 и мн. др.).

К тому же времени относятся записи В. И. Даля: в его Толковом Словаре под словами *канаться*, *перводан* приводятся три текста из северных (?) губерний. Тогда же приблизительно Г. Н. Потанин, среди другого материала, помещает текст

считалки („присказка для бросанья жребия“) из Иркутска. (Потанин—„Юго-западная часть Томской губернии“. Этнографический сборник Р. Г. О. вып. VI, 1864, стр. 59—60), М. Ф. Кривошапкин, не приводя текстов, устанавливает факт наличия в русско-сибирском фольклоре „приговоров игр разных“, т. е. считалок (Кривошапкин—„Енисейский округ и его жизнь“, т. II, Спб. 1865; приложение IV, стр. 46), П. А. Бессонов печатает свои „Детские песни“, М. 1868,—интересный сборник, содержащий, между прочим, тексты считалок („счет“—стр. 49, №№ 56 и 57, „жребий на словах“—стр. 69, №№ 74—77) и подробные указания об исполнении; П. В. Шейн публикует более двадцати текстов „жеребьевых песенных прибауток“, как он после назовет считалки („Великорусс“, Спб. 1900, т. I, стр. 38), из Московской, Тверской и Тульской губерний, давая при этом сведения о характере использования их (Шейн—„Русские народные песни“, ч. I, М. 1870, стр. 35-36, №№ 52—54; стр. 59—65, №№ 93—111).

В следующем десятилетии печатаются тексты считалок (числом пять) Д. Н. Садовниковым в „Этнографических материалах Поволжского края“ (Симбирские губернские ведомости, 1874, № 46); тогда же обращает на себя внимание обильный материал труд А. Ф. Можаровского—„Очерки жизни крестьянских детей Казанской губернии в их потехах, островах, стишках и песнях“ (Труды Этнографического Отдела Общ. Люб. Ест., Антр. и Этн. М. 1877, кн. IV), где с краткими характеристиками даются тексты шести считалок (стр. 133—134).

Через десять лет вышел в свет широко известный труд Е. А. Покровского—„Детские игры, преимущественно русские“, в исправленном и дополненном виде переизданный в 1895 году. В эту книгу (стр. 54—57) включено 44 текста считалок из разных мест России,—из Вятской (26 текстов), Владимирской, Тверской, Тульской, Симбирской, Тобольской губерний и с Кавказа. Позаимствованы ли откуда-нибудь эти тексты или они собраны автором книги,—на этот счет указаний нет. За год до появления в свет первого издания этого труда опубликован собранный—по инициативе того же Покровского—учителями станичных и городских школ на Кавказе материал о детских играх и забавах, содержащий, кроме жеребьевок, небольшое собрание (около десятка текстов) считалок детей казачьих станиц Кубанской и Терской области (Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. V, Тифлис, 1886, стр. 162, 177—178).

К началу последнего десятилетия прошлого века относятся „Игры и песенки деревенских ребят Лаишевского уезда

Казанской губернии" Ив. Нечаева („Живая Старина 1891, вып. IV); среди другого материала сообщен (стр. 216 — 217) десяток считалок (в обозначениях собирателя „присловья“, „песенки“, „счет“). На все отозвавшийся Г. Н. Потанин в самом конце десятилетия в „Этнографических заметках на пути от г. Никольска до г. Тотьмы“ уделил много внимания детскому быту и словесному творчеству; среди разнообразного материала он записал близ десятка считалок (Живая Старина 1899, вып. II, стр. 176—177).

В 1900 году П. В. Шейн, повторив тексты считалок из „Русских народных песен“ в своем „Великоруссе“, прибавляет к ним такое же количество „жеребьевых песенных прибауток пред началом игры“, из разных губерний (Рязанской, Курской, Владимирской, Самарской и пр.), дав таким образом около полусотни текстов (стр. 38—44, №№ 222—267).

С первого же года молодого столетия материал по детскому фольклору, в частности—по считалкам стал накапливаться более оживленно. Прежде всего надо назвать интересные записи из Калужской губернии в труде В. И. Чернышева „Материалы для изучения говоров и быта Мещовского уезда“ (Сборник Отделения русского яз. и слов. Академии Наук, т. LXX, № 7), дающие 14 текстов произведений интересующего нас отдела словесных произведений (стр. 1—2, №№ 1—12; стр. 123, №№ 150 и 151). Сибирский этнограф В. С. Арефьев в напечатанных в том же году „Образцах народной словесности“ („Материалы по этнографии Енисейского уезда“. Известия Восточно-Сибирского Отд. Р. Г. О., т. XXXII, № 1-2, 1901) поместил пять текстов „считания в детских играх“ (стр. 91—92), дав краткие сведения о назначении и использовании их. Г. Н. Потанин, в своей „Программе для собирания сведений о деревенском быте“ (Отчет Вост.-Сиб. Отд. Р. Г. О. за 1901 г., стр. 14) обращая внимание собирателей произведений устно-народного творчества между прочим и на „прибаутки (при разделении на партии в детских играх)“, в следующем году сам напечатал тексты „присказок при дележе детей на партии для игр“: один текст из Бийска, другой — из Забайкалья (Записки Красноярского Подъотдела Вост.-Сиб. Отд. Р. Г. О. по этнографии, т. I, вып. 1. Красноярск, 1902; стр. 147). Монография И. Я. Неклепаева — „Поверья и обычаи Сургутского края“ (Записки Западно-Сибирского Отдела Р. Г. О., кн. XXX, 1903) включает в себя отдел детских игр; здесь уделено место и считалкам: на стр. 89 приводится четыре текста и два варианта „причетов“.

После некоторого перерыва, в публикуемых этнографических материалах снова дается место текстам считалок. Среди

„детских присказок“ Е. Оршанская помещает считалки из Краснинского уезда Смоленской губернии (Живая Старина 1909, в. I, стр. 120). Особенно много поступило в научный оборот материалов для изучения этого вида фольклора во втором десятилетии текущего столетия. В статье «Народные игры в Поморье» Г. Цейтлин напечатал несколько текстов считалок (Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера, 1911, №13, стр. 10-11), снабдив их ценными указаниями и разъяснениями. Тогда же Б. Г. Герасимов в содержательном очерке «В долине Бухтармы» уделил внимание детскому быту, в частности детским играм: он приводит восемь текстов считалок, или—по терминологии собирателя—«приказов», «команд» (Записки Семипалатинского Подъотдела Зап.-Сиб. Отд. Р. Г. О. в. V, 1911, стр. 60—62) и несколько текстов жеребьевок (стр. 59—60). Тексты предваряются краткими, но обстоятельными указаниями на игры, с которыми связано исполнение этих произведений, приемы их использования и характер исполнения.

Вскоре были напечатаны «детские прибаутки для жребия», записанные в небольшом количестве (пять текстов и три варианта) у прибайкальского населения А. М. Станиславским (Труды Восточно-Сибирского Отд. Р. Г. О., № 7. Иркутск, 1912; стр. 167—169). Вслед за ними опубликованы считалки (восемь текстов) А. Н. Молотилковым в труде «Говор русского старожилото населения Северной Барабы (Каинского уезда Томской губ.) Труды Томского Общества изучения Сибири, т. II, в. I, 1913, стр. 87—89. Там же (стр. 89) даны тексты жеребьевок. Сообщены приемы и характер исполнения приводимых словесных произведений.

Обстоятельные сведения об играх, с которыми связано исполнение считалок, и о приемах исполнения прелюдий даются А. Н. Соболевым, который сообщает сорок текстов считалок в его со тщанием выполненном труде «Детские игры и песни» (Труды Владимирской ученой архивной комиссии, кн. XVI. Владимир, 1914; стр. 3—14).

Небольшое число текстов содержат в себе сборники различного материала: труд Б. и Ю. Соколовых— «Сказки и песни Белозерского края». М. 1915 (стр. 486, № 633) и Г. К. Завойко—«Колыбельные и детские песни и детские игры у крестьян Владимирской губернии» (Этнографическое Обозрение 1915, № 1—2); здесь помещены три текста «счета» и отмечены приемы их исполнения (стр. 130). Богатое собрание материалов по детскому фольклору было опубликовано в 1917 году, в Записках Семипалатинского Подъотдела Зап.-Сиб. Отд. Р. Г. О., вып. XI, где опубликованы жеребьевки (12+3 текста) и девяносто текстов считалок из разных мест Семипалатинской

*

области и Змеиногорского уезда Томской губернии, собранные в 1911—1915 г. г. В. Н. Белослюдовым («Материалы по этнографии», стр. 1—13).

В самые последние годы несколько текстов «счета к детским играм» опубликовала А. М. Попова в статьях «Детские игры и забавы в сибирской деревне» (Сибирская Живая Стarina, вып. I, 1923, стр. 114, № 14) и «Поездка к семейским Забайкалья» (Бурятияведение. Верхнеудинск, 1926; на стр. 18 в выноске приводятся два текста).

Пересмотр выполненной работы показывает, что около двадцати лиц в разное время приняло участие в собирании материалов; более других сделано в этой области Белослюдовым, Потаниным, Соболевым, Шейном.

За почти столетний период собирательства записано приблизительно триста текстов. Это дает, конечно, меньшую цифру действительно накопленного материала, так как наиболее распространенные тексты в незначительных вариациях вошли в несколько собраний. Более всего собрано материала по считалкам в Семипалатинской области и в губерниях Владимирской и Вятской.

Едва ли можно думать, что в этот краткий обзор истории собирания считалок вошло все, что было в разное время напечатано в различных изданиях¹⁰. Без необходимых подготовительных работ библиографического характера невозможно уследить содержание многочисленных провинциальных изданий, особенно газет, которые нередко предоставляли свои страницы и столбцы для материалов по этнографии и фольклору. Произведения детского фольклора рассматриваемого вида иной раз оказываются в изданиях, в которых трудно догадаться искать или трудно надеяться найти интересующий специалиста материал. Едва ли можно сомневаться, что разыскания в области мемуарной литературы обнаружат если не тексты игровых прелюдий, то какие-нибудь замечания о них. Можно не сомневаться, что поиски нужного материала в архивах провинциальных и столичных научных обществ (рукописный отдел библиотеки Академии Наук, архив Тенишева и др.) не будут безрезультатны.

*

Как показывает данный обзор, детские игровые прелюдии, в том числе и считалки, никогда не были предметом изучения. Даже систематических наблюдений, поисков и сборов, за крайне редкими исключениями, никто не производил. Все же, объединив опубликованные материалы, исследователь имел бы собрание, дающее возможность приступить к изучению интересного жанра русского фольклора.

Сравнительно позднее начало сборов лишает возможности определенно и точно отвечать на вопрос: когда, из какого источника возникла и как развивалась детская считалка?

На этот вопрос так же трудно отвечать, как на вопрос о происхождении песни или сказки. Начало ее, если и возможно, то, во всяком случае, очень трудно отыскать. Сколько можно судить на основании имеющегося материала, ее развитие шло, видимо, безостановочно, но оно не всегда было (а, быть может, и никогда не было) равномерно-однообразным. По аналогии с тем, что наблюдается в наши дни, можно думать, что и в прошлом считалка на себе испытывала время от времени разнородные влияния в смысле обновления содержания, вторжения новых форм, изменения словарного состава и т. д. Оправдание такого предположения дают многочисленные факты.

Наблюдатель наших дней сталкивается с несколькими одновременными явлениями в жизни считалки: он наблюдает полное или частичное использование в измененном или неизменном виде произведений фольклора взрослых в качестве считалок использование—в измененном или неприкосновенном виде—различных видов детского фольклора; составление новых текстов считалок из отдельных частей разнородных словесных произведений, относящихся к области детского фольклора; попытки подражать старым текстам и составлять новые; пересадку на русскую почву иноязычных текстов считалок; использование в качестве считалок словесных произведений, идущих в детскую среду через книгу, и иные.

Произведения общего фольклора, точнее — произведения взрослых, проникают в детское общество, забываясь, теряясь из состава произведений, исполняемых взрослыми. В детском обществе они не остаются неизменными: пройдя через новую среду, подвергшись новым воздействиям, новой переработке, они принимают иной вид, новый облик.

Как пример, можно указать старую песню (А. И. Соболевский—Великорусские народные песни, т. IV, стр. 599, № 752):

Ехал мальчик по Казани,
в полтора ста рублей сани,
в пятьдесят рублей дуга;
мальчик—девице слуга [и т. д.]

Из этих стихов, составляющих начало песни, образовалась распространеннейшая из считалок.

Интересно сравнить со считалкой и другую старую песню (Песни собранные Киреевским. Новая серия, вып. II, часть I, № 1214 (30), стр. 13):

Куна ходит по бору да по бору,
щиплет траву лебеду да лебеду;
она рвет и берет,
приговаривает:
я кого люблю,
за себя возьму [и т. д.]

В селах Иркутского уезда (Куда, Хомутово) дети считаются:

Ходит лйса пò бору,
рвала хлеба лèбеду.
Ана рвёт и бярет,
по пучйначкам кладет.
Эта—лйса, это—бор,
эта вышал вон.

Игра взрослых девушек, невест,—«первенчики», о которой рассказывает Сахаров (Сказания русского народа, ч. II. Сказания о русских народных играх, стр. 25—26), передала свою словесную часть

Первенчики,
друженчики,
трынцы,
волынцы [и т. д.]

в детский обиход; там она дала начало многим считалкам или вошла, как начальная часть, в некоторые считалочные тексты. (Ср. тот же текст у Шейна—Русские народные песни, стр. 64, № 108; стр. 79—80).

Кажется, более всего заимствуются и в той или иной переработке применяются в качестве считалок произведения материнской поэзии—потешки и колыбельные песни.

Колыбельная песня, записанная в первой половине XIX в. А. С. Хомяковым (Полное собрание сочинений, т. I. М. 1861; стр. 482, выноска).

Ты куколка, я куколка [и т. д.]

стала распространенной детской песней (см. Шейн—Русские народные песни, стр. 34—36, № № 52 и 54; см. также стр. 77—79) и считалкой по ту и по другую сторону Урала.

Одна из «небылиц для детей», которую находим у братьев Соколовых (стр. 230, № 127), встречается в детской считалочке, построенной из небольшого отрывка «небылицы» (село Гадалей, Иркутской губернии):

Шалды,
балды,
бух!..

Это так естественно—использовать детям в своих целях то, что предназначалось и исполнялось взрослыми исключительно для них—хотя бы и в иных целях.

Заместителем традиционной считалки является иногда и частушка; из многочисленных примеров укажу чаще всего встречающийся:

Сидит Маня на крыльце
с выраженьем на лице.
Я не долго думала,
подошла да плюнула.

Иногда заимствуется не целиком произведение общего фольклора, а часть его. Отдельные куски, выбранные—часто с большим вкусом—из разных видов словесного творчества, очень умело вносятся в художественное произведение, имеющее назначением служить прелюдией к игре. Интересно сравнить, например, текст считалки (записана в Иркутске)

Раз, два, три, четыре.
Мы сидели на квартире,
Чай пили, булки ели,
позабыли, с кем сидели

с распространенной (в Енисейской и Иркутской губ.) частушкой:

Чай пила, картошки ела,
позабыла, с кем сидела.

В некоторых случаях возникает, правда, и другой вопрос: не питала ли считалка своим запасом образов и словесных оборотов произведения других жанров, напр., частушку. Трудно думать, чтобы готовые литературные запасы оставались не использованными молодыми людьми, оставляющими один жанр (детский) и начинающими исполнять произведения общего фольклора. Вопрос этот разрешать не здесь. Если на него и

придется ответить положительно, это ни в какой мере не колеблет утверждения о многочисленных заимствованиях из фольклора взрослых. Дети умеют искать и находят. То, что в жизни взрослых потеряло смысл и значение, находится в пренебрежении или полном забросе, что унесено временем и совершенно забыто,—подбирается детьми, находит у них интерес и встречает заботливое отношение.

Границы, разделяющие разные виды и роды словесных произведений, ребятами переходятся без долгого раздумывания,—почти так же, впрочем, как в области общего фольклора взрослыми нарушаются линии, обособляющие один вид песен от других.

Так, распространенная скороговорка „Ехал грека через реку“ (и т. д.) во многих местах употребляется в качестве считалки¹¹. То же надо сказать об известном стихе-перевертыше:

Ехала деревня мимо мужика [и т. д.]¹²

Старая песенка: «Рыжий красного спросил» в одних местах (напр., поселок Тулун) исполняется девочками при указывании кукол, как колыбельная песня, а в других (Турунтаево, Частоостровское) известна как считалка¹³.

Некоторые произведения детской сатирической лирики применяются и в качестве считалок. Как пример можно указать издевку-портрет:

Катя, Катя, Катерина—
нарисована картина [и т. д.]¹⁴,

или (пример из Барнаульского округа) другую издевку:

Алеха-требуха
съел корову да быка [и т. д.]¹⁵.

Некоторые считалки или содержат сатирический элемент или составлены в жесткой манере дразнилок, иногда «с расчетом на юмор», как сказано о них у Покровского (назв. соч стр. 53).

Раз, два, три—стара баба ты..
Кто не выйдет, тот дурак..
Стрижка-бришка—елова шишка...

Разница между такими считалками и подлинными издевками или дразнилками лишь та, что в первых задирающий характер, отличающий детскую сатирическую лирику, смягчен тем,

что насмешка в этом случае направлена не по адресу определенного лица, а достается *случайно* кому-либо, потому редко прилипает и, значит, почти необидна. Счет мешает воспринять считалку-издевку как только издевку; сатирический характер произведения испытывает некоторое затруднение для своего полного обнаружения. Юный художник слова еще не научился делать уверенные мазки, и краска часто разливается за намеченные ей пределы... Поэтому считалка, имеющая определенное назначение, выходит иной раз за свои границы и делается сатирой или принимает ее характер и окраску.

Некоторые произведения детского фольклора, не имея какого-либо специального прикрепления к игре, забаве или моментам детского быта, имеют *запасное значение*. Здесь можно назвать звукоподражания, потешки и пр. Вот распространенный из многочисленных примеров:

Тилинь-бом, тилинь бом—
загорелся кошкин дом...

или:

Повар пеночку слизал [и т. д.]

В случае недостатка в считалочном репертуаре, эти тексты выполняют назначение считалки.

Весьма часто произведения сатирической лирики и других видов заимствуются не полностью, а только в отдельных частях. В силу возрастных особенностей, в силу необходимости спешить, при свежести впечатлений, яркости образов и т. д., иногда неизбежна недостаточная обработка формы: что на пути прежде встретится, это и захватывается и в захваченном или наскоро приспособленном, наспех переделанном виде используется. Совершенно очевидна неизбежность идти в творчестве по линии наименьшего сопротивления и полная невозможность отказаться от использования старых запасов, невозможность сойти с тех линий, по которым творческое воображение привыкло двигаться. Отсюда—обилие разнообразных реминисценций в считалках, особенно в считалках-заменках.

Некоторые тексты строятся на реминисценциях из загадок. Ср. «Тень - потетень» или «Тень - перетень» с некоторыми текстами из «Великорусских загадок» Худякова (Этнографический сборник Р. Г. О., вып. VI, Спб. 1864, № 564).

Многие тексты являются отголосками, если не осколками, песен; ср. уже приведенную песню «Куна ходит по двору» с распространенной считалкой:

Ходит свинка по двору,
щиплет траву лебеду.

Чух—рюх,
свинячий дух... ¹⁶.

Еще чаще они строятся на реминисценциях из сказок.

За горами, за долами
стоит ящик с пирогами [и т. д.]

Или:

... он пошел,
красну шапочку нашел...

Во многих случаях встречаем реминисценции из детской сатирической лирики.

Сўни, мўни, крес.
Пошел Ванька в лес,
срубил палку [и т. д.] ¹⁷

Смелое и неограниченное пользование готовым материалом и частое повторение излюбленных отрывков, или «кусков», обуславливают наличие множества вариантов, в которых сохраняется одна часть и исчезает или изменяется другая, то выпадает одна и ее место заступает новая. «Ово прибавлено, ово же отъято и превращено», говоря хорошими словами стариков. ¹⁸

Как в области детской сатиры, так и здесь встречаются охотники приписать себе авторство, «ставить имена на работах», иногда на таких произведениях, к которым они или совсем не прикасались или прикасались только едва. В пометке под одним вариантом распространенного текста считалки «На голубе, на жолубе, ставка, плювка» [и т. д.] ¹⁹ один из моих сотрудников сообщает приметный случай. „Спрашиваю: «Кто сочинял?». — «Да кто?—все я же», ответил одиннадцатилетний илимчанин Василий Быков. 1. IX. 1925. Илимск“ (Запись Б. В. Шевякова). Пятнадцатилетний школьник Евгений Петров (Ленинград) приписывал себе авторство считалки «Пастух козу гнал» (сообщила Е. В. Ольшевская). Такие показания наблюдаются не очень редко.

Но в области считалок это явление наблюдается реже. Возможно, что задор, который сопровождает исполнение произведений сатирической лирики порождает различные повышенные переживания, в том числе славлюбивые мечты. Исполнение считалок протекает в иных, более спокойных условиях, не порождающих тех настроений. Впрочем, не всегда авторство приписывается тому или иному лицу напрасно: с попытками различной успешности к созданию новых текстов считалок мы встречаемся нередко. В одних случаях это—подражания известным текстам, в других—вполне самостоятельное творчество.

Рис. 1.

Так, десятилетние Коля и Феня N (Иркутск) выдают за считалку составленный ими текст:

Шол бурят с длинным ухом.
Как избавить это ухо?
— Нужно денег полно ухо.
Цым-баляля, цым-баляля,
мы избавили ухо бурята.

В этой очень несовершенной «считалке», не получившей— кстати сказать— широкого распространения, легко узнать подражание очень популярному тексту: «Карл Иванович с длинным носом»²⁰. Еще пример их же творчества в области считалок:

Я знаю стих,
никто его не разгадает.
Раз, два, три—
я узнала стих...

И еще:

Шла я раз лесом,
лесом большим,
не могла перейти его.
Кто чего разгадает,
молодец большой.

Эти два текста, как и еще несколько других, принадлежащих тем же авторам, большого успеха не имели, но в не-большом кругу, где авторы коноводили, они применялись даже более усердно, чем ходовые считалки.

Почти каждая семья имеет в разговорном обиходе слова, нигде более не известные и идущие от малых детей. Воздействие детей на речь взрослых— явление общеизвестное. Подобные же явления— правда, в более редких случаях— можно наблюдать в области стихотворчества, где опыты малых детей подхватываются и используются старшими детьми или взрослыми членами семьи.

В одной семье (Благовещенск) четырехлетняя Ира не то откуда-то зацепила, не то сложила и стала распевать-читать стихотворение:

Чайник чистай,
чай дусьстай,
кипиченая вода.

В редакции трехлетней сестренки, Наташи, этот стих звучал:

Цайник истай,
цай досытай,
капиционная вода.

Частое исполнение этих двух редакций стихотворения сделало его достоянием всей семьи. Старшие дети, учуяв в нем нужный ритм, подцепили его для использования в качестве считалки, дав такую окончательную редакцию:

Чайник чистый,
чай досытый,²¹
кипяченая вода.

Известность этой считалки вышла далеко за круг ее славателей²².

«Мы все-то их (считалки) не учим; зачем все-то...» — сказала мне однажды девочка. Видимо, большие запасы традиционного материала освобождают ребят от необходимости создавать новые считалки; если они и создаются вновь, то очень редко. Однако, храня старые традиции и накопления прежних поколений, детвора отзывается и на современность: мир новых впечатлений проникает каким-то образом и сюда. В последнее десятилетие в старые тексты нашли путь новые слова и новые образования; например, вместо Карла Ивановича старой считалки в некоторых местах (Тункинский край) стал известен Карла Маркыч²³; в другие тексты сделаны вставки: «поеду в Ленинград, посмотрю, какой наряд», встречаются упоминания о красном флаге²⁴ и т. д.

Творчество выливается не только в приспособление готовых форм к потребностям *времени*, но и в применение их к *местным* условиям и потребностям, к определенным обстоятельствам. Отсюда местный элемент в считалках:

... и поехали в Китай,
чтоб купить хороший чай²⁵.

... поехали в Шанхай
продавать китайский чай²⁶.

... бык залягался,
братский заругался²⁷.

... лодку в Клязьме утопил²⁸.

Известны считалки, составленные из игровых терминов; о них еще будет речь.

Пересадка на нашу почву иноязычных считалок тоже должна быть отмечена. Не говоря о латинских считалках, культивировавшихся в старой бурсе²⁹, заслуживают внимания французские тексты, шедшие в детскую среду преимущественно

через институты и перенимавшиеся как ткань заумных слов; например:

Энгель, пенгель катанетэ
ки тамбетэ малонетэ
пом дор пом даржан
пети танфан
аллэ ву зан. ³⁰

Еврейское происхождение некоторых считалок, употребляющихся русскими детьми на севере, устанавливает Цейтлин (стр. 10—11), о татарских словах в считалках говорит Можаровский (стр. 133—134).

В сельско-деревенском детском мире последних четырех-пяти десятилетий (в городе много раньше) появились, а во многих местах и широко распространились «книжные слоги» детворы.

Школа и книга оказывают определенное влияние на состав и судьбу детского фольклора: школьные и книжные стихотворения заменяют (насколько удачно—другой вопрос) и вытесняют старую считалку, которая не везде и не всегда выдерживает натиск новых форм.

Явление это, конечно, не новое; возможно, что самое возникновение считалки нужно искать в школе и книге. Подобно тому, как школьная латынь на Западе, славянский язык у нас был языком книжности и школы. Школьный славянский язык проникал в русскую детскую среду, в детский обиход: на нем составлялись правила поведения, изложенные в рифмованных стихах, на нем в допетровскую эпоху составлялись учебники и шло научение и делам веры и книжной премудрости. „Потому, может быть, эти учебники называются азбуковниками, что содержание их большей частью располагается в алфавитном порядке: так, первый из них, состоящий из правил касательно школьных порядков, располагает эти правила по счету букв алфавита, и как все его изречения очень кратки и состоят больше из двустий или четверостиший, то прежде под буквою *а* помещены изречения, начинающиеся с этой буквы; под буквою *б* те, которые начинаются с этой буквы и т. д.; и так как этих изречений очень много, то каждая буква в начале таких изречений повторяется довольно часто“³¹.

Не являются ли и считалки „светскими“ потомками этих словесных произведений дидактического характера, при помощи которых воспитатели облегчали усвоение счисления,—на подобие толковых азбук, которые были известны у нас в старину?³²

Некоторые тексты, сделавшиеся в наше время считалками („рифмы на счет и на алфавит“), не явились ли из того же

источника, т. е. не служили ли первоначально целям педагогическим—способствовать уяснению „буквенного дела“. На такую мысль наталкивают и ныне известные устные стихотворения школьников, наподобие того, который приводит Можаровский (стр. 134):

А з—б у к и: бабашки;
в е д и: таракашки;
г л а г о л ь: кочережки [и т. д.]

Не оттуда ли идет, между прочим, тенденция, хранимая в некоторых текстах считалок, заканчивать чтение сентенцией или наставлением?

Если эти предположительные замечания оказались бы правильными, пришлось бы признать, что считалки безусловно „народного“ происхождения, т. е. являющиеся произведениями устного творчества, проникли в детский обиход позднее и заменили чисто-книжные произведения, ответив тем же ритмико-метрическим требованиям, которым отвечала считалка первоначальная. Впрочем, эти предположения и соображения, навеянные случайным и кратковременным прикосновением к памятникам древней русской письменности³³, нуждаются в проверке и оправданиях; здесь они высказаны в качестве попутного домысла и имеют более смысл вопроса, чем утверждения.

Влияние книги и школы неоспоримо можно устанавливать для последнего полувека. Один из показательных примеров представляет стихотворение Миллера-отца:

Раз, два, три, четыре, пять,
вышел зайчик погулять;
вдруг охотник прибегает,
из ружья в него стреляет...
Пиф-паф! ой, ой, ой!
умирает зайчик мой!

См. „Стихотворения Ф. Б. Миллера, т. VI, М. 1881, стр. 312: Подписи к картинкам (для детей первого возраста)“.

Это стихотворение стало распространеннейшей считалкой, при чем устные редакции³⁴ мало изменили книжный текст.

Некоторые „считалочки“ Н. Ашукина получили большое распространение: „В синем море-океане“ записана в 1925 г. в с. Голуметь Иркутской губернии, „Под горою у реки живут гномы старики“ с незначительными изменениями в последнем стихе—там же и в Иркутске.³⁵

Всем известный текст:

В этой маленькой корзинке
есть помада и духи [и т. д.]

вошел в считалку,—по сообщению знатска, — из одной старинной оперы.

Имеющийся во многих вариантах текст считалки «Карл Иваныч с длинным носом» и т. д. вошел в детский репертуар в первом десятилетии текущего столетия из детского журнала „Задушевное Слово“³⁶.

Другой текст считалки-заменки «Зимний вечер темен, долог» и т. д.,³⁷ по сообщению исполнительниц, позаимствован тоже из какого-то детского журнала 1917 (?) года и принадлежит перу Н. Венгрова.

Позаимствованием из какого-то журнала считают исполнители и текст „Папа с газетой“.

О считалке, начинающейся словами:

На печи калачи
как огонь горячи [и т. д.],³⁸

записанной в Рабочей Слободе в Иркутске, пришлось услышать от исполнительниц замечание: «из книжки, из букваря».

Приведенные примеры с убедительностью показывают, что в детский считалочный репертуар произведения «книжного» происхождения проникают в довольно значительном количестве.

Таким образом, многочисленные словесные произведения, соединяемые в одну большую группу именем считалок, весьма разнородны по составу, по характеру и по происхождению.

Одна из очередных задач заключается в том, чтобы найти генеалогию рассматриваемого жанра и его отдельных групп. Всякий жанр имеет свою историю и, значит, своих предков. Уже поверхностное, внешнее рассмотрение текстов приводит к мысли, что некоторые из них имеют длинную и блестящую родословную. Несомненные потомки старинных песен и других жанров устного творчества, изводы из книжных произведений,— все эти тексты имеют значительную давность и сложную историю. Это относится ко многим считалкам. Но, видимо, те, которые воспринимаются и интерпретируются собирателями, как „наборы слов“, обусловленные слабостями детского языка и немощами детских вкусов, имеют давнюю и интересную историю и обладают наиболее славными предками—такими, как, например, молитвенные тексты на семитических языках. О них еще будут упоминания, когда речь пойдет о „зауми“ в считалках.

Вопросы хронологизации, определения времени возникновения произведений устно-народного творчества вообще, в частности—исследуемого жанра, кажется, трудны до неразрешимости.

В обычных условиях работы давность можно устанавливать на основании имеющихся старых и новых записей текстов, на основании показаний людей старого поколения, на основании анализа содержания и лексического состава считалок, на основании данных о времени написания или появления стихотворений, ставших считалками или частично вошедших в состав текстов считалок, и по датам появления устно-народных произведений, целиком или частью вошедших в считалочный репертуар.

Мы имеем старые записи великорусских считалок, относящихся к первой половине прошлого столетия. Эти материалы дают некоторые возможности судить о жизни русской считалки за сравнительно короткий промежуток времени, измеряемый, примерно, семью—восемью десятками лет. На основании имеющихся текстов очень трудно судить о давности или времени появления этого вида словесных произведений. Отсутствие их в старых сборниках может быть объяснено и случайностью и другими причинами (планомерных сборов произведений русского детского фольклора, как упомянуто, не было).

Не бóльший период времени обнимается и показаниями стариков; к тому же эти показания—документ не всегда надежный. Взрослые очень немногие и очень мало помнят считалки: эти произведения обычно бесследно тонут в море жизни вместе с детством. Припомнить их—все равно, что поднять потерянное со дна морского. Многие произведения этого рода сохраняются в памяти представителей старших поколений только как фрагменты.

Считалки, как и всякий вид словесных произведений, в отдельных случаях принимают на себя все цвета времени и окраски места. Если „местные признаки“ лишь в исключительных случаях могут подсказать хотя бы предположительно хронологическую дату, то, казалось бы, можно больше ожидать от „цветов времени“ в виде архаизмов или неологизмов—вообще лексического состава изучаемых текстов. Однако и здесь многое—*non liquet*—неясно. Датировка памятников почти всегда невозможна, кроме разве немногих, единичных произведений. Для отдельных текстов лексический состав может дать некоторые показания³⁹; для считалки же, как таковой,—едва ли. Если вместе с Хомяковым наличие слова „тиун“, например, рассматривать, как указание на древность текста (Хомяков—назв. соч., стр. 482),—то и в этом случае мы имеем дату

*

того или иного значения для определения времени возникновения колыбельной песни, а не считалки.

То же относится и к книжным произведениям, вошедшим в детский репертуар в качестве считалок: стихотворение, время написания или опубликования которого мы знаем, могло стать считалкой не с момента его появления; в таком случае и здесь датировка будет только приблизительная.

V.

Из обзора истории собирания видно, что интересующий нас материал собирался главным образом во Владимирской, Тверской, Казанской, Вятской губерниях, на севере России, затем в Семипалатинской области, в Томской и Енисейской губерниях, в Забайкалье. Предпринятые мною в 1924—1927 гг. поиски—непосредственные и через сотрудников—позволили на карте распространения считалок пометить Приморье, Амур, Восточное Забайкалье, Верхне-Ленский край, Иркутскую губернию, Акмолинскую область—в Восточном Зауралье и некоторые губернии в Западном Зауралье.⁴⁰

Русская считалка на ряду с русским языком вошла в обиход городского татарского и еврейского населения (Иркутск и другие места), проникла в иноязычную среду сибирских туземцев: ее знают дети обрусевших тунгусов в Душканчане—на северной оконечности Байкала, в Ченчи⁴¹ и, вероятно, в других местах; знают ее дети в остяцких юртах на р. Оби (Колпашевский район).⁴²

Считалка известна детям всех сословий и состояний—питомцам старых институтов и бурсы, школьникам старого и нового времени и неграмотным ребятам, детям городского населения и деревенскому детскому люду. Многие тексты и близкие к ним варианты известны буквально „от моря до моря“, от Владивостока до Архангельска.⁴³ Некоторые тексты выходят за пределы распространения великорусской речи.⁴⁴ Выходят за эти границы не только словесные произведения, но и самые способы их применения, приемы их исполнения (см. гл. VIII—IX): в общем они одни и те же всюду.⁴⁵

Не исключена возможность предполагать, наряду с исключительной распространенностью отдельных текстов, наличие так называемых „местных репертуаров“. Но делать какие-либо утверждения при большой недоделанности собирательской работы было бы неосторожно: учитывая непрестанные передвижения населения из одного конца страны в другой, особенно при потрясениях последнего десятилетия, можно наперед предвидеть возможность обнаружения „местной“ считалки далеко

за пределами провинции, к которой можно приурочить появление текста, опираясь на его содержание или словарный состав.⁴⁶ С большей смелостью и оправданностью позволительно говорить о местных вариациях общераспространенных считалок.

Широкая распространенность считалок не служит в ущерб ее сохранности. Многие из текстов старых сборников известны в хороших вариантах и поныне,⁴⁷ многие из текстов, записанных от старых людей, во многих местах знакомы и нынешнему детскому населению.⁴⁸

Чем объяснить такую сохранность? В чем видимая причина живучести произведений рассматриваемого жанра?—Рассматриваемые произведения связаны с игрою, и эта связь с устойчивым образованием охраняет от забвения словесный элемент игры—прелюдию; тому же способствует малый объем, стихотворный строй и стремительный размер считалок; частота их повторений при исполнении (см. гл. VIII) способствует их прочному запоминанию в какой-нибудь определенной редакции, и это предохраняет тексты от разложения; так же, видимо, сказывается и влияние продолжительности периода пользования текстами в жизни каждого детского поколения; очень возможно, что и использование одних и тех же текстов в разных назначениях обеспечивает запоминание, оберегает от забвения и способствует распространенности текстов.

Невозможно, говоря об устойчивости и сохранности считалок, замалчивать факты противоположного характера. В одних случаях наблюдаются искажения и замены слов и выражений, смысл которых забывается или утеривается,⁴⁹ в других—использование лишь фрагментов старых текстов,⁵⁰ в третьих—полная замена одних текстов другими.⁵¹ Между грамотными слоями детского населения и неграмотным детским миром существует известное взаимодействие. Грамотные, находясь в постоянном соприкосновении с неграмотными, передают новые произведения, которые все больше и больше входят в детский обиход, неся ту же службу, что и традиционные считалки. Возможно, что общее количество считалочных текстов не идет на убыль (быть может, даже увеличивается), но состав их, заметно обновляясь, меняется.

VI.

Наша литература, как это ясно из обзора истории собирания произведений, относящихся к детским игровым прелюдиям, до сих пор не имеет ни попыток дать какое-нибудь определение этому виду детского фольклора, ни определенных

названий относящихся сюда произведений. Такие обозначения считалок, как „прибаутки“, „присловья“, „присказки“, „причеты“ и т. п., употребляемые собирателями, не могут считаться удачными и приемлемыми, потому что эти названия имеют установившееся содержание, определенный смысл и у народно-словесников служат для обозначения словесных произведений другого порядка; использование их в новом значении, наполнение их новым содержанием, произвольно увеличивая емкость привычного термина, лишает его устойчивости и определенности.

Такие названия рассматриваемых произведений, как „присказка для бросанья жребия“, или „присказка при дележе детей на партии для игр“ (Потанин), „приговоры игр разных“ (Кривошапкин), „сочиненные наборы слов“ (Цейтлин), „складни детских игр“ (Молотиллов) и т. п. также не могут считаться удачными—не только в виду их многословности, но и в силу их невыразительности: термин-название „складень“ может обозначать любое стихотворное („складное“) произведение и не улавливает характерных признаков считалки, а в обозначении „набор слов“ прозрачно намерение указать на полную бессмыслицу этого „украшения детской устной словесности“, как характерную черту, когда в действительности к этому нет достаточных оснований. Ни в какой мере под такое определение не подойдут, например, сюжетные считалки, и обозначение оказывается недостаточно ёмким. Если „сочиненным набором слов“ назвать только так называемые „заумные считалки“, то и в этом случае название не оправдано: здесь в худшем случае можно говорить о подборе или отборе слов, т. е. о наличии некоторой эстетической оценки.

Почти все наблюдатели, если говорят о характере исполнения считалок, имеют в виду *чтение*; лишь немногие говорят о *песенном исполнении* считалок: Бессонов, затем Шейн, который употребляет для обозначения считалок название „жеребьевые песенные прибаутки“ (Великорусс I, 38); Нечаев, не сообщая о характере исполнения считалок, пользуется, наряду с другими названиями, словом „песни“. Так как эти обозначения встречаются очень редко, то можно думать, что указываемый ими характер исполнения считалок наблюдается только в немногих местах. Имея лишь местное значение, название, применяемое немногими наблюдателями, едва ли может быть введено во всеобщее употребление.

Чтобы термин-название отвечал необходимым требованиям, его следует взять или из числа тех, которые, выдержав пробу времени, издавна имеют хождение у знатоков и исполнителей, или его можно позаимствовать у собирателей или,

наконец, его можно вывести из наблюдений над составом и свойствами произведений, их назначением, условиями их бытования, над характером и способами их исполнения.

Первый путь во многих отношениях предпочтительнее. Важнее знать, как в детской среде улавливается внутренний смысл, сущность словесных произведений, и как он выражается, чем каким-либо путем добытое или вымышленное определение смысла и обозначение, идущее от наблюдателя или исследователя. Даже если результаты детских попыток творчества в области терминологической не освободят исследователя от необходимости определять и обозначать,—детские попытки составляют факт опыта, который сам по себе сохраняет интерес и достоин внимания.

Термины у детей не даются оправданными, обоснованными; они имплицитно предпосылаются. В имеющихся в моем распоряжении материалах нахожу такие общие названия рассматриваемого вида детского фольклора: „счет“, „счета“ (шшот, шшоты)—в разных местах Иркутской губернии, в некоторых местах Забайкалья (с. Турунтаево), „счетки“ (шшдт-ки)—во многих местах Иркутской губернии: Тунка, Куйтун, Долоново, Николаевский завод, „счёточки (шшдточки) и счётушки“, „чѣтки“—в Поангарье (Каменные острова) и „счѣталки“—в Иркутске, Канске и др., „пересчет“ (пиришшдт), „гадѣлки“—в Куйтунском районе Иркутской губернии, „ворожѣтки“—в Барнаульском округе.

Все эти названия—ходовые, бытующие в детской среде. Одни из них сравнительно широко распространены и более известны, другие употребляются редко; одни—более, другие—менее удачны. Почти все они то с большей, то с меньшей степенью прозрачности отмечают один из приметных признаков словесных произведений, имеющих назначение путем „пересчитывания“ выделить участников игры на особые роли. Этот смысл сохраняется и передается во всех разноместных переживаниях термина: счет, счетки, счеточки, считки, считалки...

Этот термин во всех его вариациях имеет в своем основании внешний из главных признаков обозначаемого явления—наличие счета. Есть много вероятности в предположении, что первоначально тексты рассматриваемого вида произведений непременно несли в себе этот признак (это—собственно считалки, как они будут здесь позднее названы), и лишь после в их состав вошли произведения, лишенные этого признака (считалки-заменки). При настоящем составе и объеме исследуемого отдела детского фольклора термин уже не охватывает всех относящихся сюда произведений и принимает несколько условный характер. Строго говоря, и в применении к подлинным

считалкам он должен считаться условным: смысл рассматриваемых произведений не в том, чтобы пользоваться ими, произвести счет, подсчитать участников игры, а только в том, чтобы пользуясь ими, выделить из среды играющих кого-нибудь для выполнения трудной роли; считалка, по определению одного мальчугана-забайкальца, „должна выказывать, кто последний“... Здесь мы имеем дело не с пересчитыванием, ставящим целью, например, установление наличия участников, а только с перебиранием всех по очереди с подразумеваемым вопросом: „не этот ли?“ Здесь скорее гадание в одной из его разновидностей. Это—неустранимое свойство исследуемого жанра. Название жанра мы можем мыслить предположенным в сущности относящихся сюда произведений, а не в их тканях и внешней форме. Сущность считалок подмечена хранителями и исполнителями: у детей и подростков Куйтунского района, как уже сказано, для этого жанра детского фольклора существует термин-обозначение *гадалка*, а в Барнаульском округе—*ворожитка*. Улавливается этот существеннейший признак и наблюдателями детской жизни: если счесть, что у Цейтлина („гадают, кем быть“, стр. 11) только содержательная обмолвка, то совершенно не колебаясь говорит о произнесении „рифмованного подбора слов“, как о гадании, Н. Я. Никифоровский в „Очерках Витебской Белоруссии“ (Этн. Об. 1897 № 3, стр. 57), и с полной категоричностью высказался в том же смысле Арефьев. Характеризуя тексты известных ему считалок, он замечает: „Слова и выражения при этом употребляются совершенно непонятные, чтобы придать считанию более таинственный, так сказать, сверхъестественный характер. Это шаманство своего рода“ (стр. 91—92).

В самом деле, считалка не преследует исключительно художественных целей, целей искусства, развлечения; она рождена потребностями детского быта и имеет назначение служебное.

Попытки рассмотреть гадалки-считалки в близком нам, взрослым, плане едва ли возможно, если мы не сблизим их с заговорами, гаданиями, проречениями. В самом факте использования считалок—неосознанное недоверие к „разумному“ распределению ролей в игре или, лучше сказать, неформулированное отрицание рационального начала. Рациональная очевидность не удовлетворяет: не очаровывает и не утешает. В связи с этим фактом находится и другой: в большом количестве считалок обнаруживается отрицательное отношение к слову, как логическому материалу, свидетельствуемое насыщением текстов словами, лишенными логического содержания, но наполненными содержанием эмоциональным, содержанием „заумным“, обнаруживающимся в самых звуках произносимых слов.

Нужно быть в круге тех настроений, тех волнующих ожиданий, тех затаенных желаний, которые переживаются участниками игры в минуты гадания, чтобы приблизиться к пониманию значения для детей гадалок-считалок и к пониманию отношения детей к этим произведениям.

Считалка-гадалка ждет решение не от разумного расчета, а от случая, от воли судьбы. Ребят тешит такое ожидание разгадки, это разрешение затруднений случаем⁵².

Оправдание такой интерпретации считалки находим, не говоря о самом назначении этой прелюдии, и во внешних признаках многих относящихся сюда словесных произведений: богатейшее наличие зауми, почти не встречаемой в других видах фольклора, не родственных по сущности считалке; наличие градаций в узнавании, постепенно нарастающей уверенности: сначала—„это, верно, ты“... затем—„это, значит, ты“... и наконец—„это, верно, ты *совсем*“, т. е. неоспоримо⁵³; отсутствие критического отношения к текстам у слушателей и исполнителей, отсутствие интереса и внимания к буквальному смыслу текстов (об этом будет сказано позднее); стремление придать заумный характер выражению рационального элемента в считалках—счету (анзы, дванзы, тринзы и т. п.).

Эти два названия—гадалка и ворожйтка—указывают наиболее выразительный внутренний признак обозначаемых произведений. Их и нужно было бы иметь в виду при выборе термина-названия; но ни в том ни в другом названии не отражаются внешние свойства, которые обычно заметнее: обычно они и создают впечатление от произведения или от жанра в целом, тем самым намечая или предопределяя обозначение в слове. Такие названия, покоящиеся на внешних приметах, обычно делаются популярными, ходовыми и имеют широкое распространение. Применительно к рассматриваемому виду установившееся название *считалка* приходится признать прочно привившимся; к тому же оно вполне соответствует обозначениям, существующим в иностранной литературе: *Auszählreime*, *Abzählreime*, *Abzählverse*—у немцев (Karl Wehrhan—*Kinderlied und Kinderspiel*. Leipzig 1909), *counting-out*—у англичан (H. Carrington Bolton—*The counting-out rhymes of children etc.* London 1888). Этот же термин привился и, видимо, имеет тенденцию закрепляться в нашей педагогической литературе⁵⁴. С этим обстоятельством нельзя не посчитаться, и делающийся привычным распространенный термин нужно сохранить—хотя бы в угоду установившейся традиции.

Дать точное, сжатое и четкое определение жанра из анализа составляющих его произведений—дело нелегкое, так как он переживает если не начало периода распада⁵⁵, то все же

довольно поздний период развития, вобрал в себя и усвоил много новых, чуждых первоначальному его смыслу элементов. Но если еще можно путем выделения и обозначения его существенных признаков дать определение жанра, то обозначить результат анализа в одном слове, дать термин—весьма трудно: это значило бы в данном случае создать новое слово.

Надо сказать, что терминологические вопросы дети обходят очень просто: они, особенно малолетки, в большей части случаев не употребляют никакого названия для произведений различных жанров, в том числе и для считалки,—быть может, потому, что они не расчленяют игру на части и прелюдию из игры не выделяют; зная *название игры*, они не имеют необходимости обозначать словом отдельные ее звенья или части. Если они и называют, то не самое словесное произведение, а его использование или исполнение, и употребляют для этого глагольную форму, глагольные обозначения: *шаландаться, выводиться, конаться, считаться*.

Даже авторитетные в детском обществе знатоки, являющиеся хранителями игровых традиций, законодателями и лучшими исполнителями считалок, далеко не всегда пользуются каким-либо названием. Однако, не испытывая нужды в термине для общего обозначения жанра, для многих гнезд считалок или отдельных текстов знатоки имеют частные обозначения, нечто в роде заглавия. Тот или иной текст не закреплен за какой-либо определенной игрой; он намечается к использованию или обстоятельствами или вкусами участников. Мастеру-исполнителю обыкновенно подсказывают: „ну, считайся: *Ехал Ваня*“... Заглавия даются (сужу по наблюдениям в Забайкалье, Иркутске и Семипалатинской области) или по первому слову или по первому стиху текста⁵⁶.

Считалка „Аты-баты, шли солдаты“ и т. д. называется *аты-баты*, „Цынцы-брынцы, ты куда“ и т. д.—*цынцы-брынцы*, „Ехал Ваня из Казани“—*Ехал Ваня* и т. под.

Иногда заглавия являются обозначением подлежащего первого предложения, составляющего начало считалки. Распространенная считалка „Катился яблочко мимо саду“ и т. д. озаглавливается в Иркутске *яблочко*, „Шел татарин из больницы“—*татарин*, „Плыла пена из-за моря“ и т. д.—*пена*, „Шла японка с длинным носом“ и т. д.—*японка* и т. под⁵⁷.

Можно думать, что подобные частные названия, заглавия,—явление сравнительно недавнего происхождения; очень возможно, что прививаемые школьникам навыки называть книжные стихотворения *по заглавию* переносятся и в жизнь за стенами школы.

Надо заметить, что и эти частные названия обычны в употреблении не у рядовых участников игр, а у признанных в детской среде знатоков, блюдущих традиции.

VII.

В игре далеко не все участники умеют „считаться“. „Я не умею считаться“, или „я плохо умею считаться“, „вот такой-то умеет считаться“, или „вот такая-то хорошо считается“, — так указывали мне ребята во время моих розысков материала в долине реки Иркут, в Поангарье и других местах.

Для того, чтобы уметь „хорошо считаться“, мало знать тексты считалок: нужно, сверх того, быть чутким к ритмам. Я заметил еще, что застенчивые дети, обладая и знанием слов и музыкальным слухом, обыкновенно „плохо считаются“.

Лучшими знатоками и исполнителями считалок везде слышут по справедливости девочки. В то время, как произведения сатирической лирики исполняются преимущественно мальчишками,⁵⁸ главными хранительницами словесных произведений рассматриваемого жанра являются девочки. С моими наблюдениями не находятся в противоречии показания из других мест. У Цейтлина „шаланданье“ приводится при описании игр девочек; впрочем, упоминается (стр. 14) о том, что *иногда* шаландаются и мальчики.

В младшем возрасте, в период „первоначальной простоты“⁵⁹, дети лет 4—6, немногие умеют считаться, а если умеют, то знают два—три, редко четыре коротеньких текста, при чем мальчуганы в знании считалок от девочек не отстают, но в возрасте 10—14 лет, в период „цветения и цветущей сложности“, и позднее (пользуются обыкновенно лет до 15—16, т. е. до вступления в юношеский возраст) они знают текстов гораздо меньше, чем девочки. Если они играют в обществе девочек, что не является делом часто встречающимся, то используют считалки; пользуются ими часто и в своем, мальчишеском, кругу, но не всегда: иногда пользуются вместо словесного произведения—*перебором палки, бросаньем палки* и т. п. Правда, к такому способу прибегают и девочки, но это — крайне редкие случаи.

Конечно, и среди девочек надо различать рядовых участниц игр и мастеров, артистов. Рядовая участница (в с. Тункá) сказала мне однажды: „Мы все-то (считалки) не учим... Зачем все-то?“.. Такие знают, как и малые дети, три, четыре текста. Репертуар знатока содержит десять и более текстов; например, Нюта Трощенко, девочка лет 13 (из пос. Иннокентиевского—под Иркутском), знает двенадцать текстов⁶⁰; Маруся Усольцева,

двенадцатилетняя девочка (из пос. Аршан, у подножия Тункинских Альп), знает четырнадцать текстов⁶¹; Лена Изотова, тоже школьница (из с. Голуметь Иркутской губернии) и тех же лет, знает восемнадцать считалок⁶².

Наблюдения позволяют думать, что считалкам, как и вообще играм, редко научаются от взрослых; обыкновенно этот вид словесных произведений наследуется от старших поколений детей.

Видимо, во всяком месте (селе, деревне, может быть даже районе большого города) в обиходе детского поколения имеется определенный, количественно ограниченный круг считалок, за пределы которого выходят редко и при том — немногие, бывалые и отменно памятливые, как, например, жительницы поселка Аршан, Поля Сизых или Маня Усольцева, которые имеют возможность часто бывать „на Тунке“, т. е. в „культурном центре“ края, которые на курорте Аршан заводят знакомства с городскими детьми. Обмен темами, произведениями и исполнителями в пределах района совершается через поездки к родственникам, через школу.

Репертуар школьниц и школьников в количественном отношении много богаче и по составу разнообразнее репертуара неграмотных детей. То же отношение между репертуаром городских детей и детей сельско-деревенских. В большом, разбросавшемся по берегам реки более, чем на десять верст, селе Ахалик, как и вблизи от монгольской границы — на немногочисленной станции Туран (оба пункта — в долине р. Иркут⁶³), мне пришлось узнать о считалках, что их здесь не знают, ими здесь не пользуются. Игры, с которыми в других местах связано исполнение считалок, здесь начинаются просто — перебиранием палки, уходом одного за ворота, бросанием палки. Причина отсутствия здесь считалок мне не ясна. Одно можно сказать: она кроется едва ли только в удаленности от так называемых культурных центров: Ахалик и Туран — не „глухие места“, во всяком случае — не глуше, чем современные села Поангарья, деревни и займки по р. Илим, где не потребовалась большая тщательность поисков, чтобы добыть интересующий материал, или притрактовые деревни середины прошлого столетия, как Шабарт⁶⁴ (в пределах б. Нижнеудинского уезда), к которым относятся многие из лучших считалочных текстов, записанных от старых людей⁶⁴. Не исключена, разумеется, возможность допущения оплошности и промахов наблюдателя. Но если они и были, то этим смягчается только категоричность утверждения об отсутствии считалки в некоторых населенных местах Иркутской долины; значительная доля истины в его утверждениях сохраняется.

VIII.

Уже сказано, что считалка является словесным элементом в прелюдии к играм типа прятки: палочка-воровочка, или палочка-застукалочка, имальцы (жмурки), горюкалки⁶⁵; иногда та же прелюдия предшествует игре в догонялки⁶⁶.

Чтобы вспомнить, как живет считалка в детской среде, надо себе представить „мальчишек радостный народ“, или подвижную и говорливую „стайку“ девочек, или пеструю детскую группу, которая вдруг, как стая воробьев, откуда-то появляется на открытом дворе или на улице у ворот, — там, где можно то собраться всем вместе, то, когда нужно, разбежаться и скрыться.

— Я буду считать!..

— Я, я буду считать, я!..

— Нет, пусть („пускай“) Поля считает⁶⁷...

Все участники игры, кроме одного, становятся (в редких случаях садятся в ряд⁶⁸) один рядом с другим, образуя стройный полукруг (см. рис. 1), круг или шеренгу — иногда человек в пятнадцать и больше, обыкновенно меньше; один — по указанию играющих или по личному почину — неторопливо произносит, скандируя, длинный текст какой-нибудь (без строгого выбора) считалки, прикасаясь — при каждой стопе стиха — ладонью или пальцем к голове, к плечу или груди каждого входящего в полукружье:

Таня		баня		что под		вами
Под же		лезны		ми стол		бами
Стульчик		мальчик		сам ко		роль
Бери		косу		моло		ток
Отпра		вляйся		в горо		док

На кого падает последний ударенный слог или последняя стопа, тот выходит из полукружья. Тотчас снова начинается „счёт“: опять произносится тот же текст, опять рука мастера плавно приподнимается и опускается, красиво описывая волнообразную линию по всему полукругу, и опять один выходит — тот, на кого приходится последнее слово, последняя стопа или последний ударенный слог. И снова „считаются“. Один за другим выходят, и от одного „счета“ к другому — полукружье тает, уменьшается.

Число стоящих в полукружье постепенно уменьшается, и количество произносимых стоп вдвое или даже более превышает число покорно ждущих для себя результата гадания. Читать длинный текст для малого числа считающихся не экономно:

Рис. 2.

каждый участник будет указан (ткнут пальцем) три или четыре раза, прежде чем ему достанется последний ударенный слог, или стопа, указывающая его выход. Много раз однообразно повторенный один и тот же текст надоедает; ощущается необходимость освежить впечатление — и тогда меняют считалку: вместо длинного текста произносится короткий, и, словно передохнув на полпути, снова „считаются“, шелестя словами новой считалки:

Шúшел		вышел
óн по		шóл
на́дел		ша́пку
ú у		шóл.

И опять один за другим выходят, и малый круг, раз от разу, от одного „счёта“ к другому, делается еще меньше: словно с каждым порывом ветра с дерева шурша опадают последние листья.

Еще уменьшается полукружье, сокращается, опять сменяясь, и считалка: вместо длинной, которою началась прелюдия к игре, теперь, — когда полукружье, утратив свою форму, заключает четыре или три человека, — четко (на этот раз подчеркнуто-чётко) исполняемый текст *считалочки* состоит из нескольких кратких слов, например:

Ниточка, иголочка,
синенька стеколочка.

Обреченным на исполнение роли ищущего или галящего оказывается тот, на кого не пала последняя стопа или последний ударенный слог⁶⁹. Выбор считалки или считалочки производится, как уже упомянуто, в зависимости от личных вкусов и наклонностей знатоков, которые в меру находчивости соображаются с числом играющих. Текст считалки во время исполнения прелюдии произносится или бессменно одним лицом или желающие чередуются.

В зависимости от местной традиции, прелюдия выполняется или в той обстановке, которая сейчас описана и которая является обычной, распространенной, или в обстановке, несколько отличной от нее.

Чтобы усложнить прелюдию, каждый стоящий в полукружье участник игры протягивает два пальца, и тогда „считаются“, прикасаясь к каждому пальцу⁷⁰. Это удобно, когда дети пользуются длинным текстом при малом числе играющих. Палец, который не „вышел“, т. е. на который не пала последняя стопа

*

* стиха-считалки, обрекает своего обладателя выполнять трудную роль (искать, догонять, галить).

При сравнительно небольшом круге играющих этот прием варьируется: инициатор игры выставляет колено; на него все желающие принять участие в игре кладут по два пальца — средний и указательный (см. рис. 2). Дотрагиваясь по очереди до каждого пальца, один (обыкновенно обладатель колена) произносит считалку⁷¹.

Известен мальчикам и девочкам прием „кулаками считаться“. „Кулаки кладут,—повествуют иркутские мальчуганы, знатоки дела,—куда ни на есть. Каждый кладет оба кулака — на заплот, на бревно... Кто-нибудь один „считает“ (ударяя по подставленным кулакам):

Куба куба кубакá —
кому надо кулака?

Кому выйдет кулак, тот и выходит. Кто выйдет, тот и ищет (при игре в прятуски)“.

Вариант той же прелюдии: стоящие в круге или полукружье выставляют кулаки (каждый—оба; см. рис. 3). Ударяя по ним своим кулаком, один произносит считалку:

Эксэн, бэксэн
бэрба калэкцам [в варианте: барабэксэн]
а---ра
руч...

Кулаки, получающие удар при слове *руч*, убираются. Выходят те из играющих, у которых убраны оба кулака; оставшийся с поднятым кулаком галит или ищет (Иркутск).

Использование считалок, имеющих концовку-вопрос (см. главу XI), отличается от только что описанного способа выделения лица для трудной роли небольшим усложнением прелюдии.

Тут несколько вариаций.

а. Обычным порядком, т. е. скандовкой произносится считалка:

Зинчик-мунчик
мой мизинчик,
тарин-барин
чей татарин?

Кто скажет вперед (раньше всех): „мой“, значит, он „вышел“, не ищет. (Обыкновенно при игре в жмурки. Бильчир, Верхнеудинск).

б. Ехал мужик по дороге,
сломал колесо на дороге.
Сколько требуется спиц
для починки колесницы?

На кого падает последняя стопа, отвечает, называя любое число, например: пять. Счет продолжается:

Раз, два, три,
четыре, пять.

На кого угадает „пять“, тот выходит (Троицкосавск, Урульга, Иркутск с окрестностями, Тункинский край, Барабинский округ и мн. др).

в. В этой маленькой корзинке
есть помада и духи,
ленты, кружева, батисты [в вар.: ботинки].
Что угодно для души?

На кого придется последнее слово вопроса (в исполнении одних) или последний ударенный слог (в произношении других), тот отвечает, например: „духи“. „Счет“ возобновляется и идет до этого слова.

В этой маленькой корзинке
есть помада и духи.

Кому „достались духи“, выходит ⁷².

г. В некоторых случаях прелюдия имеет целью отвлечь внимание играющих от ожидаемого решающего момента, завожжить слушающих. Тогда она упрощается и выполняется быстрее.

Считающий, имея в руках палку, указывает ею поочередно участников игры, стоящих в полукружье или в кругу, и произносит, в качестве считалки, текст:

Ты расти, моя коса,
расти из корню,
приезжай ко мне, жених,
из городу.
Он посватался
да спрятался,
записку написал
да под печку убежал.

При последнем слове он бросает палку возможно дальше, а тот, на кого упало слово „убежал“, должен бежать за палкой (в это время все прячутся) и искать.

Эта разновидность прелюдии относится к середине прошлого столетия (с. Шабарта). Не знаю, сохранилась ли она там до последнего времени и известна ли еще где-нибудь.

д. При малом количестве участников и при желании упростить, в целях ускорения, исполнение прелюдии употребляют—по уговору или согласно местным традициям—распространенную (в Иркутской губернии) считалочку:

Палка, дощечка,
гвоздь, молоток.

„Кто выйдет *молотком*, тому искать“.

Эта считалочка составлена из слов, употребляющихся—не в качестве связного текста—в прелюдии, где словесный элемент совершенно устранен,—при перебирании палки.

Берут длинную палку и по ней—снизу кверху—„перебираются“ руками (см. рис. 4). Чья рука придется на верхнем конце палки, тот „выходит“; остальные снова „перебираются“. Галит или ищет тот, чья рука ни разу не взялась за верхний „край“ палки⁷³.

В Верхнеудинске, Иркутске и некоторых других местах для разных положений руки существуют обозначения. Рука, охватившая верхний конец палки, накрывается ладонью: это—„доска“ или „крыша“; на „доску“ („крышу“) ставится указательный палец: это—„гвоздь“; по „гвоздю“ ударяют ладонью или кулаком: это—„молоток“. Чей оказался „молоток“, тому искать или галить.

К этому приему прибегают обыкновенно мальчуганы—в тех случаях, когда желающих принять участие в игре много и хочется скорей приступить к игре. Девочки не спешат, и одне охотно, другие терпеливо выполняют прелюдию со всеми словесными украшениями. В смешанных группах, где мальчуганы и девочки играют вместе, обычно „считаются“ по всем сложившимся правилам; „перебираются“ в крайне редких случаях.

е. Для очень немногих мест западного Зауралья установлен совершенно отменный способ исполнения считалки—хоровой скандовкой. На этот счет я имею два показания—П. Бессонова, который не указывает, где именно он наблюдал хоровое исполнение считалок, и А. И. Никифорова, любезно сообщившего мне такую справку:

„Летом 1927 года в г. Луге, Ленинградской губернии, мне случилось наблюдать хоровое исполнение считалки. Шесть

или семь детей в возрасте от 3 до 9 — 10 лет, взявшись за руки, составили круг, внутри которого стала самая старшая бойкая девочка — гостья из Новгородской губернии. Дети начали прыгать в виде хоровода и, хором полунапевая, полускандуя, произносили какую-то считалку, текст которой я, к сожалению, не записал. Хоровод этот стоял на месте, и дети только прыгали. Утверждать, что это исполнение было пением, а не скандовкой, не смею, потому что детское пение, да еще быстрой считалки, всегда может походить на ритмические выкрики, т. е. на скандовку. Девочка, стоящая посредине круга, ударяла в грудь остальных рукой и при этом после каждого „выхода“ меняла текст считалки. — Кроме того, мои детские воспоминания (относящиеся к г. Нарве) сохраняют случаи участия в играх, когда мы, дети, исполняли хором всю считалку, например:

Эники—бэники
сикуль са,
эники—беники
май“.

С этим сообщением очень сходно описание Бессонова, который об исполнении „жеребия на словах“ говорит: „Станут в кружок и запоют песню; на кого упадет из песни последнее слово, тому и держать свой черед. Поют вместе, а один, кто постарше, указывает пальцем по ряду, на Петра, на Ивана, на Сергея, на себя, потом опять на Петра и так дальше: на кого придется слово „выкинь“, либо „вышел“, либо „вон“, всякое последнее слово, тот и выходи из кружка: кто последний останется, тот ступай в игру начинать (Детские песни, стр. 69).

Некоторый намек на песенное исполнение считалки находим у Шейна, который произведения рассматриваемого жанра называет жеребьевными *песенными* прибаутками, а исполнение их описывает такими словами: „Дети становятся в кружок; одно из них выступает на средину круга и начинает *говорить песню*“ и т. д. (Русск. нар. песни, ч. I, 35). Так же неопределенно сказано и у Соболева: „Кто-либо из детей берет на себя обязанность *прочитать слова* той или иной *песни*“ (стр. 3, выноска. Подчеркнуто везде мною. Г. В.).

IX.

Исполнение считалки не ставит непосредственной задачей *понимание* буквального смысла читаемых текстов: это пред-указывается характером „ворожиток“, или „гадалок“; отсюда характер исполнения считалки: здесь нет надобности в „вырази-

тельном“ чтении, и она скандуется; здесь же причина сведения к *minimum* выразительных качеств устного слова. При таком исполнении разнородность многих текстов, не всегда ясная спаянность их частей не мешают воспринимать читаемый текст, как нечто стройное, проникнутое цельным и единым замыслом, подчиненное ритму. Что буквальный смысл здесь не при чем, ясно из обилия зауми, ясно и из того, что мы почти не наблюдаем у детей попыток истолкования текстов в целом или в отдельных частях, не знаем попыток критической оценки текстов. Все „несуразности“, какие в них находит взрослый, в роде:

вышел ясный месяц,
а за месяцем луна⁷⁴...

ты, слуга, подай метлу,
я в карете подмету⁷⁵...

шла японка с длинным носом... [и т. д.]

только потому и могут переходить неизменно от поколения к поколению, обнаруживать большую распространенность, большую живучесть. Правда, встречаются робкие попытки—в виде ненастоящих догадок—комментировать тексты заумных считалок, как польские, татарские, бурятские⁷⁶, но это сравнительно редкие случаи и при том не выразительные. Равным образом, едва ли в постепенной замене старых считалок книжными стихотворениями можно видеть критическую оценку традиционных текстов; этот факт замены является больше свидетельством утраты вкуса, чутья к творчеству в устном слове. Оценка текстов детьми совершается, но с иной точки зрения,—главным образом с точки зрения соответствия ритма общему внутреннему смыслу и назначению произведения. Поэтому, говоря об исполнении считалок, предпочтительнее пользоваться словом *произнесение*, избегая слово *чтение*.

Считалки—это стихотворения, вне „материального звучания“ не существующие (как и все устное художественное творчество), и, говоря об их произнесении, мы говорим о *декламации*. Не столько содержанием, построением, составом и даже ритмом, сколько своим назначением и применением—считалка обуславливает узко замкнутый круг декламационных возможностей. При ее произнесении мы наблюдаем не музыкальный тип голосового звучания, ни говорной его тип, а как бы промежуточный, в котором можно видеть некоторую разновидность *стихового типа* голосового звучания (термин Эйхенбаума).

Применяемый здесь декламационный стиль — или подлинная скандовка или прием, близкий к ней, родственный ей, который отчасти можно отождествить с речитативом. Во всяком ином исполнении считалка гаснет, перестает быть считалкой. В ней, в ее ритме, а главным образом — в ее назначении предудказаны нормы и „правила“ исполнения, — не правила исполнения того или иного определенного стихотворения, а нормы и правила исполнения всякого стихотворения, относящегося к данному жанру детского фольклора. В пределах жанра возможны только очень редкие и крайне незначительные вариации в характере произнесения. Не в качестве прелюдии к игре, а имея иное назначение, те же стихотворения допускают иное эстетически законное исполнение (напр. когда текст считалки используется в качестве сатирического произведения), здесь же круг декламационных возможностей сужен до предела. Например, отрывок считалки произносится обыкновенно так:

шапка плѹ | соваѹ |
вся испѹ | санаѹ |

В этом быстром, живом (и, значит, более любимом) произнесении оба ударения (на третьем слоге) каждого стиха выдержаны одинаково.

Сравнительно редко этот текст произносится замедленно:

шапка плѹ-со-вая
вся испѹ-са-ная...

Смысловое ударение сохраняется. Второе ударение — в конце стиха — сильно ослаблено, и предшествующие ему слоги в исполнении замедляются, удлиняясь, но, как и в первом случае, характер скандовки сохранен. Чуткий к ритмам исполнитель-декламатор везде, при всех условиях, улавливает и использует один прием исполнения. В зависимости от такого приема исполнения („связанная“ декламация), находятся *паузы*, смена *интонации* и пр. В зависимости от склада характера, голосовых средств, музыкальности исполнителей, произнесение считалок дает различные оттенки. Одни стараются замедлять последние стихи текста, другие, наоборот, читают все произведение постепенно ускоряя⁷⁷. Одни при произнесении заботятся о безукоризненной передаче ритма стихов, другие, стремясь к тому же, нарушают плавное произнесение выкриками конца стихов, иные — немусикальные — стараются подчеркнуть смысло-

вую сторону произносимого текста, обыкновенно тем самым нарушая ритм. Одни подчеркнуто выговаривают согласные звуки, другие обращают внимание на гласные и выпевают их (обо всем этом речь будет особо).

Но все указанные оттенки не нарушают общего характера исполнения считалок.

Считалка исполняется для небольшого круга слушателей, поэтому произносится не громко, без усилий, в меру голоса. Быть может, громкое чтение не применяется еще и потому, что не спешащая, но удалая скандовка требует почти непрерываемого равномерного чтения, а громкое исполнение требовало бы длительных пауз; это нарушало бы равномерность и непрерывность, а тем самым и ритм произнесения считалки.

Голосянки, молчанки, многие песенные заговоры, издевки, поддевки и пр. могут исполняться и обыкновенно исполняются без организованных телодвижений; исполнение считалки без таких телодвижений, без жестов, немыслимо. Движением руки произносящего текст регулируется дикция. При хорошем исполнении каждая ударяемая стопа соответствует опусканию руки („указыванию“), а неударяемая—подыманию руки. Когда „считают“ пальцы, выставленные или положенные на чьей-нибудь обнаженной коленке, или кулаки, тогда произнесение считалки может выполняться быстрее, чем в других (раньше описанных) случаях, но в этом только и разница: вялое или небрежное отношение к исполнению считалки почти невозможно, потому что оно подчинено безостановочным и мерным движениям руки, направляемой ритмом стихотворения.

В такой же мере невозможно быстрое и беспорядочное произнесение. Беспорядочное исполнение вызывает протесты слушателей—по разным мотивам. Само по себе произведение в хорошем исполнении дает эстетическое наслаждение; ожидание решения судьбы настораживает, создает настроение, близкое к торжественному. Неисправное чтение, нарушая ритм, отнимает возможность наслаждения и рассеивает настроение (мотив эстетический). К тому же при плохом чтении считалки гадание о жребии несет в себе возможности неумышленных и—самое главное—умышленных ошибочных указаний и определений (мотив этический).

Некоторые отклонения от описанного способа исполнения считалок возможны в зависимости от индивидуальных особенностей исполнителей; отчасти они могут вызываться теми или иными свойствами группы или разряда считалок, к которым относится произносимый текст.

Рис. 3.

И. Е. Бегинский

X.

Неимоверно трудно войти во все извивы детского словесного творчества, в особенности в таких причудливых, оригинальных его выражениях, какие даны в игровых прелюдиях, в частности—в считалках.

Со многими трудностями исследователь встречается на первых же порах, при попытке обозреть разнообразие форм считалок и обилие широко распространенных текстов, привести их в возможный порядок, дать классификацию их. Как все сложное, неуловимо живое, художественное творчество детей мало поддается логическому учету и отвлеченным формулировкам.

Термином *считалка* обозначаются далеко не однородные по происхождению, составу и многим внешним признакам словесные произведения. Классификация их должна обнаружить разнородные факты, скрытые в одном общем наименовании; поэтому в основу ее должен быть положен самый заметный и постоянный признак. Наличие большого количества в считалочном репертуаре заумных текстов устраняет возможность в основу классификации класть явления логического порядка (темы, сюжеты, мотивы). Плодотворно воспользоваться можно только тем, что не подлежит рассмотрению с точки зрения голы логики. Едва-ли не единственным твердым основанием классификации остается *словарный состав* описываемых произведений.

Даже поверхностный обзор сколько-нибудь значительного собрания текстов считалок делает очевидными характерные свойства многих произведений, относящихся к рассматриваемому жанру. Нигде, ни в каком другом виде словесных произведений, *названия чисел* так изобильно не присутствуют, как здесь. Количественный и порядковый счет, для всех других видов—внелитературный материал, здесь преобразуется и, наряду с другим словесным материалом, приобретает иное значение в рамках художественного произведения. Нигде, ни в каком другом жанре, и заумь так не обильна и так разнообразно и расточительно не использована, как в считалках.

Полагая в основу подразделения считалок на категории эти лексические особенности, легко установить три главных группы.

Первую группу составят произведения, оправдывающие название жанра, т. е. содержащие в себе счетные слова („счёт“), или, в другой терминологии, имена числительные—количественные и порядковые. К этой категории слов следует отнести, кроме прямых и озаумленных счетных слов (см. гл. XIV), синонимы или эквиваленты числительных, встречающиеся в тек-

стах с „условным“ счетом (см. там же). Произведения этой группы (№№ 65—166)—*считалки-числовки*, или собственно считалки.

Вторую группу образуют *заумные считалки* (№№ 167—225), т. е. стихотворения, целиком или частично сотканые из заумных слов. Отдельные слова некоторых считалок этой группы, воспринимаемые в детской среде как заумные, в действительности, как будет сказано несколько позже (гл. XIV), являются искаженными счетными словами. По этому признаку некоторые тексты могли бы быть отнесены к группе считалок-числовок; но поскольку искаженные числительные часто остаются неузнанными и исполнителями как числительные не рассматриваются, целесообразно их отнести ко второй группе.

Большое количество текстов считалок не содержат в себе ни обычного счета, ни заумных слов, в которых можно было бы подозревать имена числительные. Как говорилось раньше (гл. VI), эти произведения, видимо, позднее вошли в детский репертуар, вытеснив и заменив тексты, содержащие счет. Считалки этой, третьей, группы (№№ 226 и сл.), не зная более удачного обозначения, можно назвать *считалками-заменками*.

Предложенные классификационные рубрики не всегда устойчивы, а их обозначения не бесспорны. Предложенными делениями и их названиями намечается и отводится лишь внешняя граница, отделяющая одну группу произведений от другой; в действительности—несомненно наличие переходов за эту грань с той и с другой стороны.

Распознавание, сравнение и отнесение текстов к той или иной группе иногда встречает много затруднений. Так, не везде, как только что замечено, можно провести между или грань, отделяющую собственно считалки от считалок заумных. Иногда счет и заумь находятся в теснейшем взаимопереплетении, и тогда их с одинаковым правом можно отнести как к первой группе, так и ко второй. В других случаях очень трудно, подчас невозможно, говорить с определенностью о составляющих текст считалки элементах—в виду того, что заумные слова не содержат в себе никакого критерия для отнесения их к какой-либо грамматической категории; поэтому и ткань из них—„непрочтенная книга“; здесь меж колеблются в зависимости от разных обстоятельств: в одних случаях в тексте можно видеть заумь в то время, как там—только неузнанное общеупотребительное слово (см. гл. XV), в других случаях слова могут оказаться заумными для одной местности или для одного детского сообщества в то время, как для другого общества детей эти же сочетания звуков используются и воспринимаются, как

слова, несущие в себе логическое содержание. Польская или еврейская считалка в детской среде, владеющей польским или еврейским языком, менее заумна или вовсе лишена элементов зауми; войдя в состав считалок русских детей, она воспринимается и используется как заумная. То же надо сказать о французском тексте считалки: для воспитанниц института она не является заумной; для иной детской среды, включившей этот текст в свой репертуар, она заумна.

Эти примеры показывают, как в иных случаях шатки, непостоянны, не повсеместны грани, обособляющие не только группы близких по составу и содержанию словесных произведений, но и группы, казалось бы отчетливо отмежеванные одна от другой.

Недоуясненность в отдельных случаях сказывается, в частности, и при определении граней, отделяющих вторую группу считалок от третьей: для одного детского сообщества это — считалка-заменка, для другого она — от начала до конца — заумная.

Многие считалки-заменки включают в себя количественно незначительные элементы зауми (№№ 226, 227, 230, 233, 254, 260, 297 и мн. др.); это создает новую разновидность считалки и затрудняет определение ее места в пределах общей классификации; иногда, наоборот, из традиционной считалки отделяется и имеет невозбранное хождение, самостоятельное существование эпическая часть, освобожденная от счета и от зауми (№№ 313, 387, 413); образующийся таким путем текст меняет свое положение в классификационных подразделениях.

Намеченные здесь подразделения дают представление только о больших отделах и группах; в границах каждой из них легко намечаются новые ветви и новые, более дробные деления. Среди считалок-заменок выделяются повествовательные, описательные, диалогические, лирические. Во всех группах встречаются в текстах различия в отношении объема: кроме многостишных *считалок*, надо различать одностишные и двустышные *считалочки*.

Произведения, входящие в очерченные здесь группы, весьма разнообразны и в отношении других признаков, прежде всего в отношении формы и построения.

XI.

Назначением считалки определяется в известной мере ее объем. Поскольку она не имеет самостоятельного значения, самостоятельной функции повествования или описания, а выполняет подготовительную, служебную роль, она не должна занимать в игре много места и отнимать у играющих много

времени. В своем месте (гл. VIII) говорилось, что при малом количестве участников игры используются малые тексты—считалочки. Но и считалки, исполняемые при большом числе играющих, ограничены в объеме: обычный объем считалки 6—12 стихов; лишь в редких случаях она достигает более 20 стихов.

В большей части случаев считалки при малом их объеме представляют собою произведения слабо расчлененные; однако известно не мало текстов полного развития, которые, несмотря на свой сравнительно малый объем, являются стройными, законченными произведениями. Такая считалка полного развития имеет *начин*, *ход* и *выход*, или *концовку*.

Н а ч и н выражается обычно а) счетом, или б) заумным стихом или в) обращением.

а. Р а з , д в а , т р и , ч е т ы р е
мы сидели на точиле... [и т. д.]

См. №№ 66—73, 78—82 и др.

б. Э н э , б э н э , р а б а ,
ц в и н т е р , к в и н т е р , ж а б а :
Жаба прыгала, скакала... [и т. д.]

См. №№ 234, 237, 252, 254-а, 270, 273 и др.

в. С а н и , М а н и ,
что под нами [и т. д.]

См. №№ 253, варианты первого стиха; 253-б, и, л.

Х о д, т. е. часть считалки, соединяющая начало и концовку и цепляющаяся за *начин* рифмой, бывает нескольких видов. Чаще всего это—бессюжетное произведение (№№ 78, 98 и др.); но нередко можно говорить о считалках (или их частях) сюжетных и о *фабуле* в считалке, как о ряде последовательных моментов, связанных в одно художественное целое. В таких случаях *ход* представляет собою эпическую (повествовательную—№№ 66, 67 и мн. др. или описательную—№№ 114, 300, 305) или драматическую (№№ 269, 273, 307, 309) часть произведения. Иногда эта часть эмансипируется и живет в качестве самостоятельной считалки (№№ 371, 407 и др.).

Обыкновенно через рифму же срастается с *ходом* и заключительная часть считалки—*выход*.

В ы х о д или *концовка*, как особая часть произведения, имеется не в каждой считалке, но он наблюдается весьма не редко.

Наиболее обычны такие концовки—формулы „выхода“:

Ты свободный, выходи.
 Поди вон, пирожок (королек).
 Радион, выйди вон.
 Вышел ты.
 Ну, выходи.
 Вон пошел.
 Вон, толстяк.
 С места долой.
 Убирайся ты совсем.
 Ну-ка, Мишенька, води (веди)

Есть и другие; см. №№ 272-д, 272-к, 272-м.

Выход можно свести к нескольким типам:

1) Обращение:

Ну-ка, Мишенька, води...
 Радион, выйди вон...

2) Сентенция:

Мальчик девочке слуга...
 Кто слушал, тот дурак.

3) Вопрос:

Что угодно для души?
 Сколько гвоздей на починку ушло?

4) Отгадка:

Это, верно, ты.
 Это, значит, ты...

Выход-отгадка (концовка-отгадка) иной раз встречается в развернутом виде:

Это, верно, ты;
 это ты опять;
 это, значит, ты совсем...

Если трехчастная считалка не имеет концовки, то последние стихи текста иногда отличаются особенной эмоциональной окраской: обычно в них или безобидная, веселая шутка или укрошенная издевка, прикрытая формой как бы невзначай брошенной остроты или насмешки, которая лишь случайно—вместе с жребием—может достаться определенному лицу (см. стр. 18—19); своим содержанием она вызывает в слушателях ряд неотчетливых, но разнообразных и по-своему волнующих пред-

ставлений, способных вызвать неожиданным оборотом общий смех и чувство досады или маленькой обиды у одного из играющих. Если сообщение о том, что продается пирог—

с луком, с перцем,
с собачьим сердцем (254-б.),

может только повеселить ребят, то, конечно, другой оттенок в настроении создается, когда кто-либо из считающихся без всякого с его стороны повода получает название: старая баба, свинья, дурак и т. п. (№№ 252, 253-р, 253-с, 254-в, 255).

Во множестве встречаются тексты двучленные, состоящие из начала и выхода или лишенные начала.

В сюжетных считалках описания встречаются сравнительно редко; обычно наблюдается повествование.

Описания обыкновенно состоят из однословных характеристик и лаконичных перечислений („полтора ста рублей сани, двадцать пять рублей дуга“... и т. п.). Повествования обильны головокружительно быстрым перебором действий—редко одного, обычно многих—лиц и предметов („все ухваты взбунтовались, кочерга пошла плясать“... и т. п.).

В отдельных случаях в текстах этой группы нет сюжета в смысле наличия законченного, хотя бы и миниатюрного, рассказа или развернутого, хотя бы и кратко, драматического действия; тогда перед нами—ассоциативное нанизывание отдельных тематических звеньев, которые воспринимаются, если не как разобщенные, то как логически не связанные, понятным образом не мотивированные (№№ 128, 130, 133, 255 и др.).

Повествовательная или описательная часть текста редко достигает значительного объема, что и понятно: она не требует особой разработки, потому что смысл и значение произведения не в ней, а в „выходе“.

В отношении состава и построения сюжетных считалок или частей произведений надо сказать, что в одних случаях это—ничем ненарушаемая стихотворная речь (считалки-заменки), в других произведение или его часть состоит из чередующихся стихов счета и основной ткани текста (№№ 86 - 88, 151 и т. п.); иногда она состоит из причудливого сплетения зауми и трезвой речи (№№ 243, 249 и мн. др.).

Перебивая основную ткань текста,—подобно яркой ленте, вплетенной в девичью косу,—дважды или многократно пробегающие по ней счет или заумь дают лексические повторения, в которых выявляется музыкальная стихия жанра, объединяют словесные массы в некоторую совокупность, сцепляют отдельные части в стройное единство. При этом—сказать попутно—

получается нарушение единства лексического материала и единства интонации.

По лексическим повторениям, как по ступенькам, часто разворачиваются считалки, построенные в диалогической форме:

Цынцы-брынцы ты куда?
Цынцы-брынцы на базар...

Заумь здесь—не только украшение, и стремление к нему не всегда бесцельно: украшения иногда служат композиционным задачам. У детей нередко ощущается надобность в перестройке прозаических текстов в стихотворное произведение.

Чтобы заставит прозаический текст звучать подобно стихотворению, нужно—по требованиям детской поэтики—в готовую словесную ткань ввести несколько стройных звуков или рядов их и заставить их возвращаться через правильные промежутки времени. Влитые и затем то и дело возвращающиеся одни и те же словообразные сочетания звуков (чики-брики и т. п.) создают впечатление стройной рифмы, намечающей паузы и разделяющей сплошную речь на части. Это придает другой строй и новый характер исполняемому словесному произведению.

Прозаический диалог звучал бы так:

— Ты куда?
— На базар.
— Зачем?
— За овсом.
— Кому?
— Коню.

Перестроенный, он звучит мерно, как стих:

Чики-брики—ты куда?
Чики-брики—на базар.
Чики-брики—ты зачем?
Чики-брики—за овсом.
Чики-брики—ты кому?
Чики-брики—я коню [и т. д.]

См. №№ 243, 249, 250, 279, 317, 346, 346-а и др.

Диалог в преображенной форме, не утрачивая быстроты движения, приобретает новые качества. Видимо, в распределении зауми и другого словесного материала, составляющего основу считалочной ткани, также обнаруживается мастерство ребенка-художника в области композиции. Малое количество заумных слов в большом тексте тонет, и значение их приглу-

шается, затеривается, как незначительный по размерам узор на обширной поверхности. Чрезвычайно большое количество заумных слов затирает основную ткань считалки, сиюсь за-крыть ее полностью. Самая удачная из этого типа считалок будет та, где оба элемента—и заумь и вязь полных слов—сливаются в необходимом взаимодействии гармонично. Мастер, не давая осилить ни тому ни другому, держит в напряжении оба элемента.

Подобно зауми, перевивающей основную ткань рассматриваемых словесных произведений, применяются имена числительные. В произведениях, относящихся к собственно считалкам, наблюдается несколько приемов использования слов этой категории.

В некоторых случаях они образуют начин считалки:

Раз, два, три, четыре—
меня грамоте учили [и т. д.]

Весьма часто они составляют первый стих компонентов, входящих в состав большого текста считалки и образующих в нем ритмические ряды; ритмический ряд начинается а) одним и тем же стихом, т. е. счетом, в каждом ряде возвращающимся к началу, или б) счетными словами, бесперебойно идущими от компонента к компоненту, как из ступени в ступень.

а) Раз, два, три—
это, верно, ты.
Раз, два, три, четыре, пять—
это, верно, ты опять.
Раз, два, три четыре, пять, шесть, семь—
это, значит, ты совсем.

б) Раз, два—кружева,
три, четыре—прицепили,
пять, шесть—кашу есть...

В описанных случаях комбинирования основной ткани текста с заумью или именами числительными всему произведению сообщается своеобразный и стойкий характер, основанный на единстве общего впечатления.

То же наблюдаем и в случаях кольцевого построения считалки, когда стих из счетных или заумных слов, начинающий произведение, повторяется в замыкании (№№ 68-в, 314).

О бок с этим наблюдается иногда прием комбинирования слов или сочетания их из разных произведений. Во многих жанрах детского фольклора можно отметить наличие наиболее часто встречающихся (может быть наиболее удачных или

Рис. 4.

Блесловитый

самых любимых) стихов и групп их; они встречаются в детских потешках, в издевках, во многих считалочных текстах и представляют собою в детском творчестве как бы „общие места“; как часто встречающийся пример, можно указать отрывок:

На печи калачи
как огонь горячи...

Он входит в состав многих словесных произведений различных жанров⁷⁸, встречается и в считалках.

Соединение отрывков в разных комбинациях и с разными степенями уменья дает новые тексты и большое количество вариантов. Возникшие разновременно и пришедшие из разных мест и разных источников, такие „отрезки“ или „куски“, вступая в новые соединения, дают новый сплав.

То же происходит в пределах одного жанра. Во многих считалках—о том уже было упоминание—можно наблюдать, как отдельные части разных текстов, живущие самостоятельно и порознь, сплетаются воедино и дают новые образования, новые тексты и их вариации. Некоторые считалки можно рассматривать, как сводные из двух или даже из трех текстов, или из двух, трех частей разных считалок (№№ 150—154, 337—346). Сращивание нескольких частей производится в одних случаях по незнанию текстов, в других—сознательно. Иногда основной (твердый) текст—в меру уменья исполнителей или надобности—разрастается путем придатка, прибавляемого в целях удлинения считалки, вызываемого, если не плохим знанием, то большим количеством считающихся (см. гл. VIII, стр. 36—37).

В композиционном отношении такие тексты редко бывают интересны. В них темы и образы движутся, как сказано, по путям случайных ассоциаций, а не в логическом плане. В виду того, что сказано о характере и назначении считалок, алогизм тем и образов и их сочетаний надо признать естественным, но беспланность, случайный выбор словесного и смыслового материала делают такой текст считалки неясным по построению, смутным по содержанию—логическому и даже эмоциональному. В некоторых случаях в таких произведениях мы имеем дело или с непонятым и потому искаженным текстом или с текстом полузабытым. Когда же при соединении разных отрывков получается удачный подбор и счастливое соединение их, образуется законченное, цельное художественное произведение. Иногда это не удается или удается в малой мере, и тогда улавливается потеря равновесия между элементами, составляющими ткань считалки, или вялость в сплетении разных элементов, или отсутствие связи между ними.

Впрочем, резкое нарушение связи и соответствий частей, внося разнообразие и как бы обновление в размер и ритм, не всегда отражается неблагоприятно на комбинированном из разнородных частей произведении. Некоторая бессвязность частей произведения гармонирует с бессвязностью изображения хода событий или перечисления явлений в повествовательных или описательных считалках.

Часто отдельные элементы разработанных текстов соединяются, если не смысловой связью и не путем перевивания обычной вязи слов или словами мало употребительных или совершенно неупотребительных в обиходной речи категорий (числительные, заумь), то через примыкание, или так называемый стык: повторяющиеся лексические элементы находятся в конце одного и в начале следующего ряда, в конце одной и в начале следующей части; например:

. . . раба,
квинтер, минтер, *жаба*.
Жаба прыгала, скакала... (№ 331)

. . . одиннадцать, двенадцать —
на улице *бранятся*.
О чем они *бранятся*?.. (№ 87-в, ж)

. . . двадцать пять рублей дуга,
мальчик девочке *слуга*.
Ты, *слуга*, подай карету... (№ 74-б)

Повторяющиеся лексические элементы не имеют никакой иной функции, как только служить репликой для механического присоединения к тексту новой части, органически с ним не связанной. Лучшей иллюстрацией этого наблюдения может служить пример:

Царь велел его *повесить*.
А он *весил* пудов десять... (№ 71).

Функции различных лексических элементов в считалке несколько необычны по сравнению с тем, что можно наблюдать в фольклоре взрослых. И сама лексика детского фольклора, в особенности лексика считалок в своем составе имеет элементы, с которыми мы не встречаемся в поэтическом языке взрослых.

XII.

Лексика считалок определяется многими и при том разнородными условиями. В первую очередь надо указать тематическое богатство и обилие мотивов рассматриваемого жанра

детского фольклора: бунт на кухне, пропажа шапки, дележ сарафана, зов фабричного гудка, подозрительное поведение члена компании, поломка колеса, искалечение, приглашение доктора, обращение за советом... Темы захватываются жадно, хотя редко до конца разрабатываются. Отсюда—разнообразие в составе лексики, большое количество разнородных групп слов—с одной стороны, и с другой—малое количество слов, относящихся к каждой группе.

Как уже не раз здесь замечено, в значительной части лексика определяется специальным назначением считалки-гадалки, обуславливающим наличие зауми. Некоторые соображения о происхождении этого жанра (см. гл. IV) подсказывают мысль о разнородности лексики считалок. Разными причинами, из которых не последнее место занимает возникновение текстов из потребностей школьного обучения, объясняется введение в словарный состав считалок имен числительных и славянских названий букв русского алфавита.

Здесь имеется в наличии не одна поэтическая традиция—устнонародная и книжная. Старые и новые книжные влияния, идущие из разных источников, элементы разговорного народного языка с его особенностями, элементы прозаической деловой речи, детское отношение к слову и проявления детского словотворчества,—все это обусловило разнородность элементов, дающих в своей совокупности лексический состав произведений описываемого жанра.

Лексика отражает преимущественно то, что окружает, находится в горизонте зрения: только творчество в этой черте—радостно. Называть окружающее, видимое, чувствуемое, подозреваемое как существующее, описывать его, рассказывать о нем, устанавливать его наличие,—значит соприкасаться с окружающим, приобщаться ему, входить в него, в известных пределах повелевать им. Повеление заочное не дает настоящей радости. Видимо, поэтому содержание и объем словаря редко переходят границы зримого горизонта.

Одною из характерных черт лексического состава считалок приходится считать бедность отвлеченного элемента, почти полное отсутствие абстрактных понятий и их словесных обозначений. Изредка используются слова, обозначающие психические состояния человека (осердился, испугался и т. п.), зато слова, обозначающие явления природы и в частности—названия представителей зеленого царства встречаются изобильно: лес, лесик, лес дубовый, лес дубровый, лесинка (дерево), сосна, березка, ива, клен, елка, яблонька, дуб; куст, калина, малина, ягодка-малиновка, смородина, виноград; лимон, тростник, цветы, мак, роза, розочка,

ландыш, незабудка, лилия, фиалка, анютины глазки; трава, травка, лебеда, осочка; черемшиночка, конопелька, огурёчик, помидоры, арбуз, дыня, чеснок, лук, свекла, морковь, картошка, редька; рожь, пшеница, овес,—не менее полусотни слов. Еще больше (около восьми десятков) встречается слов—названий животных: зверь, мышь, мышка, осел, поросята, свинья, свинка, чушка, боров, заяц, зайчик, зайнышка, собака, кобель, сучка, жучка, барбосик, баран, корова, бык, овечка, ярка (овечка), коты, котики, кисанька, медведь, козел, коза, иманцы, волк горностаюшка, лисичка, конь, лошадь, птицы, птички, гуськи, гуси, сова, утка, селезень, кукушка, галки, галочки, голубь, сокол, глухарь, лебеди, тетерька, коростель, филин, чайка, ворон, орел, кулик, индюк, куры, воробей, курица, петух, кочеток, чижики; из насекомых названы: вошь, мухи, мушки, комар, стрекоза, таракан, жук, паук, крестовик. Встречаются также: пиявица, черви, рак, жаба, лягушка; из рыб—только чебак, карась, золотая рыбка.

Примечательно, что названия рыб в таком богато представленном произведении жанре встречаются в очень незначительном числе. Живущие на виду твари более знакомы, с ними устанавливаются короткие отношения. В моменты высоких настроений они вспоминаются как существа близкие. Жители темной стихии менее известны—и с ними нет близкого общения, в моменты подъема настроения о них почти не вспоминают.

Возможно, что такое отношение к двум мирам наследуется: как сказано (гл. IV), многое пришло в считалку из поэзии пестования, а в произведениях материнской поэзии речь обычно идет о легко видимых и в любой момент конкретно представляемых в живой обстановке персонажах; представители рыбьего царства сюда не относятся. Кажется, и вообще народное поэтическое творчество не очень жалует своим вниманием темный подводный мир с его молчаливым населением.

Очень редко встречаются слова для называния звуков и их качеств. Нельзя сказать, что область звуков осталась за пределами детского внимания, но результаты наблюдений в этой области отлились в воспроизведение звуков, а не в называние их. Отсюда—обилие междометий в текстах считалок. Детская речь вообще эмоциональна; детской художественной речи эта черта присуща еще в большей степени; поэтому нет ничего удивительного в том, что междометия, будучи знаками чувствований, а не представлений, встречаются здесь в большом количестве. Из сочетаний звуков речи, выражающих ощущения или чувства, часто встречаются: ай, ах, ой, ой-ой, ой-ой-ой, ох, эх. Встречаются в текстах междометия,

как бесформенные слова обращения: цып, цыть, чу-чу, усь, тпру, чух-рюх, ну, вон; иногда они употребляются в соединении с другими словами и частицами: ну-ка, ну-кость, тпру-ко, тпру-ну, тпру-ка, тпру-стой, чур-так.

Среди междометий немногие представляют собою подражание животным: ку-ку, чух-рюх, кукуреку, тпру; есть несколько других. Большая часть междометий—подражание звукам, издаваемым „неживыми“ предметами. Одни из них встречаются в повторениях: бом-бом, бух-бух, туру-туру, та-та-та, ту-ту-ту; другие—в соединениях: ай-дуду, ой-ду-ду-дуду, бах-бух, пик-пак, пик-пок, пиф-паф, пих-пах, пуф-паф, тилинь-бом; некоторые—в повторениях и соединениях: дзинь-дзинь-пере-дзинь, дили-дили-дили-дон, тили-тили-бом и т. п.

Говоря об обозначении звуков, любопытно отметить, что свист привлек особое внимание детей (ср. свистель-коро-стель, крестик-свистик, свистенька-растенька⁷⁹ и т. п.), но названия этого звука тексты не содержат.

Очень мало слов для обозначения запахов и вкусовых ощущений: вонючий, кислый, сладкий. Заметно больше слов, обозначающих цвета и краски: белый, бурый, голубой, зеленый, красный, серый, синий, черный; сюда можно прибавить: вороной, русый, рыжий.

Разнообразны слова, обозначающие предметы обстановки и быта; они находятся в связи с тематическим составом рассматриваемого жанра. Обращают на себя внимание названия предметов обихода: ленты, кружева, ботинки, батисты, санки, дуга, метла... Можно заметить слова, известные в детской школьной среде: а, бе... ер, еры, ерь, ять. Встречаются и диалектизмы: иманья шерсть, по-иманьи, туязок, пятры (пятерки), силименка, срюнь, срюня и пр. Приметна группа слов, созданных детьми под влиянием их вкуса, по подка-зу ритма и рифм: тйнка (то, что тянут), катенчик (то, что катится), гони (гнать: „кони нечем гони“), пёк (пакарь: „Март Иваныч блинный пек“) и мн. др. (см. гл. XIII).

*
*

Вошел в считалку и лексический запас церковно-терминологического характера, напр., слова: церква, икона, крест, панафида, святая неделя, владыка, архиерей, поп, попадья, поповна, дьякон, дьяковна, дьячек, пономарь, жидовский поп, ксенз и некоторые др.

Из области мифологических представлений вошли слова: бес, бог, божья роса, ведьма, русалка райская птица, царство небесное, чорт, чертёнки; бука и гномы—в новых считалках „книжного“ происхождения.

В меньшем количестве дают считалки словарный материал иного порядка—вульгаризмы: старая баба, дурак, со-

* бака (обращения к человеку), рожа („дам тебе по роже“), морда („тебе же в морду брошу“), пуза („хлоп по пузе кулаком“), шиш („шиш поднес“), „по шеям“, подери его горой“ (пожелание), осел; „убирайся к черту вон“, вонючий, пузатый, вшивый, паршивый, сукин сын и некот. др. *Rustica* представлена весьма небольшим количеством (во всех известных мне текстах менее десятка) „нелексиконных существительных“ (выражение Достоевского) и таких же глаголов.

* О новых явлениях в языке считалок сказано уже в другом месте (гл. IV, с. 22). Время делает новые посевы слов, но и старые не искореняются; отсюда наличие в считалках, наряду с словами нового образования, архаизмов: аминь, ради, злато; старые названия букв—аз, буки, ер, еры, ять; здесь же можно перечислить старые слова обозначения отживших явлений („переживаний“): алтын, боярыня, бояре, боярский, * воевода, владыка, дьяк, ермаки, пан, панья, посадский, посад- * ская жена, серебрянник, тиун, убогий дом (Ефименко с. 156, ** Попов, с. 342.)

Особое место в лексике считалок занимают географические и этнографические названия. Из географических названий реже всего упоминаются реки (Волга, Дон, Клязьма); из городов известны: Вышний Волчѣк, Ленинград и Петербург, Новгород, Рязань („во Рязанцы“), Торжок, Кантон, Пекин, Шанхай; из стран и областей упоминаются: Кавказ, Китай, Расея, Русь (в выражениях: „на божьей Русе“, „по божьим Русям“), Туруханье; есть и другие.

Этнографические обозначения встречаются в большем числе: братский (бурят), грек („грека“), евреечка, жидовочка, жид, кацап, китаец, китай (вм. китаец), кореец, мордва, немец, татарин, татарка, турок, хохол, цыганы, японец, японка; по-татарски, по-турецки.

Встречающиеся в считалках собственные имена и фамилии бывают двух родов; одни—непостоянные, подставные: вместо одного можно без ущерба для стиха употребить всякое другое (Ну-ка, Мишенька, води“ и др.), другие—неизменные, вошедшие в употребление по требованию меры и рифмы и ими удерживаемые: Радион №№ 72, 124-а), Лаперуза, Вируза (№ 267), Жураватор (№ 221), жена Куликова (№ 133), Протасын (271), Топтыгин (№ 324), Дарья или Оксенья Быкова (№№ 133, 134, 153; Шейн, с. 40, №№ 233 и 234); утка-Праскутка (Прасковья), селезень-Гаврюшка (Шейн, № 233), пономарь Цветков, Гурьев, Лудьев, Ульев, Курьев, Юрьев (№ 135; Шейн, № 233, Покровский, с. 55). В зависимости от пристрастия к тем или иным темам используемых стихотворений-считалок, можно различать лексику девочек (ленты, кружева и т. п.)

и лексику мальчиков (конь, овес, сбруя и пр.); это—главным образом слова из категории именной.

В процессе овладения этим наследуемым запасом слов и форм их использования детские сообщества стремятся по-своему распорядиться получаемым лексическим богатством.

XIII.

Ломая слова, подчиняя их своей воле, своему вкусу или капризу, своим нуждам, ребята производят бесчисленные эксперименты с формами слов и приемами образования их, размещения их в пределах фразы, постановки ударения, устранения или изменения смысла (озаумление, перенесение в новую категорию) и пр. Результаты этих экспериментов очень трудно, если вообще возможно, систематизировать.

Малый ли запас унаследованных слов, недостаточная ли сжатость и кованность слов обиходного языка, специфические ли особенности детской психики и детского быта, другие ли какие-нибудь причины побуждают детей к словотворчеству,—неосомненно одно: язык детского фольклора дает обилие примеров, обнаруживающих у детей стремление к созданию „новых“ слов или—чаще—приданию нового облика ходячим словам. Это стремление проявляется с поразительной неустанностью и настойчивостью. Опасения образовать что-нибудь неуклюжее, нескладное, грубое—незнакомы. Впрочем, подчиняясь своим эстетическим вкусам, ребята в своих опытах не отступают от законов русского словообразования.

Больше всего подвергаются экспериментированию *имена существительные*.

В них изменяются как грамматическая форма, так—нередко—и смысловая сторона. При изменениях слова рождаются разные оттенки—то сразу останавливающие на себе внимание, то едва уловимые. В большей части случаев мы имеем дело с образованием ласкательных и уменьшительных форм через обычное или необычное использование суффиксов. Некоторые существительные переходят из одного рода—обычно женского—в другой—мужеский через суффиксы *ок* и *чик*, которые осознаются как признак мужеского рода; тогда имеем: *кукушок* (кукушка)—по аналогии с *петушок*, *гребешок*, *юльчик* (юла), *Танчик* (Таня), *Манчик* (Маня) и т. п.—по аналогии с *мальчик*, *стульчик* и пр.⁸⁰

Обращает на себя внимание несколько необычное изменение слов через детское пристрастие к суффиксу *ан* (дан): *лебедан*, *рыбодан*, *ругадан* (м.б. из *другодан*),

г о р о д а н („ехали с городана“, т. е. из города) и прилагательные от него—г о р о д а н ь к а (в значении городской). Форма г о р о д а н возникла, может быть, из поисков краесозвучия: п е р в о д а н (первый из данных?), д р у г о д а н, но трудно сказать, для которого из этих слов подбиралась рифма, иначе говоря, —которое из них следует считать первоначальным.

Из других изменений можно указать те, которые получаются через употребление суффиксов е ц, и к, ч и к, у с ь, о к: ц а р е ц („станет царем“, т. е. царем)—по аналогии с старец, малец, с т р и г у н е ц (стригун, тот, кто стрижет)—по аналогии с бегунец; е р и к (ъ, ер); к о р о л ь ч и к (король), х о х о л ь ч и к (хохол); т о н ч и к-звончик; е р у с ь (ер)—по аналогии с Петрусь; Ф е д о р о к—по сходству с хохолѡк.

Одна группа существительных образуется путем внесения (между корнем слова и привычным суффиксом) необычного суффикса—е н, ё н о к, и ш, е ш, и ч, и ч и, или: р у б е н ч и к и (рубчики, рубцы), г о л у б е н ч и к и, г о л у б е н ц ы, г о л у б е н о ч к и, г о л у б и ш к и, г о л у б е ш к и, г о л у б и ч и к и, г о л у б и ч к и, г о л у б и л и к и.

Через замену принятого суффикса другим, необычно используемым, тоже получается небольшая группа слов. Используя и к вместо о к, образуют существительные с особым оттенком уменьшительности: л е с и к, л о м о т и к, с у ч и к, к р ю ч и к и т. п. Ударение при этом передвигается к началу слова. Через мену суффикса е н ь на е ч; е ч и о ч на е н ь и о н ь, е в а на и ц а образуются существительные того же рода, но с новым оттенком ласкательности: н о ж е ч к а („стала ножечка болеть“), д у д и н ь к а, у т о н ь к а, к о р о л ь ц а.⁸¹ И ц а, как суффикс женского рода, употребляется вместо и к а: ф а б р и ц а (фабрика).

Редко, но все же наблюдаются случаи изменения в основах: между корнем и суффиксом вводится гласный, не имеющий роли суффикса, напр. о г у р ь ч и к, к о н ь ч и к (кончик), г р и б е н ц а (грибница). В отдельных случаях можно наблюдать обратное явление—выпадение заударной гласной, как из суффикса (п л е ч к и—плечики), так и из корня (к о л к о л ы —колоколы).

Особые оттенки унежнения (уменьшительности и ласкательности) прирождаются через соединение двух суффиксов в одном слове: к а т е н ч и к (тот, кто катится), г о л у б е н ч и к, т е п л е т е н ч и к, р у б е н ч и к.

Менее ярко выражен оттенок ласкательности через прибавление довольно употребительного суффикса у ш (к): к л а д у ш к а (курица, которая яйца „кладет“, несет), в о д у ш к а (от в о д а, водильщик, вожак в игре). Путем изменения окон-

чания ка, воспринимаемого иногда как признак уничижительности. словам сообщается противоположный характер, придается оттенок ласкательности: *вм. калитка—калѣта*, *вм. утка—ута*, *вм. свинка (свинья)—свина* („остается баба свиной“).

По сравнению с обилием случаев словоизменения, примеров образования „новых“ слов наблюдается мало. Можно указать примеры образования существительных от междометий; напр. „поехали в тпруши (на прогулку, на улицу) гулять“. Другие существительные образованы, видимо, от глаголов; напр.: „пень (от пенять?) да вень (от веньгать, в яньгать?) девятый день“ (может быть, эти стихи текста № 144 можно передать менее сжато так: „упреки да слезы девятый день“). „кому гадки (то, что подлежит разгадыванию) гадать“; *болтѣрь* (от болтать)—слово, подсказанное рифмой в паре со словом „глухарь“; *хрустенъ* (от хрустеть?)—слово, подсказанное рифмовкой со стоящим в паре словом „перстенъ“.

Вообще нужно заметить, что многие из указанных здесь языковых явлений вызваны в одних случаях в большей, в других—в меньшей мере необходимостью подчиниться складу, ритму и рифме тех словесных произведений, в ткань которых перечисленные слова вплетаются. Выразительным примером являются стихи (№ 127): *царь—царевей*, *соколей—воробей*; *иголка—петёлка (петелька)*.

Прилагательные в детском фольклоре встречаются реже. На тысячу существительных приходится двести прилагательных. Можно отсюда догадываться, что и какие-либо особенности детского фольклора здесь встретятся в меньшем количестве. На ряду с общеупотребительными наблюдаются прилагательные необычно образованные; их появление вызвано аналогией с рядом слов, имеющих данный признак. При этом употребляются как членные, так и не-членные (краткие) прилагательные; последние—в незначительном количестве, напр. *клюки долгиноги*, *выстрочены-поисстрочены*, *лес дубрав и др.*

Гораздо большую группу составляют прилагательные с предметной основой. Встречаются формы притяжательных с суффиксами с основой на *й* (второе склонение): *иманья*, *свинячий* (свинячья борода) и др.—по аналогии со словами *баранья*, *собачий*, *овечий* и т. п.

Часты прилагательные притяжательные с суффиксами—*ов*, при основе от существительных муж. рода на твердую или мягкую согласную или *й*: *попов* (попова полоса), *стригуновы*, *типуновы*, *куликовы*, *царевы*, *чертов*, и *ин*, с основой существительных на *а* муж. и женск. рода: *владыкин*, *кошкин*, *маменькин*, *Анютин* и т. п.

Подобно им, хотя и необычно, образовано *окошки* и *н* от *сущ.* среднего рода *на о*.

Прилагательные относительные образуются через прибавление двух суффиксов: *н* и *ый* или *ой* (под ударением): *на-колодешной лабан*, *златной* (вм. *золотой*)—по аналогии с прилагательными *дверной*, *цепной* и др.; замена обычных суффиксов *ов* и *ев* через необычный *н* дает *калинный мост* (*калиновый*), *грушный квас* (*грушевый*).

Иногда к основе прибавляется два суффикса—*ов* или *ин* и *ый*: *поповый*, *лебединый*; *ян* и *ский* (сочетание обычное для литературного языка—*ян* и *ый*: *кожаный*, *конопляный* и др.): *соколянский день*, вм. *возможного сокольский*, *соколиный*.

В особую группу можно выделить прилагательные, образованные из двух корней—от прилагательного и существительного с соединительной гласной *о* и с суффиксом прилагательного: *клюки долгоноги*, *крутолобы* *баран*, а также от числительного и существительного без соединительной гласной: *двуххвостенький* *воробей* и др.

Иногда это—повторяющееся прилагательное, осложненное префиксом с оттенком усиления: *вечный-превечный дурак*.

Из прилагательных с основой действия можно упомянуть: *выстрочены-поисстрочены*, с необычным префиксом; *карпаты* (может быть, от глагола „корпать“—*колупать*, *ковырять*, *заниматься сидячей работой*) с *а* в предударном слоге, как результат *аканья*.

Наблюдаются особые, „озаумленные“, слова этой категории, образованные от прилагательных, суффикс которых заменен окончанием *енцы*, употребляемым детьми в искусственных языках⁸²: *вострёнцы* (*острые*), *крепёнцы* (*крепкие*).

Со смысловой стороны обращают на себя внимание выражения: *двуххвостенький воробей*, *вечный-превечный дурак*, *выстрочены-поисстрочены* и другие.

Изменения в глаголах происходят, большею частью, под влиянием аналогии, реже—вызываются необходимостью подчиниться размеру. Их можно разделить на следующие группы: а) изменения в окончании слова, б) в суффиксах, в) в приставках и г) в корне.

а) В инфинитивах встречается форма на *ти*, вместо обычной—*ть*: *выгадати*, *николи* (некогда) *стояти*, *снаряжати*, *спрашивати*, *улетети*, *сказати*, *бежати* и др.

Употребительна форма возвратных глаголов на *ся* вместо формы на *сь*: *боюся*, *катилася*, *сбилася*, *становилася*, и обратно: *убирась* на ряду с *убирайся*, *поранись* вместо *поранься*.

Иногда частица *ся* прибавляется к глаголу с предшествующей ей частицей *ка*. Глагол в этом случае не имеет смысла возвратности: *лови-ка ся* (*лови-ка*).

б) Личная форма 3 л. множ. числа от глагола *хотеть*, в обычном употреблении представляющая собою отклонение от правильной формы спряжения, получает устойчивый вид: *хочут* вместо *хотят*.

Посредством замены суффиксов образуются формы совершенного вида, вместо обыкновенных форм несовершенного вида. Вместо суфф. *и* появляются *а* и *е*, вместе с заменой конечного согласного корня на чередующийся с ним звук: *стукаешь*, вместо *стучишь*; суффикс *и* заменяется суфф. *ева* и *ова* или *ну*, придающим глаголу оттенок совершенного однократного вида: *галевать* *вм.* *галить*, *куповать* *вм.* *купить*, *ступнули* вместо *ступили*.

в) Обычные приставки заменяются необычными, но смысл (значение) слова при этом не изменяется: *сгодится* *вм.* *пригодится*, *вознеси* *вм.* *занеси* и др.

Некоторые глаголы приобретают приставки, придающие словам новый, не всегда поддающийся передаче оттенок значения: *посели*, *вм.* *сели*, *выпасла*, *вм.* *пасла*, *породила* вместо *родила*.

г) Конечный согласный основы, под влиянием других форм этого слова, заменяется чередующимся с ним звуком: *улетю* *вм.* *улечу*, *жжет* *вм.* *жжет* и пр.

Случается, что сохраняется конечная согласная основы (*т* и др.), выпадающая обыкновенно в формах прошедшего времени, при чем для удобства произношения вставляется гласная корня: *плетел* *вм.* *плел*, *клада л* *вм.* *клал* и др.

От глагола *ехать* образована форма повелительного накл. *поедь* *вм.* обыкновенной формы — *поезжай*, *поезжайте*; эта форма известна и в обиходном детском языке.

Наблюдающиеся иногда вставки и выпадение гласных вызваны, возможно, стремлением сохранить размер: *спотыкнулась*⁸³, *дай бульёну подолить*; *начнали* (*начинали*), *перломали* и др.

Иногда глаголы удваиваются; при этом повторенный глагол или осложняется приставкой и суффиксом (*пушат* — *перепушивают*) или является другим, близким по значению словом: *колочу-молочу*.

Некоторые глаголы (от существительных) в детском словоиспользовании имеют специфический смысловой оттенок: *пятнать*, *гвоздить* („мост серебром гвоздить“).

Наблюдения над языком считалок показывают, что приемов словообразования, которых не было бы в других видах детско-

го (в известной мере и общего) фольклора, в сущности, немного. Если какая особенность и напрашивается на внимание при рассмотрении считалок, так это большая смелость в обращении со словом и большее число случаев, свидетельствующих об этой смелости.

В своем месте было сказано, что форма исполнения считалки—удалая скандовка. Все, что мешает быстрому и мерному произнесению произведения, устраняется; поэтому слова, образующие считалку, должны быть немногосложны; если многосложные слова и используются, то ради удобства они ломаются пополам (губер—натор, пасти—гонка). Вообще в считалку могут войти только слова, способные примириться с требованиями быстрого ритма и скорой меры. Неспособные подчиниться или совершенно устраняются или идут в дело в поломанном, приспособленном виде. К глаголам это замечание относится не в меньшей мере, чем к словам других грамматических категорий. Ускорение темпа речи иногда ведет к замене глаголов *междометиями*, т. е. словами-звукоподражаниями (костка хруст, кошка хруп и т. п.), в которых можно видеть эмоциональную форму глагола с отрицательной (нулевой) суффиксальной морфемой ⁸¹.

Изменениям иного характера подвергаются имена числительные. Речь о них будет особо.

XIV.

Взрослые нигде, ни в одном поэтическом жанре, не пользуются с такой охотой, с такой настойчивостью и любовью счетными словами, как дети, которые слова будничной, деловой категории уравнивали в праве на внимание и на широкое использование в поэтическом творчестве. На использовании их создан особый вид произведений—считалки-числовки.

В подавляющем количестве текстов довольствуются названиями чисел первого десятка; редко нарушают этот предел и вводят названия первых шести чисел второго десятка (№ 87). В считалках-заменках с концовкой-вопросом может называться любое число, но это, так сказать, за пределами текста.

В одних случаях числительные при их использовании не подвергаются никаким внешним изменениям, но самым включением в ткань стихотворного произведения этот внелитературный материал принимает иную окраску, иной характер, иное эмоциональное и даже смысловое насыщение,—словно преобразается.

В других случаях числительные изменяются при этом и в отношении формы.

Со смелостью, не ограничиваемой каким-либо сомнением, каким-либо раздумьем, дети властвуют над словом, перековывают, перегибают его сообразно своим нуждам и вкусам, то укорачивают, то наставляют его, делают его то мягким и нежным, то колючим и—подчас—грубым. Даже область имен числительных,—такая неподатливая, трудноизменяемая, затвердевшая в словоиспользовании взрослых категория обозначений,—здесь, в поэтической речи детей, утрачивает эти постоянные, на первый взгляд неискоренимые свойства.

Больше изменений претерпевают числительные количественные, которые находятся к тому же в большем употреблении нежели числительные порядковые. На ряду с обычными числительными во многих текстах встречаемся с формами видоизмененными или совершенно новыми:

1 („раз“): ази	2: двази	3: тризи	4: изи		
анзы(янзы)	дванзы	тринзы(трины)	волынзы		
ранцы	дванцы	трынцы	волынцы		
разум	двазум	тризум	ризум		
анчик	дванчик	тринчик	голынчик		
раджи	дваджи	трику	энку		
разин	двазин	трикузикум			
ранзан	дванзан	тринзан	лынзан		
айс	звай	драй			
аз	два				
азики	двазики				
5: пятам	6: латам	7: шѳма	8: рума	9: дуба	10: крест
пята	лата	чохар	ѳхар	филин	трест
	сота	чохман	ѳхман		креть
пяден	ладен		рохман	деревен	кок
вята	лада	шохман	лохман	девор	дюкц
пятум	латум	тохван	бохван	трубы	декус
пятан	латан	юкман		кока	тон
пятым	ятым	шуфѳм	хафѳм		дом
	ладыш	колдыш	молдыш		штык
пятыш	ладыш	истра	быстра		дуба
чивалды ⁸⁵	шѳстым				

Видимо, эти названия чисел идут из разных источников. Некоторые из детских числительных, обозначающих 1—4, образованы из обычных названий чисел („раз“ воспринимается как „один“) через изменение слов по тому принципу, которым дети пользуются при образовании искусственных, в частности секретных, языков; напр.: анзы, ранзы, анцы, дванцы и т. п.⁸⁶. В считалке подобные образования вызваны—это ясно—не необходимостью сокрытия тайны, а установкой на непонятное, таинственное, заумное. Отказом от принятых названий чисел художник, положивший начало счету необычному, хотел бы, повидимому, повысить впечатление от непокорной и будничной категории слов, сообщить характер необычности, придав им форму и обличье зауми. Эти названия чисел составляют группу озаумленных счетных слов. Относительно некоторых из них (ази, двази, тризи, анчик, дванчик, азики, разики, двазики, а из порядковых числительных, о которых скоро будет речь,—первичики, другичики и некот. др.) надо заметить, что смысл их озаумления заключается в придатке оттенка нежного отношения к обозначениям чисел, которые в ходовых грамматических терминах могли бы называться уменьшительными или ласкательными. Но когда мы пытаемся подвести под наши грамматические категории эти счетные слова, трактуя их, как уменьшительные, ласкательные и пр., не искажаем ли мы смысл и не насилуем ли форму и облик чуждых уже нам слов? В применении к именам числительным, первый из этих терминов вносит в дело неясность, второй—недостаточно выразительный, не до конца исчерпывающий определяемый признак—унежнение слов.

Этот признак вполне выражался бы в слове унежительные (ведь такая форма числительных, если можно воспользоваться словами Баратынского, употребленными в другой связи,—„безотчетное создание детской нежности“), если бы необычность его не мешала его употреблению. Держась традиционной терминологии, для обозначения этой группы числительных практически удобнее всего пользоваться термином позаимствованным: ласкательные.

Унежнение числительных и соответствующее изменение их форм в привлекающих наше внимание художественных произведениях понятно. Во время исполнения прелюдии к игре, в минуты гадания о том, кому кем быть, в момент ожидания решения судьбы естественно ожидать повышенно-радостного настроения и необычного отношения к миру и ко всему, что в мире,—к лицам, вещам и явлениям, к их качествам и обозначениям качеств, к их количествам и названиям количеств: детское

целостное мировосприятие и мироощущение выражаются в неповторяемо своеобразной словесной форме. Почему не думать, что ласково-радостное отношение к „считаемым“ лицам распространяется и на все относимые к ним слова, которые к тому же сами по себе способны привлечь внимание: „слова суть прежде всего конкретные образы, художественные произведения, хотя и в малом размере“⁸⁷. Такое перенесение отношений с лиц на слова-обозначения чисел тем понятнее, что числа здесь являются не столько названием количеств, сколько обращением к считаемым. Приязненное отношение к считаемым⁸⁸ влечет за собою насыщение эмоцией, унежнение чисел-обращений. Думать, что здесь только результат подчинения размеру и рифме (первичики—голубичики), было бы преувеличением значения внешней причины: это объяснило бы только несколько отдельных случаев. Если самая возможность необычных форм понятна, то происхождение многих слов-названий чисел не ясно. Значение отдельных слов узнается по связи их с другими словами того же порядка; так, значение слова *волынзы* определяется положением между 3 и 5, остальные—*латам*, *шума*, *рума*, *дуба*, *крест*—их положением после 5 и порядком размещения. Можно думать, что эти названия чисел—синонимы числительных, или их эквиваленты (№ № 159, 165, 175 и другие; см. также Бессонов, 70, Зеленин, 88 под сл. *мера*, Рябинский, 40: *пери-мери*)—идут из самых разнообразных источников.

Отдельные заместители числительных детских считалок Г. Н. Потаниным рассматриваются, как обозначения, применяемые при употреблении бирок. Некоторые считалки-числовки „не кончаются словом *десять*“, но в них „заключается десять слов, так что *крёс* стоит на десятом месте; это может быть крест, который на бирках означает цифру 10“⁸⁹.

Соображение это не вызывает возражений, но в пользу его этнограф не привел никаких доказательств. С большим правом можно усматривать здесь влияние словаря картежников.

На предположение о позаимствовании (количественно, кажется, незначительном) терминов карточной игры или о создании слов под их влиянием наталкивают такие стихи считалки (№ 143):

На колоде сыграл,
пятьсот снял...

Контекст показывает, что дело идет об игре в карты. Словоупотребление *колода карт*—издавна в России известно⁹⁰; широко известен и термин: *снять карты*.

Эта догадка о влиянии—непосредственном или через какое-нибудь посредство—карточной терминологии на детский счет весьма вероятна; она переходит в почти полную уверенность, если обратить внимание на присутствие в считалках элементов мало измененного лексикона картежников, из которого, как можно думать, получены слова, принявшие на себя в детском языке функцию числительных; детские числительные дуба, крест, видимо, произошли из терминов: буби, крести⁹¹. То незначительное несходство между терминами взрослых и числительными детей, какое наблюдается, не может породить возражений против высказываемой догадки: известно как легко видоизменяются слова любого языка при переходе их и их сочетаний из уст в уста⁹².

При допущении такого влияния делаются понятными и некоторые другие элементы словарного состава считалок; напр., в одном из вариантов считалки (№ 456) читается стих:

...! пику, лопату,
корову горбату [и. т. д.]

Едва ли первые два слова первоначально обозначали „орудия производства“: трудно придумать сочетание таких двух названий, какое дано в тексте; надо предположить, что первоначально это были термины из словаря картежников пика, лопата⁹³ и лишь позднее осмыслились в детской среде по-иному,—как элементы описи хозяйственного инвентаря.

Разными путями (какими, определенно сказать трудно) проникли в русскую считалку из чужих языков слова—заместители числительных: напр., нашему пядя, лада соответствуют padè, lādè чешской считалки, нашему деревен от-вечает dè рв ен считалки болгарской⁹⁴ и др.

Возможно, что некоторые из детских числительных—забредшие слова искусственных языков; но здесь, представляется, нельзя будет пойти дальше простых догадок без всякой уверенности в их прочности.

Все числительные перечисленных групп не поддаются распознаванию не только по трудности найти источник их происхождения, но и в силу тех изменений, которые они претерпевают при передаче их из уст в уста, в особенности при обмене репертуаром разноязыких групп; сверх того, они видоизменяются при установке их в пары (обыкновенно числительные произносятся парами: чехман-ехман и пр.), при подчинении их ритму и рифме. В отдельных случаях слова, можно догадываться, не только видоизменяются, но совершенно заменяются: напр., быстра обозначает 8, вместо крест употребляется

трест или креть; и эти слова-заместители несут функцию числительных. Что в них мы имеем дело именно с числительными, ясно из того, что состоящие из них тексты у ребят называются в разных местах то бурятским, то татарским, то итальянским, то еще каким-нибудь „счетом“, а также из того, что они употребляются иногда и вне текста считалок,—например, при отсчитывании бабок, городков, вообще предметов детского обихода и вещей, связанных с детскими играми⁹⁵; по временам они используются, как элемент, в детских тайных языках.

Иногда синонимы числительных встречаются разбросанными в беспорядке по всему тексту и теряют свой смысл (см. №№ 148-а, 162; см. также Арефьев, с. 4; у Покровского, с. 54).

В отдельных случаях наблюдаются факты, свидетельствующие об утере, о забывании установившегося счета: дуба употребляется, как правило, в значении девять, иногда же (№ 155-и, 156-в.)—в значении десять; иногда пара числительных дуба, креть (из крест) употребляется в значении пять, шесть; кок обозначает, как правило, десять, но в немногих случаях (№ 155-д)—в форме кока—это слово имеет значение девять. Заместители числительных, утеривая свой смысл, иногда совершенно выпадают из текста; напр., стих: „филин дуб“ (девять, десять) неожиданно принимает форму: „тилим-бом“ (№ 156-в.).

Порядковые числительные в считалках не все одинаково богато представлены разными формами.

Слова, употребляемые в смысле: первый и второй (являющиеся производными от них), произносимые обыкновенно как пара слов, известны в таких формах:

Первый: первички.	Второй: другички,
первичка	нарвичка
первичики	другичики
первенчики	другенчики
	друженчики
первешки, пермешки	другешки
	беребенчики
перводан	другодан
первый дан	другой дан
первенцы	другенцы
перведичики	
первинцыки	другинцыки

В этих формах также видно влияние приемов образования детских искусственных языков: первенцы, друген-

цы⁹⁶; известны формы: перварды, другарды⁹⁷; также: первереди, другереди⁹⁸ и некот. др.

Как и в группе числительных количественных, здесь парные слова и вообще рядом стоящие слова, подсказанные рифмой (нарвички, бубенчики, беребенчики и пр), выполняют функцию числительных.

Редко встречаются формы: первóй, другой; первóй, второй. У Кривошапкина⁹⁹ записана форма: первичи, другичи, третичи; известна форма: третьеди́н (№ 145). Четвертый, пятый подобных форм не имеют. Шестой иногда встречается в формах: шостый (может быть под влиянием размера и рифмы, см. № 93) и лáтый.

Порядковые седьмой, восьмой, девятый, десятый передаются так же, как количественные, т. е. чохман, ехман, вилин (вылин), ток. Конечно, в значении каждого из этих слов, может быть, и можно находить некоторые различные оттенки, но они—именно только оттенки и не уничтожают сразу улавливаемой синонимичности в корень.

Стремление уйти от общепринятой формы слов наблюдалось, как отмечено, в области имен прилагательных, еще больше—в числительных. Разрастаясь, эта тенденция ведет в отдельных случаях к полному отрешению от слов общего языка и к образованию особой категории слов—слов заумных.

XV.

Наличие значительного количества междометий (т. е. слов, не являющихся „знаками представлений“) в произведениях рассматриваемого жанра делает если не неизбежным, то понятным обильное присутствие в текстах считалок заумных слов. Обилие зауми не покажется неожиданным, если к тому же вспомнить природу считалки-ворожитки (см. гл. VI). Ведь и заумный язык взрослых, которому посвящена значительная литература¹⁰⁰, связан преимущественно с произведениями того же порядка—с заговорами, с поэтическим творчеством сектантов-мистиков.

Не подвергаясь влиянию логически построенной мысли, устная поэтическая речь детей прекрасно сохраняет свой эмоциональный характер. Чуждый логике, язык чувства выражает внутренние состояния, ощущения и настроения более действенным путем, чем логическое значение произносимых слов,—своей звуковой стороной¹⁰¹ и теми трудно определенными свойствами, в силу которых, по Аскольдову¹⁰², „слово, не вызывая никаких художественных образов, создает худо-

жественное впечатление“ и, „не вызывая никакого познавательного представления, понимается“. Эти свойства слова, словно скапливаясь, усиливаются в сплетениях и вязи слов, называемых заумной речью. Относя к детской заумной речи вопрос: „что сказать о заумном языке, который, надо признаться, иногда тоже производит впечатление?“¹⁰³ придется заметить, что не в каждом отдельном случае одинаково легко говорить как о причине обращения детей к заумному словотворчеству, так и о степени заумности слов, которые мы, взрослые, воспринимаем как лишенные буквального содержания. С чем мы имеем дело в детской зауми—с попыткой ли уследить и закрепить в слове течение мыслей и созерцаний, с стремлением ли в словах обозначить незримые нам аспекты и планы вещей и явлений или с желанием в чистых звуках выразить свое мироощущение? Кто знает, может быть, и детская заумь часто рождается из „полноты видений“, лежащих „далее того, что может быть воплощено в слове“. Мир, неведомый для мысли, разгадывается целостным восприятием, инстинктом. „Но,—вопрошает поэт¹⁰⁴,—как рассказать разгадку? Она остается в звуках и в словах, она звучит где-то за словами, за обыденными словами жизни, но она никогда не может быть выражена речью“... Исключительные трудности должен испытывать человек, когда он говорит о вещах необычных. И тогда для высказывания ему служит язык необычный, заумный: „для гаданий о будущем,—сказано у Блока,—я избираю язык поневоле условный“.

Быть может, у детей обращение к зауми обусловлено тем, что дитя-художник в силах выразить обыденным словом „только часть того, что сам видит вполне“. „Кого я там видел и что те существа делали, невозможно выразить на понятном языке“,—признается, вспоминая детство, философ и мастер слова¹⁰⁵.

Обстоятельства, при которых рождается детская заумь, весьма разнообразны. Случаи ее создания бесчисленны и повседневы. В своих дневниках нахожу такие заметки.

На крылечке переживает дождь женщина славяно-бурятка с мальчуганом лет семи. Подхожу, заговариваю... Вчера он, житель ясачной деревни¹⁰⁶, в первый раз был участником игры в хоровод, был в обществе девочек... Его закружили, заласкали, поцеловали. Он так зачарован виденным, поражен игрой и всем неожиданно встреченным и пережитым, что и ночью во сне этого не заснул и сегодня этим живет. О чем бы ни заговорили, о какой бы игре я его ни стал спрашивать, он то и дело,—достаточно мне на минуту отвлечься,—возвращается к вчерашнему дню, словно во сне, полушопотом, бы-

*

стро-быстро припевает: „станцуй - сплишы, станцуй—сплишы!“... „Станцуй—спадбадрись, станцуй—спадбадрись!..“ „В карабоди были води, в карабоди были води“. Пытаюсь исправить, говорю: „в хороводе были мы“. Где тут! Держится за рифму и повторяет свой странный стих:

В карабоди были води...

Как разгадать, что скрывается у него

* Sotto 'l velame degli versi strani...

* Он об этом думает столько же, сколько над стихом из Inferno. Меня он в своем настроении плохо замечает. Оборвал мои расспросы, побежал. Бежит, напевает...¹⁰⁷ Не зная слов, заполняет „пустоты“ странными, часто причудливыми наборами звуков, которые наскоро образуются и тотчас же, в нужный момент слетают с языка. Ритмы, музыка и, видимо, образы рождаются раньше слов. Слова отстают, пустоты заполняются звуками, наспех подобранными или мимолетно подсказанными музыкой. Взрослый здесь испытывает трагическую трудность; дитя-художник смело выходит из положения, беря недостающее звено из области чистых звуков, беззаботно наполняя их если не логическим, то эмоциональным содержанием¹⁰⁸.

В весьма повышенном, но по-иному окрашенном, настроении пятилетний мальчуган отбиваясь рученками от ужасной мошки, с раздражением, почти плача, выкрикивая, создает заумное слово:

У, мошкà-ка машкà! как кусается... Тебя убить надо, мошкà-ка машкà!.. По одной убивать и ни одной не останется.. Мошка-ка машкà, мошка-ка машка!.. Как горные мальчишки¹⁰⁹ ссравно!..

Долго бедняга изливает огорчение, бесконечное число раз произнося новое слово и, видно, утешается¹¹⁰.

Подобное отношение к необычному слову наблюдается и у подростков. „Я сам из своей давней врачебной практики помню, что один впечатлительный 14-летний мальчик... в жару лихорадочном чувствовал потребность повторять беспрестанно небывалые слова, и это его очень утешало“¹¹¹.

Возможно, что дети по-иному воспринимают творимые ими слова. Едва ли что мешает думать, что для них в используемом ими запасе унаследованных слов зауми гораздо больше, чем кажется нам; вероятно, многие из слов взрослых для них заумны¹¹². Зато у детей их заумные слова в меньшей степени заумны, чем для взрослых: для взрослых с их дискурсивным мышлением часто это набор звуков, лишенных всякого смысла; для детей, мышление которых целостно, для которых и в мире взаимоотношений между внутренней формой и

звуковым образом слова нет разорванности, и заумь—прародина языка—насыщена содержанием и может быть нами названа заумью только условно, применительно к нашему восприятию, восприятию взрослых.

Заумные слова в существе своем не подлежат объяснению. Все, что здесь говорится о них, является лишь попыткой разгадать происхождение их, природу и на доступном наблюдателю материале уяснить источники и проследить пути проникновения заумных слов в ткань поэтических произведений, исполняемых детьми.

Говорить о полном отсутствии в считалочной зауми всякого смысла, конечно, нельзя: заумные слова не случайно мелькают-набегают, воспринимаются и забываются, а употребляются в определенном пункте всего сложного организма (текста) и всегда или почти всегда в определенной последовательности, в одних и тех же сочетаниях; видимо, связь их не может быть названа внешней; первоначально, быть может, чисто внешняя, она в постоянно одинаковом исполнении, порождающем те или иные ассоциативные связи, превращается—под влиянием не всегда ясного организующего фактора (может быть, ритм, звуковые свойства слова играют при этом очень важную роль¹ в связь внутреннюю, органическую.

Можно указать тексты, где связь не только заумных, но и обыкновенных слов во многих случаях представляется механической: сплетение слов в текст или его часть не подчинено логической или прагматической связи значений. Но от наблюдения не укрывается, что в то же время отдельные слова и фразы почти всегда стоят в неизменном порядке, почти всегда в одних и тех же комбинациях, в одних и тех же сочетаниях.

Заумь, т. е. словообразные сочетания звуков, —условное название, покрывающее разные явления. Детская заумь, связанная со считалками, не однородна по своему происхождению и по своему характеру. Даже при беглом, лишенном необходимой углубленности, обзоре намечается несколько групп слов этой категории.

Едва ли не самую большую группу составляют так называемые парные слова (Reimwörter) в считалках.

Парные слова, возникающие,—как думает Н. Н. Дурново¹¹³,—из „стремления выразить одно понятие двумя словами, похожими друг на друга“, с целью „усилить количество или качество признаков, заключающихся в этом понятии,“—в считалках бывают нескольких грамматических категорий: в подавляющем числе случаев—имена существительные, редко глаголы, как исключение — прилагательные.

Парные слова (второе слово парного сочетания) образуются путем изменения первых звуков одного члена группы. По способу образования можно установить несколько часто встречающихся групп парных сочетаний.

а) Второе слово пары является повторением первого + приставленный согласный: аки-баки, ан-тан, ива-бива ¹¹⁴.

б) То же слово, лишенное начальной согласной: гуран-уран, сугол-угол.

в) То же слово + приставленная группа согласных: анка-дранка.

г) То же слово с заменой начального согласного: тулик-мулик, цыкинь-выкинь.

д) То же слово с заменой начального согласного слогом — одним или несколькими: трёха-мареха, вени-голубени.

е) То же слово с изменением первого слога или вообще начала слова: себень-дубень, агучены-бирючены ¹¹⁵.

Сочетание парных слов подчиняется определенным (еще мало выясненным) фонетическим законам.

В крайне редких случаях парное слово начинается с гласного.

В подавляющем количестве случаев оно начинается с губного: около половины парных слов начинается с б и приблизительно десятая доля — с в; около трети парных слов начинаются сонорным, главным образом — м, в немногих случаях л и н; зубные и средненебные встречаются нечасто ¹¹⁶.

Парные слова занимают особое место в детской зауми. Не говоря об эмоциональном и звуковом содержании многих из этих слов, в них, как и в парных словах, употребляющихся взрослыми, почти всегда можно усматривать содержание логическое, поддающееся словесному, хотя и недостаточно ясному и четкому, выражению ¹¹⁷. Наблюдатель народной жизни на европейском востоке, приводя несколько примеров „принятых у восточных людей шуток“ (*вилайет-милайет, консул-монсул, Софица-Мофица*) делает попытку выяснить значение некоторых парных слов: „Наши крымские татары говаривали: *становой-мановой*. Это значит как бы пренебрежение: становой и тому подобное“ ¹¹⁸. Такое истолкование подтверждается и текстом повествования: „*Софица-Мофица*, не все-ли равно! На Лаккиотке нашей женюсь“ ¹¹⁹. То же и у детей: „Толпа турецких мальчишек и девочек... побежали за ними с криками: *фрэнко-маранко! Франко-маранко!* Откуда ты, *фрэнко-маранко?*“ ¹²⁰ (Франко — европеец).

В согласии с романистом-бытописателем определяет значение подобных парных слов и специалист-языковед

М. Джафар, у которого находим, что в восточных языках они имеют смысл: „и тому подобное“, „и прочее“, „того-сего“¹²¹.

Труднее уловить и передать смысл в примерах другого рода, особенно в текстах устных произведений. В отдельных случаях весьма затруднительно с определенностью говорить, с чем мы имеем дело во втором слове пары — с подлинно парным словом или с рифмующимся собственным именем: Сени-вени (№№ 321-р и др.) надо ли читать как Сени-вени или Сени, Вени, или (текст под № 253-е) правильно читать Тани-бани или Тани, Мани или еще Таня, Ваня? и т. п.

Этимологизация в подобных случаях далеко не всегда возможна. Быть может, в данных случаях перед нами слова заумные, парные, срифмованные с именем, а может быть здесь два рифмующихся обращения по имени, которые не осознаются исполнителями как имена. Возможно, что вопрос этот и не возник бы, не имей я среди многочисленных детских записей считалок различных написаний¹²²: в большей части случаев пишут: Сени-вени, Тани-бани и т. п.; другие (правда, не многие) в тех же самых текстах или их вариантах начало записали: Тани, Мани... Сени, Вени...

Возможно, не лишено оснований предположение, что, наоборот, имена родились путем осмысления из ани-бани и т. п.¹²³

Парно-составные речения употребляются главным образом в поэтической речи; в обыкновенном разговоре они до крайности малоупотребительны. Известны лишь немногие случаи, когда одно из парных слов отстает от другого и имеет независимое существование. Например, о выбитом из круга городке ребята иногда кричат: „шишел“... (из парно-составного речения: шишел-вышел). Или: на опрометчивое заявление бросившего городочную палку — „вышел!“ — говорят насмешливо: „шйшел“, совмещая — осознанно или неосознанно — в этом слове и повторение слова „вышел“ и название фигуры „шиш“.

Иначе создана небольшая группа заумных слов, встречаемых в считалках: Тана-тана да сметана (№ 298), Аты-баты, шли солдаты (№ 260), Эти-бети Лизавети (№ 336-а), Ани-бани барабани (№ 254) и т. п.

В этих произведениях заумные слова образуются в поисках рифмы через отсечение конца обычного слова (сме — тана, солд — аты, Лизав — ети), который используется в качестве самостоятельного комплекса звуков и образует пару слов путем буквального самоповторения (тана-тана) или встает в пару со словом, полученным через незначительное самоизменение, — в данных случаях — присоединение губного б (аты-баты, эти-бети): „всегда с б начинаются... сочетания, если первая часть начинается с гласного“¹²⁴.

Небольшую группу зауми дают неузнанные слова родного языка.

Если принять во внимание, что звуковая сторона слов детям дороже, что логический или буквальный смысл в их поэтической речи подчинен звуковой стороне,—делаются понятными случаи безболезненной утраты первоначального смысла отдельных слов. Дальнейшие изменения могут повести, как показывают некоторые наблюдения, к образованию зауми. Испытывая затруднения (при записи считалок от детей во время исполнения прелюдий или при расспросах) в написании непонятных слов и малопонятных сочетаний их, я стал предлагать грамотным ребятам самим записывать для меня тексты, полагая, что на их записях можно надежнее уяснить, как и насколько понимают они и в какой мере осмысливают произносимые ими слова. Такие записи дали мне некоторый материал для суждения на эту тему. Как легко совершенно устраняется из слова смысл и образуется лишенный логического смысла словообразный комплекс звуков, показывают многочисленные примеры.

Вот несколько случаев искажения первоначального смысла и постепенного его угасания в стихотворном произведении.

Заключительный стих сохранного текста считалки читается:

На, собака, ешь!.. (№ 292 и вар.).

Достаточно исполнителям изменить повелительное наклонение глагола на изъявительное, и стих принимает новый вид и несколько иной смысл:

нас собака ест.

Тот же стих через изменение междометия в созвучное местоимение принимает новый облик и новый оттенок мысли:

нас, собака, ешь.

В стихе: „государь, повелевай“ глагол принял иную форму (и неожиданно новый смысл): повилляй (Резанова, с. 179).

Из стиха:

Просит мази на пятак (№ 431 и вар.)

в нескольких случаях получилась фраза того же ритма и той же меры, но с новым смысловым оттенком:

просит мазаный пятак.

Стих:

Почто в гости не пришла?

в измененном виде дает менее внятную фразу с заумным словом:

пáсти гости не пришла? (№ 274 вар.).

Стиху:

Шла машина из Тамбова (№ 102)

невинное невежество в географии придало более красивую в звуковом отношении форму:

шла машина йстам бóма..

Если первые из приведенных стихов представляют собою только иллюстрации, подтверждающие указания на постепенный уход от начального смысла используемых слов и их сочетаний в стихотворных произведениях, то последний пример является выразительным случаем перерождения совершенно недвусмысленного слова в чистейшую заумь.

Таким же образом слово панафида (панихида) переродилось в заумь: пана — фидар (а в написании школьника: по нафидор; „я куколка“ — в „яколка“¹²⁵). В иных случаях слово губернатор выговаривается то как бигурнатор, то как грубинатор; при исполнении считалки каждое из них произносится как пара слов: бигур — натор, груби — натор.

Стих: „я бульёну подолью“ (№ 503) в среде, не знающей в обиходе названия такого кушанья, превратился в созвучную фразу:

я бурёну [корову] подою... (№ 502),

а еще далее — при стремлении участить рифму — в подлинную заумь:

абаль ёна с батальёна (№ 313-б).

В подобных примерах нет недостатка. В одних местах читают: лыко драл (№ 268), в других: лычко драл. Там, где это слово неизвестно, произносят: ичко (яичко) драл. В местах, где дети не слышат слова граница, в считалке (№№ 280 и 280-а) произносят: до карницы. Не везде дети знают о калине, поэтому в одной ангарской деревне (Пьянова) можно слышать: на калинный мост (№ 429), в другой (Кежма) — на коленях мост.

Стих: „кто вас мене?“ (№ 505) в некоторых детских записях передается таким образом:

кто воз мене.

Подобным же образом стих другого текста: „вы купите купоросу“ (№ 395-б) в детских записях принимает новый вид:

вы сорвите кўпа росу.

Детскому написанию, как показателю детского понимания слов и выражений, придавать большого значения было бы нельзя, если бы оно было представлено единичными записями и если бы оно не находилось в полном согласии с наблюдениями над произношением (при скандовке почти таким же отчетливым, как при пении) считалок.

На этих примерах можно наблюдать, как постепенно утрачивается смысл слов, как в иных случаях проявляется полное равнодушие к прямому смыслу выражений и как совершается переход слов и их сочетаний в заумь¹²⁶.

Впрочем, нельзя не заметить, что на ряду с этим процессом наблюдается — правда, в сравнительно редких случаях — противоположная тенденция: истолкование наличия зауми как слов какого-нибудь языка — бурятского, польского, итальянского, тарабарского и пр. и осмысление непонятных слов. Произведение в долгом бытовании, сохранив архаические черты, утрачивает их смысл; тогда устная поэзия стремится или слова заменить созвучными, не тревожась о смысле произведения или его части¹²⁷, или насытить созвучное слово новым содержанием. Нередкость показателен в этом отношении текст, вызвавший немало суждений содержащимся в нем словом *тиун* (№ 403)¹²⁸. Лишенное смысла для современных детей, это слово очень часто подменяется каким-нибудь знакомым словом, напр.: *типун* (наиболее близкое к первоначальному в звуковом отношении), *дрыгун*, *драгун*, *чугун*, *зипун*, *петух*, *кузнец*, *стригунец*, *табун*, *пекун*. Иногда элемент, неясный в одном тексте, в одной записи, ясен в другом тексте, другой записи. Сопоставление их обнаруживает стремление облечь словообразное сочетание смыслом; так, „*колин-молин*“ осмысливается как „*кони новы*“, „*чем подколин*“ — „*чем доволен*“, „*подполитым*“ — „*потом политы*“ (№ 272 и вар.) и т. п. Подлинно заумное слово *икафоры*, *лукафоры*, *мукафóры* через *укафоры* в последней стадии преобразования дало понятное слово: *уговоры* (№ 258). Трудно, впрочем, категорически утверждать, как и во многих других подобных случаях, что слово *уговоры* получилось именно таким образом. Едва ли не в одинаковой мере возможно допустить, что это слово через намеренное озаумление перешло в *укафоры* и *мукафоры*. Равным образом в сочетании: *куколка-маколка* (№ 274) парное слово, возможно, осмыслилось, как *маленькая* (№ 403-д); но может быть и наоборот: парное слово родилось через изменение прилагательного. Несомненно, перед нами борьба двух противоположных тенденций: безболезненная утрата смысла слов и переход обычных слов в разряд заумных — с одной стороны, с другой — попытки осмыслить непонятные слова и заумь перевести в одну

из канонизованных грамматических категорий слов. Результаты борьбы не всегда ясны: не всегда можно с определенностью сказать, что перед нами — слова с едва намечающимся или, наоборот, угасающим смыслом. Вот, например, ряд прилагательных с неясным, непрозрачным смыслом: корпатый, крыластый, мотовильные дрова, мытарские шлеи, политый, пернастый, уважный. Мысль, дремлющая в этих словах, не всегда может быть разгадана, хотя корень слов, как кажется, ясен.

Наблюдения дают право относительно многих случаев сказать, что заумь — это „почти слова“: в одних случаях это — бывшие слова (абаль, пасты панафидор и пр.), уже утратившие смысловое содержание, но при изменении звуковой оболочки сохраняющие содержание эмоциональное; в других случаях это слова в потенции (мукафор — уговор): в них дано эмоциональное содержание, дана звуковая оболочка, нет еще образа.

Степень насыщенности слова смыслом всегда изменчива и бесконечно условна. „Смысл, — по слову философа, — можно сознать с бесконечного числа сторон и в бесконечно разнообразной интенсивности“¹²⁹. Отсюда понятно, что и степень заумности речей и слов тоже изменчива и тоже бесконечно условна. В одних словах мы имеем только звук, только словесный знак, или, в выражениях философа¹³⁰, „первый слой в слове, первый и наиболее внешний; он — только носитель и осуществитель смысловой стихии слова“, но носитель и осуществитель в возможности, в потенции — до его оплодотворения — обычно при встрече с другими словами — логическим или эмоциональным смыслом. Другие слова состоят из двух элементов — словесного знака и значения, причем первый элемент — самый заметный, внешне доминирующий, второй — затененный им, не воспринимаемый как „отчетливо знаемое и отчетливо чувствуемое“ и не сознаваемый как „четкий смысловой образ осмысленно-выражаемого предмета“. Воспринимаемый предмет часто неясен, не отчетлив; понимание не может быть отчетливее воспринимаемого предмета, и выражение его в слове, даже будучи адекватным пониманию, не может быть отчетливым, — будет в той или иной мере заумным. По мере нарастания ясности предмета, отчетливости понимания, растет выразительность его обозначения; слово обогащается третьим элементом — художественным образом, и постепенно и незаметно переходит из разряда заумных в категорию обычных слов. Возможен и обратный процесс. Строгой, легко уловимой и без труда определяемой грани, разделяющей слова разных степеней заумности от слов „умных“, нет¹³¹.

Какого бы происхождения ни была заумь в считалках, самое ее наличие облегчает приток и проникновение в считалочные тексты слов чужого языка, воспринимаемых в детской среде как заумные.

Непонимание смысла этих слов не только не отпугивает детей, но привлекает, как можно видеть из наблюдений над отношением детей к слову и к творчеству в слове, и как о том свидетельствуют признания авторов воспоминаний. „Всякий, кто вспомнит о своем раннем детстве, — говорится в одной книге Тагора, — согласится со мною в том, что наиболее ценные духовные приобретения нисколько не были тогда соразмерны полноте понимания.. В [слышанных в детстве] рассказах постоянно встречается множество звучных санскритских слов и туманных выражений, которые действуют как намеки и отнюдь не рассчитаны на полное понимание со стороны простых слушателей“¹³². Дети и не стремятся к пониманию. „Я не понимал, — вспоминает мудрец-поэт, — да и не нуждался в понимании санскрита: с меня довольно было восторженной декламации и звучного размера“¹³³. Так же знал в детстве „просто по слуху, как собрание звуков“ польские и славяно-малорусские молитвенные тексты В. Г. Короленко¹³⁴. Если нет надобности в понимании, то нет преград к замене слов и искажениям¹³⁵.

В произведениях, относящихся к жанру, где смысл не является предметом внимания, более всего места для слов, буквальный смысл которых темен или совершенно не ясен, — для слов заимствованных.

Кажется, нет препятствий к допущению предположения, что пара слов первого стиха считалки:

татар - батор,
губернатор

46

перешла к русским из татарского или ему родственного языка; если это так, то первое слово обозначает название народа, второе в переводе значит богатырь. Впрочем, если на данный пример взглянуть как на парно-составное речение, то возможность влияния татарского языка на русскую считалку этим не устраняется; о таком влиянии было здесь упоминание (гл. IV). Смешение разноязычных элементов в детской поэзии пограничных областей, т. е. в местах соприкосновения двух или нескольких языковых групп, наблюдается всюду¹³⁶. О. И. Капица сообщает из своих детских воспоминаний, что полстолетия назад русские дети в Тифлисе включили в свой репертуар грузинскую считалку, не интересуясь ее смыслом¹³⁷.

Группа детей из польских семей в пригородном поселке (под Иркутском) пользуется считалкой:

Энкличики, пенкличики (№ 224).

Тот же текст можно услышать и от русских детей этого поселка, не говорящих по-польски.

Довольно распространена считалка:

Анс, цвей, драй.

Лида, Лида, лай.

Окен, бокен... [и т. д.]

(См. № 157, также Капица, с. 127).

Невозможно сомневаться, что это—позаимствование или переделка одного из стихотворений, которые в Ковенской губернии еврейскими детьми „распеваются преимущественно при различных играх“:

Nit eins, nit zwei, nit drai,

oder — lider — lai!

Oken loken... [и т. д.]

(С. М. Гинзбург и П. С. Марек (ред.)—Еврейские народные песни в России. Изд. ред. „Восход“. Спб. 1901, с. 77, № 87).

В считалки детей украинцев Приморья проникли, видимо, элементы корейского языка¹³⁸.

При длительном взаимном общении иноплеменных детских сообществ происходит непрерывный обмен языковым богатством, играми и пр.¹³⁹.

Однако не только постоянное соседство и общение иноязычных детских групп, но кратковременное и случайное соприкосновение их не остается бесплодным в отношении обмена формами, темами, текстами, словами и, в частности, в смысле обогащения детского заумного языка новыми включениями.

В Поморье, где о постоянном влиянии еврейского жаргона не может идти речь, Г. Цейтлин записал текст считалки с заумными—в восприятии русских исполнителей—словами, которые оказываются словами еврейского жаргона¹⁴⁰.

Весьма прочны влияния школярного словесного творчества. О проникновении в детскую среду французских считалочных текстов через институты, где процветали новые европейские языки, уже было сказано по другому поводу (IV, 23). Было упоминание и о латинских считалках (стр. 22). Если для старых бурсаков они не были или только отчасти были заумными, то в детских кругах, не имевших дела с латынью, но общавшихся с бурсаками, должна была привиться своеобразная детская „вульгарная“ латынь в качестве зауми.

Можно думать, такую латынью являются, например, распространенные во множестве вариантов заумные тексты:

Энэ, дунэ, рэс,
квантер, квинтер, жес (ср. № 191 и вар.)

или:

Эндэ, пэндэ дукдэ мә
абер, фабер, доминэ (ср. № 177, вар.).

* В первом тексте сравнительно легко распознать *numeralia cardinalia*:

unus, duo, tres,
quattuor, quinque, sex.

Труднее разглядеть за словами второго текста латинскую речь:

angite, pangite, cingite me,
habilis, fabilis, domine.

Ближе к латинским соответствующие слова в польских и чешских текстах считалок¹⁴¹; в русских они настолько исказились и видоизменились, что латинский источник их с трудом распознается и, может быть, в отдельных случаях не без некоторых оснований заподозривается.

В небольшом рукописном сборнике считалок, доставленном в мое распоряжение¹⁴², высказаны соображения—какой убедительности, судить гебраистам—о возможности иного истолкования этих (и некоторых других) текстов.

Энэ бэнэ рэс,
квэнтэр мэнтэр жэс,
энэ бэнэ рабо
квэнтэр мэнтэр жаба (№ 191-6)

Слова этой считалки автор рукописи склонен интерпретировать таким образом:

Энэ (из ано, ани)—я; бэн —сын; рэс (ойрайсо)—тора; квэнтэр (к вэн тойр)—сын своего времени; мэнтэр (минтар)—пощади; жэс (эс)—меня; рабо —бога; жаба (або)—отец.

Если такая интерпретация может считаться оправданной, то перевод текста (вольный перевод) будет таков:

Я—сын закона, сын своей эпохи; пощади меня, сына бога и сына своего времени, помилуй, отец.

Другой распространенный текст (№ 225-6) —

Энэ бэнэ
торба сорба
энце звука
тэус эус
косматэус—

может быть, можно истолковать, пользуясь таким пониманием слов: *торба* (*тойр бо*)—наступившее время, современность; *сорба*—спорю; *энцезвака* (*нойц з'око*)—пошлость, с пошлостью; *тэус* (*тоус*)—ошибка; *косматэус* (*кесэм*)—мираж, фантазия, пятно. Перевод текста возможен такой:

Я, сын современности, борюсь (спорю) с пошлостью, с миражем.

Не беря на себя смелости защищать безусловную правильность такой интерпретации текстов (тексты еще не настолько ясны и предложенные истолкования их не так бесспорны, чтобы исключать возможность иного их понимания), едва ли можно отказать ей в праве на внимание. Если она в основном правильна, то перед нами—еще один источник считалочных текстов и заумной лексики: испорченные молитвенные тексты на древне-еврейском языке (может быть, с примесью слов из арамейского) или пародийные подражания им. Порча текстов понятна: первые носители и исполнители их, еврейские дети, далеко не все знают язык их древних молитв, далеко не все понимают произносимые тексты; дети воспринимают их как заумь, дают им свое осмысление и новое использование и при этом неизбежно—то сознательно, то невольно—искажают их¹⁴³. Перенимая эти тексты от еврейских детей, русские дети неминуемо должны еще более искажать слова чужого языка: случайное звуковое сходство делает возможными их новое осмысление и новую оболочку. Таким образом, нечего и думать, чтобы в считалках мы имели исправные тексты, которые без труда поддавались бы полному пониманию и бесспорному переводу; как показывают приводимые примеры, истолкование их возможно, но с весьма вероятным риском допустить произвольное чтение, малые или большие натяжки.

В основе всех колебаний, через которые с необходимостью проходит вопрос о происхождении многих интересующих нас словесных произведений, лежит отсутствие частных исследований; оно препятствует выходу вопроса из узких рамок робких попыток комментирования отдельных текстов и толкования отдельных слов. Окончательное суждение на эту тему должно быть высказано по сравнительном изучении детского фольклора, питающих его источников, путей проникновения и распространения, истории текстов и пр.¹⁴⁴.

Если исключить перечисленные категории заумных слов, т. е. парные слова разного происхождения, утратившие смысл слова родного языка, неузнанные слова чужих языков, все остальное в считалках будет чистая заумь. Поскольку мы при современном состоянии изучений далеко не всегда знаем

происхождение, смысл и значение встречающихся в считалках слов, мы не можем или в очень редких случаях можем говорить, имеем ли дело с чистой заумью или с словами, лишь воспринимаемыми как заумь, и говорим о них, как о заумных, условно, предположительно ¹⁴⁵.

XVI.

Основную окраску произведениям рассматриваемого жанра сообщает элемент, проистекающий из детской эстетики числа,—числительные; почти равное значение имеет элемент, всегда обнаруживающий свое органическое рождение из считалки-гадалки,—заумь; все остальные словесные элементы, образующие тексты считалок, хотя количественно и превосходят, имеют значение лишь постольку, поскольку они выполняют те же функции, что заумь и счетные слова.

Слова в считалках имеют два главнейших значения: *свое*, присущее им, как составным частям именно считалки, и *общее*. Первое—счетно-метрическое, второе—логическое. Даже в текстах-заменках, т. е. там, где дети не называют чисел, имеется число в фактическом наличии, и это *свое* значение слов-считалок является основным: всякая метрическая единица, подчеркиваемая в скандовке, есть в то же время счетная единица ¹⁴⁶; логическое значение—только попутное, значение второго порядка ¹⁴⁷. Этому вполне отвечает характер произнесения считалки (см. гл. IX): она скандуется, ее исполнение не знает смысловой выразительности. Лишь в немногих частях меняется—не всегда заметно—интонация: спокойно-повествовательная—в „ходе“ стихотворений большого объема или предупредительная—в стихах, предваряющих „выход“ (см. гл. XX).

Слабая эмоциональная окраска числительных и едва ли не полная их безобразность распространяется на окружающие слова иных категорий: становясь счетно-метрическими единицами, они обедняются в отношении их смыслового и эмоционального содержания.

Это явление не укрылось от детей: оно вызвало не осознанный протест против обесцвечивания слов; такой протест можно видеть в тенденции унежнения числительных, которая распространяется и на другие категории слов. Впрочем, протест лишь отчасти помогает делу: при всех условиях главным в считалке остается счетно-метрическое, а не иное значение слов.

Надо на время забыть назначение считалки и рассматривать ее в другом плане (в плане обычно, т. е. „выразительно“, читаемого словесного произведения), чтобы слову считалки вернулись полностью все значения, все смыслы и все их оттенки, о которых читаем у Лосева и Шпета¹⁴⁸.

Конечно, эмоциональный характер детской речи, в частности — детского поэтического языка, в той или иной мере должен сказаться и в считалке; он в действительности и выражен, но это выражение почти полностью устранено из поля внимания и прорывается как бы случайно — то в унежительном отношении к вещи и слову, то в легком юморе, то в интонации. Однако все эти черты не только не подчеркнуты в способе и манере исполнения, но сглажены, затушеваны: способ произнесения характеризуется сдержанностью, бесстрастием, и, какая бы тема ни была положена в основу произведения, текст произносится всегда одинаково; поэтому содержание (в обычном смысле этого слова) словно поглощается рядами непрерывно бегущих мерных звукосочетаний, и то цельное впечатление, которое создает в себе слушатель к концу процесса чтения, получается заметно ослабленным по сравнению с тем, какое неизменно выносится при исполнении, напр., издевки: внимание разбивается, стремясь уследить за двумя смыслами — счетно-метрическим и логическим. Поэтому мимо считалок можно легко пройти, не заметив их особенностей. Даже и при „выразительном“ чтении записанных текстов во многих случаях трудно судить с уверенностью о правильности нашего понимания их. Функция отдельных слов и выражений не всегда ясна, поэтому или очень трудно или совершенно невозможно говорить в привычной форме и принятой терминологии о характере детского поэтического искусства. Произведения рассматриваемого жанра детского фольклора наполнены содержанием трудно улавливаемым, поэтому многие нормы и положения общей поэтики к детскому фольклору не могут быть приложены. Детская *ars poetica* имеет особые эстетические — осознанные и неосознанные — предпосылки, знает свои нормы и положения, все еще мало изученные. Не зная теоретических работ, устанавливающих характерные свойства и особенности детского поэтического творчества, и пользуясь установившейся терминологией общей поэтики, все же можно сделать некоторые не лишенные интереса наблюдения над детской устной поэзией.

*

Детский фольклор знает употребление слов не в прямом, а в переносном значении. Даже в пределах одного жанра встречаются тропы всех главных видов — правда, одни очень

редко, другие—изобильно. Из метафор нередко встречаются стилистические олицетворения:

Ухваты взбунтовались,
кочерга пошла плясать (№ 313).

Гудок отважный:
он и свистит и поет,
всех на фабрику зовет (№ 369).

Такие олицетворения можно видеть и в некоторых других примерах (№ 466).

Сравнения в произведениях описываемого жанра наблюдаются весьма редко; они обычно из числа тех, которые передаются при помощи слова как:

Я поеду как дурак (№ 374)
На печи калачи
как огонь горячи (№ 411).

Встречаются и метонимические обозначения, напр.:

Собачий хвост
побежал на покос (№ 293-а).

... хвостик
улетел на погостик (№ 293).

Шубенка в лес побежала (№ 359).

Если говорить в отдельности от метонимии о синекдохе, этот троп можно найти не столько в текстах считалок, сколько в произведениях другого вида игровых прелюдий—в жеребьевках:

Матка, матка,
кого надо:
кони кормить,
или печь топить?

т. е. мужчину или женщину (№ 23; см. также №№ 24, 28).

Другой не менее выразительный пример:

Грудь в крестах
али голова в кустах?

т. е. победителя или побежденного (№ 38).

Особенно богаты игровые прелюдии эпитетами. Эпитеты в считалках, как и следует предполагать, не будут отражать признаков внутреннего порядка; они характеризуют предметы главным образом с внешней стороны—со стороны внешних качеств; при этом они, как и естественно ожидать в произведениях устного творчества, имеющего давние традиции, сравнительно редко выражают непосредственную на-

блюдательность ребят: обычно в них мы имеем дело с наследуемыми накоплениями отлитых в законченную форму определений. Одни из них указывают на желаемый идеал (конь *вороной*, барабан *золотой* и т. п.), другие—случайные и безразличные: часто они создаются в поисках рифмы, а не в стремлении определить и выразить существенные признаки вещей и явлений, и сохраняются не их значением, а силой устной традиции (*утка-лудка*, *девочки-татарочки*, *соколянка-дворянка*, *панчик-расканальчик* и т. п.).

Наблюдаемые в считалочных текстах эпитеты—не одного порядка. Заметную группу составляют определения, перешедшие в детский фольклор из народного художественного языка. Привычные эпитеты, знакомые нам по народным песням, заговорам, сказкам, не затерялись в считалках. но здесь они, оставаясь теми же формально, приобрели новые, трудно словом определимые, но несомненно имеющиеся, оттенки. Как кажется, эти оттенки свидетельствуют или о наделении слов несколько измененным значением или обеднением их смысла. Достаточно сравнить значение эпитета в выражении „*лихая птица*“ в заговоре ¹⁴⁹ и в детской считалке (№ 130), чтобы иметь суждение о потускнении семантических оттенков в языке считалок. К той же мысли приводит сопоставление эпитета, встречаемого в выражении „*серебряный прут*“ в заговоре ¹⁵⁰ и в считалочном тексте (Шейн, с. 41, № 242):

Во четыре прута била
во серебряные...

Интересно также сравнить использование в заговоре и в считалке (№ 390) эпитета *заря-заряница*.

Из общенародных эпитетов, встречающихся в считалках, можно назвать: *заяц белый*, *лес-дубрава*, который здесь принял форму прилагательного: *лес дубрав*; *выстрочены-поисстрочены*; эпитет, определяющий излюбленный в русской народной поэзии цвет волос *русый*, также унаследован: *русу косу приплетала* ¹⁵¹, со *святым* бодогом, бодожок *калиновый*; *золотые* рога народной поэзии известны в считалках как *золотые* рожки ¹⁵²; к последнему эпитету вообще наблюдается у детей пристрастие: *златце* путце (золотое путо), *золоты* копыльчики и пр.

Большую группу составляют эпитеты-прозвища, являющиеся чаще всего приложением: *Аринушка-зорька*, *Ваня-гоголь*, *Ванька-комар*, *Ванька-хомяк*, *Николка-дуботес*, *Верочка-стоймовка*, *комар-полетушка*, *мушка-стряпушка*, *помошка-тетерька* (Неклепаев, 89), *петух-топтун* (ib), *соловей-свистун* (ib), *паровоз-свистун*, *зайчик-опаленый хвостик*, ку-

рицы-кладуши, мышки-серые кубышки, татарин-басурман, глухарь-болтарь, бачка (бьячка—от слова *бьякать*)—овечка; эпитет свиньи—тоже звукоподражательный: *чуха-рюха* и мн. др.¹⁵³. Художественный смысл таких определений в том, чтобы в предельно сжатой форме—в одном-двух, много—трех словах—обозначить ту сторону определяемого явления, которая воспринимается как неожиданная или как существеннейшая.

Нежданная яркость красок сообщается определяемым предметам через эпитеты (они известны в небольшом числе), созданные условиями игры. Запачканный сажёй палец (перед игрой в жмурки) достаётся одному из принявших участие в игре; на него переносится и самое название: *черный палец* (№ 272); *палочка-стукалочка* (№ 416), *палочка-воровочка*, при утере смысла: *палочка-воробка* (А. Попова, с. 111, № 7), *считки-вороны* (№ 295), *считки-сбитки* (Бессонов, с. 73).

В редких случаях эпитет-существительное не является приложением; встречается, напр.: *кочеток без порток* (бесштан-ный кочеток), *казак с кинжалом*.

Родственной группой являются эпитеты-парные слова. Эта группа отличается от предыдущей характерной особенностью, заключающейся в том, что хотя слова-определения здесь часто и понятны, но не выходят за грани зауми: настолько трудно передать обычными словами их смысл и значение. Например: *тончик-звончик* колокольчик (видимо, можно „перевести“ как тонкозвонящий), *солома-валома* (наваленая), *татарка-дранка* (драная?), *стаканчик-урианчик*, *солома-полома* (от сл. *поломать*), *Яшка-пияшка* (от сл. *пить?*), *сказки-помазки*, *пряжки-звяжки* (от *звякать*, *звенеть?*).

Составные эпитеты образуют небольшую группу: *Катерина-кочка-голубина ножка*, *сёкол-ёкол-долгий нос*, *черный-мачерный* кобель и несколько др.

Малую же группу составляют эпитеты сложные: *Матвей долгоносый*, *клюки долгоноги*, *баран крутолобый*, *чернобархатны сапожки*.

Повторение, как одно из средств детского художественного языка, встречается нередко (см. №№ 67, 68, 184, 363, 423, 432, 445 и мн. др.).

Копыто, копыто
золотом покрыто (№ 356).

Катилось дерево, дерево
с высокого терема, терема (Покровский, с. 57).

Туз, туз по болоту
лазил, чижилов ловил,
туз, туз чижа, чижа не поймал... (Чернышев, с. 1, № 6).

В краткой главе нет возможности полнее изложить наблюдения над детской поэтической лексикой и сколько-нибудь полно исчерпать примеры, иллюстрирующие эти наблюдения. Немногие дополнительные замечания и материалы, имеющие некоторую связь с темой этой главы, будут попутно даны позднее.

XVII.

Из сказанного о том, что понятием считалка обнимается несколько несходных по своему словарному составу и построению групп произведений детского фольклора, вытекает следствие: об единой синтаксической структуре всех считалочных текстов говорить невозможно.

Синтаксис считалок, идущих из книжного источника, обычно подчиняется нормам традиционно-литературной художественной речи (об этих текстах нет необходимости здесь говорить). Язык считалок заумных лежит „по ту сторону“ логического синтаксиса (и тоже не подлежит рассмотрению).

Синтаксические особенности считалочной речи находятся в зависимости от назначения описываемого вида игровых прелюдий. Здесь нужно сочетать несколько задач, из которых на первом плане—удобопроизносимость, краткость и сжатость речи,—качества, позволяющие исполнителям проявиться в артистически-творческой сфере. Смысловое значение здесь не главное. Характерная особенность произведений этого жанра—равнодушие к смыслу, сказывающееся в богатстве заумных слов—переносится и на синтаксическое их строение. Синтаксис считалок приобретает заумный характер не от присутствия в текстах зауми, которая, подобно числительным и междометиям, в синтаксическую связь не входит; он получает это свойство от нелогического построения предложений и от не подчиняющегося нашей логике соединения их в более сложные образования.

От многих текстов—слушаешь ли их в исполнении или читаешь в записи—получается впечатление, что дети зараз много видят, зараз много замечают слухом и еще неведомо чем, но их речь, слова о виденном и слышанном поневоле отстают от стремительного и беспорядочного следования явлений одного за другим,—и связь между быстро сменяющимися явлениями, даже и не укрывшаяся от наблюдателей, остается не отмеченной словом. Этому вполне соответствует недостаточность или полное отсутствие связи между отдельными частями стихотворной речи, беспорядочное и, на наше восприятие, случайное сцепление их. Дети не скованы необходимостью

держаться за синтаксические категории, потому что детский смысл произведения не в том, чтобы установить определенные отношения между понятиями (это может быть, этого может и не быть), а создать комплексы и связи иного порядка. В сознании или ощущении творца или исполнителя-художника считалка, не знающая логики,—не „набор“ бессвязных слов и выражений и не просто „поэтическая вольность“: переживания исполнителей создают комплексы и связи, совершенно чуждые нашему будничному пониманию и нашей „чистой“ логике. Какой смысл, если и внимательно следить за ним, можно уловить в тексте:

Чушка от чушки—
через день Петрушку,
Ванька-хомяк,
Радивон, поди вон?

В этом тексте „повидимому, нет смысла, но если мы припомним игру „в чушки“, то смысл песни [считалки] будет следующий: Ванька-хомяк таскает через день Петрушку от чушки до чушки, т. е. от города до города“ (Кудрявцев, с. 208, № 12)¹⁵⁴. В общей „словесной массе“ произведения каждое слово на своем месте имеет свой вес и свой смысл, и сочетание их представляет не случайное сцепление звуков и слов, а смысловое единство, доступное детскому пониманию. Для нас же, „современников чужой эпохи“, утративших способность сопереживания и, значит, полного понимания, такие сочетания и единства представляют заумный, т. е. непонимаемый, синтаксис¹⁵⁵.

Лишь в редких случаях мы знаем историю текста, можем найти ему истолкование и понять его синтаксическое строение. Почти всегда мы имеем дело с текстами, происхождение которых неясно: очень часто смысл и строение их, трудны и, может быть, неразрешимы. Синтаксическое построение иной раз представляет собою простоумную мозаику внешне сцепленных выражений и фраз:

...за работы,
за немецки колпаки.
Что Егора,
что Микола... [и т. д.—см. № 328]
пятьсот судья
пономарь ладья... [и т. д.—см. № 154].

См. также №№ 217, 264-а и др.

Отдельные слова обычных категорий, соприкасаясь, не сливаются в смысловое единство и не дают предложения.

Возьми кухни
мала кухни
на пальчики
жик-жик (Чернышев, с. 2, № 8).

В подобных текстах не представляется никакой возможности расчленить сплошную массу слов на связные и ясные группы и единицы.

То же наблюдаем в отдельных случаях и над группами слов, образующими тексты; входящие сюда фразы кратки, отрывочны, не сцеплены между собою ни взаимной подчиненностью, ни союзами, ни частицами.

Первóй—бравóй,
другой—кудрявóй,
третий—вшивýй,
четвертый—паршивýй [и т. д.].

См. №№ 97, 267 и др.

Во многих случаях встречаемся с соединением самых разнородных элементов. Счет, заумь, обычный стих—далекие смысловые ряды. Соединение их, осуществляемое через рифму, вызывается общей тенденцией жанра и специальным заданием блюсти взятый ритм:

прела, горела
комар улетела [и т. д.].
шураги-мураги
по косту, по мосту... [и т. д.].

См. №№ 290, 290-а, 319 и мн. др.

При этом самые разнородные элементы—через ритм, рифму и пр.—связываются *con discorde concordia* в органическое единство.

*

Стихотворная речь и самый внутренний смысл считалки делают пснйтым нарушение „нормального“ порядка слов. Впрочем, большого разнообразия в словорасположении считалочный синтаксис не знает. В силу того, что в считалках основное значение слов—счетно-метрическое, редкое слово может быть безущербно для текста выброшено или переставлено. Отсюда—сравнительная устойчивость в расположении слов в стихах и фразах. Нарушение принятого порядка слов наблюдается обыкновенно в „выходе“ или стихе, ему предшествующем:

Погляжу, играют как... (№ 384).

См. также различные вариации концовки считалки „Ехал мужик по дороге“ (№ 105 и варианты к нему).

Во многих случаях подлежащее занимает место после сказуемого (Ехал Ваня из Казани и мн. др.); почти всегда такие сказуемые—короткие, малосложные слова. Сказуемые, выраженные словами многосложными, обычно наблюдаются в конце предложений (Все ухваты взбунтовались, кочерга пошла плясать...); вообще в текстах считалок передвижение сказуемого к концу стихов (стих в считалке почти всегда равен фразе)—явление очень заметное. Здесь, видимо, дело не только в том, что угадывается особый вес последнего места в словосочетании, но и в необходимости ответить общей тенденции к стремительности, быстроте, живости, выражающейся в максимальной сжатости высказываний.

Стремлением к лаконичности и сжатости выражений обуславливается синтаксическая особенность считалочной речи—короткость фраз.

Короткость фраз достигается несколькими путями, прежде всего—скупостью в использовании второстепенных членов предложений: если предложение и включает второстепенные члены, то при наличии дополнения обычно нет определений, как при наличии определений редко вводятся дополнения.

К тем же результатам приводит уменьшение глагольности сказуемых и—при малейшей возможности—полным устранением частей предложения (сказуемого):

Девки с пирогами,
мужики с галюнами (№ 354).

Двадцать пять рублей дуга,
мальчик девочке слуга (№ 374).

Шкурка не пропала,
а из шкурки сапожки,
из копытца гребешки (№ 265).

Поп под стол,
попадья на стол,
курица на улицу (№ 273).

См. также № 67, 253-6, и мн. др.

Тенденция к краткости и сжатости особенно полно выражена в предложениях со сказуемым—отглагольным междометием: по лебедке стук (№ 107), пузырь лоп (№ 268), кошка хруп (№№ 310, 319-6), хруп колечко (№ 314, вар.), хруп зуб (№ 319-е) и др.

Некоторые синтаксические особенности обусловлены основным устремлением считалки служить гаданием, где содержание не имеет значения, как не имеют значения названия

действующих лиц; видимо, отсюда проистекает наличие безличных предложений:

На этой неделе повесили качелю...

Раз, два, три, четыре —
меня грамоте учили...

Жил на горке,
хлеба ни корки...

Считалки с концовкой - отгадкой по смыслу своего построения должны содержать в том или ином виде ту же черту. В них мы находим предложения с неопределенным подлежащим:

В нашей маленькой компанье
кто-то сильно... [и т. д., см. № 89].

О второстепенных частях предложений, чтобы не вдаваться в подробности, можно ограничиться немногими замечаниями.

В определениях заметно преобладают те, которые стоят после слова определяемого (№№ 65, 361, 369, 273, 382, 300, 436, 459, 444 и мн. др.); определения, предшествующие определяемому слову, сравнительно редки (№№ 358, 429, 442 и некоторые др.).

Из приметных случаев управления падежей и управления глаголов в считалочном синтаксисе должны быть отмечены: на дудочку играть (№ 71 вар.), едет баба на баран (№ 437-б,¹⁵⁶ ср. №№ 142, 142-а), по божьей росы, по поповой полосы (№ 321), по чужой стороны (№ 345); раздавила свои дети (№ 475, вар.), вела дети коло клетки (№ 511), они кошки дерут (Соболев), мне не надо и часы (№ 471) и некоторые др.

Из особенностей употребления предлогов обращают своей многочисленностью на себя внимание случаи их повторения. Вообще стремление к повторениям весьма свойственно считалочной поэзии. Повторения дают чередование одинаковых звуков или их сочетаний; это в одних случаях заменяет рифму, в других служит задачам звукописания, в иных — сообщает стиху плавность. Разными причинами (устно-народная традиция, требования ритма и пр.) обусловлены повторения предлогов:

Из всех из дураков...
У нас у всех...

До косточки, до волосточки.
до седой бороды,
до иманьей головы...

По кусту, по насту
по калиновому мосту...

По шилу, по мылу,
по маслу погасла,
по свинцу, по олову...

За морями, за горами,
за железными столбами...

Под березку, под пенек,
под передний уголок...

Из поля в поле,
из моря в море (Покровский, с. 55).

См. также №№ 121, 301, 310-г, 321-с, 319, 419, 437-а, 372 и много др.

С повторениями встречаемся в соединениях фраз и особенно часто—при соединении членов предложений.

Бессоюзное сочетание членов предложений уже отмечено; не менее часты случаи соединения их при помощи союзов; причем разные союзы в одном предложении редки; обычно наблюдаем многократно повторяющиеся одни и те же союзы:

Раз и два и три...

И попа и дьяка и серебрянника...

Я и шла и шла и шла...

Пять и шесть и семь и восемь...

Еще конь да супонь
да десятый вон...

Несомненно предпочтительное пользование союзом *и*, которым присоединяются к одному другие члены предложения.

Из способов сочетания предложений надо заметить соединение их посредством *сочиняющих* союзов: оно сравнительно редко; там, где мы его наблюдаем, заметно предпочтительное пользование союзом *а*:

а попы были клопы,
а дьячки были сверчки...

Папа с газетой,
а мама с чулком,
а дочка не промах... (№ 418).

Кочерга пошла плясать,
а поганая мочала
стала полы вытирать (№ 503-д.).

Нередко встречаются и *бессоюзные* сочетания предложений.

Кому в рыло, кому в нос,
на носилках бог унес... (509).

Двадцать пять рублей дуга
мальчик девочке слуга.

Случаи подчинения предложений наблюдаются нередко, но они однообразны:

Кто понюхат,
тот дурак.

Кто слушал,
тот дурак.

А кто дураку простит,
того выстегаю.

Как избавить этот нос,
чтобы больше он не рос?

С кем хочешь,
с тем поделися.

См. №№ 308, 310-е, 381, 342, 396, 410 и др.

Подобно тому, как дети в поэтическом языке предпочитают воспроизведение звуков называнию их (см. гл. XII), в синтаксическом построении художественных произведений они почти не пользуются так наз. косвенной „чужой речью“, старательно и любовно передавая „чужую речь“ прямую.

Чужая речь в считалках явно подчиняет себе „авторский контекст“: реплицирующие замечания обыкновенно встречаются только в начале произведения:

Карла Маркыч с длинным носом
подошел ко мне с вопросом:
„как избавить этот нос,
чтобы больше он не рос“?

В иных случаях „авторские реплики“ совершенно устраняются, и тогда перед нами—считалка, построенная в диалогической форме:

Куколка-маколка,
что ты долго не была?
— Я боялась тиуна... [и т. д.].

См. №№ 268, 387, 388, 401 и др.

При другом соотношении двух этих элементов—чужой речи и авторского контекста—ткань считалки оказывалась бы вязкой, лишенной упругости и подвижности. Угадывая это, ребенок стремится к предельной простоте стиля и лаконичности выражений, убирает все лишние слова из текста, оставляя,

как импрессионист. только самое выразительное, только яркие пятна. Отсюда—уже отмеченная по другим поводам краткость предложений в считалочных текстах, их сжатость. Почти каждый стих заключает в себе фразу:

кочерга пошла плясать,
она скачет, рукой машет...

Не часто фраза выходит за пределы одного стиха, заполняя собою двустишие:

а поганая мочала
стала полы вытирать..
У Ивана-капитана
стоят кони на пригоне...

Лишь в небольшом числе случаев предложение разрастается и выходит за пределы двух стихов:

Летели вени-голубени
не по Волге реке,
по пустой стороне...

XVIII.

Сложение и исполнение считалки подчинено „первозакону поэзии“—ритму в большей мере, чем все другие виды детского фольклора. Ни в одном другом виде ритм не соблюдается так строго (можно сказать, ритуально-строго: здесь—гадание) и нарушение его нигде не имеет таких последствий, как в считалках: обнаружение нарушения ритма сводит „на нет“ исполнение произведения, делает необходимым повторное его произнесение¹⁵⁷. Не даром мы имеем столько высказываний на тему о ритме в считалке. Считалочные ритмы с трудом поддаются определению, и имеющиеся о них замечания или субъективны или чересчур общи, но самый факт внимательного отношения именно к ним весьма показателен.

Беллетрист воспринимает ритм считалки как заглушенный стук копыт бодро идущей лошади. „Далевский вдруг вспомнил, как он почти всю дорогу в такт лошади считал совсем так, как в детстве, в Одессе, когда собирался играть в прятки с товарищами:

Шла кукушка мимо сети... “ [и т. д.]¹⁵⁸.

Композитор А. Т. Гречанинов¹⁵⁹ написал музыку на „Палочку-выручалочку“ Брюсова, передающую ритм считалки.

Теоретики - педагоги из множества видов и разновидностей, словесных произведений выделяют считалку и подчеркнуто внимательно замечают, что именно „считалки приучают к ритму... и скандированию“ ¹⁶⁰.

В обостренном внимании ребят к ритму, сказывающемся в обращении к считалкам, Ф. Ф. Зелинский видит характерную черту одного из периодов детства.

Для девяти — одиннадцати - летних детей усвоение „бессмысленного, но ритмического набора слов составляет физическую потребность: это тот самый возраст, когда дети при своих играх так любят „считаться“, как они это называют“ ¹⁶¹.

Считалочная речь слаживается через приспособление стихов к ритмическим движениям руки. Движения руки не только отвечают непосредственной необходимости „указания“ (см. стр. 44), но, поднимаясь — при внимательном и любовном исполнении — на высоту пластического искусства, регулируют произношение, способствуют выковке мерной речи.

Может быть, это и имеет в виду С. П. Бобров, когда говорит: „Детские... считалки представляют собою обычный голый ритм, снабженный рядом легко ритмующих фонем, которые могут и не образовывать слов“ ¹⁶².

Таким образом, ритм считалок выявляется делением времени (стопы и паузы) и делением пространства (движения руки), и трудно сказать, ритм движения подчинен здесь ритму стиха или ритм стиха диктует свои законы ритму пластическому.

Изучение ритмики считалок затруднено характерными свойствами исполнения этого вида словесных произведений. Поэтика, избирающая объектом исследования *написание* стихотворений, зрительные образы строчек, по необходимости оставляет без рассмотрения некоторые стороны интересующих нас произведений, обнаруживаемые не в написании, а выявляемые в устном произнесении. Это направление в поэтике, — по слову поэта, — „хочет удовлетворить глаза, а не уши“ ¹⁶³, а считалка — произведение устного, т. е. воспринимаемого слухом, творчества.

И другое направление в поэтике, сближающее речь с пением, не может с желательной полнотой охватить все вопросы, возникающие при изучении считалки: считалка исполняется своеобразной скандовкой, которая едва ли может быть безоговорочно приравниваема к пению. Однако некоторые характерные свойства считалки, напр., стиховой и музыкальный ее ритм, можно надеяться, будут лучше раскрыты этими изучениями.

Видимо, при таком положении дела описание считалки неизбежно будет эклектичным: многие свойства считалок ясно вид-

ны в написании текстов, другие делаются доступными пониманию, когда мы принимаем во внимание ее устное исполнение.

Если ритмы и метры детских считалок выразить, сколько возможно, в установленных схемах мерной речи, то здесь найдем как двухстопные, так и трехстопные размеры.

Как и надо ожидать, принимая во внимание особенности и основные свойства жанра, очень многие тексты считалок начинаются с ударения, и самым употребительным размером здесь будет хорей.

См. №№ 65, 67, 68, 70 — 73, 78, 79, 81 — 83, 86, 88, 89, 91, 92, 95, 99, 101, 103, 104, 106, 148, 155 — 158, 160 — 163, 166, 167, 172 — 175 и мн. др.

Заумные считалки, за немногими исключениями, тоже построены в хорее: №№ 176 — 180 и др.

В некоторых хореических текстах размер не может считаться выдержанным от начала до конца (№№ 74, 127, 150 и др.); на ряду с этим заслуживает внимания наблюдение, что как бы ни были перебиты размеры стихов текста, к концу стихотворения одолевает хорей: №№ 127, 128, 132, 134, 136 и др.

Прелестны в своей простоте тексты малых объемов, бегущие в одном размере; тексты многостишные, построенные в строго выдержанном размере, идущие без заметных перебоев в отношении длины стихов, ударений, размеров, не всегда переходят черту, за пределами которой мы говорим о монотонности, но часто приближаются к этому пределу. Зато выразительно живы считалки с перебоями в ритмах и размерах, с неожиданными сменами их (№№ 194, 219 и мн. др.).

Не наблюдаем ли мы здесь явления того же порядка, что у взрослых в области другого искусства: чтобы „оживить“ произведение, художник „дифференцирует душевное выражение и дает (на портрете) одному глазу несколько иное выражение, чем другому, и в свою очередь иное — складкам рта и так повсюду“¹⁶⁴.

Нередко в стихотворениях хорей вступает в чередование с другими метрами — с дактилем (№№ 100, 164 и др.), анапестом (№№ 128, 146 и др.), давая различные вариации двухсложных и трехсложных размеров.

Ямбические стихотворения в считалках встречаются редко (№ 96); ямбические стихи наблюдаются обычно в соединении с другими — хореическими (№ 109), анапестическими (№ 168). Трехстопные размеры, замедляющие торопливость перебега от стиха к стиху, употребляются гораздо реже. Тексты, составленные анапестом, тоже довольно редки (№ 87, 142, 143) еще меньше стихотворений, в размерах которых можно было бы узнать амфибрахий (ср. начальные стихи №№ 111, 112, 115).

Во многих текстах последовательно или непоследовательно сменяются разные размеры (№№ 90, 93, 105, 107, 108, 113, 114, 116, 117, 131 — 134, 153 и мн. др.).

Есть считалки, в которых слог размера (иногда и рифмы) делается только в конце текста когда сразу за последним стихом неожиданно оказывается отсталый слог или слово, — какой-то „привесок“, не всегда обнаруживающий свое органическое рождение из строя и формы, которую замыкают, и производящий впечатление нестройного выкрика: хлоп, тюк, бакс, букс, рож, джа, жа, клэкс и т. п.

См. №№ 267, 268-а, 139, 126, 167, 168, 169, 109, 159 - а. и другие.

Может быть, они возникли из односложной концовки, обозначающей подлинное действие считающего (он ударчет „выходящего“) и являются синонимами этого слова.

Например, краткий диалог (см. № 268 - а), словно не находя продолжения, заминается заумной речью и, чтобы вдруг выйти из затруднения, оканчивается кратким «хлоп», обычно сопровождаемым легким ударом.

В других случаях (Нечаев, с. 216) эта концовка выражена словом «кок». Надо вспомнить, что кокнуть почти всегда в детском лексиконе значит ударить, коротко и четко ударить.

Обыкновенно эти концовки — односложны; иногда они удваиваются, напр.: тус - тус (№ 174); многосложные встречаются как редкие исключения, напр: яблоко (№ 177), утюг (№ 139).

Все эти концовки, внезапно разрывающие ритм и размер считалки, представляют собою какие-то вдруг появляющиеся „дополнительные грузы“, которые должны быстро, почти мгновенно всё привести к концу.

Многие тексты от начала до конца не подчиняются установленным схемам (№ 129 и др.), некоторые представляют собою народный стих (№ 154). Встречаются считалки (№ 85), составленные в произвольном стихе в стиле присказок *раешников*: они основаны исключительно на конечных созвучиях; при этом отдельные стихи могут быть с разным количеством слогов и произвольного метра.

О ритмах и метрах в считалках иногда, как сказано, очень трудно судить по записям текстов; при исполнении наблюдаются непередаваемые в записях подробности, меняющие наши суждения. Иной раз текст, записанный на бумаге, производит впечатление ямбического. Во время исполнения первый слог часто удлиняется, тем самым выносится вперед, — и стихотворение отходит к хоренческим¹⁶⁵. Особенно трудно укладываются

ся в твердые схемы стихи из счетных слов. Одни исполнители, показывая скандовкой хорей, произносят:

Раз два | три | че | тыре | пять...

То же делают и другие, втискивая в слова дополнительные звуки неполного образования, как бы для заполнения тактов и отвлекаясь от действительных границ слова:

Ра́зы | двáи | три
че́ты | ре | пя | ти | ше́сь
се́ми | во́семь
де́вять | де́сять.

У иных можно видеть — наряду с соблюдением двухстопной меры — тенденцию к молоссам:

Раз | два | три
че́ты | ре | пять
ше́сть | се́мь | во́семь
де́вять | де́сять.

Если второй и четвертый стихи — ямбический и хореический, то в первом и третьем можно видеть „три к ряду лежащих ударных, соответствующих трем односложным словам“.

Наблюдаемая в считалках разнородность метров стиха должна быть объяснена не только эстетическими вкусами творцов и исполнителей считалок, но в значительной мере и многообразием источников, из которых считалки пришли, и разнообразием влияний, какие проникали в произведения, составившие считалочный репертуар. Следя за этими источниками и этими влияниями, надо обозреть многие виды устного творчества и „книжной“ (иногда и чужеземной) литературы: отголоски их — то едва угадываемые, то без напряжения различаемые — улавливаются во многих текстах.

XIX.

По своей строфике большая часть считалок представляет собою цепи двустиший.

Самой употребительной строфической формой считалки являются четверостишия, шестистишия и восьмистишия. Четверостишия составляют приблизительно четвертую часть всех текстов, шестистишия — шестую часть, восьмистишия, как считалочки и пятистишия, входят в общее количество текстов десятой долей.

Двустишия встречаются как рифмованные (схема аа: №№ 73, 75, 77, 80, 84, 96, 205, 241, 243—245), так и — чаще — нерифмованные (схема аb: №№ 199, 209, 218, 227, 229 — 233, 235, 236, 238, 239, 242, 246).

Также и трехстишия: они встречаются и нерифмованные (схема abc: №№ 175, 210, 228, 248, 349 и др.), и рифмованные, построенные обычно на двух рифмах (схема abb: №№ 70, 71, 78, 82, 226, 237, 298; aab: №№ 102, 185, 284, 326; aba: №№ 79, 249) и лишь как исключение трехстишие строится на одной рифме—по схеме aaa: № 81. В четырехстишных считалках чаще всего встречаются парные рифмы (схема aabb: №№ 76, 85, 93, 94, 99, 131, 142, 149, 191, 201, 203, 252, 253, 263, 282, 297, 299, 305, 315, 318, 350, 355, 360, 367); довольно часто наблюдаются тексты, построенные на двух рифмах (схема aabc: №№ 69, 105, 112, 130, 139, 157, 176, 197, 212, 213, 221, 224, 240, 304, 339, 368 и др.; или по схеме прерванной рифмы: abcb—№ № 179, 180, 247, 251; или abac: № № 182, 183, 189, 250. или abab—перекрестная рифма: № № 196, 347); редко, но встречается применение схемы abbc: № 107. На ряду с ними можно наблюдать схему abcc: №№ 89, 95, 295, 329, 344. Встречаются четырехстишия, основанные на трех рифмах—по схемам: abbb (№№ 332, 354), aaba (№ 365); в отдельных случаях все четверостишие покоится на одной рифме, подчиняясь схеме aaaa (№ 330); не редко встречаются стихотворения, совершенно не имеющие рифмы (схема abcd: №№ 98, 168, 170, 188, 190, 198, 200, 206, 217, 219, 275).

Рифмованные пятистишные считалки имеют две рифмы, укладываясь в схему: aabbc (№№ 111, 137, 292, 312, 353, aabcc (№№ 261, 264, 288), abbcc (№ 287); изредка они подчиняются схемам: aaabb (№ 336), aabbb (№ 91)

В некоторых случаях в пятистишиях срифмованы только два стиха—в начале или в середине (aabcd: №№ 138, 147, 159; abccd: № 310). Довольно часты пятистишия без рифм (№ № 87, 117, 155, 156, 160—166, 195).

В шестистишиях чаще всего используются парные рифмы—по схемам aabbbc (№ № 68, 86, 90, 101, 118, 135, 136, 140, 265, 266, 271, 280, 296, 303, 333, 352); реже —aaaabb: 72, aabbbb: № 254. Иногда парная рифма встречается только в начале и в конце (схема aabddd: № 356), иногда только в середине и в конце (схема abbdcd: № № 74, 301); вообще последние стихи текстов далеко не всегда рифмованы. Нередки шестистишия с полным отсутствием рифмы (№ № 109, 158, 204, 276, 289, и другие).

Эти же явления наблюдаем в текстах с большим количеством стихов; наиболее часто встречающиеся схемы семистиший: aabbccd (№ № 128, 270), aabbdd (№ № 114, 291, 321) abcbdde (№ № 167, 220, 225).

Для восьмистиший чаще всего имеем: aabbccdd (№ № 300, 331, 335, 337, 366) и aabbccde (№ 262), aabbcdde (№ № 281, 369).

О правильном строфическом строении считалок говорить под час затруднительно: они то сокращаются до размеров считалочки, то искусственно удлиняются, образуя произведения, разросшиеся до двадцати и более стихов, давая примеры „дурной бесконечности“, когда сбивчивое повествование или бессходный диалог не может ни естественным образом кончиться ни логически завершиться.

В отношении слогового строения детской считалки наблюдаем, что почти все считалочные тексты дают сочетание мужской и женской рифмы: ермаки — колпаки, судья — ладья, друженцы — голубенцы, калачи — горячи, три — утри, четыре — прицепили, выбегает — стреляет, перцем — сердцем, Петровна — по бревна, ложка — поварешка.

Лишь в отдельных случаях встречаемся с рифмой дактилической: друженчики — голубенчики, другичики — колобичики, на холоде — на молоде, первитики — другитики, на колобе — на жолобе, друженчики — рубенчики, другичики — голубичики, другичики — катичики, эники — бэники, булабочка — под лавочку.

И как редкое исключение — рифма гипердактилическая: плисовая — исписаная, не молоченого — не колоченого и т. п.

Чередование мужской и женской рифмы в считалках не подчиняется определенным нормам. Обычно за одним или несколькими стихами с женской рифмой следует стиха два-три и более с мужской, затем снова с женской и т. д. (См. № № 66, 67, 89, 99, 101, 106, 129, 148, 155, 254, 270, 274, 281, 296, 300, 335, 337, 352, 360, 366).

Встречается и обратное положение, когда за двумя или несколькими мужскими рифмами идут женские, которые через стих или два снова сменяются мужскими (см. № № 68, 74, 79, 85, 87, 97, 98, 104, 133, 136, 144, 150, 152, 157, 265, 273, 280, 307, 331, 333, 343, 350, 353, 357).

Часто такое чередование рифм перерывается стихами совершенно нерифмованными (см. № № 92, 103, 104, 132, 134, 147, 154, 251, 258, 261, 264, 301, 309, 338, 342, 345, 356, 369 и некоторые другие).

В считалках этих групп рифмы, как переключки: то они близки, то удаляются, то слово вовсе не находит себе отклика.

Много встречается стихов, построенных на одной мужской или одной женской рифме (см. № № 72, 86, 94, 142, 143, 252, 259, 263, 266, 303, 305, 315, 318, 330; 93, 282, 308, 354, 359, 367, 368).

Словом, чередование это отличается разнообразием и пестротой, и описать все относящиеся сюда случаи не представляется возможным.

Характер рифмовки в разных группах считалок (см. гл. X) не одинаков. Женская и мужская рифма чередуются равномерно в заумных и заменках; это сообщает стихотворениям музыкальность и живость. Но не мало можно наблюдать случаев, когда в чередовании преобладает мужская рифма (считалки - числовки); благодаря обилию мужских рифм стихотворения приобретают прозаический оттенок.

Встречается и дактилическая рифма — главным образом в считалках-числовках и несколько реже в заменках; в заумных считалках она наблюдается как исключение. Гипердактилическая рифма изредка наблюдается в считалках - заменках.

Многие стихотворения построены исключительно на женской рифме (главным образом, в заумных и в заменках) или исключительно на мужской (преимущественно в числовках).

Рассматривая рифмы считалочных текстов со стороны грамматического строения их, наблюдаем, что рифмующиеся слова одинаковые по форме (пяточки — башмачки, бубенцы — сорванцы, подружки — в избушке, границы — рукавицы, костров — дров, глужи — не кажи, голубую — почтовую, драгу — погану и т. п.) количественно преобладают над рифмами слов, имеющих разную форму: калачи — горячи, на базар — рассказал, дети — летети, мать — отнимать; село — весело, лопату — гребату, сота — красота, десять — месяц, три — утри, пять — погулять, десять — повесить.

Но такое соотношение рифмующихся слов в каждой из групп считалок не одинаково. В считалках - числовках классы однородных и разнородных рифм в количественном отношении почти равны, тогда как в считалках - заменках наблюдается резкий перевес однородных над разнородными.

Однородные рифмы образованы преимущественно существительными: по количеству они занимают первое место; за ними следуют глагольные рифмы, потом прилагательные и т. д.

Это соотношение наблюдается и в отдельных группах считалок.

В составе же разнородных рифм первенство оставляют за собой рифмы, состоящие из сочетаний существительных с глаголами; это главным образом наблюдается в считалках - заменках. За ними идут сочетания числительных с существительными и числительных с глаголами (исключительно в считалках - числовках). Наблюдаются случаи рифмовки существительных с заумью и существительных с прилагательными (преимущественно в заменках). Рифмованное сочетание числительных с наречиями встречается лишь в числовках. Другие виды рифмованных сочетаний малочисленны.

Говорить о грамматическом строении заумных считалок почти невозможно. Если и встречаются те или иные грамматические формы (сея — пумазея, пики — граматики, нова — подкова, раба — жаба, лая — Василая, кыш — косматыш и т. п.), то они совершенно случайны, встречаются в небольшом количестве, а иногда и сомнительны.

К особенностям детской считалки относится сравнительно частое употребление полурифм и ассонансов: карету — поеду, с половиной — Катерина, татарки — по палке, долгоносый — на колесах, верья — выйду я, овес — небось, пиф-пах — на волах, толстушка — к подружке, двенадцать — бранятся, тринадцать, четырнадцать — перо с чернильницей, крестик — тресну.

Подлинным украшением считалочной поэзии является не столько рифма, сколько полурифма и ассонансы: рифма оставляет впечатление некоторой преднамеренности, а в отдельных случаях и притянутости; полурифма же и ассонансы наивнее, неожиданнее, капризнее и звучат то нежно, то задорно.

В некоторых детских считалках встречаются т. наз. точные рифмы: все звуки в них, начиная с последнего ударного гласного, при звучании совпадают: по дороге — на пороге, рубежи — побежи, лопату — горбату, судья — ладья, пенек — паренек, пятачки — башмачки; бубенцы — сорванцы и др.

Но чаще можно наблюдать неточные рифмы, где нет совпадения предударных согласных: обручек — рожок, бьют — кладут, луна — слуга, молоток — пятачек, медведь — клеть, квас — князь и т. д. Ими дети пользуются особенно широко и разнообразно.

Нередко среди точных рифм замечаются так называемые поглощающие рифмы, когда одно созвучие входит в состав другого: мать — отнимать, квас — вас, чай — невзначай, Радивон — вон, рак — дурак, ять — поднять и т. п.; здесь одно из рифмующих слов односложно; но часто встречаются и такие поглощающие рифмы, где „поглащаемое“ созвучие дается двусложным словом: село — весело, спели — поспели, рожок — пирожок, уговора — вора, круга — угла, литым — подпалитым, пропала — пала, баки — собаки и др.

На ряду с точными, звучными рифмами употребляются и такие, звучность которых достигается лишь повторением слов; эти словарные повторения встречаются нередко: дан — дан, пошел — ушел, соломенная — ломенная, шапо — шапошэн, пала — пропала, спели — поспели, достану — стану.

Равносложные рифмы встречаются в меньшем количестве, чем рифмы неравносложные, которые наблюдаются довольно часто: десять — повесить, пять — умирать, ложка — поварешка,

бабки — ребятки, четвертак — табак, пил — любил, творог — туязок, нами — столбами, улетели — сели.

Внутренняя рифма в считалках также используется обильно и широко:

Раз, два — голова,
три, четыре — платье шили,
пять, шесть — хлеб, соль есть [и т. д.]

или:

Азы, двады,
тризы, ризы,
пята, лада [и т. д.]

(См. № № 93, 99, 103, 106, 141, 149, 248, 254, 276, 277, 282, 285, 332, 338, 345, 347 и др.).

Особенно богата внутренней рифмой группа заумных считалок, большая часть которых украшена именно ею.

Нередки и дактилические внутренние сочетания: на солоде — на молоде, первичики — другичики, на коломи — на моломи, эники — бэники, пятенька — сысатенька, рабинчики — драбинчики, энака — катэнака, пошина — горошина, ставочка — булавочка, чикерикки — микерикки, чинчики — минчики, чичики — вичики и т. п.

На ряду с рифмами концевыми употребляются корневые рифмы: кулю — кулю — кушки, пан — пан — панаю, стар — старовице, куба — куба — кубака, плетенушку — плетет и другие, но они не отличаются разнообразием и встречаются в небольшом количестве.

Детской поэзии известны созвучные пары слов, которые настолько часто встречаются и настолько неразлучны, что им можно усвоить название постоянных рифм. В считалках имеем: царь-царица — красная девица, грязь — князь, медный — бедный, пять — опять, три — ты, Радивон — выйди вон, семь — совсем, десять — повесить, калачи — горячи и многие другие.

XX.

Лексика считалок не показывает даже скромного запаса названий звуков; обозначения звуковых впечатлений наблюдаются в очень редких случаях. Но если отсюда сделать заключение о нечувствительности детей к звукам, это было бы грубой ошибкой.

Все уголки пышного и пестрого мира привлекают неусталый глаз, свежий вкус и неутомленное внимание ребенка. И „особое царство бытия“ — звук — не осталось от него скрытым.

Чуткость к звукам у детей засвидетельствована много раз. В биографии Вяземского, в воспоминаниях Тагора и некоторых других мастеров слова содержатся интересные признания на этот счет.

Такие признания более многочисленны, чем представляется возможным указать здесь в качестве примера. По своим и чужим воспоминаниям, по бесчисленным наблюдениям сужу, что ребята повсеместно любят прислушиваться и подолгу слушают звуки, каков бы ни был их источник, пусть это будет хотя бы гул, издаваемый телеграфными столбами. „Когда я . . . при-слонил ухо к дереву, — вспоминает писатель ¹⁶⁶. — меня поразило разнообразие этих текучих звуков. Это был уже не один ровный и неглубокий металлический звон; казалось — целая звуковая река переливалась по дереву, сложная, невнятная, завлекающая. И положительно иной раз воображение ловило *что-то в роде отдаленного говора*“.

Дети сознательно и бессознательно очень наблюдательны: они видят или чувствуют богатство мира во многих и разнородных его проявлениях, но в их распоряжении мало понятных нам средств для выражения своего понимания мира. Наше понимание мира мы выражаем в словах нашего языка, в них же стремимся истолковать его многообразные явления. Ребенку это доступно в меньшей мере: он довольствуется непосредственно приходящим, являющимся без зова. Названия вещей, явлений и действий сами не приходят, им нужно учиться у других, и их дети знают сравнительно мало. Называние звуков, обозначение их в словах, видимо, редко посильно, часто весьма затруднительно; самые же звуки дети воспринимают из окружающего мира в готовом виде, воспринимают и, как умеют, воспроизводят их, словно стремясь в полученном и по возможности неизменном виде возвратить их миру. Обнаружение богатств звуковых впечатлений можно видеть у детей в распространности междометий как в обыденной речи, так и в поэтической (см. гл. XII, стр. 56).

Что касается поэтической речи, поскольку мы с нею имеем дело в считалках, то здесь внимание и любовь к звукам нашли выражение в часто наблюдаемых явлениях так называемой звукописи.

По разным поводам было уже сказано, что в считалках, в зависимости от их назначения и характера, образно-смысловые элементы отодвинуты на второй план и господствует звуковая сторона, но она не является преднамеренно подчеркнутой; здесь нет нарочитой обнаженности звуковых заданий.

Подсознательный выбор звуков дает в результате гармонию гласных, звуковые повторы, аллитерации. — то, что принято называть звуковой инструментовкой.

Гармония гласных, понимаемая как прием закономерного расположения ударных ¹⁶⁷ гласных в стихе, особенно строго соблюдается там, где устранены все преграды, мешающие выбору звуков, в полной мере отвечающих эстетическому вкусу, — именно в области заумных текстов. В некоторых текстах заумный начин (см. стр. 48) дает звуковую тему, развиваемую во всех (или некоторых) последующих стихах.

а: Каба — каба — кабака,
была яма глубока..
Аты — баты шли солдаты,
аты баты на базар..
Ани — бани, что под нами,
под железными столбами?

Во многих случаях наблюдаем неполную гармонию гласных: тот или иной звук может заменяться другим — в зависимости от характерных черт говора той или иной местности.

е, э: Эксэн — бэксэн..
барбаклэцкэм.
Эти — бэти — Лиззэвети..

Нередко, как в этом примере, гармонии стиха жертвуют правильной формой слова.

Известны и другие звуковые темы.

и: Трики — трики — трики — тон..
о: Ток — ток — молоток..
Тон — тон — тононы..
у: Шуты — буты
на рабуты..

В других случаях гармония гласных проходит через несколько стихов, но почти всегда с малыми переборами.

ы, о: Рыдивон выди вон ¹⁶⁸.

Иногда взятый в начале ударный гласный затеривается и только в конце стиха возвращается. Иногда повторяются в том или ином порядке не звуки, а слоги и вообще сочетания звуков, давая в отдельных случаях внутреннюю рифму.

Звуковые повторы и аллитерации рождаются пристрастием к тем или иным определенным звукам и их сочетаниям:

любимы слова звукоподражательного смысла, игра свистящими, шипящими, губными.

Наблюдая стремление сгруппировывать одинаковые или близкие между собою звуки и чередовать их, можно заметить, что в немногих случаях, но встречается инструментовка на один звук; например:

Пузо — вузо
Лаперузо...

Более часты случаи инструментовки на два согласных, при чем то оба звука имеют одинаковую силу, то один из них более заметен, звучит сильнее, другой тонет в нем. Интересны, как пример, богатые скоплениями шипящих стихи (они часто повторяются в считалках в разных вариациях):

Шшел, вышел,
вон пошел,
надел шапку
и ушел.

Известно, что когда человек волнуется, он говорит пришептывая. Дети-артисты произносят текст считалки „волнуясь и спеша“, и от спешки „захлебываются“, а от волнения „пришептывают“. Тогда инструментовка приведенных стихов на *ш* еще усиливается, но не заглушает переливающегося из стиха в стих плавного *л*.

В текстах, инструментированных на два согласных, интересны много раз встречающиеся чередования и сочетания отгалкивающегося губного и дающего общую окраску стихам ворчащего звука:

Обар бòбар
зàбор зи
сбар бобар
кур!.. 169

В случаях инструментовки стихов на три согласных, сила звуков более уравновешена:

Туз, туз
чйжа, чйжа...

Звуки и комплексы их, определяющие инструментовку, наблюдаются в разных положениях. В одних случаях одинаковые согласные оканчивают слова:

Татар — батор
губер — натор.

В других — одинаковые согласные предшествуют одинаковым то ударным, то неударным гласным:

Тюк — тюрюк...

Цынцы — брынцы — бубенцы,
раззвонились сорванцы.

Иногда целые комплексы звуков в несколько измененном или совершенно не измененном виде повторяются в обратном порядке:

Цэц — бец, цэр — берец
ты выходишь, сорванец.

Здесь звукописание намечено заумным начинном, давшим звуковую тему. Через окраску, идущую от свистящего *ц*, по местам проступают более слабые отзвуки от гласных *а*, потом *е*.

Инструментовка на *ц* встречается нередко (см. № № 314, 315, 316, 293). Излюбленным является сочетание *ст*: по густу — по маслу (Станиловский, с. 169), турстенъ — перстенъ (Арефьев, с. 4), свистень — перстенъ (Зеленин — Отчет, 141; Капица, 124); ласточка — бересточка, косток — мосток (см. № № 118, 319, 404 и мн. др.).

Во многих стихах встречаем неполные звуковые повторы и аллитерации: тот или иной звук может заменяться близким ему — артикуляционно или акустически (*л - р, х - к, к - г, п - ф*):

перевязи — ферези и т. п.

Повторяющиеся звуковые сочетания приводят иногда к начальным иногда к внутренним рифмам (см. гл. XIX).

От стиха к стиху звукописные средства могут меняться (№ 193 и др.).

В отдельных случаях ставятся и посылно разрешаются более сложные задачи:

1. Сочетания звукописания с тематикой.

Тишы, мышы:
кот на крышы
мышку за уши ведет...

Здесь, удачно передан звук предостережения — шш...
Еще пример:

... цапаца —
постригаецца овца,
завтра масленица...

В этом отрывке не менее удачно передается лязганье (цапанье) ножиц при стрижке овец.

Звукописание здесь, как в одном из предыдущих случаев, задано заумным начинном, подсказанным темой: свистящий *ц* со-

общает стихам доминирующую окраску, через которую проступает другая, идущая от гласного *а*.

2. Сочетание звукописи с патетикой (эмоциональностью)

на няню сказали
няня клянется: не я
наверно сестренка моя...

Чередование в стихе то обычного, то смягченного сонорного *н*, отвечая теме (слезный протест против несправедливого обвинения), передает то выражение настроения, которое в народной речи определено тем же приемом в выражении: „нюни распускать“ (ср. Толк. Сл. Даля, изд. 3, II, 1462).

Связь звукописи с тематикой не всегда уловима; не всегда она есть, вероятно, и в действительности; не всегда она способствует созданию или обрисовке образа.

Если текст состоит из слов, не дающих звукописи, инструментовка создается использованием осознанного приема, заключающегося во введении правильно повторяющихся чередований звукоподражательных слов: чики - брики, цынзы - брынзы и т. п.; в образуемых таким образом стихах звуки обычных слов положены на чиканье, чириканье, дзеньканье, посвист зауши.

3. Сочетание звукописи с передачей интонаций.

а) передача замедленности действия:

тяну — тяну — тянку...

б) предупредительная интонация, предвещающая о приближении „выхода“:

Ради — ради — Радивон...

Впрочем, связь различных оттенков интонации с звукописью не всегда отчетливо улавливается — может быть, в силу того, что интонации в считалках не отличаются разнообразием¹⁷⁰, как не отличается богатством выражения мелодика этих произведений.

Если не иметь ввиду некоторых отступлений, о мелодике считалок можно сделать замечание, что исполнитель ее исходит из определенного гармонического тона; в дальнейшем — при смене интонаций — голос касается некоторых других тонов, которые не поддаются ни определению, ни измерению и, наконец, в „выходе“ возвращается к основному гармоническому тону.

Уловить и выразить пафос художественного произведения, который, конечно, не заключен в сумме всех его элементов и в их конструктивной связи, не могло входить в задачу описания жанра. Задачу этого описания — определить черты, которые сообщают описываемой большой группе словесных произведений их своеобразный облик — в намеченных пределах (см. стр. 4) считаю законченной.

Мне кажется, я привел в известность все главнейшие материалы, относящиеся к теме. Насколько полно, судить затрудняюсь: понятие полноты нередко оказывается неопределенным и растяжимым, и самое качество полноты — имеющим степени.

Найденные материалы я — в меру умения — свел в некоторое единство и — в меру возможностей и разума — дал опыт описания их.

Некоторые попутные наблюдения и побочные заметки, которые, на мой взгляд, могут послужить к дальнейшему изучению детских игровых прелюдий, отнесены в отдел примечаний и дополнений.

Хотел бы надеяться, что мое сочинение способно дать некоторые точки опоры и отправные пункты для более обстоятельных изысканий по затронутым здесь темам.

Мне в высокой степени радостно сознавать, что я должен закончить эту часть своей работы тем же, чем мог начать ее: благодарным словом добрым людям, друзьям и коллегам, оказавшим мне помощь советами, указаниями, поощрением, — П. К. Симони, С. Н. Дурылину, В. И. Чернышеву, Д. К. Зеленину, М. П. Алексееву.

П р и м е ч а н и я.

1. Нет необходимости говорить о том, что термины должны вытекать из материала; большая часть вводимых терминов и обозначений — именно такого происхождения; термины заимствуются из общего фольклора, но здесь они иногда имеют иной объем, иной смысловой оттенок. Не имея других, трудно судить, насколько удачны предлагаемые термины.

Моя смелость предложить их поощряется предшествующим опытом — видимо, удовлетворительным: классификация и терминология, предложенные мною для другого жанра детского словесного творчества („Детская сатирическая лирика“. Иркутск, 1925), вошли в употребление у русских фольклористов и писателей по вопросам детского художественного творчества. См. Б. и Ю. С о к о л о в ы — Поэзия деревни. М. 1926, с. 136; О. И. Капица — Детский фольклор. Л. 1928, с. 108 и сл.; К. И. Чуковский — Маленькие дети. Л. 1928, с. 46, и др.

2. Опыт краткой характеристики этих групп, как и определение детского фольклора, я дал в статье „Детский фольклор в школьном курсе словесности“. Родной язык в школе. 1927, II; см. стр. 57—66.

3. Записано О. М. Блюменфельд в Благовещенске в 1926 г. Другие тексты молчанок см. во второй части этой книги („Тексты“), № №1—11.

Игра в молчанки происходит таким образом. Дети садятся в кружок. Все должны сидеть серьезно, не смеяться, молчать, даже не улыбаться. Один произносит текст молчанки, заключающий условие: „кто промолвит, тот и съест“. Кто не выдержит, — „фыркнет“, засмеется или заговорит, — кричат: „съел, съел“...

Обыкновенно пользуются — как мальчики, так и девочки — первыми четырьмя стихами приведенного на стр. 6 текста (Тулун, Иркутск). Варианты их встречаются редко; один из распространенных — № 1.

Часто молчанка представляет собою отрывок из этого (стр. 6) большого текста, начинающийся стихом: „Сорок амбаров“, в разных вариациях; см. №№ 2, 3, 4.

Тематически, композиционно и по лексическому составу можно различать несколько групп: одну составят №№ 6 и 7, другую 8 и 8-а, особняком стоит № 5. Некоторые тексты по своему строю и лексике напоминают считалку-числовку; см. №№ 10, 11.

Иногда словесная прелюдия игры распадается на две части: первая часть — „угovor“ — не отлита в постоянную форму стихотворного произведения, вторая, являющаяся замыканием первой, представляет собою трехстишие.

Сперва загадывают, кто кем будет. Один — баран, другой — свинья, кто — кошка, кто — еще кто-нибудь... Потом говорят:

Тише, мыши;
кот на крыше
кошку за уши ведет...

Все молчат. Кто первый нарушит молчание, „тот, -- по словам ребят, -- тем [чем загадали] и будет“.

При повторении игры вместо слов: „Тише, мыши“, говорят:

Чок-чок,
язык на крючек!.

И опять молчат...

Записано от девочек в Иркутске (Рабочая Слободка) 31. V. 1926.

Тексты молчанок опубликованы в весьма небольшом количестве. Могут указать: Ю. Игнатович — Сборник игр для детей. Спб. 1878, с. 48, № 49; В. Ф. Кудрявцев (см. прим. 10), с. 201.

Игра-забава в голосанки, как сказано (стр. 6—7), похожа на только что описанную. Составив круг, ребята уговариваются „тянуть голосанку“, затем протяжным певучим речитативом повторяют тот же уговор, выраженный в стихотворной форме. Кто раньше других обнаружит слабости, того „рзуг“ за волосы; отсюда и другое название игры — „волосянка“. Текстов голосанок, или волосянок, напечатано тоже очень мало. Мне известны: В. И. Добровольский (см. прим. 10), с. 493, № № 77 и 78; Е. Добрынкина. Народные детские песни в Муромском уезде. Ежегодник Владимирского Губ. Статист. Комитета, т. III, 1880, с. 244, № 15; Тиханов (см. прим. 10), стр. 184.

4. Термин *сговоры* записан в с. Кудь Иркутской губернии. В других местах — несколько иная форма этого термина: *сговорки*. Термин надо признать весьма удачным: происходит именно сговор, кому кем быть. Первый из приведенных на стр. 7 текстов жеребьевок — повсеместно распространенный, второй записан в с. Тины Енисейской губ., третий, записанный в Иркутске, тоже является повсюду известным.

В тех случаях, когда желающий принять участие в игре не имеет пары, и у маток нет возможности выбрать одного из двух по жребью, поступают таким образом: претендующий на участие в игре, удалившись с глаз, берет в кулак камень или какой-нибудь другой предмет, подходит к маткам с вопросом: „камень или стекло?“ (один предмет, действительно имеющийся, называется правильно, другой — „для обману“) и поступает или в группу отгадавшего или, если первая матка обманется, идет ко второй матке. Вместо камня может быть помоченная слюной или, наоборот, сухая щепка; тогда спрашивают: „сухо или мокро?“ (№ 54).

5. Жеребьевки применяются при многих мальчишеских играх: в лапту, в городки и др. и даже при игре-импровизации в сыщиков и разбойников. Количество устойчивых текстов, сколько мне известно, невелико; зато они весьма широко распространены. Те из текстов (№ 12 — 65), при которых есть пометка о большой распространенности их, записаны в разных местах Сибири — в Забайкалье, Иркутской, Енисейской и Томской губерниях, в Акмолинской области; тексты без таких пометок относятся ко многим местам Иркутского края. Замечания о жеребьевках и тексты находим у многих собирателей: Сахаров, с. 41; Иваницкий (см. прим. 10), с. 157, № 4; Кудрявцев (см. там же), с. 190, 208; Герасимов, с. 59—60; Молотилов, с. 89; Белослюдов, с. 1—13; Капица — назв. соч., с. 129 и др.

Построение жеребьевки простое: как сказано, она состоит из обращения и вопроса. Обращение может быть *простым* (однословным) и *сложным*, состоящим из имени и созвучного ему приложения: „матки-чертовы лопатки“. Вопрос присоединяется к обращению через *связку*: „кого надо“, „кого берешь“, „кого просишь“ (№ № 13, 18); часто такая связка не произносится, а только подразумевается (№ № 12, 17—19 и друг.). Вопрос всегда двучленный; оба члена соединяются через союз *или* (али, ли) и связываются рифмой; каждый из членов выражен однословно („стрелец или борец“), или — чаще — двусловно, при чем здесь встречается несколько типов двусловных выражений вопроса: ср. напр., № № 12—14, 15—17, 18—19, 20—26, 29—33, 35—39, 41—49, 50—51.

В редких случаях жеребьевка произносится полностью каждой переводящейся (от сл. переводиться, т. е. разделяться на две партии) парой; обыкновенно только первая пара произносит текст полностью, т. е. обращение, которое постоянно, и вопрос, который может импровизироваться; последующие пары говорят только вопрос. В отдельных случаях можно наблюдать полное устранение обращения, когда им не пользуется ни одна пара вступающих в

игру; тогда словесное обращение только подразумевается, переводятся просто: подходят к маткам с словами: „коня вороного или барабана золотого?“ и т. п.

Обособление этой части текста (т. е. вопроса), полная оторванность ее от целого ведет к тому, что она, сохраняя назначение, постепенно нарушает свою устойчивую форму, изменяет свой строй и теряет черты художественной речи, — словом, вырождается в нехудожественную импровизацию. В разных местах удалось записать такие вопросы: месяца ли звезды? мальчика или девочки? ученика или ученицу? солнце или луна? ворона или сорока? мышка или кошка? заяц или крот? Ангары или Иды? (Ида — приток р. Ангара). Каменка или Бейтоновз? (приангарские села). Ленинграда или Москвы? солдата или офицера? пионера или комсомольца? почты или кредитного? церкви или школы? школы или больницы? нардома или сельсовета? потребиловки или монополия? и т. д. и т. д. Среди них много грубых и циничных. Некоторые из этих нехудожественных текстов можно рассматривать как искажение исправных текстов (ср. №№ 45—47). Некоторые художественные жеребьевки построены на реминисценциях: из считалок (№ 52) и разных других видов фольклора (№№ 35, 36, 43, 52, 55).

В отличие от считалок, жеребьевка произносится выразительно (хотя нередко и с выкриками), иногда нараспев. Выразительность ее исполнения отвечает строю ее языка: в жеребьевке максимально проявлено искусство заключить мысль или облечь образ в возможно наименьшее количество слов. Такого сжатия элементов речи в предельно тесную форму нигде, как в рассматриваемых произведениях, кажется, не дано. На обычном языке вопрос из текста, помещенного под №№ 50, 51, звучал бы, примерно, так: берешь того ли удалца, который может в один момент сказаться под телегой, или того, кто моментально окажется под рубахой? Здесь быстрота действия передана с последней мерой скупости языковых средств и поразительной живостью.

Кроме рассматриваемых в этом сочинении прелюдий (молчанки, голянки, считалки, жеребьевки), есть еще разновидность их; пример ее дает при описании игры „камушки“ Тиханов, с. 186.

6. Не говоря о журналах для детей: „Задумчивое Слово“ за старые годы (на него еще будут указания) и др., назову „сборник для детей младшего возраста“ под названием „Русские народные песни“ Я. Мексина, М. 1919, стр. 34, № 31 (второе издание книжки вышло в 1923 г.); О. Капица „Детские народные потешки“ etc. М. 1927, стр. 39—40, №№ 109—115; того же автора сборничек „Не любю — не слушай“ (в серии книжек „Дружные ребята“). М. 1927, стр. 10 и сл.; вероятно, есть и другие.

7. См. замечания в брошюре „Родной язык в школе I ступени“ М. 1921, стр. 20; К. Бархин — в статье „Классное чтение и письменные работы детей“. Родной язык в школе. 1927, III, стр. 215; В. А. Малаховский — Очерки по методике русского языка. М. Л. 1927, стр. 177.

8. На эту тему я имел случай высказаться в другом месте. См. Детский народный календарь. Иркутск, 1924, стр. 29—30.

9. Попытку обосновать эту мысль я делал раньше; см. „Детский фольклор и быт“. Иркутск, 1925, с. 39 и сл.; „Детский фольклор в школьном курсе словесности“. Родной язык в школе, 1927, сб. II и III.

10. Через год после того, как было высказано это предположение, представляется возможным указать еще несколько больших и малых сборников, содержащих считалки. Следуя принятому в этой главе плану, перечисляю их в хронологическом порядке.

Павел Якушкин — Путевые письма из Новгородской и Псковской губернии. Спб. 1860, стр. 177—178 (один текст).

В. А. Попов — Следы исторической мысли в жеребьях детских игр Вологодской губернии. Вологодские Губ. Ведомости, 1860, № 49, стр. 342 (один текст)

Рус—ов—в журнале „Учитель“ 1862, № 24, стр. 1170 (два текста из Омска).

В. Даль—Пословицы русского народа. М. 1862, стр. 609 — 612 (25 текстов).

В. Ф. Кудрявцев—Детские игры и песенки в Нижегородской губернии. Нижегородский сборник, изд. Нижегородского Губ. Стат. Комит., т. IV, 1871, стр. 180, 206—211, №№ 2, 6, 12—16 (восемь текстов).

И. Голышев—Детские песни в слободе Мстере, Вязниковского уезда. Ежегодник Владимирского Губернск. Статистич. Комитета, т. II, 1878, стр. 96 (семь текстов).

И. С. Ефименко—Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Известия Общ. Любит. Естеств., Антр. и Этногр. т. XXX, 1877, вып. I, гл. VI, стр. 156 (три текста).

К. Рябинский—Стишки крестьянских детей. Известия Казанского Общ. Археол. Ист. и Этн., т. VI, в. 1, 1886, Приложения, стр. 34, № 15; стр. 39—40 (шесть текстов).

Н. А. Ивануцкий—Материалы по этногр. Вологодской губ. Известия Общ. Любит. Ест. Антр. и Этн. т. LXIX, 1890, стр. 159, № 15.

И. В. Нечаев—Игры деревенских детей Лайшевского уезда. Известия Общ. Археол., Истор. и Этн. при Казанском унив., т. XI, в. 6, Казань, 1894, стр. 497—499 (11 текстов).

В. Н. Ястребов—Материалы по этнографии Новороссийского края. Одесса, 1894; стр. 103 (около трех десятков текстов „личилок“, считая и варианты).

Д. К. Зеленин—Отчет о диалектологической поездке в Вятскую губернию. Сборник Отделения р. яз. и сл. Ак. Наук, т. 76, № 2, Спб. 1903; стр. 26, 35, 80, 88, 141, 160, 162—163, 181 (8 текстов, некоторые из них—в отрывках).

В. Н. Добровольский—Смоленский этнографический сборник, ч. IV. М. 1903; стр. 491—492, №№ 71—73; также стр. 480, № 40; стр. 488 № 59 (семь текстов).

П. Н. Тиханов—Брянский говор. Сб. Отд. р. яз. и сл. Ак. Наук, т. 76, № 4. Спб. 1904, стр. 177—178, 187—188, 192—193, 209 (около десятка текстов—полностью и в отрывках).

М. Г. Халанский—Народные говоры Курской губернии. Сб. Отд. р. яз. и сл. Ак. Наук, т. 76, № 5, стр. 378 (один текст).

Е. Резанова—Материалы по этнографии Курской губернии. Труды Курской Архивной Комиссии, вып. I. Курск, 1911, стр. 175, 179 (два текста).

М. М. Зимин—Жизнь костромских деревенских детей в народной жизни. Октябрь (журн., изд. в Костроме), 1926, № 7—8, стр. 66 (пять текстов).

Ек. Сычугова—Детский фольклор и его изучение. „Просвещение Сибири“. 1928, № 12, стр. 94 (три текста из Славгорода).

О. И. Капица—Детский фольклор. Л. 1928, стр. 120 — 129 (кроме опыта формального анализа текстов, суждений о путях распространения считалок и пр., дается около десяти текстов из разных мест России, записанных в текущем десятилетии).

И после этих библиографических дополнений предположение, высказанное год назад, уверен, не потеряло силы.

11. В моих материалах нахожу указания, что этот текст известен как считалка в Верхоленске, под Иркутском, в Костромской губернии и в Ленинграде.

12. Указания имеются из пос. Иннокентьевского, с. Куйтуна, Тулуна, Ленинграда.

13. Сообщения С. Ф. Гушиной (из Турунтаева) и Е. Т. Токаревой (из Частоостровского); № 434.

В иных местах, наоборот, тексты считалок употребляются в качестве песен; напр., „В этой маленькой корзинке“ (№ 371) на Илеме (д Чурилова) исполняется, по сообщению Г. А. Леонова, как колыбельная песня.

14. См. Детск. сатир. лирика, стр. 36 и 39, №№ 70, 113.

15. Там же, стр. 36, № 72. См. Тексты, № 473. Заместительницами считалок являются рацейки (№ 406), загадки (№№ 528, 544), потешки (№ 414 и др.) и др. виды фольклора.

16. См. тексты, №№ 312, 314, 323.

17. Ср. Детск. сатир. лирика, стр. 37, № 91.—Встречаются реминисценции из заговоров (№ 390), из загадок (№№ 438, 484, 539), может быть, из басен (№ 94), встречаются, видимо, и из былин: ср. № 505 и стихи:

Кто на Дунае у вас больше,
кто на Дунае у вас меньше...

(Рыбников, II, стр. 10–11).

18. См. Тексты, №№ 124, 142, 150–154, 289, 293, 307, 311, 331, 337–346, 388, 366, 372, 410, 426, 483–513 и др.

19. См. Тексты, № 290-д. варианты.

20. См. Тексты, № 395-г., 395-д.

21. Осмысливается сближением со словом *сыто*, *сытый*: досыта напиться.

22. Сообщение О. М. Блюменфельд.—Любезности С. Н. Дурылина я обязан тем, что могу внести существенные дополнения в рассказ о детских путях создания нового текста. Оказывается, Из не „сложил“, а „подцепила“ костромскую частушку (Кинешемск. у.):

Чайник чистый, чай душистый,
кипяченая вода.
Милый режет лимон свежий,
не забуду никогда.

Из Кинешмы, где запись ее известна в 1908 г. (письмо от 14. VII. 1928), частушка зашла на Амур.

Таким образом, мы имеем еще один факт, освещающий детскую „историю творчества“.

23. См. Тексты, № 395-в.

24. См. Тексты, №№ 71-б, 360-г. В других текстах (см. № 440) упоминаются серп и молот, галифе (№ 71-б, вар.).

25. См. Тексты, № 303.

26. См. Тексты, № 303-а.

27. См. Тексты, № 67, вар.

28. Соболев. Тексты с упоминанием географических имен—см. под №№ 102, 114 вар., 114-а, 116, 221, 261, 303, 303-а, 309, 311 и некот. другие.

29. О них я имею сообщение Л. Г. Михалковича, относящееся к юго-западному краю. О латинском элементе в считалках см. гл. XV, стр. 81–82.

30. Москва, Николаевский Институт, конец старого столетия. Сообщ. Мария Михайловна Тяпкина.

31. Д. Л. Мордовцев — О русских школьных книгах XVII в. М. 1862, стр. 31–32.

32. Описаний их не мало (Н. С. Тихонравов, А. Карпов, А. Н. Петров и др.) но они не изучены с интересующей нас точки зрения: не прослежены в частности и подробностях судьба и особенно—влияние их, проникновение их элементов в детскую среду, использование и видоизменения их в детской среде. Процесс этот представляется весьма сложным и весьма трудным для изучения: отрывки из азбуковников, прежде чем войти в качестве широко распространенной считалки в детскую простонародную среду

(если принять высказываемое предположение о происхождении считалки из этого источника, как вероятное), должны были пройти через детскую книжную среду, через среду школьную, где они подвергались переработкам в устной передаче, может быть испытывали иноязычные (напр. польское, украинское) влияния и пр.

Изучение азбуквников, можно сказать, не будет бесследным в изысканиях по истории происхождения считалок.

33. С глубоким чувством признательности вспоминаю добрые советы и ценнейшие указания в этой области П. К. Симони.

34. См. Тексты, № 68; известность стихотворения вышла за пределы распространения великорусской речи: Ястребов, 103 (текст с.). Причины исключительной распространенности много. Одной из них является помещение стихотворения в популярнейшем детском журнале.

Через пять лет после появления стихотворения в свет оно было перепечатано Михаилом Яковлевым, 10 лет (из слободы Воздвиженской) в „Задушевном Слове“, младш. возр. 1886, № 28 (т. XIII, № 2), стр. 31. в отделе „Что нам пишут“. „Милая редакция! Когда у нас собираются дети, то я говорю им следующий стишок про зайчика... Я бы хотел, — пишет корреспондент. — чтобы и другие дети знали этот стишок“...

Недавно эта считалка была выпущена отдельной книжкой, как сказка, с иллюстрациями, под заглавием (на титульном листе): „Зайчик. Детская сказка“. С картинками В. М. Ермолаевой. Изд. С. Я. Штрайха. Петроград. 1923. На обложке: „Зайчик, или раз, два, три, четыре, пять“. На первом листе — полный текст стихотворения, на дальнейших — отдельные его стихи, представляющие разные моменты считалки-„сказки“ и иллюстрации к ним.

Таковы отдельные моменты в истории одного очень популярного считалочного текста.

Вообще так называемая „детская литература“, книжки и в особенности — журналы нередко являются распространителями текстов, становившихся в детском использовании считалками.

Надо думать, таким путем получил поразительно большое распространение считалка „Катилось яблоко“ (№ 396 и вар.), введенная в игру и напечатанная в „Задушевном Слове“ в 1877 г. (т. I, вып. II, отдел II, стр. 125).

Считалка Ашукина (а не Н. Венгрова, как ошибочно сказано у меня на стр. 25) „Зимний вечер темен, долг“ была напечатана в № 7 журнала „Солнышко“ за 1915 г. Этот дешевенький журнальчик, издававшийся Н. Альмединген в Петрограде, был широко распространен в провинции. в школе и семье, — и „считалка прямо переходила от читателей к исполнителям: тот и другой было одно лицо“, — как рассказал мне в письме С. Н. Дурылин.

Проникновение в детскую среду творчества для детей — через книжки, журналы и пр. подлежит внимательному выслеживанию. Надо поставить задачей изучение истории детской поэзии, т. е. истории создания стихов и песен для детей и вообще стихов ставших детскими, чтобы вопросы взаимовлияния устного и „искусственного“ творчества были освещены на простом и легко усредимом материале. Это дело специальных изысканий.

35. См. Тексты, №№ 362, 428.

36. Указание Н. П. Азадовской († 1927).

37. Тексты, № 391. Стихотворение, как сказано в примечании 34, принадлежит не Натану Венгрову, а Николаю Ашукину.

38. „Папа с газетой“: см. Тексты, № 418. — Мне не удалось узнать, из какой книжки позаимствовали девочки-иркутянки текст № 411. Первые два стиха его в качестве вставок в тексты издавна встречаются во многих считалках: Бессонов, 30, Тиханов, 226, Добрынкина 245, № 27; Кудрявцев 211, и др.

39. Попытку подобрать материал, освещающий этот вопрос, находим в названной книге О. И. Капица — Детский фольклор, с. 206-212, но материал этот не подвергнут оценке.

Гораздо проще и легче устанавливать хронологию текстов, созданных под впечатлением от какогонибудь необычайно яркого исторического события, взбудоражившего детское воображение. Приуроченность произведения к тому или иному определенному событию в известной мере помогает его датировке. Ernst Lissauer в небольшой статье Weltgeschichte im Kinderreim (Die Literatur. Monatsschrift für Literaturfreunde 1929 Juni, Heft. 9, S. 517-519) приводит несколько примеров, могущих иллюстрировать эту мысль; один из них — пятистишие о гибели французов зимою 1812--1813 — имеет непосредственное отношение к теме о создании считалки (S. 519). Сложенное, как сатира на французов, в форме традиционной считалки, стихотворение приняло новое назначение — быть игровой прелюдией и, сохранившись в детских поколениях, не выдавших бегства французов, получило широкое распространение: см. Lewalter-Schläger — Deutsches Kinderlied und Kinderspiel. Kassel, 1911; S. 61, № 192 и примеч. к нему — S. 319; Henry Bett — Nursery rhymes and tales. London. 1924, p. 82, и др. Тематика этой считалки во всех ее вариациях дает возможность судить о времени и условиях возникновения текста.

40. См. предисловие к Текстам.

41. Тексты, №№ 106, 204, 260, 299, 310, 338, 369, 369-е, 396. Они доставлены мне Е. И. Титовым. Сведения о населении малоизвестной окраины он дал в очерках „Северная Даурия“, напечатанных в журнале „Сибирские Огни“ 1926, № 5-6 (о Ченчи — с. 236), 1927, № 1 (о Душкачане — с. 195 и сл.).

42. Тексты, № № 89, 111, 170, 171, 187, 195, 197, 254, 259-б, 268, 308, 308-а, 325, 370, 387, 396-и, 441. Их любезно доставила мне А. Я. Башмакова. Они записаны ею от остяцких детей, которые „все хорошо говорят по русски, и считалки знают только русские, остяцких не знают“ (письмо от 7-III 1928).

43. Так, считалочные тексты, помещенные под № № 68, 71, 89, 156, 177, 191, 300, 321, 369, 396, 397, известны от Владивостока и его окрестностей до Ленинграда; № № 95, 105, 273, 317, 374 — от Урульги до Ленинграда и т. д. Суждения на эту тему можно легко составить, обратив внимание на перечень мест, откуда добыты считалки (см. Тексты).

44. Тексты, помещенные под № № 68, 124-а, 158-г, 191, 238-в, 254, 310, 332-г, 335, в вариантах разных степеней близости встречаем в украинских личилках у Ястребова; см. также Сборн. матер. для описания местностей и племен Кавказа, 1886, V, с. 177—178. Тексты, приведенные под № № 87, 93, 124-б, 158, 272, имеются в белорусских вариантах у Никифоровского; см. также у Добровольского. Специальное сравнение русских материалов с украинскими и белорусскими, бесспорно, значительно умножило бы число подобных показаний.

45. Приемы исполнения и способы применения считалок в основном одинаковы у разных народов; ср. описания. Любен Каравелов — Болгарские народные песни, изданные под наблюдением П. А. Лаврса. М. 1905, с. 146—147 (тексты и замечания об их исполнении); Н. С. Державин — Болгарские колонии в России. Материалы по славянской этнографии. Сборник за народни умотворения и народопис издава Българската Академия на науките в София. София, 1914, с. 115-116. Нет существенной разницы в приемах исполнения и способах применения считалок у народов не-славянских; ср. Weirhan — loco cit. S. 36; З. Гулисов — Об игрушках играх и разных детских забавах, встречающихся в Грузии Сб. мат. для опис. местностей и плем. Кавказа. V, 1886, с. 236; В. Миллер — Осетино-немецко-русский словарь. Л. 1927, с. 7 (под словом ала-догла), также с. 575-576, и много др.

46. Конечно, такие тексты как № 299, записанный Е. И. Титовым (им же даны объяснения слов и грамматических форм), можно безошибочно

отнести к местному репертуару: на это уполномачивает наличие тунгусских слов (турукрл- соль), глагольных окончаний, свойственных тунгусскому языку (каптыкол - повелит накл., тантуроп - форма побуждения I л.) Может быть местную вариацию можно видеть в текстах № № 91, 156 вар. четвертого стиха, 160-б, если слово *ехарь* сочтем элементом бурятской лексики, а не парным словом к заумному *чохарь*, рожденным созвучием. См. примеч. 25-28. Вообще же лишь предположительно считалки можно относить к местным репертуарам.

47. Самыми старыми из лучших записей считалок являются тексты П. Якушкина, В. А. Попова, В. Даля. Их тексты входят составною частью в детский репертуар до самых последних дней: вариант тексту Якушкина—№ 319-в, тексту Попова № 142, текстам Даля.—№ № 139, 195, 423.

48. См. № № 253-к, 257, 325-а, 328, 397-в, 406-а, 423, 493-а.

49. См. гл. XV, с. 76 и сл.

50. См. № № 325-г, 340 и др.

51. Показательным считаю такое наблюдение. Около 25 лет назад в с. Горячинске (на Байкале) покойный А. М. Станиловский, как было сказано на стр. 13, записал несколько считалок. Через десять лет считалочный репертуар в этом селе заметно изменился: „Когда я перечитываю записи А. М., то нахожу, что уже в мою игровую пору были другие тексты считалок, совершенно не встречающиеся в записях А. М. или значительно измененные“,—писал мне (25 II 1928) А. В. Гуревич. Летом 1928 г. автор письма, специально интересовавшийся детским фольклором в Баргузинском крае, производил записи в том же селе. Оказалось, что новые детские поколения почти полностью обновили считалочный репертуар. Текст № 1 Станиловского известен теперь в измененном виде; начало и конец его утрачены; № 2—совершенно неизвестен; № 4 известен с измененным концом; остальные выпали из местного репертуара; их заменили новые тексты, Станиловским не записанные.

52. Считалка дает решение не от разума, а из иной области — от случая. В ожидании решения судьбы играющие настораживаются, отвлекаются от данности, увлекаются в мир неведомого: они тешатся уверенностью, что кто-то незримо присутствующий за кругом или в круге разрешает затруднения, делает безупречно-справедливый, не вызывающий сомнений и споров, выбор.

53. См. № № 89, вар; 92.

54. Бархин, Малаховский и др; см. примеч. 7-ое.

55. Об этом говорит повсеместно наблюдаемое явление—распространенность комбинированных из разнородных частей текстов, меньшее количество считалок-чиселовок по сравнению с считалками-заменками из текстов запасного значения (см. стр. 19), все чаще наблюдаемое использование в качестве считалки произведений иных жанров (рауеек, потешек, загадок, частушек) и проч. В пределах всех своих изменений жанр сохраняется и обнаруживает живучесть, однако состав его постепенно, но неуклонно изменяется.

56. Это можно наблюдать и у подростков и у малых ребят. Пересматривая свои дневники, нахожу несколько записей, сделанных в разных местах. Одну привожу.

15. VII. 1925. Подхожу к черненькой семилетке, девочке-метиске, расспрашиваю, здешняя ли она (пос. Аршан) и пр. Получив утвердительный ответ, расспрашиваю про ребятишек; между прочим, спрашиваю, играет ли она в прятки. Играет... „А когда считаются ребята, то что говорят?“ — „Анца“. — „А потом?“ — „Бранца“. — „А как до конца?“ Девочка-оборваночка скоро-скоро, задыхаясь, пролепетала мне считалочку:

Анца, бранца
чоха, еха,
дуба, крес.

Спрашиваю, знает ли какие-нибудь другие считалки. Знает еще две, но *самца* лучше всех...

57. Такие названия удачно обозначают *гнезда* считалок. К первому из перечисленных относятся №№ 396 и вар, ко второму №№ 474 и т. д.

58. Девочки знают и дразнилки, и издевки и поддевки, иногда исполняют их, но далеко не все и гораздо реже, чем мальчуганы; иногда у них наблюдается стремление придать дразнилке характер любезной шутки (см. Детская сатир. лирика, с. 12), но в основном сатирическая лирика, как показывают наблюдения, — мальчишеская стихия.

59. Краткая характеристика различных периодов детского возраста дана в книжках „Детский фольклор и быт“, стр. 9, и несколько подробнее — „Детские тайные языки“. Иркутск, 1926, стр. 3.

60. В ее репертуар входят тексты, помещенные под №№ 67, 71, 98, 156-б, 232, 260, 326-а, 370, 413, 417, 463-б, 531.

61. Ее считалочный репертуар заключает тексты, помещенные под №№ 191, 253-г, 273, 306, 339, 332, 369, 371, 395, 474, 526, 531 и др.

62. Это самый большой репертуар считалок; в него входят №№ 143, 273-б, 272, 283, 332-к, 362, 369, 385, 391, 416-б, 416-в, 428, 436, 68-в, 463-б, 471, 526, 531.

Поля Сизыч, девочка 12 лет (пос. Аршан), знает №№ 273, 313, 371, 395, 396, 413, 167, 71, 416; ее восьмилетняя приятельница Надя Усольцева №№ 371, 531-д, ж. Петя и Сережа Грушевные (д. Худякова), один девяти, другой семи лет, знают одинаковое число одних и тех же считалок: № №. 105, 332-г, 332-д, 396, 463, 474. Тринадцатилетний школьник Василий Дорофеев (с. Куйтун) пользуется семью считалками: №№ 71, 274, 374, 387-а, 396, 413, 531.

63. О них сделаны некоторые замечания в моей работе „Замечания о говорах Тункинского края“. Иркутск, 1926.

64. См тексты под №№ 144, 238-е, 270, 273, 290-д, 321-д, 402, 493-а и некоторые другие.

65. См. №№ 238-б, 426; Герасимов, с. 87; Соболев, с. 14 и др.

66. Тункинские записи. Также Шейн—Русск. нар. песни, с. 61, № 98.

67. Отрывок из дневника, веденного во время поездки в Тункинский край (1925 г.)

68. Нечаев, с. 215; Тиханов, с. 192.

69. Ср. Соболев, с. 3, 13, и др.

70. Наблюдение относится к Иркутску.

71. Записано в Забайкалье (Слюдянка); известно в пос. Тулун.

72. Наблюдения сделаны в Иркутске, Шарагуле, Тулуне. на Аршане.

73. Записано в Александро-Невской станице. Ср. Цейтлин, с. 11.

74. См. Тексты, № 71-б.

75. См. Тексты, № 71-б.

76. Сообщения имеются из Верхнеудинска, из Голумети, с Алтая.

77. См. примеч. 168.

78. См. № 411 и примеч. 38.

79. См. Тексты: № 137. См. также Молотиллов, с. 87, Неклепаев, с. 89, Покровский, с. 54, 55, Тиханов, с. 192, Шейн, с. 42, № 245.

Указывая Шейна, всегда имею в виду его „Великорусса“, если нет особого указания на его „Русские народные песни“.

В некоторых главах, начиная с гл. XII. нужные мне примеры я беру не только из текстов, помещенных во второй части этого сочинения, но и из литературных источников. Указывать в каждом примере № моего собрания или автора и страницу чужого сборника не представилось возможным: получилась бы неприятная пестрота текста. до последней степени затрудняющая чтение.

80. Наоборот, когда нужно придать оттенок уничижения, слово переводят из мужской категории в женскую; напр., обращаясь к мальчугану, говорят: пошла, сказала и пр.; ср. Детская сатир. лирика, с. 9.

81. Количество подлинно-детских словарных новообразований в считалках, видимо, не так велико, как можно было бы думать при беглом просмотре большого количества текстов. По мере сличения словообразований в считалках с тем, что дает словесное творчество взрослых, „новые“, оригинальные словообразования уменьшаются в числе. Вот и слово *королица*: его знает сказочный лексикон. См. «Сказки из разных мест Сибири». Иркутск, 1928, с. 55. Трудно сказать, что здесь: встреча в языке детей и взрослых или языковое заимствование детей у взрослых. См. прим. 83-е.
82. Ср. Детские тайные языки, с. 14, § 21.
83. Объяснить ли эту форму только воздействием мерной речи или в ней надо видеть перенятую от взрослых форму, сказать трудно. У взрослых она встречается как в прозе, так и в стихотворной речи: «вот-вот спотыкнешься». Л. Толстой. Толстовский музей. т. I. Спб. 1911, с. 180 („Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой“). „И на крыльце спотыкнулся“. М. Кузьмин—Форель пробивает лед. Л. 1929, с. 74. Ср. прим. 81-е.
84. Формулировка Л. В. Щербы в сб. „Русская Речь“ II, изд. Academia, 1928, с. 20. *
85. См. № 195, и вар., 277 и др. Эквиваленты числительных см. у Кривошапкина, II, прилож. IV, с. 63, у Потанина в Жив. Ст. 1899, II, с. 176, у Покровского, с. 57; в Сб. матер. для изуч. местн. и пл. Кавказа 1886, V, с. 177.
86. „Детские тайные языки“, с. 14, § 21.
87. П. Флоренский—Символическое описание. Сб. „Феникс“, I, 1922, с. 91.
88. Исполнение произведения из бесформенной группы детей, из случайного „безликого множества“ создает единство, организованное собрание, „хор“.
89. Г. Н. Потанин—Этнографич. заметки etc. „Живая Старина“ 1899, II, с. 230.
90. В. И. Чернышев—Терминология русских картежников и ее происхождение. Сб. „Русская Речь“, II. Изд. Academia, Л. 1928, с. 62. *
91. Об этих терминах там же, с. 49.
92. См. гл. XV. См. также Karl Reuschel—Deutsche Volkskunde im Grundriss. I Teil. Jena. 1920. S. 93—94.
93. О них—В. И. Чернышев—назв. соч., с. 65.
94. S. P. Orlov—Hry a písne dětí slovanských. V Praze, 1928, str. 78.
95. Образец „шуточного детского счета“ приводят Тиханов—Брянский говор etc., с. 203; Даль—Пословицы, с. 612.
96. „Детские тайные языки“. с. 14, § 21; Рябинский, с. 39.
97. Кривошапкин, II, прилож. IV, с. 46, 55; „Детские тайные языки“, § 20.
98. Рябинский с. 40.
99. Кривошапкин, там же, с. 46, 61.
100. Они перечислены в назв. соч. В. Шкловского, стр. 17 и сл., у А. И. Белецкого—„В мастерской художника слова“. Вопр. теории и психологии творчества, т. VIII. Харьков, 1923, стр. 93 и сл. *
101. Нисколько не интересуясь значением „слов“ и смыслом их сочетаний, ребята с увлечением, любясь звуками, подолгу отдаются забаве—„говоренью“ устойчивых, как текст словесных произведений, звукосочетаний. У „баргузинских детей в употреблении след. два варианта (привожу по записям В. А. Гуревича) цыганской песни, читаемых как анапестические стихи:

1 Анима
фиржима
покарбуни
понима
анипуньи
покарбуньи
анереза
на ниспуньи

2. Анима
фиржима
покарбуньи
пэнима
анипуни
покарбуни
анерезана
ниспуни.

Откуда эта песня пришла в Баргузинский край и какими путями проникла к детям? Кажется, самым верным будет предположение, что она проникла через популярный в далекой провинции роман М. Н. Загоскина — Русские в начале XVIII столетия (ч. II, гл. VI, по изд. Сытина, 1902, стр. 120) и через читателей пришла в детскую среду.

102. С. А. Аскольдов — Концепт и слово. Сб. „Русская Речь“, II, 1928, с. 29.

103. Там же, с. 29.

104. А. Лозина-Лозинский — Одиночество. Пгр., 1916, с. 46.

105. Р. Тагор — Воспоминания, Гос. изд., 1924, с. 29.

106. О ясачных в Тункинском крае мною сделаны указания в работе „Замечания о говорах Тункинского края“.

107. Дневник моей поездки в Тункинский край. Запись 17. VII. 1925.

108. Подобный случай приводит К. И. Чуковский — „Лица и маски“, Спб., изд. Шиповник, с. 308—309.

109. „Горные мальчишки“ — хулиганы нагорного района в Иркутске.

110. Дневник 1926, август (д. Худякова).

111. К. Леонтьев — Собр. соч., М., 1912, т. VIII, с. 257.

112. „Из молитв нас рано научили двум: „Отче наш“ и „Богородице“. Память у меня была хорошая, и я быстро усвоил механически два текста: польский и славяно-малорусский, но знал их просто по слуху, как собрание звуков. Отче наш первоначально звучало для меня так: „Отче наш, иже сына небесы“... Впоследствии я как-то стал проверять, как понимают те же слова некоторые мои знакомые. Один из них, рослый парень, на несколько лет старше меня, произносил так: „Отче наш, иже сына не дасы“. „Не дасы“ — по-малорусски значит: „не дашь“. В. Короленко — История моего современника, I, с. 40.

Подобное читаем в „Воспоминаниях“ Тагора.

113. Н. Н. Дурново — Мелкие заметки по русскому языку. 4. Еще о парных словах. Журн. Мин. Нар. Просв. 1902, VI, отд. 2, с. 265.

114. Ударение в двухсложных парных словах почти всегда (исключения крайне редки) на первом слоге.

115. Вот словарь наиболее употребительных в считалках парных слов.

Аки-баки, анзы-банзы, ани-бани, атам-батам, аты-баты, агучены-бирючены. Анка-дранка. Ан-тан, анга-танга.

Вер-бер. Винтэр-вонтэр. Вени-голубени. Вера-мера. Вера-пера, венчик-перевенчик.

Гуран-уран.

Дыкинъ-выкинъ.

Ехарь (ёхарь)-бохарь.

Желе-мене.

Злото-бото.

Ива-бива. Инда-валында. Ик-мик (из „сиг-миг“?).

Казан-базан, кинтэр-бинтэр, куколка-бокалка, кондырь-бондырь, крын-ка-брынка. Квинтэр-винтэр, кипень-выкинъ. Квинтэр-квантэр, кук-квак (ку-вак), квинтэр-кунтар. Курило-мурило, куколка-маколка, костюк-мостюк, колин-молин, кондор-мондор, кок-мок (мак), калина-малина, кинчики-минчики. Кова-нова. Куколка-потуколка.

Моголь-гоголь.

Найчик-драйчик (из айнчик-драйчик).

Окин-бокин, оно-боно. Оська-коська. Орба-торба.

Пухтан-бухтан. Павел вавел, пузо-вузо. Пири-ири. Петрован-кургадан. Пятын-латын, пята-лата, * пуговка-лубовка. Плешка-медешка. Пятый-паятый, постригули-помигули, пень-перепень. Пято-сото. Пуча-туча. Пери-ери. Пятир-ятир.

Сахар-бахар. Сентэр-бентэр, сенчи-бренчи, синчики-бусинчики, сито-брито, ситти-бритти. Совет-буровец, солнце-бронце. Странцы-баранцы, стрельчики-берельчики, стренцы-бренцы, стульчик-бульчик. Седи-веди, сисин-визин, синчик-винчик, сышел-вышел. Соломина-доломина, себень-дубень, сукум-дукум. Сёма-ерёма, серемина-еремина, соломинка-ереминка. Сива-ива. Ступа-луца. Сани-мани, сантик-мантик, санчик-манчик, сахар-махар, синцы-мизинцы, сочень-мочень. Счёто-пото, смук-пук. Ступа-рюпа. Сугол-угол, стаканчик-урганчик.

Таки-баки, тана-бана, тани-бани, танчик-банчик, тарин-барин, тары-бары, татар-батар, таты-баты, тетти-бретти, тинти-бринти, трынды-брынды. Тани-вани, тыкинъ-выкинъ, тынды-вынды. Тончик-звончик. Тички-котички. Тпру-ши-ладуши. Трёха-мареха, петерьки-матерьки, тинчики-минчики, тулик-мулик-Тень-потетень.

Унтар-мунтар, унтэр-мунтэр.

Фунтэр-вунтэр. Финдэр-квиндэр. Факел-макел, фентэр-ментэр, фигус-мигус. Финтэр-унтэр.

Хатор-матор. Хрустень-перстень.

Цынзы-брынзы, цынцы-брынцы, цыбулики-булики. Цыкинъ-выкинъ. Церик и-мекерики, цыган-мыган, цыгэн-мыгэн.

Чики-брики, чикунчики-брыкунчики, чинжы-брынжы. Чокон-вокон, чужик-вужик, чикинъ-выкинъ. Чохарь-ёхарь, чохар-ёхар. Чикольчик-колокольчик, чустель-коростель. Чуха-луха. Чензы-мензы, чикерики-микерики, чики-рики-микрики, чинчики-минчики, чирдиржик-мирдиржик, чирики-мичирики, чорный-мачорный, чуни-муни. Чижик-пыжик. Чичка-ричка, чух-рюх.

Шалэн-балан, шаранды-баранды, шарин-бэрин, шаты-баты. шатыр-батыр. шахта-бахта. шуер-буер, шуты-буты, шухма-бухма, шухтан-бухтан. Шишел-вышел. Шенчик-друженчик. Шохман-ёхман. Шата-лата. Шани-мани. шаты-маты, шураш-мураш, шуруга-муруга, шындэр-мындэр, шишел-мышел. Шапом-напом. Шерстень-перстень. Шорба-торба. Шурма-юрма.

Эйне-бейне, эксэн-бексэн, элем-белем, эна-бена, энде-бенде, эндер-бендер, эне-бене, энзы-бензы, эни-бени, эники-беники, эно-бено, энтель-бентель, эны-бены, эта-бета. эс-бес. Энзы-мензы, эус-меус.

Юльчик-стульчик. Ятер-бятэр.

116. Опыт систематизации и уяснения фонетических законов, лежащих в основе парных слов в русском языке, дан Р. Якобсоном в книге „Новейшая русская поэзия“. Прага, 1921, с. 55—56, выноска. Это освобождает меня от необходимости рассматривать вопрос более детально.

117. Некоторые из парных слов не поддаются отнесению к какой-либо из канонизованных грамматикой категорий; это наблюдается в тех случаях, когда неясен смысл первого слова пары. Опыт истолкования смысла некоторых парных слов в считалках находим в трудах языковедов: Дурново — см. примеч. 113, Зеленин — см. примеч. 10, и др.

118. К. Леонтьев, II, с. 204, выноска.

119. Там же, с. 204.

120. Там же, с. 296. Такой же, сказать попутно, смысл парных слов и в еврейском детском фольклоре, где они весьма упогребительны: „в дитячих жидівських грах... можна знайти велику силу таких рим“, — замечает по поводу „Народных детских песен“ С. Ан-ского (напечатаны в журнале „Ев-

рейская Старина», т. III. Спб. 1910) акад. Аг. Кримський: Развідки, статті та замітки. Изд. Украинской Академии Наук. У Києві, 1928, с. 148.

121. Мирза Джафар—„Об искусственном образовании парных слов“. Известия Общ. Любиг. Ест., Антр. и Эгн., т. ХСVII, М, 1900, с. 311.

122. Не разбираясь отчетливо сам („здравый смысл“ тут пригоден менее всего, а личным воспоминаниям, даже богатым, доверять рискованно), с чем мы имеем дело в таких словах, как „златам метам под палетам“ и т. п., — с подлинно ли заумными словами, с словами ли, утратившими первоначальную форму и потому неузнаваемыми, или, наконец, с сознательно переименованными — из озорства или в каких-либо целях — словами, — я поставил себе задачей узнать, как дети воспринимают эти и подобные им слова. С этой целью я собрал — непосредственно и через многих лиц — несколько сотен детских записей считалок. Думаю, что преобладающее написание сможет дать удовлетворительный ответ. Детские записи считалочных текстов мне доставлены В. Я. Бородинной (Ленинград), Д. В. Сизых (г. Зима), А. М. Моловцовой (Иркутск). Сердечное им спасибо!

123. Р. Якобсон назв соч, с. 56.

124. Там же, с. 56.

125. Тиханов, с. 68.

126. К детской, как, впрочем, и ко всякой, зауми нет ровного, спокойного отношения: одни очень пренебрежительны к ней, другие склонны видеть в ней, рождающейся будто бы всегда в экстатическом состоянии, едва ли не единственно-возможный подлинный язык поэзии.

Всегда ли эти слова вызываются какими-либо (эстетическими и пр.) потребностями творцов и исполнителей или они иногда отвечают озорству их, сказать не всегда легко. Можно думать, что не всегда ребята без лукавства, без баловства, без мальчишеской развязности относятся к слову и словесному искусству. Преднамеренное и настойчивое переименование слов — явление общеизвестное. Тетка учит мальчугана: „яко же“... „Я в коже“, — повторяет ученик. „Яко же“, — исправляет тетка. „Яков же“ и т. д. Ср. М. Горький — Детство Л. 1926. с. 20. В подобных случаях — то сознательное изменение или затемнение смысла, то пародический опыт поисков смысла.

127. Не только одно из слов фразы стало заумным, но и соседние слова или сочетания их, особенно последующие, не утратив полного смысла, приняли налет непрозрачности, неясности; это предрасполагает весь стих к дальнейшему озаумлению; такой стих, в свою очередь, оказывает подобное же влияние на последующие стихи.

128. См. стр. 16 и 26 Ни каким другим текстом столько не интересовались, как текстом с упоминанием тиуна, привлечшим к себе внимание прежде других Хомякова, затем Шейна. По поводу его известны высказывания Костомарова в „Вестнике Европы“ 1872, VI, с. 541, Буслаева в „Русском Вестнике“ 1876, т. 101, с. 693. Текст этот в различных вариациях встречается в литературе нередко. Добровольский с. 488, Тиханов, с. 68—69; у него же указания и ссылки на литературу. См. примечания к текстам.

129. А. Ф. Лосев — Дialeктика художественной формы. М 1927, с. 33.

130. Там же, с. 32.

131. Исследователи-философы (Шпет, Лосев, каждый в своем плане) говорят о многих значениях слова. О рассматриваемом жанре надо сказать особо, что кроме всех или почти всех значений, каждое слово считалки имеет свое значение, значение *сопутствия*, *сопровождения* известного действия („указывания“). Для несения этой роли слову нет необходимости иметь смысловое значение. т. е. что-нибудь „обозначать“: слово здесь говорится, чтобы не молчать, не молча производить действия (Отсюда возможность зауми: заумное слово в считалке не менее законно, чем всякое другое. Видимо, и уход от смысла в считалках, озаумление слов в них происходит от

угадывания необязательности смысла). Но чтобы не было произвола (ведь произнося любое количество звуков, можно по желанию, по произволу, а не по указанию судьбы, остановиться на любом месте и произвольно распределять роли в игре), нужно положить предел: произносить не менее и не более установленного. Отсюда—постоянная форма, бесспорный объем и твердая мера стихотворения.

132. Р. Тагор--Воспоминания. с. 75.

133. Там же, с. 74.

134. История моего современника, I, с. 40.

135. Примеры у того же Короленко--Ист. моего совр., I, с. 40, у Тагора, с. 43--44; см. также замечания о христословах в моем „Детском народном календаре“, с. 26

136. Примеры многообразного переплетения разноязычных элементов в детской поэзии особенно часто наблюдаются, как это и естественно, в пограничных областях. К Reuschel, op. cit., S. 97.

137. О. И. Капица—Детский фольклор, с. 126.

138. При попытке получить перевод двух текстов (№№ 184 и 196), записанных Н. И. Удимовой в школе, где вместе с русскими учатся и девочки-корейки, старик-кореец сказал, что тексты ему понятны, но многие слова (видимо, заумные) ему не знакомы.

139. Сообщение А. Я. Башмаковой с р. Оби; Е. И. Титова из Верхнеангарского края; Державин—Болгарские колонии etc, с. 115.

140. В с. Лапине Г. Цейтлин (с. 10—11) записал такое „шаланданье“:

Ендиль
Бендиль
Цюп
А цендиль [и т. д.].

„В г. Орше, Могилевской губ., мне пришлось слышать,--говорится у Цейтлина,—как шаландаются еврейские дети“. И приводит (стр. 11) текст:

Ейндль
Беиндль
Цуп

А цейндль [и т. д.]

Большая часть этих слов „на еврейском языке имеет смысл. Так, напр., ейндл (ендиль) значит по-детски одна, байндл—косточка, цуп (цюп)—тани, а цейндл (а цендиль)—зуб и т. д.“

По одному этому примеру невозможно судить о путях проникновения интересующего нас элемента в детское стихотворение. Может быть, будущие изучения воспользуются более богатыми материалами и установят здесь не еврейское влияние, а влияние Plattdeutsch'a (через Швецию); впрочем, не исключены возможности и непосредственного еврейского влияния—через Новгород или какой-нибудь другой центр, влиявший на северную Русь. Изучение иноязычных влияний на русский детский фольклор—дело специальной работы.

141. Orlov—Hry a pishnê etc., s 79.

142. В. А. Гуревич.

143. Подобно тому, как рассказано в автобиографиях Горького, Короленка; см. примеч. 112, 126.

144. Будущему исследователю неминуемо должно обратить внимание, в частности, на еврейский детский фольклор. В современной литературе он представлен работами Гинзбурга и Марек, Ан-ского, Бейлина и др.

145. Несомненно заумны некоторые из слов, подсказанных, подобно парным словам, рифмами, найденных в поисках рифмы:

Оська-коська
куковоська.
Север-матер
куропатер и т. п.

*

146. См. примеч. 131-ое.

147. Это ясно из того, что напр. считалки-заменки, своим логическим содержанием не приводящие ни к какой развязке, т.е. не имеющие формулы выхода, приводят к тем же результатам, как и считалки полного образования.

148. Г. Шпет—Эстетические фрагменты, II. Пб., 1923, с. 16—19; А. Ф. Лосев—Философия имени. М. 1927, с. 182 и сл., Диалектика художественной формы, с. 30—34. См. примеч. 131-ое.

149. „Лихая птица“ фигурирует и в заговорах. Интересно, что как в заговоре, так и в считалке (№ 130) лихая птица упоминается по связи с огородом, с горохом.

150. В заговорах, относящихся к народной агрикультуре, у крестьян-сибиряков упоминаются железный прут, оловянный, серебряный прут. В других имеется обращение „заря-заряница“ См. считалка № 390.

151. См. также: Покровский, стр. 55; Молотиллов, стр. 87.

152. Сб. матер. для опис. местн. и пл. Кавказа, V, стр. 178.

153. Эпитеты-приложения (прозвища)—почти полное повторение тех, какие встречаются в детских издевках; ср. „Детская сатир. лирика“, с. 16—17.

154. Игра „в чушки“ описана там же на стр. 190—191. Ср. с текстом из Кудрявцева издевку в „Детской сатир. лирике“ № 79 и там же на стр. 44 примечание 37-ое.

155. Заумный характер синтаксического строения считалок, сжатость и условность языка их делают большую часть текстов непереводимой на другой язык. Видимо, так надо объяснить причину, по которой переводчик романа А. Ренье (см. стр. 8) заменил французскую считалку русской, взятой из Шейна.

156. Попов, стр. 343, усматривает здесь „неправильность склонения слова баран“, которое „для обрусевшего зырянина... даже весьма обыкновенно“. Текст этот с этой именно „неправильностью“ широко известен за пределами распространения зырянского языка: см. № 254, также Соболев, Шейн, стр. 40, № 234.

157. С редким вниманием ребята следят за тем, кто „считает“: намерение сплутовать (с целью „вывести“ кого-либо по своему усмотрению) обыкновенно выдает себя нарушением ритма. Ср. Капица, с. 124. Изображение „слабого чувства деловой честности“ у исполнителя служит в детском обычном праве достаточным поводом требовать „пересчета“, т.е. повторного исполнения считалки.

158. Ф. Ложкин: см. гл. II, с. 8.

159. А. Т. Гречанинов—Соч. 35. 2 музыкальные картинки на текст В. Брюсова для пения с ф-п. № 1. Палочка-выручалочка. № 2. Сборщик на колокол. Изд. А. Гутхейль. М.

160. Русский язык в школе I ст. М. 1921, стр. 20.

161. Ф. Ф. Зелинский—Из жизни идей, т. II. Спб. 1905, стр. 30.

162. С. П. Бобров—Ритм. Литерат. Энциклопедия. М.—Л., 1925, с. 712.

163. Ал. Толстой—Полное собр. соч., изд. Маркса, т. IV. Спб. 1908, стр. 181. Письмо от 4. II. 1859.

164. Христиансен—Философия искусства. Спб., 1911, с. 166—167.

165. Близок к этому другой прием, употребляющийся с той же целью: впереди слова ставится его начало, и тогда имеем преобразованные в хореические стихи; напр.:

Ага | ага | Агафон

Ради | ради | Ради | вон

Шапо | шапо | шапо | шон

и т. п.

166. В. Короленко—назв. соч.. стр. 65.

167. Ударные в считалке определяются характером произнесения, т. е. скандовкой, и могут не совпадать с ударными в обычном понимании слова. Под словом здесь разумеется сочетание звуков, произносимое с одним ударением (стопа).

168. Эгногр. Обзор. 1897, № 3, с. 58.

169. Ср. Детск. сатир. лир., с. 37, № 84.

170. Интонация, или напев детской считалочной речи, идет в узких границах. Самая манера произнесения считалки предопределяет его малый диапазон. Даже там, где мы обычно ждем *восклицательной* или *вопросительной* интонации, она выражена или весьма слабо или совершенно не выражена (№ 68); и там, где можно было бы ждать *перечисляющей* интонации (№ 370), мы ее не улавливаем.

В текстах числовок с малым числом стихов (напр. № 70) все стихи имеют *ровную* интонацию, и только тон произнесения последнего слова или последней стопы падает:

Раз, 2, 3, 4,

5, 6, 7, 8 —

вышла баба с долгим носом.

В стихотворениях большего объема (напр. № 70-а) первые два стиха идут в *ровной* интонации, повышающейся немного на последнем слове—„во-семь“; так же текут стихи третий и четвертый и только тон последнего слова—„дед“—в исполнении одних спадает, в исполнении других—немного повышается; пятый стих идет в *ровной* интонации; шестой стих, построенный в *н*своей мере (после хорея предшествующего стиха—анапест) идет в *повелительной* интонации (два повышения тона) и последний стих (снова хорейский), сохраняя интонацию предыдущего, имеет одно повышение тона (на третьей стопе) и понижение (последняя стопа).

Приблизительно и очень условно интонирование приведенного стихотворения можно передать так:

Раз, 2, 3, 4,

5, 6, 7, 8 —

ходит баба с длинным носом,

а за нею дед.

Сколько деду лет?

Говори поскорей,

не задерживай людей!

Своеобразное интонирование наблюдаем в тех случаях, когда произнесению полного слова предшествует произнесение его начала—в целях: а) сразу направить и сосредоточить внимание слушающих, или б) заинтриговать их, возбуждая ожидание и напряжение, или в) предупредить о приближающемся решении жребия.

а.

Куба—куба—кубака—

кому надо кулака?..

Примененный здесь прием замедления начала (его тон можно передать, примерно, в таких словах: внимание внимание — начинаю!) связан с ровной интонацией, имеющей малое восхождение в конце одного и малое падение в конце следующего стиха.

б. А потом... потом... потом
 отру... бите топором.

Этот прием употребляется обычно в середине стихотворения. Интонация здесь та же, что и в предыдущем случае.

в. Прием отодвигания „выхода“ (тон его равнозначителен предзрению: слушайте, слушайте сейчас разрешится!) связан с той же интонацией.

Ради — ради — Радион
секи голиком...
Шапо — шапо — шапошон,
выйди сам, Ларион.

В произнесении мастеров здесь иногда можно улавливать замедление, предупреждающее о скорой развязке и, как кажется, оправдывающее название этой интонации — *подготавливающей*.

Осуществляемая и в малом диапазоне, эта „светотень словесных красок“ представляет для изучения много трудностей и нуждается в специальном исследовании.

Д о п о л н е н и я.

К стр. 8: ...детская считалка у Н. Ашукина.

Они собраны вместе с другими детскими стихотворениями этого автора в иллюстрированной книжке „Песенки“. М. 1923.

К стр. 9: ... вкус опытного художника, очевидно, находит [и т. д.].

Можно указать еще на восьмистраничный иллюстрированный сборничек для детей: Н. Павлович—„Считалочки“. Л. 1929. Стихотворения или отправляются от известных считалок („Заяц белый“ и немногие др.) или— в большей части—совершенно самостоятельны.

Подражания Брюсова, Третьякова, Ашукина, Павлович можно рассматривать как выражение—полностью или не вполне осознанного—желания обогатить наличный считалочный репертуар своим вкладом; при этом и назначение, и форма, и даже „содержание“ произведения не только не подвергаются изменениям, но именно постижение и выражение их составляет смысл поэтического творчества.

Наличие считалок-имитаций позволительно рассматривать как подтверждение мысли о формальной законченности и полной самостоятельности этого жанра. В новых текстах несомненна установка на сходство с традиционными считалками. Время от времени появляясь и входя—с неодинаковым успехом—в детский обиход, тексты-новотворки обогащают жанр (№№ 68, 362, 391, 428). Причина, вызвавшая этот жанр к жизни (если она правильно здесь установлена; см. гл. IV, стр. 23 — 24), видимо, давно уже отпала, но жанр не умирает, он живет традицией и новыми пополнениями. Он не остается неподвижным: тексты нового склада, видимо, осиливают, они мало-по-малу вытесняют и заменяют тексты устоявшейся формы. Считалки-заменки делаются более известными, создают вкусы, которые влияют и на отношение к старым текстам: они освобождаются от счета и от зауми и живут самостоятельно (см. гл. X).

Считалки становятся литературной формой широкого употребления. Кроме стилизованных считалок (Брюсов, Павлович и др.), есть еще две группы подражаний считалкам.

К одной из них относятся произведения, в которых наблюдаем применение традиционной формы для новой цели—не той, которую ставит себе игровая прелюдия, а для выражения быстро сменяющихся настроений. Радостно использует припоминающуюся в нужный момент готовую форму Семен Кирсанов („Моя именинная поэма“. М. Л., 1928, стр. 12) и с готовностью облакает в нее свой стих:

Раз, два, три,
Сеня, повтори.

Это—реминисценция из гнезда текстов, к которым относится, напр., № 83.

Как поэт скажет после (стр. 43), его „стихи не стихают“, и ткет он их, не один раз вспомнив с детства сохраненный памятью жанр: на той же, 12-й, странице—использована им форма считалки с концовкой-загадкой.

Шли четыре мужика... {и т. д.}
 Сколько было в метро-мерах
 Всей крупы на четверых?

Надо вспомнить гнездо считалок под № 105, чтобы без труда догадаться об истоках этого отрывка.

Более полно представлена образцами, сколько мне известно, группа стихотворений, являющихся подражаниями, в которых сохраняется форма (строй и стиль), но меняется назначение и дается новая функция, связанная с злобой дня,—служить памфлетом, эпиграммой, шуткой. В первые месяцы революции 1917 года пользовался считалочной формой сотрудник журнала „Бич“ (цитирую по памяти - возможно, с ошибками):

Ани-бани, что под вами,
 под железными столбами?
 Шла машина из Тамбова,
 видит тридцать три погрома.

Ср. Тексты, № 102.

Как у нас в Александринке
 делегаты хороши:
 Гоцы, Либеры, Зензинчи—
 что угодно для души?

Через двенадцать лет интерес к считалочной форме не угас. В газете „Вечерняя Москва“ 1929, № 16, помещена пародия А р г о—„Вполне возможно“ на выпущенный книгоиздательством „Федерация“ сборник „Любимый песенник“ Р. Акульшина. Там между прочим говорится:

Пусть „Федерация“ также издаст
 Избранный песенник детский.
 Пусть их поют по всему СССР
 Школьники и пионеры.
 Я представляю себе, например,
 Следующие примеры:

3.

Игральная.

В этой маленькой корзинке
 Замечательный отстой—
 Ленты, кружево, ботинки,
 Чарли Чаплин и Толстой.

В. Шкловский.

4.

Считалка.

Уне дуне рес
 Квинтер квантер жес
 Уне дуне рабе
 Федерация издабе.

Андрей Белый.

Считалочная форма признана пригодной как реклама. В той же газете (1929, № 12; указал С. Н. Дурылин) находим „детскую считалку“:

Раз, два, три —
Покупайте „РИ“.
Два, три, четыре —
„РИ“ всех лучше в мире.
Три, четыре, пять —
„РИ“ выходит опять!
Четыре, пять, шесть —
Надо „РИ“ прочесть.
Пять, шесть, семь —
Всем! Всем! Всем!

Сущность этих пародий не в осмеивании пародируемого, а во внесении непривычного содержания, новых, чуждых тематических и неизбежно — лексических элементов.

Взрослые не пародируют издевку, — может быть, потому, что этот жанр у взрослых если не умирает, то уходит в сатиру. Считалка не перерождается ни в какой другой родственный вид словесных произведений, зато более продолжительное применение ее в детском обиходе (в сравнении с другими видами детского фольклора, см. стр. 9) обуславливает ей большую сохранность в памяти взрослых, тематическая несвязанность позволяет насыщать ее любым содержанием, незасоренность ее элементами *rustica* делают ее пригодной для обращения в среде, где свобода в выражениях ограничена известными нормами. Взрослые возвращаются к считалкам или воспроизводя прошлое „по четкам памяти“ или припоминая его при наблюдении детских игр.

Кажется, воскрешая в памяти считалки, взрослые воспринимают их по-новому, улавливая в них что-то неопределимо-новое, нечто в роде какого-то „дополнительного цвета“ к ним, наталкивающее на новое, не прежнее, не детское использование.

К стр. 10: ...протягиваются нити к сектантскому фольклору.

Некоторые замечания на эту тему делает В. Ш к л о в с к и й: „О поэзии и заумном языке“. Поэтика. Сборник по теории поэтического языка, I. Петербург, 1919, с. 24.

К стр. 19: Некоторые произведения детского фольклора... имеют запасное значение.

Такое же запасное значение имеют некоторые стихотворные произведения, весьма часто встречающиеся в детских (обычно у девочек) „альбомах для стихов“. См., напр., № № 347, 363, 405 и др. Эти произведения занимают промежуточное место между созданиями устного детского творчества и произведениями, идущими из книжного источника. К огорчению, до сих пор детские альбомы, кажется, не были предметом внимания исследователей детского творчества. Можно надеяться, что эти произведения, столь бережно хранимые и любовно вносимые, как лучшее выражение интимных отношений, а *bon souvenir* в альбом, дадут интересный материал для суждений об эстетических вкусах детей-подростков и о многом другом.

К стр. 24: Аз-буки: бабашки [и т. д.].

Это стихотворение в разных вариациях встречается нередко. См. Д а л ь Толк. Сл., изд. 3, I, 340, под словом *буки*; Б е с с о н о в, с. 51, № 58. Находим его и у Д. К. З е л е н и н а в труде — Особенности в говоре русских крестьян юго-вост. части Вятской губернии. Жив. Стар. 1901, I, с. 84:

Аз-буки — букашки,
веди — таракашки,
глаголь — душка,
добро — шанежка.

Автор статьи, давший мне в личных беседах не мало весьма полезных справок, сообщил, что этим текстом около полу столетия назад пользовался его отец при обучении мальчика грамоте. Таким образом, мое предположение о происхождении считалок находит новое подтверждение — См. также № 266.

* Этот способ, основанный в одних случаях на „мнемонической силе ритма“, в других — на краесозвучиях, — старый и испытанный способ. Он считался лучшим средством овладения трудно усваиваемым материалом, требующим работы памяти (Зелинский — Из мира идей, с. 30). Применялся он и при обучении русской грамматике (см. учебники Кирпичникова и Гилярова, Гречушкина и др.), также и при обучении географии. География в стихах, которые, по острому замечанию Гумилева, составлялись „с трогательной невинностью“, была известна еще совсем недавно: Д. К. Зеленин — Географическая песня. Вестн. Восп. 1904 (XV), № 4, отдел III, с. 91—94.

Не знаю, при преподавании „науки числительной“ применялся ли этот своеобразный мнемонический прием. Очень возможно, что применялся. Подобный прием известен народной педагогике: им пользуются, напр., при сообщении детям названий дней недели. Тексты, заключающие в порядке расположенные названия дней, см. у Макаренко — Сибирский народный календарь, Спб. 1913, с. 26—27; у Голышева, с. 93, № 12; есть и у друг.

По аналогии можно предполагать, что стихотворения, в которых в порядке (парами) идущие названия чисел рифмуются с обыденными названиями предметов домашнего обихода, служили (могли служить) целям усвоения счисления:

Раз, два — кружева
три, четыре — прицепили [и т. д.]

К стр. 25: ...из одной старинной оперы.

В. И. Чернышев, указаниям которого я много обязан, познакомил меня с текстом французской водевильной песенки, от которой, можно думать, идет эта считалка (№ 371 и вар.), и натолкнул меня на некоторые относящиеся сюда соображения.

Водевильная песенка в русском переводе читается так:

В этой свадебной корзинке
Есть помада и косынки,
Кружева и кушаки,
Мыло и чулки,
Тут наряды все на свете,
Только розы нет в букете,
От того, что вам она
Вовсе не нужна.
Что вам в розе, рассудите?
Только в зеркало взгляните!
Как она, прекрасны вы
С ног до головы.

Из водевиля: Узкие башмаки. Перев. с франц. Федоров (песенка Пагро). Михаил Смирдин, Песни для русского народа, с приложением куплетов. В двух томах. Спб., 1859, ч. II, стр. 262, № 195.

Сличение этой песенки с текстами нашей считалки показывает, что считалка усвоила только начальные стихи песенки. Обычно так и бывает: известно, что лучше всего запоминается начало песни; детям это особенно свойственно, а если принять во внимание, что в данном случае мы присутствуем при переработке песни в считалку, то должны ждать изменения объема в сторону сжатия и умножения рифм (о пристрастии детей к рифмам, которые

должны быть часты как звезды, см. мой „Детский фольклор в курсе словесности“, стр. 88. Подобным же образом перестроена песня, которую поет Фленушка в романе у Печерского (Полн. собр. соч. Мельникова, изд. Вольф, 1897, т. IV, с. 240): Ехал Ваня из Казани (см. стр. 15); так же приспособлена песня: Куна ходит по бору (см. стр. 16).

Нет препятствий к допущению такого предположения, не исключающего высказанного суждения: может быть, наряду с переводом Федорова был какой-нибудь другой, более близкий редакции нашей считалки.

Если перевод песенки первым стихом определенно указывает на связь ее с свадебным бытом, то смысл и нашей считалки не оставляет сомнений в том, что в ней идет речь о содержании той свадебной шкатулки, которую жених должен дарить своей невесте: из припоминаний и рассказов старых людей знаю, что ботинки, платье, кружева, ленты, помада, мыло, зеркальце обычно составляли содержание шкатулки. Эти сведения относятся к Восточной Сибири. В мещанских и купеческих провинциальных свадьбах средней России, по словам В. И. Чернышева, в 80-х годах прошлого века духи и ботинки были самой необходимой принадлежностью свадебной шкатулки.

Отражение русской свадебной обрядности в считалке достойно замечания в связи с тем обстоятельством, что хранительницами и исполнительницами считалок являются главным образом девочки (см. стр. 34; см. также: Голышев, с. 96; Тиханов, с. 192, и др.)

Сохранение в тексте считалки слова *корзинка* (вместо шкатулка), совершенно не соответствующего нашему свадебному быту, указывает как раз на несомненную зависимость считалки от водевильной песенки: создатели считалочного текста, не видя ничего дурного в плагиате, не стремились „схоронить концы“ и тем самым оставили возможность с большой долей уверенности говорить о заимствовании текста.

Надо обладать исключительно обширной эрудицией, чтобы найти многообразные источники, породившие все известные тексты считалок — до того колоссально «содержание» многочисленных стихотворений, относящихся к рассматриваемому кругу произведений.

Как сказано, многим обязан этот жанр народным песням, старым и новым поэтам, детским журналам, школьным учебникам: одни дали тему, другие целиком текст, иные послужили материалом для коротеньких вставок и намеков. Трудно без специального исследования коснуться этого сложного вопроса обстоятельно.

К стр. 29: Такие обозначения считалок как „прибаутки“, „присловья“.

Рябинский, с. 39, называет их «чередовыми прибаутками», Добровольский, с. 491, „счетом при начале игр“, Смирнов-Кутачевский (Худож. фольклор, II, с. 73) — „причитаньями во время игры“, В. Шкловский, с. 20, — „игровыми присказками“.

К стр. 30: ...„ворожитки“ — в Барнаульском округе.

Есть и другие: „считанье“ (Ленинград), „считки перед играми“ (в деревнях Костромской губ.), „сосчиталочки“ (Иркутск).

К стр. 31: выделить... кого-нибудь для выполнения трудной роли.

Насколько трудно, моментами неприятно искать спрятавшихся, видно из того, что ребята склонны рассматривать несение этой обязанности, видимо, как наказание за неприличное поведение в компании: убедившись окон-

чительно („это, значит, ты совсем“... см. № № 89, вар., 92) в виновности товарища, обрекают его на исполнение трудной, нудной роли.

К той же стр. 31: ...Н. Я. Никифоровский в „Очерках Витебской Белоруссии“.

То же находим у Тиханова (см. прим. 10), с. 192: „гадать кому кем быть“. В. А. Попов (см. прим. 10), с. 342—343, определенно называет считалку наговором и стрсит „гипотезу не без вероятия“, что „встарину... эти же наговоры употреблялись и людьми взрослыми при вынимании ими жребия“. Дойсываясь смысла наговора (№ 437-6), автор статьи „ищет его объяснения в зырянской мифологии, в народных обычаях“.

Природа считалки, как заговора, угадывается, думает художник, самими ребятами. В «Детстве Никиты» Ал. Толстого (Собр. соч., т. V, М.-Л., 1929, стр. 23) передан разговор двух мальчиков: „У Степки Карнаушкина кулак заговоренный“...— «А как же ему кулак заговаривали?..»— „Пустое дело. Перво-наперво возьми сажи и руку вымажи и три раза скажи: „Тани-бани, что под нами под железными столбами?“ Вот тебе и все...“ Ср. Тексты, № 253.

Видимо, словесные игровые прелюдии вообще надо рассматривать как заговор. Текст молчанки имеет назначением „заговорить“: „вот я вас сейчас заговорю [чтобы вы молчали]“. Ю. Л. Игнатович, стр. 48. Некоторые тексты (№ 9—из окрестностей Владычостска) даже в отношении построения и лексики (ср.: „с места не сойти!“) имеют большое сходство с заговорами.

Т Е К С Т Ы

От собирателя.

Тексты, вошедшие в этот сборник, собирались в продолжение нескольких лет. Начало было положено записями жеребьевок и считалок, сохраненных мне памятью с детских лет, и попутными сборами в первые годы моих занятий полевой этнографией (с 1912 г.). Систематическое собрание начато, как сказано (стр. 27), в 1924 году во время поездки по поручению Восточно-Сибирского Отдела Русского Географического Общества в Енисейскую губернию и Акмолинскую область (Сибирская Живая Старина, III—IV, стр. 188—190). Летом 1925 г. была осуществлена поездка в Тункинский край Иркутской губернии. Там, выполняя поручения того же Общества (Сибирская Живая Старина, V, стр. 168—170), я наблюдал детские игры и вел записи по детскому фольклору. В летние месяцы 1926 и 1927 гг. та же работа занимала меня на городских окраинах Иркутска и в близ лежащих селах. Ранней осенью 1927 года по дороге из Иркутска в Сочи и оттуда в столицу немало записей сделано мною от детей-спутников в вагонах и во время длительных остановок (при многочисленных пересадках) на железнодорожных станциях. Летом 1928 г., получив командировку от Русского Географического Общества, я посетил Кирилловский уезд, где производил наблюдения и записи главным образом в д. Красной (близ Кубинского озера) и в слободе Ферапонтовой.

В эти же годы мною было получено не мало материалов от разных лиц: одни собирали и посылали мне по моей просьбе, другие—в ответ на мою программу по изучению детского фольклора и быта, напечатанную в 1925 году.

В. И. Чернышев вручил мне свое богатое собрание материалов по детскому фольклору из разных мест Александровского уезда Владимирской губернии и Мещовского у. Калужской губернии (записи 1887—1897 гг.); значительную часть этих материалов составляют считалки. О. И. Капица предоставила в мое распоряжение тексты считалок из разных губерний северной и средней России; М. М. Зимин—из Костромской губ., Е. В. Ольшевская—большое количество текстов, записанных от детей из нескольких районов Ленинграда; через нее же я получил записи Т. Я. Козыревой из Лихославля

Тверской губернии. Много помогли мне присылками материалов из Верхнеудинска и прилегающих к нему поселений К. Н. Литвинцев и Ф. А. Кудрявцев, а из Минусинского округа (д. Малый Хабык, с. Абаканское) В. Д. Кудрявцев. С. И. Татаринова пополнила мое собрание считалками из Омска.

Кроме больших рукописных собраний, содержащих по несколько десятков текстов, в мое распоряжение поступили от многих лиц и из разных мест более скромные в отношении количества записей материалы. Н. П. Азадовская (†) доставила несколько текстов из Иркутска, А. Я. Башмакова с р. Оби, А. Н. Бек из Читы, Коровина и Нижнеилимска, О. М. Блюменфельд из Благовещенска, Куйтуна и Усть-Куды, А. С. Виноградова из Худоелани, М. С. Воронова из Иркутска, К. Т. Гливинская из пос. Иннокентьевского, И. П. Госмер из Иркутска, Л. А. Грошкова из Коноваловой, Бурети, пос. Иннокентьевского, Е. В. Губанова из Тункинского края и Кургана, В. А. Гуревич из Баргузина и Верхнеудинска, С. Ф. Гушина из Турунтаева, Иркутска, Тельмы, пос. Тулуна, В. Е. Дербина из Иркутска, А. М. Длугоханский из Воронежа, М. П. Дмитриева и М. С. Дмитриева из Киренского у., Н. И. Дробышевская из Нижнеудинска, А. И. Жибинов из Минусинска, Т. А. Завьялова из Иркутска, Е. М. Кравец из Москвы, М. В. Красноженова из Красноярска и окрестных деревень, С. Н. Марков из Акмолинска, Л. С. Межерова из Верхоленска и Иркутска, Т. Т. Мироманова из д. Пьяновой, Р. А. Мишарина и Ф. М. Мишарина из Киренского у., Г. Л. Михалкович из с. Тальцы, Н. В. Мишкина из пос. Аршан, М. Д. Мокеева из Иркутска, А. М. Молодцева из Тайшета и с. Тинского, А. Д. Нагибина из Иркутска, Н. А. Никитина из Псковской и Калужской губ. (Спас-Демьянский у.), А. Ф. Николаева из Борового, М. И. Пальмин из Красноярска, И. Г. Париллов из Кежмы, А. И. Подскребаева с Алтая, Ф. И. Полухина-Яковлева из Троицкосавска и Суховского, Н. П. Попова из Иркутска, В. Г. Романчук из пос. Иннокентьевского, К. И. Румянцева из Голумети, Е. Я. Самойлович из с.с. Маркова, Осы и Тальяны, Д. В. Сизых из Куйтуна и Зимы, Е. И. Титов из Верхнеангарского края и Урульги, Е. Т. Токарева из Частоостровского, Н. И. Топильский из Киренска, Г. В. Трлпин из Каменки, М. М. Трофимова из Кузнецка, Челябинска и Саратова, Е. С. Тюшнякова из Тункинского края, Е. И. Убрятова из Бийского округа, Н. И. Удимова из окрестностей Владивостока и Усть-Куды, С. Е. Фридман из Иркутска, И. С. Хромовских из Александро-Невской станицы, М. Г. Худяков из Малмыжа, Б. В. Шевяков из Илимского края, А. Н. Широкова (через М. В. Красноженову) из Минусинска, Б. А. Шпрах из Барнаульского округа (с. Подстепновское).

С. У. Штейнберг из Казани, О. Н. Шулаева (†) из пос. Иннокентьевского, Е. Л. Юдина из Балахты и Красноярска.

К моему огорчению, я не могу назвать еще несколько лиц, доставивших мне материалы из Барнаульского округа без пометок своих имен—по неведению ли наших *desiderata*, по скромности ли. *

В результате всех поисков я оказался обладателем богатого собрания текстов, которые я назвал игровыми прелюдиями. Число всех накопленных записей достигло почти восьми тысяч. Отбор показал, что некоторые тексты или их варианты повторены записями до пятидесяти и даже более раз; лишь сравнительно немногие оказались представленными малым количеством записей. По приведении текстов в порядок (помощь в этой работе мне была оказана А. М. Моловцевой, С. Ф. Гущиной, М. В. Степановой, В. Ф. Лебединской), они дали более полутысячи №№, не считая вариантов к ним; с вариантами же, образующими гнезда текстов,—более тысячи №№.

Они расположены в порядке, указанном в главе X. По разным причинам, о которых нет пользы здесь рассказывать, принятый порядок, к моему прискорбию, не раз нарушен отступлениями (они очевидны без указаний). Можно успокоиться лишь мыслью, что это—только частное собрание, которое когда-нибудь войдет в законченный свод всех известных русских текстов игровых прелюдий, где принятый здесь (или какой-либо лучший) принцип будет проведен полностью.

Главная часть этой книги—вторая: „Тексты“. Описание их—по мере того, как будут вестись изучения затронутых здесь вопросов,—будет быстро стареть и, несомненно, скоро будет признана нужда в замене его более совершенным трудом; тексты же всегда испытывают другую судьбу: по мере роста их давности они, наоборот, становятся более ценными, более оберегаемыми. Поэтому в моем собрании тексты снабжены указаниями на варианты, которые приводятся с возможным тщанием. Обилие вариантов свидетельствует о непрерывном творчестве, о непрестанной работе в детской среде над словесными произведениями и обнаруживает основные линии, по которым идет изменение—то в сторону захирения, то в сторону художественного совершенствования текстов.

Не оставлены без внимания и разночтения в отдельных стихах, которым приходится придавать большое значение: часто только через них можно дойти до первоначального или настоящего смысла текстов.

При текстах не отмечается, кем и от кого сделана запись,—в силу того, что тексты были записаны несколькими лицами в разных местах и не всегда от тех или иных опре-

деленных лиц, а в детских группах. В отдельных—сравнительно немногих—случаях совершенно нет указаний на место записи; это те случаи, когда материалы доставлены без необходимой даты. Под некоторыми текстами собирателями указаны только уезд (округ) или губерния. В большей части случаев указания на места записей считалок даются с возможным вниманием.

Здесь помещены некоторые из текстов других жанров и стихотворения явно книжного происхождения, прочно вошедшие в считалочный репертуар,—именно те, которые отмечены как считалки во многих местах (они будут оговорены в примечаниях к текстам). Эти тексты обнаруживают стойкую тенденцию служить на правах считалки и показывают те изменения, которые претерпевают произведения с твердо зафиксированным текстом, попадая в новую форму существования, испытывая влияния иных условий бытования. Включение в репертуар инородных текстов—явление не случайное: так живет жанр, пополняясь новыми элементами.

Всякий литературный жанр, говоря словами Леонтьева (VIII, 232), имеет „свои пределы и свою точку насыщения, дальше которых идти нельзя“. Так и считалка. Но создание сборника „лучших“ текстов игровых прелюдий—задача, выходящая за пределы настоящей работы. Здесь помещены, за малым исключением*, все собранные мною—непосредственно и при помощи других лиц—тексты.

Печатаая их, пришлось погрешить против принятого обычая—соблюдать фонетическое написание текстов. Публикование фонетических записей считалок было бы невозможным, помимо других причин, еще и потому, что один и тот же текст или вариант, полученный из разных мест—от Архангельска до Владивостока,—пришлось бы помещать много раз.

* Исключение составляют тексты непристойного содержания, которых в считалках—немного. Здесь не будет нестати высказать одно замечание. То, что взрослыми воспринимается как непристойное, в восприятии детей иногда (как часто или как редко, говорить, не поставив специальных наблюдений, было бы опрометчиво) является чем-то весьма далеким от цинизма, от обнаружения моральной нечистоплотности. Можно привести немало примеров, когда слова грязной ругани (произносимые взрослыми с особой экспрессией) дети усваивают как неожиданные, богатые новыми звуко сочетаниями, предельно насыщенные эмоциональным содержанием, и используют их как заумь, т. е. не интересуясь и не любясь в них ничем, кроме звуков. Прекрасную иллюстрацию к этим замечаниям с тончайшим постижением детства дает художник слова, проникновенно знающий детскую жизнь и детский быт,—Федор Сологуб. См. его рассказ „В плену“. Собрание сочинений, г. IV. Спб. Изд. „Шиповник“. Вопрос о непристойном элементе в детской речи—обыденной и поэтической, о детском его понимании и использовании—весьма сложный и заслуживает особого внимания исследователей.

Во многих случаях пришлось отказаться от расстановки знаков препинания,—главным образом, там, где мы вступаем в область заузного синтаксиса (см. гл. XVII). По условиям внешнего характера надо было отказаться от обозначения ударенных звуков.

В первоначальный план этой части моего сочинения входило дать свод всех известных великорусских текстов детских игровых прелюдий, но ввиду непосильных материальных трудностей пришлось, как это ни огорчительно, от осуществления его отказаться. Из печатных источников я включаю в свое собрание только тексты, помещенные в провинциальных газетах за старые годы: записи Попова (№ 437-6) и Садовникова (№№ 125, 201, 208, 310, 526).

Чтобы слить результаты моего собирания с накоплениями других собирателей, перечисленных на стр. 10—14 и 114—115 (примечание 10), помещаю библиографические примечания к печатаемым текстам (см. „Пометки к текстам“).

Даваемый в конце книги перечень географических названий имеет назначением облегчить наведение справок о местах записей считалок.

Молчанки.

1. Тише, мыши:
кот на крыше
кошку за уши ведет.
Кошка драна,
хвост облез,
кто промолвит,
тот и съест.

Троицкосавск.

2. Сорок амбаров
сухих тараканов,
сорок кадушек
моченых лягушек—
кто промолвит,
все это съест.

Куда.

3. Сорок амбаров
сухих тараканов,
сорок кадушек
мокрых лягушек,

кошку драну,
мышь погану—
кто промолвит,
тот все съест.

Иркутск, Балаганск.

4. Сорок амбаров
сухих тараканов,
сорок кадушек
болотных лягушек,
сорок ковшей
вареных вшей—
кто промолвит,
тот съест.

Иркутск.

5. Я пойду на улицу,
принесу пропащу курицу,—
кто промолвит,
тот и съест.

Там же.

6. Живалка-бывалка
на..рал в отымалку,—
кто промолвит,
тот и съест.

Баншиково.

7. Шоп, шоп
на..рал в горшок,—
кто промолвит,
тот и съест.

Баншиково.

8. Бежала лиса по льду,
др...ла кровью,—
кто скажет,
тот и съест.

Балаганск, Иркутск.

-а. Шел петух по льду,
н...ал г...а с кровью,
кто первый скажет,
тот слижет;
кто второй,
тот остаточки залижет.

Пермская губ.

9. Драл кот на гору,
наложил на кору
червяками, бураками,
печеною редькой;
кто засмеется,
губа задерется,
кто слово промолвит,
тому котом быть,
с места не ступить.

Владивосток.

9-а. Шел молчан
по всем городам;
кто стукнет-брякнет,
за волосы драть,
до слез добивать.
Последнее слово: тпру.
Аминь!

Вологодская губ.

10. Раз, два, три, четыре, пять—
с этих пор молчать.

Турунтаево.

11. Раз, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8—
с этих пор говорить бросим.

Турунтаево.

Ж е р е б ь е в к и.

2. Конь вороной
остался под горой.
Какого коня—сивого
или золотогривого?

3. Матка бл..ка,
кого выбираешь—
коня вороного
или барабана золотого.

3-а. Коня вороного
или тарантаса золотого?

4. Коня вороного
или казака удалого?

5. Конь вороной
или барабан заводной?

6. Конь вороной
ли хомут золотой?

7. Матки бл..ки
чертовы лапатки,
конь вороной
или седло золотое?

8. Матка бл..ка,
чертова лопатка,
кого просишь:
коня вороного
или грива золотая?

19. Матки, матки,
чертовы лопатки!
бочку (бочка) с салом
или казака (казак) с кинжалом?

20. Шар тесать
или на воде плясать?

21. Шар катить
или воду лить?

22. Цепи рвать
или колокол ломать?

23. Кони кормить
или печи топить?

24. Матки, матки,
печь топить
или коня кормить?

25. Канат вертеть
или с неба лететь?

26. Матка, матка, чей вопрос:
кому гриву, кому хвост?

27. С неба лететь
ли (али) подхватывать?

28. Дома быть
или по морю плыть?

29. За печкой заблудился
или в ложке утонул?

30. За печкой заблудился
или в стакане утопился?
31. На печке заблудился
или в корчаге утонул?
32. В ложке утопился
или за печкой заблудился?
33. С неба летел
или ж. пой вертел?
34. С колокольни упал
ли повесился?
35. Ангел божий
или черт в рогоже?
36. Вошь на аркане
или блоха на цепи?
37. Лисицу в цветах
или медведя в штанах?
38. Грудь в крестах
али голова в кустах?
39. В брюхе ребенок
или на голове боченок?
40. С неба стрельца
или с земли молодца?
41. Ангел святой
или черт залятой?
42. Матка-бл..ка,
зверь галится:
сундук денег
или золотой берег?
43. Наливное яблочко
или золотое блюдечко?
44. Травки-муравки
али золотой булавки?
45. Сахару кусочек
или красенький платочек?

46. Паровоза свистуна
или медведя серуна?
47. Паровоза свистуна
али Мишу дристуна?
48. Дядю Федю
или белого медведя?
49. Деревя стоячего
или молока горячего?
50. С бегу под телегу
или смаху под рубаху?
51. Смаху под рубаху
или с разбегу под телегу?
52. Ниточку или иголочку?
53. Матки, матки,
лагуна ли кадки?
54. Сухо ли море?
55. Матки, матки,
смерти или живота?
56. Конь вороной
или сбруя золотая?
57. Золотая чашечка
или серебряное блюдечко?
58. Матки, матки,
ложки серебряной
или стакана золотого?
59. Мячика или лапты?
60. Шапки или фуражки?
61. Палка или щепка?
62. Матки бл..ки
чертовы лопатки,
щепки или камня?
63. Матки, матки,
г...на или лопатки?
64. Бочка с водой или с медом?

Считалки.

1. Считалки-числовки.

65. Раз, два, три—
стара баба ты.
Раз, два, три, четыре, пять—
стара баба ты опять.
Раз, 2, 3, 4, 5, 6, 7—
стара баба ты совсем.
Раз, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10—
бабу старую повесить.

Верхнеудинск—Барнаул.

Иногда употребляются только стихи
1—2, либо 1—4, либо 1—6.

8* эту бабу стали весить.
стару бабу надо весить.

66. Раз, два, три, четыре—
все извозчики в трактире
чай пьют, чашки бьют,
на стол денежки кладут, —
а хозяйка не зевает,
только деньги подбирает.
Прискакали ермаки,
поскидали колпаки;
один ермак
не снял колпак,
тот остался дурак.

2 все солдатики в трактире.

Иногда произносятся лишь 1—4.

Иркутск, Сандова.

* В дальнейшем цифра перед строками обозначает стих. Так будут указываться разночтения более или менее значительные. Незначительные разночтения, где это представляется удобным, показаны будут в скобках.

а. Раз, два, три, четыре—
мы стояли на квартире,
чай пили, ложкой били,
три копейки заплатили.

2 жили люди на квартире.
3 чай пили, кружки (чашки) били.
4 по три денежки платили.
ни копейки не платили.

После 4 Шахар-бахар четвертак—
нюхал дедушка табак.

*Коровино, Иннокентьевский,
Коновалово, Сандово.*

б. Раз, два, три, четыре—
мы стояли на квартире.
Сахар-бахар четвертак—
нюхал дедушка табак;
он поехал за границу.
пропил шапку, рукавицу.

Ижевск.

в. Раз, два, три, четыре—
жили мушки на квартире;
к ним повадился сам-друг,
крестовик, большой паук.
Пять, шесть, семь и восемь—
паука мы вон попросим:
к нам обжора не ходи..
Ну-ка, Мишенька, води (веди).

Баргузин, Абаканское.

5—6 в вар. отсутствуют.

После 8 Живо, живо, без оглядки
кто куда во все лопатки:
кто за баней, за стеной,
кто за Марьиной избой.

Иркутск.

г. Раз, два, три, четыре—
сидит немец у трактире,
чай пьет, чашки бьет,
сахар кусает,
под стол бросает.

Мещовск.

д. Раз, два, три, четыре—
сидит немец (Ванька) на точиле,
чай пьет, чашки (кружки) бьет, /
табак курит, спички жгет.

Иркутск, Омск.

67. Раз, два, три, четыре—
меня грамоте учили
не читать, не писать,
только по полу скакать.
Я скакала, я скакала,
себе ноженьку сломала,
меня маменька ругала
и за доктором послала.

Доктор едет на свинье,
балалайка на спине;
балалайка загремит,
меня доктор забранит;
балалайка не гремит,
меня доктор не бранит.

Верхнеудинск—Ленинград.

Часто употребляют только 1—4.

3 и читать и писать.

4 только по полю (с лавочкой) скакать.
только в палочки (нуколки) играть.
только бегать да скакать.
только по двору скакать.
все по лесенке скакать.
и по пепелу скакать.
только денежки считать.
только в прятки играть.

После 4 Я на по полу скакала,
себе ноженьку сломала.
Дайте мне карету,
я домой поеду.

Малой.

Я скакала, я скакала,
себе ножку сломала;
меня мама поругала
и за доктором послала;
едет доктор на быке,
черемшиночка в руке;
черемшиночка упала,
быку под ногу попала;
бык залягался,
братский заругался.

Буреть.

Поломали руки, ноги;
мама за доктором пошла;
доктор едет на свинье,
балалайка на спине;
балалаечка упала.
свинке ножечку сломала.

Верхнеудинск.

Я скакала, я скакала,
себе ножку сломала;
стала ножка заживать,
мама к фельдшеру бежать;
фельдшер едет на свинье,
балалайка на спине.

Куйтун.

Я скакала, я скакала,
себе ноженьку сломала;
моя мама испугала
и за доктором послала;
едет доктор на свинье,
балалайка на спине.

Там же.

Я скакала да скакала,
себе руку сломала,
ножку выставила,
замуж выскочила.

Боровое.

Я скакал, я скакал,
себе ножку сломал;
меня тятка увидал,

за волосья оттрепал.
Мы за доктором послали;
доктор едет на быках,
балалаечка в руках.

Турунтаево.

Я скакала, я скакала,
себе ногу обломала
и за доктором послала;
доктор едет на свинье,
а лекарство на спине.

Иннокентьевский.

Я скакала, я скакала,
себе ножку изломала;
меня маменька ругала
и за доктором послала;
доктор едет на свинье,
балалаечка в руке;
балалайка забренчит,
меня мама забранит;
балалайка зайграет,
меня маменька ругает.

Тулун.

Я скакала, я скакала,
себе ноженьку сломала
и за доктором послала;
доктор едет на свинье,
балалаечка в руке.
Вдруг свинья испугалась,
балалаечка упала,
а свинья-то убежала,
но свинью тут же поймали.
балалаечку сломали.

Иннокентьевский.

Я скакала, я скакала,
себе ноженьку сломала;
побежала я домой,
завязала я травой:
меня маменька ругала
и за доктором послала;
доктор едет на свинье
с балалайкой на спине.

Петроград.

Я скакала да скакала,
себе ноженьку сломала;
пришла домой,
меня мама метлой
выгнала на улицу—
я замерзла.

Иркутск.

Я скакала, я скакала,
себе ножки поломала;
мама, папа прибежал
мне по шее надавал
Едет доктор на свинье,
балалайка на спине;
балалайка зайграла,
а свинья-то заплясала.

Омск.

Я скакал, я скакал,
себе ноженьку сломал,
пошел к бабе лечить,
баба в печке лежит.
Приведу коня на двор,
кого хочу, того вон.

Тверская губ.

Я скакала, я плясала,
себе ножку изломала;
стала ноженька болеть,
стала маменька жалеть.
Не жалей ты, мать родная,
заживет нога больная.

Иркутск.

а. Раз, два, три четыре—
меня грамоте учили;
пять, шесть, семь —
покосился пень.
Он, Дадон,
выйдет от нас вон.

Владимирская губ.

б. Раз, два, три, четыре—
ни к чему меня учили:
ни читать, ни писать,
только по полю скакать.

Мещовск.

68. Раз, два, три, четыре, пять—
вышел зайчик (зайка) погулять.
Вдруг охотник выбегает (набегает
прямо в зайчика (зайку) стреляет
Пиф-паф (пих-пах) ой, ой, ой—
пропадает зайчик мой.

Владивосток—Ленинград

3 Вдруг охотничек идет.
Вдруг охотник из лесу.
Вдруг охотнички нагнали.
4 стали в зайчика стрелять.
он в зайчика стреляет.
зайке в левый бок стреляет.
молча в зайчика стреляет.
5 Пих, пах, боже мой.

5-6 Драх, друх, а зайчик—ух,
полетел из зайки пух.

Бах, бух,
полетел из зайки пух.

Пиф-паф фок—
прямо зайку в левый бок.

Пиф-паф фок—
прямо зайке пуля в лоб.

Хоп, хуп—
вот и зайка на столе.

Шум, гром—
поди вон.

И мой зайчик умирает.

После 4 Вот и пуля засвистала,
прямо в зайчика попала,
и зайчика не стало.

Тверская губ.

Принесли его домой,
оказался он живой;
принесли его домой,
прямо в печку головой.
Пиф, паф ой, ой, ой —
умирает зайчик мой.

Лихославль.

Пях, пах, ой, ой, ой —
умирает зайчик мой,
и везут его домой
на машине паровой,
а машина не довозит,
машинист за ручку возит.

Иркутск.

а. Раз, два, три, четыре, пять —
вышел зайчик погулять,
разбойник пострелять.
Тюх, тях — зайчик пал.
Вышла!

Курзан.

б. Раз, два, три, четыре, пять —
вышел зайчик погулять.
Фик, фок —
и охотник стрельнул прямо в бок.

Иркутск.

в. Раз, два, три, четыре, пять —
вышел зайчик погулять,
но охотник не пришел,
зайчик поле перешел,
даже усом не повел,
в огород потом забрел.
Что нам делать,
как нам быть?
нужно зайку изловить.
Снова будемте считать:
раз, два, три, четыре, пять.

Голуметь.

4—9 зайка поле все прошел,
в огород потом взошел, —
нужно зайку нам словить.

Лихославль.

69. Раз, два, три, четыре, пять —
всем из дому выбегать.
Кто не выбежит,
того выберем...

Иннокентьевский.

3—4 Кто не выбежит,
того на дому пятнать...

Кто останется,
тому пятнать...

Кто не выбежит,
тому пятнать...

70. Раз, два, три, четыре,
пять, шесть, семь, восемь —
вышла баба с долгим носом.

Перфилово.

а. Раз, два, три, четыре,
пять, шесть, семь, восемь —
ходит баба с длинным носом,
а за нею дед
Сколько деду лет?
Говори поскорей,
не задерживай людей.

Лихославль.

71. Раз, два, три, четыре, пять,
шесть, 7, 8, 9, 10 —
выплыл ясный (красный) месяц.

Коровино—Лихославль.

3 вышел солнце-месяц.

вышел белый (бледный) месяц.

После 3 А за нею и луна;

до свиданья, господа.

Лихославль.

Царь велел его повесить,
а он весил пудов десять.

Иркутск.

Царь велел его повесить
и копьем пронзить,
и тебе водить.

Тверская губ.

а. Раз, два, три, четыре, пять —
вышел месяц погулять;
шесть, 7, 8, 9, 10 —
царь велел его повесить.

После 4 Часты звезды набежали,
царю месяца не дали.

*Иркутск, Куйтун,
Ленинград.*

б. Раз, два, три, четыре, пять,
шесть, семь, восемь, девять, десять,
выплыл ясный (круглый) месяц,
а за месяцем луна,
мальчик девочке слуга.
Ты, слуга, подай карету,
а я сяду да поеду.
Ты, слуга, подай метлу,
а я в карете подмету.

Владивосток—Ленинград.

3—4 вышел месяц и луна.

5 а за ним слуга.

дева, мальчик и луна.

парень девице слуга.

вышли барин и слуга.

7 а я сяду—полечу.

8—9 Ты, слуга, подай мне таз,
я поеду на Кавказ.

Иркутск.

Черны брюки, белый флаг,
галифе носил дурак.

Там же.

Ты, слуга, подай свечу,
и я сяду—улечу.

Владивосток.

После 9 Ты, слуга, подай лимон,
убирайся к черту вон.

Псковская губ.

Черны брюки, красный флаг
и поеду как дурак.

Иркутск.

Ты, слуга, подай калошу,
а я дам тебе по роже.

Ленинград.

Ты, слуга, подай калошу,
я тебе же в морду брошу.

Иркутск.

Ты, слуга, подай свечу,
я в карете посвечу.

Ленинград, Иркутск.

В вар. читаются 1—6, затем:

Я поеду в маскарад,
погляжу, какой наряд—
черны брюки, черный флаг.
Мышка жучку взял под ручку,
а барбосик - красный носик
стал на дудочку играть.

Акмолинск, Боровое.

Я поеду в маскарад,
погляжу, какой наряд—
черны брюки, черный фрак,
кто наденет, тот дурак.

Куйтун.

А я сяду и поеду
через горы, через лес,
там увижу черный крест;
под крестом моя могила,
на кресте моя любовь.

Тины.

Я поеду через лес,
там увижу черный крест;
на кресте моя могила,
за крестом моя любовь.

Иннокентьевский.

Я поеду на Кавказ,
погляжу на весь наряд—
черны брюки, белый (красный) флаг,
а кто вышел, тот дурак.

Ленинград.

Я поеду в маскарад,
привезу тебе наряд:
черны брюки, черный фрак,
а кто выйдет, тот дурак.

Сандово.

72. Раз, два, три, четыре, пять —
вышли мальчишки играть,
стали друг друга считать
да водилку выбирать.
Им стал дядя Родивон,
пусть он выйдет отсель вон.

73. Раз, два, три —
ты свободный, выходи.

Худоелань.

74. Раз, два, три, четыре, пять,
шесть, 7, 8, 9, 10 —
царь велел жене повесить.
Раз, два, три, четыре,
пять, шесть, семь —
я тебя съем.

Иркутск.

75. Раз, два, три —
гуляем мы.

Там же

76. Раз, два, три —
нос утри;
раз, два, три, четыре, пять —
будем прыгать мы опять.

Кузнецк.

77. Раз, два, три —
поди водить ты.

78. Раз, два, три —
слышал, вышел,
вон повышел (пошел).

Ленинград.

79. Раз, два, три —
кто не выйдет,
тот гали.

Тулун.

80. Раз, два, три —
с . . . брал ты.

Турунтаево.

81. Раз два, три, четыре, пять, шесть —
тут ошибка в счете есть,
надо снова перечесть.

Тулун.

82. Раз, два, три четыре,
пять шесть, семь —
убирайся ты совсем.

Худоелань.

83. Раз, два, три —
Ваня, не кури.
Раз, два, три, четыре, пять —
Ваня, не кури опять.
Раз, два, три, четыре, пять,
шесть, семь, восемь —
Ваня, не кури, мы просим.
Турунтаево.
84. Раз, два, три, четыре, пять —
это, верно, пук . . . а ты опять.
Худоелань.
85. Раз, два, три, четыре, пять —
собралась ведьма умирать;
черти-то звонягь,
ведьмушку хоронят.
Барнаульский у.
86. Раз, два, три, четыре, пять —
букой вздумали пугать;
три четыре, пять и шесть —
вы не верьте, что он есть;
пять, шесть, а дальше семь —
буки, братцы, нет совсем.
Иркутск.
- а. Раз, два, три, четыре, пять —
букой вздумали пугать;
раз, 2, 3, 4, 5 и 6 —
вы не думайте, что он есть;
раз, 2, 3, 4, 5, 6, 7 —
буки вовсе нет, совсем.
Там же.
- * 87. Раз, два — голова.
три, четыре — платье шили,
пять, шесть — хлеб-соль есть,
семь, восемь — сено косим;
девять, десять — муку весить.
Верхнеудинск, Тулун.
- 2 три, четыре — прицепили.
3 пять, шесть — хочу есть.
пять, шесть — сено есть.
пять, шесть — сено возть.
5 девять, десять — деньги весят.
После 5 одиннадцать, двенадцать —
старухи бранятся...
одиннадцать, двенадцать —
на улице бранятся,
в избе ссорятся...
одиннадцать, двенадцать —
на дворе бранятся.
Что они бранятся?
Грош потеряли.
копеечку нашли.
пошли они в лавочку.
Что они купили?

Кому — пуговку литую,
кому — серьгу золотую,
кому — красный сарафан.

Верхнеудинск.

- а. Раз, два — бьют (бью) вола,
три, четыре — прицепили (подцепили),
пять, шесть — бьют шерсть,
семь, восемь — сено косят (косим),
девять, десять — деньги весят.

Мещовск.

- б. Раз, два — поехали по дрова.
три, четыре — прицепили,
пять, шесть — бьем шерсть (в шест),
семь, восемь — сено косим,
девять, десять — деньги весить.

Кузнецк, Ленинград.

- 1 Раз, два — по дрова.
3 пять, шесть — на шест.
После 5 одиннадцать, двенадцать —
кафтан по рубль двадцать.

- в. Раз, два — кружева,
три, четыре — прицепили (говорили),
пять, шесть — кашу есть,
семь, восемь — сено косим,
девять, десять — на гвоздик весить,
одиннадцать, двенадцать
бабы на улице бранятся.

Верхнеудинск — Владимирская г.

- 5 девять, десять — деньги (масло) весят.
девять, десять — белый месяц.
После 7 О чем они бранятся? —
О красном сарафане:
кому — клин, кому — стан,
кому песь сарафан.

Самара.

О чем они бранятся?
О красном сарафане:
кому — клин, кому — стан,
кому — красный сарафан.
а поповой дочке —
красные чулочки.

Томская губ.

Кому клин, кому стан,
кому синий сарафан,
кому серьги золотые,
кому пуговики лите.

Балаганск.

О чем они бранятся?
Грош потеряли,
пятачек нашли,
в кабачок пошли.

Владимирская губ.

Тринадцать, четырнадцать —
перо и чернильница,
пятнадцать, шестнадцать —
поехали кататься.

Верхнеудинск.

Последний стих этого варианта:
позвольте расписаться.

Лихославль.

г. Раз, два — идет беда,
три, четыре — прицепили,
пять, шесть — жертва есть,
семь, восемь — розы косим,
девять, десять — жертву весить.

Большая Уса.

д. Раз, два — послали по дрова,
три, четыре — прицепили,
пять, шесть — бьет семь,
семь, восемь — сено косим,
девять, десять — деньги весить.

Кузнецк.

е. Раз, два — шла мордва,
три, четыре — подцепили,
пять, шесть — сесть на шест,
семь, восемь — сено косим,
девять, десять — деньги весят,
одиннадцать, двенадцать —
на улице болтацца.

Иркутск.

ж. Раз, два — кружева,
три, четыре — прицепили,
пять, шесть — кашу есть,
семь, восемь — деньги просим,
девять, десять — белый месяц,
одиннадцать, двенадцать —
на улице бранятся:
девки делят сарафан —
кому клин, кому стан,
кому целый сарафан,
кому пуговики литые,
кому серьги золотые.
Царь-царица на лугу,
потерял мужик дугу,
плакал, плакал не нашел,
к государыне пошел:
ты, барыня-сударыня,
роди мне сына
в четыре аршина.
Младенец не велик —
во всю лавочку лежит;
он стал на дыбок,
достал потолок.

Архангельск.

88. Ведьма села на буфет,
съела тридцать пять конфет.
Раз, два, три —
это, верно, ты.
Раз, два, три, четыре, пять —
это, верно, ты опять.

Раз, два, три, четыре,
пять, шесть, семь —
это, верно, ты совсем.
Раз, два, три, четыре, пять,
шесть, 7, 8, 9, 10
черт велел ее повесить.

Ленинград.

89. В нашей маленькой компании
кто-то сильно навонял.
Раз, два, три —
это, верно, ты.

1 Между нами, господами.
2 кто-то с .. колбасами.
есть пузатый господин (человек).
4 это, верно, братец, ты.

После 4 Раз, два, три, четыре, пять —
это, верно, ты опять;
раз, два, три, четыре,
пять, шесть, семь —
это, верно, ты совсем.

Мальта—Колпашево.

а. Между вами, между нами
кто-то сел, навонял.
Раз, два, три —
это, верно, ты.

2 кто-то в ваторе н л.
кто-то с...т колбасами.
кто-то в сенцах навонял.

Верхоленск, Ленинград и др.

б. Под железными столбами
кто-то с е р и л калачами.
Раз, два, три —
это, верно, ты.

Владивосток, Балахта.

в. Между нами, господами,
кто-то шибко навонял.
Раз, два, три —
это, верно, ты.
Раз, два, три, четыре, пять —
это, верно, ты опять.
Раз, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10—
кто вонял. того повесить.

8 Надо дурака повесить.

Куйтун.

90. Дашенька-толстушка
ехала к подружке
коляска сломалась,
Даша засмеялась.
Раз, два, три —
ну, выходи.

Балахта.

91. Ёхарь-бòхарь три пошел,
семь копеечек нашел.
Раз, два, три,
раз, два, три —
вышел, Сеня, ты.

Братское.

92. Заяц (зайчик) белый.
куда бегал?
В лес дубовый.
Что там делал?
Лыжи драл.
Куда клал?
Под колоду (березу).
Кто украл?
Раз, два, три —
это, верно, ты;
раз, два, три, четыре, пять —
это, верно, ты опять;
раз, два, три, четыре,
пять, шесть, семь —
это, верно, ты совсем;
раз, два, три, четыре,
пять, шесть, семь, восемь —
становися в угол носом.

Лихославль.

93. Кулю, кулю кушки —
четыре лягушки,
пятый карнатый,
шòстый безхвостый.

Малой.

94. Лебедь, щука, рак,
кто из вас дурак?
Раз, два, три —
это, верно, ты.

Ленинград.

95. Между нами, дураками,
есть один большой дурак.
Раз, два, три —
это, верно, ты.

1 Здесь из всех. из дураков.
В этой комнатке уютной.

Турунтаево — Ленинград.

а. Между нами, дураками,
есть один большой дурак.
Раз, два, три —
это, верно, ты;
раз, два, три, четыре, пять —
это, верно, ты опять;
раз, два, три, четыре,
пять, шесть, семь —
это, верно, ты совсем.

7—9 раз, два, три, четыре, пять, шесть —
это ты и есть.

Раз, два, три, четыре, пять,
шесть, 7, 8, 9, 10 —
царь велел тебя повесить.

Урулья - Ленинград.

96. Первой, второй
с места долой.

Иркутск.

97. Первой бравой,
другой кудрявой,
третий вшивый,
четвертый паршивый,
пятый проклятый,
шестой со вшой.

Турчасово.

98. Раз, два,
три, часычи,
перем, ёрем,
второй ёкч

Куйтун.

99. Тары-бары, растабары,
кто сидит там под столбами?
Раз, два, три —
это, верно, ты.

Иннокентьевский.

100. Чирдиржик - мирдиржик,
хрупчик один,
чирдиржик - мирдиржик,
хрупчик два,
чирдиржик - мирдиржик,
хрупчик три.

Ленинград.

101. Шла кукушка мимо сети,
ей попались злые дети;
раз, два, три —
это, верно, ты;
раз, два, три, четыре, пять
одного нужно убрать.

Тулун.

102. Шла машина из Тамбова,
потеряла три вагона, —
раз, два, три.

Ленинград.

103. Эна - бэна,
три конторы.
сахар-махар,
помидоры.
Раз, два, три —
это, верно, ты.

Иркутск.

- а. Эни-бэни
три катени,
шахер-махер,
помадени,
раз, два, три, четыре, пять —
это, верно, ты опять.

Иркутск.

- б. Энэ-бэнэ
трибабэнэ,
сукарь-макарь
помадэнэ.
Раз, два-с,
вот и вышел
кислый квас.

Урульга.

104. Эни-бени козу гнал,
немец курицу украл.
Не шипи, моя кастрюля,
я бульону подолью.
Все ухваты взбунтовались,
кочерга пошла плясать.
Раз, два, три, четыре, пять —
это, верно, ты опять.

105. Ехал мужик по дороге,
сломал колесо на пороге.
Сколько гвоздей
надо ему на починку?
Троицкосавск—Ленинград.

- 1 Ехал мужик на телеге.
Ехал путник по дороге.
Ехал король на пароходе.
2 потерял колесо на дороге.
3-4 Сколько гвоздей
нужно тебе?
Сколько надо
на починку гвоздей?
Сколько ему
на починку гвоздей?
Сколько пужно
гвоздей на починку?
Сколько требуется спиц
для починки колесницы?
Сколько ему
нужно гвоздей
для починки колес?
Сколько надо ему гвоздей,
чтоб починить колесо?
Сколько надо гвоздей,
говори поскорей!..
Сколько гвоздей,
говори —
на починку — поскорей!..
Сколько ему
нужно гвоздей
для починки, —
говори скорей!..

Сколько гвоздей (спиц)
на починку ушло?

Сколь на починку
идет гвоздей?..

Много ли надо
на починку гвоздей, —
говори поскорей!..

Спрашивает:
сколько уйдет гвоздей
на починку колеса?..

И спрашивает:
много ли надо
на починку колеса
гвоздей?

Сколько гвоздей
возьмешь за починку? .

Сколько гвоздей на починку? —
говори, не задумывайся! .

Сколько нужно гвоздей
на починку колеса, —
говори поскорей!..

Сколько гвоздей, —
говори поскорей!
не задерживайся! .

Сколько гвоздей
надо ему на починку?..

Сколько ему
на починку гвоздей?
эй, говори поскорей!..

Сколько гвоздей
на починку ушло, —
угадай-ка! .

Сколько ему
на починку гвоздей?
Раз, два, три —
вышел ты!..

- а. Ехала карета
по новому мосту;
мост изломался, —
сколько гвоздей на починку?

Иннокентьевский.

- б. Ехал крестьянин,
сломалась дуга,
сколько гвоздей
нужно туда?

Тулун.

- в. Ехала телега,
сломалось колесо;
много ли на починку гвоздей, —
сказывай скорей!

Костромская губ.

- г. Ехал Ваня из Казани,
сломал Ваня колесо, —
сколько надо гвоздей?

Тверская губ.

106. Ази, двази,
тризи, изи,
пятам, латам,
шума, рума,
дуба, крест, —
пошел Ванька в лес,
срубил палку,
убил галку, —
на, собака, ешь.

Тулун, Нижнеудинск.

1—5 Азы дванжи
тринжи волынжи
пята лапа
дуба крест, —
пошел Ванька в лес [и т. д.]

Душкачан.

107. Девятина, десятина,
кошка хруп,
под окошком стук,
там цыгане идут.

Владимирская губ.

108. Едино, друино,
на кикир на вино
кэплэм бэйлэм
стукулёс дерулёс
бибкам клёц.

Кауна.

109. Однака, двака,
трека,
чечи, начи,
вывки, нывки,
ново, сково,
жа.

Ленинград.

110. Одынчики, первынчики
поихали по зайчики
задком передком
де колесный двор,
де колесна душа
сыкын, мыкын, клёц.

Малой.

111. Первички-нарвички—
убили голубички,
по насту по гласту,
по белому крыласту,
шоголь-гоголь, горлышко.

Колпашево.

112. Первички (птички), другички—
на жолубе яички,
тинь-тили-линь—
манушка, сокда (казак), богатырь.

Кежма.

113. Первички, другички
на кдлобе на ждлобе
ставка плавка (плёвка),
сучек, обручек,
мотовильце, рожок,—
поди вон, пирожок!

Киренск.

114. Первенчики, другёнчики—
летали (убили) голубёнчики
по божьей росе,
по поповой полосе;
там чашки (шишки), орешки,
медок, сахарок (колобок),—
выйди вон, королек.

Иркутск, Абаканское и др.

1—2 Пермешки, другешки—
летали голубешки.

3 по морю, по горю.
по Волге реке.

3—4 на божью росу,
на попову полосу.

4 по чужой стороне.

по чистому полю.

5 там чашки и ложки.

6 соты да медок.

медок и ледок.

7 выйди, Ваня-королек.

полюбуйся, королек (городок).

В вариантах между 2 и 3:
на жолобе, на болобе.
на солово, на олово.
по селам, по мелам.

После 7 Поезжай в городок,
купи горшок—
не мал не велик,
в полтора ведра.
Пошел вышел
по дух вон (или: вон пошел).

Кострома.

Сходи в Торжок,
купи горшок—
не мал, не велик,
полтора ведра.

Там же.

а. Перведунчики, дрыгунчики—
летали голубунчики
по Волге реке,
по чужой стороне,
там пешки, орешки,
часк, сахарок.
Сышел, вышел,
вон пошел.

Омск.

115. Первенцы, другенцы—
убили голубенцы
на солоде на млоде,
на божьей росе,
на поповой полосе;

там чашки куют,
там ложки куют,
поварешки куют,
шухма-бухма,
кипень-выкинъ,
усь, медведь,
на попову клетъ,
не бери больших,
бери маленьких
да косолапеньких.

Абаканское.

116. Первичики, другичики --
летали голубичики
по божьим Русям,
по торговым площадям,
видали реку,
золотую косу,
Ивана, Романа,
Семена, Петра,
седого козла,
глухаря-болтаря,
водицу-бунтаря.

Владимирская г.

117. Первѣнчики, другѣнчики,
трынцы, волынцы,
пяден, ладен,
шухман, бухман.
Радивон, поди вон.

3 пятый, мятый.
4 сокман, локман.

Мишукова, Мещовск.

а. Первенчики, друженчики,
трынцы, волынцы,
шишел-вышел,
вон пошел.

Мещовск.

118. Первичики, другичики --
убили колобичики
по настам, по устам,
по лепистам
Катерина ста
золотая узда.

Коровино.

119. Первѣнчики, другѣнчики --
убили колобѣнчики;
на холоде, на молоде,
на божьей Русѣ,
на поповой полосе
стоит чашка да ложка,
попова поварешка,
соты да медок, --
поди вон, королек.

1 Стаканчики пряники.

Вологодская губ.

120. Первичики, другичики --
убили голубичики,
за морем море,
стлело горело
сине опалило
за морем летело,
за морем церковь,
в церкви Микола,
Дарья Быкова.

Верхоленск.

121. Первѣнчики, другѣнчики --
на хѣлобе на ѣлобе,
на божьей росе,
на поповой полосе,
там дьякон пишет
черным углем:
зрело, горело,
по заморю летело.

Архангельская губ.

122. Первитики, другитики --
на кѣломи на мѣломи
пьявка ручавка,
прела горела
заматорела (за морем летела)
чурик, башмак, паголовка.

Александровский у.

123. Первички,
дружички --
камарики,
карачики,
кто поп,
кто журак,
Радивон,
пойди вѣн!
кто у печи,
кто за дрова,
што у печи?
у печи квас.
Лови мышей,
да не нас.

124. Первичики, другичики --
убили голубичики
на кѣлобе, на жѣлобе
ставка, пленка,
сучек, обручек,
мотовильце, рожок.
Вышел месяц,
сорвал травку,
положил на лавку;
кто взял -- не взял,
тот -- чур -- пошел.

Иркутск.

а. Племенчики друженчики—
на голубе, на жолобе,
ставка, пленка,
сучек, каблучек.
Заяц-месяц
вырвал травку,
положил на лавку.
Кто взял?
Радивон.
Выйди вон.

Верхнеудинск.

б. Перводан, другодан—
на четыре угадал,
пятьсот Юрьёв.
Катерина-кочка,
голубина ножка.
Заяц-месяц
сорвал травку,
положил на лавку.
Кто взял, не взял,—
Радивон,
ступай вон за вином.

Владимирская губ.

125. Первенчики, дружинчики,
тлыцы, волицы—
на шесток, на порог,
поди на торжок,
купи горшок,
не мал, не велик,
в полтора ведра.
Пришел, вышел
из моря вон—
тпрусь, квась,
князь.

Поволжье.

126. Первенчики, друженчики—
на коробе рубенчики.
сучок, топорок,
поедь в Торжок,
купи пирожок,
товарищам
по лапшам —
тюк.

Дубовики.

127. Первыризы, новыризы
кому? Царю-царевёю,
соколею, воробёю,
пияцы на яицы,
чохман, лохман,
дыкинъ. выкинъ.

128. Перведичики, другичики—
убили голубичики,
на пять костров
мотавильных дров.
Кто тут шишел,
вышел?
вон пошел.

Мальта.

129. Первички, другички—
шалуны мальчишки
стали играть,
воду выбирать:
ну ка-сь ты, Дадон,
убирайся вон!

Владимирская губ.

а. Первенчики, бубенчики,
шухтан, бухтан.
Радивон, поди вон.

Мишуково.

130. Первичики, другичики —
на накати катичики
не бог, не горох,
не лихая птица.

Киренский уезд.

131. Первинцики, другинцики —
непото потынцики
под пень—пень,
на окошкин день.

Вологодская г.

132. Перводан, дрогодан—
на колоде барабан,
прели, горели,
за морем пали,
овин шишки,
золотые пишки;
ласточка-берёсточка
покатилась в огород,
кто поднимет,
тот ярёк.

Мещовск.

133. Перводан, другодан—
на четыре угадал,
пятьсот судья,
пономарь ладья.
Прело, горело,
яа море летело;
за морем Микола,
жена Куликова.
Оксенья Быкова.
Стук, гром—
стекло вон.

Омск, Курган.

134. Перводан, друго́дан —
на четыре барабан,
на пятьсот тюрьма,
пономарья Улья.

Дикая утка
на море пала,
церковь стала,
церковь Микола,
Дарья Быкова.
Шишел, вышел,
вон пошел.

Коровино.

135. Перводан, друго́дан —
на четыре лебедан,
пятков, лутков,
пономарь Цветков,
прело, горело
комар улетело.

Колпашево.

136. Перводан, друго́дан —
на колоде барабан.
прела, горела,
за морем летела, —
шишел, вышел.
вон пошел.

Владимирская губ.

137. Каврадан, друга́дан —
на колоде барабан,
свистель-коростель,
симушка-тетерь,
сокол-богатырь.

Ленинград.

138. Перводан, друго́дан —
на колоде барабан,
чустель-коростель,
капелюшка-тетерька,
сокол-богатырь.

3—4 свистел ка асел
на бабушке тетел.

Верхоленский у., Баргузин.

139. Перводан, друго́дан —
на колоде барабан
пятнёрка, тетерка,
утюг.

140. Перводан, друго́дан —
на четыре угадал,
пятьсот судья (бадьа, кутья),
пономарь бадьа (людья),
ступа, лопата,
корова горбата.

*Кокшенга, Костромская и
Тверская г.*

2 на четыре колодан.
три, четыре загадал.
5 пику. лопату.
5—6 шишел, вышел,
вон пошел.

Стук, звон,
пошел вон.

Треха-мареха,
сел (сила) сокол.

141. Первотан, друготан —
на четыре угадал,
пятьсот Юрья,
пономарь судья,
как ни плакала колеска —
голенькие ножки,
по насту крыластый,
скакал сокол-ёкол,
долгий нос.

Тверская губ.

142. Перводан, друго́дан —
села баба на баран;
покажи рубежи,
куда хошь побежи.

Тотемский у.

а. Перводан, друго́дан —
села баба на барана,
поехала по горам,
по крутым берегам,
по святым воротам.
Выскочил зайка,
нарвал травку,
положил на лавку, —
кто взял?

Дубовики.

143. Первый дан,
другой дан —
на колодец сыграл.
пятьсот снял,
на миру упал,
церкву снял,
вор в башмак, —
вон, толстяк.

3 на колоде сыграл.

Голуметь.

144. Первый дан,
другой дан —
на колоде барабан;
девка с пятерок упала,
венки поломала, —
пень да вень
девятый день.

Шабарта.

145. Перводан,
другодан,
третьедан --
на реке рыбодан;
пан, пан, панак,
гоголиха, десятók.

Вологодская губ.

146. Первунчики, драгунчики,
пядун, ладун,
мохвен, вòхвен,
дыкинъ, выкинъ,
соколѣц,
выйди прочь,
наконец.

Мещовск.

147. Петрован-кургадán,
наколѣдешной лобán,
петѣлка, игѣлка,
тетѣрька,
сокол-молодец.

Минусинск.

148. Разом, двазом,
трикузиком --
шишел, вышел,
вон пошел,
надел шапку
и ушел.

Иркутск.

а. Раджи, дваджи,
пята, сота,
ева, дуба, хрест --
на полати кто-то влез.

Басмасова.

149. Шенчик, друженчик --
летал теплетѣнчик
по божьей росе,
по татарской косе.

Смоленщина.

150. Раз, два, три, четыре, пять --
вышел зайчик погулять.
Вдруг охотник выбегает,
прямо в зайньку стреляет:
пиф, паф, пиф пáf!
Едет баба на волах.
Постой, баба. погоди,
почем пироги
в Москве на лотке,
на железном листке?

Тулун.

151. Между нами, дураками,
есть один большой дурак.
Раз, два, три --
это, верно, ты;
раз, два, три, четыре, пять --
это, верно, ты опять;
раз, 2, 3, 4, 5, 6, 7 --
это, верно, ты совсем;
раз, два, три, четыре, пять,
шесть, 7, 8, 9, 10 --
вышел красный месяц
над большим окном,
царь велел его повесить
над своим окном.

Тамбов.

152. Раз, два, три, четыре, пять,
шесть, 7, 8, 9, 10 --
вышел красный месяц,
а за месяцем луна,
мальчик девочке слуга.
Ты, слуга, подай карету,
а я сяду да поеду,
на боярский двор заеду,
там бояре живут,
красны шапочки шьют.
Одна шапочка упала,
татарушечка подняла,
поп Матвей
побежал за ней,
курица на улицу,
петух в окно,
упал в г...о

Горячинское, Омск, Ленинград.

153. Первинчики, другинчики --
летали голубинчики
по ёлову, по жѣлобу,
по божьей росе,
по поповой полосе.
Там дьякон пишет
черным углем:
Прело, горело,
по занебу летело,
в занебе-то церква,
в церкви Никола.
Анна Быкова.
Тулю, зулю,
кошка-мяв,
черевик-башмак, --
поди вон, толстяк.

154. Первый дан,
другой дан,
на четыре угадан --

пятьсот судья,
пономарь, ладья,
голубина ножка.
Прело, горело,
за море летело,
за морем церква,
село Куликово.
Матвей долгоносый
ехал на колесах.
колеса скрипят,
помазаться хотят.
Марья Петровна
поехала по бревна,
задела за пенек,
просидела весь денек.

155. Азы, двады,
тризы, ризы,
пята, лата,
туни, муни,
тупа, крест.

Костромская губ.

а. Анзы, дванзы,
тринзы, волынзы,
пятый, латый,
буди, крест.

Ленинград.

б. Рази, двази,
тризи, ризи,
пята, лата,
фуни, муни,
дуби. крест.

в. Рандзы, двандзы,
триндзы, волынды,
пята, сота,
искры, быстры,
дуба, крест.

Иркутск.

г. Ранза, дванза,
триза, риза,
пята, шата.
сива, грива,
дуб, крест.

Н. Каменка.

д. Ранзы, дванзы,
тринзы, волынзы,
чехман, ехман,
филин, дубо,
кока, крест.

Куйтун.

е. Ранзы, дванзы,
тринзы, бронзы,
пятым, латым,
шистым, глистым,
бубом, крестом.

Иркутск.

ж. Ранзы, дванзы,
тринзы, инзы,
пята, ята,
сива, ива,
дубо, крест.

Ленинград.

з. Ранцы, дванцы,
тринцы, волынцы,
пята, сота,
искры, быстры,
тупа, крест.

1 Яндзы, двандзы
2 три каланзы.

Минусинск, Красноярск.

и. Янзы, дванзы,
три, каланзы,
пята, сота,
ты красота,
стебень, дубень,
маков крест.

Красноярск.

156. Анзы, дванзы,
тринзы, волынзы,
пятам, латам,
чехман, ехман,
филин топ.

Иркутск, Тулун и др.

2 тринзы лынзы.

3 пята, лята.
пятум. латум.
шпатый, лятый.

4 чехар ехар.

5 филин, кок.
филин, дом.

а. Анзы, дванзы,
тринзы, волынзы,
пятом, ладом,
филин, кок.

Куйтун.

б. Ранзы, дванзы,
тринзы, воланзы,
пятый, латый,
чохман, ехман,
вилин ток.

Иркутск, Абаканское и др.

3 пятом ладом.
пяты латы.
пятын латын.
пятыи млатом.

4 ток, молоток.
тохман, зѣхман.

5 филип, кок (док).
филин, стой!
фильд. ток.
филия ток—голит!

в. Ранзы, дванзы,
тринзы, линзы,
пята, лата,
шоком ехом,
филин (вилен) дуб.

Иркутск, Урульга, Ленинград.

3 пятам, латам,
4 чѣхмон, ѣхмон.
чохмон мохмон.
5 [редко] тилим бом.

г. Рандзы, двандзы,
триндзы, воынды,
пята, лата,
чихман, мохман,
филин, дуба,
кока, крест.

Куйтун.

д. Ранзан, дванзан,
тринзан, лынзан,
пятым, шѣстым,
мяхом,
филин, тон.

Шимки.

е. Разу, дваду,
тризу, ризу,
пята, лату,
шун, муни,
дуба, крест.

Владивосток.

ж. Андзы, двандзы,
триндзы, воынды,
пятан, латан,
чикинь, выкинъ.

После 4 тохпан, бохпан.

*Иннокентьевский,
Минусинский у.*

з. Анди, дванди.
тринди. лынди,
пята, лата,
чик, малата,
девер, дюк.

Ленинград.

157. Анс, цвей, драй—
Лида, Лида, лай,
окин, бокин, шандарыкин,
шарин, барин, пик.

Ленинград.

а. Эйнс, цвэй, драй—
озер, лизер лай
окн, бокн
клинген глокен
сурл, пэрл,
юксэ-бухсэ.

Баргузин.

б. Эйнс, цвэй, драй—
одер, лидер лай
оком, боком
бэйдэ глоком
цирл, пирл
бикс, аруйс.

Там же.

158. Анзы, дванзы,
тринзы, воынзы,
пятом, латом,
шохман, лохман,
фигус, мигус,
четверга.

Ленинград.

а. Ранзы, дванзы,
тринзы, воынзы,
пятын, латын,
шохман, ѣхман,
фигус, мигус,
под ковригус.
Кто тут шишел,
вышел? вон пошел!

Мальта.

б. Анцы, дванцы,
тринзы, воынзы,
ятер, бятер,
шуер, буер,
цо—кольцо.

Верхнеудинск.

в. Анжи, дванжи,
тинжи, воынжи,
пятам, латам,
тохман, рохман,
деревен и дюкц.

Там же.

г. Анчик, дванчик,
тринчик, голянчик,
пятым, ятым,
сукум, дукум,
девер, декс.

Кауна.

159. Одноко, двоко,
троко,
чиче, паче,
титкин, мыткин,
нова, зга.

Мещовск.

а. Однака, двака,
трека,
чечи, пачи,
вывкин, пывкин,
ново, сково,
жа.

Ленинград.

160. Разы, двазы,
тризы, ризы,
пята, лапа,
шурма, юрма,
печка, джа.

Подстепновское.

а. Разим, двазим,
тризим, ризим,
шата, лата,
шахта, бахта,
тюлюнтюк.

Иннокентьевский.

б. Ранзы, дванзы,
тринзы, риназы,
чохар, ёхар,
пигу, сигу,
стрүп.

Иркутск.

в. Ранзы, дванзы,
тринзы, волынзы,
пятир, ятир,
чайка, ворон,
кудри—он.

Туруктаево.

161. Одинже, дванже,
тринже, волынже,
пятом, латом,
чехмон, ёхмон.
фелин, дуп.

Ленинград.

162. Лынзы, двинзы,
тринзы, ланзы,
пяту, лату,
пыхтум, быхтум,
девять, штык.

Тальцы.

163. Разик, двазик,
трику, зику,
пятыш, ладыш,
колдыш, молдыш,
трубы, как.

Тулун.

164. Трынзы, влынзы,
пята, сота,
ивады,
памата,
крест.

Тальяны.

165. Тринчик, голычик,
пятым, ладым,
шухим, хухим,
девор, декус,
треск.

Мошлевская губ.

166. Янзы, дванзы,
тринзы, волынзы,
пята, лата,
шухтер, бухтер,
квинтер, син.

Нижеудинск.

2. Заумные считалки.

167. Айны, дэву
рики, факи,
торба ёрба
он дэсмаки
дэус дэус
касмадэус
бакс.

Омск.

168. Ай, рай
ту фа сон
энэ пэнэ
букс.

Верхнеудинск.

169. Ангель-вангель
три атру
фицель фэус
фи а фу
ан дан
ригистан
риги, риги
ропс.

Нарва.

170. Анды-банды
тикольца
рада бада
гналь.

Колпашева.

- а. Энега бэнега
си колеса
радуга-бадуга
наль.

Зеля.

171. Анка-банка — реч
кынта, жеч.

Колпашева, юр. Тибиян.

172. Ани бани
дуди пәди
торба ёрба
и башмаги
кәут лямба
тамба вәк.

Горячинское.

- а. Ени бэни
дуки паки
шор ботори
башмаки
эву штэву
кушнатэву
там полям
вәк.

Иркутск.

- б. Эны бэны
друки паки
шорба торба
и башмаки
эуш кеуш
куш матеуш
лямба тамба
век.

Верхнеудинск.

- в. Эни мәни
дуки паки
торба торба
и башмаки
эус геус
дук матэус
лампа тампа
вәк.

Иннокентьевский.

173. Анка дранка
драл бедру
фибер фәбер
фибер фу
ан дран
литер сән
это флёт
канифән.

Кузьмино.

- а. Анки дранки
тилиштрю
фабер, фибер
фаберкю
ан дан
ридаштан
ханэ хинэ
ханикан.

Иркутск.

- б. Анка дванка
триатру
финтер фатер
фияфу
андан речистан
речи, речи,
о, мадам!

Лихославль.

- в. Анки дранки
трили друк
чебер фабер
фабер фук
ам дам
ини ити
кам у
тә бри.

Иркутск, Киренск.

- г. Анка дранка
дру едру
четар фаер
фу ерфу
ан дран
дугестан
уда вида
уда кан
унти бри.

Балахта.

174. Анта банта
туя сёя
ис тальянта
бумазея
туя пуя
ясафора
ена пена
туз туз.

Теплуха.

- а. Андырь бандырь
турасей (дурасей)
из тальянских
бурмасей (бурасей)
аю раю
туфафо
эна бэна
бус.

Мещовск.

175. Анца бранца
чоха ёха
дуба крест.

1 Инцы бранцы.

Аршан.

176. Арцы барцы
гривна шварцы
егель мегель
форс.

2 гривен фары.

3 егин мегин.

Уфимская губ., Ленинград.

177. Атки пѣтки
чуткимѣ
аболь фаболь
доменѣ
ики пики
граматыки
шест крест
яблоко.

Омск.

а. Эгана пегана
цугаямѣ
абера фабера
дома нет
ика пика
граматика
ксѣндз.

Лихославль.

б. Эгдѣ пѣгдѣ пѣ
цѣгдѣ мѣ
абѣль домѣнѣ
ики пики
граматики
ѣти чети
за ѣнли.

Верхнеудинск.

в. Экиты пекиты
сукин ме
хабель мабель
до мене
тики пики
граматики
лез хорт
заяц чорт.

г. Экѣтѣ пѣкѣтѣ
сультимѣ
абѣль фабѣль
доманѣ
лики пики
граматики
лѣнг, лѣнг
зѣ.

7—8 донѣ, зонѣ—
заяц, вон.

Иркутск, Чита.

д. Абѣль бабѣль
доминѣ
ики пики
граматики
ан клен
зѣ.

Шимки.

е. Икѣтѣ никѣтѣ
кубоко мѣ
абѣль фабѣль
думанѣ
ика пика
граматика
ин клин.

Иркутск.

ж. Эгѣдѣ пѣгѣдѣ
цугѣдѣ мѣ
абѣн фабѣн
домѣнѣ
икѣ пикѣ
грамѣникѣ
дон зон
заяц, вон.

Урулья.

з. Этоки пѣтоки
сукономѣ
абѣль фабѣль
дома нѣ
ики пики
граматики
оклѣцы кленѣцы
заянѣцы.

Ленинград.

и. Экѣтѣ пѣкѣтѣ
цукѣтѣмѣ
абѣль фабѣль
доминѣн
ики пики
драматики
донѣ занѣ
заяц, вон.

Иркутск.

к. Эдики бедики
судолиѣ
абѣль фабѣль
домонѣ
ики быки
грабатыки
ончик клѣнчик
заяц он.

Там же.

л. Сукты нукты
реномэ
аболь доболь
думанэ
эки пэки
друматэки
кнос.

Океанская.

178. Едеханцы педыханцы
худа мане
абель фабель
туманэ
экс хукс
пулепу
навер.

Ленинград.

179. Атом батом
чу манчу
чумчурейку
атом бу.

Урулыа.

180. Аты баты
сим бирзюк
сим сиримся
атым бук.

Иркутск.

181. Ачахам
мазигурия
зюк-казюк
атикулямсики
кыс-кыс
колыган
сияласын
закля барасын.

182. Эники бэники
си колесі
еники бэники
кнеп (кнап).

1 Эни бэни.

Торгашино, Ленинград, Рига.

а. Еники беники
сика леса
еники беники
ба.

*Иркутск, Нижнеудинск,
Ленинград.*

183. Эньки бэньки
сика ся
эньки бэньки
кноп.

Владивосток.

184. Имби комби царандă
ури наоросони
наду наду тамара
сонда напуёсăни
табуёна она
табуёна она
ели какси навоси
санги проси сей.

Владивосток.

185. Исен бисен
долго крисен
де ла.

Ленинград.

186. Кова нова
семь подкова
слатки ветки
припалетки
шапаш-напаш
вон.

Малый Хабык.

а. Кова нова
семь подкова
злато медо
триста ледо
круп!

Иркутск.

187. Кыны мыны
помагули
величали
почеркули
ин мын дуга
жуга пес.

Максимояровское.

188. Оськи коськи кукавоськи
север матер куропатер
лим лим лимпанё
пом!

Ленинград.

189. О бар, бо бар
за бор зи
о бар, бо бар
кур.

Костромская губ.

190. Один модин
стрелун залун
захват задевал
.....

Алекسانдро-Невская.

191. Она дуна рэс
квинтэр квантэр жэс
она дуна раба (рама)
квинтэр квантэр жаба.
Владивосток—Ленинград.

а. Эны бены рес
квинтор бинтор жест
эны бены раба
квинтор бинтор жаба.
Иркутск, Бийский у.

б. Энэ бэнэ рэц
квэнтэр мэнтэр жец
энэ бэнэ раба
квэнтэр мэнтэр жаба.
Горячинское, Баргузин.

в. Ани дуны рэс
финтор бабы жес
аны дуны раба
финтор баба жаба.
*Ленинград, Култук,
Иркутск.*

г. Эн дуно раба
финтер унтер жаба
эн дуно рес
финтер унтер жес.
*Урульга, Иркутск,
Ленинград.*

д. Квинтер квантер рес
винтер вонтер жес
квинтер квантер раба
винтер вонтер жаба.
Ленинград.

е. Эна бэна рэч
квинтар, кунтар жеч
эна бэна раб
квинтар, кунтар жаб.
Голуметь.

ж. Эна-бэна эс
квинт квинт шест,
эна-бэна раба
квинт квинт жаба.
Мещовск.

з. Энэ бэнэ рэс
панафида огурец
энтэр мэнтэр жаба
трэнтэр мэнтэр раба.
Усть-Баргузин.

192. Охтер нахтер
вихтер шахтер.
Иркутск.

193. Пемези беремези
потти стати
стар старовице
по водице
русь князь
пемезь вылезь.
Малмыж.

194. Перва руга,
друга руга,
тити лая
Василая
по нăсту
по восту
по лебеди
трунцы ворѡнцы
жолуди желѡнцы
пята вята
чухно крято
дива дикса—
поди вон.
Ленинград.

195. Пери нăри,
шучка лучка
пята сѡта
сива (дуба) ива
дуба крест.
1 Перя, Варя.
2 шуга-юга.
Колпашево.

а. Перо перо
чухо рюхо
пято брюхо
пети сон
поди вон.
Вологодская губ.

б. Чуха муха
пята сота
иду дубу
клену крест.
в. Инда валында
ива сива
буква крест.
Иркутск.

196. Покталому сеньки нади
уга тига си
куареса сеньки нади
на ганю роси.
Владивосток.

197. Пято пято пятенька
пятенька сысатенька
саучана кайрайчан
сарумбан вкулайте.

Колпашево.

198. Рабинчики драбинчики
кому саро-сарнички
тачки утачки
чувик.

Подстепновское.

199. Сатана перкала
ютана куратана.

Минусинский у.

200. Синцы мизинцы
пятой найтей
чокон вокон
чикинь выкинь.

1 Цынцы мизинцы.
2 пятый на кон.
3 чокон бокоп.

Лиственичное, Иркутск.

а. Зенцы мезенцы
тыкинь выкинь.

Верхнеудинск.

б. Катун ладун
сохрун мохрун
дикинь выкинь.

в. Скимцы радимцы
пядам ладом
шохнум ёхнум
зикинь выкинь.

Стега.

г. Стринцы мизинцы
пятам ятам
чокан окан
чекин лыкин.

Костромская губ.

д. Трынчики колынчики
пядун ладун
дикинь выкинь—
Радивон, поди вон.

Коромя.

е. Чинчи мизинцы
чёкам бокам
тыкинь выкинь.

Слюдянка.

ж. Цынцы мизинцы
пятый на кон
чекон бокоп
мыкин выкин.

Иркутск.

201. Ступа
люпа
жилезь
вылезь.

Поволжье.

202. Тантых тантых
ты латы
зекиль зекиль
аимази
уж ты коко
рэшмарэ
зелень белень
буска.

Тулун.

203. Тары бары
растабары
тю-лю-лю
да му-лю-лю.

3—4 шахтер-махтер
помидоры.

Верхнеудинск, Иркутск.

204. Тунта тунта
турукол
канди скажет
каптыкол
каптун на каптун
тунтуруп накоп.

Ченчи.

205. Чёхман-ехман
филин тохман.

Тулун.

206. Чички вички
пудрикán—
Стёпан-лёпан,
пой.

Мурман.

207. Чики брики
чик.

Минусинск

208. Шалды
будаваалды
мачихи
чихалды
шишел
вышел
из моря
вон.

Поволжье.

209. Шушма-лушма
черман жук.

Коношановское.

210. Эбид бэбид
биткен баткен
эбид бэбид—
бу.

Рига.

211. Эйне бэйнэ
дунко функо
рабе снабе
дипе дапе
кэзе капе
уля буля
рос ип
дулик страус.

Воронеж.

212. Эки бэки
бьюносеки
ари ари
уф.

Красноярск.

а. Эки бэки
бурнастеки
ари ари—
у!

Ленинград.

213. Эксэн бэксэн
барбаклэксэн
а—ра
руч, руч.

1 Эксам бэксам.
Экпэм бэкцэм.
Эксы, бэксы.

2 верба клексэн.
барба крэксым.
барборэкцэм.

3 и ра руч.
пара руч.
а ра руть.

*Иркутск, Нижнеудинск,
Омск, Ленинград.*

214. Эна деу
рики факи
торба орба
онба смаки
деу деу
космотеу
смаки бакас.

Боровое.

215. Эна-мэна
фока лика
альма тальма
айс мука
кыш-кыш
косматыш—
эйне клейне
заяц.

Хараты.

216. Энака катэнака
ты маты
тыкинъ выкинъ
зи мази
пушка кола
есть мари
зелень-белень
борщ.

Иркутск.

217. Энек-бенек
сикольца
радок бодык
гналь.

Балахта.

218. Энгель пэнгель
като нето [и т. д.; см. стр. 23].

219. Эндель-пендэль
супацэн
дель ацу-пацу
швац.

Минусинск.

220. Эни-мэни
лям нампо
шерба верба
ус масмо
деус меус
кампадэус
векс.

Иннокентьевский.

221. Эни-бэни друакатэр
мадмазель Жураватер
жур, жур Петербург—
паф!

Лихославль.

222. Эники-бэники
все колеса
эники-бэники
май.

Минусинск.

223. Эны доны
трынка нели
мисли масли
кумпа тэли
кумпа а
кумпа бэ
мисли масли
кумпа те.

Ленинград.

224. Энклички пенклички
червони пшевички
на кого выпадне,
на того бжденг.

Иннокентьевский.

225. Эны рэвы,
рики факи
торба урба
оды смаки

дэвус дэвус
косматэвус
бакс.

Омск.

а. Эны бэны
рики факи
торба орба
он дысмаки
дэус дэус
касмагуэс
бакс.

Там же.

б. Энэ бэнэ
торба сорба
энце звака
тэус эус
косматэус.

Баргузин.

в. Эны-бэны
три катэны,
ахцы-бахцы
тиликахцы,
аймон, аймон—
убирайся, пошел вон!

Горячинское.

3. Счита́лки-за́менки.

226. Вера-пера
чайник смук—
пук.

Иркутск.

227. Иголка-шиколка
шишел, вышел.

Худоелань.

228. Инда. волында,
ива, бива,
буква, крест.

Иркутск.

229. Колька, Миколка,
ти улети.

Коношановское.

230. Кочеток без портók,
зыкинь, выкинь.

Подстепновское.

231. Крынка-брынка,
сыворотка.

1 Крыки-брыки.

Иркутск, Нижнеудинск.

232. Ниточка, иголочка,
тюк-тюрюрюк.

2 утюг-тарюрюк.

Куйтун, Минусинск.

233. Пагуль-нагуль
тыкинь, выкинь.

Владимирская губ.

234. Первый дан—
на четыре ругодан,
крёстный крест.

Владимирская губ.

235. Пошина, горошина—
пук...

Михайловское.

236. Пуговка, луковка,
крестик.

Тверская губ., Ленинград.

237. Пуча, туча,
пузырь молока,
три копейки борода.

Лихославль.

238. Соломенная, ломенная -
шишел, вышел.

Тулун.

а. Солома-волома,
шишел, вышел,
вон пошел.

Киренск.

б. Соломина-яломина,
шишел, вышел;
от печи до порога
тебе дальняя дорога.

Ключики.

в. Соломина-ромина,
прела, горела,
стук, гром—
стекла вон.

Мещовск.

г. Соломина-доломина,
яшка-пияшка,
сокол.

Александровский уезд.

д. Солома-полома,
дышла, вышла.

Омск.

е. Сорбина-еромина,
шышел, вышел.

Шабарта.

239. Стеклянка - полянка,
кузюрка-сокол.

Саратов.

240. Ступа-рюпа
по два крюка,
пирка ирка—
пик.

Подстепновское.

241. Тончик-звончик
третий колокольчик.

Гадалей.

242. Черный мацорный
кобель.

Подстепновское.

243. Чинчи-бринчи - вы куда?
по солому мы туда.

Ленинград.

244. Шапо-шапошон,
выйди сам, Ларион.

Малый Хабык.

245. Шишли-мышли,
сопли вышли.

Залесово.

246. Шишел, вышел,
вон пошел.

Тулун, Березовка

247. Шишел-вышел,
он (вон) пошел,
схватил (надел) шапку
и (да) ушел.

Куйтун; Костромская губ.

248. Щетки по щетке.
щетки по щетинке
щёлк!

Тверская губ.

249. Энде бенде - молоток
энде бенде—сколько стоит?
энде бенде—пятачек.

Урулья.

250. Эни бэни
си кольцо,
эни бени—
кнопка.

Омск.

251. Эны бэны—
кислый квас,
это тоже
не для нас.

Там же.

252. Анга-танга тригинё,
четверть фавер фивертё,
ан тан тилинтан,
выйди вон, таракан!

Верхнеудинск, Кабанск.

253. Ани-бани—что под нами,
под железными столбами?
стульчик, мальчик, королёк,
убирайся в уголок.

2 под железными ходами.
4 убирайся под порог.
вон отсюда в уголок.

Урулья—Тулун.

а. Кани, Мани, все под нами,
под железными столбами.
Санчик, мальчик, сам король
со свинячьей бородой.

Кочена, Шестаково.

5. Тани, Мани, что под нами,
под железными столбами?
Стульчик, мальчик, сам король—
чур так.

4 Ваня писарь, зато вышел.
ради бога, выйди вон.
выходи скорей домой.
подери его горой.

Урулья, Минусинск.

3. Стани-бани, что под нами,
под железными столбами?
стульчик, мальчик и король,
кто и вышел и пошел.

Зеля.

г. Ваня-баня, что под нами,
под железными столбами?
стульчик, мальчик, сам корольчик
вон пошел.

4 шикин-микин, он пошел.
на тележке колокольчик.

шишел, вышел, вон пошел,
на боярский двор зашел.

Аршан, Подстепновское.

д. Туни-буня, что под нами,
под железными столбами?
Тунчик-бунчик, сам корольчик,
на тележке колокольчик.

Саратов.

е. Тани-бани, что под нами,
под железными столбами?
Стульчик, мальчик, сам корольчик
шишел, вышел, он пошел
и опять назад пришел.

Кузнецк.

ж. Тани-бани, что под вами,
под железными столбами?
стульчик-бульчик, сам король—
чикинь, выкинь, вон пошел.

4 чики-брики он пошел.

Тунка, Второй Хобок.

з. Таня, Ваня, что под вами,
под железными столбами?
стульчик-юльчик, сам король,
подстрели его домой.

Ключики.

и. Сани. Мани, что под вами,
под железными столбами?
стульчик-рульчик, ты король,
пойди, выйди ты во двор.

к. Ани-бани, что под нами,
под железными столбами?
ульчик-стульчик, сам король,
золотое кресло.

Одесса.

л. Вани, Вани, что под вами,
под железными столбами?
стульчик-бантик, сам корольчик.
Радивон, поди вон.

4 Пойди, выйди, милый, вон.

Тверская губ.

м. Ани-бани, что под нами,
под железными столбами?
Стульчик-мульчик, сам корольчик,
серебряный колокольчик.

Там же.

н. Тени-ени,
под железными столбами
стоит мальчик.—
поди встань-ка, королек.

Лихославль.

о. Тами-нами, что под нами,
под железными столбами?
Бери косу, молоток,
отправляйся в холодок.

Аршан.

п. Шани, Мани, что над нами,
под железными столбами?
стульчик, мальчик, сам король
выходил на барский двор;
тама шапки кроют—
перекраивают.
Шапка упала,
татарка подняла,
поп Матвей
побежал за ней.

Осинский у.

р. Тани, Вани, что за вами,
за железными столбами?
Утка-дудка,
Марья поповна.
кум да кума,
да кубышка вина,
да вода свинья.

Александровский у.

с. Ани-бани, что под баней,
под железными столбами?
стульчик, мальчик, сам король,
поезжай. дурак, домой.

Нижнеудинск.

т. Таня-баня, что под вами,
под железными столбами?
стульчик, мальчик,
сам корольчик (король).

Владимирская губ.

у. Тани-бани, что под нами,
под железными столбами?
танчик-банчик, сам корольчик,
что ты ходишь как хохольчик?
бери косу, молоток,
пойдем с нами в холодок:
там кум и кума
с полбутылкой вина.

Лихославль.

ф. Тани, Вани, что за вами,
что стоите все столбами?
Там за вами лавка есть,
на нее надо присесть.
Поскорее все беги,
а ты, мальчик, поводи.

Юрьев.

254. Ани-бани, барабани,
ехал барин на баране.
Тпру, тпру—не скачи,
отдай мои калачи,
калачи горячи,
три копейки сдачи.

3 тпру стой, не скачи.

Ленинград, Колпашево.

а. Ани-бани, трукатани,
едет баба на баране.
Тпру—ну, не скачи,
продаются калачи,
калачи горячи,
три копейки сдачи.

1 Тани-бани растабани.

Эни-бани барабани.

3 Тр., конь, не скачи.

Эх, но—не скачи.

Тпру-чи, не скачи.

6 пять копеек пара.

5—6 калачи горячие,
три копейки сдачи.

Иркутск, Омск, Ленинград.

б. Ани-барабани,
едет мужик на баране,
баба на тележке,
продает пирожки (орешки)
с луком, с перцем,
с собачьим сердцем.

Омск.

в. Чили-чили, чалочки —
сидит дурак на палочке,
дура на тележке,
продает орешки.

Турунтаево, Омск.

255. Анна дранна
фики-факи
ундер шмона
энь-бень бом
ты останься дураком,
коня выведу на двор,
кого вижу, тот вор.

256. Анка-дранка
верверю,
чичин варвар
вар-вару,
антан причитан
шишел, вышел,
вон пошел.

3 чичен вышен.

5 ан дран чичеган.

Владимирская губ.

257. Найчик-драйчик,
шйшел, вышел,
вон пошел.

Турунтаево.

258. Элем-белем
тремкомзелем
факел-макел
формазел
эс бес лукофор,
шишел, вышел,
вон пошел.

1 Эли-бели.

3 срокол, мокол.

4 три манзель.

Красноярский уезд.

259. Атом-батом чу-манчу,
чум чарики а тамбу,
бум буферы варантас—
на горе вечерний час.

4 мы поедem на Кавказ.

Казань.

а. Атан-батан чиминчук,
чинчи рикин атан бук—
на горе вечерний час,
поросеночек увяз.

Слюдянка.

6. Аты-баты чуму чум,
чумчи речи атым бу,
бумба Федя арендас,
на заре вечерний час.

2 чумчи речи аты бум.

Колпашево.

260. Аты баты — шли солдаты
аты баты — на базар,
аты баты — что купили?
аты баты — самовар,
аты баты — сколько дали?
аты баты — три рубля.

5 аты баты — сколько стоят?
аты баты — что отдали?

6 аты баты — оггадай.

5—6 баты баты — покажите,
аты баты — не хочу,
аты баты — опать хочу.

После 6 аты баты — сто грошей

аты баты — уступите.

аты баты — нет, нельзя.

Верхнеудинск — Вологод. губ.

а. Таты баты — шли солдаты,
таты баты — чьи они?
таты баты — Соколовы,
таты баты — вот и все.

Ленинград.

261. Бубе кони
нечем гони,
погоните золото,
пейте, Русь, квас,
выдь, князь.

Костромская губ.

а. Туз-луз,
пуня звезда,
князь.

6. Чуха-рюха,
изба высота
князь, вон!

262. Бушки-набушки,
набили колотушки,
на пять крестов
маховинных дров;
ехал шурин,
высек серен,
серен рыжий —
тут и вышел.

Усть-Куда.

263. Вер-бер, бер-веры —
я этот счет выходишь ты;
вер-бер, бер-верья —
ну, конечно, выйду я.

Барнаульский у.

264. Венчик-перевенчик
на гору катенчик,
счета, пото,
дуба, крест,
панафида, огурец.

Верхнеудинск.

а. Винчики-перевинчики,
накате катинчики,
стряп стряпанец,
панафида огурец.
щото-лото, дубо, крест, —
отправляйся к черту в лес.

Баргузинский у.

265. Ехал чичик через мост,
вел кобылушку за хвост.
Кобылушка пала,
шкурка не пропала,
а из шкурки сапожки,
из копытца гребешки.

Костромская губ.

266. Ер, еры
упал с горы,
ерик, ять —
некому поднять,
ер, ерусь —
сам поднимусь.

Иркутск, Ленинград.

267. Жил был граф
Пузо-Вузо-Лаперузо
пара гвоздей
ганабуза,
граф Вируза
да бутылъ.
Цынь-цынь
полатынь,
попрыгунья,
полатунья,
ели мули
сансыбилю
флек, флек, флек.

Ленинград.

268. Заяц белый,
куда бегал?
Лыко (дуб) драал.
Куда клал?
Под колоду,
под пенек
очудился пузырек.
Шулды-булды,
пузырь лоп (хлоп).

8—9 Кто украл?
Татарка украла,
на море упала,
хрустень-перстень
издомала,—
трынды-вынды,
шишел вышел.
Сенька-бренька
пузырек,
Христофорка-доверек

Омск, Ленинград и др.

а. Заяц белый,
куда бегал?
Дуб драл
Куда клал?
Каненочку
уголочку -
шендри мондры
хлоп.

Шестаково.

269. Титики, мутики,
турашка-мурашка.
Заяц-месяц,
где был?
В лесе.
Что делал?
Травку щипал,
под колоду клал.
Кто взял?
Турбань-юрбань,
сам капитан,
капитанский сын.

Новгородская губ.

270. Коли коли бабки—
спрятались ребятки
по всем городам,
по заулочкам.
Курки спели,
бобы поспели—
пора искать.

*Верхнеудинск, Иркутск,
Шабарта.*

271. Курило-мурило,
Фоки, Ермила,
Протасын сын
попал под тын,
до свету пролежал,
встал и убежал.

Турунтаево.

272. Колен-молен
чем подкован?
златом литым
подпалитым.
Черный (пишет) палец,
ступай за печь.

3—4 Златым пятым,
под полятым.

Владимирская губ.

а. Кони новы
чем подковы?
золотом литым
подполитым.
Бородушка-борода,
ты лови-ка ся меня.

5—6 Чей конь,
выйди вон.

Тайшет; Новгородская губ.

б. Колин-молин
чем подколен (подкован)?
шитым брытым
под корытом.
Шисел вышел,
вон пошел,
надел шляпу
и пошел.

1 Коля-моля.

Худоелань, Мещовск.

в. Колин-молин
чем подколин?
златым рытом,
под корытом.
Дубин, имен (ивен),
крест.

Тверская губ.

г. Колин-молин
чем доволен?
ситом литом
подпалитом.
Печка, ручка,
хлоп.

Иркутск.

д. Колин-молин
чем подколин?
златом литвом
подколитвом.
Рупь колечко
вон человечка.

Тверская губ.

е. Колом-молотом
все под полом,
братом петом
под подпетом.
Пишет пальцем,
выйдет царцем.

Кежма.

ж. Долин-болин
чем подкован?
златым метом
под политом.
Чички-рички
хруп.

Барнаульский у.

з. Колин-молин
сын подколин?
златом литом
подпалитом.
Сучка, свечка, хруп
черный зуб.

Лихославль.

и. Кова-нова
семь подкова,
сладки ветки
принаметки,
шапам-напам
вон.

Малый Хабык.

к. Ково-ново
чем подкова?
злато мито
чем подбито?
кай, бей, бом—
кого вижу,
того вон.

Ленинград.

л. Златам метам
под палетам
пишет палец:
поди за печь.

Шабарта.

м. Злата мета
чем полита?
Каю вею бом—
оставайся ты ослом.
Коня веду на двор—
кого вижу,
того вон.

Тверская губ.

273. Куба, куба, кубака—
была яма глубока,
Тама жили мышки.
Одна мышка околела (угорела),
всему миру надоела.

Где мои подружки?
У попа в избушке.
Что они там делают?
В мячики играют,
попа забавляют (загоняют).
Поп под (на) стол
попадья на стул,
курица на улицу,
петух на село (на весло),—
всем жить весело.

Урулья—Ленинград.

1 Абы, абы абыка.
Кума, кума кумака.
Каба, каба кабака.
Купа, купа купака.

3 В этой ямке жили мышки.
Мышки бегали играли.

Там играли мышки,
серые кубышки.

5 ко мне в сени налетела (полетела).
всем нырам надоела.
всему свету надоела.

9 Шарики катали.
С котиком беседуют.
В голики играют.
В чашки играют.

10 попа потешают.
ребят забавляют.

15 сам не знает ничего.
вышло дело ничего.
то-то было весело.
вот и дело всё.
всему миру рассказал.

В вар. продолжение:
Схватил блинка,
помянул сынка;
схватил бочку,
помянул дочку.

а. Туба, туба тубака—
тама яма глубока.
В яме-то мышки
мячиком играют,
собак забавляют.
Собаки-то злые
попа укусили.
Поп под стол,
попадья на стол,
курица на улицу,
петух под шесток.

Барнаульский у.

б. Куба кубака—
была яма глубока.
Там мышки жили,
всем дорожили.
Одна мышка околела,
всему миру надоела.
Остальные все подружки
убежали к попу в избушку.

Мышка очнулась,
везде оглянулась,
а подружек-то нет,
простыл их след.
Где мои подружки?
У попа в избушке.
Поп под стол,
попадья на стол.
Курицы на улице
дерутся с петухом.

Голуметь.

в. Куба кубака—
была яма глубока,
там мышки сидели.
— Что они делали?
— Шарик катал,
ребят забавляли:
кто на стол,
кто под стол.
курица на улицу,
петух на село --
и вышло ничего.

г. Аба аба абака—
эта яма глубока,
в этой ямке жили мушки.
Одна мушка умерла:
ей свет надоел.
— Где ее подружки?
— У попа в избушке
в чашки играют,
попа потешают.
Поп под стол,
попадья на стол,
курица на улицу,
петух на село.

Иркутский у.

274. Куколка-маколка (муколка),
где долго была?
Я боялась чугуна;
чугуновы дети
хотели летети.
Через речку, через мост
повалился бычий хвост.

2 части в гости не пришла?
3—4 Побоялась зипуна,
зипуновы дети.

Куйтун, Гадалей.

275. Не накате катички
не мох, не горох,
не та ли птица?
пошел, вышел.

276. Пери ери
чухо лухо
пято сота
ик мак
дуб крес—
пуля в нос.

Тверская губ.

277. Пери ири
сугол угол
пята сота
сива ива
дуб клен крест.
Пошел Ванька в лес,
вашумел как бес.

Подстепновское, Москва.

278. Пуга пулга
стакан молока,
стакан, лимон,
выйди вон.

Москва.

279. Рита, рита-та, где была?
рита, рита-та на рынке.
рита, рита-та кого брала?
рита, рита-та ботинки.
рита, рита-та кому?
рита, рита-та себе.

Урулья.

280. Сахар-мэхар четвертак—
нюхал дедушка табак.
Не доехал до границы,
скинул шапку, рукавицы.
И плетенушку плетет,
у коробочку кладет.

а. Тахар-бахар четвертак—
нюхал дедушка табак.
Не доходит до карнизы,
скинул шапку, рукавицы.
Вот случилась беда,
вышла девка-стрекова.

б вышла девка золота.

Голуметь, Зима.

281. Сеги-веги (седи-веди),
все медведи,
кошка драна,
мышь погана.
Шишел-вышел,
сам пошел,
три копейки
нашел.

7—8 надел шапку
и ушел.

Киренск.

282. Синчик (зинчик)-минчик
мой мизинчик.
Тарин-барин
мой татарин.

Киренск, Верхнеудинск и др.

а. Минчик-минчик
мой мизинчик,
анчик-анчик
мой стаканчик.

Усть-Када.

283. Синти-бринти ты куда?
си-ти-бринти на базар.
Синти-бринти по ково?
синти-бринти по овес.
Синти-бринти ты кому?
синти-бринти я коню.
Синти-бринти ты какому?
синти-бринти вороному.
Синти-бринти где ты взял?
синти-бринти я украл.
Синти-бринти у кого?
синти-бринти у попа.
Синти бринти у какого?
синти-бринти у страшного.

1 Синти-бринти где ты был?
3 Синти-бринти ты зачем?
8 синти-бринти золотому.
12 синти-бринти у купца.

Киренск—Ленинград.

9—14 Чияжи-бринжи где ты брал?
чияжи-бринжи у татар.
Чияжи-бринжи у каких?
чияжи-бринжи у кривых.

Киренск.

Тинти-бринти где ты взял?
тинти-бринти я сменял.
Тинти-бринти на кого?
тинти-бринти на корову.
Тинти-бринти на какую?
тинти-бринти на бурую.

Иркутск.

284. Свиньи в бане танцевали,
все кадушки преломали,
чики-брики ковш.

Минусинский у.

285. Серега-берега
хватил густиль
бибик жук
турик подкол
полез в подпол.
Радивон, поди вон.

Псковская губ.

286. Сито-брито
под корыто,
черна баня
развивала,
русы кудри
прививала,
сантик-мантик
сам король

Тымское.

287. С пальчик мальчик
сам корольчик,
серебряный колокольчик.
Щень-брязь —
вышел самый первый князь.

288. Ставочка-булавочка
катилась под лавочку,
на боярский дом.
Там кум да кума,
тебе пуд г...а.

Михайловское.

289. Стурбы-юрбы
шишел-вышел,
вон пошел
со святым подогом,
с беленькой корзиночкой.
В этой беленькой корзинке
есть помада и духи,
ленты, кружева, ботинки,
что угодно для души?

Костромская губ.

290. Сопинь-лопинь
царский ворон.
Из морю я воду пил,
Катеринку любил.
Катеринка-любка
прела, горела,
за морем летела.
За морем церква,
церква Микола,
царица Быкова
свинью заколола.
Свинья Оксинья
набора Василья,
дохтур вон.

Владимирская губ.

а. Чикунчики брикунчики
на белова хотила
беличек мирижок
мотавинский рожок.
Прело. горело
осиново полено
пень-перепень.

Ченчи.

- б. Дак ---
на четыре лебедак
пятков, лутков
пономарь Цветков.
Прело горело,
полено улетело
в церковь Никола
Дарья Быкова,
курица-клохтунья,
петух свистун,
селезень-дристун.

*Подстепновское,
юрты Иванкины.*

- в. Стрень-брень горошенька,
как у брошки брошенька
стрела горела,
за море летела,
за морем церковь,
в церкви икона
Марья Быкова,
сестра Куликова.

Омск.

- г. Катерина-коска,
голубина ножка
прела, горела,
за морем летела,
за морем церква,
церква Никола,
староста Быкова.
Староста не староста —
петух-клохтун,
селезень-свистун.

Владимирская губ.

- д. Тычки-привычки
на колубе, на жолубе,
ставка, плювка, сычевка.
Пена горела
осиново полено,
за морем море,
церковь Никола,
Варька Быкова.

Илимский край.

- е. Дьякон пишет
черным углем:
стрело горело
по за мосту летело,
в озеро село,
в озере церковь,
церковь Миколы,
Анна Быкова.
Тулин-мулин,
кошка хлюп.

Тверская губ.

- ж. Пишет дьякон
черным углем:
прела, горела
за море летела,
по кусту, по насту,
по елову бурасту —
копан-боккан.

291. Цюг, цог, цогирок
по нафидор Федорок.
Прела, горела
за море летела.
Чужик-вужик,
башмак, борода,
выйди вон с города.

Витебск.

292. Сунн-мунн крест.
пошел Ванька в лес,
срубил палку,
убил галку,
на, собака, ешь.

- б нас собака ест.
нас, собака, ешь.

Иннокентьевский, Ченчи.

293. Сранцы-баранцы
поехали во Рязанцы.
Убьемте кота,
привеземте попа.
Поп за стол,
пономарь под стол,
курица на лавку,
петух на чело —
не видал ничего.
Клюнул Фролка,
разорвалась норка
на четыре уголка.
пятый хвостик
улетел на погостик
родителей поминать,
свое пузо набивать.

Владимирская губ.

- а. Перевенчики-бубенчики,
собачий хвост
побежал на покос.
ухватил блинка,
потянул сынка,
сынка-пасынка
распоясынка.

Мещовск.

294. Стульчик-мульчик
сам король
очутился под горой.
Дарья избу мела,
этот стульчик подняла.
(Соскочила с печки мать,
давай стульчик отнимать.

Таган.

295. Считки-вороны
вороны-копытки
совец-буровец.
поди вон, наконец.

Лихославль.

296. Трам, трам тири —
был в трактире.
Трам, трам трушки —
ел ватрушки.
Трам, тром —
с творогом.

Тула, Уян.

297. Тара-бара
домой пора
коров доить.
тебе водить.

Ленинград.

298. Тана, тана да сметана,
простокваша да творог,
семь копеек туязок.

Голуметь.

299. Тунта, тунта, турукòл
канди, скажет, каптыкол,
каптун на каптун
тунтурòп
накòп.

Ченчи.

300. Татар-батар
губернатор (бигурнатор),
шапка плисовая,
вся исписаная.
У Ермошки деньги есть,
я не знаю, как подлезть.
Я подлезу, украду
и Ермошке не скажу.

После 8 'А Ермошка догадался,
на печи ус....я.

А Ермошка догадался,
на печи в углу зас. ...я,
шишел вышел вон пошел
из окошка кувырком.

А Ермошка будет плакать,
а я буду с ним калякать.
Я не пирка, я не вор,
а я просто голодер.

Ермошка увидал,
мне по затылку надавал.

Владивосток — Ленинград.

301. Тетерки-митерки
по кусту, по насту,
по белому крыласту
жучик-хрючик
кошка хруп
под окошком стук.

1 Тикиляки-митилики.
Тетельки-метельки.
3 по липову мосту.
по лебеди крыласта.

Владимирская и Костромская губ.

а. По мосту, по липе
жучик, крючик,
коска хруп.

Александровский у.

302. Тинтиль-винзиль где ты был?
тинтиль-винзиль в городе.
Тинтиль-винзиль что купил?
тинтиль-винзиль девочку.
Тинтиль-винзиль как же звать?
тинтиль-винзиль Верочка.

Владимирская губ.

303. Трики, трики. трики тон
трос сели на вагон
и поехали в Китай,
чтоб купить хороший чай.
Но китайцы дураки
испугались и ушли.

Океанская, Чита.

а. Пекин, Нанкин и Кантон —
все уселись в фэтон
и поехали в Шанхай
продавать китайский чай.

Чита, Иркутск.

304. Тили, тили теста
замесили тесто;
стали мешать,
а его нет.

Ленинград.

305. Тон, тононы
с овсом пироги,
со пшеницею овес,
приговаривай небось.

Верхоленский у.

306. Тяп да ляп —
 смотрю (вот) колесо,
 сел да поехал —
 гляжу (ях) хорошо;
 оглянулся назад —
 только спицы торчат.

1 Сбил, сколотил.

*Аршан, Тулун,
 Рига, Архангельск.*

307. Трунди, трунди, мачела,
 куда тебя помчала?
 За каменны горы,
 там стояли воры,
 воры казески,
 мужики обрезки.
 Воробьева жена
 пироги пекла.
 Пироги-то мягки
 на беленькой лавке.
 Маленький мальчик
 обжог пальчик.
 Он пошел на базар
 всем ребятам рассказал:
 рос я на ветке,
 меня ветер снес;
 я упал на пенек,
 стал кудрявый паренек;
 на пеньке-то деньги,
 я купил серьги;
 остались пяточки,
 я купил башмачки.

Пензенская губ.

308. Тулик-мулик
 сел на баню,
 снес яичко
 невеличко,
 голубино коко,
 доставать его далеко.
 Я достану,
 есть не стану,
 испеку да брошу
 во зелену рошу;
 кто поднимет,
 тот и выйдет.

1 Кулик-Ваня.
 Колик-малик.

10 всю свою хорошу.
 10-12 в Куликову рожу.

*Барабинский у., Колпашево,
 Подстепновское, Ленинград.*

а. Кулик-малик сел на баню.
 Коко! Доставать его далеко.
 Я достану, есть не стану,
 испеку да брошу,
 возьму девицу хорошу.
 Посмотрите-ка на нас —
 у нас у всех-то один глаз...
 Шишел, вышел
 ты, брат, вышел

Култук, Колпашево.

309. Тур, тур турушók,
 твой маленький душок
 где ночевал?
 У царя в Москве
 на дубовой доске.
 Что царь пишет?
 На девицу дышет.
 Девица, девица,
 ступай по водицу!
 Я волка боюсь.
 Волк на работе,
 свинья на болоте
 чух собирает,
 полон нос кидает.

Саратов.

а. Туру, туру пастушок,
 калиновый подожок,
 далеко ли отошел?
 До царева городу.
 Что царь делает?
 Туру ногу пишет,
 на девицу дышет.
 Девица, девица,
 сходи по водицу.
 Волка боюсь.
 Волк на работе,
 сова на болоте,
 платье колотит.
 Бежит, бежит зайчик
 опаленный хвостик.
 Поперек хвоста
 уволок овса
 не молоченого,
 не колоченого.

Владимирская губ.

310. У Ивана-капитана
 стоят кони на пригоне.
 Мильчики, мильчики,
 золоты копыльчики,
 Кешка хруп.

2 стоят кони на приборе.

Ченчи—Ленинград.

3 — 5 Злото-бото
под копытои
клеска,
сочинь, мочинь
тыкинь, выкинь
вон пошел.

Пряжки-звяжки
ишшел, вышел
дыкинь, выкинь.

а. Два Ивана капитана
держат кони на прием.
Звезда пита,
выйди вон.

Ченчи.

б. Эни-бэни помазени —
я Иван капитан
чем коня пропитал?
Овсом-серебром,
из копыта под копыто,
из телеги прямо в грязь,
оставайся прямо (вечно) князь.

- 1 Пери-ери помазей.
- 3 всех коней пропитал
примачини пропитал.
- 4 Серебром да золотом.
- 7 убирайся, русский князь.

Ленинград.

в. Дзинь, дзинь,
передзинь!
Постригули
помигули.
А ты Ивана
капитана
держи кони
на припоне.
Чем кони
попутаны?
Серебром,
золотом,
под копытом
грязь!

Курская губ.

г. Шишел-вышел, вон пошел,
красну шапочку нашел.
Я Иван капитан
всех коней прокатал.
Из копыта под копыто,
из телеги прямо в грязь.
Оставайся, добрый князь.

Владимирская губ.

д. Агучены-бирючены,
помаргани подругому
чем коня пропитал?

Лотцем, путцем
пряжка-звяжка,
сокол Яшка.

Лихославль.

е. Сита-мита
чем полита?
кай, бий, бом—
оставайся дураком.
Из копыта под копыто
прямо в грязь,
кто останется,
тот князь.

Ленинград.

311. Ходила мать на Иордани,
русу косу расплетала.
Бог с вами,
конь под нами.
под железными столбами.
Тольчик-мольчик,
сам коральчик.

Калужская губ.

312. Шла свинья по бору,
ела травку лебеду.
Не идет, не бредет,
помаленечку бредет—
сисин, визин, крест.

Худоелань.

313. Цынцы-брынзы козу гнал,
немец (кореец) курицу украл.
Ты кипи, моя кастрюля,
я бульену подолью.
Все ухваты взбунтовались.
кочерга пошла плясать

- 1 Эни-бэни козу гнал.
ензи-мензи козу гнал.
Эндер-бендер козу драг.
Конзе-бензе кунзы гнал.
Кондырь-бондарь козу гнал.
- 3 Взбунтовались все кастрюли.
Вдруг ухваты взбунтовались.

Аршан, Киренск и др.

а. Ензы-мензы козу драг,
немец курицу украл.
Ты кипи, моя кастрюля,
я бульону подолью,
а кастрюля закипела,
кочерга плясать пошла
от плиты и до стола.

Иркутск.

- б. Казын-базын козу гнал,
немец курицу украл
абаль она с батальона,
не кипи, моя кастрюля,
два ухвата взбунтовались,
кочерга пошла плясать.

Абаканское.

- в. Энтыль-бэнтыль козу гнал,
немец курицу украл.
Ты не кипи, моя кастрюля,
я бульону подолью.
Вдруг кастрюля закипела,
кочерга пошла плясать.

После б Тане голову чесать.

Шишел, вышел, вон пошел,
три копеечки нашел.

Стряпки начали плевать;
мышел-вышел вон пошел,
надел шапку и ушел.

Иркутск, Шимки, Самара.

- г. Эндзы-дэндзы козу гнал,
немец курицу украл.
Не кипи, моя похлебка,
я бульону подолью.
Вдруг ухваты взбунтовались,
кочерга пошла плясать.
Повар, повар, поваришка,
испеки-ка мне блинишка.
Повар пек — не допек,
схватил шапку, в сад побег.

Иркутск.

- д. Немец курицу украл.
Ты варись, моя похлебка,
я бульону подолью.
Два ухвата сбиктовались,
катарга пошла плясать;
она пляшет, рукам машет,
к себе повара зовет:
Повар, повар, поварочек.
испеки-ка мне блиночек.
Повар пек — не допек,
схватил палку да убег.

Тулун.

- е. Шиндар-мындар козу гнал,
немец курицу украл.
Все ухваты скандавались
кочерга пошла плясать;
она пляшет, рукой машет,
к себе повара зовет:

повар, повар, поварочек,
испеки-ка мне блиночек.
Повар пек, пек, пек,
схватил палку да убег.

Тулун.

- ж. Тринди-бринди козу гнал,
немец курицу украл.
Ты кипи, моя кастрюля,
я бульону подолью.
Три ухвата взбунтовались.
кочерга пошла плясать;
она пляшет, рукой машет,
к себе повара зовет:
Повар, повзр, поварок,
испеки-ка мне блинок.
Повар пек, не донек,
схватил палку и убег.

1 Тана-бана козу гнал.

Тулун, Омск.

- з. Кэны-бэны козу гнала,
коза курицу украла.
Ты кипи, моя кастрюля.
Два ухвата взбунтовались,
кочерга пошла плясать;
она пляшет, рукой машет,
себе повара зовет:
Повар, повар, поваришка,
испеки-ка мне блинишка.
Пек, пек, не допек,
схватил шапку и убег.

Куйтун.

- и. Шантор-мантор козу гнал,
немец курицу украл.
Не кипи, моя кастрюля,
я бульону подолью.
Стали вины расходиться,
кочерга пошла плясать;
она пляшет, рукой машет,
себе повара зовет:
Повар, повар, поварок,
испеки ты мне пирог.
Повар пек, не допек,
схватил палку и побег.

Ленинград.

- к. Все ухваты взбунтовались,
кочерга пошла плясать;
она пляшет, ручкой машет,
себе повара манит:
Уж ты повар, поварок,
ты — зажареный пупок.

Там же.

- л. Тек, тек, блины пек,
рассердился да утек.
Все ухваты взбунтовались,
кочерга пошла плясать.
Кочерга-то не железна,
полюби меня, любезна.

Ченчи, Куйтун.

- м. Кондырь-бокдырь козу драл,
немец курицу украл.
Не кипи, моя кастрюля,
я бульону подолью.
Все ухваты взбунтовались,
кочерга пошла плясать,
сковородник рассердился,
кочергу пошел трепать.
Щетки, гребенки,
курицы-ядренки,
ножницы, вон!

Костромская губ.

314. Цынцы-брынцы цапаца
остригается овца:
завтра масленица.
Ходит срюня по двору,
ищет лебеду-беду.

Он (срюнь) не ест ничего,
под березку все кладет.

Цынцы-брынцы цапаца

- 1 Трынды-брынды укарца.

Сянчян-винчян зубоскал.

Ципи-ципи поципи.

- 7 все под яслицу кладет.

- 8 Хруп колечко,
вон человечка.

Сеня, Веня,
Ваяя, князь.

*Кириллов, Ленинград,
Тверская губ.*

315. Цынцы-брынцы бубенцы,
раззвонились сорванцы.
Цец-бец, цер-берец,
ты выходишь, сорванец.

Барнаульский у.

316. Цынцы-брынцы два кольца,
постегали молодца.
На святой неделе
висели качели.
Качели упали,
на Кузьму сказали.
Кузьма божится: не я.
Балалаечка без струн,
кто играет, тот б. ...

Лихославль.

- а. Сентер-бентер два кольца,
повенчали молодца.
И на этой неделе
висели качели.
Качели оборвались
и сказали: это Коля.
Коля божится: не я,
это Ниночка моя.

Лихославль.

317. Цынцы-брынцы балалайка,
цынцы-брынцы заиграй-ка.
Цынцы-брынцы не хочу,
цынцы-брынцы спать хочу.
Цынцы-брынцы куда едешь?
цынцы-брынцы в городок.
Цынцы-брынцы чего купишь?
цынцы брынцы сухарек (молоток).

- 4 инзы-брынзы почему.

аян-пани спать пойду.

пынцы-брынцы вон пойду.

- 5-8 Цынцы-брынцы кто идет?

цынцы-брынцы девочка;

пынцы-брынцы как зовут?

цынцы-брынцы Талечка.

Ани-пани кислый квас,
отойди, дурак, от нас.

Урулья—Ленинград.

318. Эна-бэна, где ты был?
Я на речке хвостик мыл
Вымыл, вымыл да упал,
снова хвостик замарал.

Иркутск.

319. Чикерики-микерики
шураги-ураги
по косту, по мосту,
по липовому мосту,
схистень листень
полянка сокол.

Смоленская губ.

- а. Чикерики-микерики
гуран урон
по косту
по липовому мосту
схистень листень
полоночка сокол.

Ленинград.

- б. Чикирики-микирики
летали голубилики
по насту, по кусту,
по липовому мосту.
Сучик крючик
кошка хруп.

Тверская губ.

- в. Чирики-мечирики
по кусту по насту
по полю пернасту,
кошка ручи (ручей)
кошка хруп.

Лихославль.

- г. Чирички-мечирички
по косту по насту
по лебеди крыласту
кошка, мошка
хруп.

Владимирская губ.

- д. Чекерики-мекерики
по кусту по насту
по лебедю горасту
солнце-блонце, луковка,
на картонке пуговка.

Ленинград.

- е. Чикирики-микирики
по кусту по насту
по слову кабасту
жучик-рючик,
хруп дуб
Иванов зуб.

Владимирская г.

- ж. Чикирики-микирики
сороки четырики
кустик смородина
индюк.

Нижнеудинск.

- з. Ширага-барага
по кусту по насту
по лебе лебедке
штучка плетка,
соколик, вон.

- и. По кусту по насту
по Кирике-Улите
петушок.

Коровино.

- к. Тички-катички
летали голубички
по кусту по насту
по лебину каласту
стеклоко орешки
орел молодец
иди вон. наконец.

Тулун.

- л. Церики-микерики
по щету по насту
по лебеди гораста
чаво пива
два алтына
солнце-бронце
лук!

Ленинград.

- м. Шуруга-муруга
по кусту по насту
по лебедю игрищу
по муравищу
сучкин клетчик
чикольчик
колокольчик.

Усть-Када.

- н. Чикирики-бикерики
по усту по насту
по лебеду басту,
щучка-Алёнка
вышла вон.

Новгород.

320. Чикирики-бирики
жараби-бараби
сокол-Радивон,
пойди на барский двор.
Там кошку дерут,
тебе лапку дадут,
ты лежи да гложи,
никому не кажи.

Ярославская губ.

321. Чинчики-минчики
летели голубинчики
на божью росу,
на попову полосу;
там чашки, орешки,
медок, сахарок,
у девицы королек.

Коченга.

- а. Тинчики-минчики
летели голубинчики
на ту полосу,
на божью росу
чашки, орешки,
медок, сахарок,
у девицы королек.

Шестаково.

- б. Чижики починчики
летали голубинчики
по голоду, по молодцу,
по божьей росы,
по поповой полосе;

там чашки,
там орешки,
медок, сахарок,
выйди, царь-королек.

Турчасово.

- в. Стрельчики баренчики
летали голубенчики
по божьей росы,
по поповой полосе.
Там чашки, орешки,
медок, сахарок.
Пойди выйди, королек.

Петроград.

- г. Синчики-бусянчики
летали голубинчики
по божьей росе,
по татарской косе;
все орешки, медок.
Вон, королек.

Турунтаево.

- д. Чинчики (кинчики)-минчики
летели голубинчики
на божью росу,
на попову ласу;
там чашки, орешки,
медок, сахарок.

- 4—6 чашка, солодок,
кто и выйдет—
королек.

Зея, Илимск.

- е. По солоду, по молоду,
по роще росе
по поповой полосе,
где чашки, орешки.
садок, пирожок.

Коношановское.

- ж. Тренцы-буренцы
ножницы скрипенцы;
летели голубенцы
на божью росу
на Христову полосу;
там чашки, ложки,
медок да солодок.

Татан, Ленинград.

- з. Чечки-почечки
летели голубечки
по божьей росе,
по худой полосе;
там чашки, орешки,
медок, сахарок,
полевой королек.

Ленинград.

- и. Летали вени-голубени
не по Волге реке,
по пустой стороне,
там чашки, орешки,
медок, сахарок.

Иркутск, Нижнеудинск.

- к. Чечки по чечки
летели голубечки
по божьей росе,
по одной полосе;
там чашки, орешки,
медок, сахарок,
полевой королек.

Коновалово, Каменка.

- л. Винчики-первинчики
летали голубенчики
по божьей реке,
по поповой полосе;
там чашки, орешки,
медок да солодок,
выйди вон, королек.

Владивосток.

- м. Стринчики-мизинчики
летали голубинчики
по холоду, по молоду,
по божьей по росе,
по поповой полосе
и по дяконовой;
там чашки, орешки,
медок, сахарок (солодок).
Поди вон, королек.
Там тебя никто не тронет.
ни царь, ни царица,
ни красная девица.

- 1 Чиклялики-миклялики.
Первенчики-бубенчики.
2 летали голубидики
4 по Волге реке.
5 по худой полосе.
9 Выйди, В ня-королек.
Полевой королек.

Костромская губ., Ленинград.

- н. Чинчики-мизинчики
летали четвертинчики
на божьем раю,
на поповом лугу;
там медок, сахарок,
ядовитый королек.

Коровино.

- о. Еначки-бубеначки
летели голубеночки
над долгой рекой,
по чужой стороне;

там чашки, орешки,
медок, сахарок.
Выйди, Ваня-королек.
Дам тебе место.
где царство небесно;
никто тебя не тронет
ни царь, ни царица,
ни красная девица.

Тамбов.

- п. Ченчики-бубенчики
летали голубенчики;
там и сахар и медок,
поди вон, королек.

Тверская губ.

- р. Сени-вени
летели голубени
под той стороной,
несли в чашках
орешки, медок, сахарок.

Кежма.

- с. Чикирики-микирики
шараги-вараги
по кусту, по насту,
по малиновому мосту,
сокол.

Верхнеудинск.

322. Чичер-бачер
собирайтесь на чер.
Кто не был на черу,
тому чичер надеру.
Шапка кругла
на четыре угла,
сюда угол, туда угол,
по середке крестик,
по три раза тресни.
Раз, два, три...

Абаканское.

323. Чуха-рюха,
ты говнюха,
пята сота
ты красота.
Свинья ходит по болоту,
Анна братьев не берет,
под березанькой встает.
Родион,
пойди, выйди ты на двор.

- а. Шарда-барда
подай ведро,
коров доить—
тебе водить.

Тверская губ.

324. Шатар-батар
шуми—шу
сам Таптыгин
буки—бу
вон ты ворон
биша бишь,
а тебе приходит шиш.

Владимирская губ.

325. Шишел-мышел
сам пошел,
на боярский двор зашел;
там бояре живут,
красны шапки шьют.
Шапка упала,
татарка подняла,
поп Матвей
побежал за ней.

- 1—2 Шишел мышел сам пошел,
он дорожку не нашел.

Шатыр, батыр
губернатор,

- 1—3 Аты баты, что под нами.
под железными столбами.

Стульчик мальчик
сам король,
покатился под горой.

- 3 на татарский двор зашел.

- 4 там татары живут.

- 7 татарка украла.

- 8—9 Мальчик с пальчик
сам король
побежал за ней домой.
9 побегай за ней.

После 9 по гусли, по масле,
по лебеди клочек,
по мякишке скачек.

Трошечка, поварешечка,
убирайся вон.

Маленькая Матрешка
тоже с поварешкой.

Не мог догнать,
воротился назад.

Урулья—Колпашево.

- а. Павел-вавел
шишел-вышел
вон пошел,
на дворянский двор зашел,
красну шапочку нашел.

- 1 Тарин-барин,
он татарин.

Иркутск, Худоелань.

- б. Шишел-вышел
вон пошел
табакерочку нашел;

в табакерочке табак,
кто понюхат,
тот дурак.

Тверская губ.

в. Шишел-вышел, вон пошел,
на боярский двор зашел,
там бояре шапки шьют,
на окошко их кладут.

Иркутск.

г. Татарочка упала,
поп крестил,
штаны спустил.
Ниточкой иголочкой.
вот я и вышел.

Усть-Када.

326. Шла кукушка мимо сети.
увидали злые дети,
кук як, сам пятак.

3 Ла да кука.

*Новая Свиньяина,
Верхнеудинск.*

а. Шла кукушка мимо сети,
ей попались злые дети—
кук кувак,
спрячь один кулак.

Куйтун, Уян.

327. Шла вода мимо града,
которому еловому
щелканцу-воронцу
жуки пьавки.
Радивон,
с короводу выйди вон.

Смоленский у.

328. Шуты-буты
за работы.
за немецки колпаки,
што Игора,
што Микола.
Радивон, выйди вон.

1—3 Суты-буты
зарабуты,
за невесту колбаты.

Иркутск, Пьянова.

329. Эксен-бексен
дерево клокс
ала руч
наш подводный ключ.

Ленинград.

а. Иксын-биксын
дерма кликсын
эра чуч
дайте мне
подводный ключ.

Ленинград.

б. Юкси-букси
сер да клюкси
и ярай руч
мой подводный ключ.

Там же.

330. Эна-бэна, эна флэк (клэк),
Петр Иваныч блины пек.
Пек (он), пек, не допек,
испугался и утек.

1 Эне бене, эне флекс.

2 Петр Иваныч блинный пек.

4 рассердился и утек.

Урулья, Читкан, Тула и др.

а. Эно-бэно, эно клэк
Март Иваныч булки пек,
пек. пек, не допек,
рассердился и утек;
он по лесенке бежал
и штанишки разорвал.

Иркутск, Зима.

б. Эни-бэни, вини клек,
нынче Ванька блины пек,
он пек, не допек,
рассердился да утек.
Люди увидали,
в землю затолкали.

Турунтаево.

в. Энзы-бензы, энзы трок
Карл Иваныч блины пек,
сковородку уронил,
себе руки обварил.

Верхнеудинск.

г. Ани-бани, ани флекс
блины пек, пек, пек,
не допек—
осердился и утек.

Иркутск, Тальяны.

331. Эна-бэна рэс
квинтэр, квинтэр жес
эна-бэна рабэ
квинтэр, квинтэр жаба.

Жаба прыгала, скакала,
чуть в болото не попала,
а попала в чертов дом,
где родился черт с горбом.

8 где забился чорт с горбом.

Иннокентьевский, Абаканское.

332. Эна-бэна трубабэна
эна-бэна труба бас
и выходит кислый квас,
но не для вас.

1—2 Эна-бэна трупатэна
ас-бас трупатас...

Иркутск, Голуметь.

а. Эна-бэна дагатэна
ас-бас
и выходит кислый квас.

Иркутск, Голуметь.

б. Эни-бэни три бабэни
шахер-махер парикмахер
ас-бас три бабас,
вот и вышел кислый квас.

2 цукор-махер помадэни.

Коровино, Москва.

в. Уна-буна трикатуна
сахар-махер побидон
ас-бас,
кислый квас.

1 Ани-бани три качани.

Мещовск.

г. Эни-бэни три конторы
сахар-махар помидоры
ас, два-с, кислый квас,
кто постарше, вышел бас.

Верхнеудинск, Худякова.

3—4 трифинзоры кисель квас,
пять колбас.

4 на копейку фунт колбас.

Тальцы, Коновалово.

д. Ани-бени три конторы
сахер-махер помидоры
ась, двась, кислый квас,
кто постарше, выше вас.

2 шихер-мыхер, помидоры.
сахар-бахар помидоры.

4 научились мы от вас.
и выходит буква аз.
это, верно, не для вас.

*Иркутск, Худякова,
Тунка, Куйтун.*

е. Эни-бэны три бабэны
акер-махер помадэны
ас-бас, три бабас
и выходит кислый квас.

2 сукер макер мама дэни.
цукер макер памэдэны.

*Верхнеудинск, Куйтун,
Барнаульский у.*

ж. Аны-баны трукатаны
шахер-махер бумазэны
ас-бас трупатас
и выходит кислый квас.

Иннокентьевский.

з. Эна-бэна трубабэна
эна-бэна трубабас (три бабас)
и выходит кислый квас.

Голуметь, Курган.

и. Сикер бокры
кислый квас.
Паненочка, нет ли вас?

Мошлевская губ.

к. Эны-бэны бас и бабас
и выходит кислый квас.

Голуметь, Курган.

л. Эна-бэна три конторы
сахар-махар помидоры.

Верхнеудинск.

333. Эники-беники сиколиса
сколько стоит колбаса?
Две копейки с половиной,
отвечала Катерина.
Что ты, Катерина, врешь?
у меня товар хорош.

3—6 Три копейки с половиной—
остается баба свиной.

Кузьмина, Ленинград.

334. Эни-бени
дики даки
шорба-торба
ента смаки
теус теус
космотеус
стара баба
на печь спать.

Красноярск.

- а. Эна-бена
деки паки
орба-торба
деки смаки
зус-меус
кус матеус
стара баба
на печь спать.

Иркутск.

- б. Эни-бени
тыки баки
вор башмаки.
Старым бабам спать.

Куйтун, Уян.

335. Эни-бэни уговора—
изловила баба вора.
Стала думать и гадать,
как бы вора наказать.
И связала руки, ноги,
и пустила по дороге.
Шишел-мышел, он пошел,
три копеечки нашел.

*Иркутск, Тверская
уб., Ленинград.*

- 1 Эны-бэны лукафора.
Эни-бэни рукафора.
Эни-бэни укафора.
Екс-бекс лукафора.
Эсь-бесь лукафора.
Ага, ага, агафора.
2 мы поймали в саду вора.
мы в лесу поймали вора.
изловили в лесу вора.
7—8 Кто мимо ни пройдет,
всяк копеечку дает.

Вор шел, шел
и копеечку нашел;
нам копеечки не нужно,
а вору жмуриться нужно.

Вор шел, шел
и к парю в кабаке зашел:
у царя в кабаке
сидит жучка в колпаке,
а жученок в шапке,
раскорячив лапки.

Ленинград.

336. Эта-бета
без корсета,
без корсета
жить нельзя,
повернулась и пошла.

Верхнеудинск.

- а. Эти-бети
Лизавети,
вышла замуж
без корсета;
без корсета
жить нельзя,
повернулась и ушла.

Иркутск, Шараул.

337. Ани-бани, что под нами,
под реметчатыми столбами?
там татары живут,
они шапки шьют;
одна шапочка упала,
ее татарочка украла;
поп Матвей
погнался за ней.

*Баширово, Усть-Баргузин,
Иркутск.*

- а. Сани, Вани, что под нами,
под железными столбами?
стульчик, мальчик,
сам король
со свинячьей бородой.
Королева голова
поехала по дрова.
Там татары живут,
красны шапочки шьют.
Шапка упала,
татарка подняла;
поп Матвей,
побегай за ней.

- 6—7 Выходи на барский двор.

Со свинячьей головой,
поезжай, король, домой.

После 12 соскочил с саней,
побежал за ней;
добежал до покосу,
выдернул косу.

Худоелань, Горячинское.

- б. Стульчик-мальчик,
сам король,
побежал он сам домой.
Там татарки шляпы шьют,
на мальчишку одеют.

Иннокентьевский.

- в. Таня, Ваня, что под нами,
под железными столбами?
шишел-вышел
сам король
на боярский двор;

там бояре живут,
красны (черны) шапки шьют;
шапка упала,
татарка подняла;
поп Матвей
побежал за ней.

10—11 волк за ней,
курица на улице,
петух на царе.

Подстепновское, Ая, Тулун.

г. Тани-бани,
как под нами,
под железными столбами,
стульчик-мальчик,
сам король.
Синя нитка,
сам барон
вышел на боярский двор,
где шапки шьют.
Шапка упала,
татарка украла.
Поп Матвей
побежал за ней.

Иркутск.

д. Тани-бани, что под нами,
под железными столбами?
там татары живут,
они шапки шьют;
шапка упала,
татарка подняла;
поп Матвей,
побегай за ней.

Усть-Баргузин.

338. Тани-бани
сто (все) под нами,
под железными столбами?
стульчик, мальчик,
сам король
со свинячьей бородой.
Два Ивана капитана
держат коней на прием.
Звезда-пита,
выйди вон.

б выводил коня на двор.

*Горячинское, Тулун,
Воробьево, Ченчи.*

339. Тани-бани, что под вами,
под железными столбами?
там чашки, орешки,
медок, сахарок.

Аршан.

340. Анзы-бензы коза к нам
кореец курицу украл.
Не кипи, моя кастрюля,
дай бульону подолить.
Шишел, вышел он, пошел,
на боярский двор зашел,
три копеечки нашел.
Вдруг ухваты взбунтовались,
кочерга пошла плясать,
а клюки-то долгоньги
не нашли пути дороги.
Чоб, чоб чеботарь
черевик сработал.
Незванные гости
пришли глотать кости.

Иркутск.

а. Кондар-мондар козу гнал,
немец курицу украл.
Заигрались два ухвата,
пошла кочерга плясать;
кочерга пляшет,
рукой машет,
себе кондору зовет.
Кондор сливочки слизал
да на кысеньку сказал;
кысенька из кухни —
глазеньки запухли.

Зея.

б. Шандер-бандер козу гнал,
немец курицу украл.
Родивон, поди вон.
Шишел-вышел,
вон пошел.

Казань.

341. Куки, баки
съел собаки,
кошку драну
мышь погану.
Между нами,
дураками,
кто то.....
колбасами.

Благовещенск.

342. Трагодан нагодан
на четыре угадан.
Пятьсот Юрьев,
Катерина коска,
голубина ножка.
Заяц-месяц
сорвал травку,
положил на лавку.

*
*

Радивон, выдь вон,
поди за вином.
Катилось яблочко
круг огорода;
кто его подымет,
тот вон выйдет.
Кум да кума,
кубышка вина.

Владимирская губ.

343. Цынцин-брынцин два кольца
подстрогали молодца.
На святой неделе
вешали качели;
качели сломали,
на Кузьму сказали.
Кузьма божится: не я,
балалаечка моя.
Балалаечка-гудок
разбудила весь народ.
Девки-татарки
взяли по палке,
ударили в доску.
Там сидели ермаки,
все посняли колпаки;
один ермак
не снял колпак,
он остался дурак.

Спас-Демьянский у.

344. Чичики-вичики
синенька стеколка
щука, карась —
ты убирась.

Большая Уса.

345. Шаранды-баранды,
по кусту, по мосту,
по лебеди горы,
по чужой стороны;
там чашки, орешки,
медок, сахарок.
Поди вон, королек.

Мурман.

346. Эно-бено балалайка,
эно-бено поиграй-ка.
Эно-бено не хочу,
эно-бено спать хочу.
Эно-бено ты куда?
эно-бено на базар.
Эно-бено ты за чем?
эно-бено за овсом.
Эно-бено ты кому?
эно-бено я коню.

Эно-бено ты какому?
эно-бено вороному.
Эно-бено где ты взял?
эно-бено я украл.
Эно-бено у кого?
эно-бено у него.

Тайшет.

а. Аты-баты шли солдаты.
Аты-баты вы куда?
аты-баты на базар.
Аты-баты вы по чо?
аты-баты по овес.
Аты баты вы кому?
аты-баты мы коню.
Аты-баты где ты взял?
аты-баты я украл.
Аты-баты у кого?
аты-баты у попа.
Аты-баты у какого?
аты-баты у седого.

Куйтун, Зима.

347. Ада, Ада, как я рада,
что ты с куколкой пришла,
выпей чашку шоколада,
съешь кусочек пирога.

Ржев.

348. Анютины глазки
купили салазки,
сели, поехали
к дедушке заехали.
— Дедушка, дедушка,
что нам прикажешь?
— Ступу, лопату,
бабушку горбату.
Стала бабушка вставать,
курам зернышки давать;
куры улетели,
на сучечки сели;
сучек обломился,
другой родился.
У барана ж . . а драна,
у Китая завитая.

Шабарта; Пензенская губ.

349. А и б сидели на трубе.
А упало, б пропало,
кто остался на трубе?

Куйтун.

350. Антон баню продает,
Антониха не дает,
Антонята плачут,
по-иманьи скачут.

Иркутск.

351. Аж ты зоренька заря —
заря утренняя,
а кто зореньку проспит,
того выстегаю.

Коркино.

352. А я рыбку вырыла,
по кусочку дылыла:
в кого черный вусок,
тому рыбки кусок;
в кого чорна борода,
тому юшечка сама.

Малой.

353. Бег-бай по стене
нес лапти на спине.
Всем чертенкам
по лаптенкам,
а себе ничего.

Там же.

354. Баран крутолобый,
с крутыми рогами,
девки с пирогами,
мужики с голюнами.

Подстепновское.

355. Бегала кукла по току
и в зеленом колпаку.
Медок, сахарок
выйди прочь, королек.

Ленинград.

356. Бить, бить, бичевать,
кому ехать ночевать?
Чи мне, чи табе,
чи таварищу мойму.
Копыто, копыто
золотом накрыть.

Малой.

357. Вера-мера, где была?
У папаши чай пила;
пила кофе, пила чай,
пришел Ваня невзначай.
Здравствуй, Верочка-стоймовка,
я принес тебе обновку:
ленту в косу голубую
и обновку почтовую;
смотри, Вера, не теряй
и в коробку убирай,
а в коробке таракан
проел Верин сарафан.

Иркутск.

358. Вера-мера, где была?
У папаши чай пила;
пила кофе, пила чай,
пришел Ваня невзначай.
Ах ты, Верочка-плутовка,
я принес тебе обновку:
чернобархатны сапожки,
бриллиантовы сережки.
Если хочешь прокатиться,
то поедем в маскарад,
там увидим припарат,
черны брюки,
черный флаг,
вышел Ванечка дурак.

Мещовск.

359. Вшивая шубенка
в лес побежала,
вшей растеряла.
Ехали татары,
вшей собирали,
кашу варили
с луком, с перцем,
с собачьим сердцем.

Минусинский у.

360. Бегал заяц по болоту,
он искал себе работу,
а работы не нашел,
сам заплакал и пошел.

Коровино.

361. Ванюша бедный,
нашел кувшин медный,
пошел заводитьсь;
там его били
в четыре дубины;
пятый костыль
по ногам пустил.
Ой, маменька, не тужи,
еще годик прослужу,
без одежи прохожу.

Владимирская губ.

362. В синем море-океане
золотой корабль плывет,
а на острове Буяне
темный лес растет
Станем думать да гадать,
как нам сосны сосчитать;
как ни думай, ни гадай,
только нас ты догоняй.

Голуметь.

363. В этой корзиночке
много цветов;
я нарвала их
из разных садов.
Роза, фиалка
и лилия есть,
можно для Катечки
веночек сплести.
Катечка, Катечка,
как вы хороши,
любит вас Манечка,
ото всей души.

Иркутск, Урюпино.

364. Горит, горит жарко,
едет (приедет) Захарка:
сам на лошадке,
жена на коровке,
дети на телятках.
слуги на собачках.

6 Слуги на запятках.

Мещовск, Тулун.

365. Говорила тебе я:
ты не ешь грибов, Илья.
Не послушал, да покушал—
и вот теперь вина твоя.

Минусинский у.

366. Две монашенки дерутся,
у них сумочки трясутся,
а кусочки летят —
подбирают да едят.
Погоди, Ваня, жениться,
у тебя изба валится;
перво избу заведи.
потом невесту приводи.

Костромская губ.

367. Двери растворяются,
Георгий появляется
в черном фраке,
верхом на собаке.

Иркутск, Тулун.

368. Девки-татарки
взяли по палке.
Хлоп, хлоп—колесо
вылетело в яму.

Куйтун.

369. Домик, домик двухэтажный,
наверху свисток отважный.
Он и свищет и поет,
всех на фабрику зовет.
Там на фабрике фабричной,
есть помада и духи,

ленты, кружева, ботинки,—
что угодно для души?

2 наверху свисток отрядный.
2-3 а на нем платок атласный.
Он гудит и поет.

На дворе свисток не важный,
он и кличет и поет.

На верху звонок отлаженный.
Он и свищет и поет.

А на нем цветок этажный,
он и свищет и поет

А на нем свисток отважный,
он и свищет и поет.

На окне гудок отважный,
он гудит и поет.

3 Он ни свищет, ни поет.
5 В этой фабрике фабричной.
А на этой фабрике.
В этой фабрике фабристой.

Владивосток, Омск.

а. Домик, домик двухэтажный,
на окне цветок атласный;
он и светит и поет,
всех на фабрику зовет.
В этой фабрике-фабрике
есть помада и духи,
ленты, кружева, ботинки,—
что угодно для души?

Подстепновское.

б. Чудный домик трехэтажный,
на верху гудок отважный;
как гудочек загудит,
весь народ к нему бежит.

Иркутск.

в. Дом высокий, трехэтажный,
на верху гудок протяжный,
как засвищет, заорет,
всех на фабрику зовет.

Ярославская губ.

г. Домик, домик
двухэтажный,
на верху
флачек есть красный.

Верхнеудинск.

д. Домик, домик двухэтажный,
на верху свисток отважный;
он и свищет и поет
и на фабрику зовет.

3-4 он не пикает, не поет,
всех на фабрику зовет.

*Шараул, Торгашино,
Тины, Ленинград.*

е. Домик, домик двухэтажный,
на верху свисток отважный;
он и свищет и поет,
всех на фабрику зовет.
В этой фабрике фабричной
есть помада и духи,
лента, кружева, башмачки—
что угодно для души?

*Иркутск, Минусинск,
Душкочан.*

1 Стоит домик двухэтажный.

Домик, домик над рекою.

ж. Домик, домик двухэтажный,
а на нем цветок отважный;
он и свистит и поет,
всех на фабрику зовет.
А на фабричном заводе
есть различные цветы:
роза, ландыш, незабудка,—
что угодно для души?

2 на верху цветок атласный.
на верху цветок отлажный.

5 В этом домике этажном.

7 роза, пальма, незабудка.

*Иркутск, Тулун, Ленинград,
Лиственичное.*

з. Домик, домик двухэтажный,
а на нем свисток протяжный.
Как засвиснет, заорет,
всех на фабрику зовет;
а фабричные ругают,
на дворе собаки лают.

Лихославль.

370. Шла торговка мимо рынка,
спотыкнулась о (на) корзинку.
В этой маленькой корзинке
есть помада и духи,
ленты (мыло), кружева, ботинки,—
что угодно для души.

1 Шла кухарка мимо рынка.

Ходит баба мимо рынка.

2 спотыкнулась на корзинке.

увидала там корзинку.

наступила на корзинку.

зацепилась за корзинку.

и запнулась за корзинку.

6 все, что надо для души.

Коношановское—Ленинград.

а. Шла старушка по тропинке,
изломала две корзинки.
В этой маленькой корзинке
есть помада и духи,

ленты, кружева, ботинки,—
что угодно для души.

Смоленщина.

1—2 Бом, бом—тебе альбом.

стихи, стихи—тебе стихи.

Баширово, Усть-Баргузин.

Шла старушка той тропинкой
и запнулась за корзинку.

5 лента, кружева, сатин.

Костромская губ.

6. Уточка жареная,
курочка пареная,
яичко в смяточку,
да баранью лопаточку;
уточку в сумочку.
Шла старуха мимо рынка,
опрокинула корзинку.
В этой маленькой корзинке
есть помада и духи,
ленты, кружева, батисты,—
что угодно для души?

Иркутск.

в. Шла старушка мимо рынка
и несла цветов корзинку.
В этой маленькой корзинке
есть различные цветы:
роза, ландыш, незабудка,—
что угодно для души?

1—2 Я и шла, и шла, и шла
и корзиночку нашла.

*Урульга, Иркутск,
Иннокентьевский.*

371. В этой маленькой корзинке
есть помада и духи,
ленты, кружева, ботинки,—
что угодно для души?

2 есть и ситец и парча.

2—3 есть различные цветы:

роза, ландыш и гвоздика.

3 ленты, кружева, башмачки.

лента розова, фиалка.

ленты, кружева, батис.

4 голубые васильки.

всевозможные цветы.

Верхнеудинск—Ленинград.

372. Ехала с городана,
русу косу приплетала,
к себе бога призывала.
Как под нами, под судами,
под железными столбами
стульчик, мальчик-коновальчик,
сам большой король.

Барнаульский у.

373. Ехал барин в тарантасе,
таракана раздавил
и за это приключенье
три с полтиной заплатил.

- 1 Ехал турок по дороге.
Ехал зайчик на чумичке.
Ехал барин на телеге.
3 и за это преступленье.

Верхнеудинск--Ленинград.

374. Ехал Ваня из Казани,
полтора ста рублей сани,
двадцать пять рублей дуга,
мальчик девочке слуга.
Ты, слуга, подай карету,
а я сяду и поеду,
ты, слуга, подай метлу,
я в карете подмету.

Урулья, Ленинград.

- 1 Ехал Ваня из Рязани.
Ехал Ваня из гарани.
4 ты нам больше не слуга.
парень девушке слуга.

Вар. состоят из 1—4, реже из 1—6.

5—8 Запрягай, слуга, карету,
я ведь сяду и помчусь
и назад не ворочусь.
Взял карету и поехал.
Их карета прямо в грязь—
это вышел Ваня князь.

Запрягай, слуга, карету,
а я сяду и поеду
под Данилово село;
под Даниловым селом
едет баба с помелом.
Куда, баба, едешь?
В Ямско болото.
В Ямсковом болоте
три жиды молотят
рожь да пшеницу,
ядреный горох.
Поди вон, королек.

7—8 Я поеду в Ленинград,
покупать там красный фрак.
Кто не выйдет, тот дурак.

Я поеду в маскарад.
посмотрю на свой наряд,
черны брюки, белый флаг;
вышел Ванька погулять.

Не угодно ли садиться
и со мною прокатиться?
Мы поедem в Апалат,
там закажем шоколад,
черны брюки, белый фрак,
вышел Ванюшка дурак.

Я поеду в Крутой враг,
погляжу играют как,
какой водит там дурак.

Ты, слуга, подай свечу,
я в карете освечу;
черны брюки, красный фрак,
я поеду, как дурак.

Ты, слуга, подай свечу,
а я ояду, полечу.

За кондом, за венцом,
за красивым молодцом.

7—8 Сидит Ваня на диване,
пишет нужные дела,
а его жена в карете
пляшет польку тра-ля-ля.
После 8 Ты, слуга, подай калошу,
а я дам тебе по роже.

Ты, слуга, подай калошу,
я тебе же в морду брошу.

а. Ехал Ваня из Казани,
сказал: мало насчитали,—
нужно двадцать семь.

Боровое.

375. Ехал дядя из провозу,
говорила я ему:
Увези мою муку.
Недосуг муку везти,
надо горницу мести.

Пермская губ.

376. Ехал поп через мост,
поймал рыбку за хвост.
Эта рыбка была
Тимофеева жена.

Ленинград.

377. Ехал шурин
срубил черень,
черень высох
тот и вышел.

Басмасово.

378. Ехал Ваня в красной шапке
на молоденькой лошадке.
Подъезжает под окно,
дома нету никого,
только Саша да Наташа,
разбери ты дело наше.

Дубовики.

379. Ехал Сика мимо сада,
потерял подковку;
с горя бедный мужичек
выпил сороковку.

Ленинград.

380. Ехала барыня
по ровненькой дорожке,
по кочкам, по кочкам—
да бух!

Голуметь.

381. Ехал татарин,
бросил камень.
Кто поднял,
тот упал.

Верхнеудинск.

382. Жаба прыгала, скакала
чуть в болоту не попала,
а попала к черту в дом,
где родился черт с горбом.

3 а попала в чертов дом.

Красноярск, Омск.

383. Жил на горке,
хлеба ни корки,
дров ни полена,
старуха околела.

Верхнеудинск.

а. Сидит баба на горке,
хлеба ни корки,
ни постных щей,
ни пресных калачей.

Серафимовка.

384. Жидовочка-евреечка
сколько сейчас времечка?
Времечка девятый час,
пойдем на станцию сейчас.

Иркутск.

385. За морями, за горами,
за железными столбами,
бирюзовый трон.
А на троне том корольчик
и звонит он в колокольчик.
Шишел-вышел вон.

Голуметь.

386. Зайчик серый, куда бегал?
В лес дубовый.
Что делал?—Лыки драл.
Куда клал?
Под колоду, под корец;
кто украдет,
тот подлец.

Витебск.

а. Зайка, зайка,
што с тобой:
ты сидишь
словно больной?
Зайка, зайка
поскочи,
на другую
укажи.

Тулун.

б. Зайчишка-трусишка
по полю бежал,
в огород забежал,
морковку нашел,
капустку нашел,—
сидит грызет.
Ай, кто-то идет!

Иркутск.

387. Зайчик белый,
куда бегал?
В лес дубовый.
Что там делал?
Лыко драл.
Куда клал?
Под колоду.
Кто украл?
Радион.
Шишел, вышел
вон пошел.

3 В лес бобровый.
7 Под березу клал.

Под березку, под пенек,
под передний уголок.

9—11 Шишел, вышел
вон пошел,
на угоре дом нашел.

Радион,
поди вон;
ши-ши, мыши —
он пошел.

Иркутск, Вологодская губ.

а. Заяц белый,
куда бегал?
Лыко драл.
Куда клал?
Под колоду,
под пенек,
очутился пузырек.
Шуды-булды
пузырь лоп.

1 Ваяя белый.
Белый заяц.

5—6 Под замочек,
под пенечек.

Под пенечек.
в уголочек.

8—9 Шундры-мундры
болт.

Куйтун, Барнаул и др.

б. Заяц белый,
что ты делал?
Лыки драл.
Куда клал?
Под колоду положил.

Кто украл?
Уж ты дядя Спиридон,
пойди вон, Спиридон.

Александровский у.

в. Заяц-месяц,
где был?
В лесу.
Что делал?
Лыки драл.
Куда клал?
Под колоду.
Кто взял?
Родивон.

5 Дуб драл.
8—9 Воевода,
вон из хоровода!

Выйди вон
из карагоду.

Радивон,
выйди вон.

Иркутск, Казанская губ. и др.

г. Лысый месяц,
где был?
Лыки драл.
Куда клал?
Клал в воду
под колоду.
Выйди, девка,
с короводу.

1—2 Зайчик белый,
куда бегал?

5—8 Под колоду,
воевода,
выкинь девку
с парохода.

Ключики, Подстепновское.

д. Заяц белый,
куда бегал?
В лес дубровый,
лыки драл.
Куда клал?
Под колоду,
под дуброву.
Кто украл?
Родион.
Пойди вон!

6—7 Под березу,
под пенек.
После 10 Шинел-вышел,
вон пошел.

Красноярск—Ленинград.

е. Заяц белый,
куда бегал?
В лес дубовый.
Что там делал?
Лыки (лытки) драл.
Куда клал?
Под колоду.
Кто украл?
Офоня, Офоня,
кого ты берешь?
Сам себя.

1 Зайка серый.
Зайчик белый.

3 В лес дубраву.
В лес дубровый.

8—11 Под конец
кто украдет,
тот подлец.

9—11 Из окошка кубарем
пойди вон!..

*Гужирь, Иркутск,
Ленинград. Витебская губ.*

ж. Зайчик белый,
куда бегал?
В лес дремучий.
Что там делал?
Лыко (дуб) драл,
на колоде клал,
ты украл.

6—7 Кто этот дуб
у меня украл?

Аршан, Малый Хабык.

з. Цыган-мыган
козу гнал.
Куда клал?
Под колоду,
под пенек.
Кто украл?
Еще он —
Радивон,
пойди, выйди вон.

Минусинский у.

388. За стеклянными дверями
стоит Бобик с пирогами...
Бобик, миленький дружок,
сколько стоит пирожок?
Три копейки с половиной,
отвечает Катерина.
Что так дорого берешь?
Посмотри, товар хорош.

Спас-Демьянск.

- а. За стеклянными дверями
стоит миска с пирогами.
Здравствуй, Миша дурачек,
сколько стоит пирожок?

Ленинград.

389. За морями, за горами,
за дремучими лесами
на пригорке теремок,
на дверях висит замок.
Ты за ключиком иди
и замочек отомкни.

Иркутск, Нижнеудинск.

390. Заря-заряница
по морю ходила,
ключи обронила.
Ключи золотые,
вещи дорогие.

Владимирская губ.

391. Зимний вечер темен, долог.
Насчитаю сорок елок,
скину шубу на снежок;
все пожалуйста в кружок.
И кому из нас водить,
должен шубу шить.

Иркутск, Голуметь.

392. Иван-болван,
полезай в стакан;
нарежь лимон,
убирайся вон.

*Иркутск, Тулун,
Нижнеудинск.*

- а. Эй, Иван,
подавай стакан,
режь лимон,
убирайся вон.

*Коровино, Киренск,
Баргузин, Иркутск.*

- б. Иван,
подай стакан,
отрежь лимон
и выйди вон.

Ленинград.

393. Иван капитан,
чем коня пропитал?
Овсом, серебром.
Под копытцем грязь,
оставайся, князь.

Мещовск.

- а. Я Иван капитан.
Чем коня пропитал?
Овсом, серебром.
Из копыта под копыто,
из телеги прямо в грязь.
Оставайся, белый князь.

Тула.

394. Как на улице шумят —
сарафан бабы делят:
кому клин, кому стан,
кому целый сарафан.

Александровский у.

395. Карл Иваныч с длинным носом
подходил ко мне с вопросом:
как избавить этот нос,
чтобы больше он не рос?
Вы возьмите канифоль
и помажьте его вдоль,
а помазавши, потом
ковыряйте долотом.

Аршан, Ленинград.

- а. Тары бары с длинным носом
приходил ко мне с вопросом:
как избавить этот нос,
чтобы больше он не рос?
Вы купите папирос,
приложите это к носу,
а потом, потом, потом
отрубите топором.

б и намажьте этот нос.

Аршан, Суховское.

- б. Шла торговка с длинным носом,
подошла ко мне с вопросом:
как убавить этот нос,
чтобы больше он не рос.
Вы сорвите купоросу,
приложите его к носу,
а потом
отрубите топором.

- 1 Карл Иваныч с длинным носом.
Шел татарин с длинным носом.
Шла японка с длинным носом.

Иркутск, Ленинград и др.

- в. Карла Маркыч с длинным носом
приходил ко мне с вопросом:
что мне делать с этим носом?
Вы намажьте купоросом,
а потом, потом, потом
отрубите топором.

Второй Хобок, Абаканское.

г. Карл Иваныч с длинным носом
раз пришел ко мне с вопросом:
как избавить этот нос,
чтобы больше он не рос?
Вы купите купоросу,
привяжите его к носу,
а потом, потом, потом
отрубите топором.
Придет наш Барбос
и съест ваш нос.

Барнаульский у.

д. Карл Иваныч с длинным носом
приходил ко мне с вопросом:
сколько стоит колбаса —
три копейки и (иль) алтын?
Убирайся, сукин сын!

Самара.

396 Катился яблочко
мимо саду
винограду;
кто поднимет,
тот и выйдет.

2 подле саду.

2—3 мимо забора.

После 5 за ограду.

Океанская — Ленинград.

а. Катилось яблоко
мимо сада,
мимо сада,
мимо града.
Кто поднимет,
тот и выйдет.

Минусинский у.

б. Мимо саду винограду
катилось яблоко.
Одна мама подняла,
семерых родила—
ни попа, ни дьячка,
только Ваню дурачка.

Ленинград.

в. Мимо сада винограда
катилось яблоко.
Одна баба подняла,
семерых родила—
ни попа, ни дьячка
только Ваню дурачка.
Вы возьмите полотенце,
завяжите вы младенца.
Ходит Ваня дурак,
курит трубку и табак.

Там же.

г. Катилосся яблочко
подле саду;
закатилосся яблочко
в маленькую ямку,
там остановилось.
Кто поднимет,
тот и выйдет.

Куйтун.

д. Катилось яблочко
вокруг огорода,
мимо частокола;
кто его поднимет
то вон выйдет.

3—5 кто его поднял,
тому и сморода.

кто его поднимет,
тот вон выйдет.

Весьегонский у.

е. Катится яблочко
по огороду;
кто не схватит,
того в воду.

Большая Уса.

ж. Катилось яблочко
круг огорода;
кто его поднимет,
тот вон выйдет.
Вышла поповна,
вышла дьяковна,
кум да кума,
кубышка вина.

Александровский у.

5—8 Я подняла,
троих родила:
попа, дьячка
да Ивана-дурачка.

Костромская губ.

з. Катилосся яблочко
у город, у город,
а кто взяв,
пырывод, пырывод.
Пырыводова жена
уродыла тры сына:
и попа, и дьяка,
и серебрянника.

и. Яблочко катилось
вокруг огорода.
Кто его поймал,
тот воевода стал.
Слышал, вышел,
вон повышел (пошел).

Омск, Колпашево.

- 3—4 Кто его поднял?
Сыны воеводы.
5—6 Воеводский сын,
вы — кипь.

к. С горы яблочко катилось
мимо саду винограду;
кто поднимет.
тот и выйдет.

Иркутск.

л. Катилосся яблочко
круг горы;
кто поднимет,
тот уйди.

Подстепновское.

м. Катилосся яблочко
вкруг огорода;
кто её поднял,
тот её съест.
Стук, гром,
стеклушко.
Выйди вон.

Мещовск.

н. Шарик катился
круг огорода;
кто его поднимет,
тот и выйдет.

Нижеудинск.

397. Катилася торба
с высокого горба;
в этой торбе
хлеб, пшеница;
с кем хочешь,
с тем поделися.

*Тулун, Омск, Полтавская г.,
Ленинград.*

а. Скатилася торба
с высокого горба.
Хлеб поронись,
кому доведись.

Подстепновское.

б. Ехала торба
с великого горба;
в этой торбе
хлеб с пшеницей.
Кто желает
с кем делиться?

Ленинград.

в. Катилася торба
с великого города;
в этой торбе
есть мука, хлеб, соль,
пшеница;

кто с кем хочет
помириться?

5—7 хлеба поленица;
кто ее поднимет,
тому и жмуриться.

кныш, паляница;
кому дов. деця,
тому и жмурыця.

Полтавская губ., Ключики.

г. Катилася торба
с высокого горба,
там рожь и пшеница.
С кем ты хочешь поделиться?

Океанская, Владивосток.

398. Колочу, молочу
на поповом лугу (гумне);
я по курице цепом,
а из курицы перо
под Иваново село;
из Иванова села
мужик с пестом,
жена с шестом,
маленьки ребятки
с клюшечками,
стареньки старушки
с сковородничками,
старенькие старички
с палочками.

Между 2 и 3 ко мне курицы бегут
черные и пестрые.

10—14 с половничками,
маленькие девочки
с ухватиками.

Владимирская губ.

а. А ту - ту, ту - ту, ту - ту.
Я горошек молочу,
примолачиваю.
Покатилосся зерно,
под Иваново село.
Иван с мешком,
попадья с горшком,
детки с чашечками,
с черепенечками.

Мещовск.

399. Катилосся ведро
под Иваново окно.
У Ивана ж..а пьяна,
у Филипа ж..а липа,
у быка трепака,
у медведя широка.

Горячинское.

400. Крути, крути колесо,
тебя куда понесло?
За крутые горы,
там живут воры.
Девки-татарки
взяли по палке,
стукнули в доску,
побежали к мостку —
мост мостить,
поросят крестить,
маленьких ребят
перекрещивать.

8-12 поехали в Москву —
ребят крестить,
перекрещивать;
ребята уснули,
попа обманули.

Тулун, Омск.

401. Куда едешь?
На базар.
Что купишь?
Самовар.
Сколько дашь?
Три рубля.
Кто поставит?
Бабушка.

Лука.

402. Куколка маленька,
где ж ты была?
— Коней пасла.
Что ты выпасла?
— Золотого коня.
Где конь?
— Николка увел.
Где Николка?
— В клетку ушел.
Где клетка?
— Водой снесло.
Где вода?
— Быки выпили.
Где быки?
— Под гору ушли.
Где гора?
— Черви выточили.
Где черви?
— Гуси выклевали.
Где гуси?
— В тростник ушли.
Где тростник?
— Девки выломали.
Где девки?
— Замужья ушли.

Где мужья?
— На войну ушли.
Где война?
— Посреди г...а.

Владимирская губ., Шабарта.

1—12 Козанька коза,
где ты была?
Коней пасла.
А где кони?
— Ребята угнали.
Где ребята?
— В церковь ушли
Где церковь?
— Водой снесло.
А где вода?

Михайловское.

Ку - ку - реку, петушок,
золотой гребешок,
ты далеко летал?
От моря — моря
до чистого поля.
Что царь делает?
Грамотку пишет,
его жена Арина
царя породила Константина.
А где этот царь Константин?
Он в город ушел
коня поить.
А где этот город?
Водой снесло.
А где та вода?..

Н. Каменка.

Тетка Арина,
подай сапоги!
Недосуг подавать,
надо мягки катать,
Миколашку стречать.
Миколашка то где?
В часовеньке.
А часовенька где?
Водой увнесло.
А вода где?

Там же.

21—29 Гуси за лес улетели.
А где этот лес?
Мужики вырубили.
А где их топоры?
Топоры на полках лежат.

Там же.

26—29 А мужья - то где?
— Примерли.
А гроба - то где?
— Пригнали.
А гнилущки-то где?
У поца на мельнице
плават утка в сельнице.

Там же.

403. Куколка - потуколка,
где ты долго не была?
Я боялась тиуна.
Тиуновы дети
ехали в карете
Шум, гром под окном
и карета кувырком.

3—4 Я боялась петуха.
Петуховы дети.

Ленинград.

- а. А куколка, куколка,
чему дома не жила?
Боялась дергуна.
Дергун тебе не судья,
судья тебе владыка;
владыкины дети
полетели на море,
а на море тетушка Арина
кашицу варила,
детушек кормила.

Смоленская губ.

- б. Ты куколка, я куколка,
что ты долго не была?
Побоялась петуха;
петуховы дети
ехали в карете
они за море море.
Стоит церква Микола.
Стук, гром —
стекла вон.

Тайшет.

- в. Куколка, куколка,
ячменная струколка,
что ты дома не была?
Боялась дрыгуна:
дрыгуновы дети
хотели летети,
пришли попу сказати,
а поп с печки,
отшиб плечки;
попадья с грубки,
отшибла губки;
бабка Арина
коров доила.
Звездой лоб
лысый поп.

Барнаульский у.

- г. Куколка то (ты) маненька,
чего долго не была?
Боялась типуна.
Типун тебе не судья.
Ладанцы дети
хотели улетети.
Шишел-вышел
клен,
ступай вон.

Владимирская губ.

- д. Куколка маленька,
где ты была?
— В церкви, за церковой.
Что там делали?
— Там мы слышали
стук, гром.
— Выйди вон.

Турунтаево.

- е. Ты куколка, я куколка,
ты маленька, я маленька,
приди ко мне в гости.
Я б радешенька была,
да боюсь тивуна.
Ты не бойся тивуна:
тивун тебе не судья,
судья наш владыка.

- ж. Куколка, куколка,
что ты долго не жила?
Я боялась типуна.
Типун тебе не судья,
судья-то лодыга.

- з. Ты куколка, я куколка,
чего долго не была?
Я боялась типуна.
Типуновы дети
хотели летети
к Иванушке в гости;
Иванушка пишет,
на девицу дышет.
Девица, девица,
сходи по водицу.
Я волка боюсь.
Волк на работе,
коза на болоте,
зайчик на печке
считает колечки.
Выдьте вон, человечки.

Мещовск.

404. Лезу я, лезу
на церкву, на маковку;
вижу я, вижу
Ивана капитана;
я ему сулила,
я ему дарила:
три ста, три листа,
голубей полста.
Конь переконь
золотым узлом.

7 три ста, три места.

. Александровский у.

405. Ляля -- сахар,
Ляля -- мед,
Ляля в городе
живет.

Куйтун.

406. Маленький мальчик
сел на стаканчик;
в дудочку играет,
нас забавляет.

Там же.

а. Шкальчик-мальчик
сел на стаканчик,
в дудочку играет,
винцо попивает,
вон выбегает.

Турунтаево.

б. Маленький мальчик
сел на стаканчик,
(в) дудочку играет,
царя забавляет.
Царю на потешки,
нам на орешки.

Иркутск, Тулун.

в. Мальчик с пальчик
сел на стаканчик,
в дудочку играет.
Нам на потешки,
ему на орешки.

Иннокентьевский.

407. Меня папа грамоте учил
не читать, не писать,
только по полу скакать.
Я скакала, я скакала,
себе ногу изломала;
папа доктора позвал.
Доктор едет на свинье,
балалайка на спине.

Красноярск.

а. Я скакала, я плясала,
себе ноженьку сломала;
стала ноженька болеть,
стала маменька жалеть.
Не жалей ты, мать родна,
заживет нога больна.

5—8 Не жалей меня мамаша,
моя ножка заживет;
мы за доктором послали,
едет доктор на свинье,
балалайка на спине.

Коровино, Иркутск.

б. Ехал доктор на свинье,
балалаечка в руке;
балалаечка упала,
а свинья-то убежала;
балалаечку поднял,
а свинью-то не догнал.

Иркутск.

408. На кустик, на яблоньке
висел кусок говядины.
Кто снял? -- Варивон.
Пожалуйста, выйди вон.

Ключики.

409. На мосту сидит кукушка,
скуковала раза три.
Кто вышел?
Это, верно, ты.

Смоленщина.

410. На столе стоит бутылка
виноградного вина;
кто попьет из той бутылки,
тот останется пятна(ть).

Ленинград.

411. На печи калачи
как огонь горячи;
пришел мальчик,
обжог пальчик;
пошел на базар,
никому не сказал.

Иркутск.

412. Наша маменька шла,
чашку кофею нашла (несла).
Сахарок, миндалек,
Радивон-королек.

4 Выйди вон, королек.

Мещовск.

413. На этой неделе
повесили качелю;
качеля упала,
на Катю сказали.
Катя божится:
ей-богу, не я,
это, наверно,
сестренка моя.

Верхнеудинск—Ленинград.

1 На нашей неделе.

На святой неделе.

2 поставили качелю.

висели качели.

привязали качелю.

4 на няню сказали.

на зорю сказали.

5 Катя клянется.

Катя крестится.

Катя сказала.

8 сестричка моя.

подруга моя.

После 8 похожа немножко на меня.

Сестренка кланяется:
это не я,
это, наверно,
подружка моя.

- а. У моего дядюшки
вешали качели.
Качели упали,
на Кузьму сказали,
Кузьма божится:
не я, балалаечка моя.
Балалаечка-гудок
разорила мой домик.
Шишел-вышел
вон пошел.

Александровский у.

414. Ой ду-ду, ой ду-ду,
сидит ворон на дубу,
он играет во трубу:
ой ду-ду, ой ду-ду.

Иркутск, Тулун.

415. Огарушек,
черной камушек,
ненаедушек,
опоследушек.

Тверская губ.

416. Палочка идет,
кого первого найдет,
тот за палочкой пойдет.

Иркутск.

- а. Палочка-стукалочка
кого последнего найдет,
тот за палочкой пойдет.

Там же.

- б. Палочка-застукалочка,
кто первый найдет,
тот искать пойдет.

Иннокентьевский.

- в. Перелетела к нам галочка,
стала по травке ходить.
Палочка-выручалочка,
кому из нас водить?

Голуметь, Зима.

- г. Есть такая палочка
застукалочка.
Застукалочкой постучишь,
вылетает синий чиж.
Чиж, чиж, чиж.
У чижа у чиженьки
хохолочек рыженький.

Чиж, чиж, чиж.
А на лапке маленькой
сапозочек аленький.
Чиж, чирик знает песенку
про мышат, про лесенку:
как по лесенке гурьбой
леали мышки в кладовой,
лесенка упала,
покатилась малая.
В кладовой визг и вой:
ой, ой, ой!

Голуметь.

417. Пальчик-мальчик
сам король,
тебе выступить
вон!

Куйтун.

418. Папа с газетой,
а мама с чулком,
а дочка не промах,
пришла с женихом.

Иркутск.

419. По шилу, по мылу,
по маслу погасла,
по свинцу, по олову
попади мне прямо в голову.

Ленинград.

420. По стеколку, по току,
по немецку колпаку;
шима нима доведи,
поди перстень досмотри.
Радивон, выйди вон.

Коровино.

421. По дороге на Кавказ
едет старый тарантас.
В тарантасе сидит котик,
у него болит животик.

Костромская губ.

422. Где стоять?—На сковороде.
Кого продаешь?—Квас.
Лови кошек,
но не нас.

1 Где стоишь? У столба.

Тулун, Омск.

423. Плыла пена из-за моря;
стали бить, колотить,
стали спрашивать:
кто у вас больше?
кто у вас меньше?
Царь, царица,
король, королица,
красная девица.

4—8 кто вас мене?
кто вас боле?

Стульчик, мальчик,
сам король.

Иркутск, Самара.

- а. Бигла пена из-за моря.
Стали пину быты,
стали колотыты.
Хто быв при тому?
Чашка та ложка,
медок, сахарок.
Выйди вон, королек!

424. Поповы-то дети
горох молотили,
цепы переломали,
в подлаз покидали,
дьякона связали,
попу не сказали.

Александровский у.

425. По бережку шел,
топорик нашел,
лесинку срубил,
саночки сробил,
жену посадил,
в Россию повез,
дорогой замерз.
Саланчуль талета
рыба туилга.

Таган.

426. Поди, баба, в куст
на ременный кнут;
там грушный квас.
Пойди по нас.
Где стоишь?
— У ворот.
Чего продаешь?
— Щи да квас.
Поди по нас.

Владимирская губ.

427. Попил, попил попелыныця,
а где твоя вузуныця?
Попид небом лета.
одной ножкой кива.
Кив, кив не кивай,
а ты в города ступай.

428. Под горою у реки
живут гномы старики.
У них колокол висит,
позолоченый звонит:
диги-диги, диги дон —
уходи (выходи) скорее вон.
5 дили-дили, дили-дон.

Иркутск, Голуметь.

429. Прело, горело
осиново полено,
за море летело.
За морем церковь,
в церкви Никола,
петух топтун,
селезень свистун,
на семнадцать верст,
на калинный мост.

9 на коленях мост.

Пьянова, Кежма.

- а. Тлело, горело
осиново полено,
по за морю летело.
За морем церква,
в церкви Марья.
Пойду, выйду
в стеклышко.

Омск, Кокчетав.

- б. Осиново полено
по полю летало,
пень на пень
соколянский день,
соколянка-дворянка
сокол, вылетай.

Красноярск, Колпашево.

430. Конь ретивый
с длинной гривой
скачет по полям
тут и там.
Где проскачет он.
выходи вон.

Косиноостровск.

431. Пошла курица в аптеку,
просит мази (грязи) на пятак;
дали грязи вместо мази
да по шее кулаком,
и остался дураком.

Коровино, Иркутск, Ленинград.

2 стала мази покупать.
купить мази на пятак.

3—4 вместо мази дали грязи
и послали по шеям.

После 5 Курица не стерпела,
в подполье улетела.
Там был рак,
кто слушал,
тот дурак.

- а. Пошла курица в аптеку,
просит мазаный пятак.
Вместо мази дали грязи,
еще грязи на пятак.

Турунтаево.

б. Расскажу я вам потеху,
как свинья зашла в аптеку,
просит мази на пятак
и сдачи четвертак.
Но аптекарь был дурак,
дал ей мази на пятак
и сдачи четвертак.

Иркутск.

432. Спрело, горело
осиново полено,
в церковь залетело;
в церкви икона
сестра Куликова,
тетка Фекла
двадцать пять,
двадцать пять
на бутылку денег дать.

Таган.

а. Силиминка прела,
за морем летела,
за морем церковь,
в церкви икона
Марья Быкова,
селезень Петрушка,
Ванька комар,
Радивон вышел вон.

Абаканское.

б. Соломинка-яреминка
прела-горела,
на море летела.
Костюк-мастюк.
Радивон, пойдь вон.

Смоленская губ.

в. Оринушка-зорька
рыбку варила;
рыбка прела, горела,
за морем летела;
за морем церква,
церква икона
царица Быкова;
шишел, вышел
вон пошел.
Радивонова жена
троих родила:
попа, дьячка,
Иванушку дурачка.

Владимирская губ.

г. Струли бирули,
села баба на баран,
поехала по горам;
в церкви иконы,
жена куликова,

утка-Ксютка,
селезень-Петрушка,
Ванька хомяк.
Радивон, пошел вон.

Кокшенга.

433. Раз весною на базар
шли Никита да Назар.
Вдруг Назарушка упал,
на Никиту сказал.
Никита божится, крестится:
дай бог рыбкой подавиться,
я тебя, ведь, не пихал,
это сам ты упал.

Худоелань.

434. Рыжий красного спросил:
чем ты бороду красил?
Я не краской, не помазкой,
я на солнышке лежал,
кверху бороду держал.

1 белый рыжего спросил.

3 Нет ни краски, нет замазки.

Иркутск, Самара, Турунтаево.

435. Саша, Маша
в лес ходили,
серу ели...
Мы не хотим,
все хохочем.
Тили-лили-бом.

Перфилово.

а. Катька-дура
в лес подула,
сено ела,
нам велела.
Мы не хотим
да хохочем:
ха-ха-ха.

Коновалово.

436. Села баба на клюку,
поехала к старику.
набрала чесноку,
продала старику,
Старик мост мостил,
поросят крестил;
поросята полосаты,
они на небо глядят,
с неба звезды летят,
с неба звездочки летят,
рассыпаются;
поросята полосаты
разбегаются.

2 поехала за реку.

7-13 поросят семьдесят,
все по колышкам высят.

Голуметь, Куйтун, Тулун.

- а. Села баба на клюку,
поехала к старику;
старик мост мостит,
поросят крестит.

Тулун.

437. Села баба на барана,
поехала по горам;
приехала к мосту,
ударила в доску.
Постой, баба, не беги,
отдай мои пироги:
пирог с перцем,
с лебединым сердцем.

Тверская губ.

- а. Стой, баба, не беги,
отдай наши пироги
с лучком, с перцем,
с собачьим сердцем.

Владимирская губ.

- б. Первый дан, другой дан,
села баба на баран,
поехала по горам.
Стой, баба, не беги!
отдай наши пироги
с луком, с перцем,
с собачьим сердцем.
Вышел, вышел
девятый вон
на убогий дом.

Яренск.

438. Села муха на колеса,
поднялась под небеса;
там тетка Никола,
сестра Куликова.
Ни окошек, ни дберей, --
полна горница людей.

Куйтун.

- а. Села муха на колеса
поднялась на небеса;
там пом с попадьей
побежали за ней.

Иркутск, Коченга.

439. Сема-Ерема,
сидел бы ты дома,
точил веретена;
жена-то бы пряла,
в коробочку клала.
Коробочка пропала,
Сему поклепала,
Сема божится,
на порог ложится;

на пороге три дороги,
на казенке три Васенки,
на печи кузнецы
куют свечи.

Владимирская губ.

440. Серп, молоток,
убирайся под порог.
Шаньги мажут,
нам не кажут,
потрясут да унесут.

Турунтаево.

441. Синенька бумажка
по полю летала,
в колок упала;
в колке медунка,
курочка кладунка;
свиньи были умны
побежали в гумны,
пива варили,
борова женили;
боров в кафтане,
свинья в сарафане,
утка в юбке,
селезень в сапогах
на коротеньких ногах,
на подборочках.

Колпашево.

442. Считались, сбирались
на божью росу,
на попову полосу.
Там чашки и ложки,
медок, солодок.
Выйди вон, королек.

Петроград.

443. Сказки-помазки
осиновы повязки.
На полнице кисель
ни кому не съесть,
одна Лизка съест,
да и та с п . . м;
выбежит на горку.
в . . . т кокорку
под пень, под колоду,
под теплую воду.

Архангельская губ.

444. Таракан дрова рубил,
комар по воду ходил,
грязью ногу завязил;
муха вытаскивала,
живот надрывала;
попадья, широкая размазня,
породила воробья двухвостенького;

повади́лся воробей
к красным девушкам ходить.
Вывод (воевода) его поймал.
Ах ты, батюшка-евод!
Ты не беи́ меня кнутом,
остриги меня кругом,
на макушечке оставь,
во попы меня поставь!
Кто ни едет, кто ни-йдет ---
Что ты, батюшка, служишь без
порток?

Я не ездил во торги,
не купил себе портки,
я поеду во торжок,
я куплю себе порток:
выстрочены, поистрочены.
Кто тебе строчили?
Таракашки источили.

Александровский у.

445. Тень, тень потетень
выше города плетень,
на плетне сидит звезда,
калачи пекла —
там мед, сахарок,
выйди сам, королек.

Малый Хабук.

446. Тетка Арина
коров доила,
блины пекла,
со двора стекла.

Узкий Луг.

447. Тили-бом, загорелся козин дом.
Коза выскочила,
бельма выпучила,
побегла к кабаку.
Там нищи дерутся,
у них сумочки трясутся,
крошечки летят,
они подбирают, едят.

Александровский у.

а. Дон, дон, дон (бом, бом)—
загорелся кошкин дом.
Бежит курица с метлой,
а петух с помелом,
заливать кошкин дом.

• 3 Бежит курица с ведром.

Мещовск.

448. Трах, трах, трах
стоит терем на горах.
Шишел, вышел,
вон пошел.

Там же.

449. Ты кирпичик,
ты кирпичик,
куда идешь?
Я на печку иду,
я под печку иду.

Омск.

450. Та-та-та, та-та-та
вышла кошка за кота,
а еврейская жена
за по па.

Владимирская губ.

451. Тпруши наши сани.
Родители писали,
чтобы ехали скорей
на машинке паровой.
Нас машинка не везет,
даром денежки берет.

Иркутск.

452. Тпруши бычок
по дорожке течет;
хомут не свой,
погоняй, не стой.

Там же.

453. Ты да я
да мы с тобой —
сколько нас всех?

Куйтун.

454. У Верочки на этажерочке
лежали три бомбоньерочки:
красная, белая, красная
какая вам угодна?

Верхнеудинск.

455. У Ермошки деньги есть,
надо как-нибудь подлезть;
я подлезу, украду,
а Ермошке не скажу.
А Ермошка сам узнает
и меня в тюрьму посадит,
я в тюрьме буду сидеть,
про Ермошку песни петь.

2 я не знаю, как подлезть.

Зея, Иркутск, Тулун.

456. Уж ты, дедушка Тарас,
не доехал ты до нас.
Уж я лапотки плетел,
на окошечко складал.
Баба мужу продала,
недорого взяла:
пику, лопату,
корову горбатую.

7 ступу, лопату.

Подстепновское.

- а. Зайчик лапку продал,
недорого взял:
симу (сито), лопату.
корову горбату.

Тальяны, Подстепновское.

457. Ульяна, Ульяна,
где ты бывала?
В новой деревне.
Что в новой деревне?
Утка в рубке,
курица в сережках,
петушок в сапожках,
корова в рогоже—
нет ее дороже.
Продай мою дочку
за мого-то князя;
у мово-то князя
трои сани
с козырями.
Кошка на сани вскочила,
сани проломила;
кошка в лукошке
шьет сапожки.

Владимирская губ.

458. Утя, утя, не летай,
иди дома работай,
да прибей мне доску,
а я поеду в Москву.
У Москве калачи,
как огонь горячи.
У Романа два кармана.
Шишел, вышел,
вон пошел.

Мещовский у.

- а. Утя, утя, не летай,
сиди дома работай.
Ох, ох, не могу!
Полетай в Москву,
в Москве на доске,
на горячем песке.
Ох, ох, не могу.
потяните за ногу.

Ленинград.

459. Ходя бусин по бору
и рве травку лебеду,
что сорвал, то поклат.
Ох, ты утонька серая,
ступай ты домой;
у тебя семеро детей,
восьмой селезень,
девятая утка,
десятая клюшка

на море пала,
в церкви стала,
высекла дудиньку,
поклала на полку.
Кто взял?
Радион, поди вон.

Мошлевская губ.

460. Ходила Лиза по болоту,
рвала травку лебеду.
Это, Лиза, это—конь,
выходи-ка, Лиза, вон.

Лихославль.

- а. Слался по бору,
брали хлеба, лебеду.
Она берет—не берет,
во беремечко кладет—
это—лист,
это—бор,
а это—выйди вон!

Баргузин.

461. Ходили свиньи по долине,
а за ними старый дед,
тому деду сорок лет.
Возьми, Саша, молоток
да и сделай солодок;
там кум и кума,
и бутылка вина,
и графин водки,
ступай с сходки.

Боровое.

462. Ходил месяц по болоту,
он искал себе работу,
да работы не нашел,
сам заплакал и пошел.
3 девять, девять не нашел.

Тулун, Нижнеудинск, Кежма.

463. Ходит свинья по бору,
щиплет травку лебеду,
она рвет и берет,
во беремечки кладет.
Что калина, что малина,
красна девка вон пошла.
2 и рвет траву лебеду.
она рвала лебеду.
3 кто жнет, кто берет.
6 вышла вон, звезда.

*Рязанская, Псковская губ.,
Ленинград.*

- а. Шла свинья по бору,
ела травку лебеду,
не идет, не бредет,
помаленечку бредет.

Худоелань.

б. Ходит свинка по двору,
ищет травку лебеду,
чух-рюх
свинячий дух.

1—2 Ходит чушка по двору,
ищет травку зелену.

3—4 Чуха-рюх
свинья чирюх.

4 белый дух.
вышел (выйди) белый дух.
5 Поросяночек обрюх.

Верхнеудинск, Тулун и др.

в Чушка в лаптях танцевала,
все подметки стоптала
чух, рюх
свинячий дух.

Иркутск.

464. Церква Микола,
Анна Быкова,
старица не старица,
петух топтун
отщипнул липка,
помянул Фролка;
у Фролка-то
разодралась норка
на четыре уголка:
туда угол, сюда угол,
на маковке кисточка,
кто ни пройдет, тиснет.

Владимирская губ.

465. Цыган-бриган
в печку пернул,
дым валит,
тебе водить.

1—2 Цыган черный
печку сдернул.

Чаган черный
в трубу пернул.

Мурман, Брянская губ.

466. Чашки, ложки, поварешки
разговором занялись,
а заслонка — ихна мать
стала пьяных унимать,
а лопата соскочила,
всех по шее проводила.

Коровино.

а. Вилки, ложки собрались,
разговором занялись.
Кочерга пошла плясать,
клюка в музыку играть,
а грошева — ихня мать —
пошла пьяных провожать.

Ленинград.

467. Чашка, малинка,
медок, сахаринка,
сам вышел королек.

468. Чашечка, ложечка —
весь мой прибор.
Таичка душечка,
ангел ты мой.

Иркутск, Шарагул.

469. Через речку,
через мост
протянули
бычий хвост.

Кежма.

470. Чья копна
на моей копне?
Скинь долой,
вези домой.

Владимирская губ.

471. Шел солдатик мимо рынка,
нес он кружку и часы;
мне не надо и часы,
лучше фунтик колбасы.

*

Тверская губ.

472. Захотелось монаху
съесть живую черепаху;
он надел на нос очки,
разорвал ее в клочки.

Лосиноостровск.

473. Шел хохол
... на стол,
шел цацап,
зубами цап.

Киренск.

474. Шел татарин из больницы
нашел новы рукавицы.
Думал, думал, куда деть,
решил на руки надеть.

Океанская — Омск.

1 Шел китаец из полицы.

3 Ищет, ищет, куда деть.

И не знает, куда деть.

После 4 Там сидел большой медведь.

Зашел к царевне.
Царевна родила
сына Максима
в четыре аршина.
Кума Пелагея.
подай полотенце
прикрыть младенца.

Балахта.

а. Шел солдатик из больницы,
нашел белы рукавицы,
думал, думал, куда деть;
пришлось на руки надеть.

Владивосток, Куйтун и др.

- б. Шел мужик мимо больницы,
нашел новы рукавицы;
думал, думал, куда деть,
лучше на ноги надеть.

Куйтун.

- в. Ехал парень во столицу,
нашел одну рукавицу;
думал, думал, куда деть —
лучше на руки надеть.

Верхнеудинск.

475. Шла кукушка
мимо сети,
а за нею
малы дети.
Кук!

- 3—5 А за нею
злые (троя) дети,
кок.

Увидала
злые дети
ку-ку (кок).

Ей попались
злые дети
кок (кук).

Там попались
злые дети
ку-ку-ку.

За ней идут
малы дети
кук-лук.

Раздавила
свои дети —
кук.

Завязали
злые дети
и сказали: кук.

Расставляли
злые дети,
ее дети — кук.

- б Кок пирожок.

Океанская — Ленинград.

- а. Шла кукушка мимо сети,
там сидели милы дети
и кричали: кук мак,
убирай один кулак.

Ленинград.

- 3—4 кук, квак —
спрячь один кулак.

Усть-Баргузин.

- б. Шла кукушка мимо сети,
ей попались злые дети.
Тюльчик-мальчик, сам король
со свинячьей бородой.

- 3—4 Ку - ку кукушок,
вышел Ваня дурачок.

кук, кукачек —
вышел Ваня дурачек.

Мама, мама кук,
соломенный круг (плуг).

Мама — кук,
по лбу стук.

Папа, мама кук
соломенный круг,
зеленая травка
вышла она.

Кок, чабачек,
золотая рыбка.

Кок, мак,
пойди в лес,
принеси молоток,
крест питель мухова.

Иркутск — Ленинград.

- в. Шла кукушка мимо сети,
за ней идут малы дети.
Кук вяк, сам пятак,
выходи-ка ты, дурак.

- 3—4 Кричат: кук
попы, звезды, ук!

Уталай, Владимирская губ.

- г. Шла кукушка мимо сети,
ей попались милы дети.
Ку - ку, ку - ку, пойдем в лес,
срубим сосну, сделам крест.

Тымское.

- д. Шла кукушка
мимо клетки,
увидала белы дети, —
кук!

- 3—4 навязались милы дети —
кук!

Мещовск.

- е. Летела кукушка
мимо клетки,
за ней маленькие
детки,
кук.

Лихославль.

- ж. Шла кокушка мимо клетки,
за ней идут малы дети.
Кук, кук! Сходи в лес,
сруби палку, сделай крест.

- 3—4 Кричат: кук, кук,
кого выкинешь вдруг?

Костромская губ.

476. Шла торговка мимо рынка,
спотыкнулась о корзинку
и упала в яму -- бух,
раздавила сорок мух.

1 Шла старушка мимо рынка.
2 заступила прямо в крынку.

*Иркутск, Абаканское,
Мещовск, Ленинград.*

477. Шла машина мимо ходу,
ей попались пароходы.
Кук!

Киренск.

478. Шла торговка мимо саду,
несла она винограду.
Кто поднимет,
тот и выйдет.

Омск.

479. Эта лунка глубока,
в ней жили мышки.
Одна мышка угорела,
всему миру надоела.
Где мои подружки?
У попа в избушке.
в шарики играют,
попа забавляют.
Поп на стол,
попадья под стол,
курица на улицу,
петух на сень.

Балахта.

а. Где мои подружки?
У попа в избушке.
Что они там делают?
В галички играют,
попа дожидают.
Поп на стол,
попадья под стол,
курица на улицу,
петух на село
и запел весело.

Боровое.

б. У попа в избушке
стряпали галушки,
собакам бросали,
а собаки злые
попа укусили;
поп на печку,
попадья за печку,

курица на улицу,
петух в окно,
разбил стекло.

Таган.

480. Яркая не яркая,
баран не баран,
серая овечка
объегнилась.

Сретенск.

481. Я поеду в маскарад,
посмотрю на свой наряд:
черные брюки, красный фрак;
кто выйдет, тот дурак.

Аршан.

482. Чашечка, медок, сахарок,
выйди вон, королек.
Там тебе место
царство небесно.
Никто тебя не тронет
ни царь, ни царица,
ни красная девица.

Тверская губ.

а. Орешки, медок,
Родион-королек.

Смоленщина.

б. Куку, на поповой полосе --
там чашки, орешки
покупаем с тобой,
медок, сахарок.
Поди вон, королек.

Подстепновское.

483. Анка пьяна
русу косу заплстала.
Стульчик, мальчик,
сам корольчик.

Омск.

484. Были свиньи умны
заскочили в гумны,
пива наварили,
борова женили;
боров в кафтане,
свинья в сарафане
утка в юбке,
селезень в сапогах
на коротеньких ногах.
Села муха на колеса,
поднялась под небеса,
там тетка Никола.
сестра Куликова.
Ни окошек, ни дверей
полна горница людей.

Куйтун.

485. Висели качели
на яблоне.
Чего просит?
Говядинки.
Краюшечка,
горбушечка,
ломтик!

Тульская губ.

486. Домик, домик двухэтажный,
на верху гудок протяжный;
как гудочек загудит,
весь народ к нему бежит.
Прибежали ермачки,
поснимали колпачки.
Один ермак
не снял колпак.
Кто слушал, тот дурак.

Иркутск.

а. Домик, домик двухэтажный,
на верху свисток отважный.
Он и свищет и поет,
всех на фабрику зовет.
Прибежали ермаки,
все посняли колпаки,
один ермак
не снял колпак,
он остался дурак.

Там же.

б. Домик, домик двухэтажный,
на верху свисток отважный,
как засвиснет, заорет,
всех на фабрику зовет.
Девочки-татарочки
все взяли по палочке,
прибежали к мосту,
стукнули об доску.
Прискакали ермаки,
все посняли колпаки.
Один ермак
не снял колпак,
тот остался дурак.

2 на верху живет балдажный.
13 Остаешься ты дурак.
Тот дурак.

Мальта, Ленинград и др.

в. Домик, домик двухэтажный,
на верху свисток протяжный.
Как засвиснет, заорет
всех на фабрику зовет.
Девочки-татарочки
собрались по палочки.

Прибежали дураки,
поснимали колпаки,
а один дурак
не снял колпак
и остался вечный-превечный дурак.

Лихославль.

487. Домик, домик двухэтажный,
на верху цветов отлажный.
Он ни пикат, ни поет,
всех на фабрику зовет.
В этой маленькой корзинке
есть отлажные цветы:
роза, ландыш, незабудка,—
что угодно для души?

Ленинград.

488. Домик, домик двухэтажный,
там утаны живут,
они шапки шьют.
Одна шапка упала.
его татарка подняла,
поп Алексей
побежал за ней,
не нашел дверей.

Иркутск.

489. Девочки-татарочки
все взяли по палочке,
прибежали ермаки,
поснимали колпаки,
один ермак
не снял колпак
и остался дурак.

Ленинград.

490. Ехал поп на свинье,
балалайка на спине.
Я на елочке рос,
меня ветер снес.

Малой.

491. Ехал Ваня из Казани,
полтора ста рублей сани,
сто рублей дуга —
мальчик девочке слуга.
Ты, слуга, подай карету,
а я сяду да поеду;
тпруши - тпруши мои санки.
Нам родители писали,
чтобы ехали домой
на машине паровой,
а машина не везет,
только денежки берет.

Иркутск.

492. Ехал Ваня из Казани,
полтора ста рублей сани,
двадцать пять рублей дуга —
мальчик девочке слуга.
Ты подай, слуга, карету,
а я сяду да поеду.
Закипи, моя кастрюля,
я бульону подолью.
Все ухваты взбунтовались,
кочерга пошла плясать,
а лопата засмеялась,
пошла деньги собирать.

Алекسانдро-Невская станица.

493. Ехала паня из Казани,
русу косу приплетала,
себе бога призывала.
Бог под нами, перед нами,
под железными столбами.
Стульчик, мальчик,
сам король
подвалился под горой.
Девки, выньте меня.
Мы плюнем на тебя.

Боровое.

а. Ехала панья
из Туруханья,
русы косы выплетала,
себе пана поджидала.
Панчик, расканальчик,
ты, Радион,
выйди вон.

Шабарта.

б. Ехала баба
из Турману,
русу косу
приплетала.
Шальчик-мальчик
сам король
слышал-вышел,
сам пошел.

Баргузин.

494. Заяц белый,
куда бегал?
— Лыко драл.
Куда клал?
— Под колоду.
Кто украл?
— Радион,
пойди вон
на боярский двор.
Там шапки пушат,
перепушивают,
ожерелки сажают,
пересаживают,

в коробейку кладут,
не докладывают,
да и вам берегут.

Новгородская губ.

а. Заяц белый,
куда бегал?
— В лес дубрав.
— Что там делал?
— Лыко драл,
под колоду клал
— Кто украл?
— Татарка дранка
на море упала,
хрустень-перстень изломала.
Трынды-вынды,
шишел-вышел.

Куйтун.

495. Катился яблоч
по городу,
кто поднимет?
— Воевода.
Чашки, орешки,
медок, солодок,
поди вон, королек.

Мишукова.

496. Краюшечка, горбушечка,
ломтик.
Ниточка, иголочка,
утюг, королек.

Урулья.

а. Краюшечка, горбушечка,
ниточка, иголочка,
карась, убирась!

Иркутск.

б. Краюшечка, горбушечка,
ломтик, зонтик,
ти полети.

Иннокентьевский.

497. Куколка-мяталька,
продай конопелька
на шильце, на рыльце,
на зеркальце.
Ниточка, иголочка,
кути улет.

Подстепновское.

498. Мальчик с пальчик
нашел стаканчик.
Режь лимон,
выйди вон.

Иркутск.

499. Ниточка, иголочка,
серенька (красное) стеколочка,
рыба карась,
ты убирась!

Ленинград.

500. Ниточка, иголочка
тюк королек,
ступай в холодок,
там кум да кума,
полбутылки вина.

Верхнеудинск.

501. Ниточка, иголочка,
синенька стеколочка,
тю - тю улетию.
Шалан - балан
ковшик.
Краюшечка, горбушечка,
ломтик.

Лиственничное.

502. Немец козу гнал.
Не кипи моя касруля,
я бурёну подою.
Вдруг иманцы взбунтовались,
а козел пошел плясать.
Каторга ты долгонога
не нашла пути дороги,
а нашла бороной,
боронила бороной.
Борона, ты не железна,
поцелуй меня, любезна.

Душкочан.

503. Пастух козу гнал,
немец курицу угнал.
Не кипи, моя кастрюля,
я бульону подолью.
Кочерга пошла плясать,
а поганая мочала
стала полы вытирать.
Бежит кисанька из кухни,
у ней глазаньки распухли.
О чем ты, киска, плачешь?
Повар пеночку слизал
и на кисаньку сказал.
Господа не рассудили,
киске лапку отрубили.
Киска села на буфет,
съела сорок пять конфет.

Ленинград.

504. Огуречик, огуречик,
не ходи на тот кончик,
там ребирги живут,
тебе ножку подобиют.

Я не мамкин сын,
я не папкин сын,
я на елочке рос,
ветерок меня стрес,
я упал на пенек,
стал кудрявый паренек.
Вера, Вера, где была?
У папаши чай пила.
Что вы там делали?
Попа забавляли,
в мячик играли.
Поп под стол,
попадья на стул,
курочка на улочку.
Я тебе местечко дам,
никто тебя не тронет:
ни царь, ни царица,
ни райская птица.

Ленинград.

а. Огуречик, огуречик,
не ходи на тот кончик—
там мышка живет,
тебе хвостик отгрызет.
Я—не мамкин сын,
я—не папкин сын.
я не на елке рос.
меня ветер снес,
я упал на пенек—
стал кудрявый паренек.

Тверь.

505. Плыла пена из - за моря,
стали бить, колотить,
стали спрашивать:
Кто вас боле?
Кто вас мене?
Царь, царица,
королица.
Стульчик, мальчик
сам пошел,
на боярский двор зашел,
красну шапочку нашел.
Шишел-вышел,
вон пошел!

Минусинск.

506. Поехал Ваня по воду,
нашел мешок солоду.
Заварил кулажку,
принимал Дуняшку.
Ты, Дуняшка-раскудряшка,
ты поешь моей кулажки.
Моя кулажка медовая,
давно в печи не бывала,
под лавкой стояла,
в нее мышь попала.

Пошли мышку хоронить,
во все колколы звонить.
Бом, бом загорелся кошкин дом.
Кошка выбежала,
глаза вытращила,
побежала к мосту,
прищемила ножку,
побежала к дубу,
прищемила губу,
побежала к Митьке,
насосалась титьки,
побежала к кабаку,
нанюхалась табаку.
Поповы дети
горох молотили,
цепы перломали,
в ясли поскидали,
попу не сказали.

Владимирская губ.

507. Синенька бумажка
по полу летала,
в кустик запала.
Свиньи были умны,
забрались в гумны.
Пиво варили,
борова женили;
боров в кафтане,
свинья в сарафане.
Юбка в дудку заиграла,
журавли пошли плясать,
журавли-то длинноноги
не нашли пути-дороги.
Они шли стороной,
боронили бороной.
Борона железна,
поцелуй, любезна.

Нижнеудинск.

508. Тани-бани, чем под нами,
под железными столбами?
Там татары живут,
черны шапки шьют.
Шапка упала,
татарка подняла.
Волк за ней,
курица на улице,
петух на царе.

Када, Тулун.

509. Шани-мани, что под нами,
под железными столбами?
Шишел, вышел, он пошел,
на боярский двор зашел,
черну шляпу он нашел.

Черной шляпы не боялся,
с сошниками управлялся,
кому в рыло, кому в нос,
на носилках бог унес.

Куйтун., Усть-Када, Тулун.

510. Тани, Мани, что под нами,
под железными столбами?
стульчик-юльчик, сам король
выводил коня на двор.
Два Ивана капитана
гонят коня на прогон,
кому очередь,
тот выйди вон.

Куйтун.

511. Шла кукушка мимо бани,
вела дети коло клетки.
Ты кукушка, я кукушка,
чего дома не была?
Я боялась типуна.
типуновы дети
хотели летети.
Шишел-вышел
Родион, пойдя вон.

Спас-Демьянск.

512. Шла кукушка мимо клетки,
запищали малы детки:
пик, пок —
прямо пуля зайцу в лоб.

Тверская губ.

513. Шла кукушка
мимо саду
винограду,
кто поднимет,
тот и выйдет.

Иркутск.

514. Бачка-овечка,
вон человечка.

Мошлевская у.

515. Белая кошечка,
черная формочка.

Таргашино.

516. Спички есть,
табак найдется
и без вас тут обойдется.

Куйтун.

517. Вера, Надежда, Любовь,
свекла, картошка, морковь.

Иннокентьевский.

518. Дощечка, гвоздик,
молоточек.

Иннокентьевский.

519. Играй, гармошка,
дурак Ермошка,
дай немножко.

Иркутск.

520. Из окна в окно
вылетело золотое бревно.

Иннокентьевский.

521. Краля, за уши драла.

Владимирская губ.

522. Кашка, Машка,
ты пятнашка.

Ленинград.

523. Калина, малина,
красная смородина,
утюг.

Тверская губ.

524. Кузница, гребенка,
потник, молоток,
убирайся под порог.

Турунтаево.

525. Кисло, прокисло,
творог, молоко.

Иркутск, Шарагул и др.

а. Кисло прокисло
творог, молоко,
улетело далеко.

Иркутск.

526. Краюшечка, горбушечка,
ломтик (ломоть).

Верхнеудинск—Ленинград.

а. Краюшечка, горбушечка,
ломтик, душечка.

Иркутск, Ленинград.

б. Краюшечка, горбушечка,
ломтик, пластик (пшик).

Ленинград.

в. Краюшечка, горбушечка,
ломтик книг (пирожок).

Там же.

г. Краюшечка, горбушечка,
ломтик-бздик.

Там же.

д. Краюшечка, горбушечка,
ломтик, сухарик.

Иркутск.

е. Краюшечка, горбушечка,
ломтик,
отрезанный кончик.

Ленинград.

ж. Краюшечка, горбушечка,
отрезанный ломток (ломтик)

*Нижнеудинск, Кежма,
Торгишино.*

з. Краюшечка, Андрюшечка,
ломтик.

Марково.

и. Краюшечка, горбушечка,
звездочка.

Поволжье.

к. Краюшечка, горбушечка,
пирожок, кончик.

Подстепновское.

л. Краюшечка, горбушечка,
кончик, тюк.

Мещовск.

м. Краюшечка, горбушечка,
бзди—улетит.

Ленинград.

н. Краюшечка, горбушечка,
ломтик, пол ломтика,
царь да царица,
красная девица.

Там же.

о. Краюшка, горбушка,
середка, конец.

2 Середочка, кончик.

Костромская губ., Мещовск

р. Вешечешка, горбушечка,
ломтик, душечка.

Иркутск.

527. Король ехал с Дону
по синему морю;
кланяйся королю в ноги.

Владимирская губ.

528. Летели гуськи,
дубовы носки
и пели; таты, латы.

Иннокентьевский.

529. Налим, налим,
на реку ходил.

*

530. Нижник. вышник,
краля, король.

Песочная.

531. Ниточка. иголочка,
ти ти, улети

2 тютю улетию.
лети, полети.
пити улети.
ты улети.

Верхнеудинск — Ленинград.

а. Ниточка, иголочка,
ти улети,
в воздухе живи.

Иркутск.

б. Ниточка, иголочка,
тютю улети.
красная головочка,
к нам прилети.

Таргашино.

в. Ниточка, иголочка,
тити улети,
кто сладкий медок,
тот выйдет королек.

Балахта.

г. Ниточка, иголочка,
ти улети;
милая подруженька,
меня подожди.

2 синенька стеколочка.
3—4 Миленька девченокка,
меня сполюби.

Милая девочка,
меня полюби.

Иркутск — Басмасово.

д. Ниточка, иголочка,
Дуняшечка-торговочка.

2 Чик королек.
Кончик, узелок.
Карась, убирась.
Пика, выходи-ка.

Чита — Ленинград.

е. Тоненька иголочка
ти улети.

Коношановское.

ж. Ниточка, иголочка,
крюк, утюг.

Благовещенск, Верхнеудинск.

2 Тюк утюг.
Утюг паровой (королек).
Горячий утюжок.

з. Ниточка, иголочка,
синенька стеколочка.

*Иркутск, Куйтун, Тины,
Боровое, Омск.*

После 2 Тити улети.

Крюк утюг.

Тити улети,
галевадь иди.

Тити улети;
тебе галевадь,
а мне выручать

и. Ниточка, иголочка,
красенька стеколочка.

После 2 Рыба карась,
ты убирась.

Сундучек да ящик.
лавочка, приказчик.

*Иркутск, Тымское,
Красноярск, Ленинград.*

к. Ниточка, иголочка
ти улети;
стаканчик - урганчик
полон воды.

Абаканское.

л. Ниточка, иголочка,
синенька стеколочка,
тити, тити улети,
на пасху прилети,
а придешь,
меня дома не найдешь.

Омск.

м. Ниточка, иголочка,
булавочка, утюг,
свисток, королек.

Ченчи.

н. Ниточка, иголочка
тети, улети,
красная булавочка,
к нам прилети,
милая девочка,
меня полюби.

Красноярск.

о. Нитка, иголка,
тяни польти,
милая торговка,
меня полюби.

Усть-Кут.

п. Ниточка, иголочка,
шей, улети;
милая девченокка,
ко мне прилети.

Худоелань.

532. От дуба, до дуба,
до белого корня
сеточка, плеточка,
дуб.

Нижнеудинск — Омск.

- 3 сеточка, плеточка.
сеточка, веточка.
533. Плешки - медешки,
чай, сахарок.
Киренский у.
534. Пьявица, жук,
грязный пук.
Мещовск.
535. Редька да г...о
не видался давно.
Благовещенск.
536. Сильный, могучий,
старый, вонючий.
Иркутск.
537. Сито, корыто,
мука, решето.
Боровое.
538. Соколянский день,
соколянка, дворянка,
сокол, вылетай.
Душакчан.
539. Село расцвело,
бабы не встают,
петухи не поют.
Ключики.
540. Ступа, лупа,
крест, пест.
Киренск.
541. Спинка, брюшко,
рак, лягушка,
это — детская игрушка.
Ая.
542. Стакан, лимон,
выйди вон.
После 2 Стакан воды
выпей ты.
Лимон покатился,
стакан разбился.
Океанская—Ленинград.
- а. Стакан, лимон,
из окошка выйди вон.
Омск.
- б. Стакан, лимон,
выйди вон,
из окошка кувырком
прямо в грязь,
вышел князь.
5 Оставайся ветный князь.
Ленинград.
- в. Мальчик с пальчик
нашел стаканчик.
Режь лимон,
выйди вон.
Иркутск.
543. Тпрука не тпрука,
пузырь молока.
Малый Хабык.
544. Черная корова
всех пропорол,
белая пришла,
всех подняла.
Ключевка.
545. Чух, рюх
белый дух.
Голуметь.
546. Шайка, лейка,
ушат с г . . . м
Тулун.
547. Шла коза через мост,
а за ней пярй хвост.
Ленинград.
548. Хлап, не ходи в кабак,
не пей вина:
с вина болит спина.
Владимирская губ.
549. Щетки, гребенки,
ножницы, вон.
Костромская губ.
550. Летела сорока
по белому свету,
летела торопилась,
с виду удалилась.
Чики-мики царь.
Коновалова.
551. Шило мыло
мотовило
по-немецки говорило.
Помар-емар
хлоп.
Там же.
552. Две китайки подрались:
одна другую за косу—
отнимали колбасу.
Лосиноостровск.
553. Бежал зайчик по мятели,
у него ушки отпотели.
Девять!
Мещовск.

Пометки к текстам.

Печатаемые здесь пометки не однородны. Большая часть их является перечнем названий мест, откуда получены тексты. Так как подобный перечень географических названий, предполагается, имеет малый спрос, то он почти полностью переносится в этот отдел. Под текстами остаются географические даты лишь для общей характеристики распространенности текста: название одного географического пункта показывает, что текст добыт мною лишь из одного места; составная дата (напр., Владивосток -- Иркутск) показывает, что текст известен не только в обозначенных пунктах, но и во многих местах, находящихся между ними; эти места здесь, в пометках, и перечисляются; указание (идущее после географического названия) „и др.“ нужно рассматривать также как отсылку к пометкам.

По характеру указываемых населенных пунктов (сельско-деревенские местности, большие и малые города, предместья, поселки и пр.) можно — с большей или меньшей уверенностью — судить о принадлежности хранителей и исполнителей игровых прелюдий к той или иной социальной группе. Приходится, однако, сказать, что в подавляющем числе случаев относящиеся сюда пометки маловыразительны в интересующем нас отношении. В распределении текстов среди детей разной социальной среды и разных бытовых обстановок наблюдается чрезмерная переплетенность, мешающая разглядеть истинных носителей и оберегателей игровых традиций: тексты школярные знают и неграмотные дети, альбомные стихотворения, пришедшие в детскую среду из самых разнородных источников, стихотворения „книжной“ литературы и пр. известны и деревенским детям и т. д. и т. д.

Вторую группу пометок составляют библиографические примечания. Они имеют задачу не только характеризовать степень распространенности текстов, но в отдельных случаях имеют то или иное значение для уяснения происхождения детских игровых прелюдий и их истории. Вопрос о происхождении считалок в этом сочинении разрешен (в той или иной мере) только применительно к некоторым группам относящихся сюда стихотворных произведений; для многих групп он здесь лишь поставлен или попутно затронут. Указаниями на собранные в разных местах, разными лицами, в разное время тексты и их варианты облегчаются будущие изучения поставленных вопросов.

В пометках этой группы арабская цифра после фамилии обозначает страницу сочинения называемого автора.

Различая варианты далекие, дающие совпадения лишь в некоторых стихах, и близкие, для первых делаю пометку „ср.“ (=сравни).

В третью группу пометок, малую, входят разнородные и случайные, преимущественно пояснительные замечания.

Пометка „см. стр.“ отсылает к первой части этой книги — к Описанию,

Цифры, напечатанные жирным шрифтом, обозначают №№ текстов.

1.—11. См. стр. 112—113, примеч. 3. Цейтлин, 9: молчанка (см купонка) и волосянка. 2—4. Ср. Бессонов, 97: последние шесть стихов „песни“ № 85 (в ином использовании); Игнатович, 48, № 49; Кудрявцев, 201. Стихи 3—4 Арефьев, стр. 118, приводит как скороговорку. 7. Ср. Детская сатирическая лирика, 41, № 139; возможно, что в издевке реминисценция из молчанки 12—64. Весьма распространенными являются тексты, записанные

под № № 13, 19, 24, 25, 29, 31, 38, 46, 50, 63. № 25 записан в Омске. См. стр. 113—114. примеч. 4 и 5. 13-а. Во многих вариантах вместо сл. тарантас употребляют: значек, столб, седло, баран и т. п. Ср. стр. 7. 19. См. стр. 7. 36. Позаимствование или из загадки (Садовников—Загадки русского народа. Спб. 1901, 222, № 2068) или из поговорки. На детей, несомненно, имеют влияние, хотя и неведомо, незаметно для них, все, что говорится или поется, сказывается в повседневной жизни. Поговорочная литература, загадки и т. п. проникают к детям наиболее настойчиво и наименее заметным образом. 44. См. стр. 7. 65. Распространенность: Троицкосавск, Иркутск, Аршан, Куйтун, Тулун, Коченга, Частоостровское. Варианты: Покровский. 57. 66. Вар: Соболев, 14, № 40. Последние стихи ср. №№ 343 (последние стихи), 486 и вар., 489. 66-а. В вар. из Коновалова стихи 4—6 читаются иначе:

Ни копейки не платили.
Раз, два, три, четыре, пять—
надо, братцы, удирать.

66-в. Вар.: Капица, 121. 67. Распр.: Турунтаево, Иркутск, Оса, Буреть, Куйтун, Тулун, Тины, Омск, Боровое, Мещовск. Варианты: Покровский, 57; Попова, 119—120, № 32 (в ином использовании); ср. Тиханов, 193. Текст из Бурети ср. Детская сат лир., 34, № 40. 67 и вар Ср. № 407 и вар. 68. Распр.: Троицкосавск, Верхнеудинск, Турунтаево, Иркутск, Аршан. Мальта, Каменка, Голуметь, Тулун, Куйтун, Нижнеудинск, Тины, Балахта, Барнаул, Абаканское, Томск, Омск, Боровое, Лихославль, Александровский у., Мещовск, Урюпино. Вар.: Завойко, 130; Капица, 128; Покровский, 55, 57; Соболев, 5, № 7; Сычугова, 94; Чернышев, 1. № 5; Ястребов, 103, с. См. стр. 24. Ср. № 150. В стихах 5—6 встречаются и другие междометия; многие из них перечислены на стр. 56—57. 68-в. Ашукин—Песенки, 3, № 3. 71. Распр.: Иркутск, Куйтун, Шарагул. Вар.: Белослюдов, 11, № 89. Ср. №№ 151 (последние стихи), 95-а (в разночтении). 71-а. Источником этой считалки надо признать, по всей вероятности, известную сказку „Конек-скокунок“, написанную в 1906 году. Ср. С. Басов-Верхоянцев—Конек-скокунок. Изд. „Молодая Гвардия“, М.—Л., 1927, с. 59. Как реминисценции, отдельные стихи встречаются и в других текстах: 89-в, 95 вар., 151. 71-б. Распр.: Иркутск, Тулун, Нижнеудинск, Тайшет, Красноярск, Боровое, Псковская губ.—В многочисленных вариантах этого стихотворения особенно ясно обнаруживается тесная зависимость объема текста от назначения считалки. При многолюдстве играющих обычно выбирается и исполняется большой текст (в исключительных случаях даже такой, как №№ 503, 504, 506), иногда же произносится текст, так сказать, среднего объема, зато он в случае надобности искусственно увеличивается путем наращивания одного или нескольких стихов, которые—при необходимости импровизировать без задержки—не всегда и не во всех отношениях удаются и наивно неуклюжей формой обнаруживают свое скороспелое происхождение. Иллюстрацией этого положения могут служить также №№ 152, 374, 491, 492 и др.—Разночтения этого текста ср. №№ 358 (последние стихи). 374 (в разночтениях), 481. 72. Соболев, 9, № 22. 77. Зар: Соболев, 9, № 21. 81. Видимо, книжный текст. 86. Тексты книжного происхождения; оба записаны от питомцев детского дома. 87. Вар: Даль—Посл., 609 (два текста). Ср. Бессонов, 49—50, №№ 56, 57; Можаровский, 134, № 1; Никифоровский, 58, № 4. 87 и вар. Вар.: А. Балов (Колыбельные и детские песни и детские прибаутки, записанные в Пошехонском у. Ярославской губ. Живая Старица 1901), 120, № 12; Бессонов, 49—50, №№ 56, 57; Соболев, 9, 10, № 25. 87-б. Вар.: Белослюдов, 12, № 99. 87-в. Распр.: Иркутск, Балаганск, Томская губ., Самара, Лихославль, Москва. Вар: ср. Добровольский, 478, № 32 (в качестве «детской песенки»). Разночтение ср. №№ 87-ж, 394. 87-ж. Вар.: Белослюдов, 4, № 39. Ср. №№ 87-в (разночтения), 394. 89. Распр.:

Киренск, Шарагул, Тулун, Куйтун. Абаканское. 89-а. Распр.: Мальта, Тулун, Омск 92. Вар.: Бессонов, 71, № 76; Голышев, 96, № 4; Зимин, 65; Кудрявцев, 206, № 2; Молотиллов, 87; Рябинский, 39; Резанова, 175; Станиловский, 168, № 4. Ср. Даль—Посл., 611; Соболев, 4, № 6; Шейн, 42, № 252. Ср. №№ 268 и вар., 269, 387 и вар., 494 и вар. 93. Вар.: Никифоровский, 58, № 3. 95. Распр.: Култук, Иркутск, Куйтун, Балахта, Минусинск. 95-а. Распр.: Иркутск, Барнаул, Минусинск, Боровое, Костромская губ., Лихославль, Москва. Разночтения ср. №№ 71, 151. 98. Ч а с ы ч и в м. принятого „четыре“—*licentia poetica*. Здесь—осознанная преднамеренность придать избитому в беспрестанном употреблении слову новую, измененную и вносящую освежение, форму (к подобному приему прибегают не только дети: см. Д. К. Зеленин—Табу слов у народов вост. Европы и сев. Азии. Л. 1929, ч. I, с. 120). Того же порядка происхождение слов сы ш а л в м. привычного „шишел“ (№ 114-а), б р о н з ы в м. ожидаемого „брынзы“ (ч. 155-е), н а н о г и в м. принятого „на руки“ (№ 474-б), такого же происхождения вариант из Иркутска № 67, на стр. 145. Кроме желания обновить текст, здесь можно усматривать и пробу творческим силам.

101. См. стр. 8; ср. № № 326, 475 и вар., 511, 512. Ср. текст в журнале „Красная Новь“ 1927, VII, 107. Вар.: ср. Соболев, 4, № № 3 и 4. 102. См. стр. 77, 130. 103 и вар. Ср. № 332 и вар. 103-б. Вар.: ср. Соболев, 10, № 27. 104. Вар.: Соболев, 45—46. № 6 (как «детская песня»). Ср. № № 313 и вар., 340 и вар., 492, 502, 503. 105. Распр.: Урульга, Верхнеудинск, Турунтаево, Култук, Иркутск, Тальяны, Иннокентьевский, Худякова, Шестаково, Усть-Када, Киренск, Мальта, Голуметь, Куйтун, Тулун. Худоелань, Нижнеудинск, Тайшет, Минусинский у., Подстепновское, Омск, Таган, Лихославль, Владимирская губ., Ферапонтова, Вологодская губ., Ярославская губ. Вар.: Капица, 122. Ср. Покровский, 56; Соболев, 13, № № 36 и 37. 106. Вар.: Потанин (1899), 177, № 7. Ср. № 292. 108. Вар.: ср. Ястребов, 103, и. 110. Вар.: ср. Ястребов, 103, i. 111. Вар.: Голышев, 96, № 2; Молотиллов, 87; Потанин (1902), 137; отдельные стихи нередко встречаются и в других текстах. напр. Потанин (1899), 177, № 8. Ср. Некленаев, 89. 111—127. Тексты такого же строения ср. у Покровского, 54, 56 (девять текстов). 113 Вар.: ср. Даль—Посл., 609; Станиловский, 167, № 1; 168—169, № 6; Шейн, 42, № 247. 114. Распр.: Тулун, Балахта, Костромская губ., Тверская губ., Владимирская губ. Вар.: Нечаев, 216, № 7; Соболев, 7, № 14; Шейн, 41, № № 240 и 244. Ср. Балов, 119, № 19 (2, 3). Ср. № № 119, 321 и вар. 114-а. См. пометку к № 98. 116. Вар.: Соболев, 7, № 15. 117. Вар.: Завойко, 130; Можаровский, 133, № 1. Ср. Бессонов, 72; Потанин (1899), 177. № 6; Сахаров, 26; Чернышев, 1. № 4; Шейн 41, № № 238 и 243; 42, № 248; 51, № 284; Ястребов, 103, к. 118. Подбор звуков здесь (как в некоторых других текстах, напр. № № 319, 404 и пр.) с преобладанием свистящих едва ли случаен. Детская речь с особым вниманием и разбором включает в свой состав и музыкальные тоны и шумы. Умея выбирать и сочетать музыкальные звуки—гласные и сонорные согласные (см. гл. XX), детская поэзия умсет, когда это нужно, успешно использовать и звуки минимально музыкальные, давая и из них выразительные сочетания. См. стр. 37, 109 и др. Дети—с в и с т у н ы: их наигрыши преимущественно насвистыши; к собакам они обращаются посвистом; тайный условный знак (перекличка, вызов и т. п.)—свист; вытягивают из земли червяка для ужения рыбы—свистят веря, что „на свист червяк хорошо идет“ (последнее наблюдение—из Иркутской губернии) и т. д. и т. д. 119. Ср. № № 114, 321 и вар. 120. Конец текста входит как часть в колыбельную песню: Балов, 116, № 2. 121. См. пометку к № 153. Вар.: Зеленин—Отчет, 35.—В вар. из Частоостровского текст оканчивается стихами:

Пишет дьякон
черным углем—
трук!..

*

123. Употребляется перед игрой в жмурки. Вар.: Добровольский, 492, № 73-а. Ср. №№ 422, 426. 124. Вар.: Потанин (1864), 59; (1902), 137; Станиловский, 167, № 1; 168—169, № 6. Ср. Неклепаев, 89, № 1; Шейн, 40, № 235 и. 236; 42, № 247 (конец). 124 и вар. (последние стихи). Вар.: Бессонов, 71, № 76. Ср. Даль - Т. Сл., т. II, 379 - под словом *конать*. Ср. №№ 142-а, 342, 386. 124-а. Вар.: Даль—Посл., 609. Ср. Ястребов, 103, л. 124-б. Вар.: Никифоровский, 58. № 6. Ср. Даль—Посл., 610; Покровский, 55, 56; Ястребов, 103. л. Ср. №№ 132 147. 125. Вар.: Даль—Посл., 609; Садовников, Симб. губ. вед. 1874, № 46. 126. Вар.: Даль—Посл., 609; Чернышев, 1, № 3. Ср.: Шейн, 40, № 239. 127. Вар.: Бессонов, 73. 128. Вар.: Рябинский, 39. Ср. Даль—Посл., 610; Кудрявцев, 180; Шейн, 41, №№ 241, 245. 129. Вар.: Соболев, 6—7, № 13. 132 147. Ср. Бессонов, 72 (два текста); Сб. мат. для изуч. Кавказа, V, 177—178 (два текста). 133. Вар.: Бессонов, 72; Голышев, 97; Ефименко, 156; Соболев, 6, №№ 11—12; Станиловский, 169, № 7; Шейн, 40, № 233. Ср. Арефьев, 92; Даль—Посл., 610; Т. Сл., т. III, 74—под словом *первый, перводан*; Белослюдов, 12, № 102; Нечаев, 216, № 3 (начало текста) и № 6; Потанин (1899), 176, № 4; Станиловский, 169, № 8. 134. Вар.: ср. Капица, 123—124; Потанин (1899), 176, № 4; Станиловский, 169, № 7. 137. Вар.: Белослюдов, 11, № 95; Даль—Посл., 609; Нечаев, 216; Халанский, 373. Ср. Молотилов, 87; Неклепаев, 89, № 2; Тиханов, 187—188, 192—193. 138. Вар.: ср. Неклепаев, 89, № 2; Покровский, 55. 139. Вар.: Даль—Посл., 609. 140. Вар.: Станиловский, 169, № 7. Ср. Бессонов, 72; Даль—Посл., 610; Т. Сл., т. III, 74—под словом *первый, перводан*; Нечаев, 216, № 3 (начало текста); Потанин (1899), 176, № 6; Соболев, 6, №№ 11, 12; Шейн, 40, №№ 235, 237. 141. Вар.: Арефьев, 92, Ср. Станиловский, 169, № 7. 142. Вар.: Попов, 342 (см. № 437-б). Начало текста входит как часть в колыбельную песню: Балов, 116, № 2. Ср. Шейн, 40, № 234. 142-а (последние стихи). Вар.: Бессонов, 71, № 76; Чернышев, 24, № 37 (приводится, как «детская песенка»). Ср. №№ 124 и вар., 342, 386. 150. Ср. № 68 и вар. 151. Последние стихи—реминисценция из сказки Басова-Верхоянца. Ср. №№ 71, 95-а (в разночтении). 152. Ср. №№ 71-б, 374, 491, 492; 325 и вар.; 337 и вар.; 488. 153. Текст примечателен своим построением: здесь используется *письмо как литературный прием*. Ср. №№ 121, 272-л. 290-е, 290-ж. 154. Вар.: ср. Даль—Посл., 609—610; Т. Сл., т. III, 74—под словом *первый, перводан*; Станиловский, 168, № 7; Нечаев, 216, № 3 (начало текста). Ср. №№ 132—147. 155. Вар.: ср. Белослюдов, 5, № 45. 155 б. Вар.: ср. Герасимов, 61, № 7. 155-е. См. пометку к № 98. 156. Распр.: Иннокентьевский, Перфилово, Тины. Вар.: Потанин (1899), 177—два текста; Неклепаев, 89; Тиханов, 203. 156-б. Распр.: Марково, Куйтун, Александро-Невская станица. 156-в. Вар.: Тиханов, 203. 157. Вар.: Капица. 127. См. стр. 81. 158. Вар.: Никифоровский, 57, № 1. 158-г. Вар.: Ястребов, 103, к. 167 и сл. Наличие в считалочном репертуаре заумных текстов—явление повсеместное, можно сказать, опираясь на собрание текстов считалок в названной ранее книге Bolton'a,—всемирное. Не даром в самой ранней, самой первой программе, предложенной для наблюдений над русским детским фольклором, речь о них особо подчеркивается. Ю. Фейфалик пишет А. Н. Афанасьеву о считалках (письмо из Вены от 14 сентября 1858 г.): «Прошу нас сообщить мне их даже и в том случае, если они, как это часто бывает, повидимому, совершенно бессмысленны». Этнографическое Обозрение 1897, № 2, стр. 142. Интересно, что заумных считалок большого объема нет: составители их посчитались с ограниченностью объема сознания при художественном восприятии, поэтому, если мы в считалках имеем дело с большим текстом, то заумь в нем присутствует как пятно в одном месте (при начале) или как пятно в нескольких местах; только считалки небольшого объема полностью состоят из зауми. В таком виде внимание к заумному тексту не угасает от

начала до конца. Ср. №№ 172 и вар., 214, 334 и вар. 172-вар: Вар.: Белослюдов, 3, № 30. Ср. №№ 167, 214, 225, 334 и вар. 173. В конце прошлого столетия в одном из московских закрытых женских учебных заведений был известен очень близкий вариант:

Анки дранки дрили друг
фабер фабер фибер фут
ан дран триким тан
эки фоки фоки тан.

173 и вар. Текст, записанный W. Anderson'ом в Латвии, передан так:

Anko dranko drillje dru
tschetter faber fiber fu,
amm damm ritterstamm.
wide wide hahnekamm,
o de bri,
du bist fri.

Эта считалка приведена (она указана мне М. К. Азадовским) в Deutsche Forschung, Heft 6, 1928, S. 31, в статье: John Meier—Wege und Ziele der deutschen Volkskundeforschung. Она пришла,—по словам Meier'a,—из Северной Германии в Балтику и в настоящее время широко распространена как между тамошними немцами, так и между эстонцами и латышами, на родине же своей она теперь уже редко встречается.

Проникновение текста к восточным славянам даже за Урал как нельзя более углубляет вывод исследователя, утверждающего силу традиции, охраняющую произведения устного творчества: «Так даже бессмысленные или по меньшей мере теперь почти лишенные смысла сочетания в детских считалках распространяются на огромных пространствах, прочно сохраняя форму текста или крайне незначительно варьируя его».

173-в. В Иркутске и Верхотенске стала известна не менее 40 лет назад. Свид. М. С. Дмитриевой. 177. Вар.: Капица, 125. 182. Распр.: Иннокентьевский, Нижнеудинск и др. Вар.: Капица, 125 (текст встречается в качестве начальных стихов). Ср. №№ 183, 217, 222, 250. 183. Ср. №№ 182, 217, 222, 250, 184. См. примечание 138-е. 186 и вар. Ср. № 272 и вар. 189. См. стр. 108. Вар.: Капица, 125. 191 и вар. Распр.: Урульга, Горячинское, Иркутск, Иннокентьевский, Култук, Аршан, Худякова, Куйтун, Тины, Абаканское, Бийский у., Барнаульский у., Лихославль, Мещовск, Вологодская губ., Архангельск. Вар.: Белослюдов, 10, № 85; Капица, 125. Ср. Тиханов, 193; Ястребов, 103, х. См. стр. 82. Ср. № 331 (начало).

Здесь связь двух частей текста путем примыкания, или стыка (см. стр. 54), едва ли случайна. Настойчиво сохраняемое во многих вариантах считалок сопутствие парных слов квинтер-квантер повествованию о жабе должно быть отмечено и в произведениях другого жанра. Романист-современник дважды приводит текст „детской песенки“, осмысливающей парные слова как собственное имя:

Квинтер-Контер с жабой играл,
Квинтер-Контер в яму упал.
У Квинтера-Контера мама была,
Но жаба его хоронить понесла.

(В. Каверин—Скандалист. „Звезда“ 1928, № 5, с. 39 и 40).

195. Вар.: Бурцев, 253; Даль—Посл., 612; Неклепаев, 89, № 4; Шейн, 43, № 257. Ср. Белослюдов, 70; Бессонов, 70; Зеленин—Отчет, 88; Покровский, 56; Потанин (1899), 177, № 7; Рябинский, 40; Соболев, 6, № 10. Ср. №№ 276, 277. 196. См. примечание 138-е. 197. Вар.: Бессонов, 73. 200-д. Вар.: Шейн, 41, № 243. 201. Садовников, Симб. губ. вед. 1874, № 46.

204. = 299. Ср. примечание 46. 208. Садовников, Симб. губ. вед. 1874, № 46. Вар.: ср. Бессонов, 70. См. стр. 17. 211. Была в большом употреблении в восьмидесятых годах. 213. Распр.: Нижнеудинск, Омск и др. См. стр. 38. Ср. № 329 и вар. 214. Ср. №№ 167, 172 и вар., 334 и вар. 217. Ср. №№ 182, 183, 222, 250. 218. См. стр. 23. 222. Ср. №№ 182 и вар., 183, 217, 250. 225. Вар.: ср. Белослюдов, 3, № 30. Ср. № 172 и вар. См. стр. 82–83. 226 и сл. Рассмотрение считалок этой группы очень затруднено большим количеством разнородных, значительных и малозначительных обработок одной и той же темы, одного и того же текста в результате приспособления к тем или иным надобностям и обстоятельствам. На стр. 19 сказано о текстах запасного значения и об использовании текстов иного назначения, стихотворений инородных. Отнесение этих текстов в считалочный репертуар, с одной стороны, затруднено (и, значит, может вызвать возражение) тем, что эти тексты именно инородны, что они обыкновенно несут иную функцию, имеют иное назначение. Но, с другой стороны, они, эти тексты, встречающиеся без недостатка (можно указать №№ 357, 358, 402, 444, 503, 504, 506 и некот. др.), избираются детьми — и при том нередко — и для несения функции игровой прелюдии. Пройти мимо этого явления наблюдатель не может. Ведь, очень возможно, что мы, наблюдая исполнение инородных текстов в качестве игровых прелюдий, присутствуем при том процессе, в результате которого, напр., старая колыбельная песня (№ 403) вышла из состава материнской поэзии и упрочилась в детском считалочном репертуаре, или произведения поговорочной литературы, альбомные детские стихотворения, загадки и др., приняв новую редакцию, вошли в разряд считалок. Выслеживая наблюдающуюся или зарождающуюся тенденцию к изменению и начало перерождения произведения с переходом его из одного жанра в другой, нет оснований замалчивать относящиеся сюда факты, представляющие большой интерес для народно-словесника. Чем скорее эта тема найдет себе исполнителя, тем плодотворнее будет интерес к изучению детского фольклора вообще и в частности к вопросу о взаимодействии устной детской поэзии и художественного творчества взрослых. 232. Ср. №№ 496 и вар., 497, 499, 500, 501, 531 и вар.. 238-в. Вар.: ср. Бессонов, 71; Добровольский, 491–492, № 71; Ястребов, 103. у. Ср. № 432-б. 250. Ср. №№ 182, 183, 217, 222. 253. Напрашивается предположение: эти стихи («под железными столбами» и т. д.) не являются ли реминисценцией из сказок. Распр.: Коровино, Слюдянка, Тунка, Аршан, Иркутск, Иннокентьевский, Куйтун. Вар.: Белослюдов, 9, № 76; Бурцев, 253; Голышев, 97; Кудрявцев, 209, № 16; Шейн, 44, № 262; Ястребов, 103. в. Ср. Молотилов, 87. См. стр. 134. Ср. №№ 337, 338, 339, 372, 493, 508, 509, 510. 253-б. Распр.: Слюдянка, Иннокентьевский, Тулун. Вар.: Покровский, 56. 253-д. Вар.: ср. Покровский, 56. 253-р. Вар.: Соболев, 11, № 29. 253-т. Вар.: Покровский, 56; Соболев, 10, № 26 (первые стихи). 253-ф. Соболев, 11, № 28. 254. Вар.: ср. Ястребов, 103, м, н. 254-б. Последние стихи у взрослых приняли форму поговорки и встречаются как шутка. На вопрос гостя: „у вас с чем пироги?“ можно услышать ответ: „с луком, с перцем“ (и т. д.). Сведения относятся к Вологде. 254-в. Вар.: Кудрявцев, 214, № 36; Тиханов, 209. Ср.: Даль—Посл., 610. 256. Вар.: Резанова, 179. 259. Вар.: Белослюдов, 3, №№ 26 и 36. 260. Распр.: Душкочан, Коровино, Иркутск, Иннокентьевский, Голуметь, Тулун, Нижнеудинск, Омск, Петропавловск, Боровое, Акмолинск, Лихославль, Псковская губ. Подобные тексты (см. №№ 279, 317) дают прекрасные образцы воспроизведения плясовых ритмов, имитации балабальных звуков, подражаний различным шумам и пр. Они — убедительное свидетельство музыкальности детского поэтического языка, где наблюдаем дивное, может быть предельное равновесие гласных и согласных в чеканно произносимых словах. Эти черты детской поэзии способны держать в напряжении внимание исследователя, стремящегося к уяснению природы словесного искусства.

ства у его истоков, и тема, основательно поставленная на обсуждение покойным знатоком западноевропейского детского фольклора (Georg Schläger. См. его Einige Grundfragen der Kinderspielforschung. Kind und Kunstform. Zeitschrift des Vereins für Volkskunde. 1923—24. 3 Heft. S. 137—152), все более и более приобретает нестареющий интерес. Ср. № 401. 261. Вар.: ср. Нечаев, 216, № 2. 251-а. Вар.: Бессонов, 193, № 120 (последние стихи, в ином использовании). 261-б. Вар.: Бессонов, 70. 262. Вар.: ср. Герасимов, 61, № 6 (последние четыре стиха). 265. Вар.: Зимин, 66. Ср. Бессонов, 37, № 49 (в ином назначении). 266. Распр.: Тулун, Куйтун, Худоелань. Вар.: Смирнов (Кашинский словарь. Сб. Отдел. русск. яз. и слов. Ак. Н., т. 70, № 5), 45 — под словом *ер*. Ср. Молотилов, 93—94. 268. Распр.: Куйтун. Колпашево. Вар.: Белослюдов, 9, № 75; Станиловский, 168, № 4. Ср. Рябинский, 39. Ср. №№ 92, 269, 387 и вар., 494. 268 (в разночтении). Вар.: Покровский, 56. 269. Вар.: Чернышев, 24, № 37. Ср. Шейн, 40. № 236. Ср. №№ 92, 268 и вар., 387 и вар., 494 и вар. 272. Вар.: Белослюдов, 13, № 104; Даль—Посл., 611; Никифоровский, 57, № 2; Чернышев, 2, № 12; Шейн, 44, № 261 (различия в последних стихах). Ср. Арефьев, 92; Белослюдов, 10, № 82; Соболев, 12, № 33. Ср. № 186 и вар. 272 и вар. Вар.: ср. Оршанская, 120. 272-а. В Новгородской губ. (д. Ведерки. Демьянского у.) запис П. К. Симоны в 1899 г. 272-л. См. пометку к № 153. Вар.: ср. Покровский, 56. 272-м. Вар.: ср. Рябинский, 40. Ср. № 186. 273. Распр.: Турунтаево, Аршан, Иркутск, Марково, Каменка, Голуметь. Куйтун, Нижнеудинск, Илимск, Максимогорское, Барнаульский у., Петропавловск, Боровое, Акмолинск, Тверская губ. Вар.: Чернышев, 123, № 150. Ср. № 479 и вар. 274. Ср. № № 403 и вар., 469, 511. См. примеч. 128-е. 275. Вар.: Бессонов, 71. 276. Вар.: ср. Бессонов, 70. Ср. № 195. 277. Вар.: Белослюдов, 10, № 80. Ср. Бессонов, 70. Ср. № 195. 278. Ср. № 542. 279. См. пометку к № 260. 280. Вар.: ср. Чернышев, 2, № 7. — См. стр. 77. 282. Распр.: Аршан, Иркутск, Иннокентьевский, Смоленщина, Бильчир, Куйтун, Тулун, Тайшет, Абаканское. 283 Синти-бринти. Едва ли можно сомневаться, что эти вводные сочетания звуков навеяны балаалечной игрой: на такое предположение наводят плясовой строй, придаваемый мелодии включением подбора звуков, и характером этого подбора: ченче-бренче, чинжи-бринжи, чики-брики, инда-бринда, цынцы-брынцы, цынзы-брынзы, тинти-бринти, сенчи-бренчи и т. п. Распр.: Иркутск, Марково, Суховское, Голуметь, Михайловское, Кежма, Куйтун, Худоелань, Второй Хобок, Барабинский у., Барнаульский у., Пермская губ. Вар.: Белослюдов, 2, № 13. 289. Вар.: Белослюдов, 2—3, № 25 (конец). Ср. № № 369, 370, 371. 487. 290. Вар.: Нечаев, 216, № 6. Ср. Кудрявцев, 209, № 14. Вар. этого текста ср. № № 429 и вар., 432 и вар. 290-е. Вар.: ср. Зеленин—Отчет, 35. См. пометку к № 153. 290-ж. См. пометку к № 153. 292 и вар. См. стр. 76. Ср. № 106 (последние стихи). 295. Вар.: ср. Бессонов, 73. 296. Повсеместно известный наигрыш взрослых. Вар.: ср. Бессонов, 30, № 40 (в ином назначении). 299.—204; здесь ошибочно повторен. 300. Распр.: Зейя, Иркутск, Гужиры, Тулун, Барнаульский у., Омск, Спас-Демьянский у., Костромская губ., Лихославль. Вар.: Попова—Поездка, 18. Ср. № 455. 301. Ср. № 319 и вар. 305. Известна в Верхотенском у. не менее 50 лет назад. Свид. М. С. Дмитриевой. Вар.: ср. Бессонов, 31, № 42 (в ином назначении). 307. Вар.: Завойко, 130; Соболев, 7, № 16 (некоторые стихи). Ср. № № 411, 504. 308. Вар.: Белослюдов, 7, № 61. 309 и вар. Вар.: ср. Балов, 117—118, №№ 5, 10; Бессонов, 16, 17, 18—19, № № 17, 18, 19 (в ином назначении); Нечаев, 224, № 3. Ср. № 403-з. 310. Распр.: Тулун, Омск, Симбирская губ., Владимирская губ., Тверская губ., Тула. Мещовск, Тамбов, Новгородская губ., Лихославль. Вар.: Голышев, 97; Шейн, 43, № № 259, 260. Ср. Шейн, 44, № 267; Ястребов, 103, е. Ср. № 393 и вар. 310 и вар. Вар.: ср. Добровольский, 492, № 74-а. 310-а. Ср. № 338 (последние стихи).

310-б. Ср. № 293. 310-г. Вар.: Соболев, 12, № 34.—Возможно, что мотив *находки красной шапочки*, встречаемый в некоторых считалочных текстах (№№ 325-а, 505), является непосредственным отражением влияния не сказки (см. стр. 20), а загадки. См., напр., Садовников—Загадки. 82, № 815 и вар. 311. Вар.: Чернышев, 2, № 9. Ср. Белослюдов, 7, № 62; Ястребов, 103, ж. Ср. № № 372, 493 и вар. 312. Вар.: Бессонов, 193, № 120 (в другом использовании) Ср. Чернышев, 123, № 151. См. стр. 16. Ср. № № 314, 459, 463 и вар. 313. Распр.: Бодайбо, Иркутск, Куйтун. Вар.: Белослюдов, 10, № 83; Герасимов, 61, № 1; Зеленин—Отчет, 26; Зимин, 66. Ср. Соболев, 45—46, № 6 (как „детская песня“); Сычугова, 94. Ср. № № 104, 340 и вар., 492, 502, 503. 313-г и сл. (последние стихи) ср. № 330 и вар. 314. Ср ю н ь, с р ю н я—свинья. Кириллов, Красная, Ферапонтова (в Толк. Сл. Даля и в Словаре Подвысоцкого этого слова нет). Вар.: Шейн, 44, № 266. См. стр. 16. Ср. № № 312, 459, 463 и вар. 316. Последние два стиха—из песни-насмешки. Ср. № № 343, 413 и вар. 317. Распр.: Иркутск, Тулун, Нижнеудинск, Лихославль, Ферапонтова. См. пометку к № 260. 319. См. пометку к № 118 Вар.: Даль—Посл., 611 (два текста). 319 и вар. Вар.: Даль—Т. Сл., т. II, 379—под словом *конать*; Ильинский (Жив. Ст. 1896, II), 237, № 8; Неклепаев, 89; Попова, 114, № 14. 319-в. Вар.: ср. Якушкин, 177—178. 319-е. Вар.: Соболев, 11, № 30. 321. Вар.: Цейтлин, 10, № 13 (игра *селюгой*). 321-м, о Конец—быть может, реминисценция из заговора или загадки. Народное поэтическое слово и творчество экономно: один и тот же образ, одно и то же построение, один и тот же счастливый оборот используется в разнородных произведениях. И кто может уследить, откуда именно запал в детскую память тот или иной отрывок, та или иная удачная фраза, те или иные стихи—из песни, из сказки, из заговора или из загадки. В данном случае, вероятнее, конечно, последнее предположение. Ср. Арефьев, стр. 112 и 113 (лучше по оттиску, стр. 24, 27)—загадки: «Стоит дуб...»; см. также Садовников—Загадки, 194, № 1817. Не исключена, однако, возможность найти какое-нибудь новое предположение. 321 и вар. Вар.: ср. Балов, 119, № 19 (2, 3). Ср. № № 114, 119. 322. Вар.: Балов, 119, № 17. Ср. Даль—Посл., 611; Соболев, 11, № 31. Текст употребляется не только как считалка. 324. Вар.: Соболев, 12, № 32. 325. Распр.: Верхнеудинск, Турунтаево, Горячинское. Иркутск, Иннокентьевский, Куйтун, Малой, Тулун, Худюелань, Красноярск, Торгашино. Вар.: Белослюдов, 11, № 93. Ср. № № 152 (последние стихи), 337 и вар., 488. 325-а. См. пометку к № 310-г. 325-г. Ср. Детск сатир, лирика, 37, № 90. 326. Ср. № № 101, 475 и вар., 511, 512. 329. См. стр. 38. Ср. № 213. 330. Распр.: Турунтаево, Иркутск, Минусинский у. 330 и вар. Ср. № 313-г и сл. (последние стихи). 330-в. В вар. из с. Частоостровского стихи 3—4 читаются:

Сковородник уронил,
себе голову сломил.

331. Ср. № 191 и вар. 332. Вар.: Белослюдов, 4, № 36. Ср. № 103 и вар. 332 и вар. Вар.: ср. Соболев, 10, № 27. 332-г. Вар.: Ястребов, 103, ф. 333. Ср. № № 170 и вар., 222. 334 и вар. Ср. № № 167, 172 и вар., 214. 335. Вар.: Ястребов, 103, а. Видимо, отражение стихотворных сказочных текстов. 337. Ср. № № 253 и вар., 338, 339, 372, 493, 508, 509, 510; 152 (последние стихи), 325 и вар., 488. 337-а. Вар.: Соболев, 10, № 26; Станиловский, 167, № 2. 337-в. Распр.: юр. Иванкины, Колпашевское. Вар.: Белослюдов, 11, № 93. 338. Вар.: Станиловский, 167, № 2; Шейн, 44, № 262 (начало). Ср. № № 310-а; 253 и вар., 337, 339, 372, 493, 508, 509, 510. 339. Ср. № № 253 и вар., 337, 338, 372, 493, 508, 509, 510. 340. Вар.: ср. Сычугова, 94. Ср. № № 104, 313 и вар., 492, 502, 503. 340-б. Записана в 1877 г. 341. Ср. № 3. 342. Последние стихи ср. № № 396 и вар., 495; 124 и вар. (последние стихи), 142-а, 386; 132—147.

Вар.: Бессонов, 71, № 76. 343. Вар.: ср. Белослюдов, 8, № 67 (конец); Соболев, 14, № 40 (вторая половина текста). Ср. № № 316 и вар., 413 и вар.; 66 (последние стихи), 486 и вар., 489. 344. Ср. № № 499, 531-и.

345. Ср. № № 319 и вар., 321 и вар. 346. Ср. № 283. 347. Встречается в детских альбомах. См. стр. 131 (дополнение к стр. 19). 349. Школярная загадка в роли считалки. 350. Вар.: Попова, 120, № 34 (в другом использовании). 355 Вар.: Ястребов, 103, г. Ср. Белослюдов, 12, № 97. 357. Отражение распространенной песни. 358. Последние стихи ср. № № 71-6, 374 (в разночтениях), 481. 360. Ср. № 462. 362. Ашукин, 4, № 4. 363. Встречается в детских альбомах; см. стр. 131 (дополнение к стр. 19). 364. Вар.: Даль—Посл., 611. Ср. Белослюдов, 4, № 35; Бессонов, 53, № 60 (в ином назначении); Добровольский, 475, № 15; Сахаров, 32—33 (в ином назначении); Соболев, 21, № 1 (в другом назначении).

366. Ср. № 447. 369. Распр.: Океанская, Урулуга, Верхнеудинск, Ченчи, Лиственичное, Иркутск, Михайловское, Голуметь. Усть-Кут, Тулун, Худоелань, Нижнеудинск, Торгашино, Тины, Абаканское, Малый Хабык, Душкачан, Степно-Дворецкое, Петропавловск, Боровое, Акмолинск Вар.: Белослюдов, 2—3, № 25. Ср. № № 289, 370, 371, 486 и вар., 487. 370. Распр.: Иркутск, Куйтун, Тайшет, Тины, Колпашево, Псковская губ., Новгородская губ. Вар.: Белослюдов, 2—3, № 25. Ср. № № 289, 369, 371, 487. 370-а. Вар. из Башировой изредка встречается в детских альбомах для стихов.

371. Распр.: Троицкосавск, Турунтаево, Култук, Тибельти, Аршан, Тальяны, Иркутск, Марково, Шарагул, Киренский у., Суховское, Голуметь, Тулун, Кежда, Перфилово, Тины, Илимск, Торгашино, Частоостровское, Балахта, Минусинск, Барнаул, Пермская губ., Киржач, Мещовск, Урюпино, Красная, Ферапонтова. Вар.: Белослюдов, 2—3, № 25. Ср. № № 289, 369, 370, 487. 371 и вар. Реминисценция из „Коробейников“ Некрасова. 372. Вар.: Белослюдов, 7, № 62. Ср. Чернышев, 2, № 9; Ястребов, 103, ж. Ср. № № 253 и вар., 337, 338. 339, 493, 508, 509, 510; 311, 493 и вар. 373. Распр.: Иркутск, Иннокентьевский, Тальяны, Тулун, Барнаульский у. Вар.: Белослюдов, 6, № 55. 374. Стих: „Мы поедem в Апатат“ (в разночтениях) читается и в другой редакции: „Мы поедem во палаты“.—Распр.: Троицкосавск, Турунтаево, Коровино, Аршан, Иркутск, Балаганск, Куйтун, Шарагул, Перфилово, Кежда, Березовка, Балахта, Барнаульский у, Мещовск, Костромская губ. Вар.: Герасимов, 62, № 8; Капица, 123; Соболев, 8, № 20; Станиловский, 168, № 3. Ср. № № 491, 492; 71-б. 152. Разночтения ср. № № 71-6 (в разночтениях), 358 (последние стихи), 481. 377. Ср. с потешкой для детей. Вар.: ср. Герасимов, 61, № 6 (последние стихи). 380. Детская потешка в роли считалки. 382. Ср. № 331. 383. Распр.: Тулун, и друг. *Игра в цари*. Царь: за что в тюрьму попал? Провинившийся: жил я на горке [и т. д.]. Взятый отдельно, текст служит считалкой. 385. Текст книжного происхождения. 386. Вар.: ср. Бессонов, 71, № 76; Покровский, 55-56. Ср. № № 124 и вар., 142-а (последние стихи), 342. 387. Распр.: Аршан, Тибельти, Кимильтей, Красноярск, Абаканское, М. Хабык, Колпашево. Вар.: Голышев, 96; Даль—Посл., 611; Зимин, 66; Ильинский, 236, № 1; Кудрявцев, 206, № 2; Молотилов, 87; Рябинский, 39; Станиловский, 168, № 4; Шейн, 42, № 252. Ср. Белослюдов, 13, № 103; Бессонов, 71, № 76; Покровский, 55, 56; Резанова, 175. Ср. № № 92, 268 и вар., 269, 494 и вар.

387 и вар. Вар.: Соболев. 4—5, № 6. 387-а. Распр.: Малой, Омск, Ленинград. Вар.: Белослюдов, 9, № 75. Ср. № 268. 387-в. Вар.: Бессонов, 71, № 76. 387-в. Распр.: Тульская губ., Костромская губ. Вар.: Добровольский, 492, № 72. 387-д. Распр.: Омск, Вологодская губ. 388-а. Вар.: ср. Капица, 122. 389. Ашукин, 4, № 5. 390. Позаимствование из заговора (см. примеч. 17) или—может быть, вернее—из загадки: см. Садовников *Загадки*, 207—208, № 1935. Вар.: ср. Бессонов. 212, № 128 (в ином назначении), 223, № 29 (загадка). 391. Ашукин, 2, № 1. 392. Вар.: Белослюдов, 8,

- № 68. 392 и вар. Ср. №№ 498, 542-в. 393. Ср. № 310 и вар. 394. Вар.: Кудрявцев, 211, № 23 (в другом назначении) Ср. № № 87-в (в различении), ж. 395 и вар. Вар.: ср. Соболев, 22—23 (в ином назначении). 395-б. Распр.: Киренск, Каменка, Тулун. См. стр. 77. 396. Распр.: Троицкосавск, Урульга, Коровино, Душкчан. Култук, Иркутск, Худякова, Каменка, Голуметь, Куйтун, Тулун, Кежда, Нижнеудинск, Тайшет, Н.-Илимск, Красноярск, Торгашино, Абаканское, Петропавловск, Боровое, Акмолинск, Златоуст Вар.: Бессонов, 74, № 77; Бурцев (Полное собрание этнографических трудов. Спб., 1911. г. VII) 253; Даль—Посл., 610 (два текста); Зимин, 66; Кудрявцев, 203, № 13; Молотилов, 88; Станиславский, 168. № 5; Чернышев, 2. № 11; Сб. мат. для изуч. Кавк., V. 177. Ср. Ефименко. 156 (второй текст). Ср. Задушевное слово (младш. возр.) 1877, т. I, отд. II. вып. II, стр. 125. 396 и вар. Вар.: Покровский, 57. Ср. № 342 (последние стихи). 495, 513. 396-д. Вар.: Соболев, 3, № 1. 396-е. Нечаев, 217, № 10. 396-з. Вар.: Покровский, 57, — Возможно усматривать влияние загадок; см. Садовников — Загадки, 198, № 1852—н. с. у. 396-и. Вар.: Бессонов, 74, № 77; Сычугова, 94. Ср. Балов, 119. № 19 (1); Герасимов, 61, № 2; Соболев, 4, № 2. 397 и вар. Сб. мат. для опис. Кавказа, V. 177. 400. Ср. № 343, 436. 401. Ср. № 260.
402. Из поэзии лествания. Вар.: ср. Белослюдов, 7—8, № 65; Бессонов, 136, № 100 (в ином назначении), 244—245; Нечаев, 223—224, № 2 (как песенка). 402 вар (текст с упоминанием о царе Константине)—Бессонов, 17, Тиханов, 177—178; Чернышев, 33, № 61. 403. Вар.: Иваницкий, 159, № 15; Шейн, 38, №№ 222, 223, 224; 39, №№ 225, 227, 228, 229. Ср. Белослюдов, 11—12, № 96; Бурцев, 257 (игра); Голышев, 96; Даль—Посл., 611; Добровольский, 448, № № 58-а, 59-б; Зеленин—Отчет, 80; Рус—ов, 1170; Рябинский, 34. Ср. № № 274. 511. См. прим. 128-е. 403-а. Вар.: ср. Добровольский, 488, № 59-б. 403-в. Ср. № 446. 403-е. Вар.: Бессонов, 64, № 70 (в ином назначении). 403-ж. Вар.: Бессонов, 65, № 71 (в ином назначении). 403-з. Вар.: ср. (часть текста) Балов, 117—118, № 5, 10; Бессонов, 65 (в ином назначении). Ср. № 309 и вар. 404. См. пометку к № 118. Вар.: ср. Шейн, 44, № 263; Сб. мат. для опис. Кавказа, V, 171.
405. Встречается в детских альбомах; см. стр. 131 (дополнение к стр. 19).
- 406 и вар. Рацейка, преобразованная в считалку. 407 и вар. Ср. № 67 и вар. 409. Отзвук частушки. 411. Ср. № 307. 413. Распр.: Турунгаево, Иркутск, Аршан, Оса, Кутулик, Куйтун, Тулун, Гадалей, Кежда, Нижнеудинск, Илимск, Омск, Петропавловск, Боровое, Акмолинск. Вар.: Белослюдов, 5—6, № 50. Ср. № № 316 и вар., 343. 414. Потешка в роли считалки. Вар.: ср. Бессонов, 26. № 31 (в ином назначении). 415. Вар.: Бессонов, 194 (в ином назначении); Сахаров, 49 (в ином назначении).
416. Вар.: ср. Шейн, 52. 416-в. Ашукин, 3, № 2. 416-г. Устная редакция стихотворения Н. Венгрова „Палочка-застукалочка“. Журнал „Для детей“ (Прилож. к ж. „Нива“) 1917, стр. 71—72. 422. Текст представляет собою диалог, употребляемый обыкновенно при игре в *жмурки*. Зачастую используется в качестве считалки. Вар.: ср. Бессонов, 192 (в ином назначении). Ср. № 123. 423. Вар.: Арефьев, 92; Белослюдов 2, № 14; Голышев, 96; Даль—Посл., 611; Потанин (1902), 137; Шейн, 42, № 250. Ср. Нечаев, 216, № 4. Ср. № 505 и вар. 423-а. Вар.: Даль—Посл., 611; Ястребов, 103, д, и вар. 424. Вар.: ср. Рус—ов, 1170; Балов, 117, № 5.
425. Ср. № 123. 429. Вар.: ср. Даль—Посл., 611 (начало); Нечаев, 216, № 6. 429-б (последние стихи). Ср. № 538. 429 и вар. Ср. №№ 290 и вар., 432 и вар. 432. Вар.: ср. Шейн, 39, № 230. 432 и вар. Ср. №№ 290 и вар., 429 и вар. 432-б. Вар.: Добровольский, 491—492, № 71. Ср. № 238-в. 434. Распр.: Забайкалье, Енисейская губ., Самара. Вар.: Добровольский, 491, № 65 (в ином назначении); Садовников — Загадки, 143, № 1380. См. стр. 18. 435. Вар.: ср. Покровский, 56. 436. Ср. № 400. 437. Вар.: Ястребов, 103, н. Ср. Ястребов, 103, м. 437-б. Вар.: В. А.

Попов, 348. 438 (последние стихи). Вар.: Бессонов, 223, № 31 (загадка). Ср. Садовников—Загадки, 80, № 794. 439. Вар.: ср. Балов, 118, № 14. 442. Ср. № 321 и вар. 444. Вар.: ср. Бессонов, 97—100, № № 86, 87 (в ином использовании). 445. Вар.: Белослюдов, 13, № 105 (первые два стиха). 446. Вар.: ср. Покровский, 56; Шейн, 39, 226. См. стр. 19. 447. Вар.: ср. Нечаев, 225, № 9 (как песенка); Бессонов, 26—27, № 33—34 (в ином назначении). Ср. № № 336, 506. 448. В первых стихах можно видеть поэтизацию из устной поэзии взрослых; ср. Садовников—Загадки, 111, № 1079. 451. Ср. № 491 (последние стихи). 453. Широко распространенная шутка, подхваченная для переделки в считалку. 455. Ср. № 300. 457. Вар.: ср. Бессонов, 36, № 48 (в ином назначении). 458. Вар.: Чернышев, 1 № 1. Ср. Тиханов, 226, № 23 (в другом назначении). 459. Ср. № № 312, 314, 463. 462. Ср. № 360. 463. Вар.: Даль—Посл., 610; Шейн, 44, № 264. Ср. Бессонов, 193, № 120 (в другом использовании); Соболев, 5, № 8; Чернышев, 123, № 151. См. стр. 16. Ср. № № 312, 314, 459, 545. 463—б. Распр.: Горячинское, Баширово, Усть-Баргузин, Аршан, Тальцы, Балаганск, Коновалова, Худоелань, Киренск, Шарагул, Куйтун. Иннокентьевский. 465. Распр.: Песочня, Тверская губ. 467. Вар.: ср. Шейн, 42, № 249. 468. Встречается в детских альбомах для стихов. 469. Ср. № 274 (последние стихи). 474. Распр.: Владивосток. Верхнеудинск, Турунтаево. Урульга, Коромино, Култук, Иркутск, Худякова, Голуметь, Шарагул, Тайшет, Красноярск, Минусинск, Балахта, Басмасова Подстепновское, Максимояровское. 474—а. 474—б. См. пометку к № 98. 475. Распр.: Урульга, Верхнеудинск, Турунтаево. Ченчи, Душкачан, Лиственичное, Хобок, Коромино; Иркутск, Худякова, Тулун. Колпашево, Шестакова, Омск, Таган, Красная, Ферапонтова. Вар.: Белослюдов, 3, № 29; Герасимов, 61, № 3; Соболев, 4, № 3. Ср. Нечаев, 216, № 8. Ср. № № 101, 326, 511, 512. 475—б. Распр.: Гужиры, Худоелань, Красноярск, Торгашино, Минусинск, Абаканское, Малый Хабык, Петропавловск, Боровое, Акмолинск, Омск. 475—г. Вар.: Соболев, 4, № 4. 479 и вар. Ср. № 273 и вар. 480. Вар.: ср. Соболев, 22 (в ином назначении). 481. Ср. № № 71—б (в разночтениях), 358 (последние стихи), 374 (в разночтениях). 482. Реминисценция из заговора или загадки: см. пометку к № 321—м. Вар.: ср. Шейн, 42, № 249. 483. Вар.: Белослюдов, 7, № 62. Ср. Чернышев, 2, № 9. 484. Ср. № 507. 485. Вар.: Герасимов, 61; Шейн, 43, № 258. Ср. № № 496 и вар., 501, 526 и вар. 486. Распр.: Буреть, Тверская губ., Псковский у. Вар.: ср. Белослюдов, 8, № 67 (конец); Соболев, 14, № 40 (вторая половина текста). Ср. № № 66 (последние стихи), 343, 489; 369, 487. Из Псковского у. текст доставлен Н. А. Никитиной с пометкой, что он исполняется хоровой скандовкой. Если судить по имеющимся у меня материалам (ср. стр. 40—41), можно думать, что этот способ исполнения считалки держится в замкнутом кругу местностей: Ленинград и некоторые близкие к нему населенные пункты. Кажется, во всех других местах считалку не относят к произведениям, которые поются. Старушка из Баргузина (сообщает А. В. Гуревич), припоминая один текст, забыла его назначение и откровенно призналась: „не знаю, считалка ли это или п е в а л к а“. 486—б. Первые четыре стиха известны также в Тверской, Вятской и Новгородской губ.: Капица—Фольклор в современной детской книжке. „Книга детям“. 1929, № 2—3, с. 23. 486 и вар. Последние стихи представляют собою своеобразную поддевку, встречающуюся и в сказках. 487. Ср. № № 289, 369, 370, 371; 369, 486 и вар. 488. Ср. № № 152 (последние стихи), 325 и вар., 337 и вар. 489. Вар.: ср. Белослюдов, 8, № 67 (конец); Соболев, 14, № 40 (вторая половина текста). Ср. № № 66 (последние стихи), 343, 486. 491. Ср. № № 374, 492; 71—б, 152, 491; 451. 492. Ср. № № 374, 491; 71—б, 152, 492; 104, 313 и вар., 340 и вар., 502, 503. 493. Вар.: ср. Чернышев, 2, № 9; Ястребов, 103, ж. Ср. № № 253 и вар., 337, 338, 339, 372, 508, 509, 510; 311. 494. Вар.: Станиловский, 168, № 4. Ср. № № 92,

268 и вар., 269, 387 и вар. 494-а. Вар.: Покровский, 56. 495. Вар.: ср. Сычугова, 94. Ср. №№ 342 (последние стихи), 396 и вар. 496. Ср. №№ 485, 501. 526 и вар.; 232, 497, 499, 500, 531 и вар. 497. Вар.: ср. Белослюдов, 6, № 53; Герасимов, 61, № 6. Ср. №№ 232, 496 и вар., 499. 500, 501, 531 и вар. 498. Ср. №№ 392 и вар., 542-в. 499. Ср. №№ 232, 344, 496 и вар., 497, 500, 501, 531 и вар. 500. Ср. №№ 232, 496 и вар., 497, 499, 501, 531 и вар. Последние стихи с малыми вариациями приобретают иной раз характер постоянной концовки считалочных текстов: ср. №№ 253-р., 253-у, 342. 501. Ср. №№ 232, 496 и вар., 497, 499, 500, 531 и вар.; 485. 526 и вар. 502. В этом тексте обращают на себя внимание стихи 2 и 3, где слова, обозначающие неизвестные детям понятия, сохраняются в измененном виде или заменяются созвучными: «бурену» (см. стр. 77), «касруля». Стих 6 в Душкачане более известен в другой редакции:

Каптурга ты долгонога.

Каптурга—кисет. Е. И. Титов—Тунгусско-русский словарь, Иркутск, 1926, с 76. Стих 8 имеет другие редакции:

Она шла бороной.

Она шла стороной.

Вар.: ср. Балов, 117, № 7. Ср. №№ 104, 313 и вар., 340 и вар., 492, 503. 503. Ср. №№ 104, 313 и вар., 340 и вар., 492, 502. 504. Обращает на себя внимание стих: „там ребирги живут“. Откуда это слово? Оно невольно сближается с немецким Raueber—разбойник. О заключительных стихах см. пометку к № 321-м. В этот текст то полностью, то частями входят несколько считалок: ср. №№ 273 и вар., 307, 357, 482. 504 и вар. Вар.: Соболев, 7, № 16. 505. Вар.: Белослюдов, 2—3, № 14. Ср. Нечаев, 216, № 4; Потанин (1902), 137. Ср. № 423 и вар. В подобных заключительных стихах нашей считалки можно видеть влияние распространеннейших произведений устной поэзии взрослых; ср., напр., Садовников—Загадки, 82, № 815 и вар. См. пометку к № 310-г.

505-а. Из Частоостровского имеем варианты:

4—5 Кто ты боле,
кто ты мене?

8—13 Чашки, ложки,
медок, сахарок,
мотовильце, рожок,
поди вон, пирожок!

506. Вар.: ср. Нечаев, 225, № 9 (как песенка). В этот текст то полностью, то частями входят несколько считалок: ср. №№ 424 и вар., 447. Вар. этого текста, используемые в качестве считалок в других местах (Иркутск, Тулун и пр.), здесь не приводятся. Это замечание относится и к №№ 444, 503, 504. 507. Можаровский (Святочные песни, игры, гадания и очерки [вечорки?] в Казанской губернии. Казань, 1873, стр. 44, № 52) приводит как песню, входящую в репертуар молодежи. Ср. № 484. 508. Ср. №№ 253 и вар., 337, 338, 339, 372, 493, 509, 510. 509. Ср. №№ 253 и вар., 337, 338, 339, 372, 493, 508 510. 510. Ср. №№ 253 и вар., 337, 338, 339, 372, 493, 508. 509. В вар. часто читаются стихи 1—4. Из д. Красной имеем вариант последних стихов:

3—4 Стульчик-венчик сам король,
а диванчик выйди вон.

511. Вар.: Шейн, 40, № 231. Ср. №№ 274, 403 и вар.; 101, 326, 475 и вар., 512. 512. Ср. №№ 101, 326, 475 и вар., 511. 513. Ср. №№ 342 (последние стихи), 396 и вар., 495. 516. Позаимствование из поговороч-

ной литературы. 520. Загадка в роли считалки: Сахаров, 162, № 50; Садовников—Загадки, 195, № 1821-6. 525. Распр.: Худоелань, Кимильтей, Омск. 526. Распр.: Иркутск, Тальяны, Суховская, Балаганск, Аршан, Голуметь, Тины. Вар.: Герасимов, 61, № 4; Даль—Посл., 609; Шейн, 43, № 258 (конец). 526 и вар. Вар.: ср. Сб. мат. для изуч. Кавказа, V, 178. Ср. №№ 485, 496 и вар., 501. 526-л. Распр.: Поволжье. Вар.: Садовников, Симб. губ. вед. 1874, № 46. 526-р. Вар.: Чернышев, 2, № 10. 528. Загадка в роли считалки: Садовников—Загадки, 120, № 1175. 531. Распр.: Верхнеудинск, Турунтаево, Горячинское, Иркутск, Худякова, Худоелань, Голуметь, Куйтун, Киренск, Балаганск, Шестакова, Ая, Торгашино, Барнаул, Нижнеудинск, Тулун, Шарагул. Вар.: Герасимов, 61, № 5. 531 и вар. Ср. №№ 232, 496 и вар., 497, 499, 500, 501. 531-г. Распр.: Тулун, Куйтун, Красноярск, Тымское, Минусинск, Петропавловск. 531-д. Распр.: Иркутск, Худякова, Шарагул, Тулун, Красноярск, Торгашино. 531-ж. Распр.: Душкочан. Шимки, Быстринское, Гужиры, Куйтун, Александров-Невская станица. Вар.: Станиславский, 168, № 5 (конец текста). 531-и. Ср. №№ 344, 499. 532. Распр.: Кимильтей, Худоелань, Торгашино. Вар.: Сб. мат. для изуч. Кавказа, V, 177. Ср. Ястребов, 103, п. 535. Отражение поговорочной литературы. 538. Ср. № 429-6 (последние стихи). 539. Загадка, перестроенная в считалку: Садовников—Загадки, 117, № 1139. 541. Детская потешка в роли считалки. 542. Распр.: Владивосток, Турунтаево, Иркутск, Кутулик, Куйтун, Кимильтей, Минусинск, Торгашино, Красноярск, Балахта, Тверская губ., Могилевская губ., Новгородская губ., Ферапонтова. Ср. № 278. 542 в. Вар.: Капица, 124, Ср. №№ 392 и вар., 498. 542-б. Близкий вариант находим в рассказе М. А. Гершензона (см. стр. 8):

Стакан, лимон,
выйди вон
из окошка кувырком.
Этки-петки-турманетки—
кок...

544. Видимо, загадка в роли считалки. 545. Ср. № 463. 551. Загадка перестроенная в считалку: ср. Садовников—Загадки, №№ 1100, 1448, 1575, 1576, 1915.

Указатель авторов.

- Акульшин Р. 130.
 Ан-ский С. 123, 125.
 Арго 130.
 Арефьев В. С. 12, 31, 69, 109, 217, 220, 223, 224, 226.
 Аскольдов С. А. 70, 122.
 Ашукин Н. 8, 24, 117, 129, 218, 225, 226.
 Балов А. 218, 219, 220, 224, 226, 227, 228.
 Баратынский 66.
 Бархин К. 114, 119.
 Басов-Верхоянцев С. 218, 220.
 Белецкий А. И. 121.
 Белослюдов В. Н. 14, 113, 218, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228.
 Бессонов П. А. 11, 29, 40, 41, 67, 88, 117, 131, 217, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227.
 Bett Henry 118.
 Блок А. 71.
 Бобров С. П. 97, 126.
 Bolton H. 32, 220.
 Брюсов В. 8, 96, 126, 129.
 Бурцев А. Е. 221, 222, 226.
 Буслаев Ф. И. 124.
 Венгров Н. 25, 227.
 Wehrhan Karl 32, 118.
 Вяземский '06.
 Герасимов Б. Г. 13, 113, 120, 220, 223, 224, 226, 227, 228, 229.
 Гершензон М. А. 8, 229.
 Гиляров 132.
 Гинзбург С. М. 81, 125.
 Голышев И. 115, 132, 133, 219, 220, 222, 225, 226.
 Горький М. 124, 125.
 Гречанинов А. Т. 96, 126.
 Гречушкин 132.
 Гулисов З. 118.
 Гумилев Н. 132.
 Даль В. И. 10, 110, 115, 119, 121, 131, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 229.
 Державин Н. С. 118, 125.
 Джафар М. 75, 121.
 Добровольский В. Н. 113, 115, 118, 124, 133, 218, 220, 222, 225, 226.
 Добрынкина Ек. 113, 117.
 Достоевский 58.
 Дурново Н. Н. 73, 122, 123.
 Ефименко П. С. 58, 115, 220, 226.
 Завойко Г. К. 13, 218, 219, 223.
 Загоскин М. Н. 122.
 Зеленин Д. К. 10, 67, 109, 115, 123, 131, 132, 219, 221, 223, 224, 226.
 Зелинский Ф. Ф. 97, 126, 132.
 Зимин М. М. 115, 219, 223, 224, 226.
 Иваницкий Н. А. 113, 115, 226.
 Игнатович Ю. 113, 134, 217.
 Ильинский Я. 225.
 Каверин В. 221.
 Капица О. И. 80, 81, 109, 112, 113, 114, 115, 118, 125, 126, 218, 219, 220, 221, 225, 227, 229.
 Каравелов Л. 118.
 Карпов А. 116.
 Киреевский П. В. 16.
 Кирпичников А. И. 132.
 Кирсанов С. 129.
 Короленко В. Г. 80, 122, 125, 127.
 Костомаров Н. И. 124.
 Кривошапкин М. Ф. 11, 29, 70, 121.
 Крымский А., акад. 121.
 Кудрявцев В. Ф. 90, 113, 115, 117, 126, 217, 219, 220, 222, 223, 226.
 Кузьмин М. 121.
 Леонтьев К. 122, 123, 140.
 Lewalter-Schläger 118.
 Lissauer Ernst 118.
 Лозина-Лозинский А. 122.
 Ложкин Ф. 8, 126.
 Лосев А. Ф. 85, 124, 126.
 Макаренко А. А. 132.
 Малаховский В. А. 114, 119.
 Марек П. С. 81, 125.
 Meier John 221.
 Мексин Я. 114.

- Мельников (Печерский) 133.
 Миллер Ф. Б. 21, 118.
 Можаровский А. Ф. 11, 23, 24, 218, 219, 228.
 Молотилов А. Н. 13, 29, 113, 120, 126, 219, 222, 223, 226.
 Мордовцев Д. Л. 116.
 Неклепаев И. Я. 12, 87, 120, 219, 220, 221, 224.
 Некрасов Н. А. 225.
 Нечаяв И. В. 12, 29, 99, 115, 120, 219, 220, 223, 226, 227, 228.
 Никифоровский Н. Я. 31, 118, 134, 219, 220.
 Orlov S. P. 121, 125.
 Оршанская Е. 13, 223.
 Павлович Н. 129.
 Петров А. Н. 116.
 Покровский Е. А. 11, 18, 58, 69, 88, 94, 120, 121, 126, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 226, 227, 228.
 Попов В. А. 58, 114, 119, 126, 134, 220, 227.
 Попова А. М. 14, 88, 218, 224, 225.
 Потанин Г. Н. 10, 12, 14, 29, 67, 121, 219, 220, 221, 226, 228.
 Резанова Е. 76, 115, 219, 222, 225.
 Ренье А. 8, 126.
 Reuschel Karl 121, 125.
 Рус—ов 115, 226.
 Рябинский К. 67, 115, 121, 133, 219, 220, 221, 223, 226.
 Рыбников П. Н. 116.
 Садовников Д. Н. 11, 218, 220, 224, 226, 227, 228, 229.
 Сахаров И. П. 10, 16, 113, 219, 225, 226, 229.
 Смирдин М. 132.
 Смирнов И. Т. 223.
 Смирнов-Кутачевский 133.
 Соболев А. Н. 13, 14, 41, 93, 116, 120, 126, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228.
 Соболевский А. И. 15.
 Соколовы Б. и Ю. 13, 17, 112.
 Сологуб Ф. 140.
 Станиловский А. М. 13, 109, 119, 219, 220, 223, 221, 225, 226, 227.
 Сычугова Ек. 115, 218, 224, 226, 228.
 Тагор 80, 106, 122, 125.
 Титов Е. И. 118, 228.
 Тиханов П. Н. 113, 114, 115, 117, 120, 121, 124, 133, 134, 218, 220, 221, 222, 226, 227.
 Тихонравов Н. С. 116.
 Толстой А. К. 126.
 Толстой Ал. 134.
 Толстой Л. 121.
 Третьяков С. 8, 129.
 Фейфалик Ю. 220.
 Флоренский П. 121.
 Халанский М. Г. 115, 220.
 Хомяков А. С. 16, 26, 124.
 Христиансен 126.
 Худяков Я. 19.
 Цейтлин Г. 13, 23, 29, 31, 34, 81, 120, 125, 217, 224.
 Чернышев В. И. 12, 88, 91, 121, 132, 133, 218, 219, 220, 223, 224, 225, 226, 227, 229.
 Чуковский К. И. 112, 122.
 Шейн П. В. 11, 12, 14, 16, 29, 41, 58, 87, 120, 124, 126, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228, 229.
 Шкловский В. 121, 131, 133.
 Schläger Georg 223.
 Шпет Г. 85, 124, 126.
 Щерба Л. В. 121.
 Эйхенбаум Б. 42.
 Яacobson P. 123, 124.
 Якушкин Я. 114, 119, 224.
 Ястребов В. Н. 115, 117, 118, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 229.

Географический указатель.

Абаканское, с. Минусинского у.	Аршан, пос. в Тункинском крае Иркутской губернии.
Акмолинск.	Ая, с. Бийского у.
Александро-Невская станица Тулунского у.	
Александровский у., Владимирской губ.	Банщиково, с. Киренского у.
Архангельск.	Барабинский у.

Баранча (завод). Пермской губ.
 Балаганск, г. Иркутской г. б.
 Балахта, с. Ачинского у.
 Баргузин. Баргузинский у.
 Барнаул. Барнаульский у.
 Басмасово, д. на р. Оби.
 Баширова, д. в Баргузинск. крас.
 Березовка, д. Красноярск. у.
 Бильчир, с. Балаганского у.
 Бийский у.
 Благовещенск.
 Бодайбо, г. Иркутской губ.
 Большая Уса, с. Пермской губ.
 Боровое, с. Акмолинской области.
 Братск, с. Иркутской губ.
 Брянская губ.
 Буреть, с. в Поангарье.
 Быстринское, с. в долине Иркуты.
 Верхнеудинск.
 Верхолениск. Верхолениский у.
 Весеогонский у. Тверской губ.
 Витебск. Витебская губерния.
 Владимир. Владимирская губерния.
 Владивосток.
 Вологодская губ.
 Воробьево, с. в Илимском крае.
 Воронеж.
 Второй Хобок, с. в Тункинском крае.
 Вятская губ.
 Гадалей, с. Тулунского у.
 Голуметь, с. Иркутской губ.
 Городечня, с. Спас-Демьянского у.
 Горячинское, с. в Забайкалье.
 Гужиры, с. в Тункинском крае.
 Дубовики, д. Ржевск. у. Тверск. губ.
 Душкачан, с. в Верхнеангарском крае.
 Залесово. с. Барнаульск. у.
 Зея, г. на Амуре.
 Зима, г. Иркутской губ.
 Зиновьево, с. Александр. у.
 Златоуст, г. Уфимской губ.
 Иванкины юрты - на р. Оби.
 Ижевск, г. Вятской губ.
 Илимск, Илимский край (в Иркутск. г.).
 Иннокентьевский пос. Иркутск. у.
 Иркутск. Иркутский у.
 Кабанск, г. Верхнеудинского у.
 Када (Братская Када) с. Иркутской губ.
 Казань. Казанская губ.
 Калужская губ.
 Каменка, с. Иркутской губ.
 Казна, д. Могилевской губ.

Кежма, с. Тулунского у. (на Ангаре).
 Кимильтей, с. Тулунского у.
 Киренск. Киренский уезд.
 Киржач, г. Александровского у.
 Кириллов, г. Новгородской губ.
 Ключики (Ключевка), д. Спас-Демьянского у.
 Кокчетав, г. Акмолинской обл.
 Кокшенга, с. Тотемского у. Вологодской губернии.
 Колпашено, с. на р. Оби.
 Константиновское. с. Александровск. у.
 Коновалово, с. Балаганского у.
 Коношановское, с. Киренского у.
 Коркино, с. Красноярского у.
 Коровино, д. Забайкальской обл. (на р. Унде.)
 Коромя, д. Владимирской губ.
 Кострома. Костромской губ.
 Коченга, с. в Илимском крае.
 Красная, д. близ Кубинского оз.
 Красноярск. Красноярский у.
 Куда (Усть-Куда), с. Иркутского у.
 Кузнецк, г. Саратовской губ.
 Кузьмина, д. Ленинградской губ.
 Куйтун, с. Тулунского у.
 Култук, с. на берегу Байкала.
 Курган, г. Тобольской губ.
 Курзан, с. Тулунского у.
 Курская губ.
 Кутулик, с. Балаганского у.
 Кушва (завод), в Пермской губ.

Ленинград.
 Лиственичное, с. на берегу Байкала.
 Лихославль, г. Новоторжского у., Тверской губ.
 Лосиноостровск, г. под Москвой.
 Луга, г. Ленинградской губ.

Максимоаровское, с. Колпашевского района (на реке Кеть).
 Малмыж, г. Вятской губ.
 Малой, переселенческий уч. Тулунского уезда.
 Малый Хабык, с. в Минусинском крае.
 Мальта, с. Иркутского у.
 Маркова, д. Иркутского у.
 Мещовск. Мещовский у., Калужской губ.
 Мишуково, д. Ржевского у., Тверской губ.
 Минусинск. Минусинский у.
 Михайловское, с. Иркутского у.
 Могилевская губ.
 Москва. Московская губ.
 Мурман.

- Нарва.
 Нижнеудинск, г. Тулунского у.
 Нижняя Каменка, с. Бийского уезда.
 Новая Свиньина, д. Минусинского уезда.
 Новгород. Новгородская губ.
- Одесса.
 Океанская — станция вблизи Влади-
 востока.
 Омск.
 Оса, с. Иркутского уезда.
 Осинский у. Пермской губ.
- Пензенская губ.
 Пермская губ.
 Перфилово, с. Тулунского у.
 Песочная, с. Брянской губ.
 Петропавловск, г. Акмолинской обл.
 Поволжье.
 Подстепновское, с. Барнаульского у.
 Полтавская губ.
 Псковская губ.
 Пянова, д. на Ангаре, близ Братска.
- Рига.
 Ржев, г. Тверской губ.
 Рязанская губ.
- Самара. Самарская губ.
 Сандово, с. Весъегонск. у.
 Саратов.
 Серафимовка, д. Верхоленского у.
 Симбирская губ.
 Слюдянка, в Забайкалье.
 Смоленская губ.
 Смоленщина, д. Иркутского у.
 Спас-Демьянск, г. Спас-Демьянского у.
 Сретенск, г. в Забайкалье
 Степно-Дворецкое, с. в Селенгинском
 крае.
 Стега, д. Псковской губ.
 Суховское, с. Иркутской губ.
- Таган, с. Барабинского у.
 Тамбов.
 Тальяны, с. Иркутского у.
 Тальцы, с. Иркутского у.
 Тайшет, с. Канского у.
 Тверь. Тверская губ.
- Теплуха, хутор Лукин. вол., Весъегонск.
 уезда.
 Тибельти, с. в долине Иркута.
 Тибинчи, с. Ачинского у.
 Тибиан, юрты Колпашевского района.
 Тины, с. Енисейской губ.
 Томск. Томская губ.
 Торгашино, с. Красноярск. у.
 Тотемский уезд, Вологодской губ.
 Троицкосавск.
 Тула. Тульская губ.
 Тулун. Тулунский (б. Нижнеудинский)
 уезд.
 Тунка, с. в Тункинском крае (долина
 р. Иркута).
 Турунтаево, с. в Забайкалье.
 Турчасово, с. Архангельск. губ.
 Тымское, с. на р. Оби.
- Узкий Луг, с. Иркутского у.
 Урульга, с. Нерчинского у.
 Урюпино, с. Сталинградской губ.
 Усть-Баргузин, с. в Забайкалье.
 Усть-Када, с. Тулунского у.
 Усть-Кут, с. Киренского у.
 Уталай. пересел. уч. в Тулунском у.
 Уфимская губ.
 Уян, с. Тулунского у.
- Ферапонтова, слоб. Кирилловск. у.
- Хабык. См. Малый Хабык.
 Хараты, д. Иркутского у.
 Хобок. См. Второй Хобок.
 Худослань, с. Тулунского у.
 Худякова, д. Иркутского у.
- Частоостровское, с. Красноярского у.
 Ченчи, с. в Верхнеангарском крае.
 Чита.
 Читкан, с. в Забайкалье.
- Шабарта, с. Тулунского у.
 Шарагул, с. Тулунского у.
 Шестакова, д. в Илимском крае.
 Шимки, с. в Тункинском крае.
- Юрьев, г. Владимирской губ.
- Яренск, г. Вологодской губ.
 Ярославская губ.

О П Е Ч А Т К И.

Страница	Строка	Напечатано	Надо
12	8 сн.	147	137
27	14 -- 15 сн.	близкие	близкие
42	3 сн.	ни	не
48	20 сн.	234	269
54	21 св.	87-в, ж	87, 87-в
"	18 сн.	74-6	71-6
57	13 сн.	пакарь	пекарь
60	22 св.	и к	ик
61	9 сн.	й второе	й (второе
69	13 св.	с. 4	с. 92
99	17 сн.	вдуг	вдруг
103	5 сн.	ках.	ках).
104	12 сн.	„поглащаемое“	„поглощаемое“
108	1 св.	звукоподражатель- ного	звукоподражатель- ного
109	16 св.	с. 4	с. 92
110	10 св.	выражении	речении
115	15 сн.	фолькор	фольклор
116	15 сн.	Соболев	Соболев, с. 14
126	26 сн.	Соболев	Соболев, с. 6
127	14 св.	В текстах числовок	В текстах счита- лок-числовok
202	21 сн.	Косиноостровск.	Лосиноостровск.

Детский фольклор

Детский фольклор в подлинном смысле этого обозначения, т. е. область устных словесных произведений, исполняемых исключительно детьми и не входящих в репертуар взрослых, является новым отделом русской фольклористики, совсем недавно получившим «академическое» признание своих прав на внимание ученых. Правда, отдельные указания на наличие в народной устной поэзии произведений, хранимых детьми, проникали в литературу более столетия назад,¹ но постоянное и устойчивое внимание к ним, зарождаясь с начала шестидесятых годов XIX столетия, укрепляется в семидесятых годах и в последующих десятилетиях.

Первые записи (весьма скромные количественно), которыми начинается у нас непрерывная история собирания произведений детской устной словесности, принадлежат П. И. Якушкину,² В. А. Попову, автору небольшой заметки,³ И. Далю в его «Пословицах русского народа»⁴ и «Толковом словаре»,⁵ Н. Потанину.⁶

Как бы объединяя разрозненные проявления внимания к детскому фольклору, П. А. Бессонов в конце седьмого десятилетия выпускает книгу, посвященную исключительно этой теме, — «Детские песни».⁷ При значительном объеме (270 страниц малого формата) книга заключала в себе все важнейшие виды детской устной поэзии. При каждой группе текстов были даны пояснения, касающиеся их смысла, характера исполнения и пр.

Намерения Бессонова издать «Детские песни» в трех томах не были осуществлены.⁸ Теоретические взгляды на смысл и значение детского фольклора им выражены — почти через тридцать лет — в названной уже брошюре «К вопросу о собирании и издании памятников народного песнотворчества» (с. 28-35). В детской устной поэзии он ищет ответов на вопросы о том, «как и на чем вырастают <...> в народе творческие песенные силы по ступеням и летам возраста, какими стихиями питаются «врастающие в жизнь новые людские поколения», в каком зачатке формируются здесь образы поэтические при малых еще собственных средствах детей» и т. п. И другая сто-

рона детской народной поэзии привлекает его: «...в массе лепета, детской болтовни, прибауток и кажущихся пустяков порою выпукло выдаются отголоски далекого исторического прошлого». Автор статьи склонен черпать из этого источника значительно больше того, что он может дать, но основная высказываемая мысль, безусловно, правильна. Песня детей — «не одна только шалость и забава»: иногда она «рисует нам быт отдаленнейшей древности, а в нем и самую историю народа».

«Детские песни» Бессонова, предназначенные прежде всего для семьи и воспитателей (поэтому и отозвалась на их появление в свет педагогическая и общая современная печать: «С.-П^{ет}ер-б^{ург}ские ведомости», 1868, № 110 и 1870, № 130; «Русский», 1868, № 22; «Народная школа», 1869, № 1 и др.), заключали в себе не только произведения детского фольклора, но и тексты из области поэзии пестования. Это соединение двух разных областей фольклора в одной теме, или в одном наименовании, надолго вошло в литературу, внося неясность в научную постановку вопроса. Но и положительное влияние, оказанное книгой на последующие изучения детского фольклора, несомненно: автор ее пользовался репутацией хорошего знатока детской поэзии и в свое время играл роль инициатора в деле собирания и изучения относящихся к этой области материалов. К нему примыкают многие из этнографов, отдавших свое внимание детской народной поэзии; в частности, в Казани образовалась особенно старательная группа лиц, преданных идее изучения детского фольклора: А. Ф. Можаровский, К. С. Рябинский и др. Попытку определить значение Бессонова в истории изучения детского фольклора дала О. И. Капица в сборнике, изданном Русским географическим обществом.⁹

Шестидесятые годы XIX в. представляют собою период в изучении русского фольклора, когда детская устная поэзия была прочно и обоснованно внесена в программу будущих исследований. На рубеже следующего десятилетия П. В. Шейн отводит особый отдел детскому фольклору в своем собрании,¹⁰ где помещает тексты из Московской, Тверской и Тульской губерний с распределением их на группы, с указанием мест записи и т. д. Почти одновременно вышел труд В. Ф. Кудрявцева,¹¹ вскоре были напечатаны тексты из области детской устной словесности Д. Н. Садовниковым,¹² а затем материалы по приволжскому детскому фольклору нашли место в труде А. Ф. Можаровского.¹³ К записям с Севера (у Даля) прибавились тексты, которые сообщил П. С. Ефименко,¹⁴ в следующем году были напечатаны материалы, собранные И. Голышевым.¹⁵

Семидесятые годы обогатили изучение детского фольклора не только большими вкладами сырых материалов из разных

мест страны. Полемика между Н. И. Костомаровым и Ф. И. Буслаевым¹⁶ коснулась вопросов, связанных с устной детской поэзией, способствовала уяснению задач ее изучения, вводила в круг внимания русского читателя и ученого иноязычный детский фольклор. В середине 1880-х годов напечатана статья И. П. Хрущева,¹⁷ тогда же вышел широко известный труд Е. А. Покровского,¹⁸ содержащий в описаниях игр связанные с ними произведения устной поэзии из разных мест России — из губерний Вятской, Владимирской, Тверской, Тульской, Симбирской, Тобольской и с Кавказа. За год перед тем учителями станичных и городских школ на Кавказе был опубликован — по инициативе Покровского — материал, относящийся к области игр, забав и словесности детей казачьих станиц Кубанской и Терской области.¹⁹ В последнее десятилетие прошлого века материалы, относящиеся к детскому фольклору, пополнились статьями Н. А. Иваницкого,²⁰ И. В. Нечаева,²¹ В. Н. Ястребова,²² г. Н. Потанина.²³ В 1900 г. П. В. Шейн, повторив материалы детской устной словесности в своем «Великорусе»,²⁴ прибавил большое количество нового материала из разных губерний (Рязанской, Курской, Владимирской, Самарской и пр.), еще раз подчеркнул обособленность детского фольклора, дав опыт его систематизации и характеристики разных его видов и подразделений.

С первого же года нового века накопление материалов по детскому фольклору пошло с большим оживлением. В. И. Чернышев дает новые материалы в хороших записях из Владимирской губернии.²⁵ В. С. Арефьев в напечатанных тогда же «Образцах народной словесности»²⁶ поместил тексты произведений разных видов детской словесности, дав краткие сведения о назначении и использовании их. Монография И. Я. Неклепаева²⁷ включает в себя отдел детских игр с относящимися к ним словесными произведениями. Д. К. Зеленин в «Отчете о диалектологической поездке в Вятскую губернию»²⁸ сообщил тексты (часть из них — в отрывках) произведений преимущественно игрового фольклора из малоизученной географической области.

Богатый содержанием труд В. Н. Добровольского²⁹ представляет большой интерес для изучения и быта, и устной словесности детей. Весьма разнородный материал для изучения детского быта и фольклора сообщен в работе П. Н. Тиханова,³⁰ где на многих страницах разбросаны сведения, тексты и замечания к ним наблюдателя, между прочим о переходе обычаев в детскую среду (с. 182-183, 200), о заимствовании некоторых игр у соседящих народов (с. 187), справки по истории игр (с. 192). Небольшой материал по детскому фольклору сообщает М. Г. Халанский в своем труде,³¹ из той же географической области опубликованы записи Е. Рязановой.³² Годом раньше вышел труд А. И. Мякутина,³³ содержащий тексты

разных жанров детской устной словесности. Около того же времени опубликовал свои наблюдения Г. Цейтлин,³⁴ снабдив их интересными указаниями и разъяснениями. Тогда же Б. Г. Герасимов в содержательном очерке³⁵ уделил внимание детскому быту, в частности детским играм и игровому фольклору, предваряя тексты краткими и вместе с тем обстоятельными указаниями и пояснениями относительно их использования и характера исполнения. Вскоре были опубликованы «Записки» о быте прибайкальского населения А. М. Станиловского,³⁶ содержащие тексты произведений детской поэзии нескольких жанров. Вслед за ними вышла в свет содержательная этнографическая монография А. Н. Молотилова,³⁷ автор которой оказался осведомленным и в области детского быта и фольклора. Обильный и разнородный материал сообщен А. Н. Соболевым в его со тщанием выполненном труде.³⁸ К нему и тематически, и топографически примыкает заслуживающая внимания статья Г. К. Завойко.³⁹ Игровой детский фольклор содержится в книге Б. М. и Ю. М. Соколовых.⁴⁰ Значительное собрание текстов из области детского фольклора, собранных в разных местах Семипалатинской области и Змеиногорского уезда Томской губернии, помещено В. Н. Белослюдовым.⁴¹ Здесь же следует упомянуть об относящемся к последним же предреволюционным годам труде Е. Ф. Карского.⁴² То, что говорит автор о белорусском детском фольклоре, в полной мере приложимо к нашей детской поэзии. К тому же он почти во всех случаях дает сопоставления белорусского материала с великорусским и украинским. Автор выделяет его из отдела произведений, составляющих поэзию пестования, как «песни собственно детские», хотя и отмечает черты их близости или даже общности. «Песни собственно детские» он делит на группы: «песни о дожде», «насмешки над именами», песни «полународного происхождения, пародирующие азбуку или счет», и др.

Большое внимание вызвали вопросы изучения детского фольклора после Великой Октябрьской революции. В 1920-х годах выходит в свет статья А. М. Поповой,⁴³ почти одновременно начинают появляться работы М. М. Зимина⁴⁴ и др.

Этот основной фонд печатных материалов, накопленных в продолжение столетия стараниями многих тружеников, восполняется рукописными собраниями некоторых научных обществ; доступ к самому богатому из собраний, принадлежащему Географическому обществу, облегчается замечательным трудом Д. К. Зеленина.⁴⁵ Обзор накоплений (заведомо неполный, но указывающий все сколько-нибудь существенное) показывает, какие географические области удовлетворительно представлены материалами, какие слабо или совершенно не представлены. В общей же сложности собран большой материал, но если обратить внимание на то, когда и где печатался этот материал, то станет

понятно, что, будучи разбросанным по многочисленным редким и потому малодоступным изданиям, он не поддается общему охвату. Уже в силу одной этой причины он до сих пор остается крайне малоизученным. Такое положение сохранится до тех пор, пока не будет создан полный свод накопленных материалов, относящихся к области детской устной словесности. Говоря о малой степени изученности русского детского фольклора, нужно все же иметь в виду, что начало теоретической разработки относящихся сюда вопросов можно считать положенным. Некоторые собиратели свои записи как сказано, сопровождали пояснительными замечаниями и попутными суждениями о смысле и значении наблюдаемого, делали попытки классификации материала.

Первые попытки классификации произведений детского фольклора нужно видеть в принимаемом разными собирателями порядке распределения материалов по группам на основании тех или иных признаков (А. Ф. Можаровский, П. В. Шейн и др.). Такие практические, теоретически не объясненные классификации не охватывают всего состава относящихся к вопросу материалов, тем не менее они вносят необходимый порядок в материал, определяют характерные черты и намечают основные (по крайней мере некоторые) особенности произведений, давая возможность выделить главнейшие их группы. В них можно усматривать раннюю стадию изучения детского фольклора или во всяком случае подсказ и указания этнографам-филологам на тему в нескольких ее разветвлениях и на желательный характер ее разработки. Ответом на эти указания послужили принадлежащие мне этюды, статьи и заметки, выходявшие на протяжении почти целого десятилетия (1924-1930 гг.).⁴⁶

В «Детском народном календаре» дан опыт постановки вопроса об особом отделе народоведческих изучений — о детской этнографии, обнимающей все стороны быта и творчества детей, в частности и детскую устную словесность. В этой работе, сверх того, приведен материал текстов и наблюдений и небольшое количество записей мелодий детских песен. Книжка «Детский фольклор и быт», написанная как практическое руководство к наблюдению над бытом, устной художественной словесностью и языком детей, содержит попытку определить объем и содержание понятий «детская этнография» и «детский фольклор», объяснить теоретическое и прикладное значение изучения детского быта и детской устной поэзии. «Детская сатирическая лирика» представляет собою этюд, посвященный установке термина «детский фольклор» и изучению одной обособленной группы фольклора: выяснению характера детской сатиры, классификации и описанию различных видов сатиры, установке связанных с ними частных названий и обозначений.

Этюд на украинском языке «Дитяча казка» написан с целью уяснения и разграничения понятий «детская сказка» и «сказка для детей». Монография «Детские игровые прелюдии» посвящена исследованию самого популярного и самого обширного отдела устной словесности — «считалкам». Она состоит из двадцати глав, примечаний, дополнений и текстов. В нее входят справка о записях текстов считалок на протяжении столетия, вопрос о происхождении этого жанра, классификация считалок, трактовка их как разновидности заговоров (в чем автор нашел единомышленника в лице Зеленина), вопросы о языке, об отражении считалок в творчестве поэтов и музыкантов. Вокруг этих работ возникла небольшая литература в виде статей и отзывов.⁴⁷

В 1928 г. вышла статья О. И. Капицы,⁴⁸ в которой даны обзор исследований и материалов и классификация изучаемых явлений; затем статья «Поэзия крестьянских детей»,⁴⁹ где указаны общие вопросы, связанные с трактуемой темой, задачи изучения произведений детского фольклора и характеристика их; «Детский фольклор»⁵⁰ — книга, содержащая в себе историю собирания и изучения, описание отдельных видов детского фольклора, главы, посвященные поэтике, теме о «культурных переживаниях» в произведениях детской устной поэзии и пр. «Детский фольклор» напоминает книгу из серии «Handb cher zur Volkskunde»: К. Wehrhan. Kinderlied Kinderspiel. Leipzig, 1909 — и представляет собою первый в русской литературе опыт обзора детской устной словесности, не свободный, однако, от некоторых недочетов. При попытках определить объем и содержание термина «детский фольклор» автор не имеет стойкого и четкого критерия для отнесения той или иной группы произведений к объекту его специального рассмотрения, поэтому в состав детского фольклора включены и произведения, лишь условно сюда относимые: колыбельные песни и тому подобные произведения из области материнской поэзии, или, что то же, поэзии пестования. Глава о поэтике и некоторые другие написаны поверхностно. Все же с выходом книги Капицы в свет заполнился пробел в изучении русского детского фольклора. Она снабжена указателем литературы, который можно рассматривать как первый опыт библиографии по поставленной теме; он не может считаться безупречным в отношении полноты, но почти все существенное в нашей литературе в нем перечислено. Разбросанные в разных местах книги сопоставления русских текстов с иноязычными, при всей их случайности представляют интерес, намечая вопрос о сравнительном детском фольклоре; полезны и указания на литературу о детском фольклоре на иностранных языках. Не являясь крупным вкладом в исследование детской устной словесности, этот описательный по своему характеру труд для лиц, занимающихся ее изучением, может слу-

жить удовлетворительным и к тому же единственным справочником.

Через два года после выхода в свет этой книги опубликованы две статьи, посвященные обзору изучений и рассмотрению методов изучения детской устной поэзии, в издании Всеукраинской Академии наук⁵¹ и два содержательных обзора изучения детского фольклора — русского и английского — в сборнике, изданном под редакцией О. И. Капицы Русским географическим обществом.⁵² Более подробный обзор деятельности О. И. Капицы в области детской устной словесности дан в ежегоднике «Советский фольклор».⁵³ В тот же промежуток времени (1928 г.) в Праге вышла книга С. П. Орлова,⁵⁴ дающая материал для сравнительного изучения (в пределах славянских языков) некоторых групп игрового фольклора.

В десятилетие, протекшее после выхода в свет последних специальных трудов, упомянутых здесь, наша литература обогатилась весьма скромными вложениями в нее. Заслуживают упоминания страница из статьи Н. П. Колпаковой-Карзубовой,⁵⁵ статья М. А. Рыбниковой⁵⁶ и несколько других. Накопление материалов продолжается в хранилищах научных учреждений.⁵⁷

Подводя итог, можно сказать, что к началу 1930-х годов текущего века оказались выясненными все главнейшие печатные, а частью и рукописные источники изучения русского детского фольклора; подвергнут общему обзору весь состав детского фольклора; довольно полно изучены некоторые — немногие — его виды; понята важность сравнительного изучения детского фольклора, в связи с этим обращено внимание на иноязычный детский фольклор; детская устная словесность введена в планы учебных занятий;⁵⁸ созданы руководства по собиранию и изучению памятников детского фольклора. Учреждением особой постоянной комиссии при Отделении этнографии Русского географического общества (1927 г.) детский фольклор был авторитетно признан достойным внимания ученых отделом науки о народном художественном творчестве в слове. Одновременно с некоторым безучастием и невниманием к детскому фольклору в широких общественных кругах происходит высокая оценка его в новой художественной литературе. В беллетристических произведениях последних десятилетий обращает на себя внимание одна особенность: привлечение писателями (можно назвать А. Н. Толстого, О. Д. Форш, М. А. Шолохова, Л. Н. Сейфуллину, В. А. Каверина) текстов из области детской устной словесности. Явление это не ново (Д. В. Григорович, Н. Кохановская, П. Н. Мельников-Печерский, позднее И. А. Бунин и др.), но прежде сравнительно редкое и малоприметное, у новейших писателей оно стало настолько заметным, что могло бы быть предметом специального обсуждения. В новейшей лите-

ратуре закреплена почти вся область детского фольклора, представленная несколькими видами и разновидностями. Эти виды и разновидности оказались замеченными большими и малыми художниками слова и вошли в литературу, получили оценку в теоретических высказываниях М. Горького.⁵⁹

2

Выделение детского фольклора из обширной области народной словесности подсказано специфическими его особенностями. Детский фольклор включает в себе такие жанры, которых нет в устной словесности взрослых; если некоторым жанрам детского фольклора и можно указать соответствие в устной поэзии, то только по отдельным признакам. Бытование произведений детского фольклора и носители его также различны в сравнении с тем, что мы знаем о фольклоре взрослых. Наличие этих различий будет понятно, если дать себе ясный отчет в том, какое место занимает устная поэзия в детской среде. Детский быт в целом, детские игры, забавы, развлечения, песни и труд, отношения к миру взрослых, к миру животных и растений и пр. не могут изучаться без знания общих условий детской жизни; их следует изучать не вырванными, а в условиях реальной обстановки, реальной жизни во всех ее проявлениях. Детская жизнь — не соединение разрозненных частей, а живое единство. Без грубого нарушения этого единства невозможно оторвать песню от игры, игру от норм неписаного («обычного») права и т. д. Нужно целостное изучение детского быта. Детство — его мир и быт — имеет свои особенности, в силу которых должен быть выделен для изучения ряд специальных вопросов, объединяемых в термине «детская этнография», в область которой входит существенным звеном и детский фольклор.⁶⁰ Являясь элементом обособленного детского быта и обособленной детской жизни, детская устная поэзия, можно судить априорно, будет своеобразным, особым явлением в области народной словесности. Отсюда вытекает определение: термин «детский фольклор» обнимает собою всю совокупность разных видов словесных произведений, известных детям и не входящих в репертуар взрослых; другими словами, термином «детский фольклор» обнимается то, что создано в слове самими детьми, и то, что, не будучи созданием детских поколений, вошло со стороны в их репертуар, выпав из репертуара взрослых.

Становясь в то или иное отношение к этому определению, надо помнить, что дело не только в формальном установлении или принятии термина, но в правильном понимании содержания обозначаемого им объекта изучения и тем самым в правильном ходе исследования, поисков и в правильном приложении методов.

Для детского фольклора при настоящем уровне знаний о

нем может быть предложена классификация только приближительная, уместающая в своих подразделениях главные виды входящих сюда произведений в грубых очертаниях. Это не классификация в терминологическом смысле слова, возможная только при более или менее полной изученности всей совокупности подлежащего исследованию материала, а предварительное и имеющее временное значение размежевание различных частей материала, необходимое в целях общего обзора предмета исследования в целом и в целях выделения по тем или иным признакам легко обособляющихся одна от другой частей для специального рассмотрения.

Обозреваемую область устного творчества по некоторым характерным признакам составляющих ее произведений можно разбить на несколько значительных по объему групп и отделов.

1. С разными условиями, обстоятельствами или рядовыми событиями крестьянской детской жизни связано исполнение разнородных произведений, которые можно обозначить как область бытового фольклора.

Одну подгруппу их составляют краткие стихотворные двустишия и четверостишия (другие объемы и формы редки): шуточные поздравления с обновой («обновка»), формулы прощания при ежедневном расставании с товарищем, с подругой («на прощанье», «на дорожку»), обращения к товарищу или подруге с просьбой чем-нибудь поделиться, что-нибудь одолжить («попрошайка»), песенки с перечислением дней недели, наконец, песенки, ни с чем не связанные, имеющие, так сказать, запасное значение. Все эти произведения исполняются обычно в домашней обстановке.

Другую подгруппу произведений бытового фольклора составляют приговорки или песенки, исполняемые вне дома — в поле, в лесу, на реке: за околицей при встрече коров, идущих с пастбища, в лесу при разрывании муравьиных куч, по дороге в лес за грибами, за ягодами, на обратном пути из леса, причем одни песенки связываются с желанием заранее узнать исход предприятия, исполнение других имеет целью обеспечить удачу в рыбной ловле, в поиске ягод или грибов. Этот круг произведений сельскохозяйственной детской словесности, прикрепленных к разным моментам несложного участия детей в заботах повседневной жизни взрослых, переплетается с другими циклами — произведениями календарного фольклора и магической поэзии.

2. Особую группу словесных произведений обнимает детский календарный фольклор. Он представлен преимущественно песнями, приуроченными к каким-либо приметным дням в году (к «календарным датам») и соединенными иногда с какими-нибудь обрядами. В прежнее время всюду были известны

новогодние посещения детьми соседских домов с «посеваньем» (разбрасыванием по полу) хлебных зерен и пением поздравлений-благожеланий хозяевам с добавлениями в виде песенного выражения благодарности за дар или в виде песен-зложеланий скупому хозяину, не ответившему каким-нибудь даром на песенное приветствие; столь же известны были рождественские припевы — стихотворные прибавления к церковной праздничной песне, колядки или рацейки, которые исполнялись детьми при посещении домов односельчан. Праздник масленицы в некоторых местностях также сопровождался обрядами (сжигание соломенной куклы) и песнями, исполняемыми детьми под окнами чужих изб. Обычай приветствовать обрядом и детским пением жаворонков (9 марта по старому стилю) был распространен повсеместно. Известен был весенний обычай исполнения детьми песни-обращения к Егорию Храброму в день первого выгона на пастбище скота. На исходе весны и при наступлении лета также исполнялись детьми обряды и песни (похороны «Костромы» и др.). Почти все эти обряды, несшие магическую функцию, и связанные с ними песни прежде исполнялись взрослыми или взрослыми с участием детей,⁶¹ но уже в начале XIX в. можно наблюдать, как многие обычаи, обряды и песни уходят из обихода взрослых и составляют содержание детской обрядовой поэзии.⁶² Процесс перехода произведений этого цикла из одной среды исполнителей в другую длился на протяжении всего прошлого и первых десятилетий нового столетия во всех частях страны, причем в одних местностях он совершался быстрее, в других — медленнее.⁶³ С переходом в детскую среду обряд упрощался; относящиеся к нему словесные произведения соответствующим образом видоизменялись, принимая меньший объем и более простую форму. В новом столетии календарный фольклор забывается и детской средой. Теперь этот отдел словесных произведений, отмирающих в жизни, занимает внимание ученых по праву давности в составе народной словесности и в специальной литературе, — по праву, обеспечиваемому за ним количественным и качественным богатством относящихся к нему произведений, и, наконец, по праву методологических удобств, обусловленных тем обстоятельством, что этот вид фольклора имеет законченный цикл существования: сравнительно легко проследить возникновение, распространение и последующие стадии его жизни; он на глазах историка народного быта выпал из состава фольклора взрослых, вошел в репертуар исполнителей из детской среды и теперь окончательно исчезает.

3. Магические тексты в детской устной словесности представлены некоторыми произведениями календарного и немногими — бытового фольклора. Но магическая функция их или затухает не всегда понятным по назначению и смыслу обрядом, или не столь ясно обозначена в полушутливой форме про-

изведения. Более четко и более вразумительно выражена эта функция в детских песенных заговорах и магических формулах.

Детские песенные заговоры, или заговоры-обращения, исполняются с целью вызвать желаемое действие со стороны животного, растения, явления природы. Таковы всемирно известные в разных вариациях обращения в стихотворной форме к божьей коровке, к жучкам, кузнечикам, к улитке, к ящерице, коршуну, воронам, галкам, чайке, гагаре, к растениям, к солнышку, дождику, ветру, радуге и др. У одних просят «соку», «молочка», показать рога; других просят пролететь мимо, не клевать и т. д.⁶⁴

Исполнением больших и малых обращений к воде обставлено летнее купанье; обращение к мышке или кошке-мышке с просьбой помочь вылить воду из ушей после купанья весьма распространено.

В числе песенных заклинаний встречаются и такие тексты, в которых мотивы подобных обращений служат только обрамлением мыслей и эмоций совершенно иного порядка (шутки, смешки, угрозы и под.).

Магические формулы представляют собою краткие (однословные или в один, в два стиха) словесные произведения, которые произносятся то пением-речитативом, то говорком про себя — по разным поводам: с целью закрепить за собою право на находку (чуранье), с целью наслать неудачу соперникам в игре (в городки, в бабки и т. п.), обеспечить собственный успех в ней. Не являясь органически связанным с какой-либо определенной игрой, т. е. не будучи ее частью или составным элементом, по желанию и усмотрению играющего магические формулы могут приурочиваться к некоторым ее моментам.⁶⁵

4. По количеству входящих произведений самой значительной окажется группа, для названия которой может служить термин «детский игровой фольклор», т. е. совокупность словесных произведений, имеющих не самодовлеющее значение, но входящих составными частями в более сложное образование — в игру. В пределах этого вида надо различать три подгруппы.

К первой относятся песенки, связанные с так называемыми формальными, постоянными играми. Игровые песни различаются между собою в зависимости от целевого назначения: одни полагают начин игре, другие служат для связи ее частей, третьи несут службу концовок; иные вводятся для замедления действия игры или в целях отвлечения внимания некоторых участников от ответственного момента игры и т. д.⁶⁶ Их назначением определяется их объем, строй, размер.

Вторую подгруппу образуют игровые прелюдии: молчанки, жеребьевки и считалки.

Термином «считалка» («счет», «счетка», «считка», «пересчет». и т. п.) обозначаются рифмованные произведения, используемые в качестве пролога или прелюдии к некоторым играм с целью установления роли участников игры или очереди начинать игру.⁶⁷

Прелюдией или прологом к играм, требующим разделения участников на две группы, служит жеребьевка — рифмованное произведение, состоящее обычно из обращения и вопроса.⁶⁸

В некоторых детских играх прелюдия разрастается настолько, что заслоняет собою главную часть игры или самую игру, перенося в Действие только конец ее, развязку. Такова, например, игра «в молчанки», начинающаяся прелюдией-уговором, в которой определяются последствия нарушения молчания. Название игры переносится и на прелудию-уговор: она тоже называется молчанкой.⁶⁹

К третьей подгруппе можно отнести произведения такого же в общем строения, что и молчанки, но связанные с игрой, имеющей совершенно иные, можно сказать — противоположные, задачи; это игра «в голосанки» («голосянку тянуть»), имеющая прелюдией-затравкой небольшое редко рифмованное произведение в 2-4 стиха, называемое голосянкой и исполняемое (хором) четким речитативом без каких-либо пауз.⁷⁰

5. К этой группе словесных произведений очень тесно примыкает потешный фольклор. Отличительной особенностью входящих сюда произведений, мешающей им слиться с произведениями игрового фольклора, является шутливый, забавный их характер. Эту группу составляют стихотворения, связанные с играми-импровизациями и — чаще — с забавами.

Здесь следует назвать весьма многочисленные забавы-звукоподражания, часто развертывающиеся в законченное словесное произведение (типа: «Тилинь-бом, загорел у кошки дом» и т. д.), исполняемые или одним голосом, или хором.⁷¹

К ним близки очень распространенные среди грамотных и неграмотных ребят тексты устной школярной словесности (типа: «Ер, еры — упал с горы» и т. д.), не всегда, правда, исполняемые пением. Изводом из школярной поэзии являются известные переключки с невидимкой (типа: «Кто была первая дева?». Эхо отвечает: «Ева»).⁷²

К потешному фольклору должен быть отнесен вид словесных произведений, которые называются у исполнителей (по забаве, с которой они связаны, и по начальному слову этих произведений) сечками, или секушками. В них задано число, которое требуется «высечь», не прибегая к счету. Они исполняются нараспев или — пожалуй, чаще — скандовкой, причем исполнитель быстро и мерно, в такт ударяет острым камнем, но-

жом, пером и т. п. по бумаге, по дереву. Число отметин при правильной скандовке отвечает заданному.⁷³ Чтением-скандовкой исполняются и скакалки, употребляемые при забаве, выражающейся в разных видах скаканья на одной ножке.⁷⁴

Произведения, составляющие перечисленные подгруппы, дают возможность наблюдать покорное, даже радостное подчинение детей привычному порядку воспринимать мир и установившейся традиции высказываться о нем. Наряду с ними можно указать круг произведений, в которых выражается совершенно противоположное отношение к вещам и явлениям мира, возбуждающим детское творчество, — озорное стремление противоречить очевидности и логике. Это чуть ли не всемирно известные под разными названиями стишки-перевертыши или стишки-небывальщины (типа «Ехала деревня мимо мужика»), исполняемые то пением, то чтением-приговоркой.⁷⁵

По признаку отрицания очевидности и непризнания логики, а отчасти и по условиям бытования, сюда же можно отнести сказку — единственный вид детской устной словесности, представленный прозой. Говоря о детской сказке, надо иметь в виду творимую детьми сказку⁷⁶ и традиционную сказку в детской редакции. В детской редакции или передаче мы имеем традиционную сказку или как эпическое рассказываемое произведение,⁷⁷ или как «олицетворенный эпос», т. е. сказку, переработанную в игру.

6. В близком родстве с потешным фольклором находится сатирическая лирика: в произведениях детской сатирической лирики — тоже забава, основанная на умении найти «задирающее за живое», тоже потеха, только иного порядка. Это лирика осмеяния, по смыслу — сатира в общем значении этого слова.⁷⁸ В отношении формы, построения, содержания произведения, входящие в этот круг, распадаются на две большие подгруппы: к первой относятся дразнилки и издевки, ко второй — все виды поддевок.

Под издевками понимаются небольшие произведения в (3-6 стихов, больше — редко), исполняемые с целью высмеять человека. Исполняются они обыкновенно хором.

В отличие от издевки двустихная дразнилка, произносимая говорком, включает в себе шутку-прибаутку, привязанную к имени, прозвищу или какому-нибудь — действительному или выдуманному — недостатку высмеиваемого,⁷⁹ — сверстника, или беззащитного взрослого человека, или животного, или домашней птицы; городские дети адресуют дразнилки даже статуям в садах или на площадях.

Поддевка представляет собою или искусственный диалог где следует ожидать возможности быть пойманным («подде-

тым») на слове (типа: «Скажи: двести. — Двести. — Сиди, — дурак, на месте»), или диалог естественный, в котором человек ловится на слове совершенно неожиданно для себя.⁸⁰

Поддевки отличаются краткостью и четкостью. Нередко они, направленные из одного ведущего лагеря в другой, цепляются одна за другую, образуя длинный ряд взаимно расточаемых острот, разрастаясь в большой диалог; реплики одной стороны при этом носят наступательный характер, реплики другой — оборонительный. Цепь острот удлинняется по мере того, как увеличивается число вынужденных или желающих принять участие в словесном бою.

Указанными разновидностями не исчерпывается богатство поддевок. Нельзя оставить без внимания разнообразные издевки-заманки, представляющие собою сравнительно развитой диалог, в котором одно лицо направляет разговор, а другому остается пассивная роль, заключающаяся в повторении условной фразы или слова (типа: «Я пойду в лес. — Я тоже»).⁸¹

Менее разнообразны, но не менее примечательны поддевки-сны. Это краткие стихотворные повествования о вымышленных сновидениях, имеющие целью «поддеть» простака, выразившего готовность выслушать «сон» (типа: «Я видал во сне, будто я...»).

В заключение рассказ, где сон использован как литературный прием, ставит простака-слушателя в смешное, обидное для него положение.⁸²

Подобные диалоги, приуроченные к различным моментам детского житья-бытья, многочисленны и весьма разнообразны. Интересны ходовые диалоги, сотканые из острых замечаний отставшему или опередившему в беге товарищу, занявшему худшее или лучшее место на общей постели, сказавшему неосторожное слово, и т. п.

Таково, в кратком перечислении, содержание понятия «детский фольклор» и таков объем его.

3

Разнородный состав видов детского фольклора подсказывает мысль, что вопрос о происхождении и источниках этого отдела народной словесности представляется более или менее сложным. Не одна русская народная словесность включает в себя как приметную часть детский фольклор; богато и разнообразно представлен он в устной словесности украинцев, белорусов, южных и западных славян и всех европейских народов; богат и разнообразен по составу детский фольклор у народов всех материков,⁸³ как и у народов нашей страны.⁸⁴

Наличие в составе фольклора всех, видимо, бесписьменных народов особого отдела детской словесности делает едва

ли не неизбежным, во всяком случае — возможным, допущение о существовании русского детского фольклора в прошлых веках, в ранние эпохи нашей исторической жизни, но каких-либо памятников, прямо или косвенно свидетельствующих об этом и позволяющих судить о составе и характере нашей древней словесности, не сохранилось. О составе и характере детского фольклора прошлых столетий можно судить только предположительно, на основании сравнений его с тем, что мы знаем о нем в наше время. В XIX-XX вв. наш детский фольклор в большей части его объема представляет собою извод из устной поэзии взрослых, особый ее вид или одну из ее стадий. Можно думать, что такое же соотношение между детским фольклором и устной поэзией взрослых было и в прошлом. Наши сведения о народной поэзии XVII-XVIII вв., при всей их количественной ограниченности, позволяют утверждать, что состав и формы ее консервативны, держатся упорно и долго, что она испытывала те же изменения, что и в последующее время, только, вероятно, в более медленных темпах; то, что в ней мало-помалу отмирало, едва ли сразу забывалось; вероятно, оно поступало «мальчишкам в забаву» и в своей совокупности составляло детский фольклор тех столетий. Видимо, подобный ряд соображений подсказал А. С. Пушкину, поэту-историку, мысль о том, что детская сатирическая лирика в конце XVI — начале XVII в. — по условиям бытования, по назначению и по характеру — та же, что и современная ему устная детская сатира, и текст дразнилки, которую он влагает в уста мальчишек, преследующих юродивого («Борис Годунов», Площадь перед собором в Москве), не был бы необычным в репертуаре детей последующих столетий.

Говоря о современном детском фольклоре как об изводе из фольклора взрослых, надо иметь в виду большую часть объема детского фольклора, но не весь его объем. Нельзя пренебречь высказываниями психологов и писателей, наблюдавших жизнь детей и детских обществ, о детском художественном творчестве в слове, его силе, обнаружениях и характерных особенностях (Л. Н. Толстой, Г. Холл, Г. Рибо и др.). В их показаниях содержится немало убедительных данных о самостоятельном поэтическом творчестве детей разных народов и разных слоев населения. В согласии с ними находятся наблюдения этнографов и фольклористов над бытом и художественным творчеством в детских массах у народов примитивной культуры, у культурных горожан, у мещан, рабочих и крестьян в разных странах. Можно привести немало фактических данных, показывающих, что некоторые произведения детской поэзии, возникшие и вошедшие в репертуар детских масс на глазах наблюдателей, представляют собою плоды вполне самостоятельного детского словесного творчества. Чаше всего это произведения из облас-

ти детской сатиры⁸⁵ или из области детской сказки,⁸⁶ реже это жеребьевки⁸⁷ или песенки-новотворки.⁸⁸ При всем том надо сказать, что в опубликованных записях фольклористов подобные материалы нечасты.

В подавляющем числе случаев детское словесное творчество выражается в переработке готового материала и приспособлении его к нуждам и потребностям детского быта. Обыкновенно таким операциям подвергаются произведения из фольклора взрослых, взятые полностью или — гораздо чаще — в извлечениях. Новые устные произведения получаются путем комбинирования отдельных частей разных текстов, причем взятые формы и рифмы перестраиваются в иные, новые связи. Заимствования делаются из разнородных песен, заговоров, скороговорок, загадок, сказок.⁸⁹ Многие тексты календарного фольклора, например детские рацейки, как сказано, являются прямыми потомками обрядовых песен, колядок, исполнявшихся прежде взрослыми.⁹⁰ Немало можно указать текстов детской устной словесности, являющихся неприкосновенным или перестроенным, перередактированным позаимствованием из книжных произведений: из стихотворений разных авторов, из опер, водевилей и пр.⁹¹ Заметное место среди произведений детского фольклора (главным образом считалок) занимают иноязычные тексты, неприкосновенно или с некоторыми изменениями включенные в репертуар русских детей. В русском репертуаре оказались тексты французские, немецкие, польские, еврейские, татарские, грузинские и др.⁹² Иногда (это происходит обыкновенно в пограничных областях, где народности или племена приходят в близкое культурное взаимодействие) наблюдаются многообразные переплетения разноязычных элементов в детской устной поэзии; детская среда берет или сохраняет при использовании чужезычный текст не полностью, а только частями, даже отдельными словами:⁹³ например, в игровые прелюдии детей украинцев Приморья проникли элементы корейского языка, в тексты детворы северного побережья Байкала проникли тунгусские слова;⁹⁴ равным образом слова, отдельные стихи или полные тексты русских прелюдий включаются в чужезычный репертуар: например, дети обских остяков пользуются русскими считалками.⁹⁵

Заимствования из иноязычной устной словесности в одних случаях обусловлены близким соседством и возникающим при этом условием двуязычием соседствующих народов. В других они объясняются разнородностью детского общества, в котором были иногда объединены представители разных слоев населения; грамотные и неграмотные дети, сельские школьники, немногие воспитанники бурсы, институтов, гимназий, приносящие в простонародную детскую среду новые запасы произведений, в том числе и тексты на чужом языке. Процесс передачи и ус-

воения облегчался свойствами и особенностями детского фольклора: везде, у всех народов много общего в условиях его бытования, поэтике и музыке.

4

Главнейшие виды детского фольклора у многих народов имеют много сходных черт, начиная с объема и построения. Произведения детской поэзии европейских народов, как и народов других материков, характеризуются небольшим объемом (в среднем 4-12 стихов) и элементарной композицией. Главные формы, которые встречаются в произведениях детского фольклора, устойчивы или постоянны. Как описание или как портрет-характеристика строится большая часть издевок, многие считалки. Как повествование строится иногда издевка, часто — считалка и сечка, постоянно — сказка. Соединение в одном произведении той и другой формы — явление частое. Наиболее употребительной формой является диалог. Поддевки строятся исключительно как диалоги с неодинаковым каждый раз числом компонентов; попрошайки обычно представляют собою диалог в котором последний или предпоследний компонент иногда поется; переключки с невидимкой («эхо») дают всегда большой или малый диалог; некоторые считалки строятся в диалогической форме. В отдельных случаях диалог входит звеном в произведения смешанной формы, где он примыкает к описанию или повествованию.

В эти формы укладываются все виды дразнилок и издевок (портрет, прозвище, эпиграмма, посрамление), вызванные желанием остановить внимание на внешнем облике осмеиваемого, на его характерных чертах, на чьих-либо действиях и поступках и пр. В основе дразнилок и издевок часто лежат формулы осмеяния, построенные как рифмованные прозвища, за которые цепляются обозначения признаков, действий и состояний, действительных или приписываемых осмеиваемому лицу. Желаемый эффект достигается различными приемами. Едва ли не на первом месте надо поставить умелое размещение в малом объеме с использованием кратких предложений необходимого для поставленных целей словесного материала. Логические ударения на последнем слове в стихе и отнесение смысловых доминант предложений — глагольных форм — к концу стихов задерживают внимание, заставляют ощущать каждый новый момент и направляют внимание слушателя в одну сторону. Стремительно набрасывается, таким образом, мазок за мазком, — и создается резкий, подчас грубый, но выпуклый образ. Часто в тех же целях применяется прием каламбурного осмысления имен — выведение из одного корня слов, этимологически неродственных («Витька» — «ветер», через «Витя» — «вити-рок»; «Женька» — «женюся» и т. п.).

Видное место занимают различные выражения субъективного отношения к вещам и лицам, вовлекаемым в круг объектов осмеяния, сказывающегося в преднамеренном и настойчивом вышучивании, умалении, поругании, в широком применении уменьшительных форм в качестве уничижительных. Во многих случаях уничижительная форма имен и прозвищ обостряется через привлечение эпитетов и сравнений. Обычно используются эпитеты субъективные, подсказанные настроением, а не простым и спокойным наблюдением изображаемого. Большая часть эпитетов — приложения, то простые, эпитеты-прозвища (типа «Петька-петух», «Мишка-медведь»), то составные (типа «Шурка-бурка-длинный нос», «Анна-банна-нога деревянна»). Поэтика детской сатиры отбирает эпитеты, созвучные с определяемыми словами. Гиперболизм свойствен сатире несомненно более, чем другим видам детского словесного творчества. Гиперболы разных видов в произведениях сатирической лирики часто слишком неестественны и громоздки (типа: некто съедает за один прием корову да быка, пятьсот поросят).

При наличии большого числа составных эпитетов детская сатирическая лирика имеет очень незначительный запас эпитетов сложных (типа «мохноногий»). Этот недостаток поэтических средств изображения восполняется использованием сравнений. Сравнения детской сатиры стоят в ближайшей связи с миром, окружающим исполнителей издевок: объектами сравнений являются предметы, находящиеся у детей всегда перед глазами. В отношении выражения одни сравнения передаются при помощи слова «как» (типа «как клубок»), другие представляют собою обстоятельства в творительном падеже (типа «голова сучком»).

Исполнители стихотворных произведений детской словесности (а не стихотворна у детей только сказка) сообразуются с законами ритма и меры, подсказанными непосредственным чутьем. Ритм и мера строжайшим образом соблюдаются и не могут не соблюдаться в считалках и сечках; в других видах детской словесности, например во многих произведениях сатирической лирики, допускаются перебои, т. е. вольности, нарушающие ритм и размер. Чутко относясь к складу стихотворной речи, предназначенной для произнесения (например, в считалках, сечках), в произведениях хоровой поэзии, т. е. предназначенных для пения, исполнители не всегда замечают нарушения ритма и меры. В пении «ухабы», или перебои ритма, прикрываются протяжением отдельных гласных, затем — фонетической деформацией слов: перемещением ударений и использованием наличных акцентных дублетов; в отдельных случаях в тех же целях пользуются вставками частиц и слов, не заключающих в себе никакого определенного содержания (так называемые заумные слова).

В произведениях детского фольклора наблюдается ясно выраженная тенденция (обусловливаемая преобладанием ямбических и хореических размеров) избегать как малосложных, так и слишком многосложных стихов. Число слогов в стихах одного текста обыкновенно колеблется в пределах от 3 до 5, от 4 до 7, от 6 до 8; отклонения сравнительно редки. Встречаются произведения с одинаковым количеством слогов (и ударений) в каждом стихе. В отдельных случаях наблюдаются парами трех- и четырехсложные стихи, семи и восьмисложные или правильно чередуются четырех- и шестисложные, восьми- и семисложные. В значительной части текстов (чаще всего издевок) каждый стих несет на себе 2 или 4 ударения.

Преобладание хореических и ямбических размеров едва ли случайно: видимо, ямбохореическая артикуляция наиболее свойственна детям. Использование главным образом этих двух размеров отражается на музыкальной стороне произведений, внося некоторое разнообразие в исполнение. Мелодия большей части произведений детской словесности очень несложна, и в исполнении их каких-либо забот о художественной выразительности не наблюдается. В зависимости от использования хорея или ямба меняется мелодия: хореический размер дает ей окраску живости, задора; ямбическое построение несколько замедляет темп.

В размерах часто наблюдаются перебои, так как доминирующие метры (ямб и хорей) свободно допускают многообразные замены и смены одной стопы стопой другого порядка; с внесением малых цезур заметно меняется ритм. Ямбические и хореические формы являются господствующими, но они часто нарушаются внесением других метров, образованных стопами, расположенными в произвольной последовательности. В некоторых случаях мы встречаемся с особенностями народного стиха, где не всегда применимо деление на стопы и невозможно четкое определение размеров.

Среди произведений детской устной словесности встречается значительное количество с одними мужскими рифмами; есть и с одними женскими окончаниями; обыкновенно же наблюдаются произведения на два ряда окончаний; чередование мужских и женских рифм в одних случаях правильное, в других — неправильное. Большим числом текстов представлены рифмы парные, или смежные (по схеме а-а-В-В); нередко рифмические периоды с прерванной рифмой, т. е. с нерифмующими нечетными стихами (а-В-с-В), к которым можно отнести и тексты с нерифмующими четными стихами (а-В-а-с); в некоторых четверостишиях рифмуют или первые два, или последние два стиха (а-а-В-с, а-В-с-с). Трехстишия обыкновенно бывают построены на одной рифме и срифмованы по разным схемам

(а-а-а, а-а-Ь, а-Ь-Ь). Рифмические периоды в пять стихов строятся на двух рифмах (а-а-а-Ь-Ь или а-а-Ь-Ь-Ь), иногда с симметричным расположением рифм (а-а-Ь-с-с). В некоторых текстах встречаются приближения к точной рифме. Кроме рифм-концовок, наблюдаются рифмы строчные, т. е. созвучия, получающиеся рифмованием отдельных слов в разных местах внутри стиха.

Богатство рифм и разнообразие приемов пользования ею, надо думать, находятся в связи с обилием и разнообразием источников, питающих детское словесное творчество.

Рифмы — не единственный вид «украшающих» средств устной детской поэзии. Дети вступают в общение с окружающим миром через звуки. Внимание и любовь к звукам нашли выражение, и в детской обыденной речи, и в поэтической, с наибольшей полнотой — в считалках. В считалках, в зависимости от их назначения и характера, образно-смысловые элементы отодвинуты на второй план и господствует звуковая сторона, хотя она и не является преднамеренно подчеркнутой. Подсознательный выбор звуков дает в результате гармонию гласных, звуковые повторы, аллитерации, — то, что принято называть звуковой инструментровкой. Гармония гласных особенно строго соблюдается там, где устранены все преграды, мешающие выбору звуков, в полной мере отвечающих эстетическому вкусу, — именно в текстах с большим числом заумных стихов (а: «каба-каба-кабака, была яма глубока»; е, э: «эйсэн-бэксэн, барба-клэцкем» и т. п.). Звуковые повторы и аллитерации рождаются благодаря пристрастию к тем или иным определенным звукам и их сочетаниям; обыкновенно это слова звукоподражательного смысла, игра свистящими, шипящими, губными. В многих случаях, но встречается инструментровка на один звук (з: «пузо-вузо Лаперузо» и т. п.); более часты случаи инструментровки на два согласных (ш, л: «шишел, вышел, вон пошел, надел шапку и ушел» и т. п.). Излюбленная инструментровка — на сочетание ст («турстень-перстень», «косток-мосток» и т. п.).

В отдельных случаях ставятся и посылно разрешаются более сложные задачи: сочетание звукописания с тематикой (ц: «ца-паца-постригается овца, завтра масленица»; ср. лязганье ножниц при стрижке овец); сочетание звукозаписи с патетикой (н: «на няню сказали, няня клянется: не я» и т. д.).

Если текст состоит из слов, не дающих звукописи, инструментровка создается использованием осознанного приема, заключающегося во введении правильно повторяющихся чередований звукоподражательных или парных слов («чики-брики», «цынзы-брынзы» и т. п.). Заумный элемент встречается и в устной поэзии взрослых, но в детском фольклоре он несравнен-

но богаче и несет более разнообразные функции. Точно так же и названия чисел изредка встречаются в поэзии взрослых, но нигде, ни в каком другом виде словесных произведений они не присутствуют столь изобильно, как в детском фольклоре, а именно в считалках. Количественный и порядковый счет, для всех других литературных видов — внелитературный материал, здесь приобретает совершенно иное значение. В одних случаях числительные не подвергаются никаким внешним изменениям («раз, два — кружева, три, четыре — прицепили» и т. д.), но самым включением в ткань стихотворного произведения этот внелитературный элемент принимает иную окраску, иной характер, иное эмоциональное и даже смысловое насыщение; в других случаях он изменяется при этом и в отношении формы (первый, второй — «первишки, другишки; первешки, другешки; перводан, другодан» и т. п.). Больше изменений претерпевают числительные количественные, которые к тому же находятся в большем употреблении, нежели числительные порядковые; наряду с обычными числительными во многих текстах встречаемся с формами видоизмененными или совершенно новыми («один» или «раз» — «ази», «анзи», «ранцы», «разум», «анчин», «раджи», «разин», «ранзен», «айс», «аз», «азики»; «два» — «дванзы», «дванцы», «двазум», «дванчик», «дваджи», «двазин», «дванзан», «звай», «двазики» и т. д., кончая числом «десять»). Эти названия чисел идут из разных источников: некоторые образуются через изменение слов по тому принципу, которым дети пользуются при создании искусственных, в частности секретных, языков («анзы», «ранзы» и т. д.).⁶ В считалке подобные образования вызваны не необходимостью сокрытия тайны, а установкой, свойственной заговорам, на непонятное, таинственное. Отказом от общеупотребительных названий чисел художник, положивший начало счету необычному, хотел бы, по видимому, повысить впечатление от будничной категории слов, сообщить характер необычности, придав им форму и обличье зауми. Если возможность необычных форм понятна, то происхождение многих слов — названий чисел — не всегда ясно. Значение отдельных слов узнается по связи их с другими словами того же порядка (например, значение слова «волынзы» определяется положением его между «тринзы» и «пятан»; значение слов «латам», «шума» и др. определяется положением; их после «пятам»). Вероятно, в этих названиях чисел мы имеем дело с влиянием словаря картежников (ср. детские числительные «дуб», «крест» с названиями карт «буби», «крести»; ср. также; текст считалки «на колоде сыграл, пятьсот снял»). Разными путями в русскую считалку проникли из чужих языков слова — заместители числительных (нашим «пяда», «лада», «деревен» соответствуют «rade», «lade» чешской считалки, «дервен» считалки; болгарской).

Счетные слова, как и заумь, несут не одну функцию — служить «украшением» произведения или заменять аккомпанемент; они служат и композиционным целям: вплетаясь в произведение, перевивают отдельные его компоненты дважды, трижды или многократно и дают лексические повторения, в которых выявляется музыкальная стихия жанра, объединяют словесные массы в некоторую совокупность, соединяют отдельные части в стройное единство. По лексическим повторениям, как по ступенькам, часто разворачиваются считалки, построенные в диалогической форме («Цынцы-брынцы, куда? — Цынцы-брынцы, на базар» и т. д.). Этим приемом совершается перестройка прозаического текста в стихотворное произведение. Чтобы заставить прозаический текст звучать подобно стихотворению, в готовую словесную ткань требуется ввести несколько стройных звуков или рядов их и заставить их возвращаться через правильные промежутка времени. Влитые и затем то и дело возвращающиеся одни и те же сочетания звуков («чики-брики», «атум-батум» и т. п.) создают впечатление стройной рифмы, намечающей паузы и разделяющей сплошную речь на части. Это придает другой строй и новый характер исполняемому словесному произведению. (Прозаический диалог звучал бы так: «Ты куда? — На базар. — Зачем? — За овсом. — Кому? — Коню» и т. д. Перестроенный, он звучит мерно, как стих: «Чики-брики, ты куда? — Чики-брики, на базар. — Чики-брики, ты зачем? — Чики-брики, за овсом. — Чики-брики, ты кому? — Чики-брики, я коню» и т. д.)

Подобно зауми применяются и счетные слова. Иногда они образуют начин считалки («Раз, два, три, четыре — меня грамоте учили» и т. д.). Часто они составляют первый стих компонентов, входящих в состав большого текста считалки и образующих в нем ритмические ряды. Ритмический ряд начинается или одним и тем же стихом, т. е. счетом, в каждом ряде возвращающимся к началу «Раз, два три — это, верно, ты. Раз, два, три, четыре, пять — это, верно, ты опять. Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь — это, значит, ты совсем»), или счетными словами, бесперебойно идущими от компонента к компоненту, как из ступени в ступень («Раз, два — кружева; три, четыре — прицепили; пять, шесть — кашу есть» и т. д.). В таких случаях комбинирования основной ткани текста с заумью или счетными словами всему произведению сообщается своеобразный и стойкий характер, основанный на единстве общего впечатления. Подобное же наблюдаем и в случаях кольцевого построения считалки, когда стих из счетных или заумных слов, начинающий произведение, повторяется в замыкании.

Считалка представляет наиболее законченную форму детской устной словесности и оценку поэтов получила бесспорную. Считалка вливается возбуждающей струей в творчество В.

Брюсова.⁹⁷ Вообще же нужно сказать, что мелодии детского фольклора должным образом еще не записаны и мы имеем весьма слабое представление о народной детской музыке.⁹⁸

5

Временем исполнения большей части видов детского фольклора являются весна и лето. Постоянное исключение составляет некоторая часть календарного фольклора: рождественские рацейки, колядки, новогодние поздравления. Неполностью подчиняются этому приурочению произведения сатирической лирики (поддевки разного рода), отчасти произведения потешного фольклора, например сечки, сказки; постоянное присутствие взрослых членов семьи в доме в холодную часть года стесняет или оттесняет детей-сказочников, искусство которых с большей полнотой раскрывается в своей, детской среде.

По связи с временем года определяется и место исполнения произведений детской словесности: обычно это происходит на улице, т. е. под открытым небом. Исключение составляют (и то, кажется, не везде) произведения календарного фольклора (святочные и новогодние, которые поются в избах), отчасти произведения потешного фольклора (сечки, сказки) и поддевки, исполнение которых не строго и не постоянно связано с каким-либо местом.

Хранители и исполнители произведений рассматриваемой ветви народной словесности — дети в возрасте от 6-7 до 12-13 лет, мальчики и девочки. Весь или почти весь состав детской словесности каждой данной местности хорошо известен тем и другим, но репертуар мальчиков и репертуар девочек все же разнятся. У мальчиков на самом видном месте стоят произведения сатирической лирики, девочки ими пользуются заметно реже; главное в содержании репертуара девочек — песенки и считалки; мальчики пользуются тем и другим, но, видимо, с меньшей охотой и с меньшим искусством. Переключки («эхо»), сечки, жеребьевки исполняют почти исключительно мальчики; то же надо сказать о произведениях календарной словесности — рацейках, колядках, новогодних поздравлениях. Обновки, прощанье и т. п. более всего знакомы девочкам. Одинаковое положение в репертуаре тех и других занимают голоса́нки, молчанки, песенные заговоры.

Среди исполнителей и исполнительниц разного рода словесных произведений надо различать рядовых участников игр, забав и общественной детской жизни и мастеров, артистов. Рядовые члены детских групп знают, например, 3-4 текста считалок; репертуар мастера содержит 10 и более текстов.

Репертуар школьников и школьниц в количественном отношении много богаче и по составу разнообразнее репертуара

неграмотных детей. То же соотношение для отдельных видов фольклора, например для считалок, наблюдается между репертуаром городских детей и детей деревенских. Сельские неграмотные дети — хранители бытовых и поэтических традиций; дети-школьники, особенно горожане, — нарушители преданий, обновители состава детского фольклора в той или другой его части.

В тех видах фольклора, которые представлены исключительно или почти исключительно традиционными произведениями (считалки, сечки, молчанки, рацейки), одаренность исполнителей обнаруживается в незначительных изменениях текстов или комбинировании отрывков различных текстов в новые соединения, приспособлении их к потребностям того или иного момента. Другие виды Детской устной словесности (сатирическая лирика, жеребьевки, сказки) допускают более широкое приложение дарований, и здесь можно наблюдать не только новые редакции традиционных текстов, но иногда и новые произведения разных достоинств — то не получивших полного одобрения в детском обществе и скоро забытых, то признанных годными к употреблению и вошедших в местный репертуар.

6

Почти все наблюдения, касающиеся происхождения, бытований, поэтики основных видов русского детского фольклора, приложимы к детскому фольклору инаязычному. Например, считалки, которые носят в разных местах и у разных народов различные названия, везде употребляются с одинаковыми целями, имеют один общий смысл, несут одни и те же свойства. Достаточно указать на белорусские и украинские личилки,⁹⁹ сербские и болгарские брояницы, чешские *positadlo*, польские *kurzu rasierz*, представленные в специальной литературе довольно богато,¹⁰⁰ немецкие *Abzdhlreime*, *Auszdhlreime*, *Abzdhlverse*, известные в многочисленных записях,¹⁰¹ английские *coutind-out*,¹⁰² французские *formulettes d'elimination*,¹⁰³ арабские, еврейские и многих других народов разных материков.¹⁰⁴

Отдел детского фольклора, обозначаемый как песенные заклинания, представлен несравненно меньшим числом текстов, но географическая распространенность и устойчивость его не менее поразительны. Обращения к растениям, насекомым, птицам, к стихиям также всюду невелики по объему и везде имеют один — обыкновенно двух- или трехчастный — строй.¹⁰⁵ Теми же чертами характеризуются произведения этого старейшего из жанров и в инаязычном фольклоре.¹⁰⁶

Некоторые виды русского потешного фольклора, например школярные песенки, также находят себе параллели в инаязычном фольклоре,¹⁰⁷ то же можно сказать о календарном детском

фольклоре.¹⁰⁸ Даже не представленные значительным числом текстов произведения детской сатиры, построенные в форме диалога, имеют полное соответствие в иноязычном детском фольклоре.¹⁰⁹

Сравнительное изучение детского фольклора имеет особую привлекательность и обещает положительные результаты. В первых же опытах его применения оно способно повлиять положительным образом на приток сведений, относящихся к обширной теме о путях возникновения и развития поэтических жанров и к не менее обширной теме о путях культурного взаимовлияния народов, так или иначе приходивших между собою в соприкосновение (см. раздел 3).

Теоретическое, или научно-философское, значение детской устной словесности определяется той ролью, которая выпадает на ее долю в общем движении фольклористики. Перед фольклористами давно поставлен и в значительной мере освещен вопрос о создателе и носителе устной поэзии, — изучение детского фольклора выясняет один из частных, но важных примыкающих сюда вопросов: с каким запасом материалов, художественных образов, средств языка, литературных приемов и пр. растет в тот или иной момент, в ту или иную пору жизни поколение, в зрелом возрасте выделяющее из своей среды сказителей, певцов, потешников-балагуров. Для фольклориста-теоретика интересны «бесконечно малые величины» — исходные формы произведений народной словесности, — внимание к детскому фольклору обогащает его не только материалами для суждений о синкретизме народной поэзии, но и запасами предельно простых форм описания, повествования, диалога, сжатых и грубовато-простых зачатков сатиры, элементарных литературных приемов (сон как литературный прием; письмо как литературный прием и т. п.) и пр. Фольклорист дорожит возможностью видеть все условия бытования и все аспекты жизни того или иного вида устно-словесных произведений, — изучение детского фольклора открывает перед ним возможность для наблюдения за существованием известной части произведений общего фольклора (песни, сказки, заговоры, загадки) в двух аспектах: в устах взрослых носителей и в устах представителей детской среды. Для уяснения не безразличных фольклористу судеб народной поэзии внимание к детскому фольклору открывает ряд словесных произведений, которые, перестав существовать в среде взрослого населения, выпав из состава его репертуара, спустились в другую среду — «мальчикам в забаву»; перед фольклористом здесь — процесс отмирания жанра, ухода его из одной среды носителей в другую среду и вместе — процесс перерождения одних жанров в другие. Для исследователя словесного искусства и ученого-музыканта здесь открывается еще один интересный момент: воспринятое из среды взрослых и

приспособленное для новых нужд в детской среде, постепенно забываясь, окончательно погибает или, привлекая внимание музыкантов и художников слова (напоминая Ашукина, Брюсова, Гречанинова, Мусоргского, Лядова), питает их творчество, претворяется в нем и, в преобразованном виде, возвращается в среду взрослых иного культурного уровня. Для фольклористов — историков быта и этнографов детский фольклор дает материал к теме о культурных «переживаниях» (элементы утраченных верований и культов) и исторических воспоминаниях (татарщина, крепостное право и пр.), — материал, не сохраненный другими видами народной словесности.

Эти общие замечания показывают, что детский фольклор — не случайное собрание бессвязных явлений и фактов, представляющее собою «маленькую провинцию» фольклористики, интересную для психолога и представителя научной педагогической мысли или преподавателя-практика и воспитателя; детский фольклор — полноправный член в ряду других, давно признанных отделов фольклористики.

Примечания:

¹ См.: Карамзин Н. М. История государства Российского, т. 1. Изд. 1-е. СПб., 1818, с. 91; Авдеева К. А. 1) Записки и замечания о Сибири. М., 1837, с. 56; 2) Записки о старом и новом русском быте. СПб., 1842, с. 61-62, 125.

² См.: Якушкин П. И. Путевые письма из Новгородской и Псковской губерний. СПб., 1860, с. 177-178.

³ См.: Попов В. А. Следы исторической мысли в жеребьях детских игр. — Вологод. губ. ведомости, 1860, № 49, с. 342.

⁴ Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1862.

⁵ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка, т. 1-4. М., 1861-1867.

⁶ См.: Потанин Г. Н. Юго-западная часть Томской губернии. — В кн.: Этнографический сборник Русского географического общества, вып. 6. СПб., 1864, с. 59-60.

⁷ Бессонов П. А. Детские песни. М., 1868. — История создания и появления этой книги в свет рассказана автором позднее в его брошюре "К вопросу о собирании и издании памятников народного песнотворчества" (М., 1896, с. 31-32).

⁸ См. программу издания его материалов: Киев. унив. изв., 1897, № 2, Прибавл. 4, с. XXII-XXIII.

⁹ Капица О. И. Первый сборник детского фольклора. (Памяти П. А. Бессонова). — В кн.: Детский быт и фольклор. Л., 1930, с.

II-12.

¹⁰ См.: Шейн П. В. Русские народные песни. М., 1870, с. 1-82.

¹¹ См.: Кудрявцев В. Ф. Детские игры и песенки в Нижегородской губернии. — В кн.: Нижегородский сборник, т. 4. Изд. Нижегород. губ. стат. комитета, 1871, с. 167-238.

¹² См.: Садовников Д. Н. Этнографические материалы Поволжского края. — Симбир. губ. ведомости, 1874, № 46, 47, 51.

¹³ См.: Можаровский А. Ф. Очерки жизни крестьянских детей Казанской губернии в их потехах, островах, стишках и песнях. — Тр. Этногр. отд. О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, 1877, кн. 4, с. 102-139.

¹⁴ См.: Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения. Архангельской губернии, ч. 1. М., 1877, с. 153-156 (Изв. О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии (Тр. Этнограф. отд.), 1877, т. 30, кн. 5, вып. 1).

¹⁵ См.: Голышев И. Детские песни в слободе Мстере Вязниковского уезда. — В кн.: Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета, т. 2. Владимир, 1878, с. 89-97.

¹⁶ См.: Костомаров Н. И. Великорусская народная песенная поэзия. — Вестн. Европы, 1872, т. 6, с. 540-541; Буслаев Ф. И. Сравнительное описание народного быта и поэзии. — Рус. вестн., 1872, т. 102, с. 692-693

¹⁷ См.: Хрущов И. П. О материалах для этнографии уличной жизни детей, собранных К. С. Рябинским. — Изв. Рус. геогр. о-ва, 1885, т. 21, вып. 6, с. 540-551.

¹⁸ См.: Покровский Е. А. Детские игры, преимущественно русские. М., 1887 (изд. 2-е, испр. и доп.-М., 1895).

¹⁹ Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. 5. Тифлис, 1886, с. 119-208.

²⁰ См.: Иваницкий Н. А. Материалы по этнографии Вологодской губернии. — Изв. О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, 1890, т. 69, с. 156-164.

²¹ См.: Нечаев И. В. 1) Игры и песенки деревенских ребят Лаишевского уезда Казанской губернии. — В кн.: Живая старина, вып. 4. СПб., 1891, с. 214-226; 2) Игры деревенских детей Лаишевского уезда. — Изв. О-ва археологии, истории и этнографии при Казан. ун-те, 1894, т. II, вып. 6, с. 495-510.

²² См.: Ястребов В. Н. Материалы по этнографии Новороссийского края. Одесса, 1894, с. 88-108.

²³ См.: Потанин Г. Н. Этнографические заметки на пути от г. Никольска до г. Тотьмы. — В кн.: Живая старина, вып. 2. СПб., 1899, с. 167-235.

²⁴ Шейн П. В. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, ве-

рованиях, сказках, легендах и т. п., т. 1, вып. 1. СПб., 1898, с. 3-51.

²⁵ См.: Чернышев В. И. Материалы для изучения говоров и быта Мещовского уезда. — В кн.: Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук, т. 70, № 7. СПб., 1901, с. 1-205.

²⁶ См.: Материалы по этнографии Енисейского уезда. — Изв. Вост.-Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва, 1901, т. 32, кн. 1-2, с. 3-4.

²⁷ См.: Неклепаев И. Я. Поверья и обычаи Сургутского края. — Зап. Зап.-Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва, 1903, кн. 30, с. 87-93.

²⁸ См.: Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук, т. 76, № 2. СПб., 1903, с. 26, 35, 80, 87 и др.

²⁹ См.: Добровольский В. Н. Смоленский этнографический сборник. ч. 4. М., 1903.

³⁰ См.: Тиханов П. Н. Брянский говор. Заметки из области русской этнологии. — В кн.: Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук, т. 76, № 4. СПб., 1904, с. 180-209.

³¹ См.: Халанский М. Г. Народные говоры Курской губернии. — В кн.: Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук, т. 76, № 5. СПб., 1904, с. 325, 372, 378.

³² См.: Рязанова Е. Материалы по этнографии Курской губернии. — Тр. Курск. арх. комис., 1911, вып. 1, с. 177-184.

³³ См.: Мякутин А. И. Песни оренбургских казаков, вып. 4. СПб., 1910, с. 8-14.

³⁴ Цейтлин Г. Народные игры в Поморье. — Изв. Архангельск. о-ва изучения русского Севера, 1911, № 13, с. 111.

³⁵ См.: Герасимов Б. Г. В долине Бухтармы. — Зап. Семипалат. подотд. Зап.-Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва, 1911, вып. 5, с. 1-115.

³⁶ См.: Станиловский А. М. Записки Антона Михайловича Станиловского. — Тр. Вост.-Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва, 1912, № 7, с. 167-171.

³⁷ См.: Молотиллов А. Н. Говор русского старожилого населения Северной Барабы. — Тр. Томск. о-ва изучения Сибири, 1913, т. 2, вып. 1, с. 33-219.

³⁸ См.: Соболев А. Н. Детские игры и песни. — Тр. Владимир. учен. арх. комис., 1914, кн. 16, с. 1-48.

³⁹ См.: Завойко Г. К. Колыбельные и детские песни и детские игры 1 у крестьян Владимирской губернии. — Этногр. обозр., 1915, № 1-2, с. 119-133.

⁴⁰ См.: Соколов Б. М., Соколов Ю. М. Сказки и песни Белозерского края. М., 1915, с. 486.

⁴¹ См.: Белослюдов В. Н. Материалы по этнографии. — Зап. Семипалат. подотд. Зап.-Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва, 1917, вып. II, с. 1-3.

⁴² См.: Карский Е. Ф. Белорусы, т. 3. Очерки словесности белорусского племени. Народная поэзия. М., 1916, с. 231-235.

⁴³ См.: Попова А. М. Детские игры и забавы в сибирской деревне. — Сибирская живая старина, 1923, № 1, с. 106-120.

⁴⁴ См.: Зимин М. М. Жизнь костромских деревенских детей в народной поэзии. — Октябрь, Кострома, 1926, № 4, с. 53-58, № 7-8, с. 65-67.

⁴⁵ См.: Зеленин Д. К. Описание рукописей архива Русского географического общества, вып. 1-3, Пг., 1914-1916.

⁴⁶ Главнейшие из них: Детский народный календарь. — Сибирская живая старина, 1924, № 2, с. 55-86, и отдельно; Детский фольклор и быт. Программа наблюдений. Иркутск, 1925; Детская сатирическая лирика. — Сибирская живая старина, 1925, № 3-4, с. 65-106 и отдельно; Детские игровые прелюдии (там же, 1928, № 7, 1929, № 8-9; эти публикации составили первые девять глав книги «Русский детский фольклор» (кн. 1, Иркутск. 1930)); Из наблюдений над детским потешным фольклором. — В кн.: Детский быт и фольклор. Сб. 1. Л., 1930; Дитяча казка. — Бюл. Етногр. комис., 1930, № 14.

⁴⁷ См.: Азадовский М. К. Беседы собирателя. Иркутск, 1924; Соколов Б. М., Соколов Ю. М. Поэзия деревни. М., 1926, с. 136; Муратов М. В. Предисл. — В кн.: Петров В. В. Быт деревни в сочинениях школьников. М., 1927; Капица О. И. 1) Детский фольклор. Л., 1928, с. 26-28; 2) Библиография по детскому быту, фольклору и языку. — В кн.: Детский быт и фольклор, с. 42-44. — В известной мере эти работы отразились на последующем изучении детского фольклора (ср.: Попова А. М. Детские игры и забавы в сибирской деревне; Заглада Н. Побут селянсько дитини. Кипв, 1929).

⁴⁸ См.: Капица О. И. К вопросу об изучении детского фольклора. — Изв. Рус. геогр. о-ва, 1928, т. 60, вып. 1, с. 59-79.

⁴⁹ См.: В помощь просвещенцу. Ежемес. Наркомпроса АК ССР 1928 № 3-5, с. 28-39.

⁵⁰ См. упоминавшуюся выше книгу О. И. Капицы «Детский фольклор».

⁵¹ См.: Капица О. И. Дитячий фольклор. — Бюл. Етногр. комис., 1930, № 14, с. 3-13.

⁵² См.: Капица О. И. Библиография по детскому быту, фольклору и языку (с 1917 по 1928 гг.); Обзор некоторых трудов по детскому фольклору на английском языке. — В кн.: Детский быт и фольклор, с. 42-56.

⁵³ См.: Виноградов Г. С. О. И. Капица. (Некролог). — Сов. фольклор, 1940, № 7, с. 235-239.

⁵⁴ См.: Orlov S. P. Hry a pisne deti slovanských. Praze, 1928.

⁵⁵ См.: Колпакова-Карзубова Н. П. Промысловые мотивы в фольклоре Терского берега, — В кн.: Сборник статей к сорокалетию

ученой деятельности акад. А. С. Орлова. Л., 1934, с. 235-236.

⁵⁶ См.: Рыбникова М. А. Детский фольклор и детская литература. — Лит. критик, 1935, № 1, с. 154-169.

⁵⁷ См.: Астахова А. М. Рукописное хранилище при фольклорной секции Института антропологии и этнографии Академии наук. — Сов. фольклор, 1935, № 2-3, с. 435 и след.

⁵⁸ См.: Бродский Н. Л., Гусев В. Е., Сидоров Н. П. Русская устная словесность. М., 1924, с. 48; Азадовский М. К. Сибирские темы в народной словесности. Иркутск, 1925, с. 6.

⁵⁹ См.: Горький А. М. Литературу — детям. О литературе. Статьи и речи 1928-1935 гг. М., 1935, с. 157-159.

⁶⁰ См.: Виноградов Г. С. 1) Детский народный календарь, с. 3-10; 2) Детский фольклор и быт, с. 5-10.

⁶¹ См.: Харузина В. Н. Об участии детей в религиозно-обрядовой жизни. — Этногр. обозр., 1911, № 1-2, е. 1-78.

⁶² См.: Владимиров П. В. Введение в историю русской словесности. Киев, 1896, с. 74-102; Коробка Н. И. Опыт обзора истории русской литературы, ч. 1, вып. 1. СПб., 1909, с. 34-35.

⁶³ Поэтому в этнографической литературе и наблюдаются такие случаи: в одной местности произведение записано в отделе детской словесности, в другой тот же текст (или его вариант) отмечается как произведение, исполняемое взрослыми.

⁶⁴ Ср.: Сумцов Н. Ф. Культурные переживания. Киев, 1890, с. 322-323; Виноградов Г. Детский фольклор и быт, с. 26-28.

⁶⁵ См.: Виноградов Г. Детский фольклор в школьном курсе словесности. — Родн. яз. в школе, 1927, № 2, с. 5.

⁶⁶ См.: Покровский Е. А. Детские игры... (в особенности глава «Игры с песнями и хороводами»); Левина И. М. Кукольные игры в свадьбу и «метище». — В кн.: Крестьянское искусство СССР т 2 Л 1928, с. 201-234.

⁶⁷ См.: Виноградов Г. С. Русский детский фольклор с. 8-134

⁶⁸ Там же, с. 7, 113-114.

⁶⁹ Там же, с. 6, 112-113.

⁷⁰ Там же, с. 6-7, 113.

⁷¹ См.: Смирнов И. Т. Кашинский словарь. СПб., 1901, с. 38 (под словом «дон»).

⁷² Школярная словесность наиболее полно представлена произведениями календарного фольклора: детскими колядками, рацейками.

⁷³ См.: Виноградов Г. С. Из наблюдений над детским потешным фольклором, с. 13-21.

⁷⁴ Там же, с. 43.

⁷⁵ См.: Можаровский А. Ф. Очерки жизни крестьянских де-

тей..., с. 134; Капица О. И. Детский фольклор, с. 99-103 и др.

⁷⁶ См.: Виноградов Г. С. Дитяча казка, с. 17-30. — Для бесписьменных народов о сказке как детской игре-забаве см.: Харузина В. Н. Игрушки у малокультурных народов. — В кн.: Игрушка. Ее история и значение. М., 1912, с. 85-139.

⁷⁷ См.: Никифоров Д. И. Теперешний заонежский казкар-оповідач. — Етногр. вісн., 1922, кн. 9, с. 32-34; Ончуков Н. Е. Сказки одной деревни. — В кн.: Сборник в честь акад. С. Ф. Ольденбурга. Л., 1934, с. 409-412.

⁷⁸ См.: Виноградов Г. С. Детская сатирическая лирика, с. 5-7.

⁷⁹ Там же, с. 7-16; Капица О. И. Детский фольклор, с. 108-119.

⁸⁰ См.: Виноградов Г. С. Детская сатирическая лирика, с. 22-26.

⁸¹ Там же, с. 27-28.

⁸² Там же, с. 28-29,

⁸³ Ср. библиографию: Wehrhan K. Kinderlied und Kinderspiel, S. 172-189.

⁸⁴ См.: Пещерева Е. М. Некоторые игры среди оседлого населения Туркестана. Ташкент, 1925; Старцев З. А. Коми фольклор. (Его изучение и значение, жанры, детский фольклор). Сыктывкар, 1933; Василевич Г. М. Материалу по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору, вып. 1., Л., 1936 и др.

⁸⁵ См.: Виноградов Г. С. Детская сатирическая лирика, с. 11-13, 25; Рыбникова М. А. Детский фольклор и детская литература, с. 161, 163.

⁸⁶ См.: Виноградов Г. С. Дитяча казка, с. 23-25.

⁸⁷ См.: Виноградов Г. С. Русский детский фольклор, с. 113-114.

⁸⁸ См.: Капица О. И. Фольклор в современной детской книжке. — Книга детям, 1929, № 2-3, с. 21-28.

⁸⁹ См.: Виноградов Г. 1) Детская сатирическая лирика, с. 43-44; 2) Русский детский фольклор, с. 15-18, 126, 131-132, 217, 224-228.

⁹⁰ См.: Владимиров П. В. Введение в историю русской словесности, с. 74, 102; Харузина В. Н. Об участии детей в религиозно-обрядовой жизни, с. 1-78.

⁹¹ См.: Виноградов Г. С. Русский детский фольклор, с. 24-25, 121-122, 131-133, 218, 220.

⁹² Там же, с. 23, 80-82, 118, 125, 221 (ср.: Lewalter-Schldger. Deutsches Kinderlied und Kinderspiel. Kassel, 1911, S. 61 (N 192 и примеч.), 319; Bett H. Nursery rhymes and tales. London, 1924, p. 82; Meier J. Wege und Ziele der deutschen Volkskunde-forschung. Deutsche Forschung. H. 6. Berlin, 1928, S. 31); Капица О. И. Детский фольклор, с. 127; Гинабург С. М., Марек П. С. Еврейские народные песни в России. СПб., 1901, с. 77.

⁹³ См.: Reuschel K. Deutsche Volkskunde im GrindriЯ. Н 1. Berlin, 1920, S.97.

⁹⁴ См.: Виноградов Г. С. Русский детский фольклор, с. 81, 125. 228.

⁹⁵ Там же, с. 118.

⁹⁶ См.: Виноградов Г. С. Детские тайные языки. — Сибирская живая старина, 1924, № 2, с. 87-112.

⁹⁷ См.: Брюсов В. Детская. — В кн.: Пути и перепутья, т. 2. М., 1908. с. 20; а также: Ашукин Н. Зарницы. М., 1923, с. 36-38 и др.

⁹⁸ Записи мелодий в небольшом числе даны в кн.: Гусельки. 115 колыбельных, детских и народных песен и прибауток, с голосами и с аккомпанементом фортепьяно. Собр. Н. Х. Вессель и Е. К. Альбрехт. СПб., 1876; здесь даны народные напевы, видимо не подвергшиеся изменениям со стороны собирателей. С переработкой народных мотивов положены на ноты несколько произведений детского фольклора в сборничке А. К. Лядова «Восемнадцать детских песен на народные слова» (СПб., 1887), несколько песен в приложении к статье Г. Виноградова «Детский народный календарь», в книге Орлова «Hry a pisne deti slovanskěch». В последней книге дано (из разных источников) несколько нотных записей русских игровых песен и близких им инославянских. Музыкальных записей, полностью отвечающих научным требованиям (выполненных при помощи фонографа), мы еще не имеем,

⁹⁹ См.: Чубинский П. П. Труды этнографическо-статистической экспедиции в западнорусский край..., вып. 4. СПб., 1875, с. 36-51; Иванов П. В. Игры крестьянских детей в Купянском уезде. — В кн.: Сборник Харьковского историко-филологического общества, т. 2. Харьков, 1889, с. 13-27 и др.

¹⁰⁰ См.: Orlov S. P. Hry a pisne deti slovanskěch, S. 78-81.

¹⁰¹ См.: Wehrhan K. Kinderlied und Kinderspiel.

¹⁰² См.: Bett H. Nursery rhymes and tales, с. 48-49, 56-63 (даны в сопоставлении с немецкими и французскими считалками).

¹⁰³ См.: Rolland E. Rimes et jeux de l'Enfance. Paris, 1883, p. 252.

¹⁰⁴ См.: Bolton H. The counting-out rhymes of children, their antiquity origin and distribution. London, 1888. Из наших современников см.: Winkler H. A. Die Apelh-Beth-Regel. Eine Beobachtung an Sinnlozen Wörtern in Kinderversen, Zaubersprüchen und Verwandten. — In: Orientalische Studien. Enno Littman zu seinem 60 Geburtstag. Leiden, 1935, S. 1-24.

¹⁰⁵ См.: Виноградов Г. С. Детский фольклор и быт, с. 26-28; Сумцов Н. Ф. Культурные переживания, с. 322-323; Капица О. И. Детский фольклор, с. 67-76.

¹⁰⁶ См.; Eckenstein L. Comparative studies in nursery rhymes.

London, 1906, p. 89-103; Wehrhan K. Kinderlied und Kinderspiel, S. 22-27.

¹⁰⁷ См.: Виноградов Г. С. Русский детский фольклор, с. 24, 131, 132; ср.: Wehrhan K. Kinderlied und Kinderspiel, S. 30-31.

¹⁰⁸ См.: Сумцов Н. Ф. Французская народная поэзия сравнительно с русской. — Книжки "Недели", 1893, ноябрь, с. 181-182.

¹⁰⁹ См.: Виноградов Г. С. Детская сатирическая лирика, с. 27-28; Капица О. И. Детский фольклор, с. 117; Wehrhan K. Kinderlied und Kinderspiel, S. 27-30, 71.

Описание архивных материалов Г. С. Виноградова

I. Архивные материалы рукописного отдела ИРЛИ («Пушкинского дома»).

Материалы Г. С. Виноградова имеются в трех коллекциях РО ИРЛИ: 17, 69 и 174. (ФР V)

1. Коллекция 17. В этой коллекции хранятся материалы к I тому сборника «Русский фольклор».

Сборник не состоялся в связи с началом войны, в нем три законченные работы Г. С. Виноградова (все три — машинопись с редакторской правкой): «Загадка» (69 листов, папка 10 №8), «Причеть» (40 листов; папка 52), «Детский фольклор» (папка 17, №5). Последняя работа — это единственное, что было опубликовано из архивных материалов Г. С. Виноградова. Все три работы, очевидно, были завершены до начала войны.

2. Коллекция 69. Фонд О. И. Капицы.

Письма Г. С. Виноградова к Ольге Иеронимовне (папка 42, №9), всего 66 писем и открыток. Первое письмо от 13.08.1925, последнее — от 28.11.1936. Личное знакомство состоялось во время второго приезда Георгия Семеновича в Питер — 28.10.1927. Сохранились ли ответы О. И. Капицы — неизвестно, быть может, их следует искать в архивах Иркутска.

3. Коллекция 174. Личный фонд Г. С. Виноградова (семь папок, всего — 210 ед. хр.)

П.1. №1. Статья «К вопросу о переводах иноязычных произведений фольклора» (51 лист, машинопись, правка). Закончена до начала войны для (?) сб. «Русский фольклор».

№2-27. Материалы на тему: «История изучения детского фольклора». Заметки о собирателях детского фольклора, в

Описание архивных материалов Г. С. Виноградова

I. Архивные материалы рукописного отдела ИРЛИ («Пушкинского дома»).

Материалы Г. С. Виноградова имеются в трех коллекциях РО ИРЛИ: 17, 69 и 174. (ФР V)

1. Коллекция 17. В этой коллекции хранятся материалы к I тому сборника «Русский фольклор».

Сборник не состоялся в связи с началом войны, в нем три законченные работы Г. С. Виноградова (все три — машинопись с редакторской правкой): «Загадка» (69 листов, папка 10 №8), «Причеть» (40 листов; папка 52), «Детский фольклор» (папка 17, №5). Последняя работа — это единственное, что было опубликовано из архивных материалов Г. С. Виноградова. Все три работы, очевидно, были завершены до начала войны.

2. Коллекция 69. Фонд О. И. Капицы.

Письма Г. С. Виноградова к Ольге Иеронимовне (папка 42, №9), всего 66 писем и открыток. Первое письмо от 13.08.1925, последнее — от 28.11.1936. Личное знакомство состоялось во время второго приезда Георгия Семеновича в Питер — 28.10.1927. Сохранились ли ответы О. И. Капицы — неизвестно, быть может, их следует искать в архивах Иркутска.

3. Коллекция 174. Личный фонд Г. С. Виноградова (семь папок, всего — 210 ед. хр.)

П.1. №1. Статья «К вопросу о переводах иноязычных произведений фольклора» (51 лист, машинопись, правка). Закончена до начала войны для (?) сб. «Русский фольклор».

№2-27. Материалы на тему: «История изучения детского фольклора». Заметки о собирателях детского фольклор, в

том числе о И. Я. Неклепаеве, А. Н. Молотилове, К. М. Петрове и др., выписки из изложений разных лиц, тексты детских песен, стихи, считалки, загадки и т. п. (661 лист)
№28-85. Выписки из работ по детскому фольклору В. М. Добровольского, Н. Ф. Сумцова, И. А. Тихомирова и др., тексты песен, описание игр, детская народная поэзия. (592 листа)

П.2. №1-18. Материалы об этнографах Сибири (Е. А. Авдеевой, В. С. Арефьеве, С. Т. и И. С. Аксаковых и др.) Заметки, выписки, песни, сказки, свадебный обряд. (333 листа)

№19. 20 песен из рукописного сборника конца XVIII в. (17 листов, машинопись)

П.3. №1-27. Материалы к статье о В. И. Дале: Заметки, выписки, биографические данные, воспоминания Я. К. Грота, А. П. Мельникова и др. (829 листов)

№28. «Причет» — вариант статьи для I тома сб. «Русский фольклор», подготовленный до начала войны (110 листов, машинопись, правка)

П.4. №1-7. Загадки. Подготовительные материалы к сборнику загадок, выписки, библиография.

Много внимания уделено «эротическим» загадкам, не могшим, конечно, войти ни в один сборник того времени:

Стояла баба на яру,
Расшиперила дыру.
Пришел мужик,
Сказал: Господи, благослови!

(соха)

Пришел ко мне Зеленин
Просил у меня, я ему дала,
Ножку подняла -
Свербит, болит, еще хочется.

(париться веником в бане)

и т. п. тексты.

Заметки, записи тюремных песен. Особенно заинтересовала Г. С. В. тюремная песня XIX в.: *Последний день, его краса*

Утешит божий свет.
Увижу мор, небеса,
А Родины — уж нет...

Эта песня записана во множестве вариантов. (703 листа)

П.5. №1-3. Этнография Сибири. Заметки и библиография по истории русской этнографии, источники о русском быте у иностранных авторов, в художественной и др. литературе. В заметках Г. С. Виноградов ставит вопрос: «Кто, что и как сделал для изучения русской этнографии». Заметки об этнографах Сибири: Н. И. Надеждине, К. М. Бэре, вырезки из газеты «Восточно-Сибирская правда» (1931) и неизвестных книг. Записи матерных и эротических песен.

№ 4. Письма различных корреспондентов к Г. С. Виноградову с ответами на самые разнообразные его вопросы, тексты песен, сказки, частушки, язык народов Сибири. Библиография, выписки по вопросам колонизации Сибири. Наброски к «Шулюканам». (353 листа)

НВ. Наброски Георгия Семеновича часто носят поэтический или философский характер. Пару примеров: «Кто шел в священники? В епархиальных ведомостях встречаю стихотворения на религиозные темы. Вижу поэты — молодые батюшки, а то семинаристы — тоже поэты. Кто из светских людей шел в священники? — Поэт С. М. Соловьев, поэт С. Н. Дурылин, поэт Бруни, не чужд поэтического творчества П. В. Флоренский. Все это не просто.

5.VII.1933 утро (день Витина суда)» (л. 53)

[Виктор Георгиевич — сын Г. С. В. Был арестован по ложному обвинению, выпущен. Ум. в 1953 г. — А. Г.]

Монастыри. История церквей. Приходы. *

Духовенство. Местные праздники. Паломничество. Церковные ходы, Религиозное искусство. Церковное пение. Иконописание. **

Эти последние два §§ ввести кратко (тема, влияние), подробнее в отделе об искусстве. Школы при церквях, влияние на население. Религиозные искания... Раскольники — их влияние... Христианство в народном аспекте... (л. 65)

Эти заметки, как и содержащиеся в папках 6 и 7, видимо, являются черновыми набросками к задуманному четырехтомнику «Судьбы славянского племени Сибири», над которым он работал с 1912 года. Даже беглое знакомство с

* Приходская жизнь. Верно, имели значения места выхода. См. М.М. Богословский "Церковный приход на Русском Севере в XVII веке" Богословский вестник 1910 II 5, 158-187, 6, 315-337 (прим. Г.С.В.)

** См. С.Протопопов "О художественном элементе в православном духовном пении" Богословский вестник 1901 I, 2, 252-292, 3, 451-492. (прим. Г.С.В.)

материалами наводит на мысль, что Георгий Семенович работал над заведомо непечатной для 30-х гг. эпопеей.

П.6. №1-50. Этнография Сибири. Заметки об этнографах (их автобиографии и библиографии, присланные к Г. С. В или составленные им.) В. К. Арсеньев, Б. Г. Герасимов, В. Н. Добровольский, Д. Н. Анучин, А. В. Аргентов, А. П. Ермолаев, Х. М. Лопарев, С. В. Максимов, А. Л. Мордвинов, Г. М. Осокин, А. В. Пруссак, П. А. Ровинский, Сельский, Е. И. Титов, Э. Э. Ухтомский, А. П. Степанов, Н. М. Ядринцев, Г. В. Юдин, А. П. Щапов, Н. С. Щукин. Фотоматериалы (в т. ч. портреты перечисленных этнографов)

№39-40. Загадки (материалы, тексты) (495 листов)

П. 7.1,4 Письма к Г. С. Виноградову (в том числе от А. Макаренко и от сына Виктора), фотоматериалы по этнографии Севера, заметки о малых народах Север, выписи из Крашенинникова и т. п.

Очерки о поездке П. А. Ровинского на Тунку и Оку и о вопросах влияния русской культуры, в процессе колонизации, на культуру местную. Далее несколько работ различных авторов (машинопись):

№6 Есенин С. А. «Ключи Марии»

№8 Иванов С. И. «Сказка Ершова П. П. «Конек-Горбун»

№9 Веселовский А. И. «Русские плачи по умершим».

№10 Перетц В. М. «Кукольный театр на Руси».

№12 Вырезки из газет «Новое время» (1909-1914) (в связи с Н. В. Гоголем) и др., вырезки из неизвестных книг
№2,3,7,11,13 Заметки Г. С. Виноградова по этнографии Сибири, библиография и т. п. (в т. ч. письмо к Г. С. В. от В. К. Арсеньева) (473 листа)

II. Материалы архива РАН

Виноградовские архивные материалы Российской Академии Наук хранятся в двух фондах и представляют собой документы, переданные в архив РАН из:

1. ИЯ и М АН (Института языка и мышления АН)

- фонд 77 опись 5 №503 (26 листов) — личное дело (начато 21.01.1939, окончено 18.07.1945 г.)

2. ИРЛИ АН (Института Русской Литературы и Искусства АН)

- фонд 150 опись ~ №218 (6 листов) — трудовой список.
- фонд 150 опись ~ №31 (35 листов) — личное дело (начато 8.01.1936, окончено 19.03.38)
- фонд 150 опись №335 (30 листов) личное дело, продолжение. (окончание 1.08.1940)

Упомянутые архивные материалы сыграли большую роль при подготовке настоящего издания. Автографы Г. С. Виноградова: его биографии и библиографии, заявления; приказы администраций упомянутых институтов, отзывы коллег (Д. К. Зеленина, С. Обнорского, М. К. Азадовского и др.), анкеты и т. п. Все это помогло закрыть некоторые белые пятна биографии Г. С. Виноградова (см. биографический очерк), существенно дополнить библиографию, уточнить комментарии.

Автобиография Г. С. Виноградова (из личного дела ИРЛИ):

Родился я в крестьянской семье, в селе Тулуне Нижне-Удинского уезда Иркутской губернии, в 1886 году. Среднее образование получил в иркутской духовной семинарии, высшее — на Педагогических курсах Фребелевского общества в Петербурге и — позднее — в Иркутском государственном университете (по педагогическому, преобразованному из историко-филологического, факультету), где был оставлен профессорским стипендиатом. После магистерских испытаний и защиты *pro venia legendi* был избран (в 1922 г.) штатным преподавателем (доцентом), а через три года — профессором по кафедре русской этнографии в Иркутском Государственном Университете. В Университете читал курсы введения в этнологию, истории русской этнографии, читал специальные курсы (и все практические занятия) по вопросам местной этнографии. По одной сопредельной кафедре — русской литературы — ежегодно читал курс народной словесности (1922-1928 гг.), а по другой — русского языкознания — курс под названием «детская речь» (1926-1929 гг.). В 1922-1924 гг. читал специальный курс этнографии в иркутской художественной студии. С 1912 по 1929 год почти ежегодно совершал поездки — главным образом по Иркутской губернии, отчасти в Забайкалье, в Енисейскую губернию и Акмолинскую область — с этнографическими и диалектологическими целями; общий уклон интересов и результаты наблюдений отражены — конечно, неполно — в моих печатных работах.

В 1923-1929, по поручению Восточно-Сибирского Отдела Русского Географического Общества, я — совместно с профессором М. К. Азадовским — редактировал журнал «Сибирская живая старина» (вып. I-IX). В 1927 состоял редактором от-

делов этнографии и языкознания Сибирской Советской Энциклопедии. С 1930 года, на положении пенсионера-инвалида труда, продолжал научную работу в Ленинграде. С 1934 года работаю в Институте литературы АН.

8.II.1940.
Г. Виноградов.

III. Архивные материалы рукописного отдела Российской Национальной библиотеки.

Предисловие.

Архивное наследие Г. С. Виноградова, хранящееся в Рукописном отделе Российской Национальной библиотеки, невелико по объему и состоит из нескольких десятков плотно исписанных листков разного формата. Вместе с тем, содержание виноградовских бумаг, серьезно дополняет его печатное наследие, фиксирует ряд идей и, несостоявшихся проектов.

Бумаги Г. С. Виноградова можно условно классифицировать на несколько разделов, хотя многие документы связаны с целым рядом направлений.

1. Комплекс материалов по теме «Детский быт и фольклор» (Проспект книги в соавторстве с Е. В. Георгиевской-Дружининой¹ «Дети СССР», многочисленные заметки, программы (№№ II-XIII).

Здесь прежде всего хотелось бы обратить внимание на три варианта проспекта книги «Дети СССР». Особенно важен рукописный черновик (рукою Г. С. Виноградова, №III) с пометами и комментариями на полях, поскольку он самым полным образом освещает идею, замысел и даже стилистику предполагаемого издания. По сути дела, перед нами проект этнографической энциклопедии детского быта страны, предназначенной для детей и юношества.

Практически все сохранившиеся архивные заметки, за малым исключением, связаны с основной фундаментальной темой — «Детский быт и фольклор». К слову сказать «детское» виноградовское наследие даже несколько затмило его, не менее интересные труды в других направлениях.

Анализируя заметки по данной проблематике, наблюдаешь некую «бесконечность» исследования. За обнаруженными фактами постоянно встают новые проблемы. День изготовления игрушки ставит вопрос «...нет ли праздника, связанного с прода-

жей игрушек и роли этого праздника?» (№XV). Отчасти ответ найден по отношению к бабкам. Правило детской игры требовало толкования названия этого правила («Уговор», №XI) и вело к проблеме детского обычного права. Таких «вопросных цепочек» можно привести множество и наиболее ярко об этом свидетельствует отрывок из документа №XXVI — «...Если когда-нибудь мой детский быт будет написан, то там должен быть включен очерк о забавах; туда войдут и блины, и отмыкание и замыкание...». И далее, здесь же, новые вопросы и проблемы. Остается только сожалеть, что многие замыслы так и остались замыслами, или завершились только проспектами книг. Г. С. Виноградов творил не в лучшие времена для отечественной этнографии и краеведения. К этому следует добавить трагическое событие войны — в огне погиб основной виноградовский архив, по его словам, «...ни в Ленинграде, ни в Павловске у меня не сохранилось ничего... Все книги, все бумажонки с записями, все материалы, все работы — все, что делалось 29 лет, все погибло.»²

2. Комплекс материалов, посвященный проблемам детской игры и детской игрушки (проспект книги «Как играют наши ребята», в соавторстве с Е. В. Калининой³, описания 65 детских игр, программы заметки, теоретические и исторические рассуждения, №№ II-III, V-XXV).

Архивные материалы свидетельствуют еще об одном неосуществленном замысле Г. С. Виноградова — составлении комментированного сборника детских игр, которые отсутствуют в книге Е. А. Покровского (см. №XXIV). Судя по всему сборник предполагался как научно-просветительское издание и готовился с редкой скрупулезностью. Об этом говорит характер публикуемых документов (№№ XVI-XIX, XXIV-XXV). Г. С. Виноградову была необходима даже такая информация как игры русских детей, оказавшихся в Америке (№XVIII). Мы можем представить характер комментариев к предлагаемому изданию (№XXV).

Сгруппированные записки с вопросниками по детским играм подробнее аналогичной программы, опубликованной в «Детском фольклоре и быте» (Иркутск, 1925). Здесь следует сделать одно важное добавление — Г. С. Виноградов фиксирует не только содержание, порядок, атрибутику игры, игровые прелюдии, диалоги и формулы, он вводит в контекст игры и предигровые и послеигровые диалоги. Поскольку мы здесь не публикуем записей игр (которые как раз составлены по этой виноградовской программе и «раскладываются» на 15 пунктов)⁴ приведем только один пример такого диалога перед игрой в бабки:

«— А мы вчера с Катькой змею видели на покосе...

— А...! Большая?

— Вот така (разводит руки)... пестра...

— И не убили?

— Да, убей-ка! Она ти убьет! У нас тятя рассказывал, у дяди Петрована жил работник, также на покосе увидел змею и хотел ее граблям забить, дак она на хвос стала, да прыснет на нево... прямо хотела ему в лицо ожалить, а он увернулся, да бежать, а она за ем, как пошла колесом, дак едва он убежал в шалаш.

— Вот те и убил? -

— А я бы взял палку, али ружье и убил бы.

— Ну уж хвастай!..

— Языком то!

— Мама сказывала, когда еще была в девках, дак...»⁵

Как видим через такой зафиксированный игровой диалог открывается дополнительная информация и о игровом этикете, и о специфике родительских пуганий.

Судя хотя бы только по сохранившемуся архивному наследию Г. С. Виноградов исследует игру в десятках аспектах — историческом, сравнительном, возрастном, мифологическом, ситуативном, обрядовом, коммуникативном, знаковом, языковом и других; предлагает толковать через детскую игру важнейшие этнографические понятия (№XXXI).

Не менее скрупулезен он и в отношении игрушек, даже цвет которых может свидетельствовать о времени игры в нее (№XII). В ранней рецензии 1916 года на выставку Русского народного искусства в Париже основное внимание также уделено игрушке (№XLI).

3. Документы, заметки, программы и комментарии к ним, посвященные проблемам собирания фольклорно-этнографического материала.

Мы специально выделили настоящую проблему, поскольку «собираительство» выступает в архивных записях Г. С. Виноградова как первооснова этнографической деятельности — «Этнографическое собирание составляет в науке дело первостепенной важности» (№XXXV). Очень часто в оценке деятельности какого-либо ученого Г. С. Виноградов акцентирует внимание прежде всего на его собирательской деятельности. Здесь уместно привести полностью его адрес — поздравление к 75-летию П. К. Симони:

«Наша жизнь здесь определяется послушанием или непослушанием голосу, зову оттуда. Павлу Константиновичу выпало на долю послушание, покорное послушание. Ему сказано: «собе-

ри все, что осталось, что бы ничто не погибло!» В утро жизни расслышал он этот зов, пошел за ним и собрал столько, сколько никто не собрал. И не только собрал, но и умножил. Умножил и научил других, многих. Завиден путь! Труден, не всем по плечу, очень немногим по плечу, но завиден. Слава и долголетие идущему этим путем!

2.XII.1934.

Георгий Виноградов.»⁶

Г. С. Виноградов через свои архивные заметки преподает хороший урок многим современным, особенно многотиражным программам — вопросникам, где часто ощущается некая одно-сторонность, внимание сосредотачивается или исключительно на тексте (многие издания в помощь фольклорным экспедициям), или на чисто материальной стороне вопроса (например, ряд вопросников по строительству жилища). В этом плане забывается традиция отечественной этнографической школы — семьи Харузиных, В. Н. Тенишева, Д. К. Зеленина и многих других, которую успешно развивал и продолжал Г. С. Виноградов. Суть его методики заключалась в единстве фиксации действия, его вербального, конфессионального, мировоззренческого и музыкального содержания. Весьма ценные методические, а в какой-то степени и методологические советы Г. С. Виноградова представлены в различных документах (№№ V-XV, XXXVII-XXXIII). Очень важным, необходимым Г. С. Виноградов считал фиксацию во всех подробностях впечатлений, связанных с образами исполнителей или мастеров. В этом плане даже одна десятистрочная заметка (№XXXVIII) ученого может составить важное предисловие к любой программе.

4. Материалы к семинару по этнографии в Иркутском Государственном Университете и другие просветительские мысли Г. С. Виноградова (план семинара, заметки ссылки, цитаты, №№ XXIX-XXXIII).

Собственно семинару по этнографии, к которому, судя по переписке, так тщательно готовился Г. С. Виноградов, посвящены в основном, два документа — план семинара (№XXIX), и не менее концептуальная маленькая заметка с интереснейшей идеей (№XXXI): «Приходит в голову мысль: не поставить ли темой семинарских занятий народные игры или народные детские игры — с тем, что бы из имеющегося материала вымать все этнографические элементы — верования, представления, язык, материальная культура и т. д. и т. д.» и далее развитие идеи по пунктам. По сути дела это очень оригинальный ход — из яркого, не ушедшего, всем знакомого и живо ощущаемого материала представить этнографическое знание.

Архивное наследие Г. С. Виноградова содержит и другие педагогические и просветительские методики.

Во всех случаях первоначальное знакомство с этнографическими дисциплинами ученый предлагает делать через яркое художественное впечатление (и не только школьникам, но и студентам). Сначала осваивается только «этнографический подтекст», который дополняет и углубляет образ героя, например, живописного полотна (картины «Л. Н. Толстой за работой в комнате под сводами» И. Е. Репина или «Играющие мальчики» В. Г. Перова, №XXXII). Следует признать, что фольклорно-этнографический комментарий не только дополняет, но и в иных случаях обнаруживает самую суть начала конфликта в художественном произведении (невозможно, например, полностью понять повод для дуэли Гринева и Швабрина без знания полного текста и напева романса «Капитанская дочь, не ходи гулять в полночь» — В. Г.). Это первое «этнографическое впечатление» заставляет обращать внимание и на другие, казалось бы чисто бытовые детали, постепенно воспитывая некое постоянное «этнографическое любопытство». И на этом уровне, на этой благодатной почве и интересе начинается толкование и освоение более «скрытых» вещей — сути верований, значений символов, характера народной магии и т. п. В этом плане наиболее интересен самый первый, черновой вариант проспекта книги «Дети СССР» (№III).

Во многих строках Г. С. Виноградова подчеркивается и политическое значение этнографических знаний, как некоего иммунитета от чувства межнационального непонимания и его последствий.

5. «Сибирский» раздел. Проспект книги «Народы Сибири...», в соавторстве с Е. В. Калининой, соответствующие главы из проспектов книг «Дети СССР», «Как играют наши ребята», очерк о карагасах, многочисленные записи сибирских игр; №№ II-IV, XXXVII, XXXIX.

Очерк о карагасах (№XXIX) (хотя у нас есть некоторое сомнение в авторстве Виноградова, возможно это конспект какой-либо незнакомой нам работы⁷. Таких конспектов, без исправлений и добавлений, много в его архиве; из книг Г. Потанина, сборника «Игрушка, ее история и значение» (М., 1912) и многих других источников), об их охотничьем промысле. Очерк готовился к книге «Народы Сибири...» или к книге его друга и соавтора Е. В. Калининой об охоте (в ее архиве есть наброски проспекта такой книги)⁸.

6. Материал по теме «Этнография и современность». (№№ XXXIV-XXXVI), который дополняет его фундаментальную статью с таким же названием.⁹

Материалы архивного наследия Г. С. Виноградова располагаются следующим образом:

1. Автобиография Г. С. Виноградова (№I);
2. Проспекты неизданных книг (№№ II-IV);
3. Материалы, относящиеся к программам собирания детских игр и игрушек (№№ V-XV);
4. Другие материалы по играм и игрушкам (№№ XVI-XXIII);
5. Материалы к проекту составления сборника игр (№№ XXIV-XXV);
6. Материалы по теме и программе «Детский фольклор и быт» (№№ XXVI-XXVIII);
7. Материалы к семинару о детском фольклоре славян, педагогические заметки (№№ XXIX-XXXIII);
8. Теоретические рассуждения по этнографии, черновики статей (№№ XXXIV-XXXVII);
9. Разнообразные заметки, инструкции, рецензии (№№ XXXVIII-XLI)

Записи игр (которых в настоящем архиве 75 и большинство из них, видимо, прислано Виноградову его корреспондентами), личные письма, дословные цитаты из других источников не публикуются.

1. Автобиография Г. С. Виноградова.

I

Виноградов Георгий Семенович родился в селе Тулуне Иркутской губернии, учился в Иркутской духовной семинарии, о которой сохранил самые светлые воспоминания, как о пережитой радости. В бытность студентом (в Санкт-Петербурге) занимался биологией в лаборатории имени Лесгафта под руководством профессора С. И. Метальникова¹. Пережил кризис (не по вине учителя, прекрасного человека и большого ученого), оставил, естественные науки, ушел к гуманитарным. Под влиянием бесед с этнографом А. А. Макаренко², человеком большой и чудесной души, сделал первые опыты самостоятельных изучений в области русской этнографии. Поощрение русского Географического общества побудили продолжить работу³. По возвращении в Сибирь преподавал в Читинской гимназии и Коммерческом училище. В 1921 году — стипендиат Государственного Университета в Иркутск, в 1922 выдержал магистерский экзамен. С тех пор преподаю в университете: читаю курсы по этнографии и курс народной словесности. Читал курс о детском языке. В художественной студии (в Иркутске) тоже читал в разное время курс этнографии. Профессорскую деятельность нахожу единственно интересной и нужной; впрочем на ближайшее время ничего другого не имею.

18.IX.1928 Профессор Иркутского Государственного
университета Георгий Виноградов

2. Проспекты неизданных книг.

II

[Проспект книги «Как играют наши ребята»]

Как играют наши ребята [зачерк. — белые, желтые, черные
и красные ребята.

(Сборник детских игр разных народов)

[зачерк. — книга]

Книга имеет целью дать описание детских игр классифици-
рованных по следующим разделам:

1. Игры физкультурные.
2. Игры с игровыми прелюдиями.
3. Игры — инсценировки.
4. Игры — импровизации. 5. Игры — загадки.
6. Игры — смекалки.
7. Игры пионеров.

Описание будет исполнено в наиболее простой, ясной и лег-
кой форме, чтобы дети могли пользоваться сборником самосто-
ятельно без руководства. Но в то же время большое собрание
игр классифицированных и точно описанных может быть полез-
но и для руководителей школ и детских площадок. Знакомя
детей с играми разных народов сборник попутно дает сведения
о жизни детей разных народов [зачерк. — и их характери-
стиками] выявляя при этом детский кодекс морали и взаимоотно-
шений.

Форма изложения сборника:

1. Беллетристический рассказ (фольклорный [зачерк. —
этнографический] фон, коллективная детская игра какого-ни-
будь народа, отдельные действующие лица, завязка и развязка).

2. Точное описание игры, [зачерк. — рассказов] /круп-
ным шрифтом/.

3. Подробное описание других игр данного народа.

Рассказ будет сопровождаться иллюстрациями (есть много
неизданного материала в коллекциях Этнографических музеев,
Академии наук и Русского музея).

В сборник войдут: 1) Игры детей СССР, как например,
Украины / «Жгут», «Коршун», «Кот», «Камушки» и др. / 2)
Белоруссии / «Речка», «Чорт», «Шило», «Афанас», «Баба и
дед», «Кота печь», «Дуб», «Просо», «Золото», «Гуж», «Коро-

ли», «Кули», «Мальчик-пальчик», «Ласочка-басочка», «Ящер», «Гладыши», «Овечка» и др. / 3) Игры [зачерк. — детей Приволжья] Киргизские: «Тивя-Тивя» (в верблюда), «Уйчук-уйчук» (домики), «Сокур-теке» (слепой козел), «Кок-сыир» (серая корова), «Таккея-теббек» (подкидывание тюбетейки), «Кыз-доб» (клюшки) и др. 4) Игры детей Севера: а) лопарей — / «Гусек и лисица» и др. / б) якутов — «Утки и соколы», в) чукчей — «мяч с моржовыми ребрами.» 5) Игры детей Кавказа / главным образом физкультурные и т. д. / [дописано рукой — игры детей первобытных народов] [зачерк. — Игры детей Японии, Китая и т. д. [дописано рукой — ч. II. Отдел исторический — игры детей древнего мира — Египта, Греции, Рим.]

Краткий пример киргизской игры:

ТИВЯ-ТИВЯ.

Степь — просторная детская площадка — хороша и для жеребят и для киргизских ребят. ТИВЯ-ТИВЯ занятная игра. Кильчибай — будет верблюд — вожак. Веселое стадо верблюжат. Нам не надо девчонок. Скорей, скачи скорей. Шишка или победа. Большие верблюды не хотят играть в Тивя-тивя. Девочки играют в Уйчук-уйчук (домики). Делу время — потехе час. [Вставка — Подробное] описание [вставка — игры в «Тивя-тивя», а затем] другие игры киргизских детей.

III

[Проспекты книги «Дети СССР»]

[Черновик 1]

§ 1

130

10 глав каждая 13 — 14 стр. [строка зачеркнута]

12 частей 10 стр.

1 стр. геогр.

2 стр. фо ,т. е. жизнь взрослых

6 — 7 стр.

ребенка

I. Русские

а) геогр. [афия] 1 1/2 стр. 4 стр. фон

1 стр. д. [етский] быт вообще 6-7 стр. детский народный календарь.

II. Кавказские народности

Марков ¹	Выявление интересов горцев.
Толстой — Казаки ²	(грузины, минг[релы])...
Опис. м. и пл. Кавк. ³	Их территория. Фон — быт горцев.
Немир.-Данченко ⁴	Дети — участие в жизни взрослых
Желиховская ⁵	(пастуш.[ество], наездники, воришки
Приемы воспит[ания]	\ /Игры...

III. Нар[оды] Приволжья (Татары, Мордва, Чуваши)

Изв. О-ва	1 стр. геогр. [афия]; 2 фон — быт взрослых
Ар. И. и Этно. при Каз. ун-те. ⁶	Приемы воспит. [ания]. Труд.[овые] навыки. Игрушки ets.

IV. Нар[оды] Севера

1 стр. геогр[афия]. 2 — Фон
Отражение взрослых в детском быту.
(Игры и игрушки — импровизации)

Дети

Описание местностей и племен Кавказа⁷
Экономич.[еские] Дальн.[е] Восточ.[ные] сборные статьи Арсеньева и Титова.⁸

V. Нар[оды] Зап.[адной] Сибири

Кир.[гизский] край [нрзб]	Киргизы и их соседи. Геогр. [афия] 1 стр. Фон 2 стр. Дети. Колыб[ельные] песни. Устное творчество (Игровой фольклор) Развлечения... Скачки.
------------------------------	---

VI. Якуты + Карагас[ы]

Нем. статьи	1 стр. 2 — фон.
-------------	-----------------

[нрзб], XII ⁹	[нрзб] Уход за ребенком. Пища. Развлеч.[ения]
[нрзб] Дорджи ¹⁰	Буряты 1 стр.- терр.[итория].2 - фон.
Бур.[ятский] мальчик. ¹¹	День ребенка (спросите письмом)[строка зачеркнута] Детские годы Дорджи Банзар.[ова] (10;11).
Титов — Словарь ¹² Требуховский ¹³	Тунгусы 1 стр. 2 стр. фон. Характеристики. Одаренности. Первый писатель тунгус - Гантимуров. ¹⁴ (Рукоделье). Куклы. Детский рисунок.

VII. Гольды. Айны. Гиляки. Ихтиофаги. Характеристика.

Харузин ¹⁵	(все делают прочно, неторопливо...) Дерсу. ¹⁶ 1 стр. геогр.[афия]; 2 — фон. Одежда.
-----------------------	---

VIII. Чукчи. Камчадалы.

Тан — Чукотские рассказы. ¹⁷ Шкловский. ¹⁸	Обувь. Резьба по кости (игрушки)
--	-------------------------------------

[Черновик 2]

Дети СССР

- причины своеврем[енности] темы.
- суть темы (смысл).
- средства осущ[ествляющие -?] материал.
- объем и содержание.

Единение народов мира должно осуществ[ляться] разн.
[ыми] способами и один из них раскрытие перед юношеством
их жизни, их быта, их обычаев, их творчества, кот.[орое] им.
[еет] у всех общие точки, общие корни и отличия [нрзб.] бы-
та в бытии опред.[еляет] сознание — никакие наилуч.[шие]
дисц.[иплины] не способ.[ны] это так, как этногр.[афия] и
поэтому мы счи.[таем] [нрзб.] ближайшими [нрзб.] объ-
ед.[иненных] на территории СССР совмест.[ной] жизнью —

(мы имеем ввиду [нрзб.]). Конечно, нельзя гов.[орить] о всех народах вход.[ящих] в население нашей СССР, мы ограничиваем тему — обзором основных в кол.[личественном] отн.[ошении] групп [далее зачерк. — вход. в состав. Нашу террит.] как-то 3 [зачерк. — славян. группы] группы — восточных славян: осуш.[ествляя] постав.[ленную] задачу с точки «зрения» этногр.[афии] и путем предложения юн.[ым] чит.[ателям] ряда этнографических очерков.

1. Великоруссы, белоруссы и украинцы.

2. Кавказские народности.

3. Народы Приволжья. +

4. Народности Севера.

5. Народы Западной Сибири.

6. Народы восточной Сибири.

Нами принято терр.[иториторальное] обосн.[ование] для этих групп в виду того, что [нрзб.] науч[ное] дел[ение] основного учения о распр.[остранении] является слишком сложным для юношества, в то время как геогр. [афическая] основа, определяющая собой фактор экономич.[еский] дает более отчетливые данные при выяснении образования областных [зачерк. — основных] типов.

а) монгольские группы.

б) турецкие группы.

7. Народы Приамурья и Приморья.

8. Сев.[еро -] восток Сибири.

Каждую группу мы разрабатываем на сл.[едующей] основе — во главу угла мы даем а) быт б) самодеят.[ельность -?]

На фоне бытовой обстан.[овки] народа мы прослеживаем приемы физич.[еского] воспитания и ухода за детьми, уклад детской жизни, участие детей в жизни взрослых, детское жизнетворчество, [вст.- также] язык и поэзия.

Конкретно каждая народность освещается данными следующего порядка:

а) географическая и экономическая среда.

б) хозяйственный быт.

с) жилище, утварь, одежда и пр.

д) детский быт с их играми, обычаями, трудовыми навыками.

е) детское творчество [зачерк. — устное], детский рисунок и словесное произведение, технические изобретения и т. д.

Метод изложения

Вводная часть предполагает (априорные вопросы) геогр. [афический] очерк занимаемой народом провинции и ставятся априорно вопросы перед юн[и]ш. [еским] читателем о том, как должна с[о]рганизоваться экономическая общест. [венная] и социальная постройка и какова должна быть в этих условиях жизнь ребенка.

Во второй основной части юный читатель должен проверить насколько эти априорные положения оправдываются фактическим материалом, предложенным в виде живого связного рассказа.

Русские

Введение.

а) фон — быт взрослых.

б) детский быт и детский народный календарь — описание детской жизни по годовому кругу.

Кавказские народности.

Выделение интерес. [?] характер народов [нрзб] грузины, осетины, мингрельцы, таджики. Геогр. [фия] — быт горцев (идеолог[ия] по легенде, сказке).

Участие в жизни взрослых, наездничество, джигитовка, па-
стухство.

Центр тяжести — приемы воспитания, игры.

Народы Приволжья.

Центр тяжести дать трудовые навыки, игрушки, приемы воспитания.

Народности Севера.

1) Игры — импровизации.

2) Отражение жизни взрослых в детском быту.

Народы Западной Сибири.

Главное место.

Калмыки, киргизцы и их соседи. Ударным будет устное творчество (игровой фольклор), колыбельная песня.

Народы восточной Сибири.

Гл. [авное] место + карагасы, вымирающ. [ее] мало-изв. [естное] турец. [кое] племя.

Уход за ребенком, пища, детск.[ие] эпитеты, прозвища, приемы обучения труду, развлечения.

Детские годы Дороджи Банзарова.

[зачерк. — Мир ребенка у бурят] (10-11)

Тунгусы [-] характер народа. Жизнь девочки тунгуски - эстетические вкусы, рукоделья, [вст. — детский рисунок]. Одаренности — писатель Гантимуров.(14)

Народы Приамурья и Приморья.

Гольды, голяки (ихтиофаги).

Ударн.[ное] — внешний быт, идеалы и характеристики ребенка в колыбельной песне. Одежда ребенка, украшения.

[Беловик]

Проспект книги [зачерк. — брошюры]

Дети СССР

В виду новизны [вст. — взятой] темы [вст. — по этому вопросу не существует еще в научной литературе не одного [вст. — сводного] труда, нет сборника отдельных очерков] [вст. — и особо важного ее значения] к ней надо подходить не так, как обычно составляются книги для детей и юношества: практиковавшийся [зачерк. — прекрасный] способ компиляции разнокачественного материала должен быть здесь признан несостоятельным, как в виду недостаточного количества научно-разработанного печатного материала, так и в виду того, что за последнее время учеными собрано большое количество материалов — необходимых и крайне важных, но еще не опубликованных. В виду этого нам надлежит предложить новый подход, а именно использование для данной темы [вст. — новейшей этнографической литературы], как русской, так и иностранной, и круг материалов совершенно неизвестных, неопубликованных и неизданных, (имеющиеся в нашем распоряжении [вст. — собрания] как результат личных работ, так и работ наших сотрудников). Среди [вст. — подлежащих использованию] материалов особого внимания заслуживают — музейные материалы, куда относятся также материалы иллюстративные — фотографии, зарисовки и т. д., затем материалы рукописные, и, наконец, имеющие особое значение, так называемые в этнографии «полевые записи».

Строго научная постановка [вст. — и разработка] этой темы обеспечивает полную возможность популярного изложения и учета возрастных особенностей и интересов юных читателей, особенно в виду [вст. — наличия] большого количества

весьма [зачерк. — наиболее] ценного материала детского творчества [зачерк. — знакомство с которым так необходимо нашей смене как способ развития самостоятельности и творческих начинаний].

Общая цель книги — [вст. — сильное содействие] единению народов СССР — [вст. — действительно] выполняется [зачерк. — отчетливо] подбором материала содержащего [зачерк. — давая попутно] конкретные, точные, исчерпывающие сведения, находящиеся в непосредственной связи с темой [зачерк. — выясняя ее и давая ей обоснования].

Единение народов мира должно осуществляться различными способами, и один из них — раскрытие перед юношеством жизни и быта [вст. — народов], их творчества, которое, имея общие корни, имеет и отличия в зависимости от разных условий быта.

Никакие научные дисциплины не способствуют этому в так [вст. — ...ой мере] как этнография, и поэтому наиболее целесообразным в связи с поставленной задачей будет выявить данную тему с точки зрения этнографическим путем предложения юным читателям ряда этнографических очерков, [вст. с полем карандашом — Частная этнографическая тема о жизни, быте и творчестве детей должна быть признана весьма удачной, так как внимание к предмету близкому подросткам и юношам способствует развитию самостоятельности и расцвету творческих начинаний.].

Метод изложения

Вводная часть [зачерк. — предполагает] [вст. — включает статью] географический очерк занимаемой народом местности («провинции») и здесь же ставятся априорно вопросы о том, как [вст. — в этих условиях] должно организоваться [вст. — у народа] экономическая, общественная и социальная постройка и какова должна быть в этих условиях жизнь ребенка.

Во второй, основной, части юный читатель должен проверить, насколько априорные положения оправдываются фактическим материалом, предложенным в виде живого и связного рассказа.

В проектируемой [зачерк. — настоящей] книге предполагается дать ряд очерков о детях, объединенных на территории СССР совместной жизнью. Конечно, при небольшом объеме книги, невозможно [зачерк. — нельзя] будет говорить о детях всех народов, входящих в состав населения нашей СССР, почему мы и ограничиваем тему обзором главных групп, принимая [вст. — деление этих групп по] территориальному [вст. —

принципу] [зачерк. — обоснование] для этих групп в виду того, что более научное деление, основанное на учении о расах, является слишком сложным для юношества, в то время как географическая основа, определяющая собой фактор экономический, представляет [вст. — для юношей] более данных при выяснении образования областных типов. Таким образом, по нашему плану, в данную книгу войдут следующие группы народов, [дописано карандашом — детские поколения которых привлекают наше внимание.].

1. Русские

- а) Великоруссы
- б) Белоруссы
- в) Украинцы

2. Кавказ. Дети — горцы. [зачерк. — Кавказские народности]

[на полях
карандашом -
Дети]

3. [вст. — дети] [зачерк. — Народы] Приволжья.

4. Народы Севера.

5. Народы Западной Сибири.

6. Народы Восточной Сибири.

а) Монгольская группа.

б) Турецкая группа.

7. Народы Приамурья и Приморья

8. Народы [зачерк. — Дети] Северо-востока Сибири.

На фоне бытовой обстановки народа мы прослеживаем приемы физического воспитания и ухода за детьми, уклад детской жизни, участие детей в жизни взрослых, детское жизне-творчество: [далее зачерк. — язык, поэзия, детский рисунок, технические изобретения] и т. д. Конкретно каждая народность будет освещена данными следующего порядка:

а) География и этнические условия.

б) Хозяйственный быт.

в) Жилище, утварь, одежда и пр.

г) Детский быт с их обычаями, играми, трудовыми навыками и т. д.

д) Детское творчество: детский рисунок, детское прикладное искусство, словесные произведения, технические изобретения и т. д.

При очерке детской жизни каждой народности центром

тяжести будет самое характерное именно для детей данного народа, так например, в группе «Русские» на фоне быта взрослых будет дан детский быт и детский народный календарь — описание детской жизни по годовому кругу.

Краткий план книги.

Часть I. — Введение.

Часть II. Очерки детской жизни народов СССР.

Глава 1-ая. Русские: Великоруссы, белоруссы, украинцы.

а) территория, занимаемая ими, географические особенности, сельский быт, характер народа. Дети. Их типы, одежда, их быт. Детский народный календарь.

Глава 2-ая. Дети-горцы. [зачерк. — Кавказские народности] (с выделением наиболее характерных).

Грузины, осетины, мингрельцы, [зачерк. — таджики]. Кавказ. Занятия и склонности, характерные особенности горцев. Участие детей в жизни взрослых. Наездничество, джигитовка. Пастушество. Особое внимание в этой главе обращено на приемы воспитания детей горцев и творчество их в играх.

Глава 3-я. Дети [зачерк. — народы] Приволжья.

На фоне быта, данном в географической [вст. — экономической] и этнической среде [зачерк. — основе] жизнь детей Приволжья, — главным образом их трудовые навыки, их художественная среда, их игрушки.

Глава 4-ая. Дети Севера. [вст. — Чукчи, камчадалы, коряки].

На обычном фоне, по общему плану, ударная часть: Отражение жизни взрослых в детском быту. Игры — импровизации [дописано карандашом — Костяные игрушки].

Глава 5-ая. Ч. [асть] 1. Дети Западной Сибири.

Калмыки, киргизы и их соседи. Главное внимание уделяется мужскому полу [зачерк. — во главу угла кладется] и устному творчеству [вст. — детей]: игровой фольклор, песня, колыбельная песня.

Глава 6-ая. Дети [вст. — народов Восточной Сибири] — Якуты, карагасы (вымирающее племя). Главное внимание будет сосредоточено приемам народной педагогики [зачерк. — уделено уходу за ребенком]: нежные прозвища, любовь к детям, пища, приемы обучения труду, развлечения.

Часть 2-ая. Буряты. [вст. — Детская жизнь у бурят будет изображена в форме рассказа]. Детство Дорджи Банзарова [вст. — первого бурятского ученого]. (10,11) Тунгусы. Харак-

тер народа, его одаренность. [вст. — Писатель-тунгус Ганти-миров]¹⁴. Эстетические вкусы тунгусов. Жизнь девочки — тунгуски. Рукоделья. Куклы. Детский рисунок.

Глава 7-ая. Народы Приамурья и [вст. — восточного] Приморья: Гольды. Гиляки [зачерк. — (Ихтиофаги)]. Здесь наибольший интерес представляет внешний быт, [добавлено карандашом — связанный с главной формой хозяйствования — рыболовством (приморцы — ихтиофаги)]. Занятия ребят, его одежды и украшения.

IV

[Проспект книги «Сибирь, Монголия, Маньчжурия»]

[Печатный текст]

Проспект книжки [зачерк. — «Народы Сибири, Монголии, Маньчжурии»] [карандашом сверху — Сибирь, Монголия, Маньчжурия].

Можно сказать с уверенностью, что наше юношество не обеспечено всем необходимым материалом для самостоятельного чтения. Есть области, которые совершенно неизвестны молодому поколению, несмотря на их исключительно большое воспитательно-образовательное значение. Одной из таких областей, как ни странно, приходится признать народоведение. Не говоря о том, что знание народной жизни и быта способствуют установлению правильных взаимоотношений между различными народами, что оно раздвигает умственный горизонт юношей, питая их интересы, — оно имеет и чисто прикладное значение. Школьное обществоведение, что бы быть полезным предметом преподавания, должно опираться на качественно и количественно значительный конкретный материал. Этот материал, в свою очередь, не может быть одинаковым для всех больших и малых провинций союза. Каждая страна, каждый «край» имеет свои особенности. Понятно, что преподавание такого предмета, как обществоведение, должно учитывать материал краевой. Отказаться от использования народоведческого материала значит допустить непоправимую ошибку. Школа и общество не могут оставить такой пробел ничем не заполненным. В популярной литературе конца прошлого столетия были попытки создать ряд этнографических очерков для детского и юношеского чтения, но, во первых, литература эта сильно устарела и совершенно не отвечает требованиям современности, во 2-х (и это главное) о сибирских народах менее всего было писано, менее всего о нем и знало дореволюционное юношество.

Отвечая назревшей потребности, необходимо [зачерк. —

создать серию брошюр] [вставка — дать книжку] о сибирских племенах и народах. Эта [зачерк. — серия] должна ответить на запросы разного порядка: 1) Входящие в нее очерки должны быть кратким изложением новейших этнографических исследований при учете столь плодотворных краеведных работ последнего десятилетия. 2) Изложение должно быть серьезным, но живым, строго объективным, но отвечать потребностям и наклонностям юношеского возраста. 3) В виду невозможности (из-за небольшого объема книги) давать подробные описания жизни и быта народов, необходимо эти книги [зачерк. — составляющие серию], снабжать картами территорий, занимаемых описываемыми народами, фотографиями, чертежами, рисунками и т. д., поясняющими поневоле краткое описание. 4) Очерки должны быть построены таким образом, чтобы их чтение наталкивало на вопросы, будило бы мысль. С этой целью в чисто этнографическое описание должны вводиться сведения экономического и демографического порядка, способствующие уяснению описываемой группы или народа, как производительных сил страны. 5) Во избежание однообразия в изложении отдельных очерков каждый из них должен быть составлен в собственном плане, благодаря чему описания, несмотря на вынужденную сжатость, будут тем не менее освещать жизнь и быт народов по возможности всесторонне. 6) В изложении следует отказаться от общих мест при описании народов и вести изложение на конкретном и надежном материале. 7) Поощряя самостоятельное чтение юношества в области этнографии и отвечая потребностям переживаемого момента, необходимо каждый очерк снабдить указаниями и краткой характеристикой доступной литературы, а в отдельных случаях и указаниями маршрутов, которые могут быть использованы юными экскурсантами. Последнее обстоятельство должно иметь особое значение, как теоретическое, так и прикладное. Конкретные строго научные сведения могут быть положены юным читателям в основу занятий краеведением и дать руководство к этнографическим полевым записям во время таких экскурсий.

Так перечисленными семью пунктами намечается характер и примерная программа очередных очерков, посвященных народам северной Азии.

[Черновик]

Народы Сибири, Монголии, Маньчжурии

Народы восточного Приморья

Характерные особенности. Побережье Вел.[икого] Океана.

Гольды, Айны, Гиляки. Их жилище, хозяйство, обществ[енный] строй, пища, одежда, пути передвижения, взаимоотношения с соседями. Гольды — следопыты. [Нрзб.]. Портреты исследователей: Арсеньев¹, Маак² и др.

Палеоазиаты (чукчи, юкагиры, камчадалы). Страна. Хозяйство. Характеристика степных народов. Их взаимоотношения. Кам[енные] орудия. Искусство (Резьба). Жилище.

Палеоазиаты в русской беллетристике.

Портрет Врангеля³, [Нрзб], Иохел[нрзб].⁴

Полярная Русь. (Русское Устье. Марковцы.⁵) История прихода русских. Сохранение культурных ценностей. Хозяйство. Взаимоотношения с туземцами.

Былины. [Нрзб], Одежда, Пища.

Сибирские турки. (Якуты, карагасы). Территория. Тип. Хозяйство. Ораторское искусство: Эпос. Горожане и жители [нрзб.]. Короленко у якутов.⁶ [Нрзб.]

Портреты Пекар[нрзб. и сокр., всего 3 фамилии — В. Г.]⁷

Маньчжурия.

Тунгусы (Титович)⁸

Разнообразие территорий. [Рукой Е. В. Калининой — Олень [Нрзб]] Родственники их маньчжурдши.

Смесь с русскими. Эпос.

[зачерк. — См[отри] в ж[урнале] «Время и люди»]

[Рукой Е. В. Калининой: ф. [форма? — В. Г.] вышивок. [Нрзб.] — Способы выючения.

ф. [Нрзб] Титович.⁸

ф. упряжки]

Монголы и буряты.

а) Монголы. Страна. Характер населения. Отношения к соседним народам. Хозяйство. Жилище etc. Положение женщины.

б) Буряты.

[Рукой Е. В. Калининой — Автоном.[ная] бурят.[ская] республика. [Нрзб] — курение. Народы [нрзб]. Дацаны (рисунки [нрзб] — Праздники. Борьба. Седла. Охоты. — Типы бурят. Портреты Банзарова и Хангалова.⁹ Монгольская письменность у бурят. Потанин¹⁰. Жилища зимние и летние.

Сибирские степняки.

[Рукой Е. В. Калининой — Киргизы. Конские бега. Ку-
мыс.

Зимние и летние жилища.

Способы передвижения. Верблюды.

Киргизы в худож.[ественной] литературе.]

Маньчжуры.

(Страна, условия жизни...

Связь с сибирскими народами.

Торговля.

[Рукой Е. В. Калининой — Обычное право, Семейный ук-
лад. Коллективное право собственности на землю.
Имущ.[нрзб.] на продукцию питания и движимость.]

**3.Материалы, относящиеся к программам собирания
игр и игрушек**

V

Собирание материалов по играм:

Нужно в каждом месте собирать [зачерк. — выжать] ре-
шительно [зачерк. — положительно] все, что можно выискать:
так настойчивая ягодница «обирает» куст [нрзб] черемухи. Не
нужно бояться повторений: чем больше их будет описано, тем
лучше. Поначалу очень трудно, очень сложно. Но достаточно
записать 3-4 игры и трудности [зачерк. — понемногу] начнут
легчать.

VI

...Каждое требование, каждый пункт или вопрос программы
должен быть обоснован и выведен из основной цели.

VII

Военные хитрости, которыми можно [нрзб] при собирании
материалов о детских играх. — Стр. 86-87.¹ использовать в
отделе общих указаний; там же можно сказать и о [нрзб., возм.
— «подкладыше»]²

О точности языка — сказать обстоятельно, подчеркнув к
слову значение этнографических понятий в отношении разви-
тия, наблюдательности и выработке точного языка.³

VIII

«Матка»¹

Выкрики перед началом игры
(Потанин 118, Бухубарильджи)²

Считается ли данная игра наиболее любимой. Что ее делает любимой: разнообразие способов игры (указать все способы), точность ли правил, простота или оживленность, выигрыш ли [вставка — если игра связана с выигрышем то] В чем он выражен?

См. Потанин — состязания в беге.³

11 стр. моей брошюры: нет ли дней когда одаривают детей игрушками...⁴

См. свис[нрзб., возм. — свистопляска — В. Г.] Зеленина.⁵

IX

Время, когда происходят игры.

Игры, отражающие обряд.

Состязания в беге.

Заимствования в обл[асти] игр или игрушек.

Указание на время дает объяснения устройства игрушки. Старики любят смотреть на эту игру и садятся около какой-нибудь колоды или бревна.

Окраска игрушки объясняется временем когда происходит игра.

Связана ли игра с выигрышем? См. заметки, выписку о карточной игре... // Или раньше: игры без приспособлений.

X

Пример, показывающий как важно отмечать подробности изготовления принадлежности игры и игрушек.¹

XI

Число участников игры. Ограничено ли оно правилами игры; чем обусловлено это ограничение. Если не [нрзб] отметить и это. Правило игры. Как они называются («Уговор»?).

На всякий случай составь план I т. В. Н. Харузиной¹.

XII

5. В любое ли время года наблюдается ли эта игра или она связана с определенным сезоном? [вставка с полей — На-

пример «бирульки» — зимняя игра, «в клетки» — весенняя, летняя и т. д.] Не приурочивать ли к какому-нибудь определенному, например праздничному дню? [вставка с полей — Свистуны¹] Приурочивать ли к той или другой части дня — к утру, вечеру и т. д. Например, у монголов игра «цаган-мото» (белое дерево) происходит, по описанию Потанина 119, в летнюю лунную ночь...²

У Киргиз на Алтае...³

Указание на время игры в иных случаях, как в приведенных делают понятным устройство приспособлений для игры. Некоторые особенности игрушки (например ее окраска) в свою очередь могут указывать время когда совершается игра.

Ср. 5 [нрзб] у Калмыков, записанных Бадмаевым.⁴

XIII

7. Дать подробное описание игры, отметив правила ее, ход, приспособления игрушки* [сноска — игры часто связаны с игрушками, поэтому следует собирать их] способы измерения расстояния и т. д.

8. Кто следит за ходом игры, соблюдением правил и т. д.?

9. Способ выбора вожака (у русских «матки»). Способов, которыми дети определяют, кому из них начать игру, быть вожаком, довольно много: «счет», «конанье» состоит в том, что кто-нибудь из участников произносит детское произведение стихотворной формы, слегка ударяя товарищей, после каждого слова и др. Записать текст счета, конанья и прочее, отметив, каким действием сопровождается произнесение его, всегда ли в данной игре произносится этот текст или [нрзб] и каким-нибудь другим?

10. Если игра сопровождается песнями, записать песни. (Песни, как и счет, и т.п. записывать лучше от неграмотного).

11. Не известно (установить путем опросов молодых и старых) когда впервые появилась в Вашей местности эта игра?

12. Кто и при каких обстоятельствах занес сюда эту игру? [зачерк. — не известно ли откуда?]

13. Не наблюдалось ли изменений в порядке, правилах и содержании занесенной или давнишней игры? Указать какие имелись изменения, и под влиянием чего они возникли?

14. Район распространения игры. В каких селах [вст. — улусах и др.] и деревнях известна эта игра (назвать их, указать волость, уезд, губернию)?

15. Отношение взрослых к указанной игре (одобрительное,

неодобрительное)?

16. Отметить описана ли данная игра по личным наблюдениям или по опросу ребят, взрослых, или по собственным воспоминаниям. В последнем случае указать, к какому времени и какому месту относится воспоминание, наблюдается ли эта игра теперь, если не наблюдается, давно ли стала забываться? Если игра описана по опросам, сообщить имя, отчество, фамилию сообщившего, возраст, грамотный или нет, если грамотный — [на нижних полях листа запись — См[отри] об[орот]¹.

XIV

III

11) Если игра с песнями, то следует их записать.

12) Район распространения игры, если его можно установить.

Так как игры тесно связаны с игрушками, и наоборот, то следует собирать и игрушки. При собирании игрушек необходимо отметить следующее:

1) Местное название игрушки.

2) Кто сделал: имя, фамилия, лета, грамотный или нет, если грамотный, то сколько времени обучался; Эти же сведения нужно записывать и о сообщавшем игру.

3) При каких играх употребляется игрушка.

Следует собрать игрушки, сделанные самими детьми, хотя бы они казались грубыми и некрасивыми. 19.V.1919.

XV

При собирании игрушек и приспособлений для игр записывать:

а) Местное название игрушки.

б) Происхождение игрушки: кто сделал ее — сами ребята (кто именно) или при помощи взрослых и т. д. [вставка — см. внизу. Каким условиям должна удовлетворять игрушка или приспособление для игр: Потанин, 120 («сапхвы» и «ак-сюск»)]¹

в) Назначение, способ употребления игрушки.

При невозможности переслать игрушки, сообщить, кроме того, сведения о материале, размерах, форме игрушки и т. д.

[Вставка с полей — дать сведения о сезонных игрушках: пикулька и др. Большого внимания заслуживают игрушки, изготовленные в определенный какой-нибудь день, например в некоторых местах Иркутской губернии (Васильев вечер, (канун нового года)) делают «фуфарки» или «фурфалки». [вставка — Способы распространения игрушки; нет ли праздника, связан-

ного с продажей игрушек, если есть, надо попытаться выяснить происхождение этих праздников. См. «[нрзб]» из Зеленина². Есть ли разносчики игрушек, лавки и пр.? (См. выписку из Поздеева)³.

Способ приготовления?

Используются ли кости животных? Способ приобретения игрушек?

Где и как хранят игрушки в обычное время (не прячут ли их (все ли) в некоторые дни (какие именно) с особым старанием. Нет ли примет, связанных с игрушками (или вообще игрой)?

4. Другие материалы по играм и игрушкам.

XVI

Несмотря на обильный материал, накопленный этнографами разработка его не может считаться законченной. От Герберта Спенсера¹ до Грооса² теории игры, то есть вопросы, касающиеся ее происхождения, значения и пр., не перестают возбуждать все возрастающий интерес; различные взгляды на этот предмет далеко еще не приведены между собою в соответствие.

XVII

Собраны и описаны целые сотни игр, встречающихся в Китае, Японии, Индии, в Европе и Америке, в городах и селах и у так называемых первобытных народов. Истории многих игр прослежена до глубокой древности и доказано, что некоторые из них являются «перечитками» (о них см[отри] ст[атью] Титова¹) древних богослужебных и иных обрядов, типов давно оставленных промыслов и т. п. Привести примеры (см. мою брошюру², ст[атью] В. Харузиной³, Глагол[ь]⁴).

* Еще [нрзб] девочки — из II т. Этногр[афического обозрения].⁵

XVIII

Было бы в высокой степени интересно получить сведения о народных играх русских в Америке.

XIX

12 — в Госиздат.

Игры нового образования.

Интерес к археологической стороне народных [зачерк. —

игр] быта, господствовавший в науке до самого последнего времени, не должен затенять иных сторон его. Наблюдая игры нового образования мы присутствуем при зарождении первых стадий развития игры. Это открывает нам доступ к пониманию истории игр.

XX

Сб[орник] Игра и игрушка как материал этнографии. Психология народа вкус его ets.¹

Обратим внимание на самые простые народные игрушки, выработанные веками и исполнявшиеся старшими не для продажи, а для передачи ребенку²; делавший их хотел передать детям то, что радовало его самого, то, что любил он: резчик изображал коня с круглой шеей, птиц и животных, радующих его сердце как охотника, и пестро расцвеченных женщин; мужчины изображались в большинстве случаев как придаток и то как дополнение мало интересовавшее мастера.

Бартрам — О возможности выражения в игрушке народного творчества. Аполлон 1913 №2³

XXI

Вероятно воплощению игрушки соответствуют не только экономические соображения [нрзб], но и эстетические. Фабричные игрушки кажутся простонародью изящнее, менее мужицкими.

Необходимо отметить: как и все игрушка вымирает; причины — см[отри] выше.

XXII

Москва, Остоженка 53, Институт игры и игрушки. В. Г. Марцу (директору института). Статья при посылки оттиска.

XXIII

Народные игры и увеселения.

Вечерки, гуляния, забавы. Карточная¹ игра «Царь Максимилиан» (шайка разбойников; имеющая четыре текста пополнить через Вас[илия] Дм[итриевича] Петропавлова, которому известен вариант, отличный от имеющегося у меня.

5. Материалы к проекту составления сборника игр.

XXIV

30.VIII.1922. Приходит мысль, не целесообразно ли составить сб[орник] игр из тех материалов, которые не использова-

ны Покровским. ¹ С этой целью обозреть все, что доступно в Иркутске, сличить, записать, отметить параллели. Предпослать две статьи — этнографическую и педагогическую.

XXV

[зачерк. — утро в Иркутске 5.III.1922.]

Детские народные игры.

В конце поместить указатели, помогающие ориентироваться в сборнике: предметный, географический, классификаций игр, не уложившаяся в плане сборника игр: по сюжетам, по возрастам, по полу и т. д.

Сравнить со сборником Покровского¹ и других авторов. Если есть возможность отметить влияния (местные) сделать это.

6. Материалы по теме и программе «Детский фольклор и быт».

XXVI

15.IV.1929. Если когда-нибудь мой детский быт будет написан, то там должен быть включен очерк о забавах; туда войдут и блины¹, и отмыкание и замыкание², и пр. При переработке детского календаря (= первый очерк детской этнографии) описание забав сократятся, до простых ссылок на главу или очерк о забавах.

XXVII

Я хотел бы, что бы на соби́рание материалов по этой программе, читатели взглянули бы как на всенародную детскую перепись..., которая ставит серьезные задачи — научные и педагогические. Если моему желанию суждено будет осуществиться, и материалы будут сосредоточены в одном месте, в ближайшее время мы будем иметь вклад в этн[ографическую] и пед[агогическую] литературу.

*) я прошу (не настаиваю) слать их в адрес.

XXVIII

М. б. следует в конце брошюры сказать, что собранный по программе материал следует слать по такому то адресу, что начатое дело можно развить шире, можно устроить выставку и пр.

Рассказ об обмиравших послужил зерном этого произведения. Что может дать такой бедняк как Гамлет. ²

7. Материалы к семинару о детском фольклоре славян, педагогические заметки.

XXIX

[Виноградов Г. С. Материалы к семинару о детском фольклоре славян и другим работам (План семинара, библиография). 1920-е годы.]

[Карточка 1]

Частные темы.

1. Детский фольклор славянских народов в русской литературе (журналах — специальных и общих — оригинальных и переводных: описаниях, беллетристике и пр.)

2. Славянство в русских литер.[атурных] журналах (Нива, Иллюстрация, Иллюстр.[ация] Габста, Кругозор, Север, Родник, Детский Отдых, Р[усский] Паломник, Странник, Родина, Тропинка, Прекрасное Далеко, Природа и Люди, Огонек, Вокруг Света, Восход, Литературные Семейные Вечера, Развлечения, Русская Иллюстрация, Искры, Маяк, газ.[ета] Совр.[еменное] Слово (Сытина) -воскр[есные] номера.

3. Дети и детский быт (преимущ.[ественно] простонародный и школьный в изображении художников (картины, иллюстрации в книгах, журналах и пр.)

[Карточка 2]

[зачерк. — 1927]

1. Детский фольклор (славянских народов).

2. Материнская поэзия (Поэзия пестования).

3. Детский фольклор в художественных произведениях.

4. Судьбы восточных славян в Северной Азии.

(= Восточные славяне в Северной Азии)

5. История русского славяноведения.

6. Константин Калайдович¹

7. Словарь сибирского просторечья.

8. История русской этнографии.

(М. б. это будет Compendium, а м. б. Словарь «русских» этнографов, т. е. писавших по вопросам этнографии русского народа в полном объеме: иметь в виду Русс[кую] зарубежную.)

[Карточка 3]

Христианство в народном аспекте.

Русские календари (Ступина, Сытина, Гатцука и пр. ²), как источник сведений о зарубежном славянстве. (Портреты славистов, славянских деятелей, их биографии, статистические сведения; м. б. специальные статьи) 27(14).XI.1932.

Деревянные (и костяные) календари.

*Русские проповеди как средство популяризации сведений о славянстве.

[Карточка 4]

Скороговорки.

Русские загадки (по поводу книги М. А. Рыбниковой ³)

Русские народные говоры Сибири.

(По поводу труда А. Д. Григорьева в ж[урнале] Siberia ⁴)

См[отри] черновик рецензии...

Божена Немцова и чешский детский фольклор. ⁵

(к семидесятилетию со дня смерти + 1862)

[Лист 5]

Даничич Юрий. Сербо-хорватский словарь. ⁶

См[отри] с[лово] Калайда.

[Лист 6]

Скоморохи. Фаминцын, Веселовский А. Н. Разыскания Жамбинского

(в ЖМНПр 1908 или 1907 (?))⁷

[Лист 7]

Брячкининов Ник[олай]. Восток и Запад. М.1919.

[Лист 8]

Н. М. Языков⁸. Справки в архиве К. Я. Грота⁹

П. К. [Нрзб.]

[Лист 9]

«Хр.[иристианская-?] Мысль» 1917-1918.

о Кожевникове. Некролог. ¹⁰

[Лист 10]

Пушкин в мировой литературе. Сборник. Статья Якубовича: «Предисловие к «Повестям Белкина» и повествовательные приемы Вальтер Скотта. (Роль эпиграфов).

Гофман отмечает заимствование некоторых формальных своеобразностей «внешние приемы писания»: эпиграфы из народных песен и пословиц и писателей XVIII в. Княжнина, Фонвизина, Хераскова. Приемы доведены Пушкиным до совершенства»¹¹.

[Лист 12]

Род Разумовского Васильчикова (О Старой Москве).

[Карточка 14]

Труды Вольного Экономического о-ва. 1881, I, С.229 и сл.[едующие] Статья Н. Базилева (окончание*). Русский крестьянин в главах А. Н. Энгельгардта и его сельскохозяйственной деятельности (Энгельгардт — автор писем «Из деревни»). М[ежду] пр[очим]: «Учиться у мужика есть чему, мужик обладает громадной опытностью и знаниями... Везде и во всем громадная масса знания и опытности. См.[отри] об.[орот]

*Начало: Труды, т. 1, вып. 1, 1881, с. 30 и сл[едующие].

[Оборот карточки 12] Что касается умения считать..., то на это крестьяне — мастера первой руки. Чтобы убедиться в этом, стоит только посмотреть как крестьяне делят землю, рассчитываются возвратясь из извоза и т. п. (Это пишет сам землемер)...

Словом надо книгу Энгельгардта внимательно прочесть.»¹²
12.XII.1932 н. ст.

[Лист 15]

[Нрзб]

1. Богомол.[ьцы, — лье -?]

2. Калайдович¹

3. Сектантство прыгунов в «Пб.[Петербургской] Листке»

С [Нрзб] поговорить о 6 издании К. Я. Грота.[строка-поперек листа — В. Г.]⁹

(Мих. Ив. Пашин не сообщит ли П. К-чу сведений по истории книжной торговли в Сибири)

([Нрзб — Упоминаются фамилии Сытина. Ступина, Гатцука, календари])²

[Лист 16]

Clarissima. Кл. Леон. на какое число можно договориться.
На дом.

Календарь, изд. Гатцука (любой разновидности.) — годы
любые, начиная от начала и идя к концу или наоборот от конца
к началу.²

[Лист 17]

Краткий обзор изучения хозяйственного быта сибирского
населения. Скотоводство.

[на обороте] Г. Виноградов 10.XI.1932.

Г. Виноградов.

XXX

М. б. удобно проследить такой способ постановки вопро-
сов: в 1 — 2 лекциях проследить, например, по Пыпину¹, так
[далее краткий текст старательно заштрихован — В. Г.]

XXXI

Приходит в голову мысль: не поставить ли темой семинар-
ских занятий народные игры или народные детские игры — с
тем, что бы из имеющегося материала вымать все этнографиче-
ские элементы — верования, представления, язык, материальная
культура и т. д. и т. д.

1. Выжимка элементов и классификация их.
2. Развитие частных, отдельных, классификаций, тем...
3. Разработка каждой из этих тем, путем привлечения па-
раллелей, вариантов.
4. Проверка на почве данных этнографии данной народно-
сти и общей этнографии.

XXXII

Учителю и самому интересен альбом или набор рисунков из
детской жизни. Вспомним картину: семья художника, сама об-
становка говорит, об интересах обитателя.¹ Другая картина
Толстой в своем кабинете: пил, коса, [зачерк. — чернильница],
бу[мага], письменный стол... — все говорит о Толстом.² Это
не случайно; это не только отражение интересно, тона, обста-
новка создает человека для данной работы. Соответственно ин-
тересам и запросам учителя обстановка даст и ему нужные ус-
ловия проникнуть в детскую жизнь, войти в психологию детей.
вчувствоваться в их игры...

«Играющие мальчики» Перов. ³

XXXIII

Мы не думаем, что бы в наше время нашелся серьезный педагог, который бы сознательно обошел без внимания данные этнографии и не почерпнул бы в них ключа для объяснения многих явлений окружающего его народа. В какой мере необходимо и полезно ему знание этих явлений — об этом много говорить нет необходимости.

8. Теоретические рассуждения по этнографии, черновики статей.

XXXIV

Игры. Материалы для программы по этнографическому изучению игрушек. [зачерк.] — Что не дано вначале определения науки — дать предварительное определение. ¹ Почему она вылилась в отдельную дисциплину? В I — подчеркнуть значение духовной культуры; надо подчеркнуть матер. [иальную] и сем. [ейно] — социальную. Разрушение теории интеллектуального мышления — подробнее.

XXXV

Пыпин придает громадное значение этнографии и выражал неоднократно свои взгляды относительно правильной, широкой постановки этой науки, «от успеха которой так много зависит наше знание народа». Он не признает этнографической науки книжной. Материал, над которым работает ученый, по мнению Пыпина, должен быть прежде всего собран в народной среде, в живом народном быту, не только внешнем — в обиходе народного права, обычая, промысла, но и в быту внутреннем — в задушевном мире народной поэзии, верования и предания¹. Исследователь, какой бы обширной эрудицией не располагал бы в объяснении этнографических фактов, прежде всего зависит от своего материала, от степени знания и искусства собирателя. Ученый сам редко бывает собирателем — а при такой громадной области наблюдения, с какой должна иметь дело вся русская этнография, соединение обеих работ в одном лице является просто немыслимым. Итак, этнографическое собирание составляет в науке дело первостепенной важности; чем более и шире ведена работа собирателя, тем значительнее могут быть выводы исследователя.

XXXVI

Со словом этнография [вст. — обычно] связывается

представления о чем-то мертвом, способном интересоваться далеко не всякого, о чем-то далеком от жизни, не имеющим с жизнью [вст. — вообще], с текущей жизнью [вст. — особенно], ничего общего, никакого соприкосновения. Такой взгляд является плодом некоторого недоразумения, порождением со одной стороны, того дилетанта, о котором Шпет говорит, что он в стороне от исканий и от достижений¹, с другой стороны того уклона, который замечен в этнографических изучениях, в сторону рассуждений к археологической стороне народного быта. К этому надо добавить, что этнография, как недавно обособившаяся наука, дисциплина* [на полях — * Широкогорлов²], еще не завоевала себе достаточно прочного места в университетских кафедрах** [на полях — ** См.: Курс. История этногр[афии]]³. В то время, как в Германии, Америке..., у нас лишь в последнее время Географическим институт, где нашли приложение своим силам Штернберг⁴, Богораз⁵, и др.*** [на полях — *** см. Объявление. Географический Институт]. Нет ничего удивительного, что, например в Италии пятисотстраничные труды по народной медицине находят сбыт,**** [на полях — **** см. выписку из Ковалевского⁶], а у нас [продолжается на стр. 43 об. — В. Г.] приходится [зачерк. — доказывать] ставить вопрос о праве этнографии на существование. А между тем едва ли какая-нибудь другая научная дисциплина так близко связана со всеми сторонами жизни как этнография.[вставка с полей — Если признать, что особенностью нашего времени является внимание к культуре народных масс***** [на полях — ***** Тан. Пред[исловие] к Отшельнику⁷], то только этнография может подвести ближе к пониманию поставленных [зачерк. — историей] моментов вопросов. Это нужно сказать, впрочем, не только о наших днях, о переживаемом моменте. Не говоря о философском значении этнографии, в смысле расширения и улучшения нашего мировоззрения***** [на полях — ***** См. Курс. Вступ[ительная] лекция]⁸, она никогда не была, пользуясь выражением Ключевского⁹, пустым кораблем, идущем без настоящего груза... Торговля (О. Рихтер — об атласе и др. ¹⁰), губернаторы... Насколько важна была этнография для практических надобностей свидетельствует тот факт, что даже карательные...*

XXXVII

... что та часть частушек, которая по какой-то причине не попала в сборничек, отражает события последних лет. Об этом, может быть позволительно судить, сопоставляя данные, касаю-

* Ряд листов в архиве Г.С.Виноградова отсутствует. Оборванные фразы заставляют предполагать, что отсутствующие листы изъяты «особым отделом» (ред.).

щиеся других мест России. Не опубликованное еще собрание частушек, записанных в последние годы в разных уголках Иркутской губернии, сколько мне известно, содержит некоторый процент и политической частушки.

Речь оратора о саботаже, спекуляции была подхвачена молодежью.

[зачерк.] —	Колчак на горе	Ай, яблочко,
	Самогонку гонит,	Что за нация,
	А Деникин под горой	Кругом саботаж
	М-к ловит	Спекуляция

[на полях, другим почерком — каждую строчку частушки с заглавной буквы начинать не следует]

Речь о завоеваниях революции тоже нашла отзвук в частушке (Тулун)

Все палаты и дворцы	
И так далее	
Стали собственностью	
Пролетарии.	(Куйтун) ¹

Речь ораторов о том, что «кто не работает, тот не ест» подхватила и частушка.

Бох ты мой, бох,	
Што ты ботаешь,	
Ты на небе живешь,	
Не работаешь.	(Тулун, Иркутск)

9. Разнообразные заметки, инструкции, рецензии.

XXXVIII

Инструкцию по собиранию сведений по народной медицине не изменить ли, не переделать ли в обращение, пространное обращение к собирателю. Написать его в виде беседы¹. Вставить то место из моего «[Нрзб]», где говорится о Потанине², а главное вносить не только биографии, но также воспоминания или записи о встречах, впечатлении, образцом, которых являются воспоминания и характеристики А. Ф. Кони.³ Тут же рассказать о собирательских показаниях, об ист[орическом] значении и т. п. Собиратель должен помнить, что помимо его желания, его записи отражают субъективное восприятие, в интересах науки надо поступиться кой-чем и сказать о своих сборах все, что даст [нрзб.] в отношении их то или другое положение.

XXXIX

...ствам принадлежат мускус, имеющийся у них под рукой, от кабарги, и бобровая струя, которую они получают от сойотов.¹

Гл. [авное] занятие их состоит в зверином промысле, преимущественно соболей и белок. Промысел начинается в ноябре.

Они охотятся винтовками и собаками, а не плашками и ловушками, которые более в употреблении у русских промышленников... Кар-ские [карагасские -?] собаки, род шпицев среднего роста, белого изжелтого цвета, с верхним чутьем, т. е. преследуют зверя подняв морду. Зверь, преследуемый собакою бежит под дерево; но тут собака останавливается, с сильным лаем, до прихода туда на лыжах охотника. Поставив винтовку на сошки, охотник долго целится, пока зверь не представится в выгодном положении, п. ч. [почему -?], чтобы не испортить [продолж. на Л. 11, об.] шкурки старается всадить ему пулю прямо в лоб, и обыкновенно в этом успевает. Другой предмет звериного промысла — лоси и изюбры. К ним подкрадываются, узнав место около озера, куда отправляется лось, измученный мошками для купания, или для отыскания любимых им водяных растений, тут и караулит его К. [арагас]², сидя иногда несколько дней под кустом. Другое время промысла лосей и изюбров в марте и апреле: тогда преследуют их на лыжах, по весьма глубокому, но на поверхности замерзшему снегу, где охотник может проскользнуть, но где звери вязнут. Медведей бьют из винтовок. С удивительной быстротой заряжают кара[гасы] свои винтовки: от этого у них на груди висят в костяных патронах два заряда, а во рту держат они свинцовые пули, которые обкусывают зубами. [Есть знак продолжения повествования на другой странице, но она в архиве отсутствует.]

XL

Заявление о бирках¹. Заметки о книгах для А. И. 2) Н. С. 3) Ел. Ан. Папка архивная. Отнести тетрадочку с заговорами.

Написать в архивную комиссию о виденных архивах, дав характеристику их, указанием на содержание дел, отметить порядок хранения.

XLI

[Сверху, другим пером — Народная психология (Вино) Пути к познанию народа.]

Как ни странно, оценка выставки русского народного творчества в Осеннем салоне (Париж 1913) не вызвала разногла-

сия ни среди публики, ни в критике. Не потому, конечно, что представленные вещи стояли выше критики, а потому, что народное творчество настоящее разнообразно и неожиданно в своих проявлениях, что каждый, кто попал на выставку, находил для себя интересные предметы.

...Молодые художники особо ценили трактирные подносы, игрушки и лубки. Наконец ученые критики долго останавливались перед лубками и иконами.

Луи Воксель писал в «Gilblase»: «...фольклор всегда производит какое-то освежающее впечатление. Эти безделушки, вышивки, ковры, это плавная скульптура в игрушках, эти тысячи других приятных мелочей — включая слепки из пряников! — все это раскрывает перед нами еще уголок славянской души¹, в которую народные мелодии и танцы нам уже дали возможность проникнуть. Как было бы хорошо слушать, передать архаическими игрушками и иконами, почерневшими от ладана и дыма, божественную скорбную и девственную песню из «Бориса Годунова»!...»²

Другие критики, как Жан Вильмер, отмечают родство народной и детской души и любовь северных стран к яркой краске. Поль Пиэллес останавливается на любопытной особенности русских народных игрушек: все они изображают взрослых людей. Особенно внимательно отнеслись к выставке художники передового направления. В трактирных подносах, лубках и игрушках они видели не только «забавные и любопытные» вещи, как выразились большинство газетных критиков, но и произведения искусства имеющие настоящую художественную ценность.

Лучший французский художественный журнал «L'Art Decoratif» посвящает специальный номер выставке русского народного творчества. В номере содержательная статья Я. А. Тугенхольда посвященная народному лубку. Больше 40 репродукций иллюстрируют текст.³

Арсен Александер пишет в «Figaro»: выставка русского народного искусства, прекрасно устроенная г-жой Эренбург, бесконечно забавна своими куклами, этими принцами, выдуманными крестьянами, этими упрощенными животными и пряничными людишками, которые, без претензии, также гениальны, как и большинство слишком гениальных современных вещей, но стоят дешевле и могут быть в крайнем случае съедены, если бы не следовало их лучше оставить для назидания и обучения.

...Любопытно отметить, что многие из критиков, говоря о выставке, приветствуют ее как первую ласточку и выражают надежду что Salon d'Automne займется французским народным творчеством.

Гелиос, 1916.⁴

Комментарии.

Предисловие.

1. Георгиевская-Дружинина Евгения Васильевна — друг Г. С. Виноградова, литератор, автор книг по искусству и детских книг: Памятники старинного русского искусства Суздальского музея. М., 1927; Ить-Аяк и другие: [Повесть]. Л., 1929; Рассказ о Ефиме, мальчике неврдомом и о поэте Демьяне Бедном. М.-Л., 1930 (в соавторстве с Е. В. Калининой); Нечай (Степан Разин). М. 1931; Гиль на Москве: (Мятежи XVII века). М., 1933; Человек летает: Биографическая повесть о жизни Н. Е. Жуковского. Л., 1947; Зодчий А. В. Щусев. М., 1955 (в соавторстве с Я.А.Корнфельдом).

2. Письма Г.С.Виноградова М.К. Азадовскому. // Литературное наследство Сибири .- Новосибирск.- 1969.- Т.I.- С. 206.

3. Калинина Елена Васильевна (1880-1942) — близкий друг Г.С. Виноградова, писательница, искусствовед, автор книг: Ребята из которых вышел толк. Л., 1929; Рассказ о Ефиме, мальчике неврдомом и о поэте Демьяне Бедном. М.-Л., 1930 (в соавторстве с Е. В. Георгиевской-Дружининой); Грозный Дон: (Булавинский бунт). М., 1931; История города Воронежа (1586 — 1712).

4. РОРНБ.Ф.1034 Калинина Е. В., ед.хр. 148, л.48-186.

5. РОРНБ.Ф.1034 Калинина Е. В., ед.хр. 148, л.62.

6. РОРНБ.Ф.696 Симони П. К., ед. хр. 148, л. 16.(адрес — поздравление с 75-летием П. К. Симони от Г. С. Виноградова).

7. В частности, о карагасах в это время много писал И. А. Евсенин, в основном в газетах и журналах («Земская жизнь», «Сибирские огни»).

8. РОРНБ.Ф.1034 Калинина Е.В., ед. хр.21, л. 34, 36-40.

9. Виноградов Г. С. Этнография и современность. // Сибирская Живая Старина. — 1923.- Вып. II.- С.3-21.

1.Автобиография Г. С. Виноградова.

I.РОЭ РНБ.Ф.696 Симони П. К., ед. хр. 148, л.1 об.

— 2.

1. Метальников С. И. (1870-1946) — известный русский биолог, профессор. С 1918 года работал в Париже.

2. Макаренко А. А. — этнограф, фольклорист, автор книг «Сибирский народный календарь» (СПб., 1913; переизд. — Новосибирск, 1993.); «Промысел красной рыбы на Ангаре» (СПб., 1902); «Сибирские песенные старины» (СПб., 1907).

3. В 1916 году Г. С. Виноградов получил Серебряную Медаль Русского Географического Общества по отделению этнографии. См.: Исторический Вестник. — 1916.-Март.-С.921-922.

2. Проспекты неизданных книг.

II. Проспект книги «Как играют наши ребята».

РО РНБ. Ф. 1034 Калинина Е. А., ед. хр. 148, л.3-5.

Машинописный текст заявки на книгу, с исправлениями, сделанными рукой Г. С. Виноградова. Последний раздел зачеркнут (со слов: «Краткий пример киргизской игры...»).

По архивному обозначению текста книга замысливалась в соавторстве с Е. В. Калининой.

III. Проспекты книги «Дети СССР».

Черновик №1. РО РНБ, Ф.1034 Калинина Е. В., ед.хр. 152, л.4-6. Карандаш, в полный лист, рукой Г. С. Виноградова. Две строчки (между IV и V пунктами; от слова «Дети» до «...Арсеньева и Титова») — другим почерком, рукой Е. В. Георгиевской-Дружининой.

Черновик №2. Там же, л.3-4.

Карандаш, рукой Е. В. Георгиевской-Дружининой.

Беловик. Там же, л.1-2.

Печатный текст с карандашными вставками, исправлениями и добавлениями рукой Г. С. Виноградова.

Настоящие тексты представляют из себя три черновых редакции проспекта неосуществившегося издания Г. С. Виноградова и Е. В. Георгиевской-Дружининой «Дети СССР». Тексты расположены в порядке приближения к «беловой» машинописи. Концепция, идея структуры, форма изложения (судя по первой редакции, сделанной его рукой и редакции третьей) принадлежит Г. С. Виноградову.

1. Марков В. С. Шахсеваны на Мучани // Записки Кавказ. отд.-я Геогр. о-ва. — 1890.-Т.XIV.- Вып. 1., прил.- С.1-62. (О персидских кочевниках, «говорящих азербейджанским языком»).

2. Толстой Л. Н. Казаки. (Впервые напеч. — журн. «Русский вестник». — 1863.-№1.)

3. «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» — известное продолжающееся издание, содержащие экономический, географический, статистический и этнографический материал. Выходило в Тифлисе с 1881 по 1929 год.

4. Немирович-Данченко В. И. (1848-1936) — известный беллетрист, автор многочисленных романов и повестей, в том числе и о Кавказе — «Воинствующий Израиль»; «Забытая крепость»; «Кавказские богатыри»; «Горе забытой крепости»; «Под горячим солнцем»; «Беспросветная глушь». Ряд повестей В. И. Немирович-Данченко предназначены детям, на которые мог ориентироваться Г. С. Виноградов — «В горных высях» (М., 1909); «Царица Тамара» (М., 1910); «Вольный Шамхор» (М., 1910); «Рыцари гор» (М., 1911); «Поднебесный аул» (М., 1917).

5. Желиховская В. П. (1835-1899) — известная детская писательница, автор многочисленных книг, в том числе и о Кавказе — «Мамед Селим» (Тифлис, 1879); «Взрыв» (1879); «Кавказ и Закавказье» (СПб, 1885); «Сидорыч Безыменный. Из рассказов старого кавказца» (СПб, 1887); «Ермолов на Кавказе» (СПб, 1889); «Князь Илико, маленький кавказский пленник» (СПб, 1893); «Наши воины православные» (СПб, 1885); «Кавказские рассказы» (СПб; 1895); «Кавказский легион» (М., 1897); «Первые донцы на Кавказе» (М., 1901); «История мальчика — молокана» (СПб, 1905); «Кавказские легенды» (СПб, 1909).

6. «Известия Общества археологии, истории, и этнографии при Императорском Казанском университете» — журнал, издававшийся в Казани с 1878 по 1929 год.

7-8. Три строчки вписанные в виноградовский текст рукой Е. В. Георгиевской-Дружининой.

7. См. №3.

8. Арсеньев В. К. (1872-1930) — исследователь Дальнего Востока, писатель и этнограф; Титов Е. И. — этнограф, автор ряда статей в «Сибирской Живой Старине», участник семинара по русской этнографии на педагогическом факультете Иркутского Государственного Университета, которым в начале 20-х годов руководил Г. С. Виноградов.

9. Прокомментировать не удалось.

10. Банзаров Дорджи (1822-1855) — бурятский ученый, философ, филолог, историк, этнограф (Собр. соч. М., 1955). Г.С. Виноградов вероятнее всего использовал его книгу: «Черная вера или шаманство у монголов и другие статьи.» (СПб., 1891.)

11. Потанина А. В. Дорджи, бурятский мальчик // Детский сборник. СПб, 1892. Переиздания — М., 1905; М., 1912. — 72с. (Б-ка И. Горбунова-Посадова для детей и юношества. №262) — рассказ о детских годах Д. Банзарова.

12. Титов Е. И. Тунгусско-русский словарь: Прил.: Кастрен И. А. Основы изучения тунгусского языка. Иркутск, 1926.

13. Требуховский П. Ф. Детский рисунок туземных народов Сибири // Сибирская Живая Старина, 1927. — Вып. VI. — С.113 — 164. Его же. Тезисы пояснительных лекций, читанных на краеведческой выставке в отделе педфака Иркутского Гос. Ун-та по графпрактикуму. // Там же, 1925. — Вып. III — IV. — С. 354-355.

14. Гантимуров Гамалиил Степанович (1850-1921) — писатель, выступал под псевдонимом Г. Т. Муров, автор книг: Из огня, да в полымя: Драма в 5 актах. Томск, 1896; Люди и нравы Дальнего Востока. От Владивостока до Хабаровска. Путевой дневник. Томск, 1901; Ганя Хмуров. Томск, 1904; Двое в одной шкуре. М., 1909; По русскому Дальнему Востоку. Люди их жизнь и нравы. Дневник странника, Т. 1-2. — М., 1909-1911.

15. Вероятнее всего Г. С. Виноградов имел ввиду известную статью В. Харузиной «Об участии детей в религиозно-обрядовой жизни» (Этнографическое обозрение, Т. I-II. — 1911, С. 1-78, где имеются наблюдения о жизни алеутов, камчадалов, гольдов и гиляков). Других публикаций семьи Харузиных, касающихся данных этносов обнаружить не удалось.

16. Дерсу Узала — герой книг В. К. Арсеньева. (См. №8)

17. Богораз-Тан В. Г. Чукотские рассказы. СПб, 1900 (в книгу вошли рассказы: На каменном мысу; Кривоногий; На реке Россомашей; У Григорихи; Русский чукча.)

18. Шкловский И. В. Очерки природы и населения крайнего севера-востока Сибири // Землеведение, 1894. — №1. — С.82-100; Там же. — №3. — С.55 — 78.; Его же. Очерки крайнего северо-востока. // Записки Восточно-Сибирского отд-я Геогр. о-ва, 1892. — Вып. 2, С.1-123.

IV. РОРНБ. Ф.1034 Калинина Е.В., ед. хр. 21., л.76-77.

Печатный текст с редактурой и вставками карандашом.

Рукой Г. С. Виноградова.

На листе 71 пункты 4,5,6,7 настоящего текста написаны карандашом рукой Г. С. Виноградова.

На листах 73-75 этот же текст, только в рукописном варианте — рукой Е. В. Калининой, но последние два абзаца текста, со слов «Последнее обстоятельство...» — рукой Г. С. Виноградова.

На листе 71 пункты 4,5,6,7 настоящего текста написаны карандашом рукой Г. С. Виноградова.

[Черновик] РОРНБ. Ф.1034 Калинина Е. В.,ед. хр. 21., л.75,79. Карандаш,рукой Г. С. Виноградова,с многочисленными добавлениями рукой Е. В. Калининой. Текст черновика крайне неразборчив в виду обильных сокращений,недописанных слов, зачеркиваний, мелкого почерка.

1. Арсеньев В. К. (1872-1930) — исследователь Дальнего Востока, писатель и этнограф.

2. Маак Ричард Карлович (1825-1886) — русский натуралист,исследователь Сибири и Д. Востока, автор книг «Путешествие на Амур, совершенное по распоряжению Сибирского отдела Российского Географического Общества в 1855 году» (СПб.,1859); «Путешествие по долине реки Уссури» (Т.1-2, СПб.,1861); «Вилуйский округ Якутской области» (ч.1-3, СПб.,1883-188.).

3. Врангель Фердинанд Петрович (1796-1870) — русский мореплаватель, адмирал, автор «Путешествия по северным берегам Сибири и по Ледовитому океану.» (Ч.1-2, СПб.,1848)

4. Скорее всего — Иохельсон Владимир Ильич (1855-1937) — известный русский этнограф, исследователь народов Крайнего Севера. См. подробнее обзор Г. С. Виноградова Этнографические изучения Восточно-Сибирского отдела Русского Географического общества. // 75 лет Восточно-Сибирского отдела Государственного Русского Географического общества. 1851-1926. Обзор работ. Иркутск, 1926.- С.21.

5. Русское Устье. Марковцы — русские поселения. Русскоустыинцы — поселенцы на Индигирке с XVII века, марковцы — на Анадыре. См.:Зензинов Д. Марковцы и русскоустыинцы. (Этнографические параллели и сравнения). Этнографическое обозрение, Т.1-11, 1914.- С.155-161.

6. См.: Сибирские страницы жизни и творчества В. Г. Короленко. Новосибирск, 1987.

7. Скорее всего — Пекарский Эдуард Карлович (1858-1934) — языковед, этнограф, фольклорист, почетный академик АН СССР. Основной труд — «Словарь якутского языка» (Вып.1-13.- СПб.-Л., 1907-1930). См. подр. Виноградова Г.С. Этнографические изучения Восточно-Сибирского отдела Русского Географического общества. // 75 лет Восточно — Сибирского отдела Государственного Русского Географического общества. 1851-1926. Обзор работ. Иркутск, 1926, С.19-20.

8. Титович — кого имел ввиду Г. С. Виноградов обнаружить не удалось. Автор с такой фамилией во всех просмотренных изданиях, справочниках, библиографических указателях отсутствует. Из многочисленных работ Титовых (8 разных авто-

ров), только одна статья по смыслу и содержанию может относиться к данному тексту: Титов В. Е. Конские бега в восточном Забайкалье// Сибирская Живая Старина. — Т. II.- 1924.- С.38-54.

9. О Д. Банзарове см.: №III, 10; Хангалов Матвей Николаевич (1858-1918) — бурятский этнограф и фольклорист (Собр. соч, Т.1-3.- Улан-Уде, 1958-1960.)

10. Потанин Григорий Николаевич (1835-1920) — русский географ, этнограф, фольклорист. Г. С. Виноградов наиболее часто ссылается и цитирует его — «Очерки Северо-Западной Монголии» (Вып.1-4, СПб., 1881-1883).

3.Материалы, относящиеся к программам собирания детских игр и игрушек.

V.РО РНБ.Ф.1034 Калинина Е. В., ед. хр. 148, л.41.

Чернила, в 1/4 листа.

Документы V-XV представляют из себя черновики, подготовительные записки, методические мысли, наблюдения, связанные с подготовкой программы по собиранию детских игр и игрушек. Настоящие материалы значительно дополняют вопросник по собиранию сведений об игре и игрушке, опубликованный в книге Г. С. Виноградова «Детский фольклор и быт: Программа наблюдений». (Иркутск, 1925.- С.60-63.).

VI.РО РНБ.Ф.1034 Калинина Е. В., ед. хр. 148, л.26

Карандаш, в 1/4 листа.

См. №V.

VII.РО РНБ.Ф.1034 Калинина Е. В., ед. хр. 148, л.36.

Чернила, в 1/6 л.

Первый абзац заметки связан с проблемами методики собирания игр и игрушек. См. №V.

1. Харузина В. Игрушки у малокультурных народов.// Игрушка, ее история и значение.М., 1912.-С.85-87.В.Харузина цитирует Б.Вейле, который повествует о приемах поиска игрушки, даже в случае незнания собирателем языка информаторов (Weule B. Negerleben in Ostafrika. Lpz., 1908, P.348-350; Weule B. Wissenschaftliche Ergebnisse meiner ethnographischen Forschungsreise in den Sudosten Deutsch -Ostafrika.B., 1908, P.91).

2. Возможны два варианта толкования слова «подкладыш» — учитывая контекст начала, записки возможно это своеобраз-

ное провоцирование информатора собирателем. (Незаметное предложение, подкладывание «подкладыша» — чего-либо из игровой атрибутики, чтобы вызвать ответное игровое действие. Не исключено что Г. С. Виноградов имеет ввиду Пасхальные игры детей (катание яиц), где могут использоваться и «подкладыши» — поддельные яйца, подкладываемые курице, чтобы она неслась.

3. См.: Виноградов Г. С. Об изучении народного ораторского искусства. Программная заметка // Сибирская Живая Старина, 1925.- № III — IV.- С.391 — 400.

VIII. РО РНБ. Ф. 1034 Калинина Е.В., ед. хр. 148, л.29.

Чернила, в 1/4 листа.

См. № V.

1. «Матка» — лидер, который перед началом игры «угадывает» себе команду (см.: Покровский Е. А. Детские игры, преимущественно русские. (в связи с историей, этнографией, педагогикой и гигиеной.) 2 изд. испр. и доп. М. 1895, С.59-60).

2. У Г. Н. Потанина в «Очерках Северо-Западной Монголии» (Т.2, СПб, 1881.- С.118) зафиксирована игра «Буху барильджи», с выигрышным криком.

3. Потанин Г. Н. Указ. соч, С.120. Здесь указан обычай, когда в случае если корова рождает двойников, то устраивают состязания детей аула в беге. Победитель получает одного теленка из пары.

4. На 11 стр. книги Г. С. Виноградова «Детский народный календарь» (Иркутск, 1924) указаны угощенья детей свинными или овечьими ножками, из которых они делают жужжалки; в другой его книге «К изучению народных детских игр у бурят» (Иркутск, 1922), в разделе «Опыт программы по собиранию материалов для изучения народных игр у бурят», на стр. 11 есть фраза «...нет ли детских праздников, в которые одаривают ребят игрушками».

5. Зеленин Д. К. Очерки русской мифологии. Вып.1: Умершие неестественной смертью и русалки. Пг. 1916.- С.104-105. В § 31 Д. К. Зеленин комментирует «народный праздник» г. Вятки, «...известный под именем свистуны, а в старину... свистопляска. В настоящее время это детская ярмарка, с преимущественной продажей детских игрушек. Дети охотнее покупают «свистульки» и свистят в них. «Вятская свистопляска» — трансформировавшийся обряд поминовения несправедливо убитых устюжан (заложных покойников) в 1392 году.

IX.РОРНБ.Ф.1034 Калинина Е.В., ед.хр. 148, л.30-35.

Чернила, в 1/4 листа.

См. №V.

На комментируемых листах — дословное цитирование игр и ситуаций, касающихся игр, из книги Г. Н. Потанина. Очерки Северо-Западной Монголии, Т.2, СПб, 1881.- С.118 — 120.

В настоящем издании приведены лишь оглавления и дополнения на полях, сделанные рукой Г. С. Виноградова, имеющие на наш взгляд самостоятельную ценность.

X.РОРНБ.Ф.1034 Калинина Е. В., ед. хр. 148, л.42.

Чернила, в 1/4 листа.

См. №V.

1. Комментарий Г. С. Виноградова под дословной выпиской игры «в сапки» из книги Г. Н. Потанина. Очерки Северо-Западной Монголии. Т.2, СПб, 1881, С.120., показывающий важность подробного описания атрибутов игры. У Г. Потанина очень подробно описан процесс изготовления пращи «у Киргиз на Алтае».

XI.РОРНБ.Ф.1034 Калинина Е. В., ед. хр. 148, л.39.

Чернила, В 1/4 листа.

Первые две строки зачеркнуты. Вторые две строки — сбоку листа.

См. №V.

1. Харузина В. Н. Этнография: Курс лекций, читанных в Моск. археологическом институте и на высших женских курсах в Москве, Вып.1, М., 1909.

XII.РОРНБ.Ф.1034 Калинина Е.В., ед. хр. 148, л.40.

Чернила, в 1/4 листа. Последняя строка другой ручкой.

См. №V.

1. См. комм. к №VIII, 5.

2. Г. Н. Потанин. Очерки о Северо-Западной Монголии, Т.2, СПб, 1881.- С.119.

3. Первые слова описания игры у Г. Н. Потанина (Указ. соч., С.120). См. комм. №10.

4. Астахов М., Бадмаев Н. Детские игры: Сб. калмыцких и русских игр для калмыцкой школы. Астрахань, 1922.

XIII.РОРНБ.Ф.1034 Калинина Е.В.,ед. хр. 148, л.47.

В полный лист, чернила.

См. №V.

1. К сожалению, прямое продолжение вопросника на обороте листа отсутствует.

XIV.РОРНБ.Ф.1034 Калинина Е.В.,ед. хр.148, л.9 об.

Карандаш, в 1/4 листа.

См. №V.

XV.РОРНБ.Ф.1034 Калинина Е.В.,ед.хр.148, л.47 об.

См. №V.

1. Потанин Г. Н. Очерки о Северо-Западной Монголии, Т.2, СПб, 1881, С.120.

2. См. комм. №VIII,5.

3. Поздеев А. Монголы и Монголия. СПб, Т.1-1896, С.127.

4. Другие материалы по играм и игрушкам.

XVI.РОРНБ.Ф.1034 Калинина Е.В.,ед. хр. 148, л.10.

Чернила, в 1/4 листа.

1. Спенсер Г. Воспитание умственное, нравственное и физическое. СПб.,1898.

2. Гросс К. Душевная жизнь ребенка. Киев,1916. (наиболее подробно концепция К. Гросса в сопоставлении с теорией Г. С. Виноградова изложена в книге О. И. Капицы. Детский фольклор. Л.,1928. С.130 — 140.

XVII.РОРНБ.Ф.1034 Калинина Е.В.,ед. хр. 148, л.11.

Чернила, в 1/4 листа.

1. Титов А. А. Куколка// Изв. Имп. об-ва Любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. 48.- вып. 1.- С. 44-45.

2. Виноградов Г. С. К изучению народных игр у бурят. Иркутск, 1922, С.4.

3. Харузина В. Об участии детей в религиозно — обрядовой жизни. // Этнографическое обозрение. 1911.- №1-2.- С. 1-78.

4. Глаголь С. Русская народная игрушка в XIX веке. // Игрушка, ее история и значение. М.,1912, С.65-84.

5. Сплошной просмотр всех вторых томов «Этнографического обозрения» позволяет только предположить, что Г. С. Виноградов мог иметь ввиду статью М. Довнар-Запольского «Женская доля в песнях пинчуков» (Этнографическое обозрение, Т.IX.- 1891.- №2.- С. 42-59) или указанную выше статью В. Харузиной.

XVIII.РО РНБ.Ф.1034 Калинина Е.В., ед.хр.148, л.21.

Чернила, в 1/8 листа.

XIX.РО РНБ.Ф.1034 Калинина Е.В., ед.хр.148, л.38 об.

Чернила, в 1/6 листа.

Весь лист зачеркнут.

XX.РО РНБ.Ф.1034 Калинина Е.В., ед. хр. 148, л.16.

Карандаш, в 1/4 листа.

1. Первый абзац на полях.

2. Со слова «исполнявшиеся» подчеркнуто.

3. Ссылка на статью несколько неточна по хронологии: Бартрам Н. Д. О возможности возрождения в игрушке народного творчества. // Аполлон, 1912.- №2.- 55-64.

XXI.РО РНБ.Ф.1034 Калинина Е.В., ед. хр. 148, л.17.

Карандаш, чернила, в 1/4 листа.

XXII.РО РНБ.Ф.1034 Калинина Е.А., ед. хр. 148, л.2.

Карандаш, в 1/2 листа.

XXIII.РО РНБ.Ф.1034 Калинина Е.В., ед. хр. 148, л.27.

Карандаш, в 1/8 листа.

1. Если это не описка (на что нам несколько намекает продолжение текста), то мы имеем дело с неизвестной формой бытования народной драмы.

5.Материалы к проекту составления сборника игр.

XXIV.РО РНБ.Ф.1034 Калинина Е.В., ед. хр. 148, л.6.

Чернила, в 1/2 листа.

1. Покровский Е. А. Детские игры, преимущественно русские: (в связи с историей, этнографией, и гигиеной.) 2 изд. испр. и доп. М.1895.

Настоящая заметка связана с замыслом Г. С. Виноградова составить фундаментальный, комментированный сборник детских игр. Замысел отчасти воплощен в жизнь. В этом же архивном деле хранятся записи 65 детских игр (как русских, так и иноэтнических), сделанных по его методике (см. также №№ V-XV, XXV).

XXV.РОРНБ. Ф. 1034 Калинина Е.В., ед. хр.148, л.28.

Чернила, в 1/4 листа.

1. См. №XXIV,1.

6.Материалы по теме и программе
«Детский фольклор и быт».

XXVI.РОРНБ.Ф.1034 Калинина Е.В., ед. хр.148, л. 7.

Чернила, в 1/4 листа.

1. Блины — есть два варианта детских забав с таким названием, которые Г. С. Виноградов отметил в своем «Детском народном календаре» (Иркутск, 1924.- С. 22; 27). Первая забава — «В течении всего периода купания, едят блины, т.е. бросают плитки или камни, стараясь, чтобы брошенная плитка или камень, задевая «верхушки» волн, «чикали» по ним. Каждый всплеск воды на гребне волны — блин»; вторая — «озорники (славельщики — В. Г.), выйдя из избы, кладут на дверную скобку полученный блин. Его подхватывают собаки «до крови» обрывая языки о холодное железо.» «Блин» также род детского щелчка по лбу — В. Г.

2. Замыкание — во-первых, так именуется род передышки в игре, когда ребенок (обычно после произнесения словесной формулы, напр.: «Четыре, четыре, я на перерыве») имеет право некоторое время не участвовать в игре. Во — вторых, это, возможно, род детской забавы (вариант «замри» и «отомри»), когда догоняющий поочередно «пятнает» (замыкает) игроков и они обязаны стоять на месте, не пойманные («не замкнутые») пока другие участники могут «отомкнуть» их (соответственно и название — отмыкание) и «замкнутый» (или который «на замке») вновь получает свободу убежать и «отмыкать» других.

XXVII.РОРНБ.Ф.1034 Калинина Е.В., ед.хр. 14 , л . 20

Чернила, в 1/16 листа.

1. Скорее всего перед нами черновой проект заключения программы по собиранию сведений о детском быте и фольклоре. См.: Виноградов Г. С. Детский фольклор и быт. Программа наблюдений. Иркутск, 1925.

XXVIII.РОРНБ.Ф.1034 Калинина Е.В.,ед.хр. 14 , л . 13.

Чернила, в 1/4 листа.

1. Судя по содержанию архива речь идет о программе по собиранию сведений о детском быте и фольклоре (См.: №XXVII).

2. Второй абзац настоящей заметки перевернут, написан карандашом. Явление убитого отца Гамлету может толковаться в жанре «обмирания». Г. С. Виноградов одним из первых в отечественной фольклористике занимался этим вопросом («обмирание» — посещение того света, видения, контакт с умершими) — см.: Виноградов Г. С. Смерть и загробная жизнь в воззрениях русского старожильского населения Сибири // Тр. профессоров и преподавателей Иркут. гос. ун-та, Вып. 5, Иркутск., 1923.- С.261-345.

7.Материалы к семинару о детском фольклоре славян, педагогические заметки.

XXIX.РОРНБ.Ф.1034 Калинина Е.В ,ед.хр.147 , л .1 -18.

Материал расположен на карточках и листах разного формата (всего 18 л.л.). Некоторые тексты крайне неразборчивы, зачеркнуты. Запись на листах 11 и 13 разобрать не удалось. Документ 18 — конверт с адресом Е. В. Георгиевской-Дружининой, на обороте которого рукой Г. С. Виноградова записаны 4 книги по истории воздухоплавания.

Карточка 1-4. Чернила.

1. Калайдович Константин Федорович (1792-1832) — историк, археограф, ч.-к. Петербургской АН.

2. Сытин Иван Дмитриевич — издатель «Всеобщего русского календаря», «Общепольного календаря» и др. Общий тираж сытинских календарей — 6 млн. экз.; Ступин Алексей Дмитриевич — издатель «Современного календаря» (1889-1917); Гатцук Алексей Алексеевич и его сын Владимир Алексеевич — издатели популярного «Крестного календаря» (1866-1917).

3. Рыбникова М. А. Загадки. М.Л.,1932.

4. Григорьев А. Д. Устройство и заселение Московского тракта в Сибири с точки зрения изучения русских говоров // Известия Института исследования Сибири, Вып.6, С.1-116.

5. Немцова Божена (1820-1862) — чешская писательница, собиратель и издатель чешского и словацкого фольклора. См. библиогр.: Laiske M. Bibliografie Bozeny Nemcove.Praha,1962.

Лист 5. Чернила, в 1/6 листа.

6. Danicic Duro. Rjecnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Dio 1-23. Zagreb, 1880-1976.

Лист 6. Карандаш, в 1/8 листа.

7. Фаминцын А. С. Скоморохи на Руси. СПб., 1889; Веселовский А. Н. Разыскания в области русских духовных стихов, Вып. 3.- СПб., 1883; Жамбинский — вероятнее всего Г. С. Виноградов имел ввиду исследование С. К. Шамбинаго — Театр и народные развлечения в Москве в XVIII веке // Москва в прошлом и настоящем. М., 1910, Вып. 1, С. 82-83, 90-93. В период с 1900 по 1910 С. К. Шамбинаго часто выступал на страницах Журнала Министерства Народного Просвещения со статьями об эпосе и древнерусской литературе, на что, возможно и указывает аббревиатура журнала в тексте.

Лист 7. Карандаш, в 1/8 листа.

Лист 8. Чернила, в 1/8 листа.

8. Языков Николай Михайлович (1803-1846) — русский поэт.

9. Архив Грота К. Я. (1853-1934, славяновед, чл.-корр. АН) хранится в Архиве АН, ГРМ, ЦГАЛИ.

Лист 9. Чернила, в 1/8 листа.

10. Некролог В. Кожевникова (автор — С. Н. Булгаков) помещен в журнале «Христианская Мысль», Киев, 1917.- Ноябрь-Декабрь, С. 75-84.

Лист 10. Чернила, в 1/8 листа.

11. Виноградов Г. С. практически дословно переписал отрывок из статьи Якубовича Д. Предисловие к «Повестям Белкина» и повествовательные приемы Вальтер Скотта. // Пушкин в мировой литературе, Л.-1926, С. 161.; который в свою очередь ссылается на мысли М. Н. Гофмана (Пушкин. Под ред. С. А. Венгерова.- Т. 4, С. 355-357).

Лист 12. Чернила, в 1/16 листа.

Карточка 14. Чернила, на библиотечной карточке. 12. Энгельгардт А. Н. Из деревни. 12 писем. 1872-1887. М., 1987.

Лист 15. Чернила в 1/4 листа. Крайне неразборчиво.

Лист 16. Чернила, в 1/12 листа.

Лист 17. Чернила, в 1/16 листа.

XXX. РОРНБ.Ф.1034 Калинина Е.В., ед. хр. 148, л. 2 об.

Карандаш, на 1/2 листа, весь текст зачеркнут.

Заметка, возможно, связана с подготовкой Г. С. Виноградовым курса русской этнографии в Иркутском университете.

1. Пыпин А. Н. О задачах русской этнографии. СПб., 1885.

XXXI.РОРНБ.Ф.1034 Калинина Е.В.,ед. хр. 148, л.38.

Чернила, в 1/6 листа.

Заметка, скорее всего, связана с подготовкой Г. С. Виноградовым семинара по детскому фольклору, который готовился в 20-е годы для Иркутского университета (см.: №XXIX).

XXXII.РОРНБ.Ф.1034 Калинина Е.В.,ед.хр. 14 , л . 8

Чернила, в 1/8 листа.

1. Картин на этот сюжет, с таким названием достаточно много. например, картины К. Маковского, И. Прянишникова и др. Наиболее часто репродуцировалась с таким сюжетом картина Ф. Толстого. «Семейный портрет» (1830; Холст, масло; 89х117. ГРМ.)

2. Картина И. Е. Репина «Л. Н. Толстой за работой в комнате под сводами» 1891 г. (Литературный Музей ИРЛИ (Пушкинского Дома), Холст, масло; 64 х 91).

3. Имеется ввиду эскиз неосуществленной картины В. Г. Перова «Дети на катке», (Холст, масло, 33х48,5; Государственный Музей Татарской АССР) См.: Каталог Гос. Музея Татарской АССР. Казань., 1956.- №47, С.35. В указателе Ляковской О. Список произведений В. Г. Перова. 1934, в разделе «Список произведений не вошедших в список Н. П. Собко и не датированных», под №223 указано другое название этого эскиза — «Играющие мальчики», которое и использовал Г. С. Виноградов.

Заметка, видимо, представляет из себя черновик статьи, которые Г. С. Виноградов готовил в 1920-х годах для учителей школ (Этнография в курсе школьного краеведения. Иркутск., 1925; Родиноведение в школе. // Вестник просвещения, Чита, 1921, С.69-78; К вопросу о введении этнографии в курс школьного преподавания. //Изучайте родной край, Чита, 1924, С.60-93; Детский фольклор в школьном курсе словесности. //Рус. яз. в школе, 1927.- №2.- С.52-66; №3.- 84 — 97) или для выступления перед учителями в Иркутске в Художественной студии в Иркутске.

XXXIII.РОРНБ.Ф.1034 Калинина Е.В.,ед.хр.14 , л . 9

Чернила, в 1/4 листа.

См. №XXXII.

XXXIV.РОРНБ Ф.1034 Калинина Е.В.,ед. хр. 14, л. 1

Заметка на товарном бланке, карандашом, очень неразборчиво.

Весь текст перечеркнут.

1. Возможно, определение этнографии.

XXXV.РОРНБ.Ф.1034 Калинина Е.В.,ед.хр. 148, л.19.

Чернила, в 1/4 листа.

1. Пыпин А. Н. История русской этнографии, Т.1, СПб, 1890, С.1-14.

XXXVI.РОРНБ. Ф. 1034 Калинина Е. В.,ед. хр. 148,
л.43-43 об.

Чернила, в полный лист. Текст обрывается, но есть указание значком о продолжении. Судя по последним строкам продолжение текста могло быть изъято цензурой при фондообразовании.

1. Шпет Г. Введение в этническую психологию. // Сочинения. М. 1989, С.475-574.

2. Широкогорлов С. М. Место этнографий среди наук и классификация этносов: Введение в курс этнографии Дальнего Востока, прочитанное 1921-1922 академическом году в Дальневосточном государственном университете. Владивосток, 1922; Широкогорлов С. М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Шанхай, 1923.

3. Харузина В. Этнография. Курс лекций, читанных в Московском Археологическом институте и на Высших женских курсах в Москве. Вып.1-2. М., 1909.

4. Штернберг Лев Яковлевич (1861-1927) — этнограф, чл.-корр. РАН, Основные труды по этнографии народов Сибири.

5. Богораз-Тан Владимир Германович (1865-1936) — этнограф, писатель (псевдоним — Тан В. Г.). Основные труды по этнографии народов Сибири.

6. Нам не удалось определить из какого труда М. М. Ковалевского (1851-1916, историк, этнограф, академик) сделал выписку Г. С. Виноградов. См.: М. М. Ковалевский, ученый, государственный и общественный деятель и гражданин. Пг., 1917, где описана, в том числе, и его поездка в Италию.

7. Тан-Богораз В. Г. Новая Индия и Рабиндранат Тагор. // Тагор Р. Жертвоприношение. Отшельник. Пг., 1922. —

С.5-58.

8. См. №3.

9. Ключевский В. О. Курс русской истории. Лекция 1. // Ключевский В. О. Сочинения. М., 1987? С.33-48.

10. Возможно Г. С. Виноградов имел ввиду труд Д. И. Рихтера «Опыт разделения Европейской России по естественным и экономическим признакам». СПб., 1898; и его же «Географический словарь России.», Вып.1-6.- СПб., 1909-1911.

XXXVII.РОРНБ.Ф.1034 Калинина Е.В.,ед.хр.148,
л.44.

Чернила, в полный лист. Весь текст перечеркнут.

На полях NB Г. С. Виноградова «Каждую строчку частушки с заглавной буквы начинать не следует».

Заметка представляет собой черновик части статьи Г. С. Виноградова. Этнография и современность. // Сибирская Живая Старина, 1923, Вып.II.- С. 3-21. Опубликованный вариант практически идентичен черновику, кроме частушки о Колчаке, которая в статью не попала. В данном архивном деле присутствуют еще два листа с черновиками этой статьи (Л. 45 об., со слов «Если взять, что создано «на память истории»...» до «...Но под всеми географическими долготами и любыми широтами оба берега и самой широкой реки»; Л.46 об. со слов «к пониманию старого: процессы образования и развития слов...» до «...Н. Е. Ончуков со слов крестьянина, профессионала-певца, записал на Ветлуге песню, отразившую первомартовское событие 1881 г.»). Черновик, в последних случаях, полностью совпадает со статейной редакцией и здесь не приводится.

XXXVIII.РОРНБ. Ф. 1034 Калинина Е.А.,ед. хр. 148,
л.1 об.

Заметка на товарном бланке, карандашом, очень неразборчиво. Весь текст перечеркнут.

1. Виноградов Г. С. К изучению народной медицины у русского населения Сибири. Инструкция и программа. Иркутск, 1923.

2. Виноградов Г. С. Этнографические изучения Восточно-Сибирского отдела Русского Географического общества. // 75 лет Восточно-Сибирского отдела Государственного Русского Географического общества. 1851-1926. Обзор работ. Иркутск, 1926.- С.16-18.

3. Кони А. Ф. На жизненном пути. Т.1-5. СПб, Л., 1912-1929.

XXXIX.РОРНБ. ф. 1034 Калинина Е.В., ед. хр. 148,
л. 10 об.- 11.

Карандаш, в 1/4 листа.

1. Сойоты — народ, территория проживания — Саянское нагорье.

2. Карагасы — тофалары (самоназвание тофа), народ (несколько сот человек), проживающий в Нижнедвинском районе Иркутской области.

Настоящая информация, с наибольшей вероятностью, предназначена для книги «Народы Сибири, Монголии, Маньчжурии» (проспект представлен в настоящей публикации), или, что менее вероятно, для книги Е. В. Калининой об охоте, черновики которой сохранились — РОРНБ ф. 1034 Калинина Е. В., ед. хр. 21, л. 34, 36-40, 148.

Информацию о карагасах также предполагалось поместить и в книге «Дети СССР» (проспект в настоящей публикации, №III).

XL.РОРНБ.ф.1034 Калинина Е.В., ед. хр. 148, л.13 об.

Чернила, в 1/4 листа.

1. Заявление о бирках — возможно, речь идет о статье Г.С. Виноградова «Сечки» (Детский быт и фольклор. Л., 1930, С.13-21), где фиксируется такой же факт зарубок, как и на бирках; в то же время в Сибирской Живой Старине (1926, 5, С.97-104), одним из редакторов которой был Г. С. Виноградов, опубликована статья П. П. Хороших «Бирки у Иркутских бурят» с обширным библиографическим приложением. (См. также: Богданов В. В. Русская бирка и древнейшие элементы бирки у ее европейских сородичей. // Этнографическое обозрение, Т. LIX-LX, 1916, №1-2, С.17-40.)

XLI.17.РОРНБ ф. 1034 Калинина Е.В., ед. хр. 148,
л.14-15.

Первая строка написана карандашом, на полях листа, весь остальной текст чернилами, в 1/4 листа.

1. От слова «вышивки» текст подчеркнут.

2. На полях, напротив абзаца, комментарий рукой Г. С. Виноградова — «Одно нельзя отрывать от целого».

3. Статья Я. А. Тугенхольда, посвященная лубку, была опубликована в журнале «L'Art Decoratif» в 1912 году (L'Illustration russe// L'Art Decoratif.-Paris, 1912, septembre, Р.125-144.); непосредственно выставке посвящено предисловие

Я. А. Тугенхольда в парижском каталоге выставки — Preface// Societe de Salon d'Automne.Catalogue des Ouvres de Peinture, Sculpture, Dessin, Gravure, Architecture et Art Decoratif,exposes au Grand Palais des Champs Elysees du 15 novembre 1913 au 15 Janvier 1914. Paris, 1913.- 298-313.

4. Гелиос — (в греческой мифологии — бог солнца) псевдоним или дружеское прозвище Г. С. Виноградова. Этим именем он нередко подписывал свои личные письма.

В. В. Головин

IV. Музей Г. С. Виноградова в городе Тулуне Иркутской области

Самым главным экспонатом является дом, в котором родился Георгий Семенович Виноградов.[...]

Интереснейшими экспонатами и самыми дорогими в музее являются труды Г. С. Виноградова, издания 1919, 1924, 1925, 1926 годов.

[...]

Имеется ряд газетных публикаций о Г. С. Виноградове. Кроме того, две фотографии (подлинники): а) Г. С. Виноградов в сороковых годах, б) групповое фото — снят с группой учащихся Тулунской школы.[...]

В музее хранятся машинописные листы рукописи вдовы ученого А. И. Татариновой, которая знакомит с биографией Г.С. Виноградова — это наброски к книге С. Н. Дурылина, которая не была написана.

[...]

Ю. И. Баландин (г. Тулун)

V. Архив Г. С. Виноградова в фондах Ир- кутского краеведческого музея.

Этот архив передала музею в 1984 г. Зоя Иннокентьевна Димитревич — племянница Татьяны Васильевны Инесиной

— последней жены Г. С. Виноградова.

Архив состоит из двух частей: Основного фонда и Вспомогательного, зарегистрированного на временное поступление.

Основной фонд, насчитывающий более 300 ед. хранения, включает в себя часть библиотеки Г. С. Виноградова, документы, справки, счета, квитанции, продуктовые карточки, обширную переписку ленинградского периода жизни ученого и наиболее ценные для составления биографии профессора Г. С. Виноградова воспоминания С. Н. Дурылина и Т. В. Инесиной.

Библиотека состоит из художественных произведений на русском и иностранных языках, справочных и учебных пособий, оттисков отдельных работ коллег Г. С. Виноградова с посвящением ему, а также его отдельных работ. Здесь же хранятся журнальные публикации о Г. С. Виноградове, собранные заботливыми руками Т. В. Инесиной после смерти ученого. Коллекция документов позволяет выявить все сложности быта предвоенной и военной поры, выпавшие на долю ученого. Например, скупая строка трудовой книжки Г. С. Виноградова «Уволен из Иргосуна по статье...» означала на деле крах уже набравшей силу иркутской этнографической школы. Казенная переписка с ВАК демонстрирует упорство, с которым официальные ученые мужи не желали признавать неоспоримого вклада Г. С. Виноградова в гуманитарную науку.

Архив содержит письма, адресованные Г. С. Виноградову.

Список корреспондентов велик, широка география. Письма М. К. Азадовского, Д. С. Лихачева, Н. Е. Ончукова, В. А. Малаховского, Б. А. Дмитриева, Н. А. Капицы, С. Обнорского, Е. В. Дружининой и других (всего 33 корреспондента) повествуют о судьбах ученых-коллег, о деятельности Академии Наук СССР в тяжелые годы войны, о взаимоотношениях Г. С. Виноградова с руководством Института этнографии. Из переписки известно, что не все рукописи ученого погибли при бомбежке в Павловске. Перед эвакуацией из Ленинграда какие-то рукописи были переданы заместителю директора Института этнографии С. М. Абрамзону, что и подтверждает он сам в письме к Г. С. Виноградову. В имеющемся в нашем архиве полном списке печатных работ Г. С. Виноградова не числится ни одной публикации по этнографии с 1942 г. и позднее. Вопрос о судьбе этих рукописей остается открытым.

Драгоценные материалы для будущих биографов Г. С. Виноградова содержат записки Т. В. Инесиной с 1930 г. по 1945 г. Они позволяют проследить судьбу Г. С. Виноградова не только как ученого, но и человека.[...]

Полная научная биография Георгия Семеновича Виноградова еще не написана. Но черновая работа по ее созданию

проводилась долгие годы силами его близких — друга, писателя С. Н. Дурылина (1886-1954) и ученицы, сподвижницы и супруги Г. С. Виноградова — Т. В. Инешиной (1907-1984). Последние 15 лет жизни Г. С. Виноградова его неотступно сопровождала Т. В. Инешина. «Мой верный оруженосец Санчо Панса» — писал о ней Виноградов.

Научно-вспомогательная часть архива огромна по объему. Здесь находятся рабочие картотеки по следующим темам: детский фольклор, детская сказка, областные слова, картотека архива писателя Веселовского. Среди прочего материала имеется подборка описаний детских игр, составленная при помощи корреспондентов — единомышленников Г. С. Виноградова, благодаря которым были собраны не только записи, но и музейные коллекции по детскому быту.

Здесь же находится картотека по теме «Выкрики и зазывы» (218 ед.хр.), Г. С. Виноградов записал их на базарах Иркутска, Углича, выписал из литературных источников.[...]

По публикации О. А. Акулич (г. Иркутск)

Примечание:

Разделы I и II подготовлены А. В. Грунтовским: III — В. В. Голвиным: разделы IV и V по Ю. И. Баландину и О. А. Акулич, см. сб. «Дети и народная культура», М, 1995.

Комментарии.

Детский народный календарь

К стр.

10 *молодытник* — молодежь.

ирдань (Иордань) — место на льду и прорубь, где происходит водосвятие на Крещение 6/19 января, сам обряд водосвятия.

11 *Иванов день* — так в Сибири называли следующий день после Крещения, когда празднуется Собор Предтечи и Крестителя Господня Иоанна (7/20 января).

посиденки — посиделки, вечерки, собрания крестьянской молодежи осенними и зимними вечерами, где занимались рукодельем, а также пели, играли, забавлялись.

чуман — берестяной кузов, лукошко для мелких вещей, мог служить и черпаком для воды.

катушка — ледяная горка.

лоток — приспособление для катания с гор, вырезалось из деревянной плахи длиной от 0,5 до 1 метра, передний край его заострялся, иногда немного закруглялся снизу; на верхней поверхности выдалбливалось углубление, к переднему концу прикреплялась веревка; снизу подмораживались водой или коровьим навозом.

Прошшоный день — последний день Масленицы, заговенье на Великий пост, прощенное воскресенье.

лыва — лужа; впадина, залитая водой.

кулупать серку — сдирать, отковыривать с хвойных деревьев смолу, которую дети любили жевать.

Вербно воскресенье — последнее воскресенье перед Пасхой, когда отмечали Вход Господень в Иерусалим; в России освящали ветки распутившейся вербы.

Великий четверг — последний четверг перед Пасхой, на Страстной неделе, когда отмечается «воспоминание о Тай-

К стр.

ной Вечери» — последней встрече Иисуса Христа со своими учениками перед распятием; важнейшая дата народного календаря (подробнее о сибирских обычаях и обрядах Великого четверга см.: Макаренко А. А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. СПб., 1913; последнее переиздание — Новосибирск, 1993. С. 102-104).

12 *Стояние на двенадцати евангелиях* — чтение 12-ти Евангелий Святых Страстей Иисуса Христа, совершается в церкви с четверга на пятницу Страстной недели. Каждый взрослый православный должен отстоять эту службу.

вышка — чердак, светелка под кровлей.

пятера — навес, выступ над дверьми.

13 *пуга* — тупой конец яйца.

14 *Родительский день* — день поминовения усопших: вторник на Фоминой (следующий после Пасхальной) неделе, Радуница.

Еремей Запрягальник — 1/14 мая, считалось, что в этот день хотя «малость, а посеять надо», невзирая на состояние погоды; начало весеннего сева яровых.

день Матери Елены — день памяти равноапостольных царя Константина и матери его царицы Елены, отмечается 21 мая/3 июня.

15 *метлика* — сорная трава в хлебе, костра; травы, цветущие метелкой.

16 *постигонка* — сапожная дратва, толстая смоленая или вошенная нить.

18 *морда* — плетенка из лозы с двойной воронкой для ловли рыбы.

19 *кروавик* — растение *Polygonatum*.

клетка — клеть, холодная половина избы, чулан, кладовка.

20 *уповод* — срок, отрезок времени протяженностью от 2 до 4 часов, рассчитанный на выполнение работы в один прием, без отдыха и еды.

21 *Ильин день* — день, посвященный Илье-пророку, отмечался 20 июля/2 августа (подробнее об этом дне см.: Макаренко А. А. Сибирский народный календарь. Новосибирск, 1993. С. 71-73.)

Иваны-Гнуты — в Сибири так назывался день памяти Усекновения Главы Иоанна Предтечи, справлялся 29 августа/11 сентября.

К стр.

Семены *Нохтодуи* — сибирское название дня памяти препод. Симеона Столпника (1/14 сентября).

гоношить — изготавливать.

- 24 *Спиридона Солнцеворота* — день памяти свт. чудотворца Спиридона, отмечался 12/25 декабря, зимнее солнцестояние; считалось, что после этого дня солнце поворачивает на лето, т.е. день начинает постепенно прибывать.

гривна — 1) в древней Руси денежная единица — серебряный или золотой слиток весом около фунта, 2) серебряное или золотое украшение, надевавшееся на шею, часто в виде медальона, ладанки.

- 25 *шевяки* — сухой, мерзлый конский помет.

каталашка — тюрьма, помещение для арестантов (шутл., простореч.).

- 30 *genius loci* — дух-хранитель места, местное божество (лат.).

Детская сатирическая лирика

- 3 *рацейка* — рождественское поздравление, выкрикиваемое или произносимое нараспев колядовщиками, обходившими дома односельчан.

- 6 *lanx satura* — полная чаша.

- 7 *схлюздить* (схлюзить) — обмануть, покривить душой; зажимать, присваивать себе чужое.

хлюзда — плут, обманщик, мошенник, шулер.

збрендить — струсить, соврать, украсть, стянуть что-либо.

- 8 *ичко* — яичко.

- 9 «*Versibus alternis opprobria rustica fudit...*» — строки из «Послания №1 (к Августу)» Горация. Перевод Н. Гинцбурга:

Бранью крестьяне в стихах осыпали друг друга чредою.

С радостью вольность была принята, каждый год

возвращаясь

Милой забавой, пока уже дикая шутка не стала

В ярость открыто впадать и с угрозой в почтенные семьи

Без наказания врываться...

(Гораций Флакк. Оды. Эпосы. Сатиры. Послания.
М., 1970. С. 146-150).

К стр.

- 13 *ex promptu* — экспромтом, без подготовки, вдруг (лат.).
- 18 *литотес, литота* — стилистическая фигура, состоящая в подчеркнутом преуменьшении, уничижении; имеет характер, обратный гиперболе.
- 22 *по Бальмонту* — имеется в виду статья К. Бальмонта «Поэзия как волшебство», вышедшая отдельным изданием в 1915 (М., Скорпион) и в 1922 (М., Задруга) годах. О звуке «р» у Бальмонта сказано не просто «скорое взрывное», а «скорое, узорное, угрозное, спорное, взрывное».
- 29 *костер* — поленница, дрова, сложенные в клетку.
- 32 *desiderata* — 1) чьи-либо пожелания или намерения, 2) экземпляры, желательные для пополнения библиотеки, собрания, музея и пр. (лат.).
- 33 *orprobria rustica* — деревенская брань (лат.).
- 34 *чарок* — обычная сибирская обувь, напоминающая бахилы.
братский — относящийся к инородцам, им принадлежащий; нередкое прозвище бурят.
- 35 *бадог* — 1) палка, трость, посох, хворостина, хлыст; 2) мера дров, равная полсажени погонной.
- 36 *селенга* — на Байкале так назывался восточный ветер и омуль, пригоняемый этим ветром.
кумаханька — м.б. от слова «кумоха», «кумаха», как в народе называли лихорадку, иногда вообще нечистую силу, лихо, внезапную напасть.
- 40 *лагун* — бочка, бочонок, ведро для воды.
заплот — забор; деревянная сплошная ограда из досок или бревен.
ичиться — быть одержимым икотой, икать.
серка — топлёная смола лиственницы, которую жуют как лакомство и чтобы зубы были белыми.
- 42 приведенная цитата из Достоевского взята из VII главы («На чистом воздухе») «Братьев Карамазовых».

Народная педагогика

- 3 *Miscellanea* — смесь, всячина (лат.)
- 5 *Ушинский Константин Дмитриевич* (1824 — 1871) — выдающийся русский педагог, основоположник научной педагогики в России.

К стр.

Кершенштейнер Георг (1854 — 1932) — немецкий педагог, теоретик трудовой школы и гражданского воспитания.

Лесгафт Петр Францевич (1837 — 1909) — русский педагог, анатом и врач; основоположник научной системы физического воспитания и врачебно-педагогического контроля в физической культуре в России.

7 *Песталоцци Иоганн Генрих* (1746 — 1827) — швейцарский педагог, основоположник теории начального образования, связавший педагогику с психологией.

8 *Вундт Вильгельм* (1832 — 1920) — немецкий психолог, физиолог, философ, иностранный почетный член Петербургской АН; один из основоположников экспериментальной психологии, создатель нового направления — этнопсихологии (опыт психологического истолкования мифа, религии, искусства).

9 «Отчего у нас начался белый вольный свет...» — строка из очень чтимого и популярного на Руси духовного стиха «Голубиная Книга».

10 *Паскаль Блез* (1623 — 1662) — французский философ, математик, физик, писатель; автор знаменитых «Мыслей» (1669) о трагичности и хрупкости человека, находящегося между двумя безднами — бесконечностью и ничтожеством (человек — «мыслящий тростник»); спасение видел в христианстве.

11 *Мильтон Джон* (1608 — 1674) — английский поэт, его перу принадлежит трактат по воспитанию «Tractate of Education, to Master Samuel Hartlib».

Шопенгауэр Артур (1788 — 1860) — немецкий философ, теоретик «вселенского пессимизма»; знаменитые «Афоризмы житейской мудрости» были написаны им во второй половине 1840-х гг. и выдержали множество переизданий; наиболее авторитетный русский перевод был осуществлен Н. В. Самсоновым для издания: «Сочинения Артура Шопенгауэра». Том III. М., 1903.

14 *Vade tecum* — букв.: «иди со мной» (лат.), употребляется в значении «пособие, руководство, настольная книга».

Ubi enim est thesaurus tuus, ibi est et cor tuum — ибо где твое сокровище, там и твое сердце (лат.).

23 *Соловьев Сергей Михайлович* (1820 — 1879) — русский историк, академик Петербургской АН, ректор Московского университета в 1871-1877 гг.; автор фундаментального труда «История России с древнейших времен» в 29 томах (1851 — 1879).

К стр.

Коменский Амос (1592 — 1670) — чешский мыслитель-гуманист, педагог; основоположник дидактики, впервые разработал идею всеобщего обучения на родном языке, разработал единую школьную систему обучения.

- 24 Кривополенова Мария Дмитриевна (1843 — 1924) — русская сказительница, прекрасный знаток и талантливая исполнительница былин, скоморошин, сказок, песен.

Наторп Пауль Гергард (1854 — 1924) — немецкий философ, развивал идею социальной педагогики, связывая ее с этическим социализмом.

- 26 Шпет Густав Густавович (1879 — 1940) — русский философ, вице-председатель (1923-29) Рос. Академии художественных Наук.

Детские тайные языки.

- 4 *argot* — жаргон, сленг франц.

- 6 Кюнорова грамматика — Рафаэль Кюнер (1802-1878) — немецкий филолог и педагог, автор известных грамматик древних языков. Его греческая и латинская элементарные грамматики выдержали в России большое количество изданий, служили незаменимым учебным пособием, они включали не только теоретический курс, но статьи для перевода, хрестоматию и словарь.

Ксенофонтос Анабазис — Ксенофонт (ок. 434-359) — греческий историк и философ. «Анабазис Кира» — одно из лучших его произведений, описывающее историю похода Кира младшего против его брата, персидского Артаксеркса II; принадлежит к популярнейшим произведениям античной классики.

древний Приам и его народ-копьеносцы — Приам, последний Троянский царь, правивший 40 лет, во время Троянской войны был настолько стар, что не принимал участия в битвах, погиб в ночь взятия Трои у алтаря Зевса. Обычным вооружением воинственных троянцев были боевые копья, которыми они превосходно владели.

уток — нитка, которой ткут; она наматывается на шпульку, вставляется в челнок и идет поперек основы, образуя ткань.

- 8 «детская азбука, малый букварь» — слова из статьи К. Бальмонта «Поэзия как волшебство». «Я беру свою детскую азбуку, малый букварь, что был моим первым вожаком, который ввел меня еще ребенком в бесконечные

К стр.

лабиринты человеческой мысли. Я с смиренной любовью смотрю на все буквы, и каждая смотрит на меня приветливо, обещаясь говорить со мной отдельно», — этими словами Бальмонт начинает ту часть статьи, где пытается разгадать характер и смысл каждого звука — гласных и согласных.

- 10 *драга* — механизм, с помощью которого извлекается со дна грунт для промывки драгоценных металлов.
- 14 «*Параша Сибирячка*. Русская быль в двух действиях с эпилогом» — популярная пьеса Н. А. Полевого (1840), содержащая идею милости к сибирским каторжникам. Ставилась на сценах столичных театров (в Петербурге последний раз шла в 1896 г.), особым успехом пользовалась в провинции.
- 21 *Поржезинский Виктор Карлович* (1870 — 1929) — русский ученый, языковед.

Детские игровые прелюдии

- 8 *телеология* — учение о цели и целесообразности, согласно которому все в природе устроено целесообразно и всякое развитие является осуществлением заранее predetermined целей; противоположно детерминизму.
- 13 *братья Соколовы* — Борис Матвеевич (1889-1930) и Юрий Матвеевич (1889-1941) — русские фольклористы, совместно издали сборники «Сказки и песни Белозерского края» (1915), «Поэзия деревни» (1926), участники фольклорных экспедиций, авторы трудов по теории фольклора, учебных курсов по русскому фольклору.
- 14 *архив Тенишева* — Этнографическое Бюро князя В.Н.Тенишева — собрание материалов по быту, обычаям и обрядам русского крестьянства конца XIX — нач. XX вв.; собрание состоит из многочисленных записей, ответов на анкеты, присланные из разных губерний в ответ на Программу, разработанную Тенишевым и его сотрудниками. Архив находится в Российском Этнографическом музее Санкт-Петербурга.
- 24 *Миллер-отец* — Федор Богданович Миллер (1818-1881) — поэт-переводчик, его сборник «Стихотворения» выдержал в Москве три издания: 1849, 1860 и 1872 гг. Отец В.Ф.Миллера — русского фольклориста, языковеда, этнографа, археолога, акад. Петербургской АН, и О.Ф.Миллера — русского литературоведа и фольклориста.

К стр.

26 *non liquet* — не ясно, требует выяснений (лат.).

37,38 *галишь* (галящий) — подавать мяч или шар в игре.

57 *иманья* — шерсть (ирк. диалект).

срюнь, срюня — свинья.

58 *Rustica* — деревенская ругань (лат.).

алтын — монета в три копейки.

ермак — вольный человек, казак.

тиун — приказчик, управляющий, судья.

убогий дом — богадельня, приют для бедных и калек.

71 *ясачная деревня* — обычно деревня, населенная нерусскими, православными, которые платили особую подать (ясак), по большей части пушниной.

72 *Sotto 'l velame degli versi strani* — из Данте.

Inferno — ад, преисподняя (лат.).

82 *Numeralia cardinalia* — количественные числительные (лат.).

85 *ars poetica* — поэтическое искусство, поэтический материал (лат.).

87 *путьо* — веревка, ремень для стреноживания коней; сиб. — веревочная сеть, которой накрывают берлогу, убивая медведя на месте; рыболовные сети.

копыльчики — короткие бруски в полозьях саней, служащие опорой для кузова.

91 *con discorde concordia* — согласованное несогласие.

114 *нардом* — «Народный дом», клуб для народа; создаваемые земством, городской думой, обществом грамотности, такие клубы должны были служить просветительским целям; после 1917 года преобразованы в клубные учреждения.

потребилровка — магазин потребительской кооперации (простор.).

монополья — государственный магазин

121 *Щерба* — имеется в виду работа Л. В. Щербы «О частях речи в русском языке».

В.М.Чернышев — имеется в виду работа «Терминология русских картежников».

Шкловский — имеется в виду работа В.Б.Шкловского «О поэзии и заумном языке».

125 *Plattdeutsh* — нижненемецкое наречие (нем.).

131 *bon souvenir* — хороших воспоминаний (пожелание)

XXXIX.РОРНБ. Ф. 1034 Калинина Е.В., ед. хр. 148,
л. 10 об.- 11.

Карандаш, в 1/4 листа.

1. Сойоты — народ, территория проживания — Саянское нагорье.

2. Карагасы — тофалары (самоназвание тофа), народ (несколько сот человек), проживающий в Нижнедвинском районе Иркутской области.

Настоящая информация, с наибольшей вероятностью, предназначена для книги «Народы Сибири, Монголии, Маньчжурии» (проспект представлен в настоящей публикации), или, что менее вероятно, для книги Е. В. Калининой об охоте, черновики которой сохранились — РОРНБ Ф. 1034 Калинина Е. В., ед. хр. 21, Л. 34, 36-40, 148.

Информацию о карагасах также предполагалось поместить и в книге «Дети СССР» (проспект в настоящей публикации, № III).

XL.РОРНБ.Ф.1034 Калинина Е.В., ед. хр. 148, л. 13 об.

Чернила, в 1/4 листа.

1. Заявление о бирках — возможно, речь идет о статье Г.С. Виноградова «Сечки» (Детский быт и фольклор. Л., 1930, С. 13-21), где фиксируется такой же факт зарубок, как и на бирках; в то же время в Сибирской Живой Старине (1926, 5, С. 97-104), одним из редакторов которой был Г. С. Виноградов, опубликована статья П. П. Хороших «Бирки у Иркутских бурят» с обширным библиографическим приложением. (См. также: Богданов В. В. Русская бирка и древнейшие элементы бирки у ее европейских сородичей. // Этнографическое обозрение, Т. LIX-LX, 1916, № 1-2, С. 17-40.)

XLI.17.РОРНБ Ф. 1034 Калинина Е.В., ед. хр. 148,
л. 14-15.

Первая строка написана карандашом, на полях листа, весь остальной текст чернилами, в 1/4 листа.

1. От слова «вышивки» текст подчеркнут.

2. На полях, напротив абзаца, комментарий рукой Г. С. Виноградова — «Одно нельзя отрывать от целого».

3. Статья Я. А. Тугенхольда, посвященная лубку, была опубликована в журнале «L'Art Decoratif» в 1912 году (L'Illustration russe // L'Art Decoratif.-Paris, 1912, septembre, P. 125-144.); непосредственно выставке посвящено предисловие

Я. А. Тугенхольда в парижском каталоге выставки — Preface// Societe de Salon d'Automne.Catalogue des Oeuvres de Peinture, Sculpture, Dessin, Gravure, Architecture et Art Decoratif,exposes au Grand Palais des Champs Elysees du 15 Novembre 1913 au 15 Janvier 1914. Paris, 1913.- 308-313.

4. Гелиос — (в греческой мифологии — Бог солнца) псевдоним или дружеское прозвище Г. С. Виноградова. Этим именем он нередко подписывал свои личные письма.

В. В. Головин

IV. Музей Г. С. Виноградова в городе Тулуне Иркутской области

Самым главным экспонатом является дом, в котором родился Георгий Семенович Виноградов.[...]

Интереснейшими экспонатами и самыми дорогими в музее являются труды Г. С. Виноградова, издания 1919, 1924, 1925, 1926 годов.

[...]

Имеется ряд газетных публикаций о Г. С. Виноградове. Кроме того, две фотографии (подлинники): а) Г. С. Виноградов в сороковых годах, б) групповое фото — снят с группой учащихся Тулунской школы.[...]

В музее хранятся машинописные листы рукописи вдовы ученого А. И. Татариновой, которая знакомит с биографией Г.С. Виноградова — это наброски к книге С. Н. Дурылина, которая не была написана.

[...]

Ю. И. Баландин (г. Тулун)

V. Архив Г. С. Виноградова в фондах Ир- кутского краеведческого музея.

Этот архив передала музею в 1984 г. Зоя Иннокентьевна Димитревич — племянница Татьяны Васильевны Инесиной

— последней жены Г. С. Виноградова.

Архив состоит из двух частей: Основного фонда и Вспомогательного, зарегистрированного на временное поступление.

Основной фонд, насчитывающий более 300 ед. хранения, включает в себя часть библиотеки Г. С. Виноградова, документы, справки, счета, квитанции, продуктовые карточки, обширную переписку ленинградского периода жизни ученого и наиболее ценные для составления биографии профессора Г. С. Виноградова воспоминания С. Н. Дурылина и Т. В. Инесиной.

Библиотека состоит из художественных произведений на русском и иностранных языках, справочных и учебных пособий, оттисков отдельных работ коллег Г. С. Виноградова с посвящением ему, а также его отдельных работ. Здесь же хранятся журнальные публикации о Г. С. Виноградове, собранные заботливыми руками Т. В. Инесиной после смерти ученого. Коллекция документов позволяет выявить все сложности быта предвоенной и военной поры, выпавшие на долю ученого. Например, скупая строка трудовой книжки Г. С. Виноградова «Уволен из Иргосуна по статье...» означала на деле крах уже набравшей силу иркутской этнографической школы. Казенная переписка с ВАК демонстрирует упорство, с которым официальные ученые мужи не желали признавать неоспоримого вклада Г. С. Виноградова в гуманитарную науку.

Архив содержит письма, адресованные Г. С. Виноградову.

Список корреспондентов велик, широка география. Письма М. К. Азадовского, Д. С. Лихачева, Н. Е. Ончукова, В. А. Малаховского, Б. А. Дмитриева, Н. А. Капицы, С. Обнорского, Е. В. Дружининой и других (всего 33 корреспондента) повествуют о судьбах ученых-коллег, о деятельности Академии Наук СССР в тяжелые годы войны, о взаимоотношениях Г. С. Виноградова с руководством Института этнографии. Из переписки известно, что не все рукописи ученого погибли при бомбежке в Павловске. Перед эвакуацией из Ленинграда какие-то рукописи были переданы заместителю директора Института этнографии С. М. Абрамзону, что и подтверждает он сам в письме к Г. С. Виноградову. В имеющемся в нашем архиве полном списке печатных работ Г. С. Виноградова не числится ни одной публикации по этнографии с 1942 г. и позднее. Вопрос о судьбе этих рукописей остается открытым.

Драгоценные материалы для будущих биографов Г. С. Виноградова содержат записки Т. В. Инесиной с 1930 г. по 1945 г. Они позволяют проследить судьбу Г. С. Виноградова не только как ученого, но и человека.[...]

Полная научная биография Георгия Семеновича Виноградова еще не написана. Но черновая работа по ее созданию

проводилась долгие годы силами его близких — друга, писателя С. Н. Дурылина (1886-1954) и ученицы, сподвижницы и супруги Г. С. Виноградова — Т. В. Инешиной (1907-1984). Последние 15 лет жизни Г. С. Виноградова его неотступно сопровождала Т. В. Инешина. «Мой верный оруженосец Санчо Танса» — писал о ней Виноградов.

Научно-вспомогательная часть архива огромна по объему. Здесь находятся рабочие картотеки по следующим темам: детский фольклор, детская сказка, областные слова, картотека архива писателя Веселовского. Среди прочего материала имеется подборка описаний детских игр, составленная при помощи корреспондентов — единомышленников Г. С. Виноградова, благодаря которым были собраны не только записи, но и музейные коллекции по детскому быту.

Здесь же находится картотека по теме «Выкрики и зазывы» (218 ед.хр.), Г. С. Виноградов записал их на базарах Иркутска, Углича, выписал из литературных источников.[...]

По публикации О. А. Акулич (г. Иркутск)

Примечание:

Разделы I и II подготовлены А. В. Грунтовским: III — В. В. Голвиным: разделы IV и V по Ю. И. Баландину и О. А. Акулич, см. сб. «Дети и народная культура», М, 1995.

Комментарии.

Детский народный календарь

К стр.

- 10 *молодятник* — молодежь.
ирдань (Иордань) — место на льду и прорубь, где происходит водосвятие на Крещение 6/19 января, сам обряд водосвятия.
- 11 *Иванов день* — так в Сибири называли следующий день после Крещения, когда празднуется Собор Предтечи и Крестителя Господня Иоанна (7/20 января).
посиденки — посиделки, вечерки, собрания крестьянской молодежи осенними и зимними вечерами, где занимались рукодельем, а также пели, играли, забавлялись.
чуман — берестяной кузов, лукошко для мелких вещей, мог служить и черпаком для воды.
катушка — ледяная горка.
лоток — приспособление для катания с гор, вырезалось из деревянной плахи длиной от 0,5 до 1 метра, передний край его заострялся, иногда немного закруглялся снизу; на верхней поверхности выдалбливалось углубление, к переднему концу прикреплялась веревка; снизу подмораживались водой или коровьим навозом.
Прошшоный день — последний день Масленицы, заговенье на Великий пост, прощенное воскресенье.
лыва — лужа; впадина, залитая водой.
кулупать серку — сдирать, отковыривать с хвойных деревьев смолу, которую дети любили жевать.
Вербно воскресенье — последнее воскресенье перед Пасхой, когда отмечали Вход Господень в Иерусалим; в России освящали ветки распустившейся вербы.
Великий четверг — последний четверг перед Пасхой, на Страстной неделе, когда отмечается «воспоминание о Тай-

К стр.

ной Вечери» — последней встрече Иисуса Христа со своими учениками перед распятием; важнейшая дата народного календаря (подробнее о сибирских обычаях и обрядах Великого четверга см.: Макаренко А. А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. СПб., 1913; последнее переиздание — Новосибирск, 1993. С. 102-104).

12 *Стояние на двенадцати евангелиях* — чтение 12-ти Евангелий Святых Страстей Иисуса Христа, совершается в церкви с четверга на пятницу Страстной недели. Каждый взрослый православный должен отстоять эту службу.

вышка — чердак, светелка под кровлей.

пятера — навес, выступ над дверьми.

13 *пуга* — тупой конец яйца.

14 *Родительский день* — день поминовения усопших: вторник на Фоминой (следующий после Пасхальной) неделе, Радуница.

Еремей Запрягальник — 1/14 мая, считалось, что в этот день хотя «малость, а посеять надо», невзирая на состояние погоды; начало весеннего сева яровых.

день Матери Елены — день памяти равноапостольных царя Константина и матери его царицы Елены, отмечается 21 мая/3 июня.

15 *метлика* — сорная трава в хлебе, костра; травы, цветущие метелкой.

16 *постигонка* — сапожная дратва, толстая смоленая или вошенная нить.

18 *морда* — плетенка из лозы с двойной воронкой для ловли рыбы.

19 *кروавик* — растение *Polygonatum*.

клетка — клеть, холодная половина избы, чулан, кладовка.

20 *уповод* — срок, отрезок времени протяженностью от 2 до 4 часов, рассчитанный на выполнение работы в один прием, без отдыха и еды.

21 *Ильин день* — день, посвященный Илье-пророку, отмечался 20 июля/2 августа (подробнее об этом дне см.: Макаренко А. А. Сибирский народный календарь. Новосибирск, 1993. С. 71-73.)

Иваны-Гнуты — в Сибири так назывался день памяти Усекновения Главы Иоанна Предтечи, справлялся 29 августа/11 сентября.

К стр.

Семены Нохтодуи — сибирское название дня памяти препод. Симеона Столпника (1/14 сентября).

гоношить — изготавливать.

- 24 Спиридона Солнцеворота — день памяти свт. чудотворца Спиридона, отмечался 12/25 декабря, зимнее солнцестояние; считалось, что после этого дня солнце поворачивает на лето, т.е. день начинает постепенно прибывать.

гривна — 1) в древней Руси денежная единица — серебряный или золотой слиток весом около фунта, 2) серебряное или золотое украшение, надевавшееся на шею, часто в виде медальона, ладанки.

- 25 шевяки — сухой, мерзлый конский помет.

каталашка — тюрьма, помещение для арестантов (шутл., простореч.).

- 30 *genius loci* — дух-хранитель места, местное божество (лат.).

Детская сатирическая лирика

- 3 рацейка — рождественское поздравление, выкрикиваемое или произносимое нараспев колядовщиками, обходившими дома односельчан.

- 6 *lanx satura* — полная чаша.

- 7 схлюздить (схлюзить) — обмануть, покривить душой; зажимать, присваивать себе чужое.

хлюзда — плут, обманщик, мошенник, шулер.

збрендить — струсить, соврать, украсть, стянуть что-либо.

- 8 ичко — яичко.

- 9 «*Versibus alternis opprobria rustica fudit...*» — строки из «Послания №1 (к Августу)» Горация. Перевод Н. Гинцбурга:

Бранью крестьяне в стихах осыпали друг друга чредою.

С радостью вольность была принята, каждый год

возвращаясь

Милой забавой, пока уже дикая шутка не стала

В ярость открыто впадать и с угрозой в почтенные семьи

Без наказанья врываться...

(Гораций Флакк. Оды. Эпосы. Сатиры. Послания.
М., 1970. С. 146-150).

К стр.

- 13 *ex promptu* — экспромтом, без подготовки, вдруг (лат.).
- 18 *литотес, литота* — стилистическая фигура, состоящая в подчеркнутом преуменьшении, уничижении; имеет характер, обратный гиперболе.
- 22 *по Бальмонту* — имеется в виду статья К. Бальмонта «Поэзия как волшебство», вышедшая отдельным изданием в 1915 (М., Скорпион) и в 1922 (М., Задруга) годах. О звуке «р» у Бальмонта сказано не просто «скорое взрывное», а «скорое, узорное, угрозное, спорное, взрывное».
- 29 *костер* — поленница, дрова, сложенные в клетку.
- 32 *desiderata* — 1) чьи-либо пожелания или намерения, 2) экземпляры, желательные для пополнения библиотеки, собрания, музея и пр. (лат.).
- 33 *orprobria rustica* — деревенская брань (лат.).
- 34 *чарок* — обычная сибирская обувь, напоминающая бахилы.
братский — относящийся к инородцам, им принадлежащий; нередкое прозвище бурят.
- 35 *бадог* — 1) палка, трость, посох, хворостина, хлыст; 2) мера дров, равная полсажени погонной.
- 36 *селенга* — на Байкале так назывался восточный ветер и омуль, пригоняемый этим ветром.
кумаханька — м.б. от слова «кумоха», «кумаха», как в народе называли лихорадку, иногда вообще нечистую силу, лихо, внезапную напасть.
- 40 *лагун* — бочка, бочонок, ведро для воды.
заплот — забор; деревянная сплошная ограда из досок или бревен.
ичиться — быть одержимым икотой, икать.
серка — топлёная смола лиственницы, которую жуют как лакомство и чтобы зубы были белыми.
- 42 приведенная цитата из Достоевского взята из VII главы («На чистом воздухе») «Братьев Карамазовых».

Народная педагогика

- 3 *Miscellanea* — смесь, всячина (лат.).
- 5 *Ушинский Константин Дмитриевич (1824 — 1871)* — выдающийся русский педагог, основоположник научной педагогики в России.

К стр.

Кершенштейнер Георг (1854 — 1932) — немецкий педагог, теоретик трудовой школы и гражданского воспитания.

Лесгафт Петр Францевич (1837 — 1909) — русский педагог, анатом и врач; основоположник научной системы физического воспитания и врачебно-педагогического контроля в физической культуре в России.

7 *Песталоцци Иоганн Генрих* (1746 — 1827) — швейцарский педагог, основоположник теории начального образования, связавший педагогику с психологией.

8 *Вундт Вильгельм* (1832 — 1920) — немецкий психолог, физиолог, философ, иностранный почетный член Петербургской АН; один из основоположников экспериментальной психологии, создатель нового направления — этнопсихологии (опыт психологического истолкования мифа, религии, искусства).

9 «Отчего у нас начался белый вольный свет...» — строка из очень чтимого и популярного на Руси духовного стиха «Голубиная Книга».

10 *Паскаль Блез* (1623 — 1662) — французский философ, математик, физик, писатель; автор знаменитых «Мыслей» (1669) о трагичности и хрупкости человека, находящегося между двумя безднами — бесконечностью и ничтожеством (человек — «мыслящий тростник»); спасение видел в христианстве.

11 *Мильтон Джон* (1608 — 1674) — английский поэт, его перу принадлежит трактат по воспитанию «Tractate of Education, to Master Samuel Hartlib».

Шопенгауэр Артур (1788 — 1860) — немецкий философ, теоретик «вселенского пессимизма»; знаменитые «Афоризмы житейской мудрости» были написаны им во второй половине 1840-х гг. и выдержали множество переизданий; наиболее авторитетный русский перевод был осуществлен Н. В. Самсоновым для издания: «Сочинения Артура Шопенгауэра». Том III. М., 1903.

14 *Vademesum* — букв.: «иди со мной» (лат.), употребляется в значении «пособие, руководство, настольная книга».

Ubi enim est thesaurus tuus, ibi est et cor tuum — ибо где твое сокровище, там и твое сердце (лат.).

23 *Соловьев Сергей Михайлович* (1820 — 1879) — русский историк, академик Петербургской АН, ректор Московского университета в 1871-1877 гг.; автор фундаментального труда «История России с древнейших времен» в 29 томах (1851 — 1879).

К стр.

Коменский Амос (1592 — 1670) — чешский мыслитель-гуманист, педагог; основоположник дидактики, впервые разработал идею всеобщего обучения на родном языке, разработал единую школьную систему обучения.

- 24 *Кривополенова Мария Дмитриевна* (1843 — 1924) — русская сказительница, прекрасный знаток и талантливая исполнительница былин, скоморошин, сказок, песен.

Наторп Пауль Гергард (1854 — 1924) — немецкий философ, развивал идею социальной педагогики, связывая ее с этическим социализмом.

- 26 *Шпет Густав Густавович* (1879 — 1940) — русский философ, вице-председатель (1923-29) Рос. Академии художественных Наук.

Детские тайные языки.

- 4 *argot* — жаргон, сленг франц.

- 6 *Кюнорова грамматика* — Рафаэль Кюнер (1802-1878) — немецкий филолог и педагог, автор известных грамматик древних языков. Его греческая и латинская элементарные грамматики выдержали в России большое количество изданий, служили незаменимым учебным пособием, они включали не только теоретический курс, но статьи для перевода, хрестоматию и словарь.

Ксенофонтос Анабазис — Ксенофонт (ок. 434-359) — греческий историк и философ. «Анабазис Кира» — одно из лучших его произведений, описывающее историю похода Кира младшего против его брата, персидского Артаксеркса II; принадлежит к популярнейшим произведениям античной классики.

древний Приам и его народ-копьеносец — Приам, последний Троянский царь, правивший 40 лет, во время Троянской войны был настолько стар, что не принимал участия в битвах, погиб в ночь взятия Трои у алтаря Зевса. Обычным вооружением воинственных троянцев были боевые копья, которыми они превосходно владели.

уток — нитка, которой ткут; она наматывается на шпульку, вставляется в челнок и идет поперек основы, образуя ткань.

- 8 «детская азбука, малый букварь» — слова из статьи К. Бальмонта «Поэзия как волшебство». «Я беру свою детскую азбуку, малый букварь, что был моим первым вожаком, который ввел меня еще ребенком в бесконечные

К стр.

лабиринты человеческой мысли. Я с смиренной любовью смотрю на все буквы, и каждая смотрит на меня приветливо, обещаясь говорить со мной отдельно», — этими словами Бальмонт начинает ту часть статьи, где пытается разгадать характер и смысл каждого звука — гласных и согласных.

- 10 *драга* — механизм, с помощью которого извлекается со дна грунт для промывки драгоценных металлов.
- 14 «*Параша Сибирячка*. Русская быль в двух действиях с эпилогом» — популярная пьеса Н. А. Полевого (1840), содержащая идею милости к сибирским каторжникам. Ставилась на сценах столичных театров (в Петербурге последний раз шла в 1896 г.), особенным успехом пользовалась в провинции.
- 21 *Поржезинский Виктор Карлович* (1870 — 1929) — русский ученый, языковед.

Детские игровые прелюдии

- 8 *телеология* — учение о цели и целесообразности, согласно которому все в природе устроено целесообразно и всякое развитие является осуществлением заранее predetermined целей; противоположно детерминизму.
- 13 *братья Соколовы* — Борис Матвеевич (1889-1930) и Юрий Матвеевич (1889-1941) — русские фольклористы, совместно издали сборники «Сказки и песни Белозерского края» (1915), «Поэзия деревни» (1926), участники фольклорных экспедиций, авторы трудов по теории фольклора, учебных курсов по русскому фольклору.
- 14 *архив Тенишева* — Этнографическое Бюро князя В.Н.Тенишева — собрание материалов по быту, обычаям и обрядам русского крестьянства конца XIX — нач. XX вв.; собрание состоит из многочисленных записей, ответов на анкеты, присланные из разных губерний в ответ на Программу, разработанную Тенишевым и его сотрудниками. Архив находится в Российском Этнографическом музее Санкт-Петербурга.
- 24 *Миллер-отец* — Федор Богданович Миллер (1818-1881) — поэт-переводчик, его сборник «Стихотворения» выдержал в Москве три издания: 1849, 1860 и 1872 гг. Отец В.Ф.Миллера — русского фольклориста, языковеда, этнографа, археолога, акад. Петербургской АН, и О.Ф.Миллера — русского литературоведа и фольклориста.

К стр.

- 26 *non liquet* — не ясно, требует выяснений (лат.).
- 37, 38 *галишь* (галящий) — подавать мяч или шар в игре.
- 57 *иманья* — шерсть (ирк. диалект).
срюнь, срюня — свинья.
- 58 *Rustica* — деревенская ругань (лат.).
алтын — монета в три копейки.
ермак — вольный человек, казак.
тиун — приказчик, управляющий, судья.
убогий дом — богадельня, приют для бедных и калек.
- 71 *ясачная деревня* — обычно деревня, населенная нерусскими, православными, которые платили особую подать (ясак), по большей части пушниной.
- 72 *Sotto 'l velame degli versi strani* — из Данте.
Inferno — ад, преисподняя (лат.).
- 82 *Numeralia cardinalia* — количественные числительные (лат.).
- 85 *ars poetica* — поэтическое искусство, поэтический материал (лат.).
- 87 *путьо* — веревка, ремень для стреноживания коней; сиб. — веревочная сеть, которой накрывают берлогу, убивая медведя на месте; рыболовные сети.
копыльчики — короткие бруски в полозьях саней, служащие опорой для кузова.
- 91 *con discorde concordia* — согласованное несогласие.
- 114 *нардом* — «Народный дом», клуб для народа; создаваемые земством, городской думой, обществом грамотности, такие клубы должны были служить просветительским целям; после 1917 года преобразованы в клубные учреждения.
потребилровка — магазин потребительской кооперации (простор.).
монополья — государственный магазин
- 121 *Щерба* — имеется в виду работа Л. В. Щербы «О частях речи в русском языке».
В.М.Чернышев — имеется в виду работа «Терминология русских картежников».
Шкловский — имеется в виду работа В.Б.Шкловского «О поэзии и заумном языке».
- 125 *Plattdeutsh* — нижненемецкое наречие (нем.).
- 131 *bon souvenir* — хороших воспоминаний (пожелание)

К стр.

(франц.)

- 132 учебники по русскому языку Кирпичникова и Гилярова — Кирпичников Александр Иванович (1845-?) — известный историк всеобщей литературы, будучи преподавателем русского языка в I-ой и 5-ой московских гимназиях, составил, вместе с Ф. Гиляровым, «Этимологию русского языка» (М., 1869), выдержавшую ок. 30 изданий, и «Синтаксис русского языка» (более 20 изданий).
- 139 *desiderata* — чьи-либо пожелания или намерения (лат.).
- 148 *стан* — основа рубахи, сшитые полотнища без рукавов и воротника.
- 150 *карнатый* — остриженный.
- 187 *чеботарь* — сапожник (от «чеботы» — мягкая кожаная обувь с каблуками, иногда с медными закаблучьями).
черевики — женская праздничная обувь, обычно с острым носком и на каблучках.
- 204 *шаньга* — ватрушка, сочень, простая лепешка.
- 206 *беремя* — ноша, охалка, вязанка.
- 207 *старица* — старое, покинутое русло реки, пожилая женщина.
- 214 *потник* — подкладка из войлока под седло.
- 219 *licentia poetica* — поэтическая вольность (лат.).

Указатель литературы, используемой Г. С. Виноградовым в публикуемых работах.

Сокращения

МНП — Министерство народного просвещения

ОЛЕАЭ — Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии.

ОРЯС — Отделение русского языка и словесности Российской Академии Наук.

РГО — Русское географическое общество

СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа

Авдеева Е.А.	Записки и замечания о Сибири. Спб., 1837;

Записки о старом и новом русском быте. Спб., 1842. |
| Азадовский М.К. | Беседы собирателя. Иркутск, 1924;
Сибирские темы в народной словесности. Иркутск, 1925. |
Ан-ский [Раппопорт] С.А.	Народные детские песни// Еврейская Старина, Спб., 1910, ч. III.
Арефьев В.С.	Материалы по этнографии Енисейского уезда Енисейской губернии// Известия Вост.-Сиб. отд. имп. Русского Географического Общества, 1902, т.32, №1/2.
Аскольдов С.А.	Концепт и слово// Сб. Русская речь. Новая серия, П. Л., 1928.
Ашукин Н.	Зарницы. Песенки. М., 1923.

- Балов А.В. Колыбельные и детские песни и детские прибаутки, записанные в Пошехонском уезде Ярославской губернии//Живая Старина, 1901, вып.1 С.116-120;
- Рожение и воспитание детей в Пошехонском уезде Ярославской губернии//Этнографическое Обозрение, 1890, кн. 6, №3. С. 90-114.
- Бальмонт К. Поэзия как волшебство.М., Скорпион, 1915; М., Задруга, 1922.
- Бархин К. Классное чтение и письменные работы детей//Родной язык в школе,1927, №3.
- Басов-Верхоянцев С. Конек-скокунок. М.-Л., 1927.
- Белецкий А.И. В мастерской художника слова// Вопросы теории и психологии творчества. Харьков, 1923, т. VIII.
- Белослюдов В.Н. Материалы по этнографии// Записки Семипалатинского подотд. Зап.-Сиб. отд. РГО, 1917. вып.11.
- Белый А. Котик Летаев.
- Бессонов П.А. Детские песни. М., 1868;
- К вопросу о собирании и изучении памятников народного песнетворчества. М., 1896.
- Бирюков П. Л.Н. Толстой. Биография. М., 1906, т.1.
- Бобров С.П. Ритм // Литературная Энциклопедия. М.-Л., 1925.
- Богданов В. К изучению игрушки. Прогаммные заметки.//Этнографическое Обозрение. 1912. №1-2. С.222-229.
- Богораз В.Г. Новые задачи российской этнографии в полярных областях. 1921, т. II.
- Богораз-Тан В.Г. Программа наблюдений над бытом ме-

- Бродский Н.Л., Гусев Н.А., Сидоров Н.П. стного населения // Сборник программ школьных наблюдений над природой. Пгр., 1922.
- Русская устная словесность. Темы. Библиография. Программы для собирания. Л., 1924.
- Брюсов В. Детская // Брюсов В. Пути и перепутья. Собрание стихов. М., 1908, т.2. С. 20.
- Бунятов . . Домашнее воспитание у армян Эриванской губернии. // Этнографич. Обзорение, 1894, №4.
- Бурцев А.Е. Детские игры и забавы // Полн. собр. этнографических трудов. Спб., 1911, т.7 (вып.34). С.229-273.
- Буслаев Ф. И. Сравнительное описание народного быта и поэзии // Русский Вестник, 1872, т.102.
- Василевич Г.М. Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. Л., 1936, вып. 1.
- Владимиров П.В. Введение в историю русской словесности: Из лекций и исследований. Киев, 1896.
- Вольгаст Г. Проблемы детского чтения. Спб., 1912.
- Вундт В. Фантазия как основа искусства. Спб., 1914.
- Герасимов Б.Г. В долине Бухтармы (Краткий историко-этнографический очерк) // Записки Семипалатинского Подотдела Зап.-Сиб. отд. РГО, 1911, вып.5. С.1-115.
- Гершензон М.А. Летчик Мишка Волдырь. М., Л., 1926.
- Гессен С.И. Основы педагогики. Берлин, 1923.
- Гинзбург С.М., Марек П.С. Еврейские народные песни в России. Изд. ред. «Восход». Спб., 1901.
- Глаголев С. Религиозная философия у негров Бавили. 1908. 1.

- Голышев И.А. Детские песни в слободе Мстере Вязниковского уезда // Ежегодник Владимирского Губ. Статистич. Комитета. Владимир, 1878, т.2. С.89-97.
- Гольдберг Ис. Человек с ружьем // Закон тайги.
- Горький А.М. Детство. Л., 1926 [Собр. соч. в 30-ти тт. М., 1951, т.13];
- Литературу — детям // О литературе. Статьи и речи 1928-1935. М., 1935.
- Гулисов З. Об игрушках, играх и разных детских забавах, встречающихся в Грузии // СМОМПК, 1886. т.V.
- Даль В.И. Пословицы русского народа М., 1862;
- Толковый словарь живого великорусского языка М., 1861-1867, тт. 1-4.
- Державин Н.С. Болгарские колонии в России. Материалы по славянской этнографии // Сборник за народни умотворения и народопис издава Българската Академия на науките. София, 1914;
- Детский быт и фольклор. Л., 1930.
- Джафар Мирза. Об искусственном образовании парных слов // Известия ОЛЕАЭ, М., 1900, т. 97.
- Джемс В. Беседы с учителями о психологии. М., 1910.
- Джонсон Г. Игры и забавы в воспитании. М., 1922.
- Дзенс-Литовский А.И., Абрамов И.С. Познание местного края. Л., 1925.
- Добровольский В.Н. Смоленский этнографический сборник. М., 1903, ч. IV. (Записки имп. РГО по отдел. этнографии, т.27).
- Добрынкина Е.П. Народные детские песенки в Муромском уезде // Ежегодник Владимирского губ. Статистич. комитета. Владимир, 1880. Т.III.

- Добряков Г.С. О колыбельных песнях // Вестник воспитания, 1914, №8. С. 145-156.
- Дурново Н.Н. Мелкие заметки по русскому языку. 4. Еще о парных словах // Журнал МНП, 1902, т. VI, отд. 2.
- Евдокимов Ив. Колокола.
- Ерузалем В. Введение в философию. М.,
- Ефименко П.С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. М., 1877, ч.1 (Известия ОЛЕАЭ. 1877, кн.5, т.30, вып.1)
- Жирмунский В.М. Рифма, ее история и теория. Пгр., 1923.
- Завойко Г.К. Колыбельные и детские песни и детские игры у крестьян Владимирской губернии // Этнограф. Обзорение, 1915, кн. 105/106, №1-2. С. 119-133.
- Заглада Н. Побут селянської дитини. Київ, 1929.
- Загоскин М.Н. Русские в начале XVIII столетия. 1902, изд. И.Сытина.
- Зайчик. Детская сказка. С картинками В.М.Ермолаевой. Изд. С.Я. Штрайха. Пгр., 1923.
- Зеленин Д.К. Географическая песня // Вестник воспитания, 1904, №4, раздел 2-4. С.91-94;
Описание рукописей Ученого Архива РГО. Пгр., вып. 1-3, 1914-1916;
Особенности в говоре русских крестьян юго-восточной части Вятской губернии // Живая старина, 1901, вып.1. С.81-96;
Отчет о диалектологической поездке в Вятскую губернию // Сборник ОРЯС, 1903, т.76, №2. С.1-189;
Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. Часть 1. Запреты на охоте и иных промыслах. Л., 1929 (Сбор. МАЭ, т.8).

- Зелинский Ф.Ф. Из жизни идей. Т.1-4. Изд. 1-е: Спб., 1905-1922;
Изд. 3-е: Пгр., 1911-1916.
- Зимин М.М. Жизнь костромских деревенских детей в народной поэзии//ж. Октябрь (Кострома), 1926, №4. С.53-58; №7-8. С.65-67.
- Иваницкий Н.А. Материалы по этнографии Вологодской губернии // Известия ОЛЕАЭ, 1890, т.69. С.156-164.
- Иванов П.В. Игры крестьянских детей в Купянском уезде // Сборник Харьковского Историко-филологического общества. Харьков, 1889. т.2.
- Игнатович Ю. Сборник игр для детей. Спб., 1878.
- Ильинский Я. Свадебные причеты, детские песни и пр., записанные в Щетинской, Хмелевской и Меленковской волостях Пошехонского уезда // Живая Старина, 1896. вып.2. С.226-241.
- Каверин В. Скандалист // ж. Звезда, 1928, №5.
- Капица О.И. Библиография по детскому быту, фольклору и языку (с 1917 по 1928 гг.) // Детский быт и фольклор. Л., 1930. С.42-44;
Детские народные потешки. М., 1927;
Детский фольклор. Л., 1928;
Дитячий фольклор // Бюл. Етногр. комис. 1930, №14. С. 3-13;
К вопросу об изучении детского фольклора // Известия РГО, 1928, т.60, вып.1. С.59-79;
Не любо — не слушай. М., 1927;
Обзор некоторых трудов по детскому фольклору на английском языке // Детский быт и фольклор. Л., 1930. С.45-56;

- Первый сборник детского фольклора (Памяти П.А.Бессонова) // Детский быт и фольклор. Л., 1930;
- Поэзия крестьянских детей // В помощь просвещенцу. Ежемесячник Наркомпроса АН СССР, 1928, №3-5. С.28-39;
- Фольклор в современной детской книжке // Книга детям, 1929, №2-3.
- Каравелов Любен. Болгарские народные песни, изданные под наблюдением П.А.Лаврова. М., 1905.
- Карамзин Н.М. История государства Российского Спб., 1818, т.1.
- Карский Е.Ф. Белорусы. Т.3. Очерки словесности белорусского племени. Народная поэзия. М., 1916.
- Кершенштейнер Г. Развитие художественного творчества ребенка. М., 1914.
- Киреевский П.В. Песни, собранные П.В.Киреевским. Новая серия. Вып. 2, ч.1, 1918.
- Кирпатрик Э. Основы педологии. М., 1925. Изд. 3-е.
- Кирсанов С. Моя именинная поэма. М.-Л., 1928;
- Книги и люди. М.-Пгр., 1923;
- Коллективы беспризорных и их вожаки. Сборник статей. Харьков, 1926.
- Колпакова-Карбузова Н.П. Промысловые мотивы в фольклоре Терского берега // Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности акад. А.С.Орлова. Л., 1934.
- Кони А.Ф. На жизненном пути. М., 1916, т. II.
- Коробка Н.И. Опыт обзора истории русской литературы. Спб., 1909, ч.1, вып.1.
- Короленко В. История моего современника, т.1.
- Косогоров . . Русское народное воспитание. // Живая

- Старина, 1906, вып. IV.
- Костомаров Н.И. Великорусская народная песенная поэзия // Вестник Европы, 1872, ч. 6.
- Кривошапкин М.Ф. Енисейский округ и его жизнь. Спб., 1865, т. II.
- Кримський А. Розвідки, статті та замітки. Київ, 1928.
- Кудрявцев В.Ф. Детские игры и песенки в Нижегородской губернии // Нижегородский сборник. Изд. Нижегород. губ. стат. Комитета. 1871, т. IV. С. 167-238.
- Кузмин М. А. Условности. Статьи об искусстве. Пгр., 1923;
- Форель разбивает лед. Л., 1929.
- Кулжинский С.К. Игра в лодыжки // Этнографическое Обозрение, 1900, № 1.
- Лапшин И.И. Философия изобретения и изобретение в философии. Пгр., 1922, ч. 1-2.
- Левина И.М. Кукольный театр в свадьбу и «метище» // Крестьянское искусство СССР. Л., 1928, т. 2. С. 201-234.
- Леонтьев К.Н. Собр. соч., М., 1912.
- Летурно Ш. Эволюция воспитания у разных человеческих рас. Спб., 1900.
- Ложкин Ф. Конец Далевского // ж. Красная Новь, 1927, № VII. Лозина-Лозинский А. Одиночество, Пгр., 1916.
- Лонг В. На крайнем Севере. (По тропинкам и дорожкам). Очерки из жизни животных на Крайнем Севере. М., 1914.
- Лосев А.Ф. Философия имени. М., 1927;
- Диалектика художественной формы. М., 1927.
- Макаренко А.А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. Спб., 1913 (Записки имп. РГО по отдел. этногра-

- фии, т.36).
- Малаховский В.А. Очерки по методике русского языка. М.-Л., 1927.
- Мексин Я. Русские народные песни. М., 1919; 2-е изд. 1923.
- Мелков А.Л. Несколько указаний для собирания детских народных игр//Живая Старина, 1916, вып.4. Прилож.6. С.0103-0104.
- Мелкова Н.А. Игры киргиз // Труды Оренбургского Общества изучения Киргизского края, 1921, вып.1; 2-е изд. 1923.
- Мельников-Печерский П. И. Исторические очерки поповщины. М., 1864.
- Миллер В. Осетино-немецко-русский словарь. Л., 1927.
- Миллер Ф.Б. Стихотворения. М., 1881, т.VI.
- Михеев В. Песни о Сибири. М., 1884.
- Можаровский А.Ф. Святочные песни, игры, гадания... в Казанской губернии. Казань, 1873;
- Очерки жизни крестьянских детей Казанской губернии в их потехах, остротах, стишках и песнях // Труды Этнографического отд. ОЛЕАЭ. М., 1877, кн. IV. С.102-139.
- Молотиллов А.Н. Говор русского старожилого населения Северной Барабы (Каинского уезда Томской губернии). Материалы для Сибирской диалектологии // Труды Томского Общества изучения Сибири. 1913, т.2, вып.1. С.33-219.
- Монро П. История педагогики. М., 1911.
- Мордовцев Д.Л. О русских школьных книгах XVII века. М., 1862.
- Мякутин А.И. Песни оренбургских казаков. В 4-х томах. Оренбург-Спб., 1910, т.4.

- Наторп П. Философия как основа педагогики. М., 1910,
- Неклепаев И.Я. Поверья и обычаи Сургутского края (Тобольск. губ.)// Записки Западно-Сибир. Отдела РГО, 1903, т.30, отд.2.
- Нечаев И.В. Игры и песенки деревенских ребят Лаишевского уезда Казанской губернии // Живая Старина, 1891, вып. IV. С.214-226;
- Игры крестьянских детей Лаишевского уезда // Известия Общества Археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1894, т.XI, вып.6. С.495-510.
- Никифоров А.И. Теперешний заонежский казкар-оповідач // Етнограф. Вісник, 1922, кн.9.
- Никифоровский Н.Я. Очерки Витебской Белоруссии // Этнографическое Обзорение, 1897, №3.
- Озаровская О.Э. Бабушкины старины.Пгр., 1916; 2-е изд. М., 1922.
- Ончуков Н.Е. Сказки одной деревни // Сборник в честь акад. С.Ф.Ольденбурга. Л., 1934.
- Оршанская Е. Детские присказки (д.Монастырщина Погостов. в., Красников. у., Смоленской губ.)// Живая Старина, 1909, вып.1, отд.5. С.120-121.
- Оршанский Л. Игрушки. М., 1923.
- Островских П. Охрана первобытных племен в связи с поднятием экономической жизни окраин // Жизнь национальностей, 1922, №6 (135).
- Павлович Н. Считалочки. Л., 1929.
- Партридж Э. и Дж. Как и что рассказывать детям в школе и дома. М., 1914.
- Пастернак Б. Л. Детство Люверс.
- Первые шаги краеведа. Сборник статей.

- Иваново-Вознесенск, 1926.
- Петров В.В. Быт деревни в сочинениях школьников. М., 1927.
- Пещерева Е.М. Некоторые игры среди оседлого населения Туркестана. Ташкент, 1925.
- Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия. Спб., 1885.
- Покровский Е.А. Детские игры, преимущественно русские. М., 1887;
2-е изд., исправ. и дополненное — М., 1895 [репринт с изд.-ия 1895 г. — Спб., 1994];
Физическое воспитание детей у разных народов, преимущественно России. М., 1884 (Известия ОЛЕАЭ, т.45, вып.1-3; Труды антропологич. отд., т.7. вып. 1-3).
- Поляков В.Г. Любимые игры детей. М., 1923.
- Помяловский Н.Ф. Очерки бурсы // Полн. собр. соч. Спб., 1904, т.2.
- Попов В.А. Следы исторической мысли в жеребьях детских игр Вологодской губернии // Вологодские губ. ведомости, 1860, №49.
- Попова А.М. Детские игры и забавы в сибирской деревне // Сибирская Живая Старина, 1923, вып. 1; С.106-120;
Поездка к «семейским» Забайкалья // Бурятноведение. Верхнеудинск, 1926, №2. С.16-19.
- Поржезинский В. Введение в языковедение. М., 1916.
- Потанин Г.Н. Предисловие // Записки Крастьорского подотдела Вост.-Сиб. Отдел. РГО по этнографии. Красноярск, 1902, т.1, вып.1, С.1-12;
Программа для собирания сведений о

- деревенском быте // Отчет Восточно-Сибир. отд. РГО за 1901г;
- Сказки, записанные Г.Н.Потаниным от В.А.Палкина // Записки Красноярского Подотдела Вост.-Сиб. Отд. РГО по этнографии. Красноярск, 1902, т.1, вып.1. С.111-116;
- Этнографические заметки на пути от г. Никольска до г.Тотьмы//Живая Старица, 1899, вып.II. С.167-235;
- Юго-западная часть Томской губернии // Этнографический Сборник РГО, 1864, вып.VI.
- Пэрн Н.Я. Ритм, жизнь и творчество. Л.-М., 1925.
- Резанова Е.И. Материалы по этнографии Курской губернии // Труды Курской губ. ученой Архивной комиссии. Курск, 1911, вып.1, ч.1. С. 172-249.
- Ремизов А. М. Пруд (Глава 5, первая часть). СПб., 1911.
- Ренье Анри. Каникулы скромного молодого человека (перевод под ред. М.Кузьмина). Пгр., 1924.
- Родной язык в школе 1-ой ступени. М., 1921.
- Рубинштейн М.М. Платон-учитель. Иркутск, 1920.
- Рус-ов // Учитель, 1862, №24.
- Рыбников Н. Язык ребенка. М.-Л., 1926.
- Рыбникова М.А. Детский фольклор и детская литература // Литературный критик, 1935, №1. С.154-169.
- Рябинский К.С. Стишки крестьянских детей сел Астрахани и Карташихи Лаишевского уезда (собраны в течение 1882-1883 гг.) //Из-вестия Общества Археологии, истории и этнографии при Казанском имп.

- ун-те. 1886, т. VI, вып.1. С.26-43.
- Садовников Д.Н. Загадки русского народа. Спб., 1901;
Этнографические материалы Поволжского края // Симбирские губ. ведомости, 1874, №№ 46, 47, 51.
- Сахаров И.П. Сказания русского народа. Ч.II. Сказания о русских народных играх. Спб., 1837.
- Сейфуллина Л. Правонарушители.
- Селищев А.М. Диалектологический очерк Сибири. Иркутск, 1921, вып. 1.
- Семенова-Тян-Шанская О.П. Жизнь «Ивана». Очерки быта крестьян одной из черноземных губерний. Спб., 1914 (Записки имп. РГО по отделению этнографии, т.39).
- Сенигов И.П. Народное воззрение на учение и воспитание. Спб., 1896. Сказки из разных мест Сибири. Иркутск, 1928.
- Смирнов И.Т. Кашинский словарь // Сборник ОРЯС, т.70, Спб., 1901, №5. С.1-212.
- Смирнов-Кутачевский А.М. Творчество слова в народной сказке // Художественный фольклор, М., 1927, кн. 2-3.
- Соболев А.Н. Детские игры и песни // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Владимир, 1914, кн. XVI, сообщения. С.1-48.
- Соболевский А.И. Великорусские народные песни. Т.1-7. Спб., 1895-1902. Т.4, 1898.
- Соколов Б. Сказители. М., 1924.
- Соколов Б.М., Соколов Ю.М. Поэзия деревни. М., 1926;
Сказки и песни Белозерского края. М., 1915.
- Соловьев В. Тайна прогресса.// Полн. собр. соч. Спб., 1903, т.VIII.

- Соловьев С.М. Записки Сергея Михайловича Соловьева. Изд. «Прометей».
- Соловьева Е. Философия в сказке // Художественное рассказывание детям. Сборник статей, под ред. Н.Е.Румянцева. Пгр., 1919.
- Сологуб Ф. В плену // Собр. соч. в 10 тт. Изд. «Шиповник», Спб., Т.4. С. 151-170.
- Станиловский А.М. Записки Антона Михайловича Станиловского. Иркутск, 1912 (Труды Вост.-Сиб. отд. имп. РГО, 1912, №7).
- Старцев З.А. Коми фольклор (Его изучение и значение, жанры, детский фольклор). Сыктывкар, 1933.
- Сумцов Н.Ф. Культурные переживания. Киев, 1890; Французская народная поэзия сравнительно с русской // Книжки «Недели», 1893, ноябрь.
- Сычугова Е. Детский фольклор и его изучение // Просвещение Сибири, Новосибирск, 1928, №12.
- Сэтон-Томпсон Э. Юные дикари. М., 1910; М., 1923; Полн. собр. соч. в 10 тт. М., 1910, кн. 8.
- Тагор Р. Воспоминания. М.-Л., 1924.
- Титов Е.И. Конские бега в Восточном Забайкалье // Сибирская Живая Старина, 1924, вып. 2;
Северная Даурия // Сибирские огни, 1926, №5-6; 1927, №1;
Тунгусско-русский словарь. Иркутск, 1926.
- Тиханов П.Н. Брянский говор. Заметки из области русской этимологии // Сборник ОРЯС, 1904, т. 76, №4. (То же: отд. изд. Спб., 1904)
- Толстой А.Н. Детство Никиты // Собр. соч. М.-Л., 1929, т. V.

- Толстой Л.Н. Воспоминания детства // Полное собр. соч. Изд. т-ва И.Д.Сытина, 1912, т.1;
Педагогические статьи. «Кому у кого учиться»;
Переписка с гр. А.А.Толстой // Толстовский музей. Спб., 1911, т.1.
- Томсон А.И. Общее языковедение. Одесса, 1910.
- Третьяков С. Железная пауза. Владивосток, 1919.
- Трубецкой Е. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке. М., 1922.
- Финагин А.В. Русская народная песня. Пгр., 1923.
- Флоренский П. Символическое описание // сб. «Феникс», 1922, №1.
- Халанский М.Г. Народные говоры Курской губернии // Сборник ОРЯС, 1904, т.76, №5.
- Харузина В.Н. Рецензия на книгу Revesz`a// Этнографическое обозрение, 1907. С.98-101;
Игрушки у малокультурных народов // Игрушка. Ее история и значение. М., 1912. С.85-139;
Об участии детей в религиозно-обрядовой жизни // Этнографическое Обозрение, 1911, кн.88/89, №1-2. С.1-78.
- Хомяков А.С. Полное собр. соч., М, 1900.
- Христиансен Философия искусства. Спб., 1911.
- Хрущов И.П. О «Материалах для этнографии уличной жизни детей», собранных в городе Ланшеве К.С.Рябинским // Известия имп. РГО, 1885, т.25, вып.6. С.540-551.
- Худяков И.А. Великорусские загадки. М., 1861.
- Цейтлин Г. Народные игры в Поморье // Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера. 1911, №13. С.7-21.
- Чарушин А.А. Уход и воспитание детей у народа (Пер-

- вое детство) // Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера, 1914, №18. С.589-600.
- Чернышев В.И. Материалы для изучения говоров и быта Мещовского уезда // Сборник ОРЯС, 1901, т.70, №7;
- Русское народное воспитание. Несколько указаний и вопросов для собирания материалов о нем // Живая Старина, 1906, вып. IV;
- Терминология русских картежников и ее происхождение // Сб. Русская речь. Новая серия, П. Л., 1928.
- Чубинский П.П. Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западнорусский край. Материалы и исследования. Спб., 1877, т.4.
- Чуковский К.И. Лица и маски. Спб., изд-во «Шиповник»;
- Маленькие дети. Л., 1928.
- Шацкий С.Т. Школа для детей или дети для школы // На путях к новой школе, 1922, №3.
- Шейн П.В. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. Спб., 1898, т.1, вып.1;
- Русские народные песни. М., 1870, ч.1.
- Шкловский В.Б. О поэзии и заумном языке // Поэтика. Сборник по теории поэтического языка. 1. Пгр., 1919.
- Шпет Г.Г. Эстетические фрагменты. II. Пгр., 1923.
- Щерба Л.В. О частях речи в русском языке // Сб. Русская речь. Новая серия. П.Л., 1928.
- Элиашевич О первых приемах физического воспитания детей у разных народностей, населяющих Иркутскую губернию. Иркутск, 1879.

Якобсон Р.	Новейшая русская поэзия. Прага, 1921
(Перепеч.: Роман Якобсон. Работы по поэтике. М., 1987. С. 272-316).
Якушкин П.	Путевые письма из Новгородской и Псковской губерний. Спб., 1860.
Ястребов В.Н.	Материалы по этнографии Новороссийского края. Одесса, 1894.
Bett Henry	Nursery rhymes and tales. London, 1924.
Carrington Bolton H.	The counting-out rhymes of children, their antiquity origin and distribution. London, 1888
Eckenstein L.	Comparative studies in nursery rhymes. London, 1906.
Gabnay	Ungarische Kinderspiele
Gutmann	Kinderspiele bei den Wadschagga. Globus. B.XCV 1909
Kidd	Savage childhood. L., 1906
Lewalter-Schldger.	Deutsches Kinderlied und Kinderspiel. Kassel, 1911.
Lissauer Ernst	Weltgeschichte im Kinderreim // Die Literatur. Monatsschrift für Literaturfreunde. 1929. Juni, Helt.9.
Meier John	Wege und Ziele der deutschen Volkskundeforschung. // Deutsche Forschung. Heft 6, Berlin. 1928.
Menschliches	Allzumenschliches. I Aphor. 207.
Orlov S.P.	Hry a pisne deti slovanskych. Praze, 1928.
Reuschel Karl	Deutsche Volkskunde im Grundriss. I. Teil. Lpz. 1920.
Rolland E.	Rimes et jeux de l'Enfance. Paris, 1883
Schlager Georg	Finige Grundfzagen der Kinderspielforschung. Kind und Kunstform. Zeitschrift des Vereins für

- Volkskunde. 1923-24. 3 Heft.
- Wehrahan Karl Kinderlied und Kinderspiel Leipzig, 1909
- Winkler H.A. Die Apelh-Beth-Regel. Eine
Beobachtung an Sinnlosen Wörtern in
Kinderversen, Zaubersprüchen und
Verwandten. // Orientalische Studien.
Enno Littman zu seinem 60 Geburtstag.
Leiden, 1935.

Георгий Семенович Виноградов

Хроника жизни

Георгий Семенович Виноградов
1940—41гг.

Этнограф не может быть сухим. Этнография такая чудная наука, которая живет, увлажняет душу. С кем не приходит в соприкосновение этнограф, отовсюду получает то живое начало, тот живой элемент, который содержится в народе.

У этнографа — сказка. Разве сказка может высушить?

У этнографа — былина. Разве былина мертва?

У этнографа — песня. Разве в песне не жизнь?

У этнографа — обряд. Разве обряд не отражение живой веры?

Нет, чем дальше я впитываю прелесть этнографии, тем больше я культивируюсь. Это единственная наука, которая входит в сокровенные тайники народной души. Укажи другие пути для понимания народа, часть которого мы составляем. В этнографии мы видим себя такими, какими мы были сто, двести, пятьсот лет назад.

Г. С. Виноградов, из письма жене.

Георгий Семенович Виноградов родился 9 (21) апреля 1886 года¹ в семье бывшего крестьянина, почтового ямщика (или как записано в метрической книге — мещанина) Семёна Федоровича Виноградова в селе Тулун Нижне-Удинского уезда Иркутской губернии. 16 апреля крещен Георгием в Покровской церкви Тулуна.

¹ В большинстве биографических публикаций ошибочно указывается 19 апреля, не всегда верно указан год рождения.

«Я рос замкнутым, одиноким мальчиком, — вспоминал Георгий Семенович, — сверстников своих боялся, всегда их сторонился. Любимым моим занятием было уйти в огород, лечь на спину в траву среди крапивы, зарослей бурьяна, смотреть в голубое небо, наблюдать за полетом облаков, слушать песни жаворонка. Лежал подолгу, утрачивая чувство времени, пока не позовет меня мать: «Бог с тобой, где ты?» (Так звала меня мать не только в детстве, но и всю жизнь). Я неохотно возвращался в мир действительности, но охотно пил молоко, которое мать или приносила мне, или звала домой и там давала пить.»²

Мать — Елена Алексеевна — была талантливой сказительницей и песенницей. Уже будучи взрослым Георгий записал от нее более 200 песен.³ По воспоминаниям племянницы Виноградова, Семен Федорович, случалось, ворчал на жену, и ворчание его оказалось пророческим: «Я на козлах пропадаю, а ты дома сидишь да профессоров растишь!» Георгий был пятым ребенком в семье.

В 1895 году мальчика отдают в тулунское двухклассное училище, а весной 1900 года он едет в Кутулык (что лежит по Московскому тракту, на полпути от Тулуна до Иркутска) в церковно-приходское училище.

С ранних лет Георгию Семеновичу приходится трудиться — отец не мог оплатить учебы, и только «неизменные пять с плюсом» позволяли молодому семинаристу оставаться на казенном счету: «казеннокоштным». Подрабатывал он перепиской ролей и нот в театральной студии общественного собрания Тулуна, где состоял переписчиком (1898-1901) и сам участвовал в спектаклях. Тулун числился селом, хотя был по тем временам немалым городком со своей промышленностью и культурой, поскольку стоял на Московском тракте — главной артерии Сибири.

Способности Георгия обращают на себя внимание учителей и местного священника (Смирнова), по благословению которого, закончив учебу, Виноградов поступает в Иркутское духовное училище (1901), а затем переводится в Иркутскую духовную семинарию (1902-1906).

Любознательный семинарист увлекался историей, искусством, языками.

Библиотека семинарии была одной из крупнейших в Иркутске. Ректор — архимандрит Никон, позволял семинаристам посещать театр, участвовать в дебатах, где поднимались

² Блокнот Т. В. Инешиной, архив ИОКМ. См. «Дети и народная культура» 6-е Виноградовские чтения, М, 1995, С. 53.

³ См. Песни отживающего поколения // Сибирский архив, 1914 №7-8.

вопросы философии, религии, политики. В среде преподавателей семинарии имели хождение и революционно-демократические идеи.

Отец Никон благоволил талантливому ученику, пророчил ему духовную Академию, но... 1905 год начался трагически — вся Россия бурлила революцией. Приехав на каникулы домой, Г. С. Виноградов принимает участие в забастовке почтовых работников. Видимо, в это время открывается его руководящая роль в марксистском семинаристском кружке (а кто из тогдашней интеллигенции не симпатизировал марксизму!), — Георгия Семеновича отчисляют с третьего курса. Начинаются скитания «неблагонадежного» в поисках заработка. Девятнадцатилетний семинарист дает уроки в частных домах Тулуна. Усиленно продолжает самообразование, составляет целевые программы чтения, предпринимает экспедиции — интересуется фольклором, народной медициной, геологией.

Возможно, не чужд был Георгий Семенович и революционной деятельности. Автобиографии и воспоминания современников умалчивают об этом периоде. Так или иначе летом 1909 года Виноградов подвергается аресту. Восемь месяцев проводит он в Иркутской тюрьме, в дневнике за 1909 год появляется запись:

«31 декабря. Ну, а ты, старый год, дотягивай свои 30 минут... Встретил я тебя в тюрьме. Ты скоро промчался. Ты ознакомил меня с английским языком, но мало... Ты ввел меня в изучение математики, познакомил с геодезией, с черчением, помог доконать физику. Ты послал Беатриче и тем самым усилил жажду работать над собой... Ну а ты, 1910 год, что дашь? Посмотрим!!!» Позже, помимо английского, Георгий Семенович освоит французский, немецкий, польский, сербский...

До августа 1911 года Виноградов живет в Тулуне под негласным надзором полиции. Продолжает заниматься самообразованием. 1911 год стал поворотным в судьбе Георгия Семеновича. Женившись на Агриппине Иосифовне Татариновой, он уезжает в Петербург. В этом же году умирает отец — Семен Федорович.

Поступить в университет не удастся. Почему? Маловероятно, чтобы отбывший заключение, высланный охранкой из Иркутска в Тулун, поднадзорный мог получить паспорт и легально уехать в столицу. В Петербурге жена Георгия Семеновича поступает на высшие женские курсы им. Лесгафта, а он — на курсы им. Фребеля, работает в биологической лаборатории проф. С. И. Метальникова и одновременно бесплатным преподавателем литературы на вечерних рабочих курсах той же лаборатории.

Георгий Семеновича интересуют точные науки. К 1911 году относятся его первые публикации в «Народном журнале»: «Живучесть нашего организма», «О микроорганизмах», «Народная медицина» и др.

На фребелевских курсах философию читает Н. О. Лосский, зоологию — С. И. Метальников, астрономию — Н. А. Морозов. В 1912 году в Петербурге открывается Камчатско-Алеутская выставка, куда Георгий Семенович устраивается экскурсоводом. С этого момента научное народоведение входит в круг его интересов. Он слушает курс лекций по этнографии Л. Я. Штернберга в Музее антропологии и этнографии АН, под руководством А. А. Макаренко и В. И. Иохельсона занимается по специальным этнографическим темам. Посещает лекции Ковалевского и Туган-Барановского (социология), Преснякова и Тарле (история), Лапшина (психология), Когана (литература), руководит историческим кружком студентов-сибиряков при Академии Наук.

Видимо, уже в этот период сформировалось научное представление Виноградова об органичности народной культуры, о необходимости исследований народной медицины, народной философии, народной педагогики, не говоря уже о народной словесности. На всем протяжении научной деятельности Георгий Семенович ощущал себя не просто этнографом, но мыслителем, более того, мыслителем религиозным. А этнография представлялась ему тем поприщем, где он мог высказаться наиболее полно. Большое влияние на Виноградова оказал Николай Онуфриевич Лосский (1870-1964) (тоже, кстати, начинавший когда-то физиологом в лаборатории П. Ф. Лесгафта). Одна из книг Лосского так и называется: «Мир как органическое целое», где он призывает к «живому видению творчески изменчивого бытия». Собственно, Георгий Семенович никогда и не оставлял христианского мировоззрения, и его юношеские увлечения социализмом отнюдь не противоречили этому. Таков был весь ход развития серебряного (а вернее сказать — золотого) века русской философии. Достаточно вспомнить Г. П. Федотова, родившегося в том же 1886 году, сочетавшего в себе выдающиеся способности философа и фольклориста. Не будем отклоняться в сторону от нашего рассказа, заметим лишь, насколько мощной оказалась плеяда русских философов начала века и насколько созвучно этой плеяде было все творчество Виноградова.

Летние каникулы Георгий Семенович вместе с женой проводит то в Тулуне, то в селе Коркино Енисейской губернии, бывает в Красноярске, где работает в музее, пишет статьи по этнографии в местные газеты и журналы. Совершает этнографические экспедиции совместно с членами Тулунского от-

дела «Общества изучения Сибири и улучшения ее быта», собирает гербарий лекарственных трав.

Зима 1912/13 года оказалась последней в Петербурге для начинающего ученого. Виноградовы ждали ребенка (Виктор родился в 1913 году, а затем Алексей — в 1916), не было денег, не было квартиры. Вероятно пребывание в Петербурге оставалось нелегальным, в личном деле Виноградова (ИРЛИ АН) упоминается об еще одном аресте — в 1912 году. В 1913 году семья Виноградовых возвращается на родину. Георгий Семенович получает место в церковноприходской школе села Коркино. В его экспедиционной работе намечается акцент в сторону детской словесности. Именно в этот период был собран материал, легший в основу десятков публикаций 20х-30х годов. Георгий Семенович продолжает заниматься и народной медициной — одной из наиболее темных областей народоведения, ведь знахари и колдуны никому не раскрывают свои секреты. Большая работа, вышедшая в 1915 году — «Самоврачевание и скотолечение у русского старожилого населения Сибири» — говорила об обратном. Географическое общество оценило «Самоврачевание...» серебряной медалью за 1915 год. Георгий Семенович стал действительным членом РГО. «Материалы для народного календаря» также были выдвинуты на присвоение медали за 1918 год, однако 17-й перечеркнул многие планы...

1915-1917 гг. — Виноградов в Чите, работает преподавателем русского языка и литературы в женской гимназии и коммерческом училище.

В этот же период созревают планы «глобального» сибириведения. По свидетельству Дианы Сизых, Виноградов рассказывал в 1912 году: «Случайно наткнулся на грудку книжек журнала «Сибирские вопросы» за 1908 год, читал некоторые статьи с упоением: все время не покидает интерес к изучению Родины, не к ознакомлению, а именно к изучению»⁴. До конца жизни он продолжает работать над задуманным исследованием «Судьбы славянского племени Сибири».

Гимназические будни томят Георгия Семеновича.

Из письма жене: «Здесь, в Чите, как ни верти, мне не по душе. Обычно у нас сутолока, от которой я отвык. А в тишине только и можно привести себя в порядок. Хорошие люди, милые, ласковые живут со мной, но... мужик я, и простоты во всем хочу, а этого нет. Я скучаю по деревне, по народной речи, по деревенской простоте. Я люблю семейный дух — от него веет здоровьем и народной мудростью.»

1916 год опять Тулун, 1917-й Виноградовы встречают до-

⁴ Д. Сизых. Педагог-фольклорист // Сибирские огни, 1966, №

ма. Георгий Семенович преподает в гимназии и учительской семинарии.

1918-й. Сибирь под Колчаком. В Иркутске открывается государственный университет, куда Виноградов поступает вольнослушателем на историко-филологический факультет. Продолжая учительствовать в Тулуне, заниматься экспедиционной работой, Георгий Семенович выезжает в Иркутск по общественным делам и для сдачи экзаменов.

В 1919-20 гг. — заведует русским отделом областного Иркутского музея народоведения.

Пока в Иркутске открываются университеты, через город идут эшелоны с белочехами и казаками, страна наполняется бандитами и партизанами. Лишь к 22-у году утихнут бои.

Георгий Семенович не был равнодушным наблюдателем — он изучает фольклор — истинную летопись событий, созданную самим народом. По понятным причинам почти все материалы представляющие отражение смуты в народном сознании остались не опубликованными.¹

Г. С. Виноградов.
Иркутск, 1928 г.

1920 год. Виноградов становится стипендиатом, а с 1921 — доцентом при кафедре истории первобытной культуры в ГИУ. 1922-й — магистерская защита по теме «Богомолы в Сибири», и с 1925-го — он профессор, заведующий кафедрой этнологии ГИУ, читает спецкурсы «Введение в этнологию» и «История русской этнографии» (возможно, сохранились в архивах ГИУ). Параллельно Георгий Семенович читает по кафедре русской литературы курс народной словесности, а по кафедре языкознание — «детскую речь».

Из письма к жене: «Теперьешние мои собирательские труды. В них я возвращаюсь к родному прошлому с некоторого рода сыновним почтением, исполненным то уважения к мудрости прадедов, то невыразимой грусти по поводу беспросветной их жизни. Закрепляю в памяти оставленное предками наследие.»

С самых первых своих работ Георгий Семенович вводит фольклористику и диалектологию (более того — психологию, социологию, философию...) в русло этнографического исследования. В этом смысле его народоведческий подход до сих

¹ См. напр. Этнография и современность // Сибирская живая старина, 1923, вып. 1

*Г. С. Виноградов (второй ряд, третий справа)
среди студентов, профессоров и преподавателей
Иркутского Университета 1929 г.*

пор остается желанным образцом.

Не все удастся. Областной словарь, затеянный Виноградовым в 1924 году, так и не состоялся. Тем не менее 10 лет в ГИУ — это более 30 печатных работ, не считая мелких статей (около 50-ти) для «Сибирской энциклопедии», где он редактирует этнографический отдел. Быть может главным успехом стала «Сибирская живая старина» или «старушка», как ласково называл ее Георгий Семенович в письме к своему товарищу и соредактору М. К. Азадовскому.⁶ С 1923 по 1929 состоялось 9 выпусков, ставшего историческим журнала. Многие авторы СЖС — студенты Виноградова, за авторский счет и выходило единственное тогда в России этнографическое издание. «Старушка» была замечена в столицах. Получила высокую оценку академика С. Ф. Ольденбурга. Народная медицина, народный календарь, народная педагогика, народное ораторское искусство... — один перечень названий говорит о широте подхода.

В 1924-1925 годах совместно с Азадовским Георгий Семенович публикует 4 номера «Библиотеки собирателя».

Из автобиографии: «С 1912 по 1929 год почти ежегодно совершал поездки — главным образом по Иркутской губернии, отчасти в Забайкалье, в Енисейскую губернию и Акмолинскую область — с этнографическими и диалектологическими целями.»

В 1927 году Виноградов был удостоен золотой медали

⁶ Марк Константинович Азадовский (1888-1954) — известный ученый этнограф, в 1923-30 гг. руководил кафедрой русской литературы в ИГУ, а в 1934-49 гг. заведовал кафедрой фольклора в ЛГУ.

Географического общества, видимо, в связи с этим состоялась его вторая поездка в Петербург (28.10.27-16.01.28), где он встречается с И. О. Капицей,⁷ участвует в возглавляемой ей же «Комиссии по изучению детского быта и фольклора». Там же знакомится с Еленой Васильевной Калининой (см. комментарии на стр. 467) — ставшей для него близким другом, после окончательного переезда в Питер в 1930 году.

Между тем первый толчок, полученный университетом еще при Колчаке и в первые годы советской власти, когда дело двинулось дальше усилиями энтузиастов-краеведов, сменился советским этапом.

Из письма Г. С. Виноградова к О. И. Капице от 25.05.1926:

«Мою «Народную педагогику» не очень ругайте. Она не такую родилась. Ее люди обидели: сделали выемку из середины (опорочили идеологию), и мои «отрывки» стали еще отрывочнее, а «наброски» близки к отброскам.»⁸

Однако и в таком виде «Народная педагогика» Виноградова по сей день является основополагающей работой в этой области.

Цензура, прекращение финансирования — в первую очередь экспедиций, повсеместное закрытие краеведческих обществ — производили на Георгия Семеновича, тогда уже тяжелобольного (помимо постоянных болей сердца, он страдал еще и туберкулезом), грустное впечатление.

Из письма к О. И. Капице от 3.02.27:

«Детские тайные языки» — тоже ведь глава (не вполне законченная) из общей работы [Детская речь — А. Г.],... Мецената, который дал бы мне полтысячи рублей, днем с огнем напрасно стал бы я искать...»

Ей же от 11.06.1928:

«Будь я художником, я занялся бы ремеслом фальшивомонетчика: говорят, прибыльно. А в настоящем моем положении не знаю, что предпринять.»

Ей же от 12.05.1929:

«Меня опять травят, пользуясь самыми удивительными приемами. Впрочем, чем меньше об этом говоришь, тем лучше. Жаль потраченного времени: я дал 66 часов (неоплачиваемых) на чтение чужого курса, читал добросовестно, прочел, на мою

⁷ Ольга Ивановна Капица (1866-1937) — талантливый ученый, автор многочисленных работ по этнографии детства. См. «Указатель литературы» и «Описание архивных материалов. ч. I»

⁸ Здесь и далее: РО ИРЛИ, коллекция 69.

оценку, неплохо, а мне говорят, что Гезиод⁹ остался без марксистского освещения.»

В тот же день. Из письма к М. К. Азадовскому:

«С Жив. стар. дело идет тихо. Первую статью цензор держал *шесть* месяцев, вторую — *пять*. Заходы и просьбы мало действуют. Очень приветливо улыбаясь, «не успел» — говорит... Вас интересуют мои нервы. Какие там нервы, дорогой Марк Константинович. Вымотан до нельзя, до самого последнего нельзя... Худо.»

Из письма к Е. В. Калининой от 23.10.1928:

«...У этнографов первой группы ни к кому нет любви, зато много бесцеремонности. В их научной работе это клад!.. Нет любви к изучаемому. Они этим гордятся, говоря, что это делает их беспристрастными, объективными до последнего предела. Методика для них — только техника научного исследования... Любовь зряча: она открывает все, она догадывается обо всем... Эти ученые (одни большие, другие мелкие) открывают другим ключом — бесцеремонностью и, конечно, открывают не то, что есть. И догадываются они о малом. Много грехов таит в себе история нашей науки. Все к ней прикасались, всем было до нее дело — кому прибыльное, кому любимое, кому... Если я проживу долго и не уйду из науки, напишу историю этнографии..

В ближайшее время мне надо написать все детское: ты напрасно думаешь, что это малая тема. Большая. Истоки всего бытия, истоки творчества... Процесс вхождения во владение культурным наследием, процесс передачи культурного наследия...

Если научная литература [...] будет жить сколько-нибудь нормальной жизнью, то мои дитячьи пращи будут оценены должным образом только через два-три десятка лет»¹⁰.

Из воспоминаний Д. И. Зырянова:

«От всех профессоров начали требовать, чтобы они изучали марксизм. Георгий Семенович никак на это не реагировал, политзанятий и прочей «муры» не посещал. Работала с ним на педфаке некая Римма Знаменская — эдакая «парттета». В молодые годы она уже успела получить какое-то там научное звание. Но Виноградов ее всерьез не воспринимал. Говорил, что она ограниченная наглая особа, к тому же с невероятным самомнением. Словом, типичная «красная профессура» — «выдвиженец», сделавшая карьеру благодаря политической конъюнктуре. Дама чувствовала отношение к ней Георгия Семеновича. К тому же ей казалось, что он стоит на

⁹ Гезиод (Гесиод) — древнегреческий поэт и мыслитель.

¹⁰ РО РНБ. Ф. 1034, оп. 1.

пути ее дальнейшего служебного продвижения. Ей не терпелось поскорее занять его место. Посетив лекции Виноградова, она обвинила его в отсутствии марксистского подхода к тем дисциплинам, которые он читал. Профессора стали таскать по разным оскорбительным для него сборищам, именуемым собраниями, на одном из которых он во всеуслышание заявил: «Ну знаете ли, марксизм, в конце концов, дело вкуса!» Вот это-то публичное заявление, как он потом говорил, ему и не простили. И где-то к осени 1929-го года он остался без работы. В это время мой отец по-прежнему бывал у них в доме. Георгий Семенович хоть и был удручен, старался не показывать вида. Говорил, что все к лучшему, что теперь он, наконец-то, завершит свои труды.

Был у него такой высокий стол-конторка. Когда бы к ним ни пришел — днем ли, вечером — Виноградов всегда работал, стоя за этим столом. При этом часто повторял, что сидеть вредно, особенно вот так вот — целыми днями.¹¹ А писал он тогда книгу «Судьбы восточных славян в Сибири». [...]

Как-то мой отец пожаловался Георгию Семеновичу на свою работу, которая выматывала так, что по вечерам книги из рук валялись. На что Виноградов отметил: «Вы даже не понимаете, как вы счастливы. Вы молоды, у вас все впереди, не пропало бы желание, а выучиться еще успеете. А еще у вас есть друзья, а это так важно. Трудные времена приходят. Главное, чтоб вы не предали себя, своих надежд и своих друзей!»

Это был один из последних их разговоров. Вскоре профессор Виноградов уехал в Питер, взяв с собой только тяжелейший чемодан с рукописями. По дороге этот чемодан из багажа исчез. Виктор говорил, что Георгий Семенович просто убит этой потерей и считает, что чемодан был изъят ГПУ. В чемодане были все его труды и научные материалы, которые он собирал всю свою жизнь...»¹².

Возможно, история с чемоданом лишь легенда или уловка опытного конспиратора, возможно — правда. В 1942 году Георгий Семенович уверял М. К. Азадовского, что его архив погиб при бомбежке Павловска, когда сгорел его дом, однако даже оставшиеся материалы (см. «Описание архивных материалов») говорят, что это не совсем так. Имя Виноградова действительно обрастало легендами. Как легенду вспоминают

¹¹ А часто (как следует из писем к Азадовскому) Георгию Семеновичу приходилось работать лежа — болело сердце. Как в эти дни он читал лекции, остается загадкой — А. Г.

¹² Т. Д. Зырянова. Профессор Виноградов // Дети и народная культура, М, 1995, С. 51-52.

его земляки о том, что в самый разгар атеистической компании Георгий Семенович продолжал посещать церковь.

В 1929 году он неожиданно уезжает (или бежит?) в Москву. В дороге ему делается совсем плохо и Георгий Семенович вынужден выйти в Томске, где случаем знакомится с поэтом и мыслителем Сергеем Николаевичем Дурылиным, ставшим его другом, а впоследствии и биографом:

Из письма С. Н. Дурылина сыновьям ученого — Виктору и Алексею Виноградовым — в декабре 1932 г. (Архив В. Комина):

«... Я увидел Георгия Семеновича впервые в 1929 году. Он приехал ко мне, и эта встреча была для меня одним из радостнейших событий моей жизни. Она обогатила меня сердечно, умственно, жизненно. Я — уже почти старик. Многих больших людей я знал в своей жизни, начиная с Льва Толстого, но не в ком не видел такого сочетания прекрасного ума, честнейшей воли и золотого сердца, как в Вашем отце. У него сердце — умом, а ум — сердцем. У него единственный талант — ни у кого другого не встречал! — постижение детства в самых алмазных его тайниках: в мысли, сердце, в поэзии. Его работы по детской поэзии драгоценны. Он дал тут лишь начало того, что может дать, что должен дать. Я говорю это как писатель, как сам много думавший о детстве как проблеме поэзии и мысли.»

Из воспоминаний С. Н. Дурылина: «Он проник в труднейший отдел народной лаборатории — в лабораторию детской мысли, детской воли, детского искусства, поэзии, слова — здесь он не знает себе равных, здесь у него приходится учиться всем, кто пытается сюда заглянуть. Его работы этого рода остаются навсегда первоисточником нашего знания о чудесном мире русских детей.»

«Встречи с ним всегда раскрывали что-то светлое и новое в том человеке, с которым он встречался, и он первый радовался тому, что в тяжелой руде бытования и бывания находил чистое золото человеческого бытия, — будет ли это бытие ребенка или целого народа.»¹³

Поправившись Виноградов возвращается в Иркутск.

Из письма к О. И. Капице от 27.11.1929:

«Эту неделю я читаю последние лекции. Далее конец моей профессорской деятельности. Я ждал такого исхода моей самокритики, длившейся полтора года.»¹⁴

¹³ Воспоминания С. Н. Дурылина о Г. С. Виноградове // Архив Иркутского государственного объединенного музея. Ф. 13279. Ед. хр. 100. Л. 129.

¹⁴ РО ИРЛИ, коллекция 69.

Позже (17.04.1936) он напишет Ольге Иеронимовне еще точнее:

«В 1926-1930 гг. я успел кой-что напечатать по детскому фольклору (Вам все известно), а затем меня посадили на диету. Сижущей шестой год. О детских темах скучаю, мог бы еще кой-что сказать, и материал кой-какой имею. Но когда кончится моя диета, не знаю. И поэтому грустно мне. Чем бы я ни занимался, о детской части жалею: хотелось бы ее кончить.»¹⁵

В 1929/30 гг. выходит, ставший хрестоматийным, «Русский детский фольклор», который задумывался как первая часть первого тома трехтомника «Детская устная словесность». (Настоящее издание является попыткой воссоздать, хотя бы частично, несостоявшийся первый том.) Развернувшаяся травля сорвала издательские планы. В сложном положении оказались и ученики (они же сотрудники по СЖС) Виноградова, среди них: Н. Удимова, А. Попова, Е. Титов, О. Блюменфельд, Д. Сизых, Т. Инешина.

«Мы, студенты, очень любили Георгия Семеновича, его преподавание в Университете такое было интересное, такое увлекательное и глубокомысленное, что и внутренняя тяга была к нему неудержимая. Был прост, очень шутилив, но шутка с тонкой иронией...»¹⁶

Из воспоминаний Т. В. Инесиной:

«1928 г. Университетская аудитория. Взмолвленные студенты только что разошлись. Была лекция Г. С. Виноградова о заговорах. Его лекции вообще производили большое впечатление, а лекции о заговорах особенно всегда волновали и будоражили студентов. Помню (отвлекусь немного в сторону), когда гнали Г.С. из Университета, то некоторые из студентов после таких лекций с возмущением говорили: «Да он колдун, колдун...»

В конце 1929 года Виноградова приглашают на конгресс славистов в Прагу. А вместо поездки... В декабре Г. С. Виноградов был отстранен от работы. Ему ничего не оставалось, как оформить инвалидность¹⁷ — он действительно был тяжело болен.

В 1930 году Георгий Семенович — опять нелегально! — уезжает в Ленинград, куда, кстати, успел уже перебраться М. К. Азадовский. Но устроиться на постоянную работу долго не удавалось. Помимо рухнувших издательских планов и гибели

¹⁵ РО ИРЛИ, коллекция 69.

¹⁶ Архив ИГОМ, Ф. 13279. Ед. хр. 98.13.

¹⁷ По «трудоуственному списку» значится: 1930-1931 — инвалид труда III категории, 1931-1934 — инвалид труда IV категории. (Архив АН, Ф. 150. Оп. 2. №218).

«Сибирской живой старины» большим ударом была преподавательская безработица — какую Школу мог бы оставить Георгий Семенович и в Иркутске и в Питере! Он снимает угол в той же квартире, где жил в 1912/13 гг. (ул. Рузовская-19, кв. 14). С 1936 года Георгий Семенович живет здесь вместе с Евгенией Васильевной Дружининой (см. С467 и прим. на С551). 26 декабря 1940 года Виноградов перебирается в Павловск — тогда Слуцк — ул. Слуцкая дом 9; и живет там до начала войны. В этом доме и сгорел его основной архив.

Лишь 19.09.1934 года Виноградов принят в ИРЛИ (Пушкинский дом) научным сотрудником I-го разряда без зачисления в штат.¹⁸ Зачислен в штат 21.10.1939, а через два месяца зачислен в ИЯиМ АН (с 25.12.39). В действительности, числясь пенсионером, Георгий Семенович плодотворно трудился с самого приезда в Ленинград и в указанных институтах и во многих иных. Ему даже удавалось публиковать свои работы, хотя далеко не то и не так, как хотелось бы...

Из письма к О. И. Капице от 18.09.1936:

«Вышло шестое издание книги «От двух до пяти». Хорошо: «своя рука — владыка». Не смею наводить тень на таланты автора и многие достоинства книги, но не могу постичь одного: кому нужна такая книга? Ученому? — Он ей не поверит. Популяризатору? — Автор — сам популяризатор. Студенту? — Ему надо обращаться к ученому. Писателю? — Может быть. Я не писатель и за писателя не решаюсь отвечать. Знаю только, что по этой книге, в прежних ее изданиях, писатели еще не писали ничего. Родителям? — Пожалуй: сколько новых «материалов» доставят автору!.. Не примите моих суждений за злословие, Ольга Иеронимовна. Мне грустно, когда я думаю о судьбе безусловно нужных научных предприятий. Когда появится в свет Ваш свод материалов по детскому фольклору? За последние шесть лет на сколько сантиметров подвинулось вперед изучение детского фольклора и языка? А ведь именно в эти шесть лет выпущено шесть изданий книги «От двух до пяти»...»¹⁹

Георгий Семенович принимает постоянное участие в работе «Комиссии по изучению детского быта...», ведет работу по изучению истории животноводства в Сибири для Института Истории науки и техники АН (1932-1933). Работает экскурсоводом в музее этнографии (до 1938 г.). Трудится над рукописями Гоголя, Веселовского, Аксакова, Мельникова-Печерского, Лермонтова и др. для ИРЛИ, а также в словарном от-

¹⁸ А вот, пожалуй, и разгадка столь долгой нетрудоустроенности — из письма к Азадовскому от 15.11.1933: «один из труднейших для моей головы вопросов — вопрос о том, где получить паспорт.»

¹⁹ РО ИРЛИ, коллекция 69.

деле Института языка и мышления. Публикуется в журнале «Советская этнография» и «Литературное наследие». Георгий Семенович берется за любую работу — лишь бы оставаться в строю и иметь доступ к архивам: теперь для него самое важное — довести до конца главный труд своей жизни: «Судьбы славянского племени Сибири»: «Процесс несения византийско-русской культуры сибирским народам и судьба носителя этой культуры — вот содержание и смысл задуманного сочинения.»²⁰

Из письма к А. И. Татариновой (1930-е годы):

«Занялся «Судьбами». Детское не оставил, но не спешу с ним, только коплю материал, а «Судьбы» отнимают у меня теперь дневные часы, и занимают ночные мечты. Работаю я при содействии одного ученого старца П. К. Симони. Он и советует, и книгами снабжает меня усердно и обильно, и людей указывает. Я у него бываю часто, наведывает и он меня.»²¹

За период 1930-41 гг. Георгий Семенович пишет более 50-ти работ, часть из которых остается неопубликованной (см. библиографию) 19.01.1936 — через ИРЛИ подается заявка в ВАК о присвоении Г. С. Виноградову звания доктора наук.

Отзывы о научной работе Г. С. Виноградова (из личного дела):²²

М. К. Азадовский:

«заслуги... и золотая медаль им. Семенова-Тяньшанского... дают полное право поставить вопрос о присуждении ученой степени доктора этнографии...»

С. Балухатый:

«...Систематически перевыполняя свой план, Г. С. Виноградов никогда не возбуждал вопроса об оплате своего перевыполнения...»

профессор С. Обнорский:

«Ст. научн. Сотрудник проф. Г. С. Виноградов приложил много внимания и труда к окончательному редактированию II-го тома «Словаря современного русского языка», выполняя увеличенные нормы и затрачивая время, далеко превосходящее обязательные часы рабочего дня. Г. С. Виноградов превосходно знает русский литературный язык и безукоризненно владеет русской литературной речью в ее чистом и строгом виде...»

Д. К. Зеленин:

«В настоящее время Г. С. Виноградов является наиболее

²⁰ РО ИРЛИ, коллекция 174. П5, №2, 150.

²¹ Д. Сизых. Педагог-фольклорист // Сибирские огни, 1963, №4.

²² Архив АН, фонд 150, опись 2 №31.

крупным специалистом по изучению детского фольклора среди всех европейских исследователей.»

Однако ВАК, не смотря на поддержку авторитетных ученых, оставил заявку без внимания. Более того, и в Ленинграде нашлись у Георгия Семеновича злопыхатели. Он был обвинен в том, что... работает в двух институтах: Литературы и Языка и мышления. Не НКВД, а собственная дирекция Пушкинского Дома направила дело в прокуратуру (12.07.1940). Удивительно, но суд оправдал Георгия Семеновича (он был обвинен в прогуле):

Из приговора:

«Виноградова Г. С. по суду считать оправданным. Основной его работой считать работу в Институте языка и мышления. Институту Литературы договориться с Виноградовым о возможном совмещении...» (дело №1188, 29.07.1940 г.).

А Георгий Семенович был тяжело болен. К туберкулезу, где-то с 1936 года присоединился рак. Врачи пророчат ему близкий конец и... ошибаются. Но об этом — никому и ничего. Никто не помнит о том, чтобы он жаловался. Письма близким — веселые и ироничные, по стилистике напоминают послания Даниила Хармса. Виноградов придумывает своим адресатам прозвища и сам каждый раз подписывается по иному: Странник, Бедный поденщик, Босяк в чалме, Путник, Старик,...

Из письма к И. В. Калининой от 3.09.1937:

«...От Вити очень давно ничего нет, от Алеши дошел через какие-то попутные воздушные течения слух, что жив, здоров, в деньгах не нуждается. Прошу у него фотографию воинскую, а он в какой-то командировке и не пишет. Ему исполнилось 23!...»

Алеше так и не суждено было прислать свою фотокарточку — он погиб в бою с японцами у озера Хасан.

Война и начавшаяся блокада не прервали научной работы. Георгий Семенович продолжает трудиться над своими «Судьбами», работает в ИЯиМ над II и III томами «Словаря современного языка», дежурит на крыше института во время бомбежек...

Из письма Д. С. Лихачева Г. С. Виноградову в Углич:

«За ту ужасную зиму 42 года в Ленинграде я начал как-то Вам очень симпатизировать... и сейчас хотелось бы узнать что-нибудь о Вас.»²³

Из блокнота Т. В. Инесиной (ее воспоминания и днев-

²³ Архив ИГОМ, Ф. 13279, ед. хр. 96.

никовые записи Г. С. Виноградова, переписанные ее рукой):²⁴

Записи Г. С. В.: «С 20.III [42 — А. Г.] лежу в госпитале № 108 («Астория», палата 412). Близок к освобождению от цынки. Многое можно было бы (а может быть, и следовало бы) записать, но нет еще сил на такую работу. Почти все время лежу, много думаю, а писать (и вообще что-нибудь, требующее некоторого усилия, какого-либо напряжения) — не выходит. Скоро, верно, выпишут.

Говорят, меня вписали в число читающих курсы в спроектированном лектории Академии наук. Если лекторы понесут свой труд бесплатно, то это, ясно, действительно буду читать, а если труд их будет оплачиваться, то — это тоже ясно — часов мне не дадут...

Здесь отдыхаю от житья в углу проходной и почти всегда густо населенной комнаты, по которой часто пробегают злые духи. Такое темное, трудное полугодие (сентябрь — март)! Что бы я делал, не будь со мною постоянно СВЕТЛОГО ДУХА.²⁵

Вот опять не умер — на этот раз смерть прошла мимо, может быть, два раза. Как это так выходит? Все эти семь месяцев жизни беженца живу от утра к ночи, от ночи к утру, не думаю о дальнейшем, о больших сроках. Да и что придумаешь...»

Воспоминания Т. В. Инесиной: «Зима 1942 г. Блокада».

В стационаре (в Астории) лежал Георгий Семенович с дистрофией III ст. Везла я его туда на саночках. Раза три он падал с саночек и не мог подняться. Я с трудом, с помощью женщины, которая помогала мне везти больного, поднимала его. «Опять умирающего привезли» — так встретили нас сестры в больнице!

Внизу, в одной из комнат исследовали Г. С. Виноградова врачи и направили его в палату, находящуюся на 3-м этаже. Не сразу это было. Сначала долго ждали очереди к врачу, долго и много всяких бумаг писали, долго слушали и выспрашивали больного. Наверх идти помогала сестра, поддерживая его с одной стороны, а я с другой. Больной задыхался, изнемогал. Хотели его на носилках нести, но носилок не оказалось (мало их было). Наверху опять в какой-то комнате приветли-

²⁴ См. О. А. Акулич «Дети и народная культура», М., 1995.

Татьяна Васильевна Инесина (25.01.1907-8.11.1984) — ученица, а позже жена Г. С. Виноградова. В декабре 1929 года отчислена из ГИУ как «неблагонадежная». В 1930-м переезжает в Питер. С 1930 по 1981-й (51 год!) работает сотрудником Библиотеки Академии Наук.

²⁵ СВЕТЛЫЙ ДУХ — так обращался Г. С. Виноградов к Т. В. Инесиной в письмах и своих дневниковых записях — О. А.

вые врачи слушали больного. Прописали сердечные капли. Наконец, повели его в палату. Палата на четыре человека. Почти уютная, деревянные, хорошие, широкие кровати. Почти чисто. Нас встретил какой-то мужчина, высокий, тонкий в теплом желтом халате, с приятным лицом. Встретил удивительно ласково, как родных. Г. С. Виноградову он показал его койку, быстро и кратко объяснил больничные порядки. Меня успокаивал. Больному не дали теплого халата, и он уверил меня, что халат ему добудет. Просил не тревожиться о больном. Я долго сидела с милым Георгием Семеновичем.

Кормили там хорошо, но порции были маленькие. Давали каши, супы, масло, сахар, белую булку, даже вино красное. Поили витаминами, давали лук (хотя и мороженный).

Высокий приятный мужчина, оказался артистом Дашковым. У него был когда-то хороший голос, который почему-то испортился, и он пел в оперетте. Подружился он с Г. С. Виноградовым. Действительно заботился о нем, и халат ему тотчас выхлопотал. Когда он узнал, что Георгий Семенович профессор, причастен к литературе, попросил его прочитать ему лекцию о русской литературе. И вот Виноградов три ночи сряду (днем-то было шумно) читал ему о литературе русской, начиная с Нестора, летописца, и до наших дней. Слушатель был благодарный. Как рассказывал позднее сам Дашков, он не спускал с него глаз, ловил каждое слово. В благодарность он спел фальцетом всю Травиату. Это была 4-я ночь их беседы».

«Больной был принят в стационар на 10 дней. Таков был порядок. Но на его счастье (недаром родился он в сорочке), ему попался прекрасный врач — женщина. С большим сердцем, с лаской в голосе, в глазах и, вероятно, с большим опытом в своем деле и знанием людей. Она сразу же взяла Георгия Семеновича под свое покровительство. Больной покорила ее своей кротостью, терпением, умением и желанием во всех положениях жизни находить всегда хорошие стороны. Вместо 10 дней продержала его месяц и собиралась еще держать его, пуская в ход все средства, возможные и невозможные. Но однажды пришел приказ свыше: в 24 часа освободить Асторию для военных раненых. Кто не мог еще ходить, тех развозили по разным больницам, а кто начинал едва ходить, тех выписывали с обязательством являться на осмотр в амбулатории.

И вот побрел тихо больной из Астории на Васильевский Остров на 6-ю линию... Его приятно волновало сознание, что вот он сам идет, что ноги его сами идут, хотя и с трудом. На мир он смотрел, словно воскресший от смерти. Да так оно и было. До того, как лечь в стационар, он лежал около 5 меся-

цев без ног (цынга изъела мышцы). К нему приходили друзья попрощаться. Он каждую минуту ждал смерти, ждал покорно, без боли душевной, без сожаления. Итак, Г. С. Виноградов добрал наконец до Андреевского рынка, и до дому ему оставалось, как говорят, рукой подать, тревога разразилась сильнейшим обстрелом, снаряды посыпались как горох, где-то близко падали, разрывались. Началось смятение...».

«Георгий Семенович только что «воскрес из мертвых» (дистрофия III ст., лежал 5 мес. без ног; попал под обстрел в Андр. рынке, семь трупов лежало рядом с ним, а он уцелел). Стали тихо воскресать к жизни, стали опять покупать книги. В.А.²⁶ подарила ему письменный стол (настоящий), на котором он мог разложить свои материалы и бумаги. Светлая, большая комната (можно ходить по ней). Тишина в доме. Голова его стала крепнуть, мысль заработала интенсивно. Все начиналось после голода поправляться, оживать. И вот однажды 20 июня 1942 г. утром получаем бумагу: явиться в NN.

Там «вежливо» предложили эвакуироваться не позднее 24-го числа. Сказали об этом вежливо, но твердо. «Паспорт Ваш мы не опорочим» — ответили также вежливо на вопрос Георгия Семеновича.²⁷

Жизнь потухла в глазах и во всем его лице, когда я встретила Виноградова после похода в NN. Стали собираться спешно, пугливо, с обидой на мир...

...После этого горя мой бедный страдалец уже не оправился. Ему подрезали крылья, подрезали несправедливо, больно, грубо, жестоко. Мы скитались три года. За это время, тяжелое, тягостное, голодное для Георгия Семеновича и началась его болезнь, сгубившая его преждевременно, погубившая его талант. За что?..»

Из записей Г. С. В.: «В Угличе я живу почти четыре месяца (эвакуирован из Ленинграда в конце июня текущего года), не имея ни комнаты, ни угла, перебиваясь в прихожей, обслуживающей две квартиры, — без окна, без освещения.» — пишет Виноградов в официальном заявлении на предмет общежития 22.10.42 г.»

«В продолжение пяти месяцев я не могу связаться с Институтом языка и мышления. Только вчера получил телеграмму от В. И. Чернышова, давшего мне совет обратиться к Вам.

²⁶ В.А. — вероятно, Вера Павловна Абрамова, вдова Александра Грина, на квартире которой (5-я линия В.О. дом 54 кв. 60) и жил Георгий Семенович с Татьяной Васильевной 1941/42 и 1945-м годах.

²⁷ NN — видимо, НКВД. Из намека Инесиной видно, что Г.С.В. прямо спросил: «Это ссылка?» В блокадном Питере ссылки и аресты шли своим чередом — А.Г.

Пользуясь сообщенным в телеграмме адресом, пишу Вам с надеждой на удачу.

Прежде всего я должен дать отчет о своих служебных занятиях.

По плану работы Института, на мне лежало:

1) чтение рукописи III тома словаря современного русского литературного языка и 2) работа исследовательского характера под названием «Наблюдения над языком русских загадок», часть которой должна быть законченной в 1942, часть — в 1943 году.

Первый пункт моих работ отпал с момента оставления мною Ленинграда, 24 июня; единственный экземпляр рукописи, оказавшийся в Институте, я не мог рискнуть взять с собою в дорогу, осторожность моя нашла одобрение со стороны администрации Института. И второй пункт моего плана оказался трудновыполнимым — из-за отсутствия главнейшей литературы (текстов) в очень бедных библиотеках Углича.

...Оказавшись жителем малоизученной местности со старым русским населением, я решил, что мне следует взять на себя выполнение такой работы, которая, отвечая задачам нашего Института, с наибольшим удобством могла бы быть здесь выполнена. И я в июле же занялся 1) наблюдением за здешними говорами, имея в виду, при благоприятных условиях, составить диалектологический очерк Угличского края, и сборами материалов для Ярославского областного словаря.

Замену намеченных в Ленинграде тем работы новыми темами я просил утвердить Администрацию Института, но ответа (как и на все мои письма и телеграммы) не получил.

Наблюдения над говорами я вел, придерживаясь объема академической программы; одни части заполнились довольно полно, другие нуждаются в дополнительных материалах. Продолжение этой работы связано с побывками «на местах» в разных частях бывшего Угличского уезда.

При сборах материалов для областного словаря я пользуюсь не только собственными записями, но и печатными местными источниками.

Если работа моя, поскольку о ней можно судить по моему сообщению, не вызывает возражений, то я могу ли надеяться на получение зарплаты за июль и следующие месяцы?».

Воспоминания Т. В. И.:

«В музей в Угличе, публика была разношерстная, но лекции слушала хорошо. Присутствовал директор музея Б. А. Дмитриев, москвич, музыкант, поэт в душе; художник П. Д. Бучкин (угличанин по рождению, жил в Ленинграде); С. Е.

Стефанович, учитель, человек образованный, начитанный, но странный. Мы звали его «пан Твардовский». Г. Д. Дробот; хохлуша, служила гидом в музее. Приходила еще пара Г.С. и И. П. Калмыковых, (ленинградцы). Лекции: 1) Обзор Епархиальных ведомостей (Ярославских): масса этнографического материала.

2) О сказках. 3) О краеведческих задачах и еще несколько (забыла!).

Собрал материал о первом угличском историке Кисселе (интереснейший), но доклад сделать не успел. Собрал материал об угличском говоре, но тоже не успел его отделать».

«Углич. 1942 г. Зима. Маленькая продолговатая комната. Слева лежанка, направо в углу стол. Темные зимние вечера. Горит коптилка. Пламя колеблется от ветра, который проникает в щели окна, в щели стен. Холодно. Но лежанка теплая, и на ней лежит Георгий Семенович. Худенький, бледный, то-скающий, недомогающий. Я читаю Фета вслух. Читаю стихотворение, где он пишет о могиле Н. Я. Данилевского. Виноградов, волнуясь, болезненно воспринимает каждую строку этого стихотворения (и не только этого). Последние стихи он долго полупшепотом повторял (и потом всегда любил их вспоминать) «ты местечко на отдых в цветущем саду отыскал»...

...Довольно часто навещал Георгия Семеновича директор тамошнего музея Б. А. Дмитриев. Беседовали часа по четыре. Бедный больной мой лежит на лежанке усталый, бледный, или говорит, или слушает. Слушал он другого отменно хорошо, как никто. Приходил художник П. Д. Бучкин. Этот больше все о себе говорил. Седой, а хвастун.

И однажды навестил его С. Е. Стефанович, поляк, музыкант бывший, учитель педучилища. Угостили мы его на славу. И он разговорился так откровенно. И в его высказываниях было что-то таинственное, судьба его какая-то странная, немного жуткая: какие-то преследования, бегство, укрывательство и подобное.

И все они, эти путники случайные, были привязаны к Георгию Семеновичу. Все к нему шли откровенно, с доверием. Он словно магнит притягивал их к себе. Б. А. Дмитриев объяснял это обаянием его нравственной чистоты.»

«1943 г., а может быть, конец 1942 г.

В Угличе, когда он читал лекцию о Кольцове в педучилище, то молодежь учащаяся сидела словно замороженная. Потом говорили: «Вот это профессор. Теперь мы знаем, что значит профессор. Два часа говорил и без единой бумажки в руке. Стоит и говорит. Два часа говорил. Вот это профессор!».

Записи Г. С. В.: «28 авг. Успение. 1943 г.

«Вошли» в комнату (7 кв. метров), 2 окна (с железными решетками), мебель — одна кровать; остальное составляет из чемоданов и узлов... Еще ничто прочно не налажено — ни занятия, ни питание.

29.VIII. Много лежу, немножко почитываю английскую беллетристику, но так немножко, что можно было бы и не упоминать об этом...

30.VIII. Библиотека им. Пушкина. Знакомились с каталогами. Мне не показалось, что в ней порядки образцовые. Но библиотека произвела все же хорошее впечатление, — может быть, потому, что «имени Пушкина»...

2.IX — 1943 г. Библиотека им. Пушкина. Физически чувствую себя плохо, но в этой библиотечной обстановке — легче.

4.IX. Несколько дней назад случайно открыл Тургенева «Записки охотника», кой-что прочитал и вижу: прежняя затея, связанная с перечитыванием этого автора, не напрасна.

8.IX. Вчера в библиотеке не был, много лежал, зато хорошо подумалось над работой о Дале.²⁸ Жаль, нет со мной материалов, собранных в Ленинграде.»

С осени 1943 года до весны 1945 года Виноградовы в Алма-Ате, куда был эвакуирован ИЯиМ:

«Дурные навыки не изжиты... Сажу в библиотеке, сажу в институте, читаю; когда есть бумага, то и пишу...»²⁹

Воспоминания Т. В. И.:

«Алма-Ата. Комната 6 1/2 на двоих. Утро. Георгий Семенович в постели, т.к. я занимаюсь хозяйством, а двоим ходить по такой площади тесно. Виноградов обычно лежал с охотой и пел. Много пел. Иногда это было церковное пение (любил), иногда шутовское, или пел народные песни: (семинарская): «Лети, мой челн, раздумий полн». Или песнь гр. Шереметьевой «...ты отколь, отколь така красотка, из которого села...»

«Алма-Ата. 1943 г.

Саксаул — местное азиатское растение. Саксаулом топили печь. На растопку покупали еловые, сосновые, реже березовые дрова. Эти дрова Г.С. называл православными.

— Какие дрова сегодня купила? — спрашивал Виноградов, когда я приходила с рынка.

²⁸ См. Архивные материалы рукописного отдела ИРЛИ.

²⁹ Письма к М. К. Азадовскому // Литературное наследство Сибири, М, 1969.

— «Православные».

— А «православные», люблю православные дрова».

17 марта 1945 года — девять лет спустя после подачи заявки! и за четыре месяца до смерти — ВАК вспомнил о Георгии Семеновиче, присвоив ему докторское звание. 30 мая 1945 года Георгий Семенович и Татьяна Васильевна возвращаются в Ленинград. Продолжается работа над III-м томом «Словаря»...

Записи Т. В. Инесиной:

«18 июня 1945 г. Уходя в больницу³⁰, мы помолились, ты благословил меня, я тебя благословила. Но в больнице нас не приняли в этот день: было поздно. Я очень огорчилась, т.к. тебе стоило больших трудов дойти до больницы, но ты тихо сказал мне:

— Нет, ничего, даже хорошо еще одну ночь поспать дома.»

В. Комин:³¹ «Через три дня после операции ему стало легче. А может, как всегда, он сделал волевое усилие и тихо заговорил, чтобы успокоить находившуюся в тревоге все эти дни Татьяну:

— Кажется, сегодня хороший день. Мне уже не так больно. Писать, правда, я не смогу. Но если ты присядешь рядом, я буду диктовать... Столько интересных мыслей появилось в моей голове!

Татьяна Васильевна мягко возразила:

— Надо подождать, когда организм окрепнет, — тогда мы снова начнем работать... А хорошую мысль пока можно записать двумя словами.

Она слабо улыбнулась:

— Хирург Смирнов после операции мне советовал как можно дольше побережь тебя от рвения к работе. Доктор доктору плохого не пожелает...

— Тогда дай мне бумагу и карандаш. Я буду лежать и думать. Может быть, кое-что запишу.

...Что вспоминалось ему в эти часы?...[...]

— А еще говорят, что рукописи не горят..., — прошептал он.

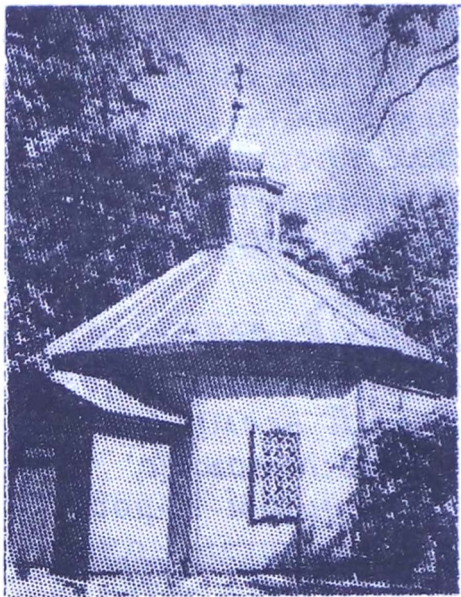
Татьяна Васильевна склонилась над ним, пытаясь расслышать, что еще говорит он, бредит в полудреме или уже про-

³⁰ Покровская (она же им. Ленина) больница на Большом проспекте Васильевского острова.

³¹ В. Комин. И выпало перо из рук // Говорит и показывает Иркутск, 21.06.1995. (на основе писем, хранящихся в личном архиве автора, и записи воспоминаний о Г. С. Виноградове).

снулся. Ведь начинался новый летний день — 17 июля.

Руки его лежали поверх одеяла.

Церковь св. кн. Александра Невского на шуваловском кладбище, где состоялось отпевание Г.С.Виноградова

Карандаш скатился.

Лист остался чистым.

...Его отпели в небольшой церквушке на Шуваловском кладбище и похоронили на высоком берегу озера у тропинки Крутой.»

В. И. Чернышев написал маленький некролог о Г. С. Виноградове. Но некролог нигде не напечатали.

«17 июля 1945 г. в 5 1/2 часов вечера после тяжелой болезни скончался известный ученый, работающий в области литературоведения, лингвистики и фольклора, доктор филологических наук Г. С. Виноградов.

Последние годы его трудовой жизни перед Отечественной, во время войны и после нее он отдал работе по Словарю современного русского литературного языка, подготавливая к печати вместе с погибшим во время войны М. К. Клеманом II и III-й тома названного словаря.

Товарищи по словарной работе и лица, знавшие покойного Г. С. Виноградова по его многосторонним и ценным научным работам, высоко оценивают его труды и глубоко сожалеют о свершившейся большой научной утрате.

Георгий Семенович Виноградов скончался в таком возрасте, в каком мог бы еще немало поработать для науки, вооруженный большим исследовательским опытом, отдающийся научному труду с любовью и энергией.

Заведующий Словарным отделом института русского языка член-корреспондент АН СССР В. Чернышев (и подписи других сотрудников).»

Из воспоминаний Т. В. Инесиной (о двадцатых годах в Иркутске):

«Все уже ушли после лекции. Остались я и Г. С. Виноградов. Георгий Семенович говорит: «Я знаю заговор и вот привяжу Вас к себе». Я смеялась. А вышло так, как он сказал. Привязал, да еще как! Так крепко, что вот теперь мне одной неуютно и холодно жить на земле, и я прошу его вымолить меня у Бога. И верно, что вымолит.»

Господь дал долгую жизнь Татьяне Васильевне — пережить Георгия Семеновича на 40 лет. Она сохранила его архивы, то что не сгорело в бомбежках и не было похищено. Она сохранила его, забытую всеми могилку. Теперь они вместе... Шуваловское кладбище, ... по «нижней» дорожке, затем налево вниз к озеру по «крутой», от памятника Печковскому метров двадцать влево. Здесь, стоя возле креста Георгия Семеновича и Татьяны Васильевны, вспоминаются фетовские строки, что читала верная «Санчо-Танса», больному, но не сломленному своему Страннику:

*Если жить суждено, и на свет не родиться нельзя —
Как завидна, о, странник почивший, твоя мне стезя!
Отдаваясь мысли широкой, доступный всему,
Ты успел оглядеть, полюбить голубую тюрьму.
Постигая, что мир только право-живущим хорош,
Ты восторгов опасных старался обуздывать ложь,
И у южного моря, за вечной оградой скал,
Ты местечко на отдых в цветущем саду отыскал.*

Библиография научных работ Георгия Семеновича Виноградова

1913 год

1. Живучесть нашего организма // Народный журнал, СПб, 1913, №4.
2. Подача первой помощи // Народный журнал, СПб, 1913, №9.
3. О микроорганизмах // Народный журнал, СПб, 1913, №12-13.
4. Чихотка и борьба с ней у нас и в Западной Европе // Народный журнал, СПб, 1913, №16-17.
5. О причинах детской смертности // Народный журнал, СПб, 1913, №24.
6. По отрогам Саян // Народный журнал, СПб, 1913, №26.
7. Народная медицина // Народный журнал, СПб, 1913, №38-39.

1914 год

8. Песни отживающего поколения // Сиб. Архив, Минусинск, 1914, №7-8, С. 357-367.
9. Тоска по сильным (ожидание богатырей). На затмении. На сборне. Страничка из воспоминаний о И. С. Савенкове и др. // г. Отклики Сибири, Красноярск, 1914.

1915 год

10. Поверья и обряды крестьян-сибиряков. Материалы по этнографии Нижнеудинского уезда // Сиб. Архив, Минусинск, 1915, №3, С.111-112.
 11. Самоврачевание и скотолечение у русского старожиланого населения Сибири. // Живая старина — 1915.- №4.- С. 325-432 и отдельным изданием — С. 108.
- Отзыв А. А. Макаренко // Отчет Русского Географического

общества за 1915 год.

1917 год

12. Об экскурсиях и другие статьи по школьному краеведению // Думы Забайкальского учителя, Чита, 1917, №21, №32.

1918 год

13. Материалы для народного календаря русского старожилого населения Сибири: Восточная Сибирь, Тулуновская область. // Записи Тулуновского отдела Об-ва изучения Сибири, Иркутск, 1918, Кн.1.- и отдельным изданием — С. 56.
14. Краткий обзор деятельности Тулуновского отдела Об-ва изучения Сибири и улучшения ее быта за пятилетие 1913-1918 г.г. // Записи Тулуновского отдела Об-ва изучения Сибири, Иркутск, 1918, Кн.1 и отдельным изданием — С. 14.
15. О работе учителя по изучению края // Сибирский учитель, 1918, №11-12.

1919 год

16. Кустари науки // Наша деревня, 1919, №11.
17. Охрана памятников старины и роль сельской интеллигенции. Не о хлебе едином и др. статьи о культурно-краеведческой работе // Кооперативное дело, Новониколаевск, 1919.

1921 год

18. Родиноведение в школе. // Вестник просвещения, Чита, 1921, №1, 5-7.

1922 год

19. К изучению народных детских игр у бурят. Иркутск, 1922, С. 1-11
- Отзыв П. Хороших // Сибирские огни.-1922.-№3.

1923 год

20. Тюремная песнь // Этнографический бюллетень Вост.-Сиб. отд. РГО (далее — ВСОРГО), Иркутск, 1923, № 3, С. 13-14. (В соавт. с В. Н. Флоренским).
21. Из экскурсий по Тулунскому уезду (заметки для археологов) // Этнографический бюллетень ВСОРГО, Иркутск, 1923, №3, 16-17.

22. Смерть и загробная жизнь в воззрениях русского старожилго населения Сибири // Труды профессоров и преподавателей Иркутского Гос. Университета (далее — ИГУ), вып. V, Иркутск, 1923 — С. 261-345.
- Отзыв Е. Титова // Этнографический бюллетень ВСОРГО, Иркутск, 1923, №4, С. 17-18.
23. К изучению народной медицины у русского населения Сибири // Инструкция и программа. Иркутск, 1923.
24. К изучению народной медицины у русского старожилго населения Сибири // Инструкция и программа. Томск, 1923.
25. Этнография и современность // Сибирская живая старина (далее — СЖС), Иркутск, 1923, №1, С. 3-21.
- Перепечатана в ж. «Этнографическое обозрение», №1 под рубрикой «Из непрочитанного», 1993.
- Отзыв С. Ф. Ольденбурга // «Этнография», 1927, №1, С. 238.
26. Предисловие к статье А. М. Поповой «Детские игры и забавы в сибирской деревне» // СЖС, Иркутск, 1923, №1, С. 106-107.

1924 год

27. Детский народный календарь // СЖС, Иркутск, .-1924.- Вып. II.- С.55-86.
28. Детский народный календарь // Иркутск, 1924.
- Отзыв: Н. Элиаш, Изучение сибирского фольклора за последние годы // Северная Азия, 1925, №1-2.
29. О собирании материалов для словаря русского старожилго населения Сибири. Опыт программы. Иркутск, 1924. (В соавт. с П. Черных).
- Отзыв: Т. Ф. // Северная Азия, 1925, №3.
30. К вопросу о введении этнографии в курс школьного преподавания // Изучайте родной край, Чита, вып. XV, 1924, С. 60-95.
- Отзыв: М. Муратов // Северная Азия, 1925, №4.
31. Русские говоры центральной части Тулунского уезда Иркутской губернии. Иркутск, 1924.(в соавт. с П. Черных).
32. Предисловие к статье А. М. Поповой «Детские игры и забавы в сибирской деревне» // СЖС, Иркутск, 1924, вып. I.

1925 год

33. Об изучении народного ораторского искусства.

Программная заметка. // СЖС.- 1925.- Вып. III-IV.- С. 391-400 и отдельно.

Отзыв: Д. Зеленин. Обзор советской этнографической литературы за последние 15 лет // Советская этнография (далее СЭ), 1932, №5-6.

34. Новая программа по музыкальной этнографии. // СЖС, Иркутск.-1925.- Вып. III-IV.- С. 388-390.

35. Детский фольклор: Тезисы выступлений. // СЖС, Иркутск.-1925.- Вып. III-IV.

36. Детский фольклор: Тезисы выступлений. // Бюллетень ВСОРГО.-1925.- № 6.

37. Детская сатирическая лирика // СЖС, Иркутск.-1925.- Вып. III-IV.- С. 65-106.

38. Детская сатирическая лирика. Иркутск, 1925.

Отзыв: А. Турунов // Северная Азия, 1925, №5-6.

39. Детский фольклор и быт. Программа наблюдений // Библиотека собирателя, вып. III, Иркутск, 1925.

Отзыв: А. К. Покровская // Северная Азия, 1925, №4.

40. Этнография в курсе школьного краеведения. // Вопросы новой школы, Труды профессоров и преподавателей ИГУ, вып. IX, Иркутск, 1925.- С. 83-124.

41. Этнография в курсе школьного краеведения. Иркутск, 1925.

42. Предисловие к статье А. М. Поповой «Из области народной технологии» // СЖС, Иркутск, 1925, вып. III-IV.

43. Русское население края и его изучение. Детский фольклор. Доклады на I-ом Восточно-Сибирском съезде 11-18 января 1925г. // СЖС, Иркутск.-1925.- Вып. III-IV, С. 306-307, 309.

Резолюции по докладам, здесь же, С. 373-374.

44. Из отчета Г.С. Виноградова о поездке в Енисейскую и Акмолинскую губернии // СЖС, Иркутск.-1925.- Вып. III-IV, С. 138-190 и отдельный оттиск «Этнологическая секция в 1924 году», С. 6-8.

1926 год

45. Детские тайные языки // СЖС, Иркутск. 1926.- II(VI).

46. Детские тайные языки. Иркутск. 1926.

Отзыв: Н. Леонов // Северная Азия, 1927, №3.

С. Ольденбург // Этнография, М.-Л., 1927, №1.

47. Замечания о говорах Тункинского края // Бурятovedческий сборник, Иркутск, 1926, Вып. II, С. 1-24

и отдельно.

48. Замечания о говорах Тункинского края. Иркутск, 1926.
49. Из записей фольклориста: Музыканты в Тункинском крае // СЖС.- 1926.- Вып. I(V).- С. 38-40.
50. Отчет Г. С. Виноградова о работе в Тункинском крае летом 1925 года // СЖС, Иркутск, 1925, Вып. V, С. 168-170 и отдельно «Этнологическая секция в 1925-26 году», С. 6-8.
51. Материалы для био-библиографического словаря восточно-сибирских этнографов. Предварительный список // Известия ВСОРГО, Иркутск, 1926, т. 51, С. 193-210.
52. Народная педагогика. // СЖС.- 1926.- Вып. I(V).
53. Народная педагогика. Иркутск, 1926.
- Отзыв: М. Муратов // Северная Азия, 1926, № 5-6.
54. Этнографические изучения ВСОРГО: Краткий обзор. // Изв. ВСОРГО, Иркутск, 1926.- Т. I.
55. Об изучении народной медицины // Бурятоведческий сборник, Иркутск, 1926, Вып. I, С. 30-32.
56. Опыт постановки первоочередных задач краеведных изучений. Первый Сибирский Краевой научно-исследовательский съезд // Материалы и доклады секций, Новосибирск, 1926, С. 29-30.
57. Предисловие к статье Н. И. Удимова «К изучению одежды русских тункинцев» // СЖС, Иркутск, 1926, вып. VI, С. 201-202.
58. Предисловие к статье Н. П. Протасова «Песни забайкальских старообрядцев» (Биографические справки об авторе) // СЖС, Иркутск, 1926, вып. VI, С. 217-220.

1927 год

59. Шулюканы: заметка о культурном взаимодействии русских и якутов. // Очерки по изучению Якутского края, Иркутск, 1927, вып. 1.
60. Рецензия на книгу О. Капицы «Детские народные потешки, пестушки, прибаутки и песенки» // Просвещение Сибири, 1927, № 8, С. 117-119.
61. Детские игровые прелюдии // СЖС, 1927, вып. VII, С. 47-88.
62. Детский фольклор в школьном курсе словесности // Русский язык в школе, 1927, № 2.
63. Рецензия на книгу Е. И. Титова «Тунгусско-русский словарь» // Северная Азия, 1927, № 3, С. 117-118.

1929 год

- 64. Детские игровые прелюдии (окончание) // СЖС, 1929 вып. VIII-IX, С.119-174.
- 65. Географическая народная номенклатура // Сибирская советская энциклопедия (далее -ССЭ), 1929, т. I, С. 633-636.
- 66. Живопись крестьянская // ССЭ, 1929, т. I, С. 939-940, таблица в красках.

1930 год

- 67. Из наблюдений над детским потешным фольклором. Сечки // Детский быт и фольклор. Сборник первый, Издание РГО, Л., 1930, С. 13-21.
- 68. Дитяча казка // Бюлетень Етнографічної комісії Всеукраїнської Академії Наук, Київ, 1930, вып. 14, С.17-30.
- 69. Краткий обзор деятельности Тулуновского отдела Общества изучения Сибири и улучшения ее быта за пятилетие 1913-1918, Иркутск, 1930.
- 70. Русский детский фольклор // Кн.1, Иркутск, 1930.
- 71. Neue Bcher ber Kinder-Folklore (Отзыв о двух книгах по детскому фольклору) // Slavische Rundschau, 1930, №1, С. 19-21.

1931 год

- 72. Зодчество деревянное // ССЭ, 1931, т. II, С. 163-169.
- 73. Календарь народный // ССЭ, 1931, т. II, С. 456-457.

1932 год

- 74. Мелкие статьи и заметки (более 50-ти) в ССЭ.

1933 год

- 75. Первый русский болгарист. Памятка о К. Ф. Калайдовиче // Сборник в честь Милетича, София, 1933, С. 591-621 и отдельным изданием — с портретом.

1934 год

- 76. Рецензия на книгу М. А. Рыбникова «Загадки», Academia, 1932 // СЭ, 1934, №3, С. 131-138.
- 77. Полвека ученой деятельности П. К. Симони (Заслуги юбиляра в области изучения древней русской письменности, языка и искусства) // Язык и мышление,

Л., 1934, Вып. III- IV.

1936 год

78. Медведь в воззрениях русского старожилого населения Сибири. // СЭ, 1936, №3, С. 78-83, (в соавт. с А. М. Поповой).
79. Опыт выявления фольклорных источников романа Мельникова-Печерского «В лесах» // Советский фольклор (далее — СФ), 1936, № 2-3, С. 341-368.
80. 75-летний юбилей П. К. Симони (Заслуги юбиляра в области изучения русского фольклора) // СФ, 1936, № 2-3, С. 457-460.
81. Заметки по фольклору. (Комментарии к рукописным материалам Н. В. Гоголя) // Гоголь. Материалы и исследования, т. I, М.-Л., 1936, С. 41-45.
82. Фольклорные источники романа Мельникова-Печерского «В лесах» // П. И. Мельников-Печерский, «В лесах», Ч. I-II, М.-Л., 1936, С. 8-27.
83. В. Красножнова (биографический очерк) // СФ, М.-Л., 1936, №4-5.

1937 год

84. Русские плачи (причитания). Вступительная статья Г. С. Виноградова и Н. П. Андреева. Редакция текстов и примечания Г. С. Виноградова // Советский писатель, Л., 1937.

1938 год

85. Комментарий к рецензии А. Н. Веселовского на книгу «Fridrich Krauss, Sagen und Mdchen der Sdslawen» // Собрание сочинений А. Н. Веселовского, Академия Наук, т. XVI, С. 333-336.

1939 год

86. Веселовский А.Н. Из Новгородской глуши (неизданная рукопись). Предисловие и публикация Г. С. Виноградова // СЭ, 1939, №2, С. 11-13.

1940 год

87. Даты жизни Гоголя. // Н. В. Гоголь. ПСС, М.-Л., 1940, т. X, С. 11-28.
88. Комментарий к повести «Вечер накануне Ивана Купала» // Н. В. Гоголь. ПСС, М.-Л., 1940, т. I, С. 521-528.

89. Комментарий к повести «Майская ночь или утопленница» // там же, С. 530-532.
90. Комментарий к письму Н. В. Гоголя к Г. И. Спасскому // Н. В. Гоголь. ПСС, М.-Л., 1940, т. X, С. 495.
91. Этнографические источники первой повести Н. В. Гоголя. К 130-летию со дня рождения великого писателя 1809-1939 // СЭ, 1940, №4, С. 119-127.
92. А. Ф. Гильфердинг. Онежские былины // Редакция текстов №№ 244-322 и текстологические комментарии к ним, С. 594-610 т. III, М.-Л., 1940.
93. Этнография в кругу научных интересов Н. Г. Чернышевского. К пятидесятилетию со дня смерти 1889-1939 // СЭ, №3, С. 35-55.
94. А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки // Комментарии, С. 432-438, №№ 347-371 и указатели, С. 503-553, т. III, Гослитиздат, 1940.
95. Карельская причеть в новых записях // Русские плачи Карелии. Петрозаводск, 1940, С. 4-20.

1941 год

96. А. Авдеева. К 75-летию со дня смерти // СЭ, №5, 1941, С. 142-148.
97. Из архива А. Н. Веселовского. Заметки // СФ, 1941, вып. 7, С. 167-168.
98. И. Капица: Некролог // СФ, 1941, вып. 7, С. 235-239, с портретом.
99. Плачи (Русской Карелии) // Фольклор Карело-Финской ССР, Петрозаводск, 1941, С. 105-127.
100. Произведения М. Ю. Лермонтова в народно-поэтическом обиходе // Литературное наследство, 1941, №43-44.
101. М. Ю. Лермонтов // Комментарии, т. I, М., 1941, С. 353-388.

1949 год

102. Онежские былины записанные А. Ф. Гильфердингом // Подготовка текста и комментарии в соавт. с А. Н. Никифоровым М.-Л., 1949.

1968 год

103. Письма Г. С. Виноградова и М. В. Красноженовой к М. К. Азадовскому // Сибирские огни, 1968, №12.*

* Подлинники писем к М. К. Азадовскому хранятся в фонде Азадовского (Ф542, РО библиотеки им. Ленина в Москве).

1969 год

104. Письма Г. С. Виноградова // Литературное наследство Сибири, т. I, Новосибирск, 1969, С. 189-207.*

1978 год

105. Детский фольклор // Из истории русской фольклористики, Л., 1978.

Работы Г. С. Виноградова периода учебы и преподавания в Иркутском государственном университете (1918-1929), подготовленные к печати, но не изданные:

1. Богомолы в Сибири. К истории духовных исканий русского народа.
2. В соавт. с Л. Г. Михалковичем. Культурно-исторические экскурсии по г. Иркутску и Иркутскому округу. Краткий путеводитель.
3. Иркутск как культурное гнездо и его изучение в школе.
4. Искусство сибирских крестьян.
5. В соавт. с М. К. Азадовским. Об отражении войны и революции в устном творчестве.
6. Огонь в поверьях и обрядах русского старожилого населения Сибири.
7. Очерки по изучению народного ораторского искусства.
8. Русская песня и песенники в Сибири.
9. Следы почитания животных у русского старожилого населения Сибири.

В 1940-1941 г.г. было подготовлено, но не издано:

10. «Краткое описание архива А. Н. Веселовского» // Бюллетень архива ИЛ АН №1.
11. Разбор книги Всеволодского-Гернгросса «Игры народов СССР».
12. «М. В. Красноженова» Биографический очерк к собранию сказок записанных в Приенисейском крае (не вышло).
13. Разбор книги «Сербский эпос» для сборника РФ (не вышел).

Примечание: Указанные работы должны были бы находиться в РО ИРЛИ АН. Там же находятся еще три законченных работы Г. С. Виноградова («Загадка», «Причет», «Детский фольклор») — см. выше: «Описание архивных материалов»

Биографические сведения о Г. С. Виноградове:

1. Материалы для био-библиографического словаря восточно-сибирских этнографов. Предварительный список // Отдельное издание из «Известий ВСОРГО», Иркутск, 1926, т. 51, С. 8.
2. Этнография, М.-Л., 1926, №1-2, С. 321-322.
3. Азадовский М. К. «Виноградов» // ССЭ, т. I, Новосибирск, 1929, С. 486.
4. Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР, т. I, М., 1962.
5. Сизых Д. «75-летие ученого» // Литература и жизнь, 1962, №4.
6. Сизых Д. «Педагог-фольклорист» // Сибирские огни, 1963, №4, С. 170-174.
7. Петряев Е. М. «Краеведы и литераторы Забайкалья» // Материалы для библиографического словаря, Иркутск-Чита, 1965.
8. Астахова А. М. «Георгий Семенович Виноградов (к 80-летию со дня рождения)» // Русская литература, 1966, №3, С. 196.
9. Мельников М. Н. «Талантливый исследователь быта и творчества сибиряков» // Сибирские огни, 1966, №11.
10. «Наш славный земляк» // Альманах «Ангара», 1966, №3.
11. Мельников М. Н. «Г. С. Виноградов как собиратель детского фольклора» // Новосибирский государственный педагогический институт. XI научная сессия, вып. 3, Новосибирск, 1967.
12. Петряев Е. М. «М. К. Азадовский и Сибирь» // Сибирские огни, 1968, №12.
13. Тропин Г. В. «Г. С. Виноградов как диалектолог Сибири (к 80летию со дня рождения)» // Труды профессоров и преподавателей ИГУ, вып. 4, 1968.
14. Мельников М. Н. «Русский детский фольклор» // Новосибирск, 1970.
15. Сизых Д. «Труженик науки» // Сибирь, 1971, №1, С. 98-103.
16. Николаев В. А. «Библиографы Сибири и Дальнего Востока» // Библиографический словарь, Новосибирск, 1973.
17. Кудрявцев В., Трушкин В. «Г. С. Виноградов» // Литературная Сибирь. Критико-библиографический словарь писателей Восточной Сибири, т. I, Иркутск, 1986,

- С.220.
18. Мир детства и традиционная культура // Материалы III чтений памяти Г. С. Виноградова (Виноградовские чтения), М., 1990, С. 6-14.
 19. Комин В. В. «Он проник в чудесный мир детей» // Известия Культуры России, май-июнь 1992, С. 37-39.
 20. Новицкая М. Ю. «Чтения памяти Г. С. Виноградова» // СЭ, 1991, №1, С. 137-139.
 21. Сирина А. А. «Выдающийся этнограф и фольклорист Г. С. Виноградов» // Этнографическое обозрение, 1993, №1.
 22. Дети и народная культура // Фольклор Иркутской области, вып. 1, Иркутск, VI Виноградовские чтения, М., 1995, (Раздел «Воспоминания о Г. С. Виноградове») С. 45-56.

Образ Г. С. Виноградова в этнографической
беллетристике:

Георгиевская-Дружинина Е. Б., «Ить-Аяк», Л., 1929.*

Примечание: Мы не приводим здесь ряд публикаций имеющихсЯ в иркутских газетах 1970 — 1990 гг. Некоторые из них использованы при подготовке биографического очерка

* Георгиевская-Дружинина (1894-1960) (см. примечания к «Описанию архивных материалов». ч.III) — близкий друг Г. С. Виноградова. В повести «Ить-Аяк» Георгий Семенович вместе с М. К. Азадовским выведены под именами Георгия Сергеевича Малинина и Дмитрия Кирилловича Сабурова. Иллюстраторы (К. Клементьева и Ю. Великанов) сохранили точное портретное сходство обоих. Вероятно, многие эпизоды этой увлекательной повести для детей передают реальные факты экспедиций...
«— Ах, спасибо, спасибо, Дмитрий Кириллович... уж эта моя рассеянность!
— Ну что ж! Рассеянность — признак великих людей. Быть Вам великим ученым...» (С 23-24)
«Добрые они, особенно Георгий Сергеевич. Что ни скажет, вдруг улыбнется, как малый ребенок...» (С 26)

Содержание

		Коммент.
Детский народный календарь (1924)	5	489
Детская сатирическая лирика (1925)*	35	491
Народная педагогика (1926)	77	492
Детские тайные языки (1926)*	105	494
Из наблюдений над детским потешным фольклором. Сечки (1930)	131	
Детские игровые прелюдии (1927-29)*	141	495
Детский фольклор (до 1941 года). <i>Подготовка текста А. Н. Мартыновой</i>	391	
Описание архивных материалов Г. С. Виноградова		
I. Архивные материалы рукописного отдела ИРЛИ («Пушкинского Дома»).		
<i>Подготовил А. В. Грунтовский</i>	425	
II. Материалы архива РАН.		
<i>Подготовил А. В. Грунтовский</i>	428	
III. Архивные материалы РОРНБ.		
<i>Подготовил В. В. Головин</i>	430	
IV. Музей Г. С. Виноградова в городе Тулузе.		
<i>По публикации Ю. И. Баландина</i>	482	
V. Архив Г. С. Виноградова в фондах Иркутского краеведческого музея.		
<i>По публикации О. А. Акулич</i>	482	

* Отмеченные работы воспроизводятся репринтно

Комментарии.	
Составила А. Ф. Некрылова	485
Указатель литературы.	
Составила А. Ф. Некрылова	495
А. В. Грунтовский. Георгий Семенович	
Виноградов (хроника жизни)	513
Библиография научных работ Г. С. Виноградова	
Составил А. В. Грунтовский	537

редактор
А.В.Грунтовский

Г.С.Виноградов
Страна детей

ISBN 5-7452-0028-6

Лицензия серии ЛП № 063229 от 04.01.94
Подписано в печать 25.11.98. Формат 60х90^{1/8}. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 35. Тираж 1000 экз.
Зак. 7

Издательство «Анатолия», 195027, Санкт-Петербург, пр. Металлистов, д. 18/2